

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том двести восемнадцатый
Volume two hundred eighteen
Москва/Moscow
2019

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Труды Вольного экономического общества России

Том двести
восемнадцатый

Москва
2019

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

**Труды Вольного
экономического
общества
России**

Издается с 1765 года

**Scientific Works
of the Free Economic
Society of Russia**
Published since 1765

Вольное
экономическое
общество России
**Научные труды
ВЭО России**

ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

Том двести
восемнадцатый

Москва
№ 4/2019

The Free Economic
Society of Russia
**Scientific Works
of the VEO of Russia**

SCIENTIFIC
WORKS
OF THE FREE
ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA

Volume two hundred
eighteen

Moscow
No. 4/2019

УДК 33
ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

218 том Научных трудов Вольного экономического общества России – совместное издание Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов и Российской академии наук – специальный выпуск, посвященный Московскому академическому экономическому форуму (МАЭФ–2019), который состоялся 15–16 мая 2019 года.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Volume 218 of the Proceedings of the Free Economic Society (VEO) of Russia is a joint publication of the VEO of Russia, the International Union of Economists, and the Russian Academy of Sciences. Volume 218 is a special issue covering the Moscow Academic Economic Forum (MAEF–2019) held on May 15 and 16, 2019.

UDK 33
BBK 65

© Вольное экономическое общество России, 2019
© The Free economic society of Russia, 2019

ISBN 978-5-94160-204-9
ISSN 2072-2060

ТРУДЫ ВЭО РОССИИ | 218 ТОМ

Аналитические материалы

МАЭФ-2019

Содержание

- 15 Слово главного редактора
- 23 Московский академический экономический форум
- 54 Обращение МАЭФ
- Пленарное заседание МАЭФ**
- 58 А.М. Сергеев
Вступительное слово
- 62 С.Д. Бодрунов
Ответить на вызовы технологической революции: задачи, стоящие перед экономикой России XXI века
- 70 В.В. Ивантер
Потенциал экономического роста в России
- 81 И.Ю. Артемьев
Государственная политика развития и защиты конкуренции. Новые вызовы
- 86 А.Н. Шохин
Инвестиционный климат: взгляд бизнеса
- 94 А.Н. Клепач
Технологические, структурные и финансовые факторы развития российской экономики
- 107 Жан Тироль
Наше цифровое будущее
- 116 В.Б. Бетелин
Модель реализации Государственной программы вооружения – основа реализации национальных проектов
- 124 С.Ю. Глазьев
Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную Президентом России задачу рывка в экономическом развитии
- 133 Р.С. Гринберг
Контурь новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций
- 140 О.Н. Смолин
Победа над бедностью: национальные цели и реальная политика
- 152 В.И. Богоявленский,
И.В. Богоявленский
Арктика и Мировой океан: глобальные и российские тренды развития нефтегазовой отрасли
- 180 А.Г. Аганбегян
О драйверах социально-экономического роста

Пленарные конференции МАЭФ

- 212 **Новое качество экономики**
Финансовый университет
при Правительстве РФ
- 213 М.А. Абрамова
Формирование современной
концепции денег в контексте нового
качества экономики
- 219 А.В. Петриков
Экономические и социальные
проблемы современного этапа
развития агропродовольственной
системы России
- 227 О.И. Лаврушин
Современные тренды и проблемы
развития банковского сектора России
- 236 А.И. Яковлев
Может ли быть «монополия
без монополиста»?
- 243 В.В. Иванов
Гуманитарно-технологическая
революция как глобальный вызов
- 253 А.А. Белостоцкий
Регулирование межбюджетных
отношений в контексте повышения
финансово-бюджетной устойчивости
государства
- 260 С.А. Толкачев, Д.Е. Морковкин
Тренды цифровизации
обрабатывающих отраслей
промышленности Германии и России
- 273 **Глобальные трансформации мировой**
экономики: что ждет Россию?
РЭУ имени Г.В. Плеханова
- 274 В.И. Гришин
Приоритеты и барьеры развития
русской экономики
- 281 Е.В. Устюжанина
Глобальные сети создания ценности:
уроки для России
- 288 Б.А. Хейфец
Глобализация 4.0 и Россия
- 297 Калман Калотай
Особые экономические зоны
и стимулирование инвестиций:
международный опыт
- 308 А.В. Кузнецов
Европейские столицы как центры
притяжения факторов производства
из-за рубежа
- 314 М.Ю. Головнин
Вызовы для экономики России
со стороны глобальных финансовых
рынков
- 320 Луи Бреннан
Управление глобализацией
в интересах национальной экономики:
опыт Ирландии
- 328 **Социально-экономическое развитие**
России в долгосрочной перспективе:
роль государственных стратегий
и программ
РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации
- 329 Н.И. Иванова
Технологический рывок
в современной экономике
- 339 Ю.К. Князев
Народнохозяйственное
планирование – императив
для российской рыночной экономики
- 346 А.А. Широв
Возможность преодоления
сложившейся экономической инерции
за счет реализации национальных
проектов
- 352 **Экономика как объект**
междисциплинарных исследований.
Четвертый международный политэко-
номический конгресс
МГУ имени М.В. Ломоносова

- 353 А.А. Пороховский
Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации
- 361 В.Т. Рязанов
Междисциплинарный подход и развитие политической экономии
- 369 П.С. Лемещенко
Экономика XXI века: почему политэкономия и есть ли альтернатива?
- 378 Л.А. Карасева
Особенность политэкономического исследования прорыва в технологическом и производственном развитии страны
- 387 А.В. Бузгалин
Технологический и социально-экономический прогресс: взгляд сквозь призму классической политической экономии XXI века

Молодежная секция МАЭФ

- 397 Экономика России: что предложит поколение NEXT? Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)**
- 398 А.С. Кошелев
Состояние и перспективы развития энергосбережения в России
- 406 Д.Д. Цветков
Развитие системы нотариальных услуг в условиях цифровой экономики
- 412 А.Н. Шолохов
Венчурный капитал в космической отрасли: поиск релевантного опыта для России?
- 418 А.В. Юдин, Н.В. Свищева
Особенности поведения потребителей в digital-среде в условиях формирования нового «поколенческого мышления»

Научно-практические конференции МАЭФ в субъектах Российской Федерации

- 434 Т.Е. Фасенко, В.А. Иванова, Н.И. Глотова
Социально-экономические условия развития сельскохозяйственной кооперации: на примере Алтайского края
- 449 А.В. Сметанин, А.Г. Тутьгин, Л.С. Силуанова, Л.М. Сметанина
Предпринимательство в условиях Архангельского Севера: состояние, тенденция развития
- 459 Т.Б. Тесленко
Новые модели взаимодействия субъектов в условиях цифровизации
- 467 В.Ф. Каблов
Проблемы инновационного развития города Волжского
- 474 Т.В. Ускова
Ключевые факторы устойчивого развития
- 481 И.А. Астраханцева, А.С. Кутузова, Р.Г. Астраханцев
Интеллектуальные методы обработки данных при прогнозировании оборота наличных денежных средств в банкоматах коммерческих банков
- 489 Н.М. Сысоева, А.Н. Кузнецова, И.А. Дец, С.И. Виолин
Социально-экономическое развитие Иркутской области – взаимодействие с наукой
- 497 Э.И. Мантаева, В.С. Голденова, И.В. Слободчикова
Роль университета в формировании инновационной экосистемы региона
- 505 Г.А. Князева, Е.Б. Князева
Доминирование места в стратегии устойчивого развития северных (арктических) территорий

- 511 Т.И. Барашева
Отражение северной специфики
в налоговом законодательстве
Российской Федерации
- 519 М.М. Омаров, Н.Ю. Омарова,
Д.Л. Минин
Исследование максимального
туристского потенциала Новгородской
области по видам туризма на основе
бенчмаркинга ведущих российских
и зарубежных туристских городов
- 528 И.А. Маслова
Инновационное развитие региона
как элемент финансово-бюджетной
безопасности
- 537 В.А. Скворцова, А.О. Скворцов
Политика импортозамещения
в России: причины, цели, этапы,
уровни реализации
- 544 Е.Ю. Меркулова
Влияние производительности труда
на экономический рост регионов
России
- 552 В.И. Лебедева
Экономические эффекты оценки
муниципальных образований через
налоговый потенциал
- 557 В.К. Севек, А.К. Монгуш
Моделирование оптимальной структуры
транспортно-логистического кластера
Республики Тыва
- 564 П.Б. Акмаров, О.В. Абрамова,
О.П. Князева
Инвестиции в цифровую экономику
как фактор роста производительности
труда в сельском хозяйстве
- 573 Ю.И. Сизов, Л.Н. Медведева
Развитие среднего города на основе
концепта: «от умного дома к умному
городу»
- 581 В.В. Иванов
Инвестиционная активность
российских компаний: тренды
и драйверы

Организаторы МАЭФ–2019

- 592 Вольное экономическое общество
России
- 595 Российская академия наук
- 597 Международный Союз экономистов
- 602 Информация об издании

Contents

- 58 Aleksandr M. SERGEYEV
Opening speech
- 62 Sergey D. BODRUNOV
To respond to the technological
revolution: challenges that Russian
Economy faces in the XXI century
- 70 Viktor V. IVANTER
Economic growth potential in Russia
- 81 Igor Yu. ARTEMIEV
State Policy for the Development
and Protection of Competition.
New Challenges
- 86 Alexander N. SHOKHIN
Investment climate: business view
- 94 Andrey N. KLEPACH
Technological, structural and financial
factors of development of Russian
economy
- 107 Jean TIROLE
Our digital future
- 116 Vladimir B. BETELIN
The model of implementation of the
State armament program is the basis
for the implementation of national
projects
- 124 Sergey Y. GLAZYEV
A methodology for accelerated
economic growth: achieving
the economic breakthrough goal set
by the President of Russia
- 133 Ruslan S. GRINBERG
The contours of the new economic
policy in context of the global
transformations
- 140 Oleg N. SMOLIN
Victory over poverty:
national goals and real politics
- 152 Vasily I. BOGOYAVLENSKY,
Igor V. BOGOYAVLENSKY
Arctic and World Ocean: global and
Russian trends of oil and gas industry
development
- 180 Abel G. AGANBEGIAN
Drivers of socio-economic growth
- 213 Marina A. ABRAMOVA
Formation of the modern concept
of money in the context of the new
quality of the economy
- 219 Aleksander V. PETRIKOV
Economic and social problems of the
current stage of development of the
agricultural and food system of Russia
- 227 Oleg I. LAVRUSHIN
Modern trends and problems
of development of the russian banking
sector
- 236 Aleksander I. IAKOVLEV
Can there be «monopoly without
amonopolist»?
- 243 Vladimir V. IVANOV
Human and technology revolution
as a global challenge
- 253 Aleksey A. BELOSTOTSKIY
Regulation of inter-budgetary
relations in the context of improving
the financial and budgetary stability
of the stat
- 260 Sergey A. TOLKACHEV,
Dmitry E. MORKOVKIN
Digitalization trends in the
manufacturing industry in Germany
and Russia

- 274 Viktor I. GRISHIN
Priorities and barriers for development of Russian economy
- 281 Elena V. USTYUZHANINA
Global value networks: lesson for Russia
- 288 Boris A. KHEYFETS
Globalization 4.0 and Russia
- 297 Kalman Kalotay
Special economic zones and investment promotion: the international experience
- 308 Alexey V. KUZNETSOV
European capitals as magnets for production factors from abroad
- 314 Mikhail Yu. GOLOVNIN
Challenges for Russian economy from global financial markets
- 320 Louis BRENNAN
Globalization management for national benefit: lessons from Ireland
- 329 Natalya I. IVANOVA
Technological breakthrough in modern economy
- 339 Yuri K. KNYAZEV
Complex planning is imperative for Russian market economy
- 346 Alexander A. SHIROV
The capability of overcoming the current economic inertia through the realization of national projects
- 353 Anatoly A. POROKHOVSKY
Evolution of political economy subject and method at the dawn of digitalization
- 361 Victor T. RYAZANOV
The interdisciplinary approach and the development of political economy
- 369 Petr S. LEMESHCHENKO
The economy of the 21st century: why the politeconomy and is there an alternative?
- 378 Ludmila A. KARASEVA
The peculiarity of the political economy research breakthrough in technological and industrial development of the country
- 387 Aleksander V. BUZGALIN
Technological and socio-economic progress: A view through the prism of the classical political economy of the XXI century
- 398 Aleksandr S. KOSHELEV
The state and prospects of development of energy saving in Russia
- 406 Dmitry D. TSVETKOV
The evolution of a Russian public notary system in a digital economy
- 412 Alexander N. SHOLOKHOV
Venture Capital in the Space Industry: Search for Relevant Experience for Russia?
- 418 Aleksandr V. YUDIN,
Natalya V. SVISCHEVA
Features of consumer behavior in the digital environment in the formation of a new «generational thinking»
- 434 Tatiana Y. FASENKO, Valeria A. IVANOVA,
Natalya I. GLOTOVA
Socio-economic conditions for development of agricultural cooperation: on the example of the Altai territory
- 449 Albert V. SMETANIN, Andrey G. TUTYGIN,
Lyudmila S. SILUANOVA,
Lyudmila M. SMETANINA
Entrepreneurship in the conditions of the Arkhangelsk North: state, development trends
- 459 Irina B. TESLENKO
New models of interaction of subjects in the conditions of digitalization

- 467 Victor F. KABLOV
Challenges in the innovative development of Volzhsky city
- 474 Tamara V. USKOVA
Key drivers of sustainable development
- 481 Irina A. ASTRAKHANTSEVA,
Anna S. KUTUZOVA,
Roman G. ASTRAKHANTSEV
Artificial intelligence methods in commercial banks atm cash turnover forecast
- 489 Natalia M. SYSOEVA,
Anna N. Kuznetsova, Igor A. DETS,
Sergey I. VIOLIN
Social and economic development of Irkutsk region – collaboration with science
- 497 Elza I. MANTAEVA,
Victoria S. GOLDENOVA,
Inna V. SLOBODCHIKOVA
The role of the university in shaping the innovation ecosystem of the region
- 505 Galina A. KNYAZEVA,
Ekaterina B. KNIAZEVA
Domination of the place in the strategy of sustainable development of northern (arctic) territories
- 511 Tatyana I. BARASHEVA
Reflection of northern specificity in the tax legislation of the Russian Federation
- 519 Magomed M. OMAROV, Natalia Yu. OMAROVA, Dmitry L. MININ
Study of maximum tourist the potential of the novgorod region on the types of tourism on the basis of benchmarking of leading russian and foreign tourist towns
- 528 Irina A. MASLOVA
Innovative development of the region as an element of financial and budget security
- 537 Valentina A. SKVORTSOVA,
Alexey O. SKVORTSOV
Policy of import substitution in Russia: reasons, goals, stages, levels of implementation
- 544 Elena Yu. MERKULOVA
Influence of labor performance on the economic growth of the regions of Russia
- 552 Vera I. LEBEDEVA
Economic effect of assessing municipalities through tax potencial
- 557 Vyacheslav K. SEVEK,
Arzhaana K. MONGUSH
The structure modeling the transport and logistics cluster of the Republic of Tyva
- 564 Petr B. AKMAROV, Olga V. ABRAMOVA,
Olga P. KNIAZEVA
Investments into digital economy as the factor of growth of labour productivity in agriculture
- 573 Yu.I. SIZOV, Ludmila N. MEDVEDEVA
Development of the medium city based on the concept: «from a smart house to a smart city»
- 581 Viktor V. IVANOV
Russian companies' investment activity: trends and drivers
- 592 VEO of Russia
- 595 Russian Academy of Sciences
- 597 International Union of Economists
- 602 Edition Information

Слово главного редактора

Материалы МАЭФ — важнейший источник для экономических решений

БОДРУНОВ Сергей

Главный редактор Научных трудов ВЭО России, сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Уважаемые читатели!

Я рад сообщить, что этот выпуск «Трудов» целиком наполнили материалы первого международного Московского академического экономического форума, который организовали Вольное экономическое общество России, Российская академия наук и Международный Союз экономистов. Уверен, что многие коллеги, читающие этот том, были его участниками 15 и 16 мая. Работа МАЭФ стала, по общей оценке, необычайно интересной, полезной и конструктивной. Как, напомним, было подчеркнуто и в приветствии Президента России, он привлек внимание широчайших кругов ученых, государственных деятелей, представителей бизнеса и общественных организаций, поэтому Владимир Путин отметил, что рассчитывает на то, что наш Форум станет традиционным и будет способствовать повышению эффективности научных исследований в интересах России и ее граждан. Об этом договорились и мы, соорганизаторы МАЭФ, поэтому, уверен, мы соберемся в мае будущего года, и тогда у нас будет не меньше важных и острых тем для научного обсуждения.

Мы благодарны за высокую активность участников Форума в Москве и в регионах. У нас, как вам известно, работали региональные площадки — 28 в различных субъектах Федерации. Мы признательны иностранным специалистам: представители 24 стран приняли участие в Московском академическом экономическом

форуме. В его мероприятиях в общей сложности приняли участие более двух с половиной тысяч человек. Поскольку мы, экономисты, любим точные цифры, сообщу, что только на основной площадке в Российской академии наук собрались 1172 человека. В их числе: академики, члены-корреспонденты Российской академии наук – 14%, представители науки и образования – 41%, представители сектора реальной экономики – 28%, представители органов государственной власти – 8%, молодые ученые, представители молодежных организаций – 9%.

У нас было два сверхнасыщенных дня интенсивной работы по разнообразной и обширной программе: две большие Пленарные сессии на темы: «Экономика, адекватная современным вызовам: академические дискуссии», а также «Драйверы экономических, социальных и технологических трансформаций: будущее России». Естественно, все доклады в виде статей вы найдете в этом томе. Обращу внимание на некоторые из них.

Академик Виктор Ивантер детально обосновывает в своей статье возможность запустить экономический рост без необходимости первоначального увеличения инвестиций.

Руководитель Федеральной антимонопольной службы Игорь Артемьев подчеркивает проблемы с конкурентной средой в России, оценивает их риски и предлагает пути решения.

Президент РСПП Александр Шохин говорит об отсутствии четких стимулов для частных инвестиций в государственные программы и о том, какие, на взгляд крупного бизнеса, законодательные изменения были бы полезны для этого. В первую очередь, на его взгляд, это закон о фиксации «правил игры» на весь срок проекта – так называемая «стабилизационная оговорка».

Первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Олег Смолин пишет о необходимости инвестиций в человеческий капитал, главным составляющим которого является образование.

Ректор РАНХиГС Владимир Мау отмечает, кроме прочего, что экономический рост нужен нам не сам по себе, а как рост, обеспечивающий благосостояние, поскольку 80 лет, прошедшие с появления в конце 30-х годов термина ВВП показывают, что возможен экономический рост и без роста благосостояния.

Ваш покорный слуга в своем докладе оценил вызовы современного развития, на которые приходится отвечать науке для того, чтобы страна могла идти по пути, основополагающая картина которого при всех различиях в деталях сводится к следующему: приоритетом будущего развития станет стремление не к экстенсивному росту и максимизации частной выгоды, а к увеличению общественного блага, решению

социальных вопросов повышения качества жизни людей на основе высокотехнологичной и знаниеемкой экономики.

Академик Владимир Бетелин, научный руководитель Научно-исследовательского института системных исследований РАН, считает, что для рывка было бы полезно использовать некоторые экономические элементы советской системы. В частности, по его мнению, они хорошо показали себя в государственной программе вооружений, которая выстроена по старым лекалам, где определены номенклатуры, объемы товаров, объемы финансирования, сроки поставок, кроме того, действует запрет на закупку систем вооружения за рубежом.

Глубокий макроэкономический анализ состояния экономики дается в статье зампреда Внешэкономбанка Андрея Клепача, который приходит к выводу, что сейчас по расходам на здравоохранение, образование и науку мы находимся ниже параметров развитых стран. Нацпроекты кардинально не изменяют ситуацию – нужны дополнительные меры.

Академик, советник Президента РФ Сергей Глазьев считает, что объективные оценки имеющихся у нас ресурсов показывают, что мы можем дать темпы роста не менее 7%, а может быть, и 8% в год. У нас нет ограничений ни по одному из факторов производства, однако необходим переход к новому технологическому укладу, где идет бурное развитие нанотехнологий, биоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных, цифровых технологий и так далее. В среднем эти технологии растут темпами где-то от 15 до 40%, некоторые 60% в год. Этот комплекс производств нового технологического уклада находится в уже взрывной фазе роста, и он становится локомотивом экономического развития.

Научный руководитель Института экономики РАН Руслан Гринберг подчеркивает, что у России есть три потенциала, два из которых используются, а один нет. Первый – это природный, используется на все 100%, второй – интеллектуальный, а третий – пространственный, который вообще не используется. Руслан Семенович сообщает, что в Институте экономики этим много занимаются, и через некоторое время будет представлена концепция стратегии России, исходящая из того, что необходимо особенно использовать пространственный потенциал.

Заместитель директора по научной работе Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН Василий Богоявленский проанализировал состояние добычи нефти и газа.

Глубочайший анализ положения экономики России и подробный план действий, которые способны кардинально его изменить, дает в своей статье академик Абел Гезевич Аганбегян. Отсылаю всех к его статье в обязательном порядке.

Прямая трансляция пленарного заседания шла онлайн, и ее могли не только видеть, но и участвовать в ней, комментируя, задавая вопросы, участники региональных площадок. Для понимания мнения аудиторрии

по ключевым вопросам повестки в рамках пленарных сессий прошло интерактивное голосование. Из зала были переданы многочисленные записки с вопросами и комментариями. Все это позволило учесть максимальный спектр мнений в резолюции по итогам МАЭФ, которая также представлена в этом выпуске «Трудов».

Я рад подчеркнуть, что мероприятия Форума – пленарные конференции – состоялись и в ведущих экономических вузах: в Финансовом университете – на тему «Новое качество экономики». Вывод, с которым большинство участников оказалось согласно, был сделан такой: в мире происходят качественные сдвиги в системе производительных сил во всех ее сторонах. И эти качественные сдвиги могут осуществляться только при условии, если происходят соответствующие изменения и в сложившихся системах экономических отношений.

В Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова темой конференции стали глобальные трансформации мировой экономики и их влияние на Россию. Пленарная сессия состояла из двух частей: первая – будущее глобализации, и вторая часть – иностранные инвестиции и транснациональные корпорации. Также было 4 интересных секции, в частности, «Современная трансформация процессов экономической глобализации», «Экономика в эпоху цифровизации», «Осмысление места России в мировой экономике» и «Воздействие новых явлений на участие России в мирохозяйственных связях».

В Академии народного хозяйства и госслужбы прошла конференция: «Социально-экономическое развитие России в долгосрочной перспективе: роль государственных стратегий и программ». Выступили 14 докладчиков, которые представили 4 группы разработчиков планов развития нашей страны. Это объединенная группа из Института имени Гайдара и нашей Академии народного хозяйства и госслужбы, из Высшей школы экономики, группа Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, а также группы Института экономики РАН, которая представляла подразделение, которое возглавляет академик Виктор Полтерович.

В МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках форума состоялся Четвертый международный политэкономический конгресс «Экономика как объект междисциплинарных исследований». Там, в частности, рассматривались вопросы экономической политики, активной промышленной политики и стратегического планирования. Многие ученые приходят к выводу, что для государственного сектора возможен директивный план, в который должны быть сведены практически все программы государства.

В Московском авиационном институте работала молодежная секция МАЭФ «Экономика России: что предложит поколение NEXT?». Приятно отметить, что там было зарегистрировано свыше 250 бакалавров, магистров, молодых ученых, представлено более 70 докладов по самым

разным актуальным направлениям развития российской экономики, были предложены совершенно новые гипотезы.

Представляется очень важным, что на всех площадках шли довольно жаркие, интересные дискуссии, на некоторых из них удалось побывать вашему покорному слуге. Статьи спикеров, которые выступили на всех этих площадках, также вошли в этот выпуск «Трудов», что особенно важно, так как присутствовать везде было невозможно.

Не менее ценно, что мы включили в сборник обзоры научно-практических конференций – секций МАЭФ во всех 28 субъектах Федерации, где они прошли.

Уверен, что материалы Форума представляют собой квинтэссенцию передовой и во многих случаях альтернативной экономической мысли и будут полезны для всех экономистов, как ученых, так и практиков.

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Московский академический экономический форум МАЭФ-2019

Перспективы
социально-
экономического
развития и роль
науки: академический
дискурс

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

Участникам первого международного Московского академического экономического форума

В.В. ПУТИН

Президент Российской Федерации

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия первого международного Московского академического экономического форума.

Ваш форум, собравший на своих площадках ведущих ученых и экспертов, представителей органов власти, бизнеса и общественных организаций, призван обсудить широкий круг проблем, связанных с динамичным развитием экономики России, укреплением отечественного научного потенциала — для решения ключевых общенациональных задач.

С удовлетворением отмечу, что в основе ваших дискуссий лежит серьезная исследовательская, аналитическая, прогностическая работа.

Такой фундаментальный подход — сегодня в высшей степени востребован. Он позволяет объединить академическое сообщество вокруг больших и важных целей, сосредоточить его усилия на реализации наиболее перспективных программ и инициатив, способных обеспечить технологическое лидерство страны, ее равноправное участие в глобальном научном процессе.

Рассчитываю, что ваш форум станет традиционным, будет способствовать повышению эффективности научных исследований — в интересах России и ее граждан.

Желаю вам успехов.

В.И. МАТВИЕНКО

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

От имени Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и от себя лично приветствую участников и организаторов Московского академического экономического форума.

Фундаментальная наука является системообразующим институтом долгосрочного развития нации и одним из приоритетов государственной политики в нашей стране.

В связи с этим ведущие ученые-экономисты и эксперты-практики России и мира, представители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, отечественных и зарубежных общественных организаций собрались для определения ключевых траекторий развития экономической теории и практики и формирования новых направлений исследований, которые позволят экономической науке отвечать на современные вызовы, стоящие перед ней, государством и обществом.

Особенно важно то, что программа форума включает проведение научно-практических конференций в различных субъектах Российской Федерации.

Такой масштаб мероприятия, несомненно, позволит максимально эффективно представить взгляд российских экономистов на перспективы развития отечественной экономической науки и позиционирование России в международном экономическом сообществе.

Уверена, что актуальная проблематика и высокий представительский уровень обеспечат Московскому академическому экономическому форуму широкий международный резонанс и станут залогом продолжения научной экспертной дискуссии в будущем.

Желаю плодотворной работы и достижения поставленных целей.

А. А. ПАНКИН

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

Сердечно приветствую участников и организаторов первого международного Московского академического экономического форума.

Рассматриваем Форум в качестве высокопрофессиональной площадки для выработки оптимальных моделей экономического устойчивого развития. Рассчитываем, что развитие академической науки, международного научного сотрудничества, как это предусмотрено Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, позволят заложить основу модернизации и инновационного развития экономики России, повышения ее конкурентоспособности.

В эпоху глобальных изменений и непростой внешнеполитической обстановки вклад науки в решение стоящих перед нашей страной социально-экономических задач, создание условий для продвижения и защиты российских национальных интересов неоценим.

Сегодня, как никогда, востребованы инициатива и творческий подход, самоотдача и уверенность в успехе.

Убеждены, что дискуссии пройдут в конструктивном ключе, будут способствовать выработке научно-обоснованных предложений в целях эффективной модернизации и инновационного развития экономики России.

Желаю вам плодотворной работы, установления взаимопользных контактов и всего самого доброго.

В.А. САДОВНИЧИЙ

Ректор Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, академик РАН

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич!

Глубокоуважаемые организаторы, гости и участники Форума!

Позвольте мне обратиться к вам со словами приветствия от имени Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Организация и проведение первого международного Московского академического экономического форума на тему «Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс» является значимым событием для дальнейшего экономического развития России.

Московский академический экономический форум – это уникальная научная интеллектуальная площадка, где все участники смогут получить бесценный обмен профессиональным опытом, разработать новые проекты и программы, которые позволят найти верные пути решений в насущных вопросах. Я уверен, что эта встреча будет способствовать формированию правильного вектора развития политики страны в экономической сфере.

Принципиально важно отметить, что Форум собирает для совместной интеллектуальной работы представителей не только академической науки, но и представителей государственной власти, СМИ, общественных организаций.

Желаю организаторам, гостям и участникам Форума успешной и плодотворной работы, интересных встреч, укрепления деловых контактов и партнерских отношений, взаимовыгодного сотрудничества и успехов во всех начинаниях!

В.А. ФАДЕЕВ

Секретарь Общественной палаты Российской Федерации

От лица Общественной палаты Российской Федерации приветствую участников первого Московского академического экономического форума, организованного, к тому же, на 28 региональных площадках. Тема форума 2019 года: «Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс» – актуальная и давно назревшая.

Желаю участникам плодотворной работы на площадках форума: объединения усилий по развитию политэкономической мысли и учета новых явлений и феноменов, их оценки в свете современного академического дискурса, имеющего прочные теоретические основания.

Считаю подобные публичные площадки крайне важными для сближения позиций участников, методического и методологического обмена, формирования общественно востребованных заданий на теоретические разработки, ставящих перед научной мыслью вопросы, продвигающие нас по пути прорывного общественно-экономического развития.

Ожидаю внимания к форуму со стороны представителей органов власти, институтов развития, значимых субъектов экономической деятельности, равно как и разворачивания на его площадках острых и принципиальных дискуссий о сути сегодняшней ситуации, путях и методах экономического развития, имеющих критическую важность для результативного российского прорыва.

С.Е. НАРЫШКИН

Председатель Российского исторического общества

Приветствую организаторов, участников и гостей первого Московского академического экономического форума.

Идея индивидуального выбора, положенная в основу экономической теории, позволяет ей на протяжении многих лет оставаться универсальным языком описания социальной действительности. Совершенствуя свои методы, экономическая наука нередко опирается на достижения смежных дисциплин, особое место среди которых занимает история. Ретроспективные исследования, посвященные макроэкономическим закономерностям, приносят в последние годы богатые плоды.

Мир меняется, и многие вызовы, с которыми сталкиваются сегодня государство и общество, требуют серьезного и авторитетного ответа ученых. Надеюсь, что Московский академический экономический форум позволит не только обсудить текущее состояние самой дисциплины, но и предложить новые практические шаги во благо нашей страны.

Желаю форуму продуктивной работы, а его участникам – новых идей, успехов и всего самого доброго.

М.В. ШМАКОВ

Председатель Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России»

Уважаемые участники Московского академического экономического форума! Уважаемые коллеги!

Сегодня очевидно, что мир меняется гораздо быстрее, чем люди могли себе представить еще недавно. Достижения человечества привели не только к ускорению технологического развития, но и к ускорению изменений в самом обществе.

Возникают новые формы трудовых отношений и организации труда, требующие переосмысления роли и оценки справедливого вознаграждения основных экономических контрагентов. Технологическое развитие приводит к все более быстрому появлению новых профессий, вытеснению существующих профессий новыми способами автоматизации.

Успешная конкуренция требует серьезных вложений в развитие как технологий, так и организационной культуры, позволяющей снижать транзакционные издержки и все более эффективно преодолевать границы между покупателем и продавцом.

Другими словами, перед человечеством в целом и перед научным сообществом в частности возникают новые вызовы, на которые мы должны быть готовы ответить.

Одной из задач форума является формирование парадигмы, закладывающей научный фундамент долгосрочного экономического развития России. Постнеклассическая научная философия, сформировавшаяся в последней трети XX века, ясно указывает направление формирования такой парадигмы: ее основной ценностью должен стать человек, а основным механизмом достижения целей общества – социальный диалог.

В современном мире по-настоящему успешными становятся только те решения, которые продиктованы интересами людей, их нужд и потребностей, учитывают их мнение, позитивно отражаются на их семьях и в которых люди активно участвуют.

Навыки, способности, профессиональные и личные качества каждого человека – те категории, которые долго оставались за границами экономической науки как сложноизмеримые и недоступные для осмысления, все очевиднее выходят на первый план новой системы общественных ценностей.

Без постоянного наращивания человеческого капитала, непрерывного развития личности, без формирования устойчивого платежеспособного спроса со стороны населения невозможно представить себе независимость и экономическое развитие в современном мире.

Хочу пожелать участникам форума успешной, эффективной и плодотворной работы!

С.Н. КАТЫРИН

Президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

От имени Торгово-промышленной палаты Российской Федерации приветствую организаторов, участников и гостей первого международного Московского академического экономического форума.

Решение важных, сложных и интереснейших с точки зрения академической науки задач социально-экономического развития, которые ставит перед собой Форум, высокий уровень его организаторов и участников – залог успешного проведения Форума и дальнейшего его становления как ведущего в России мероприятия, направленного на развитие экономической теории и практики.

Уверен, что итоги Форума станут весомым вкладом в развитие экономической науки.

Желаю участникам плодотворной работы и успехов в реализации намеченных планов.

А.Н. ШОХИН

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей

От имени Российского союза промышленников и предпринимателей приветствую участников и гостей первого международного Московского академического экономического форума «Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс».

Цель, поставленная перед участниками Форума, – определение новых направлений развития экономической теории и практики в современных условиях как научного фундамента долгосрочного экономического развития России является крайне актуальной. Вызовы, с которыми сталкиваются экономика и бизнес, амбициозные цели экономического и социального развития страны требуют новых решений, в том числе и со стороны экономической науки. Реализации этих задач, без сомнения, способствует заключенное в прошлом году Соглашение о сотрудничестве между РСПП и ВЭО России.

Высокий уровень заявленных участников дискуссии, программа мероприятий Форума позволят всесторонне обсудить запланированные организаторами Форума вопросы и сформировать основные направления дальнейшего развития отечественной экономической мысли.

А.С. КАЛИНИН

Президент «Опоры России»

Приветствую участников и организаторов Московского академического экономического форума.

Ваш форум является одним из самых представительных общественных мероприятий, проводимых представителями фундаментальной науки в России, и пользуется заслуженной известностью и уважением. МАЭФ рассматривается научным сообществом России как авторитетная дискуссионная площадка для обмена мнениями по самым актуальным вопросам.

Кроме того, это научная интеллектуальная площадка, предназначенная, как для формирования парадигмы современной экономической науки, так и для формирования парадигмы, закладывающей научный фундамент долгосрочного экономического развития России.

Желаю участникам плодотворной работы, достижения целей, поставленных на форуме, полезных встреч и успешного осуществления задуманных проектов, здоровья и благополучия!

Московский академический экономический форум «Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс»

Московский академический экономический форум (МАЭФ) – международная научная интеллектуальная площадка, предназначенная как для формирования парадигмы современной экономической науки, так и для формирования парадигмы, закладывающей фундамент долгосрочного экономического развития России.

Организаторы МАЭФ – Вольное экономическое общество России, Российская академия наук, Международный Союз экономистов.

Цель Форума – организация международной научной экспертной дискуссии по определению ключевых траекторий развития экономической теории и практики.

Сопредседатели МАЭФ

Сергеев Александр Михайлович, президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор.

Первый международный Московский академический экономический форум на тему «*Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс*» вел работу 15–16 мая 2019 года и объединил на своих площадках ведущих ученых и экспертов России и мира, молодых исследователей, представителей федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, администраций субъектов РФ, представителей образовательного сообщества России, деловых кругов, международных и российских общественных организаций.

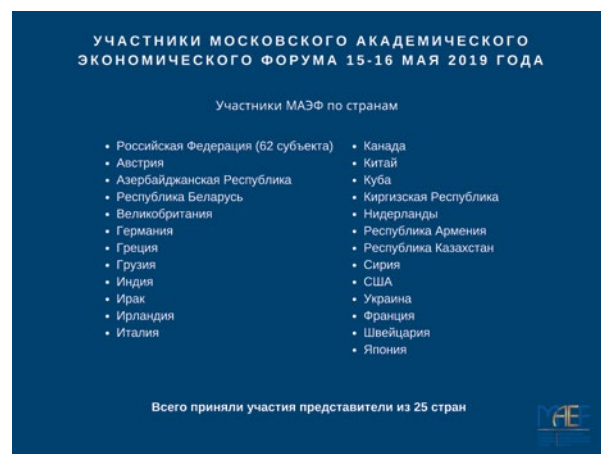
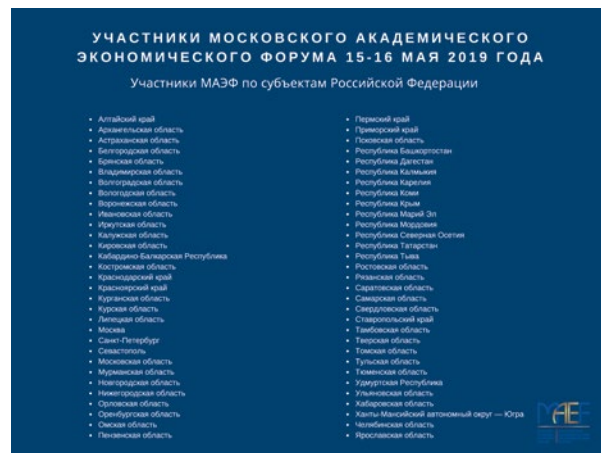
В мероприятиях МАЭФ-2019 приняли участие более двух с половиной тысяч человек из 62 регионов России, а также иностранные специалисты из 25 стран Европы, Азии, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки, в числе которых лауреат Нобелевской премии по экономике 2014 года.

Архитектура Форума включала пленарные сессии МАЭФ в Большом зале Российской академии наук, пленарные конференции в Финансовом университете при Правительстве РФ, Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова, РАНХиГС при Президенте РФ, МГУ имени М.В. Ломоносова, молодежную секцию на площадке Московского авиационного института, а также региональные и межрегиональные научно-практические конференции и сессии, которые работали на 28 региональных площадках МАЭФ в различных субъектах Российской Федерации.

Участники МАЭФ поддержали предложение Президента России о ежегодном проведении Московского академического экономического форума, а также считают важной реализацию задачи Форума как международной научной интеллектуальной площадки, предназначенной для формирования парадигмы современной экономической науки, закладывающей научный фундамент долгосрочного социально-экономического развития России.

Работу МАЭФ широко освещали федеральные и региональные СМИ. По данным мониторинга активности СМИ, выпущено около 340 публикаций (телевизионные, печатные, электронные ресурсы).

Ход и результаты МАЭФ в социальных сетях обсуждали 6 млн человек.

Сопредседатели Программного комитета МАЭФ

Аганбегян Абел Гезевич,
заведующий кафедрой экономической теории
и политики РАНХиГС при Президенте РФ,
академик РАН, д.э.н., профессор.

Ивантер Виктор Викторович,
действительный член Сената ВЭО России,
научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря,
руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН,
академик РАН, д.э.н., профессор.

Председатель Международного комитета МАЭФ

Дынкин Александр Александрович,
вице-президент ВЭО России, президент ФГБНУ
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН»,
академик-секретарь Отделения глобальных проблем
и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н.,
профессор.

Председатель Координационного комитета МАЭФ

Сорокин Дмитрий Евгеньевич,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор.

Сопредседатели Организационного комитета МАЭФ

Гринберг Руслан Семенович,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор.

Иванов Владимир Викторович,
член Правления ВЭО России, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., к.техн.н.

Ратникова Маргарита Анатольевна,
вице-президент, директор ВЭО России, исполнительный директор Международного Союза экономистов.

Партнеры МАЭФ:

Генеральный информационный партнер: ТАСС
Официальный информационный партнер: Российская газета

Партнеры:

Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, Финансовый университет при Правительстве РФ, РАНХиГС при Президенте РФ, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, РЭУ имени Г.В. Плеханова, МАИ, ИМЭМО РАН, Институт экономики РАН, Российское историческое общество, Федеральный научно-исследовательский Социологический центр РАН, ИНП РАН, СПГЭУ, УРГЭУ, Информационный центр ООН в Москве, Общественное телевидение России (ОТР), газета «Поиск», еженедельник «Экономика и жизнь», журнал «Вольная экономика», ИД «Экономическая газета», телеканал Царьград.

Архитектура МАЭФ

Мероприятия первого дня работы МАЭФ

15 мая в Российской академии наук состоялось пленарное заседание МАЭФ-2019. Модераторами выступили С.Д. Бодрунов, президент ВЭО России, президент МСЭ, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор, и В.В. Ивантер, действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН.

С приветственным словом к участникам МАЭФ выступил Сергеев Александр Михайлович, президент РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

Спикеры 1-й пленарной сессии на тему:

«Экономика, адекватная современным вызовам: академические дискуссии»

Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор. Тема доклада: «Ответы на вызовы технологической революции: задачи науки и экономической практики России XXI века».

Ивантер Виктор Викторович, действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор. Тема выступления: «Перспективы экономического роста России».

Артемьев Игорь Юрьевич, руководитель Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. Тема выступления: «Государственная политика развития и защита конкуренции. Новые вызовы».

Шохин Александр Николаевич, член Президиума ВЭО России, президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», д.э.н., профессор. Тема выступления: «Деловой климат: взгляд бизнеса».

Смолин Олег Николаевич, член Президиума ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, академик Российской академии образования, доктор философских наук. Тема выступления: «Экономический прорыв и инвестиции в человека».

Мау Владимир Александрович, ректор РАНХиГС при Президенте РФ, заслуженный экономист Российской Федерации, д.э.н., профессор. Тема выступления: «Национальные проекты в контексте вызовов современной экономической политики».

Тироль Жан, лауреат Нобелевской премии по экономике, научный руководитель Института Теории университета Тулузы, президент фонда Жан-Жака Лаффона Тулузской Школы Экономики, профессор. Тема выступления: «Новые бизнес-модели в эпоху цифровизации».

Спикеры 2-й пленарной сессии на тему: «Драйверы экономических, социальных и технологических трансформаций: будущее России»

Бетелин Владимир Борисович, научный руководитель Научно-исследовательского Института системных исследований РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Тема выступления: «Модель реализации государственной программы вооружения – основа реализации национальных проектов».

Глазьев Сергей Юрьевич, вице-президент ВЭО России, советник Президента РФ, академик РАН, д.э.н., профессор. Тема выступления: «Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную Президентом России задачу рывка в экономическом развитии».

Клепач Андрей Николаевич, член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, заслуженный экономист РФ. Тема выступления: «Технологические, структурные и финансовые факторы развития российской экономики».

Гринберг Руслан Семенович, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор. Тема выступления: «Контурь новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций».

Богоявленский Василий Игоревич, член Правления ВЭО России, заместитель директора по научной работе Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, д.т. н. Тема выступления: «Арктика и Мировой океан: глобальные и российские тренды развития нефтегазовой отрасли».

С заключительным словом выступил **Аганбегян Абел Гезевич**, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д.э.н., профессор.

На пленарном заседании МАЭФ, а также на региональных площадках Форума был проведен интерактивный опрос. В интерактивное поле были вовлечены 2700 респондентов – участников МАЭФ (см. диаграммы).

Мероприятия второго дня работы МАЭФ

16 мая состоялись пленарные конференции МАЭФ по следующим темам:

Тема № 1: «Новое качество экономики» (Площадка: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации).

Тема № 2: «Глобальные трансформации мировой экономики: что ждет Россию?» (Площадка: РЭУ имени Г.В. Плеханова).

Тема № 3: «Социально-экономическое развитие России в долгосрочной перспективе: роль государственных стратегий и программ» (Площадка: РАНХиГС при Президенте РФ).

Тема № 4: Экономика как объект междисциплинарных исследований. Четвертый международный политэкономический конгресс (Площадка: МГУ имени М.В. Ломоносова).

Молодежная секция МАЭФ на тему: «Экономика России: что предложит поколение NEXT?» (Площадка: МАИ).

Научно-практические конференции и сессии МАЭФ состоялись 16 мая на 28 региональных площадках в субъектах Российской Федерации: Алтайский край, Архангельская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Ивановская область, Иркутская область, Костромская область, Краснодарский край, Курская область, Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Мурманская область, Новгородская область, Орловская область, Пензенская область, Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Тыва, Ростовская область, Рязанская область, Саратовская область, Свердловская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Удмуртская Республика.

Заключительная пленарная сессия МАЭФ

На заключительной пленарной сессии МАЭФ 16 мая в Большом зале Российской академии наук выступили модераторы пленарных конференций МАЭФ:

Сорокин Дмитрий Евгеньевич, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор.

Гришин Виктор Иванович, вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э. н., профессор.

Бузгалин Александр Владимирович, вице-президент ВЭО России, директор Института социэкономии «Московского финансово-юридического университета МФЮУ», заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н.

Голов Роман Сергеевич, член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ, д.э.н., профессор.

Аганбегян Абел Гезевич, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д.э.н., профессор.

По итогам работы МАЭФ состоялась торжественная церемония награждения молодых ученых за лучшие доклады, представленные на молодежной секции МАЭФ и победителей Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России».

Профессор Жан Тироль, лауреат Нобелевской премии по экономике, прочитал лекцию, посвященную вызовам, которые создают для бизнеса, государства и общества процессы экономического развития.

Обращение
МАЭФ-2019

Обращение Московского академического экономического форума

Состоявшийся по инициативе Вольного экономического общества России (ВЭО России), Российской академии наук (РАН) и Международного Союза экономистов (МСЭ) 15–16 мая 2019 года первый международный Московский академический экономический форум (МАЭФ), собравший более двух с половиной тысяч участников из 62 регионов России, а также 24 стран Европы, Азии, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки, представляющих академическое, научно-экспертное и университетское сообщества, считает необходимым донести основные позиции его участников до органов государственной власти Российской Федерации и широкой общественности.

1. Две трети участников МАЭФ согласны с тем, что в стране сложилась благоприятная ситуация для обеспечения решительного перелома сложившихся негативных тенденций и реализации задач, поставленных в майском (2018 г.) Указе Президента России. Российская экономика располагает для этого достаточным ресурсным потенциалом (научно-технологическим, квалификационным, природным и финансовым), а российская наука способна дать адекватные ответы на вызовы технологической революции.

2. Реализация имеющегося потенциала социально-экономического развития, по мнению участников МАЭФ, возможна при условии существенной корректировки сложившихся приоритетов экономической политики.

Осуществление прорывного технологического развития требует постановки этой цели в качестве приоритетной, подчинив ей все меры бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политики. Необходимо всемерно использовать накопленный опыт достижения успеха в отраслях ОПК и аграрной сфере, распространяя его на приоритетные отрасли, обеспечивающие необходимые структурные сдвиги и рост производительности труда.

3. Необходимо в полном объеме ввести в действие принятый еще в 2014 году Закон о стратегическом планировании, обеспечив тем самым системное развитие экономики, снижая неопределенность экономической политики, являющейся, по оценке предпринимательского сообщества, тормозом инвестиционной активности.

Одновременно необходимы решительные действия, направленные на преодоление монополизации рынков, создание условий для развития предпринимательской конкуренции, в т.ч. через ликвидацию неоправданного огосударствления экономики, развитие финансовых рынков и инструментов в направлении поддержки реального сектора экономики.

4. Необходим пересмотр политики роста реально располагаемых денежных доходов населения; сценарии их восстановления до уровня 2013 г. лишь к 2023 г. несовместимы с задачами двукратного сокращения бедности и технологического прорыва. Сдерживание роста реально располагаемых денежных доходов населения неизбежно сужает внутренний рынок и тем самым дестимулирует инвестиционную активность предпринимателей.

5. Осуществление технологического прорыва невозможно без создания организационно-экономических условий для развития фундаментальной науки, обеспечивающей генерацию новых знаний, и сопряженных с ней сфер (образование и культура). Вместе с тем три четверти участников организованного в рамках МАЭФ интерактивного опроса считают, что сложившиеся механизмы организации, управления и финансирования науки неадекватны задачам, которые она призвана решать в интересах страны.

6. Российская экономическая наука обладает компетенциями, позволяющими предложить реальные меры по переводу российской экономики на качественно новую ступень развития. Востребованность этого потенциала во многом определит будущее страны.

Сопредседатели Московского академического экономического форума

Президент РАН
А.М. Сергеев

Президент ВЭО России, МСЭ
С.Д. Бодрунов

Пленарное заседание МАЭФ-2019

В разделе
представлены
статьи по итогам
выступлений
спикеров
Пленарного заседания
МАЭФ-2019

Вступительное слово

Opening speech

СЕРГЕЕВ Александр Михайлович

Президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Aleksandr M. SERGEYEV

President of the Russian Academy of Sciences (RAS), RAS Academician, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

Уважаемые коллеги, очень приятно видеть такую представительную аудиторию! Хотелось бы поделиться с вами мыслями о том, почему Московский академический экономический форум проводится в стенах Академии, почему мы считаем, что Российская академия наук является той площадкой, на которой этот форум, мы надеемся, будет проводиться и в дальнейшем, и поделиться соображениями о том, какие сейчас важнейшие задачи, с точки зрения Российской академии наук, необходимо решать для устойчивого социально-экономического роста страны.

В чем специфика момента, в котором мы живем? Мы хотим встать на траекторию устойчивого развития. Надеемся, что прошли те годы, когда мы планировали нашу жизнь только на год вперед, когда было сильнейшее санкционное давление. Хотя это давление и сейчас не ослабевает, но мы к нему адаптировались. Мы считаем, что то влияние, которое оказывала геополитика на наше внутреннее социально-экономическое развитие, в ближайшие годы будет ослабевать, потому что мы очевидно становимся сильнее. И ясно, что сейчас перед нами задача прогнозирования не на год или на три года вперед, а стратегического прогнозирования.

Стратегическое прогнозирование — это и шестилетка национальных проектов, это и планы развития до 2030 и 2035 года. И когда мы говорим о развитии на таких длинных трассах, таких длинных траекториях, то роль науки становится особенно важной. Мне кажется, что вообще задача акаде-

мической, фундаментальной науки – это прогнозирование, прежде всего, стратегическое. И поэтому мы, во-первых, согласились на то, чтобы собрать эту аудиторию в стенах РАН, и, во-вторых, понимаем ту роль, которую Российская академия наук должна играть в решении задач стратегического планирования.

Очень важным является то, что мы будем обсуждать не только экономическое, но и социально-экономическое развитие. Давайте вспомним прошлогоднее послание Президента России Федеральному Собранию. Первым номером там – цель обеспечения высокого качества жизни – именно качества жизни, а экономика шла дальше. Почему это важно? Да потому что нам надо понять, что народ должен чувствовать, что ситуация меняется к лучшему – это и есть качество жизни. И сейчас, когда мы смотрим на шестилетку, на национальные проекты, там тоже основное внимание уделяется именно проектам социальной направленности: на первом плане демография, здравоохранение, социальный блок. И то, что мы услышали 8 мая от президента на встрече, посвященной запуску национальных проектов, лишней раз это подчеркивает: в первую очередь народ должен почувствовать, что национальные проекты пошли в социальной области. Но мы понимаем, что две траектории – социального развития и экономического развития – не могут развиваться независимо друг от друга: мы не можем обеспечить повышение качества жизни без обеспечения экономического роста и экономический рост тоже не сможем обеспечить, если трудящиеся не почувствуют изменение к лучшему. Вот эти две траектории – социальная и экономическая – они, безусловно, взаимосвязаны.

Фактически это как двойная спираль ДНК – две траектории, и они очень тесно взаимосвязаны, и нужно, чтобы эти две траектории шли вверх. Как, каким образом это можно сделать? Совсем не очевидно и однозначно, что они вдруг как-то самосогласованно пойдут вместе вперед, здесь есть проблемы. Мы ставим задачу вхождения по экономике в пятерку ведущих стран, а, с другой стороны, говорим, что для того, чтобы достичь этого, мы должны больше привлекать трудовые ресурсы, и объявили о проведении пенсионной реформы. Эта новая пенсионная система и увеличение пенсионного возраста каким образом сработают? Это, с одной стороны, экономический, но, с другой стороны, важнейший социальный шаг. Эти решения работают на то, чтобы мы с вами шли вверх по этим двум взаимосвязанным траекториям, или в них есть противоречия? Это очень серьезный вопрос, который, наверное, можно будет обсудить, а именно – связь социальной и экономической траектории для обеспечения устойчивого стратегического развития. В этом мы как раз видим очень важную миссию этого форума.

Очень серьезная тема, которую нам предстоит обсудить – это развитие и использование нашего человеческого капитала. Если мы посмотрим примеры разных экономик, которые, как мы сейчас говорим, являются наукоориентированными, летят вперед на рельсах научно-технологического развития, там большие средства вкладываются в науку, наука дает результаты,

которые быстро идут на рынок, рынок дальше реинвестирует в экономику, работает обратная связь, и локомотив несется вперед. Если мы посмотрим, каким образом была устроена раскрутка в различных технологиях, то мы увидим, что в большинстве случаев ситуация была совсем не такая, как у нас. Давайте возьмем Сингапур, Китай — ведь они сначала стали богатыми странами в плане инвестиций, денег, а потом начали усиленно вкладывать в науку и образование, тем самым обеспечив эту обратную связь. Но у нас с инвестициями ситуация довольно сложная, на это по-прежнему влияет геополитическая ситуация: больших заимствований из-за рубежа мы ждать не можем, да и динамика внутренних инвестиций не очень располагает к оптимизму. То есть, развитие по такой схеме — сначала наполнение большим количеством инвестиционных денег, а потом вбрасывание в развитие человеческого капитала — по-видимому, у нас не получится. Наоборот, мы говорим о том, что нужно включить механизм умножения нашего человеческого капитала, чтобы он запустил экономику. Эта задача в известном смысле — противоположная тем задачам, которые решали другие экономики, на которые мы хотим быть через шесть лет похожими и с которыми хотим конкурировать.

Каким образом нам это сделать? На первый план выходит задача поддержки и развития, умножения человеческого капитала, задача правильно выстроенной системы образования. Мы должны посмотреть, а как в условиях небогатых инвестиций мы можем множить наш человеческий капитал? Что такое вообще человеческий капитал? Это количество знаний и умений, которые адекватны текущему технологическому укладу. Как мы можем обеспечить качественное образование, начиная со школы и до университетов, аспирантуры? Каким образом нам выстроить эту линию развития наших будущих ученых и инженеров, чтобы они пришли и обеспечили умножение человеческого капитала? Это важный, специфический для нашей страны на текущий момент пункт.

Наконец, в нашей стране есть еще одна важная специфика: мы обладаем громадной территорией. По-видимому, ни одна страна в мире не стояла перед такими проблемами устойчивого регионального развития, а тенденции, которые здесь мы наблюдаем, во многих случаях весьма неположительные. Мы видим отток людей из восточных областей в западные, чрезмерную концентрацию ресурсов вокруг столицы. Обеднение регионов — очень серьезный вопрос, решение которого также требует научного подхода.

Итак, специфика социально-экономического развития, этих двух переплетенных траекторий, которые вместе устойчиво должны идти вверх, — это как раз то, что мы на этом форуме должны обсудить.

Все-таки почему Российская академия наук не просто предоставляет площадку, а считает, что этот форум должен быть проведен у нас, и надеется, что и в будущем году он тоже будет проводиться здесь? Во-первых, задача стратегического развития и планирования — это, конечно, научная задача. Я начинал как физик-теоретик и занимался в том числе динамикой систем, которые могут демонстрировать регулярное поведение, а могут

демонстрировать хаотическое поведение. Так вот из современной науки известно, что даже системы с очень небольшим числом степеней свободы, – может быть, это удивительно для присутствующих, – системы с полутора степенями свободы (это три неизвестных) в условиях сильной нелинейной связи могут демонстрировать очень быстро выход в хаотический, непредсказуемый режим. Это сначала было открыто в метеорологии, потом этим много занимались и занимаются и физики, и математики. Экономические системы – это системы с огромным числом степеней свободы, эти степени свободы сильно нелинейно связаны друг с другом, и вдобавок к этому, в отличие от физики, математики, химии, может быть, даже биологии, эта эволюция идет в условиях часто непредсказуемых изменений коэффициентов и правых частей уравнений. Вот Федеральный резерв принял решение ставку изменить, а вот господин Трамп встал сегодня не с той ноги – и это все сказывается на экономике.

Поэтому задача исследований динамики систем, сложно связанных друг с другом в условиях, меняющихся часто в зависимости от субъективных обстоятельств коэффициентов и правых частей, – это сложнейшая задача для научного моделирования. И для того, чтобы эту задачу поставить, смоделировать, для того, чтобы ее решить, чтобы найти рукава устойчивого развития, нужны знания и компетенции не только экономистов – здесь должны быть и математики, и физики, здесь должны быть и аййтишники, здесь должны быть социологи. Какая площадка, как не площадка Академии наук в плане компетенций, мультидисциплинарного взаимодействия является более адекватной для того, чтобы эти вопросы рассматривать? Поэтому мы считаем, что вполне закономерно мы этот форум пригласили сюда.

Есть еще один момент. Вы знаете, в прошлом году вышел 218-й Федеральный закон, который был внесен по инициативе президента нашей страны, об увеличении полномочий Российской академии наук. Так вот один из пунктов, который там появился, – это прогнозирование научного, научно-технического и социально-экономического развития страны. То есть руководство страны ставит именно такую задачу для Российской академии наук, и мы ее хотим выполнить.

Ну, и наконец, последний момент. Вообще академическая аудитория, академическая трибуна располагает к широким дискуссиям. Мы постарались сделать так, чтобы этот форум сегодня и в будущем привлекал как можно более широкий спектр взглядов. Мы не хотим, чтобы здесь преобладали левые, правые уклоны, либеральные, консервативные, еще какие-то. Академическая трибуна и аудитория по определению должна располагать к широкому разбросу дискуссионных мнений, но именно за счет этой широкой дискуссионности и должны вырабатываться правильные решения. И я надеюсь, теми решениями, которые мы сформулируем, мы будем способствовать тому, чтобы наша страна встала на рельсы устойчивого социально-экономического развития на стратегическую перспективу. Я желаю успехов нашему Форуму!

Ответить на вызовы технологической революции: задачи, стоящие перед экономикой России XXI века

To respond to the technological revolution: challenges that Russian Economy faces in the XXI century

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Sergey D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the Institute of the New Industrial Development named after S.Y. Vitte, Dr.Sc. Econ., Professor

Аннотация:

Автор показывает, что главным направлением развития экономики и общества становится мощная технологическая модернизация, реиндустриализация на основе прогресса знаниеинтенсивного материального производства. Для этого экономическая теория должна избавиться от миражей постиндустриализма и «рыночного фундаментализма», творчески использовать достижения не только неоклассики, но и гетеродоксальной экономической теории. Такая обновленная теория предлагает для практики рекомендации, реализация которых позволит вывести экономику России на путь опережающего развития. Средствами такого развития рыночной экономики могут и должны стать стратегическое планирование и активная промышленная политика, государственно-частное партнерство и – как механизм, обеспечивающий единство различных средств – национальная технологическая инициатива, которая могла бы сыграть роль своего рода предметного плана технологического прорыва России. Для решения этих задач необходимо существенно повысить роль академической науки, научного и образовательного сообщества в решении проблем социально-экономического развития, обеспечив продвижение по направлению к меритократическому управлению экономикой, управлению, осуществляемому носителями знаний, умному управлению умным общественным производством в умном государстве.

Abstract:

The author justifies that powerful technological modernization, re-industrialization on the basis of knowledge-intensive material production progress is becoming the main direction of economic and social development. For this, economics should get rid of the mirages of post-industrialism and “market fundamentalism”, using the achievements of not only neoclassical, but also heterodox economics creatively. Such updated theory offers recommendations for practice, implementation of which will allow Russian economy to bring itself to the path of priority development. Strategic planning and active industrial policy, public-private partnerships can and should become the ways of such market economy development. Furthermore, a national technology initiative, as a mechanism ensuring the unity of various policy measures, could play the role of substantive technological breakthrough plan for Russia. It is necessary to significantly increase the role of academic science, scientific and educational community in solving problems of socio-economic development, ensuring promotion to meritocratic economic management, management proceeded by knowledge carriers, intelligent management of intelligent social production in a smart state.

Ключевые слова:

Технологический прогресс, материальное производство, академическая наука, опережающее развитие, национальная технологическая инициатива.

Keywords:

Technological progress, material production, academic science, advanced development, national technological initiative.

Технологические трансформации начала XXI века стали основой для активного поиска экономических и социальных институтов, которые обеспечат реальный прогресс Человека и общества на основе обретающего новое качество материального производства. Этот поиск – проблема исторической важности, и это отнюдь не только прикладной вопрос. Это одновременно и вызовы для академической науки.

Поиском ответов на эти вызовы стал Московский академический экономический форум, организованный Президиумом Российской академии наук и Вольным экономическим обществом России и прошедший в Москве, в зале президиума РАН. Конференции, семинары и круглые столы Форума прошли в МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС, Финансовом университете при Правительстве РФ и других университетах Москвы и 28 регионов России.

В названии Форума не случайно было подчеркнуто, что он носит академический характер. И дело здесь не только в том, что он проходит

в стенах Российской академии наук и что президент РАН, известнейшие ученые Академии включились совместно с Вольным экономическим обществом России в его организацию. Суть дела, прежде всего, в том, что академическая, фундаментальная наука – это пространство «не только светоносное, но и плодоносное» (мы используем в данном случае образы Михаила Васильевича Ломоносова, выдающегося отечественного академического ученого, стоявшего у истоков создания и нашего Экономического общества). От глубины и точности теоретического анализа, от обоснованности и истинности научных обобщений в современном мире прямо зависит практика общественной деятельности, а в особенности – такая жизненно важная для каждого человека сфера, как экономика.

Именно такой была одна из важнейших задач Московского академического экономического форума – сформировать пространство теоретических дискуссий, нацеленных на выработку практических идей и рекомендаций, отвечающих на вызовы современности, главной особенностью которой является переход к четвертой технологической революции. Рекомендаций, адекватно реализующих интересы большинства, а не только элит, адресованных не только бизнесу и государству, но и гражданскому обществу, в том числе – его научно-образовательному подпространству. Это – объективный вызов времени.

Особую роль в выработке и продвижении таких рекомендаций играет экономическое сообщество страны, представленное Вольным экономическим обществом России. Образованная почти 255 лет тому назад, эта старейшая общественная отечественная организация и старейшее экономическое общество мира объединяет тысячи экономистов – ученых, бизнесменов, общественных и политических деятелей, молодежь. Именно это – широкий спектр профессий, позиций, подходов, включенность в теоретический поиск, образовательный процесс и одновременно в практику хозяйствования – делает ВЭО России незаменимым актором популяризации, придания общественного звучания и реализации модернизационных стратегий и практик, разрабатываемых академическими специалистами.

И роль такой синергии в нынешнем стремительно меняющемся мире все более возрастает.

Новое тысячелетие ознаменовалось возникновением глубоких и ускоряющихся изменений в технологиях, требующих обновления экономической и социальной систем, всех основных институтов общества. Становится все более очевидным: экономические лидеры будущего – лидеры технологические.

Особые задачи в этом обновляющемся мире стоят перед Россией. Президент В.В. Путин, определяя ее стратегические приоритеты, подчеркнул: мы должны не просто войти в число пяти крупнейших эконо-

мик мира, но и решить многие вопросы социального плана. Предметная задача – изменить качество нашей экономики. За счет чего? Выступая недавно на встрече с Советом законодателей России, Президент подчеркнул: «Сверхзадача – изменить структуру российской экономики». Сделать это можно, только ответив на вызовы новой промышленной революции. Президент четко обозначил приоритет, главный тренд структурной перестройки нашей экономики – занять достойное место в ряду других индустриальных держав, отметив, что это задача непростая, но абсолютно решаемая. Без мощной технологической модернизации экономики, реиндустриализации страны мы не сможем решить ни экономических, ни социальных проблем.

Направления этих изменений мы, в принципиальном плане, знаем. Академия наук, экономическое сообщество России давно и активно работают над теоретическими вопросами взаимосвязи технологического, экономического и социального развития. В научной среде по этому поводу идут широкие дискуссии. Сегодня особенно актуален и важен открытый диалог – конструктивный, необремененный давлением со стороны, политическим и финансовым лоббированием. Только такое, академическое общение помогает искать истину и формировать консенсус по ключевым вопросам.

К числу таких положений – поддерживаемых многими лидерами академического сообщества и экономической общественности – относятся тезисы, которые будут раскрыты ниже.

Первое. Сегодня, как никогда, необходимо возрождение, но на новой основе, парадигмы, утверждающей примат материального производства. Это – обращение к тому фактору, который реально изменяет облик экономики: экономические отношения и институты, «правила игры» и экономическая политика должны соответствовать вызовам технологической революции. И главное, фундаментальное здесь – изменения в содержании материального производства, обусловленные ростом его знаниеемкости.

Экономика XXI века формируется как система, в которой главным фактором производства становится знание, а не материальные ресурсы.

Роль первого – растет, вторых – снижается. Это – закономерность.

И мы должны не только зафиксировать этот тренд – тренд неуклонного роста знаниеемкости производства – но и сделать на этой основе соответствующие теоретические и практические выводы.

Второе. В академическом пространстве, в экономическом сообществе происходит уход от иллюзий постиндустриализма и «рыночного фундаментализма». Ни то, ни другое не может стать основой для качественного обновления нашей экономики.

Третье: в XXI веке побеждает тот, кто реализует теоретически выверенный курс на активное общественное регулирование рыночной экономики, стратегическое планирование, государственно-частное парт-

нерство, создание макро- и микроэкономических стимулов прогресса технологий и человеческих качеств.

Четвертое: развивая такие экономические отношения и формируя такие институты, Россия может получить ключ не только к догоняющему, но и опережающему развитию. Только на основе стратегии опережающего, а не догоняющего развития Россия сможет занять достойное место в мире в новом веке.

Однако для того, чтобы такая стратегия не стала авантюрой, необходимы системные академические исследования, опирающиеся на методологию и теорию не только неоклассики, но и гетеродоксального направления экономической теории, на исследования, носящие принципиально междисциплинарный характер. Именно на такие исследования нацелен наш Форум.

И это – вывод не только автора этих тезисов, но многих выдающихся ученых-экономистов.

Принимая доказываемый самой жизнью тезис о том, что технологическая революция объективно обуславливает тренды экономического развития – мы можем сделать следующий шаг и зафиксировать вывод о росте знаниеинтенсивности материального производства и экономики в целом.

Он обуславливает целый ряд следствий.

Первое. Императивом современности является возрастающая роль фундаментальной академической науки и сопряженных с наукой сфер (образование, культура), обеспечивающих генерацию новых знаний, а также формирование субъекта генерации знаний – человека, обладающего креативным потенциалом. Но знания мало что дадут экономике и обществу, если не будет работать механизм трансформации их в технологии, и в первую очередь – в технологии материального производства, если не будет создано и не будет постоянно прогрессировать высокотехнологичное материальное производство, служащее основой для формирования грядущего Нового индустриального общества второго поколения.

Вывод понятен: опережающее развитие в современных условиях станет возможно только в тех экономических системах, где экономические отношения и институты будут обеспечивать: а) непрерывную генерацию новых знаний, б) их ускоренную трансформацию в новые технологии (прежде всего, в материальном индустриальном производстве нового поколения) и в) использование результатов этого производства не столько для увеличения прибыли корпораций, сколько для решения социальных, гуманитарных и экологических задач общества.

Второе следствие, о котором мы не должны забыть и которое высвечивается только в случае многоаспектного, междисциплинар-

ного видения проблемы – объективная обусловленность возвышения роли научного и образовательного сообщества. Это касается не в последнюю очередь экономики, равно как и сопряженных с ней сфер. И здесь трудно переоценить роль Академии наук, университетов, соответствующих институтов гражданского общества России в исследовании и формировании идей о путях реализации стратегии опережающего развития России.

Третье следствие. Коротко я бы его сформулировал так: умному производству нужно умное государство. Модель государства – «ночного сторожа», которая на самом деле в чистом виде не работала даже в XIX веке, становится абсолютно непригодной для XXI столетия. Подчеркнем: новая роль государства состоит не только в том, что глобальные проблемы и технологии эпохи Четвертой промышленной революции заставляют его брать на себя роль представителя интересов и общества в целом, и каждого его гражданина, хотя это само по себе – немалая политико-экономическая проблема.

Не менее важно и сложно пройти между Сциллой всеобщей административной мобилизации, о необходимости которой говорят отдельные радикальные государственники, и Харибдой «рыночного фундаментализма», видящего в государстве лишь политический механизм, компенсирующий «провалы рынка». Государство может и должно оставаться актором, действующим в современной рыночной экономике – действующим, не подменяя бизнес, но создавая систему институтов, тормозящих финансиализацию и стимулирующих прогресс высоких технологий, их имплементацию в материальное производство, реализацию на этой основе социальных, гуманитарных и экологических приоритетов.

Более того, задачей государства становится диалектическое сопряжение мобилизации и либерализации: активно стимулируя производство в сферах прорыва, в остальных областях экономической жизни государство может создавать либерализованную атмосферу, обеспечивая действенное функционирование механизмов рыночного саморегулирования.

Теперь о «плодоносности» академической экономической науки, о ее практическом значении. Сформулированные выше теоретические послы и их следствия позволяют обосновать ряд конкретных рекомендаций.

Важнейшими инструментами обеспечения опережающего развития являются активная промышленная политика и стратегическое планирование. В последние годы у нас начато, на мой взгляд, движение в этом направлении, приняты соответствующие законы. Относительно недавно сделан еще один правильный шаг: сформированы Националь-

ные проекты, которые должны стать механизмом реализации стратегических приоритетов.

Но среди них нет, однако, ни одного, который бы прямо и целостно работал на решение проблемы приоритетного развития высоких технологий и реализацию всех связанных с этим задач. Да, есть те или иные аспекты этой проблемы в отдельных нацпроектах. Однако представляется, необходима концентрация ресурсов и управления. Каким образом? И здесь, что называется, идеи могут быть разные.

Роль такого инструмента, к примеру, могла бы выполнить Национальная технологическая инициатива. Этот инструмент ценен не только тем, что его главными творцами стали именно ученые (хотя это факт весьма примечательный!), но прежде всего тем, что НТИ а) определяет прорывные направления технологического развития и б) нацелена на решение задач трансформации научных достижений в технологии и – далее – в производство, причем во всем многообразии его видов. При условии ее широкого обсуждения и перманентного уточнения в рамках образовательного и научного сообщества, независимой экспертизы, НТИ могла бы сыграть роль своего рода предметного плана технологического прорыва России.

В связи с этим придание НТИ статуса, аналогичного Национальному проекту, с соответствующим финансированием и администрированием, с формированием специального органа стратегирования, планирования, финансирования и администрирования в рамках Проектного офиса Правительства могло бы стать важным шагом в решении тех задач, обсуждению которых посвящен наш Форум.

Нужен, конечно, и орган, который мог бы с меритократическим экспертным участием РАН решать задачи соединения фундаментальных и прикладных научных разработок – с одной стороны, их имплементации в производство – с другой. И делать все это не от случая к случаю, фрагментарно, распыляя силы и средства, а в рамках единой долгосрочной стратегии – стратегии опережающего развития страны.

Такая постановка задач и выбор таких способов их решения обусловлены закономерностями не только технологического, но и экономического развития. Целостная программа национального технологического развития создаст мощный конечный спрос на высокотехнологичную продукцию, который вызовет цепную реакцию расширения спроса по всем отраслям национальной экономики – на высокотехнологичное оборудование, ресурсы, специалистов, знания.

Одним из примеров, показывающих эффективность такой модели в наших российских условиях, стал целенаправленный государственный подход к решению проблемы повышения обороноспособности страны, и, в частности, реализуемый в течение ряда лет целенаправленный государственный оборонный заказ. Нам известны публичные эффекты, демонстрирующие качество новых отечественных изделий военной

техники. Но надо сказать, что это, если хотите – и заказ на высокотехнологичные рабочие места, более высокие доходы трудящихся, причем – по всей глубине индустриальной кооперации и связанным сферам экономической активности. Аналогичные заказы в сфере атомного и добывающего энергооборудования, космоса, автомобилестроения, гражданской авиации, судостроения, медтехники, дорожной инфраструктуры и т.д. позволят обеспечить реальное импортозамещение, переадресовать многие десятки миллиардов долларов, которые мы «дарили» и, в значительной мере, продолжаем «дарить» зарубежным корпорациям, влив их в отечественную индустрию, иницируя прогресс не только конкретных производств, но и целых отраслей – к примеру, станкостроения, а также в науку и образование.

Оборонная сфера – это всего лишь один, хотя и успешный, пример. Вопрос, однако, стоит шире и глубже. Это – вопрос определения многих взаимосвязанных стратегически выверенных приоритетов технологического прогресса и потребностей реальной экономики. Но кто иной, кроме ученых, работающих в диалоге с гражданским обществом, может стать «мозгом» разработки и реализации такого проекта? Отсюда – ставшая в абсолютно практическую плоскость задача возвышения роли науки, научно-технического и экономического сообщества, гражданского общества в целом в решении задач выработки и реализации стратегии технологического и экономического развития страны. Нам необходимо продвижение по направлению к меритократическому управлению экономикой, управлению, осуществляемому носителями знаний, умному управлению умным общественным производством в умном государстве.

Представляется, что при таком подходе можно полагать возможным решение стоящих перед обществом задач. При этом условием решения названных задач становится осознание факта перехода общества к принципиально новому этапу развития – этапу, законы которого, намеренно повторяю, диктуются стремительным ходом технологических трансформаций. Отвечая на эти вызовы, мы можем и должны идти по пути, основополагающая картина которого, при всех различиях в деталях, сводится к следующему: приоритетом будущего развития станет стремление не к экстенсивному росту и максимизации частной выгоды, а к увеличению общественного блага и качества жизни людей – на основе высокотехнологичной и знаниеемкой экономики.

Потенциал экономического роста в России

Economic growth potential in Russia

ИВАНТЕР Виктор Викторович

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Viktor V. IVANTER

Full Member of the Senate at the VEO of Russia, Academic Supervisor at the Institute for Economic Forecasting of RAS, Deputy Academician-Secretary, Head of Economic Section at the Division of Social Sciences of RAS, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В статье рассматривается ответ на вопрос, можно ли повысить темпы экономического роста в России. Автор представляет свой взгляд на потенциал современной российской экономики, дает оценку вклада различных факторов в экономическую динамику, предлагает меры по ускорению экономического развития нашей страны. Также в статье рассмотрены успехи и неудачи российской макроэкономической политики, приведены примеры удачных и ошибочных решений по социально-экономическому развитию России. Объяснена связь между развитием фундаментальной науки и экономическим ростом.

Abstract:

The article considers the answer to the question whether it is possible to increase the economic growth rate in Russia. The author presents his view on the potential of the modern Russian economy, assesses the contribution of various factors to the economic dynamics, offers measures to accelerate the economic development of our country. The article also discusses the successes and failures of Russian macroeconomic policies, gives examples of successful and mistaken decisions on Russian socio-economic development. The relationship between the development of fundamental science and economic growth is explained.

Ключевые слова: Темпы и факторы экономического роста, проблемы макроэкономической политики, инвестиции, наука и технологии.

Keywords: Rates and factors of economic growth, macroeconomic policy issues, investment, science and technology.

Все наши проблемы будут в основном решены, если у нас получится серьезно увеличить темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП). При этом иногда можно услышать, что валовый внутренний продукт неправильно отражает экономические результаты, и потому ориентироваться на динамику ВВП не нужно. Все это пустые разговоры, потому что валовый внутренний продукт, если отбросить подробности, – это сумма доходов в экономике.

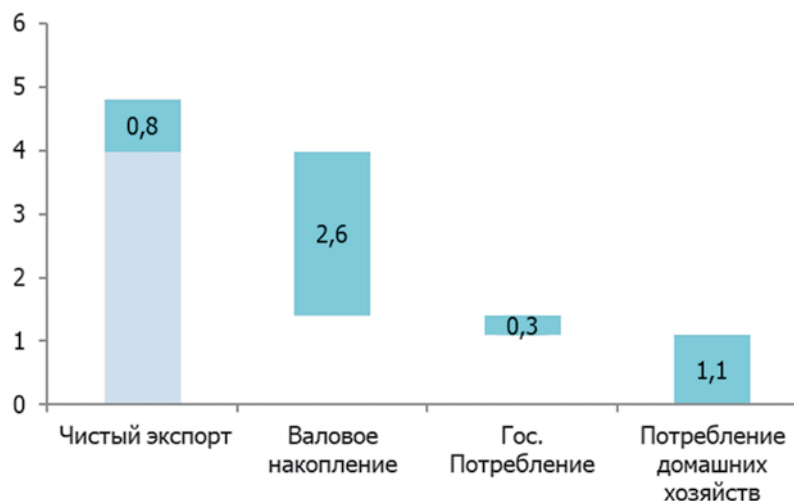
Если в стране новых доходов, связанных с ростом ВВП, не появится, то решать проблемы страны можно будет единственным способом – за счет перераспределения: у кого-то забрать, кому-то дать. Мы такой опыт имели и в советское время, и в 90-е годы. Результаты, как известно, были негативными [1–3].

Значит, России нужен полноценный экономический рост. По большому счету, обеспечить реальный рост экономики могут только инвестиции. Инвестиции, оплодотворенные современными технологиями [4, 5].

Но дело в том, что в «стоячую» экономику никакой психически здоровый человек денег не вкладывает. Зачем вкладывать, если непонятно, кто купит дополнительную продукцию. Спроса-то нет! Следовательно, ситуация такова: с одной стороны, чтобы обеспечить более высокие темпы роста, нам нужно увеличивать норму накопления в экономике до 25% ВВП, а с другой стороны, частный бизнес вкладывать в стагнирующую российскую экономику не очень готов [6]. Значит, единственный способ заключается в том, чтобы государство взяло на себя инициативу и само начало вкладывать деньги. Например, в модернизацию инфраструктуры.

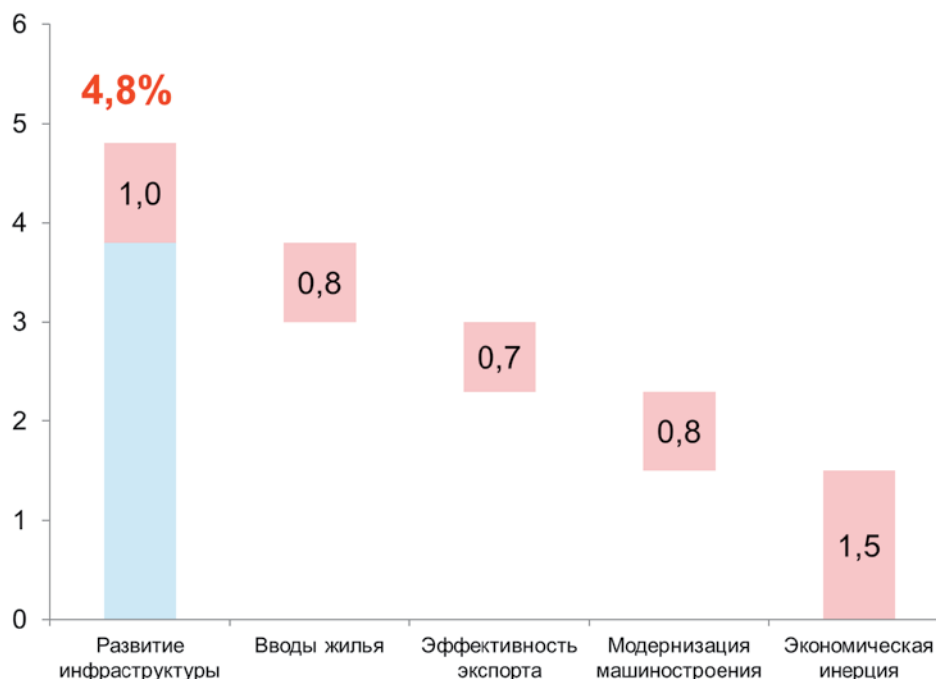
На рисунке 1 показан потенциал экономического роста в России. Этот расчет мы сделали у себя в Институте народнохозяйственного прогнозирования. В настоящее время мы оцениваем возможный годовой прирост ВВП в +4,8%. При этом прирост ВВП за счет увеличения спроса раскладывается следующим образом: прирост чистого экспорта – 0,8%, прирост валовых накоплений – 2,6%, прирост госпотребления – 0,3% и прирост потребления домашних хозяйств – 1,1%. Замечу, что ту часть приростов, которая не относится к накоплению, можно считать сегодняшним потенциалом безинвестиционного роста (рис. 1).

Рисунок 1.
Наполнение
экономичес-
кого роста
в 2019–2025 гг.

Что касается факторов предложения, то в этом случае прирост ВВП раскладывается так: вложения в инфраструктуру – 1% плюс, ввод жилья – 0,8%, увеличение эффективности экспорта – 0,7%, модернизация машиностроения – 0,8% и экономическая инерция (рост эффективности использования ресурсов) – 1,5%. Получаем те же самые 4,8% (рис. 2).

Рисунок 2.
Экономи-
ческий рост
по направлениям
в 2019–2025 гг.

Все это соответствует ориентиру, который был поставлен в послании Президента. Там было сказано, что к 2024–2025 году нам надо в полтора раза увеличить показатель ВВП в расчете на душу населения. Рас-

четы показывают, что для выполнения этой цели действительно нужны ежегодные темпы прироста ВВП по 4,5–5% [7, 8].

Теперь надо понять, а реалистично ли это? Что нужно, чтобы запустить экономический рост?

Для этого, прежде всего, нужны свободные мощности. Давайте оценим потенциал использования существующих в России производственных мощностей.

График на рисунке 3 показывает нам, что с 2008 года ввод мощностей существенно опережал рост валового внутреннего продукта. Если темп прироста ВВП в эти годы болтался вокруг нуля, то производственные мощности за это время увеличились почти на 40%.

Рисунок 3.
Динамика основных фондов и ВВП в сопоставимых ценах (2008 г.=100)

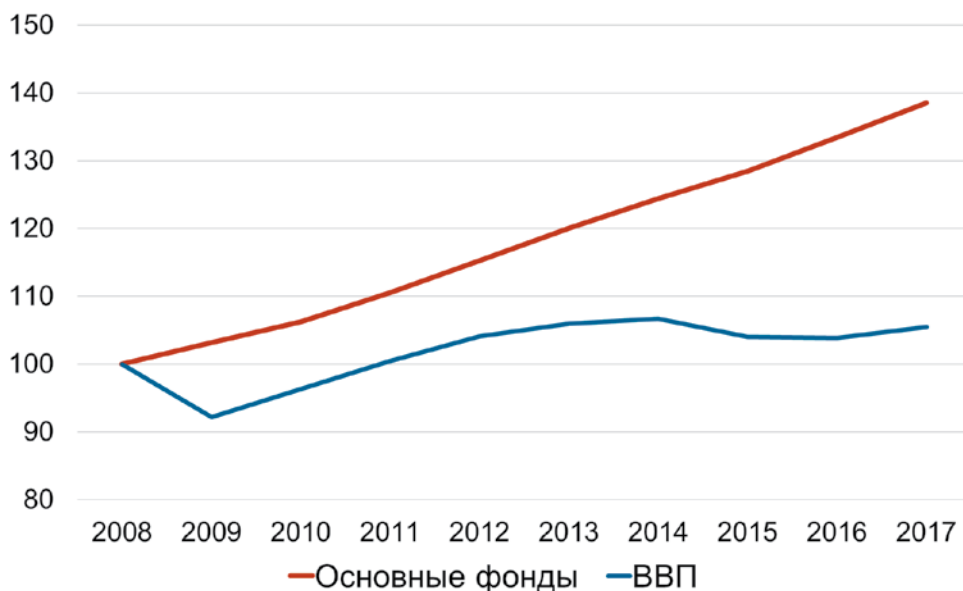
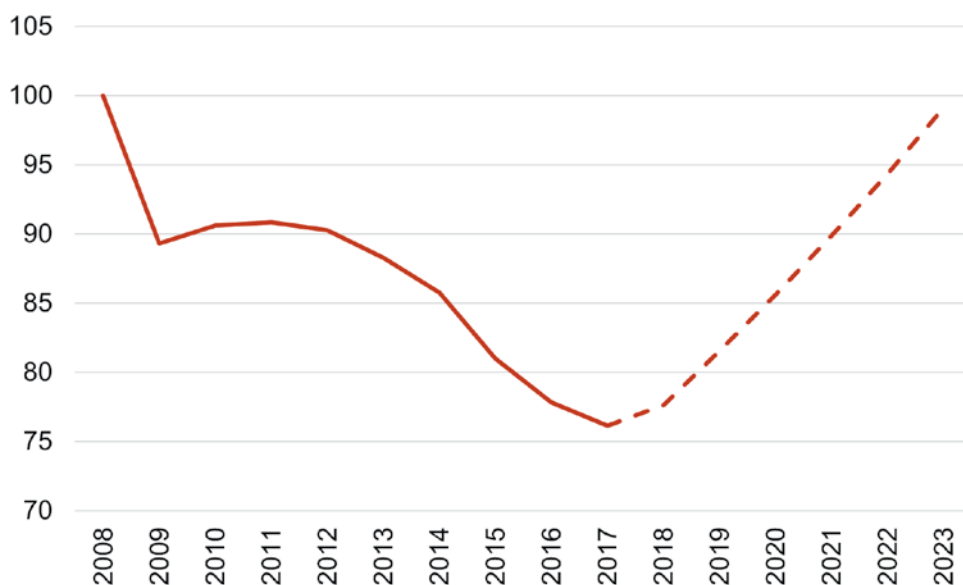

Рисунок 4.
Загрузка основных фондов (в 2008 г. загрузка равна 100%)

А на рисунке 4 показано, что из этого следует. Первое: если мы примем уровень загрузки мощностей, имевший место в 2008 году, за 100%, то в 2017 г. этот уровень составлял только 76% и к сегодняшнему дню остался практически на том же уровне. Второе: даже если мы больше не будем вводить новые мощности, а просто начнем повышать степень использования существующих, то при темпе прироста ВВП, равном 5% в год, нам запаса этих мощностей хватит вплоть до 2023 г.

Теперь надо понять, а есть ли в стране спрос на дополнительную продукцию?

Давайте для начала оценим физический спрос. На рисунке 5 показано, что в 2018 году покупки автомобилей у нас упали до миллиона семисот тысяч штук по сравнению с двумя миллионами двумястами тысячами в 2014 году. Продажи микроволновых печей сократились почти на 600 тысяч штук, продажи стиральных машин и холодильников также сильно упали. Фактически это отложенный спрос. Чтобы покрыть этот спрос, надо наращивать выпуск как минимум в течение нескольких лет. Иными словами, уже сейчас понятно, кто захочет купить новые автомобили и прочие товары длительного пользования.

Рисунок 5.
Спрос
на ключевые
товары
длительного
пользования,
тыс. шт.

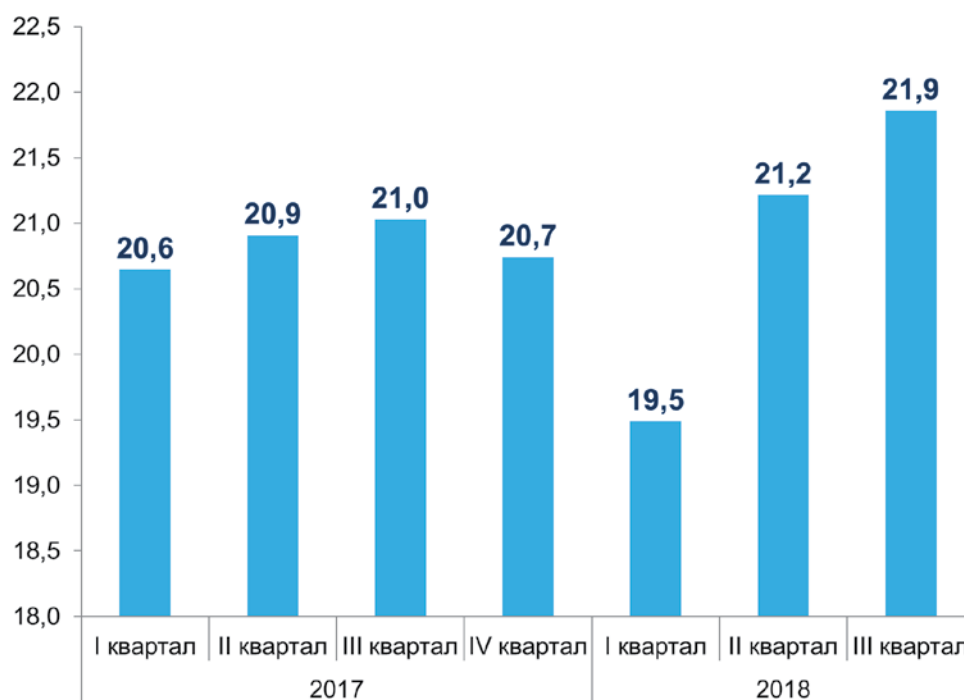

В то же время нас как экономистов интересует не физический, а платежеспособный спрос. Но платежеспособность спроса определяется наличием в стране финансовых ресурсов. И вот здесь у нас проблемы точно нет. Объем финансовой ликвидности в нашей экономике по факту

избыточен. И потенциально эту ликвидность вполне можно использовать для того, чтобы обеспечить деньгами неудовлетворенный физический спрос.

Но для запуска экономического роста нужен еще и третий фактор – труд. Без трудовых ресурсов мощности не заработают. Нередко говорят, что у нас, дескать, серьезный дефицит трудовых ресурсов. Но давайте посмотрим на ситуацию с интенсивностью труда. Доля персонала в обрабатывающих отраслях, работающего с низким уровнем интенсивности, равна примерно 20% (рис. 6). Замечу, что низкий уровень интенсивности – это такое интеллигентное выражение, а в действительности эти люди просто присутствуют на рабочем месте и ни черта не делают. Вот вам и резерв рабочей силы.

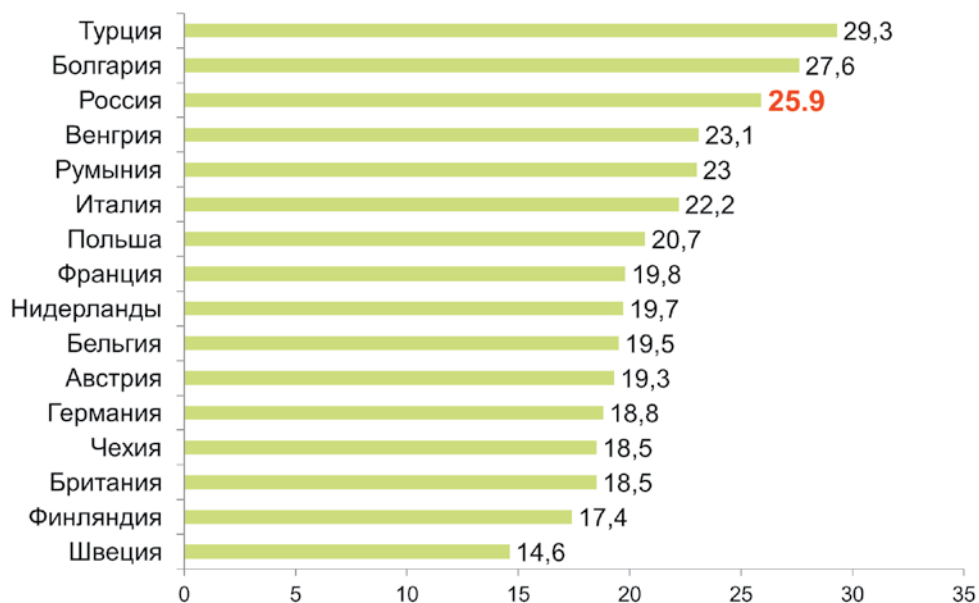
Рисунок 6.
Доля работников обрабатывающих производств, работающих с низким уровнем интенсивности, %

Еще один резерв – работники, занятые низкоквалифицированным трудом. Их можно достаточно быстро переобучить и переместить на рабочие места с гораздо более высокой производительностью. Таких работников у нас больше 25% (рис. 7). Это, правда, чуть лучше, чем в Турции и Болгарии, но все равно очень много.

Также хочу показать наши расчеты по поводу того, как повышение темпов экономического роста скажется на качестве жизни. По нашим оценкам, если мы используем имеющийся потенциал экономического роста, реальные располагаемые денежные доходы могут вырасти к 2025 году в среднем на 30%. При этом структура потребления домашних хозяйств (ПДХ) также станет более благоприятной: доля расходов

Рисунок 7.
Доля работников
занятых
низкоквалифици-
рованным трудом
(без мигрантов), %

на продовольствие снизится, а покупки автомобилей и жилья вырастут (таблица).

Таблица. Структура потребления домашних хозяйств

	2018	2020	2025	2030	2035
Реальные располагаемые денежные доходы, 2018 = 1	1.0	1.1	1.3	1.5	1.7
Расходы на продовольствие, % ПДХ (2016)	28.3	27.0	24.0	20.0	15.0
Расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия, % ПДХ (2016)	5.4	6.0	7.0	7.5	8.0
Обеспеченность жильем, кв. м на чел. (по состоянию на конец 2017 г.)	25.2	27	30	33	36
Число легковых автомобилей на тыс. чел. (2017)	305	340	370	400	430

Теперь еще один очень важный вопрос: а как запустить в действие весь этот потенциал роста?

На мой взгляд, в первую очередь надо тиражировать собственные успехи. Я готов назвать, по крайней мере, три крупнейших успеха, которые можно считать совершенно уникальными.

Первый успех был достигнут в отечественном сельскохозяйственном производстве. К настоящему времени мы превратились в крупнейших экспортеров продовольствия. Да, в нашей истории уже был период, когда аграрная продукция была важнейшей статьей российского

экспорта. Императорская Россия тоже вывозила много продовольствия. Но при этом в стране время от времени случался голод. Иными словами, в те времена сельскохозяйственный экспорт в определенном смысле обострял внутреннюю ситуацию.

А сейчас мы экспортируем именно избыточную продукцию. Доказательство этому – позиция западных стран по поставкам продовольствия. Они развлекаются санкциями и все время пытаются запретить поставки в Россию той или иной продукции. Но в части поставок продовольствия западные страны никаких санкций против нас не вводят. Хотя в советское время они использовали этот рычаг очень активно.

Второй совершенно сумасшедший успех – это полноценная реанимация нашего оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Юрий Дмитриевич Маслюков, человек, который знал проблемы «оборонки» едва ли не лучше всех в стране, в 1998 году писал, что мы большую часть ОПК потеряли и потеряли навсегда. Но сейчас выяснилось, что ничего похожего: ОПК действительно удалось реанимировать.

Бывают, конечно, и проблемы. Например, в космосе не все и не всегда летает. Но ведь в свое время и у Королева с Челомеем не все всегда летало. У них тоже случались серьезные трудности.

Это уникальное достижение важно еще и тем, что оборонно-промышленный комплекс – это именно тот сектор, который может обеспечить технологический рывок в стране. Правда, для этого надо еще удачно провести так называемую конверсию. Мы во времена позднего СССР такую попытку уже делали, но она, прямо скажем, оказалась крайне неудачной [9]. Но если сейчас мы будем решать эту задачу более разумно и эффективно, то сможем получить серьезнейший результат и, наконец, сократим технологическое отставание от передовых стран.

Третий успех, на который обязательно надо указать, – это целая группа замечательно реализованных в России мегапроектов. Например, зимняя Олимпиада-2014, при подготовке к которой совершенно выдающимся образом благоустроили город Сочи и его окрестности. Саммит АТЭС, который позволил кардинально улучшить инфраструктурную ситуацию во Владивостоке, построить там потрясающие мосты и дороги. Можно также вспомнить успешную подготовку наших городов к первенству мира по футболу, необычайно быстрое строительство очень нужного стране Керченского моста и так далее.

Теперь хочу сказать несколько слов о том, что мешает экономическому росту. А мешает ему бесконечное откладывание важных действий в экономике. Вот, например, в 2014 году, когда экономисты-академики встречались с президентом, обсуждался вопрос о проектном финансировании. Если бы у нас было масштабное проектное финансирование, оно могло бы значительно ускорить экономический рост. Президент одобрил эту идею. В рамках проектного финансирования, в частности, решается проблема отсутствия залогов под кредит, потому что залогом

здесь является сам проект. Потому что если залога нет, то банки выдают кредиты не тем, кому они нужны, а тем, у кого деньги и так есть.

Прошло пять лет. Что у нас есть? У нас есть проектные офисы, у нас есть инструкции, у нас только проектного финансирования как не было, так и нет. Иными словами, важное и нужное решение приняли, но не выполнили.

Еще один похожий пример. Как я уже сказал, инфраструктурные проекты способны обеспечить очень значимый вклад в экономический рост. Но ведь о них надо не только говорить, их надо запускать... Уже больше десяти лет ведутся разговоры о высокоскоростных железнодорожных магистралях (ВСМ). И никто до сих пор не знает, где и куда эти ВСМ у нас будут прокладывать? В Казань, в Сочи или в Питер? Или по-прежнему книга Радищева «О путешествии из Петербурга в Москву» останется у нас актуальной? Ну примите же, в конце концов, решение и начните строить.

И, наконец, еще одна принципиальная проблема – это проблема заработной платы. У нас не будет никакого экономического роста и никакого технического прогресса, если не будет роста заработной платы. Часто можно услышать разговоры о том, что будто бы есть какой-то закон о том, что заработная плата должна расти медленнее производительности труда... Хотелось бы знать, кто изобрел такой закон и как его обосновал? На самом деле это вопрос соотношений. На каких-то этапах рост зарплаты может опережать рост производительности труда, на каких-то – отставать. А в целом должно быть равновесие между зарплатой и производительностью. В этой связи хочу напомнить пример человека с малосимпатичными политическими взглядами, но очень успешного предпринимателя, Генри Форда I, который доказал, что вложения в высокую заработную плату – это эффективный способ и увеличения спроса, и повышения производительности труда.

Еще я хотел бы сказать несколько слов о проблемах во взаимоотношениях российской науки, Российской академии наук и общества. В начале 1990-х годов возник политический миф о том, что если есть деньги, то любые технологии можно купить за рубежом. И тогда зачем нам собственное высокотехнологичное производство? И если все можно прочесть в умных книгах, зачем нам своя наука? Важны только деньги.

Потом, однако, выяснилось, что купить можно не все, а только то, что вам согласны продать. При этом продают рядовую технику, а передовые технологические достижения не хотят. Высокие технологии вам готовы продавать только тогда, когда у вас есть свои серьезные достижения в этой сфере. То есть рынок технологий – это такой закрытый клуб, куда попадают только те, кто может предложить собственные результаты [10, 11]. В космосе и ядерной энергетике у нас есть свои

передовые технологии, поэтому там с нами готовы считаться. А в других сферах нас пытаются к высоким технологиям не подпускать. И чтобы их все-таки иметь, надо полноценно развивать собственную науку, собственное проектное дело и собственное высокотехнологичное производство.

И в заключение о чтении умных зарубежных книг. Мало же прочесть. Надо же понять, что там написано. А чтобы понять, что именно написано, надо этим самым заниматься. Вот еще зачем нужна сильная национальная фундаментальная наука, без которой, повторю, доступа к самым высоким технологиям мы никогда иметь не будем.

Библиографический список:

1. Яременко Ю.В. *Экономические беседы*. – М.: ЦИСН, 1999. – 344 с.
2. Яременко Ю.В. *Приоритеты структурной политики и опыт реформ*. – М.: Наука, 1999. – 414 с.
3. Сапир Ж., Некипелов А.Д., Кувалин Д.Б., Ивантер В.В. *Российская трансформация: 20 лет спустя*. – М.: Магистр, 2013. – 216 с.
4. Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Борисов В.Н. и др. *Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России // Проблемы прогнозирования*. – 2017. – № 4. – С. 3–16.
5. Борисов В.Н., Кувалин Д.Б., Почукаева О.В. *Повышение эффективности машиностроительного фактора в регионах РФ // Проблемы прогнозирования*. – 2018. – № 4. – С. 52–64.
6. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Зинченко Ю.В. *Российские предприятия в конце 2018 г.: взгляд на глобальные цели устойчивого развития и трудности с получением банковских кредитов // Проблемы прогнозирования*. – 2019. – № 3. – С. 135–148.
7. Широ́в А.А. *О настройке экономической политики на рост // Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2018. – Т. 214. – № 6. – С. 316–323.
8. Широ́в А.А. *Возможности ускорения экономического роста в среднесрочной перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2017. – Т. 204. – № 2. – С. 73–77.
9. Яременко Ю.В., Рассадин В.Н. *Бюрократическая конверсия // ЭКО*. – 1993. – № 12 (234). – С. 3–13.
10. Комков Н.И. *Научно-технологическое развитие: ограничения и возможности // Проблемы прогнозирования*. – 2017. – № 5 (164). – С. 11–21.
11. Комков Н.И. *Условия структурно-инновационной политики развития экономики России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – 2017. – Т. 8. – № 1 (29). – С. 80–87.

List of References:

1. Yaremenko Yu.V. *Ekonomicheskie besedy. [Economic conversations]. Moscow, TsISN, 1999. – 344 p. (In Russian).*
2. Yaremenko Yu.V. *Prioritety strukturnoi politiki i opyt reform. [Structural policy priorities and reform experience]. Moscow, Nauka, 1999. – 414 p. (In Russian).*

3. Sapir Zh., Nekipelov A.D., Kuvalin D.B., Ivanter V.V. Rossiiskaya transformatsiya: 20 let spustya. [Russian transformation: 20 years later]. Moscow, Magistr, 2013. – 216 p. (In Russian).
4. Belousov D.R., Blokhin A.A., Borisov V.N. i dr. Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh modernizatsii ekonomiki Rossii. [Structural and investment policy in order to modernize the Russian economy]. Problemy prognozirovaniya, 2017, № 4, pp. 3-16. (In Russian).
5. Borisov V.N., Kuvalin D.B., Pochukaeva O.V. Povyshenie effektivnosti mashinostroitel'nogo faktora v regionakh RF. [Improving the efficiency of the machine-building factor in the regions of the Russian Federation]. Problemy prognozirovaniya, 2018, № 4, pp. 52-64. (In Russian).
6. Kuvalin D.B., Moiseev A.K., Zinchenko Yu.V. Rossiiskie predpriyatiya v kontse 2018 g.: vzglyad na global'nye tseli ustoichivogo razvitiya i trudnosti s polucheniem bankovskikh kreditov. [Russian enterprises at the end of 2018: a look at the global sustainable development goals and difficulties in obtaining bank loans]. Problemy prognozirovaniya, 2019, №3, pp. 135-148. (In Russian).
7. Shirov A.A. O nastroyke ekonomicheskoi politiki na rost. [On setting economic policy for growth]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii, 2018, vol. 214, № 6, pp. 316-323. (In Russian).
8. Shirov A.A. Vozmozhnosti uskoreniya ekonomicheskogo rosta v srednesrochnoi perspektive. [Opportunities to accelerate economic growth in the medium term]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii, 2017, vol. 204, № 2, pp. 73-77. (In Russian).
9. Yaremenko Yu.V., Rassadin V.N. Byurokraticheskaya konversiya. [Bureaucratic conversion]. EKO, 1993, № 12 (234), pp. 3-13. (In Russian).
10. Komkov N.I. Nauchno-tehnologicheskoe razvitie: ogranicheniya i vozmozhnosti. [Scientific and technological development: limitations and opportunities]. Problemy prognozirovaniya, 2017, № 5 (164), pp. 11-21. (In Russian).
11. Komkov N.I. Usloviya strukturno-innovatsionnoi politiki razvitiya ekonomiki Rossii. [Conditions of structural innovation policy for the development of the Russian economy]. MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie), 2017, Vol. 8, № 1 (29), pp. 80-87. (In Russian).

Контактная информация:

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Нахимовский пр., 47, Москва, 117418

Contact information:

Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, 47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

E-mail: contact@ecfor.ru

Государственная политика развития и защиты конкуренции. Новые вызовы

State Policy for the Development and Protection of Competition. New Challenges

АРТЕМЬЕВ Игорь Юрьевич

Руководитель Федеральной антимонопольной службы (ФАС России),
кандидат биологических наук

Igor Yu. ARTEMIEV

Head of the FAS Russia, PhD in Biological Sciences

Аннотация:

Сегодня мы являемся свидетелями событий, связанных с необходимостью фундаментальных преобразований. Есть очевидные аксиомы: конкуренция всегда является основой эффективности любой экономики в разных странах. Во многих государствах прекрасно понимают, что конкуренция приводит к появлению инноваций, повышению производительности труда, увеличению предложений различных товаров для потребителей. Также она способствует снижению цен.

Abstract:

Today we are witnessing events related to the need for fundamental transformations. There are obvious axioms: competition is always the basis for the efficiency of any economy in different countries. In many states, one is well aware that competition leads to the emergence of innovations, labor productivity improvement, increase in the supply of various goods for consumers. It also entails the prices reduction.

Ключевые слова:

Конкуренция, экономика, преобразования, развитие, законодательство, вызовы, наука.

Keywords:

Competition, economy, transformation, development, legislation, challenges, science.

Сегодня мы являемся свидетелями событий, связанных с необходимостью фундаментальных преобразований. Есть очевидные аксиомы: конкуренция всегда является основой эффективности любой экономики в разных странах. Во многих государствах прекрасно понимают, что конкуренция приводит к появлению инноваций, повышению производительности труда, увеличению предложений различных товаров для потребителей. Также она способствует снижению цен.

Наша страна сегодня движется в двух противоположных направлениях. С одной стороны, наше антимонопольное законодательство — одно из самых развитых в мире. Оно признано Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) как соответствующее лучшим мировым стандартам.

Мы долго боролись за появление новой нормативной базы по развитию конкуренции и этой цели достигли: в декабре 2017 года Президент России В. Путин подписал Указ № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», утверждающий Национальный план развития конкуренции на период до 2020 года.

В развитие поручений Президента России Правительство Российской Федерации разработало и приняло 18 отраслевых «дорожных карт» развития конкуренции.

По итогам проведенного в апреле 2018 г. Государственного Совета Российской Федерации по вопросам конкуренции были даны поручения всем субъектам Российской Федерации по развитию конкуренции в регионах. И теперь наша основная задача — добиться качественного исполнения данных поручений и принятых решений.

С другой стороны, в нашей стране происходит огосударствление экономики и процветают антиконкурентные практики, в частности картели и другие незаконные соглашения. Я думаю, что если нам в течение ближайшего времени не удастся устранить или купировать эти негативные явления, то мы каждый раз будем возвращаться в точку «ноль» с точки зрения темпов экономического роста и с точки зрения качества жизни граждан.

Мало в каких странах конкуренция защищена юридически так сильно, как в нашей стране. В Конституции Российской Федерации — акте высшей юридической силы — есть две статьи, посвященные защите свободной конкуренции и запрету на ограничивающие конкуренцию действия. Но на практике внедрение проконкурентных принципов в экономику и управление происходит крайне медленно. Периодически приходится сталкиваться в жизни с такими ситуациями, когда строгость законов компенсируется их неисполнением.

Для того чтобы решить имеющиеся в экономике страны проблемы, нам необходимо еще осмыслить очень многое. Говорить о том, к каким положительным последствиям для экономики и граждан приводит развитие конкуренции, достаточно просто. Но здесь необходимо под-

нять большой и наукоемкий вопрос: как в наших реальных условиях и в сложившейся системе управления какие инструменты и в какой последовательности надо внедрять, чтобы достигнуть цели развития экономики и повышения благосостояния граждан?

Какие же вызовы сегодня существуют для нашего государства и для Федеральной антимонопольной службы в частности?

Во-первых, речь идет о проблемах, связанных с глобализацией. Фактически во многих случаях исчезли национальные границы многих товарных рынков. Сейчас антимонопольные органы должны по-другому рассчитывать географические и продуктовые границы рынков, сейчас наличие у компаний Big Data является определяющим фактором доминирующего положения, а вовсе не доля компаний на том или ином товарном рынке. К сожалению, этого пока наше законодательство не учитывает.

В связи с этим мы разработали и предложили Правительству Российской Федерации так называемый «пятый цифровой антимонопольный пакет» изменений в Закон о защите конкуренции, который поможет нам решить глобальные задачи. Очевиден переход лидерства в мировой экономике от тех, кто, по выражению Николаса Негропonte, автора статьи «Цифровой мир», занимается обработкой атомов, к тем, кто обрабатывает биты. Этот переход сегодня состоялся, и мы живем в совершенно другом мире, в мире четвертой промышленной революции, а антимонопольное законодательство и смежные с ним законы в сфере регулирования тарифов и государственных закупок пока еще это не учитывают.

Необходимо перестраивать все законодательство и все практики органов власти с учетом процессов глобализации и цифровизации. В этой ситуации особая роль должна отводиться науке, т.к. именно она должна указать, каким образом это можно сделать максимально эффективно.

Перейдем ко второму моменту. Та же цифровизация привела к совершенно фантастическим последствиям для картелизации рынков в России. Сегодня картельные соглашения заключают роботы с помощью специальных вредоносных программ. Нам дважды уже удалось доказать в Верховном суде Российской Федерации наличие цифровых картелей, когда эти программы размещаются в интернете и сами заключают горизонтальные соглашения, которые приводят к росту цен.

Сегодня такие рынки, как здравоохранение или строительство, на 90% картелизованы. По нашим оценкам ущерб для экономики от деятельности составляет до 2% ВВП. Для устранения этой проблемы мы разработали проект, который мы называем «Большой цифровой кот», призванный бороться с цифровыми картелями на торгах. Но мало выявить такие картели, нужно еще найти тех людей, кто эти программы разрабатывает, и наказать их в соответствии с требованиями отече-

ственного законодательства. Совместно с учеными мы должны разработать автоматизированную систему борьбы с картелями.

Третье. Это еще одна тема, которая касается обороны и безопасности страны. Проблема в этой области заключается в самой экономике военного дела и нашей оборонной промышленности. Действительно, так сложилось исторически, что не было времени на перестройку не всегда хороших практик советского периода к новым практикам, содержащим уже элементы конкуренции и инноваций. По поручению Президента Российской Федерации мы создали очень важные механизмы мотивационной модели в области оборонного заказа. В идеале наши оборонные предприятия могут стать чрезвычайно инвестиционно привлекательными. Они могут при достижении определенных ключевых показателей сохранять сэкономленные средства в полном своем распоряжении и расходовать в соответствии с планами для дальнейшего повышения эффективности. Но какие будут следующие шаги? И какие коррективы нужно вносить? В этом и заключается важность мнения ученых и помощь науки. Как минимум, мы должны использовать наработки Российской академии наук для целей мониторинга в сфере гособоронзаказа.

В-четвертых, я хотел бы обратить внимание на национальные проекты, в которые сегодня предполагается вложить огромные средства. Но эти усилия не принесут положительного эффекта, если в их основе не будут заложены проконкурентные модели. Поэтому все национальные проекты государства должны осуществляться на новом фундаменте, основанном на принципах честной конкуренции.

Пятое. Нам необходимо вместе с научным сообществом разработать меры, обеспечивающие полноценное участие ученых в различного рода торгах на научно-исследовательские работы. Прежде всего, речь идет о коллективах, которые должны создаваться под конкретную задачу: они должны создаваться и на равных правах, и, возможно, и на льготных условиях, как это сделано, например, для малого бизнеса, участвующего в соответствующих торгах.

Я уверен, что если мы сможем добиться внедрения нового экономического фундамента, основанного на конкуренции, то нашу страну может ожидать большое экономическое чудо, потому что государства, которые дали миру свои экономические чудеса, начинали именно с конкуренции. Если же эта модель не будет внедрена, то мы будем находиться в режиме стагнации.

В завершение я хотел бы сказать самые добрые слова в адрес Российской академии наук от себя лично и коллектива Федеральной антимонопольной службы. Наша совместная деятельность позволила выработать научно-обоснованную позицию по ключевым положениям международной конвенции по борьбе с картелями, по национальному стандарту в области антимонопольного регулирования в сфере интел-

лектуальной собственности, оценке негативного влияния крупнейших транснациональных IT-компаний на отечественный рынок и многое другое.

Впереди еще множество вызовов, на которые нам предстоит ответить.

Библиографический список:

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ), «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

List of References:

Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovanijem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ), «Sobranie zakonodatel'stva RF», 04.08.2014, № 31, st. 4398.

Инвестиционный климат: взгляд бизнеса

Investment climate: business view

ШОХИН Александр Николаевич

Член Президиума ВЭО России, президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», д.э.н., профессор

Alexander N. SHOKHIN

Doctor of Economics, Professor, Presidium Member of the VEO of Russia, President of the Russian NGO Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs

Аннотация:

Механизмы реализации национальных проектов и участия в данной работе бизнеса нуждаются в совершенствовании, в том числе в части создания более эффективных стимулов для повышения инвестиционной активности и выстраивания системы стратегического планирования в соответствии с лучшими практиками. Параллельно необходимо расширить «узкие места» делового климата, включая повышение предсказуемости уровня фискальной нагрузки, в том числе неналоговых платежей, перевод системы контроля-надзора и регуляторной деятельности на новые принципы, решение проблемы дефицита кадров и ряд других.

Abstract:

Mechanisms for the implementation of national projects and for the involvement of the business community in those need to be improved, including in terms of creating more effective incentives for increased investment activity and building a strategic planning system in accordance with best practices. At the same time, the existing bottlenecks in the business climate need to be eliminated by, among other things, making more predictable the fiscal burden, including non-tax payments, moving the control and supervision system and regulatory activities to new foundations, and addressing the problem of human resource shortage.

Ключевые слова: Национальные цели развития; стратегическое планирование; стимулы для инвестиций; фискальная нагрузка; неналоговые платежи; контрольно-надзорная деятельность; дефицит квалифицированных кадров.

Keywords: National development goals; strategic planning; investment incentives; fiscal burden; non-tax payments; control and supervisory activities; skilled staff shortage.

Год назад в «майском указе» Президента России были зафиксированы национальные цели развития Российской Федерации в экономической и социальной сфере на период до 2024 года:

- а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;
- б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет);
- в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;
- г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;
- д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно;
- е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа;
- ж) обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере;
- з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов;
- и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортноориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Если эти цели будут реализованы, а вернее, не «если», а «когда», учитывая жесткую позицию Президента РФ по данному вопросу, то, безусловно, наша экономика будет более инновационной, конкурентоспособной, основанной на цифровых технологиях, мы станем пятой экономикой мира, качество жизни граждан улучшится.

Национальные проекты, которые должны были стать базой для достижения национальных целей, на наш взгляд, пока еще не в полном объеме выполняют эту функцию.

С одной стороны, нацпроекты стали основой для бюджетного процесса и принятия целого ряда стратегических решений, но, с другой стороны, налицо низкая координация национальных проектов и других стратегических документов, недостаточно эффективное взаимодействие органов власти всех уровней при реализации нацпроектов, что ставит под угрозу выполнение в указанные жесткие сроки национальных целей развития.

Установленная законом о стратегическом планировании в Российской Федерации система уже сейчас выглядит достаточно архаичной и не учитывает последних изменений и лучших практик в государственном управлении, поэтому необходимо включать национальные проекты в законодательное регулирование и в систему стратегического планирования.

В частности, необходимо предусмотреть эффективный механизм участия бизнеса и научных организаций, при этом не только в реализации, когда роль бизнеса ограничивается инвестированием, но очень важно, чтобы деловое сообщество имело возможность в полной мере мониторить реализацию национальных проектов вместе с Правительством и экспертным сообществом и вносить необходимые корректировки.

В настоящее время формальных инструментов для внешнего контроля качества работы органов власти в части нацпроектов, на наш взгляд, недостаточно. Счетная палата под руководством Алексея Кудрина включилась активно, как и Общероссийский народный фронт, но мне кажется, что бизнес с экспертным сообществом могут здесь внести свою лепту.

Одно из узких мест – это отсутствие адекватных стимулов для частных инвестиций, хотя в соответствии с нацпроектами почти треть из совокупного финансирования в 25,7 триллионов – семь с половиной триллионов – приходится на внебюджетные источники, и, понятно, что это средства частных инвесторов. С учетом предложений бизнеса внесены изменения в закон о промышленной политике в части регулирования специнвестконтрактов, которые позволят сделать инструмент более эффективным и ориентированным на высокотехнологичные проекты.

Но есть и другой законопроект – о защите и поощрении капитальных вложений в развитие инвестиционной деятельности в Российской Федерации, – который бизнес-сообщество с осени 2018 года обсуждает с Правительством. Уже подготовлено более десятка вариантов, но, к сожалению, споры между ключевыми ведомствами – Минфином, Минэкономразвития, Минпромторгом – пока еще не завершились. Будем надеяться, что в 2019 году законопроект будет принят.

В этом законопроекте заложен очень серьезный и инновационный механизм – это универсальная стабилизационная оговорка и сохране-

ния условий ведения бизнеса на период реализации соответствующих инвестпроектов, которая касается не только масштабных и «длинных» проектов, но и более: вводит общее правило отсрочки введения норм, которые ухудшают условия ведения бизнеса, как минимум на два года.

Несмотря на фиксируемые и российским бизнесом, и международными экспертами улучшения по ряду компонентов делового климата – в частности, речь идет о подключении к электросетям, получении разрешений на строительство и ряд других – перечень главных ограничителей для развития бизнеса остается на протяжении многих лет неизменным.

График 1.
Главные ограничители для развития компаний, %, опрос компаний – членов РСПП, ноябрь 2018 – январь 2019 г.

Бизнес озабочен нехваткой кадров, избыточным давлением в рамках контрольно-надзорной деятельности, ростом расходов как в части цен и тарифов, так и фискальной нагрузки на компании.

В прошлом году у делового сообщества были основания для фиксации положительных изменений – впервые удалось за многие годы все ключевые законопроекты, меняющие фискальную или административную нагрузку на бизнес в налоговой сфере, принять в рамках весенней сессии – за полгода до начала финансового года. Нельзя и забывать о принципиальном решении о не увеличении налоговой нагрузки до 2024 года, хотя бизнес нередко сталкивается с узкой трактовкой этой стабильности органами власти – только как не введение новых налогов и не увеличение ставок по действующим.

Конечно, в рамках этого позитива компании получили рост НДС на 2 процентных пункта, но, тем не менее, мы давно настаивали на том, чтобы законы, которые вступают в силу с января следующего года

в фискально-бюджетной области, принимались как минимум в рамках весенней сессии, а не к 1 декабря. К сожалению, даже существующие мягкие ограничения ликвидированы. Теперь налоговые законопроекты должны быть приняты не за месяц, а за один день до внесения бюджета. Тем не менее, важно вернуться зафиксировать базовый принцип отсрочки введения в силу норм, ухудшающих условия ведения бизнеса, желательно на несколько лет.

График 2.
Фискальная система: ключевые итоги 2018 года, опрос компаний – членов РСПП, март 2019 г.

Среди позитивов следует отметить выведение из-под налога на имущество движимого имущества: как класс «движка» выведена из-под нового налогообложения. Но в то же время, добившись этого результата, бизнес перешел к дискуссии, что такое движимое, а что такое недвижимое имущество: здесь у бизнеса есть серьезные разногласия с субъектами Российской Федерации, которые в понятие «недвижимое имущество» хотели бы включить широкий перечень видов машин и оборудования.

Если это предложение регионов будет реализовано, то налог на модернизацию сохранится, поскольку часть машин и оборудования будет рассматриваться как недвижимое имущество с соответствующим налогообложением, а для компаний очень важна определенность, наличие стимулов для технологического обновления. При этом, с одной стороны, это частный случай, но одновременно очень характерный, в полном объеме демонстрирующий один из существенных барьеров

для бизнеса: принимая правильные решения, органы власти очень часто не доводят их до конца в части правоприменения.

Кроме повышения предсказуемости и прозрачности в части движимого имущества, бизнес часто сталкивается с тем, что новые правила администрирования, в частности, налогового администрирования, начинают применяться «задним числом», что также создает неопределенность.

Неналоговые платежи и неопределенность с ними – это тоже проблема для бизнеса. Бизнес несколько лет ведет дискуссию с Правительством РФ по поводу законодательного урегулирования всех процедур введения неналоговых платежей, установления ставок, но сейчас Правительство и Государственная Дума предлагают часть неналоговых платежей перенести в Налоговый кодекс – в частности, экологический сбор, утилизационный сбор, плату за негативное воздействие на окружающую среду, плату за пользование автомобильными дорогами, плату за пользование частотами, курортный сбор. При этом целый ряд неналоговых платежей может быть перенесен в Налоговый кодекс как государственные пошлины.

Как только они попадают в Налоговый кодекс как налоги, то, естественно, на бизнес распространяется и уголовная ответственность, и целый ряд других жестких мер администрирования, при том что бизнес в первую очередь говорил о четких и прозрачных процедурах введения, корректировки и взимания неналоговых платежей.

Конструктивное взаимодействие с профильными министерствами позволило лучше оценить риски и барьеры, в том числе в части налогового администрирования, возникающие при переносе

График 3.
Доля компаний, столкнувшихся с дефицитом специалистов, %, опрос компаний – членов РСПП, ноябрь 2018 – январь 2019 г.

отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс. Так что позиция бизнеса и власти едина – важно именно качество подготовленных предложений, даже если придется несколько затянуть сроки их подготовки.

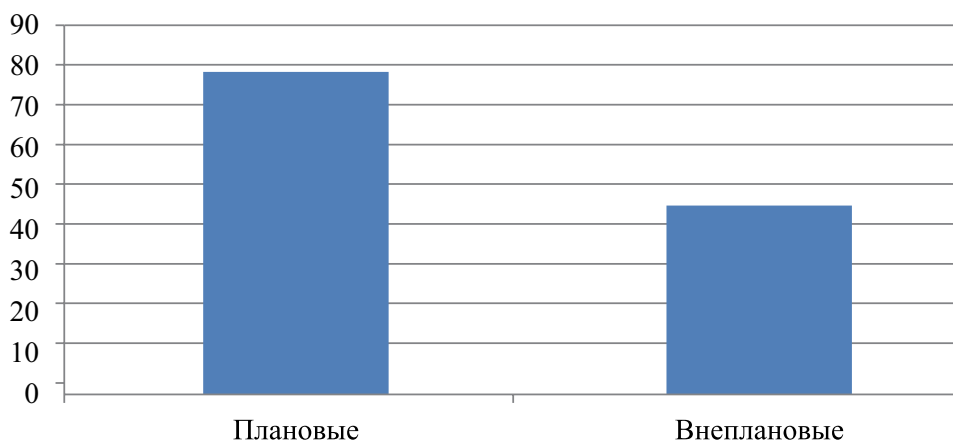
Очень важно, чтобы контуры налоговой фискальной политики в целом определялись не только по политическим циклам. Но для принятия инвестиционных долгосрочных решений нужна определенность, рассчитанная на большой срок – и на 12, и на 18 лет.

Дефицит квалифицированных кадров остается одним из ограничителей. Поэтому мы, естественно, проявляем заинтересованность в реализации таких национальных проектов, как «Образование» и «Производительность труда и поддержка занятости».

Как Общероссийское объединение работодателей мы вместе с социальными партнерами отвечаем за деятельность Национального совета по профессиональным квалификациям, и экспертное сообщество также приглашаем активно участвовать в оценке, в создании национальной системы квалификации.

Из значимых для бизнеса тем стоит назвать контрольно-надзорную деятельность.

График 4.
Доля компаний,
в которых
проходили
проверки, %, опрос компаний –
членов РСПП,
ноябрь 2018 –
январь 2019 г.

Ключевые темы для дискуссии:

- сокращение количества неактуальных и избыточных обязательных требований, прежде всего, через механизм так называемой «регуляторной гильотины»;
- обеспечение гибкости системы и механизма оперативного реагирования в части изменения требований к бизнесу в соответствии с развитием технологий, цифровых прежде всего, и цифровизация сфер надзора (контроля), и дистанционные механизмы надзора, исключаящие прямой контакт «надзирающего» и «надзираемого» – это тоже один из факторов и раскрепощения бизнеса, и сокращения коррупции;

- ликвидация дублирования функций контрольно-надзорных органов, когда по одним и тем же вопросам несколько федеральных и региональных надзоров проверяют бизнес;

- ориентация контрольно-надзорных органов на профилактику и предупреждение нарушений, а не на количество проверок, штрафов.

Есть еще важная тема – это нормализация отношений бизнеса с силовыми, правоохранительными структурами.

При этом для решения многих из названных и неназванных задач, безусловно, среди них и повышение конкурентоспособности, и развитие конкуренции, и сокращение доли государства в экономике, и так далее, нам необходима активизация совместной работы бизнеса и науки (академической науки, прежде всего).

Контактная информация:

Контактные данные / Contact information

Шохин Александр Николаевич / Aleksandr Nikolayevich Shokhin
Российский союз промышленников и предпринимателей
109240, г. Москва, Котельническая наб., д. 17

Contact information:

Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs
17 Kotel'nicheskaya naberezhnaya, Moscow, Russia, 109240
E-mail: rspp@rspp.ru

Технологические, структурные и финансовые факторы развития российской экономики

Technological, structural and financial factors of development of Russian economy

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич

Член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, заслуженный экономист РФ

Andrey N. KLEPACH

Member of board of VEO of Russia, Deputy chairman (chief economist) Development Corporation «Bank for development and foreign economic affairs (ВЭБ. РФ)», honorable economist of RF

Аннотация:

Российская экономика обладает значительным потенциалом для ускоренного развития, но его раскрытие предполагает модификацию бюджетного правила и смягчение денежно-кредитной политики, а также формирование новой инновационной социально-ответственной модели поведения бизнеса. Отказ от избыточных государственных сбережений должен сопровождаться структурным маневром в направлении развития человеческого капитала, новой транспортной инфраструктуры и науки. Параметры этого структурного маневра выходят за пределы одобренных Правительством национальных проектов. Опережающее развитие российской экономики наряду с реализацией утвержденных национальных проектов нуждается в новом пакете государственных программ и проектов, сопоставимых с параметрами развитых стран. Долгосрочная государственная политика развития может быть устойчивой только при условии роста, способствующего превращению среднего класса в доминирующий социальный слой общества и сокращению масштабов неравенства.

Abstract:

Russian economy has a significant potential for robust and sustainable pace of growth but that assumes a modification of the budget rule, monetary policy softening and a new innovative, social-oriented model of business behavior. Refusing of excessive government savings strategy

has to be accompanied by a structural maneuver of directing more funding towards investment in human capital, new transport infrastructure and science. Parameters of such structural changes go beyond the approved government National Projects. Advanced development of the Russian economy requires a new package of the government programs and National Projects, which would be directed to close the gap in key economic parameters between Russia and developed countries. The long-term development policy can be sustainable only with a type of growth that supports the transformation of the middle class into a dominating social group and helps to reduce income inequality.

Ключевые слова: Экономический рост, денежная и бюджетная политика, бюджетное правило, структурные сдвиги, неравенство, средний класс.

Keywords: Economic growth, monetary and budget police, budget rules, structural change, inequality, middle class.

Экономический рост, опережающий по темпам роста мировую экономику, и в новом политическом цикле провозглашен одной из ключевых целей Правительства на ближайшие годы. Важен не только темп роста – два процента, полтора, три с лишним, – а то, какой ценой мы этого можем достичь, и каких изменений в экономической политике это потребует, и как изменится жизнь людей в результате нового ускорения? Можем ли мы, как считают Минфин и Минэкономразвития, опираясь на те правила, которые уже сложились – бюджетное правило, таргетирование инфляции, – по мере улучшения институтов получить высокие темпы роста? Или сами правила должны претерпеть серьезные изменения?

Для ответа на эти вопросы посмотрим на социологию экономического развития, или на восприятие бизнесом и экспертами экономических изменений. В 2007–2008 годах наблюдался значительный отрицательный баланс оценок изменения конкурентоспособности. 2010 год – тоже скачок вниз до минус 41% (Центр развития ВШЭ, таблица 1). Однако в 2018 году – уже некоторые позитивные изменения, или улучшение конкурентоспособности нашей промышленности.

Обычно все изменения в институтах идут под флагом улучшения инвестиционного климата. 2008 год – минус 41%, 2010 – минус 22%. Несмотря на то, что в 2010 году российская экономика выходила из кризиса с инвестиционным климатом, стало не то чтобы лучше, но ухудшаться он стал медленнее. Однако в 2018 году опять провал – до минус 47%. При этом показатель Doing Business подскочил уже до тридцать первого места. Doing Business – это Москва, Питер, и здесь есть реаль-

Таблица 1. Изменение оценок состояния российской экономики (баланс позитивных и негативных оценок изменений за последние 4 квартала)

Показатель	2008	2010	2018
Конкурентоспособность	-22,7	-40,7	5,3
Инвестиционный климат	-40,9	-22,2	-47,4
Эффективность государственной экономической политики	-27,3	-18,5	5,3

Источник. Опросы Центра развития ВШЭ

ное улучшение ситуации с подключением к сетям, получением разрешений на строительство. Тем не менее опросы бизнеса, которые проводит, например, Центр развития Высшей школы экономики, показывает, что ситуация действительно остается достаточно неблагоприятной, и в чем-то, и не только в связи с санкциями, произошло ухудшение. А эффективность государственной политики, которая долгие годы была отрицательной, — минус 27%, минус 19%, — сейчас перешла в некоторую позитивную область. Это можно считать свидетельством, что есть надежда, ожидания бизнес-сообществом улучшения ситуации.

В то же время, если наверху есть консенсус об эффективности проводимой экономической политики, то опросы снизу бизнеса и населения свидетельствуют скорее об ожидании ее серьезного изменения. В частности, опросы «Левада-Центра» показывают, что примерно 40% населения исходит из того, что сейчас экономическая ситуация в России неблагоприятна. Причем это оценки, конечно, лучше, чем в 2015 году, но они в два раза хуже, чем было в 2006–2007 гг. В обществе формируется запрос на изменение политики. Опросы «Левада-Центра» показывают, что примерно 42% в прошлом и 57% населения в этом году выступает за масштабное и кардинальное изменение экономической политики.

Каковы могут быть контуры этих изменений? Одним из ключевых достижений макроэкономической политики последних лет считается достижение относительной независимости от колебаний нефтяных цен, точнее устойчивости к этим колебаниям, что выражается в стабильности бюджетных расходов, стабильности денежно-валютной системы. Действительно, бюджетные правила защищают планируемый уровень бюджетных расходов, хотя он опирается на заниженный уровень цены на нефть (почти на 50% ниже средней за последние 10 лет). Курс, хотя он в рамках плавающей системы колеблется сильнее, чем это было в середине 2000-х годов, тоже сейчас является относительно стабильным.

Но возникает другая сторона вопроса: а что это дало для экономического развития? Если мы посмотрим на последние два года, то в результате роста цен на нефть и на газ наша экономика получила дополни-

тельно примерно около 100 миллиардов долларов. Какой эффект эти деньги дали для развития экономики или кому они достались? Примерно 50 миллиардов за последние два года ушли в бюджет. На 25 миллиардов, скорее, возрос отток капитала. Частично он идет на обслуживание внешнего долга корпораций, но все-таки это отток капитала. По сути дела, из этого прироста дополнительных доходов в 100 миллиардов в экономику на инвестиции, на прирост потребления ушло где-то, по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, примерно 25 миллиардов, то есть одна четвертая. Это дало за два года прирост ВВП где-то на 0,5%. Если бы целиком эти 100 миллиардов ушли в российскую экономику, то рост с учетом сил трения был бы примерно на 1,5–2% выше. Повышая устойчивость финансовой системы, бюджетное правило фактически лишило российскую экономику существенной части роста и не позволило превратить рост мировых цен действительно в те технологические, структурные и социальные изменения, которые были необходимы.

Во многом благодаря избыточно жесткой бюджетной и денежной политике, хотя это и не единственная причина, российская экономика после мирового кризиса 2008–2009 годов отстает по темпам роста от мировой, консенсус-прогноз которой в среднесрочной перспективе выше 3%. Это прогноз роста мирового ВВП по паритету покупательной способности, что дает большой удельный вес динамично развивающимся Китаю, Индии. Если посчитать по номинальному курсу, будет ниже 2,9%, но все равно это выше, чем тот рост, который ожидаем в России, – примерно два с лишним процента.

Экономическая политика в 2019 году сделала шаг вперед от жесткой версии бюджетного правила, фактически подняв планку расходов выше цены отсечения в 40 долл./барр., что проявилось в запланированном росте заимствований, несмотря на профицитный бюджет. К середине 2019 года свободные остатки в Фонде национального благосостояния и других бюджетных счетах с учетом закупленной в соответствии с бюджетным правилом валюты уже превысили 7,5% ВВП (оценка Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ), что позволяет направить часть этих средств, превышающую планку в 7% ВВП, на развитие российской экономики. К концу года эти нефтегазовые накопления превысят 10% ВВП (в т.ч. свободные остатки около 9% ВВП). В экономике на стороне государства накоплен ресурс в 1,5–2% ВВП, который мог бы стать даже в рамках действующих бюджетных правил серьезным фактором преобразований и ускорения роста. Однако вопрос об использовании этого стратегического резерва остается открытым. Перечисление этих средств на счет ФНБ затягивается на 9–20 месяцев и фактически переносит вопрос на середину или конец 2020 года. Все, что напоминает сомнения Наполеона об использовании гвардии в битве под Москвой, при этом Банк России уже высказался против инвестирования ФНБ в российскую экономику, якобы из-за угрозы усиления инфляции.

Наиболее острой среднесрочной и долгосрочной проблемой российской экономики сейчас является не инфляция, а слабый экономический рост и отставание в технологическом инновационном развитии от мировых лидеров.

Позитивные изменения в восприятии бизнесом и экспертами экономической политики во многом связаны с запуском национальных проектов, хотя их восприятие в обществе и бизнесе неоднозначно. Понятно, что их эффект скажется не сразу. Достаточно ли предусмотренных в них мер для решения основных социально-экономических задач и роста с темпами, опережающими мировые? В последние годы расходы на образование, здравоохранение, науку в процентах к ВВП снижались (таблица 2). Нацпроекты это падение останавливают, даже происходит небольшой рост относительно ВВП, но мы не достигаем уровня, который был у нас в 2010–2012 годах, и тем более параметров развитых стран. Расходы на образование по линии бюджетной системы в 2018 году оцениваются в 3,53% ВВП. Нацпроект «Образование» обеспечивает их стабилизацию (3,6–3,7% ВВП), но это ниже, чем у нас было в 2010 году. Расходы на здравоохранение резко сократились относительно ВВП в 2013 и в 2017 годах. Нацпроект развития здравоохранения преодолевает тенденцию к снижению, но ожидаемый уровень даже в бюджетной части к 2023–2024 году будет уступать уровню 2010 года. В финансировании науки 10 лет наблюдается стагнация, при некотором снижении относительного уровня как частных, так и государственных расходов на НИОКР (несмотря на повышение заработной платы целевым работникам науки). Нацпроект по развитию науки увеличивает финансирование обновления экспериментальной базы академических институтов, однако общий уровень расходов на НИОКР со стороны государства продолжит относительное снижение. Умеренного повышения расходов можно ожидать только от бизнеса.

Некоторый относительный прирост достигается в части развития транспортной инфраструктуры по линии нацпроекта «Безопасные дороги» и магистрального плана развития транспортной инфраструктуры. В 2023–2024 годах удастся превысить уровень 2010–2013 годов.

Конечно, вопрос не только в размерах финансирования, но и в качестве предоставляемых услуг и эффективности проектов, однако и масштаб финансирования имеет значение для комплексного решения проблем. Наряду с нацпроектами важны и другие планы правительства и бизнеса, такие как долгосрочная программа модернизации теплоэнергетики, тарифные решения, план мер по стимулированию повышения нормы накопления. Однако управленческий властный рычаг сосредоточен именно на национальных проектах, и они в наибольшей степени влияют на конструкцию бюджетной системы. Финансовая картина расходов развития более напоминает прекращение отступления, но не переход к прорыву.

Таблица 2. Динамика основных расходов развития с учетом параметров бюджета и национальных проектов

Показатель, % ВВП	2010	2013	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Расходы на образование	4,95	4,69	4,38	4,33	4,28	4,30	4,36	4,39	4,46	4,52	4,59
в т.ч. расходы бюджетной системы	4,09	3,95	3,61	3,54	3,53	3,52	3,53	3,53	3,59	3,63	3,69
Расходы на здравоохранение	5,64	4,99	5,85	5,31	5,29	5,50	5,69	5,57	5,53	5,49	5,49
в т.ч. расходы бюджетной системы	3,69	3,17	3,63	3,06	3,19	3,36	3,51	3,40	3,39	3,39	3,40
Внутренние затраты на исследования и разработки	1,13	1,03	1,10	1,11	1,06	1,11	1,13	1,13	1,15	1,18	1,21
в т.ч. средства государства	0,80	0,69	0,75	0,75	0,75	0,67	0,64	0,60	0,58	0,57	0,54
Инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры без трубопроводного транспорта	2,05	1,89	1,66	1,66	1,64	1,73	1,87	2,06	2,04	2,07	2,07

Источник. Расчеты Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

В обществе и власти сложился консенсус в отношении приоритетности инвестиций в образование, здравоохранение, развитие транспортной инфраструктуры, но нет консенсуса, как это реализовать в сложившейся бюджетной конструкции и дороговизной кредита.

В условиях достаточно низкой загрузки мощностей и отложенного неудовлетворенного потребительского спроса есть возможность существенного безинфляционного ускорения развития. Это потребует модификации бюджетного правила, сокращения избыточных государственных сбережений и существенного смягчения денежно-кредитной политики в части снижения стоимости капитала и создания условий для формирования длинных денег.

По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ среднегодовые темпы роста российской экономики, при сложившихся макроусловиях и поведении бизнеса до 2024 года не превысят 2–2,5% в год. Пакет дополнительных мер может включать в себя:

- повышенную по сравнению с параметрами бюджета индексацию заработной платы бюджетников и пенсионеров;
- активизацию кредитования предприятий и населения (особенно ипотеки) за счет снижения цены капитала до уровня не выше 7–8%;
- докапитализацию институтов развития и финансового оздоровления проблемных предприятий ОПК;
- увеличение государственного финансирования здравоохранения, образования, науки и транспортной инфраструктуры.

Дополнительные расходы бюджетной системы (вкл. регионы, ФНБ) оцениваются в среднем около 3% ВВП в год. Мультипликативный

эффект дополнительных расходов бюджета оценивается в среднесрочной перспективе в 1,24, при этом наиболее высокий эффект дают расходы на поддержку институтов развития и бюджетное финансирование инфраструктурных проектов. Это может поднять среднегодовые темпы роста до 3–4% в год и преодолеть за три года провал 2014–2016 годов по реальным доходам населения и инвестициям.

Таблица 3. Потенциальный эффект стимулирующих мер за 2020–2024 годы

	Дополнительный прирост ВВП* %	Дополнительный млрд руб.	Дополнительные расходы бюджета млрд руб.
Всего	6,5	26 319	21 282
Дополнительная индексация зарплат бюджетников и пенсий	1,3	4255	3970
Дополнительное снижение ключевой ставки Банком России	0,5	3043	
Докапитализация институтов развития	0,6	2760	2475
Дополнительное финансирование науки	0,2	1003	979
Дополнительное финансирование образования	1,4	6497	5849
Дополнительное финансирование здравоохранения	1,1	4364	4067
Дополнительное финансирование инфраструктуры	0,8	4398	3943

* с учетом лагов, т.е. учитывается и прирост ВВП, полученный в 2025 году за счет стимулирующих мер 2024 года.

Источник. Расчеты Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Наряду со среднесрочными стимулирующими мерами необходимо сформировать новые долгосрочные правила, которые обеспечат устойчивый инклюзивный рост, обеспечивающий сбалансированное экологическое и социальное развитие.

Выделим несколько назревших изменений.

Во-первых, это пересмотр планок для так называемых целевых категорий в образовании, здравоохранении и науке, ориентируясь на соотношения, характерные для развитых стран, которые превышают те, что сейчас заложены в Указе Президента РФ и бюджете. К 2035 году отношение зарплат к средней зарплате должно подняться по сравнению с базовым сценарием (соответствующим нынешним правилам): для преподавателей – в 1,2–1,3 раза, врачей – в 1,3–1,4 раза, научных сотрудников – в 1,5–1,7 раза. Это приведет к росту относительной конкурентоспособности зарплат, что окажет позитивное влияние на кадровое обеспечение отраслей развития человеческого капитала и науки.

Во-вторых, назрел отход от неоправданной дифференциации зарплат бюджетников (как и нагрузки на одного врача и учителя) по реги-

онам, где за один и тот же труд по развитию человеческого богатства работники соседних регионов получают зарплату, различающуюся в 1,5–2 раза, в результате наличия в одном из них нефтяной вышки, или крупного банка. По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ, при повышении заработной платы целевых категорий бюджетников в регионах, где зарплата отстает от среднего уровня по стране, до среднего уровня России с учетом целевых соотношений и разницы в стоимости жизни, общее увеличение бюджетных расходов составит около 400 млрд рублей (рост на 12,5%). Это умеренная цена для выравнивания единого социального и трудового пространства России. Межрегиональная дифференциация не исчезает, но точкой отсчета становится не отдельный регион, а единый общероссийский стандарт стоимости труда и качества предоставляемых социальных услуг.

В-третьих, уточнение самих целевых категорий, включение в них научных руководителей лабораторий, которые являются научными лидерами, а не административно-управленческим персоналом, устранение неоправданного приравнивания среднего медицинского персонала к младшему, выработка правил изменения заработной платы инженерного персонала. Создание финансовых условий для увеличения численности медицинского персонала, для уменьшения межрегиональной дифференциации нагрузки врачей и повышения доступности медицинских услуг в удаленных и малонаселенных пунктах. Увеличение спроса на медицинские услуги, а во многом и численности медицинского персонала, отражает тенденцию к увеличению продолжительности жизни и доли более старых возрастов в населении страны.

В-четвертых, необходимы системные инвестиционные решения, направленные на преодоление многократного отставания от развитых стран в техническом оснащении научных, образовательных и медицинских учреждений.

В-пятых, формирование долгосрочных правил начисления пенсий, обеспечивающих не только их реальный рост (выше инфляции), но и повышение коэффициента замещения — отношения пенсий к средней заработной плате.

Это означает, что с нынешнего уровня расходов на образование в 4,3% ВВП (бюджетная система — 3,5% ВВП) необходимо подняться до 6,5% ВВП к 2030 году (бюджетная сфера — 5,4% ВВП), здравоохранения — с 5,3% ВВП (бюджетная сфера — 3,2% ВВП) до 7,5% ВВП (бюджетная сфера — 4,7% ВВП).

Перейти к инновационной высокотехнологичной экономике без существенного увеличения расходов на НИОКР, повышения статуса ученого и ученого сообщества, качественного изменения взаимоотношения науки — образования — производства невозможно.

После десятилетней стагнации расходов на НИОКР около 1,1% ВВП необходимо создать условия для их повышения до уровня развитых

стран – 2–2,5% ВВП, включая стабилизацию и переход к умеренному росту и государственных расходов (до 0,8–0,9% ВВП). От системы управления по публикациям и цитированию необходимо вернуться к содержательным вопросам развития научных школ, способности науки решать ключевые вызовы, стоящие перед страной, и значительному обновлению экспериментальной базы науки, причем не только академической, но и прикладной. Нацпроект развития науки делает первый шаг в обновлении экспериментальной базы академических фундаментальных исследований, однако он уступает планам создания установок «mega science» в госпрограмме развития науки, принятой в 2012 году и не выполненной до сих пор. Экспериментальная база отраслевой прикладной науки остается вне периметра нацпроекта. Надежда возлагается на крупный частно-государственный бизнес (Сбербанк, Ростех, Роснефть и др.), который в рамках соглашений по развитию прорывных ключевых технологий проинвестирует в передовые технологии.

Сложившаяся в последние годы система управления научными и технологическими разработками фактически препятствует преодолению разрыва (и финансового, и организационного) между фундаментальной и прикладной наукой, когда отраслевые государственные научные центры (ГНЦ) практически не могут в явном виде заниматься перспективными прорывными исследованиями, потому что их финансирование закреплено за академической наукой и министерством науки, тогда как ГНЦ относятся к сфере ответственности Министерства промышленности. В этих условиях в наибольшей степени страдает вопрос разработки и финансирования научно-технических заделов под будущее поколения техники и технологий, т.е. как раз прорывных технологий.

Сохраняются высокие барьеры между научными и технологическими разработками по линии Министерства обороны и гражданской науки. Вместо управления научным комплексом как единым целым преобладает ведомственная разобщенность. Научные и технологические разработки по линии Минобороны, Минпрома, Миннауки, Национальной технологической инициативы (НТИ), которые зачастую нацелены на одни и те же темы, но их разработка идет растопыренными пальцами, а не концентрацией усилий в кулак, в единые мощные проекты. Определенным шагом в создании механизма согласованного развития выступают комплексные программы научных исследований Миннауки (КПНИ), совместно с Академией наук, и попытка их увязать с проектами и программами, направленными на реализацию Стратегии развития науки и технологий. Необходима органическая состыковка Госпрограммы развития науки и технологий, нацпроекта «Наука», НТИ, технологических платформ, которые остались без государственной поддержки, программ инновационного развития компа-

ний и реорганизация государственных институтов технологического развития.

Наряду с поддержкой «start-up» и венчурного бизнеса, которым в последние годы отдается приоритет, необходимо превратить Роснано в мощного драйвера разработки и превращения новых технологий в инновации и создания новых рынков, расширив ее мандат (в части электроники и информационных технологий, новых материалов) и докапитализировав. Это позволило бы создать работающий на деле инновационный лифт превращения научных и технологических разработок в инновационное производство. В дополнение к Роснано было бы целесообразно создать подобную корпорацию по биотехнологиям, а также сеть национальных лабораторий и консорциумов в ведущих направлениях прорывных технологий и исследований. Сейчас фактически статусом национальной лаборатории обладает только Курчатовский институт.

Государству наряду с «принуждением» к инновациям компаний и банков с государственным участием следовало бы расширить набор налоговых и других льгот для стимулирования частного финансирования прикладных и поисковых НИОКР. Это может быть применение механизма TIF для инновационных рискованных проектов, пониженного НДС и социальных налогов для проектного инжинирингового бизнеса, отказа от изъятия у ГНЦ прибыли через дивиденды, при условии ее инвестирования в НИОКР, компенсации частным компаниям расходов на НИОКР, соответствующим приоритетным направлениям Стратегии развития науки и технологий. Без сильных эффективных стимулов вряд ли удастся переломить ситуацию с частным финансированием НИОКР.

Научно-технологическая политика может стать важнейшей составляющей промышленной и аграрной политики, наряду с традиционными инструментами субсидирования процентных ставок, мер поддержки экспорта и ограничения импорта. Фактически грань между промышленной, аграрной, транспортной, строительной и научно-технологической политикой становится все более условной. При этом, если у Минпрома есть серьезный бюджет на НИОКР, то Министерство сельского хозяйства (которое, правда, в последний год несколько активизировалось, в т.ч. и с использованием аграрных КПНИ), Минэнерго, Минтранс, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства практически не имеют ни серьезных планов развития технологий, ни соответствующих бюджетов.

В отличие от атомного и космических проектов времен СССР современная Россия не имеет сопоставимых по масштабам прорывных научно-технологических проектов. Разрабатываемая Стратегия (программа) искусственного интеллекта носит прорывной, но заделный характер. Она может стать драйвером будущего, только если в среднесрочной

перспективе будет опираться на прорыв в разработке базовых технологий микроэлектроники и фотоники, распознавания образов, сложных, а также квантовых вычислений, big data, блокчейн, активной цифровизации экономики, включающей в себя и цифровую фабрику, и цифровую поликлинику, технологии беспилотного, точнее, умного движения.

Большой макроэкономический потенциал имеют реализуемые, или стартующие в настоящее время новые прорывные проекты в традиционных высокотехнологичных секторах. Можно выделить проект реактора на быстрых нейтронах Брест, гиперзвук (в т.ч. в гражданском авиастроении), экранопланы, новые космические технологии (дистанционного зондирования земли, космической связи, космических двигателей на новых принципах), «железо и мозги» для сетей 5G, высокоскоростное железнодорожное движение, новые технологии разведки и добычи полезных ископаемых (в т.ч. углеводородов), новые технологии производства, передачи и накопления энергии (топливные элементы, умные сети, сверхпроводимость).

Одна из проблем в том, что практически все эти проекты характеризуются систематическим недофинансированием и непоследовательностью в реализации. Мучительным примером является проект высокоскоростных железнодорожных магистралей. Россия обсуждает их с 2008 года, не построив ни одного км, тогда как Китай за 10 лет создал новую транспортную систему протяженностью более 20 тыс. км и новую подотрасль транспортного машиностроения. Мы первоначально планировали строить ВСМ Москва – Питер, затем после серьезных обоснований было принято решение о приоритетном строительстве ВСМ Москва – Казань (Железнодорожный – Гороховец), которая должна стать первым этапом пути до Екатеринбурга и ядром ВСМ Евразия, соединяющей Урумчи (Китай) – Астану (Казахстан) – Россию – Белоруссию и в конечном счете Берлин. Такая железнодорожная сеть могла бы стать мощным геополитическим проектом, образующим стержень транспортной инфраструктуры Большой Евразии и сопряжения на деле ЕАЭС и китайского проекта «Путь и Пояс». Сейчас произошел новый поворот в пользу ВСМ Москва – Санкт-Петербург, которая имеет ограниченный макроэкономический и пространственный эффект.

При всей неопределенности научных и технологических открытий и при обилии форсайтов, необходим план ключевых стратегических прорывных проектов, скоординированных друг с другом, и его последовательное не декларативное выполнение.

Все эти среднесрочные и долгосрочные меры требуют значительной модификации правил бюджетной и денежно-кредитной политики, и что еще важнее – формирования нового стратегически инновационно-ориентированного управленческого мышления.

Бюджетное правило, действующее сейчас, совмещает профицит (при цене нефти более 40 долларов за баррель) с увеличением вну-

тренного долга. Заимствования не только позволяют поддержать расходы на уровне несколько выше бюджетной планки в 40 долл. за барр., но и обеспечить наращивание Фонда национального благосостояния, которое приобретает самодовлеющий характер. По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ, Фонд национального благосостояния (с учетом остатков на бюджетных счетах, не перечисленных формально до конца года в Фонд) может возрасти с 7,8% ВВП (на конец 2018 года) до почти 20% ВВП в 2025 г. и 26,4% ВВП в 2030 году. При этом госдолг может возрасти с 11,8% ВВП в 2018 году до 23,5% ВВП в 2030 году, т.е. более 60% прироста ФНБ будет профинансировано увеличением заимствований.

Долгосрочная пролонгация бюджетного правила в нынешнем виде (даже при индексации 40 долл. планки расходов на инфляцию) продолжает формировать избыточные государственные сбережения, большей частью размещенные в валютных активах за рубежом, а не вложенные в свою собственную экономику. Для того чтобы реализовать модель ускоренного развития и решения структурных ключевых проблем здравоохранения, образования, транспортной инфраструктуры, жилищного хозяйства необходимо изменить бюджетное правило и перейти к дефицитному бюджету. При этом предельный уровень дефицита, если не менять налоговые правила, не будет превышать два с лишним процента. Тем не менее в этом сценарии госдолг вырастает меньше (около 17% ВВП к 2030 году), потому что нет разбухания суверенных фондов (их относительный уровень понизится до 5–6% ВВП). Основные риски здесь связаны с необходимостью снижения налоговой нагрузки на нефтяной комплекс, который может в рамках существующего налогового бремени серьезно сократить добычу нефти, а также растущий дефицит системы обязательного медицинского страхования.

В части денежно-кредитной политики модель устойчивого динамичного развития предполагает не только смягчение в краткосрочном плане политики ЦБ, но и создание другой финансово-экономической системы с институтами развития, которые могут предоставить длинные деньги (в т.ч. пенсионные) для крупных долгосрочных проектов на условиях доступных для предприятий и конкурентоспособных на мировых финансовых рынках. Сейчас это отчасти делается для аграрного и оборонного комплекса, но подобные условия необходимо создать и для инфраструктурных, а также высокотехнологичных проектов. При этом, если в краткосрочном плане доступность кредита обеспечивается бюджетными субсидиями, то в долгосрочном плане – капитализацией институтов развития за счет средств ФНБ и эмиссионных источников Банка России.

Запрос на новую модель развития характеризуется не только повышенными темпами роста и технологическими достижениями, но новым социальным измерением. В последние годы не только упали реальные

доходы населения, но и сократилась доля среднего креативного класса. Ожидаемый экономический рост должен создать условия не просто для роста доходов населения и сокращения бедности, но и превращения среднего класса в доминирующую социальную группу, уменьшения неравенства и укрепления социальной справедливости. На это указывают не только опросы населения, но это является и значимым фактором перехода к высоким устойчивым темпам развития.

По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, в случае повышения вдвое темпов роста экономики и реальных располагаемых доходов населения (с 2% в базовом консервативном варианте до 4% в умеренно-оптимистическом сценарии ускоренного роста) доля бедного населения с доходами ниже прожиточного минимума сократится с 14% населения в 2018 году до 10% в 2024 и к 2030 году – до 7–8%. Доля малообеспеченных (или относительно нуждающихся, имеющих доходы от 1 до 4 прожиточных минимумов на человека) сократится с 63% в 2018 году до 60% в 2024 и 56% в 2030 году. Доля среднего класса (имеющего доходы 4 и более прожиточных минимумов, но ниже 12), который может себе позволить покупку основных товаров длительного пользования, дополнительные расходы на образование и поддержание здоровья, формирование сбережений и инвестиций в улучшение жилищных условий, может вырасти с 21% в 2018 году до 27% в 2024-м и 34% в 2030 году. Понятно, что эти социальные структурные изменения зависят не только от общих темпов роста, но и от структурных факторов. Во-первых, выстраивания системы социальной поддержки многодетных семей, которые сейчас в большинстве попадают в категорию бедных, а также ускоренного подъема экономически отсталых регионов (например, Тувы). Во-вторых, изменения структуры экономики, повышения ее интеллектуальной составляющей, что увеличивает спрос на высокообразованный и высокооплачиваемый труд.

Эффективная политика доходов становится не только результатом ускоренного роста экономики, но и важнейшим драйвером ее развития, связанным с опережающими инвестициями в увеличение человеческого капитала и повышение его качества. Такая модель социальных изменений станет и фактором уменьшения поляризации доходов и богатства в российском обществе, которая сейчас по многим оценкам сопоставима с уровнем 1913 года и латиноамериканских стран. Острота вопроса связана не только с масштабами неравенства, а с восприятием его несправедливости, оторванности от реальных трудовых и предпринимательских усилий. Россия стоит вновь, как и 100, и 37 лет назад перед выбором своего пути и образа будущего. У нас есть все возможности извлечь уроки из прошлого, не повторяя его ошибок, и сформировать устойчивую модель развития, притягательную и для российских граждан и других стран.

Наше цифровое будущее

(По материалам выступления
15 мая 2019 г. На московском
академическом экономическом форуме)

Our digital future

(Based on a speech delivered
at the moscow academic economic forum
on may 15, 2019)

ЖАН ТИРОЛЬ

Лауреат Нобелевской премии по экономике, научный руководитель Института теории отраслевой организации (IDEI) при Университете Тулузы, президент Фонда имени Жан-Жака Лаффона при Тулузской школе экономики, профессор

Jean TIROLE

Winner of Nobel Memorial Prize in Economic Sciences, Scientific Director of the Industrial Economics Institute (IDEI) at Toulouse University, President of the Jean-Jacques Laffont Foundation at the Toulouse School of Economics, Professor

Аннотация:

Большинство ведущих компаний в IT-индустрии сегодня представляют собой двусторонние платформы, которые при помощи искусственного интеллекта и больших данных подбирают для своих клиентов оптимальных партнеров. Чтобы привлечь клиентов, зачастую они используют асимметричную ценовую политику. Применение инновационных технологий в финансовом секторе и в страховом деле не отменяет посреднической роли активных инвесторов и регуляторов. Блокчейн открывает интересные перспективы, однако криптовалюты – биткойн и пр. – обладают рядом общественно вредных свойств.

Abstract:

Most tech giants today are matching platforms using AI and big data to come up with best matches. To bring multiple parties on board, they often use asymmetric pricing policies. With fintech and insurtech, new technology does not obviate the need for intermediation – i.e., active investors and regulation. While blockchain offers many exciting

opportunities, cryptocurrencies such as bitcoin have socially undesirable features.

Ключевые слова: Двусторонние платформы, подбор партнеров, искусственный интеллект, большие данные, финтех, посредничество, криптовалюты, биткойн, блокчейн.

Keywords: two-sided platforms, matching platforms, AI, big data, fintech, intermediation, cryptocurrencies, bitcoin, blockchain.

Сегодня мы стоим на пороге грандиозных перемен, которые полностью перевернут экономическую, общественную и политическую жизнь. Искусственный интеллект, роботизация, биотехнологии и генная инженерия открывают перед нами заманчивые перспективы. Все это сделает нас богаче и здоровее и поможет нам более бережно относиться к окружающей среде. Кроме того, новые технологии способны сделать наше общество более инклюзивным, облегчив всем слоям общества доступ к образованию, здравоохранению, предпринимательству, финансовым услугам и т.д. Они помогут обеспечить равноправие полов и дадут возможность всем членам общества принимать активное участие в политической жизни своих стран, а также существенно сократят количество разного рода антиобщественных проявлений.

Все это не может не вселять оптимизма, однако, если мы хотим, чтобы технологическая революция оправдала наши ожидания, нам нужно действовать осмотрительно, поскольку она несет с собой определенные вызовы, способные привести к серьезным проблемам в жизни общества. В данной статье мы рассмотрим платформы и используемую ими бизнес-модель.

Бизнес-модель платформ

Современная экономика в значительной мере функционирует благодаря платформам. Если мы посмотрим на семь крупнейших компаний мира, мы увидим, что все они представляют собой двусторонние платформы. Большинство наиболее успешных стартапов тоже являются платформами.

Все платформы можно грубо поделить на две категории. Первая категория – это платформы, которые занимаются подбором партнеров. Это связано с так называемой экономикой внимания. Раньше, например, если человек искал работу, или выбирал учебное заведение, или пытался найти на рынке нужные товары или услуги, или хотел подружиться или познакомиться с кем-то, круг его поисков был, как правило, очень ограничен: он мог поискать что-то поблизости, в своей деревне или в своем

городе. Соответственно, и выбирать ему приходилось из очень ограниченного количества вариантов. Сегодня же благодаря Интернету перед человеком открывается весь мир. Если в прошлом главной проблемой был дефицит информации, то сегодня человек, наоборот, перегружен информацией. Однако при всем этом обилии информации человек все равно не знает, кому можно доверять и придется ли выбранный товар ему по вкусу. Именно эту проблему и решают платформы первого типа.

Платформы помогают создавать новые связи между различными сторонами рынка. Во-первых, они подбирают для вас поставщика, который, скорее всего, понравится вам. Это делается либо на основании тех данных, которые вы сами предоставили о себе, либо на основании данных, полученных от других пользователей (при условии, что их вкус с большой долей вероятности схож с вашим). Именно так Netflix решает, какие фильмы вам порекомендовать. Именно так Amazon определяет, какая книга вам может понравиться. Во-вторых, платформы предоставляют вам информацию о качестве и надежности того или иного поставщика. Так, например, поступают Uber и Яндекс.Такси, давая водителю и пассажиру возможность поставить друг другу оценку.

Вторую категорию платформ можно условно назвать технологическими платформами. В отличие от платформ первого типа, эти платформы не создают новых связей, а улучшают качество уже имеющихся связей. Скажем, такие платформы, как Skype или Facebook, помогают вам поддерживать связь с друзьями и родственниками. Платежные системы облегчают процесс платежа. Разумеется, при желании можно рассчитываться наличными или выписывать чеки, но платить карточкой намного удобнее.

Если мы посмотрим на 20 крупнейших IT-компаний мира (таблица), в глаза бросаются два обстоятельства. Во-первых, в этом списке представлены только американские и китайские компании. Там нет ни одной компании из Европы, или из России, или из Японии, или из Индии, или из какой-то другой страны. Во всех вышеперечисленных странах есть много талантливых людей и замечательных специалистов, но почему-то в этих странах не вырастают такие компании-гиганты. Это говорит о том, что этим странам необходимы реформы, чтобы у них тоже был свой Google, свой Amazon, свой Apple и т.д.

Таково положение дел в IT-индустрии, а что происходит в медицине? Ведь здравоохранение – это еще одна индустрия, которая будет играть важнейшую роль в XXI столетии. В медицине ситуация пока что отличается: из 15 крупнейших фармацевтических компаний восемь американских и семь европейских. Но лет через 10–20 мы и в медицине можем увидеть точно такую же картину, как в IT, поскольку современная медицина все активнее использует большие данные, биотехнологии и искусственный интеллект, а это именно те области, где Китай и США имеют серьезное преимущество.

Рыночная капитализация 20 крупнейших IT-компаний мира
(по состоянию на 29 мая 2018 г.)

Место 2018 г.	Компания	Страна	Капитализация (млрд долл. США)	Место 2018 г.	Компания	Страна	Капитализация (млрд долл. США)
1	Apple	США	924	11	Booking Holdings	США	100
2	Amazon	США	783	12	Salesforce.com	США	94
3	Microsoft	США	753	13	Baidu	КНР	84
4	Google (Alphabet)	США	739	14	Xiaomi	КНР	75
5	Facebook	США	538	15	Uber	США	72
6	Alibaba	КНР	509	16	Didi Chuxing	КНР	56
7	Tencent	КНР	483	17	JD.com	КНР	52
8	Netflix	США	152	18	Airbnb	США	31
9	Ant Financial	КНР	150	19	Meituan-Dianping	КНР	30
10	eBay + PayPal	США	133	20	Toutiao	КНР	30

В бизнес-модели двусторонних платформ главное – привлечь клиентов и с той, и с другой стороны. Возьмем, к примеру, видеоигры. Таким платформам, как PlayStation или Xbox, нужно, с одной стороны, привлечь производителей, которые будут создавать для них новые игры, а с другой – привлечь потребителей, чтобы те купили их приставку. Еще один пример – платежные системы (Visa, MasterCard, American Express, Google Pay, PayPal и др.). С одной стороны, им нужно, чтобы продавцы согласились принимать их карты, и одновременно им нужно привлечь покупателей, которые захотят получить их карту и расплатиться ей. Умение привлечь клиентов с обеих сторон – это не столько наука, сколько искусство, но все-таки можно выделить определенные принципы, которые могут быть в этом плане полезны: специальная ценовая политика и некоторые другие стратегии.

Нужно отметить, что ценовая политика двусторонних платформ часто бывает очень асимметричной. Скажем, когда вы используете Google, вы получаете возможность бесплатно использовать и поисковую систему, и портал, и YouTube, и Gmail, и многое другое. На первый взгляд, для вас это очень выгодная сделка. Но на самом деле, конечно, не все так просто. Google берет с рекламодателей много денег за возможность рекламировать их товары целенаправленно наиболее вероятным клиентам. Кроме того, разумеется, Google получает доступ к вашим данным.

В случае с платежными системами владелец карты, как правило, не платит ничего или, по крайней мере, платит очень мало. На самом

деле, иногда бывает даже наоборот – ему платят за то, что он пользуется карточкой. Всякий раз, когда вы получаете в качестве бонуса мили или кэшбек, это на самом деле плата за то, что вы пользуетесь карточкой. Хитрость в данном случае состоит в том, что магазин вынужден с каждой покупки отдавать платежной системе определенный процент (от 1 до 3%).

Причем такого рода асимметричный подход используется уже давно. Как известно, бумажные газеты часто продаются по цене ниже себестоимости. Иногда бывало так, что одна из сторон вообще ничего не платила платформе. Например, когда в 1950 г. в Нью-Йорке появились первые платежные карты Diners Club, нью-йоркские рестораны платили с каждой транзакции 10%, а владельцы карт не платили вообще ничего.

То же самое можно сказать про «желтые страницы». Простые люди пользуются ими бесплатно, а плату составители берут с компаний, которые предлагают в справочнике свои товары и услуги. Можно привести еще много примеров асимметричной ценовой политики: бесплатные газеты, получающие доход за счет рекламы, интернет-сайты, социальные сети, сервисы по бронированию столика в ресторане (OpenTable, TheFork), YouTube, Upwork и т.д.

Государство при осуществлении регулирования должно учитывать, что ценовая политика платформ рассчитана на то, чтобы привлечь как можно больше клиентов и с той, и с другой стороны. Никакой «справедливости» тут нет и быть не может. Определяя антимонопольную политику, регулятор должен принимать во внимание обе стороны рынка. Рассматривать отдельно только одну из сторон не имеет смысла. В противном случае, мы рискуем сделать ошибочные выводы: заниженную цену для одной из сторон мы можем принять за демпинг, а завышенную цену для другой – за злоупотребление монопольным положением на рынке.

Финтех и иншуртех

Сейчас много говорят о том, что применение передовых технологий в банковской сфере и в страховом деле полностью преобразит финансовый сектор. Действительно, финтех и иншуртех – это, во-первых, смартфон как дешевый канал дистрибуции, а во-вторых – искусственный интеллект, позволяющий существенно повысить качество обслуживания. В качестве примера можно привести Ant Financial – дочернюю компанию китайской Alibaba, оказывающую кредитные услуги огромному числу малых и средних предприятий. В Ant Financial все решения принимает искусственный интеллект. Процесс получения кредита описывается как «3-1-0»: чтобы подать заявку на получение кредита, требуется всего три минуты; ответ приходит в течение одной секунды; и в принятии кредитного решения задействовано ноль человек. Весь

процесс полностью автоматизирован. Для оценки кредитного рейтинга система использует новые виды данных: информацию, полученную от интернет-магазинов и поставщиков, социальный граф, историю платежей, личные качества и т.д. Искусственный интеллект выносит решение на основе формализованных алгоритмов. Кроме того, система использует технологию умных контрактов.

Такого рода системы особенно эффективны для работы с мелким бизнесом, поскольку у малых предприятий зачастую нет собственности, которую они могли бы предоставить в залог. Вместо традиционного залога теперь требуется только более подробная информация о заемщике.

Однако, несмотря на все преимущества применяемых в финтехе и иншуртехе технологий, базовые экономические принципы сохраняют свою актуальность. Асимметричность информации и неспособность кредитора самостоятельно заставить заемщика выполнять условия договора приводят к тому, что в финансовой сфере всегда необходим посредник. Асимметричность информации подрывает доверие инвесторов в условиях финтеха точно так же, как и при использовании традиционных подходов. Поэтому сегодня в финансовой сфере по-прежнему необходимы регуляторы, которые защищали бы потребителя (от недобросовестного поведения контрагентов, недобросовестной рекламы, конфликта интересов, разного рода мошеннических схем с использованием инсайдерской информации и т.п.) и осуществляли бы пруденциальный контроль в отношении банков и страховых компаний.

Таким образом, развитие финтеха, скорее всего, не приведет к исчезновению посредничества в финансовой сфере. Между заемщиком и кредитором по-прежнему будет стоять какой-то посредник. Использую терминологию Альберта Хиршмана («выход», «голос» и «верность»), можно сказать, что в финансовой системе должна быть реализована не только функция выхода (т. е. возможность продать актив в том случае, если его ценность, с вашей точки зрения, снижается), но и функция голоса (т. е. надзор и регулирование). Необходимо, чтобы так называемые «активные» инвесторы (венчурные капиталисты, мажоритарные акционеры, советы директоров, банки) и регуляторы сократили сначала информационный разрыв между конечным кредитором и заемщиком. После того как уровень асимметрии понизится, смогут подключиться и «пассивные» инвесторы (пайщики, миноритарные акционеры, вкладчики и т.п.), не обладающие полнотой информации о заемщике.

Криптовалюты и блокчейн

На сегодняшний день в мире существует порядка тысячи различных криптовалют, и многие задаются вопросом, есть ли у них будущее. Отдельно стоит поставить вопрос еще и о том, насколько эти криптовалюты полезны для общества. Что касается первого вопроса, на него

сложно дать однозначный ответ, поскольку криптовалюта – это мыльный пузырь в чистом виде. Другими словами, сама по себе криптовалюта не имеет никакой имманентной ценности. Если сегодня мы все дружно потеряем доверие к биткойну, его ценность обнулится, поскольку ни для чего другого его использовать нельзя. Но мы знаем из истории, что некоторые мыльные пузыри благополучно существовали на протяжении долгого времени. Примером такого успешного мыльного пузыря является золото. Если мы прекратим использовать золото в спекулятивных целях, некоторую ценность этот металл все равно будет иметь, поскольку его можно будет использовать для некоторых нужд в промышленности, однако эта ценность будет, конечно, намного ниже, чем его нынешняя цена. Не исключено, что биткойн станет новым золотом. Однако лично я не стал бы вкладывать в него свои деньги, как я уже писал в одной из своих статей пару лет назад. При этом, если по поводу живучести биткойна я не готов делать однозначных предсказаний, в отношении подавляющего большинства остальных криптовалют я твердо уверен, что довольно скоро они не будут стоить ничего.

По поводу биткойна можно с уверенностью сказать одно: он обладает рядом общественно вредных свойств. Ценность для индивидуума – это одно, а ценность для общества – другое. Во-первых, биткойн часто используется для уклонения от налогов, отмывания денег и противозаконной деятельности.

Кроме того, есть вопрос сеньоража. Когда деньги выпускает центральный банк, они поступают в казначейство. В случае же с биткойном все иначе – деньги идут не государству, а оказываются через ICO в частных руках. Причем какая-то часть этого эмиссионного дохода тратится впустую из-за того, что майнеры в надежде заработать биткойны конкурируют между собой. Это игра с нулевой суммой – и в итоге в этой борьбе впустую тратятся вычислительные мощности и электричество.

Наконец, если весь мир перейдет на биткойн, каким образом центральные банки будут осуществлять денежно-кредитную политику? Например, во время экономического кризиса 2008 г. центральные банки смогли предпринять меры по стабилизации ситуации, однако в мире биткойна они будут уже не в состоянии сделать этого.

Разумеется, в некоторых странах с неработающей экономикой, как в Венесуэле или Зимбабве, или в условиях авторитарного режима биткойн может выполнять положительную функцию для населения.

Для того чтобы биткойн начали широко использовать в качестве платежного средства, нужно сначала решить ряд проблем. Во-первых, курс биткойна на данный момент чересчур нестабилен. Во-вторых, следует учитывать, что мы имеем дело с двусторонним рынком. Если мы хотим, чтобы биткойн активно использовался в торговле, нужно сделать биткойн привлекательным и для продавцов, и для покупателей. Пока что при проведении расчетов в биткойнах каждая сторона платит

комиссию в размере 1%, тогда как при оплате картой покупатель получает до 2% кэшбека. Получается, что со стороны покупателей биткойн пока не в состоянии выдержать конкуренцию.

Кроме того, есть вопросы административного характера. Время от времени возникает потребность в принятии определенных решений. Например, может потребоваться внести какие-то изменения в программный код, или удалить блоки с незаконными транзакциями, или решить проблему разветвлений, или внести изменения в определенные ограничения (скажем, поменять размер блока, чтобы он вмещал больше транзакций). Каким образом будут приниматься эти решения?

В настоящее время биткойн действует по принципу демократии. Кто угодно может организовать референдум, и решения принимаются простым большинством (50% от майнинговой мощности системы). У такого подхода есть как плюсы, так и минусы (типичные трудности коллективных действий, вероятность «атаки 51%», необходимость убедить большинство в случае взлома системы, возможность применения стратегии «разделяй и властвуй» и т.д.).

Есть и другая крайность – можно было бы передать все полномочия некоему управляющему, который будет единолично принимать все решения. Однако, вместо того чтобы ликвидировать риски, такой подход просто собирает их в одной точке: этот управляющий получит возможность вносить в систему любые изменения по своему усмотрению, облагать пользователей пошлинами и т.д. Таким образом, правильным решением представляется передать эту функцию доверенной третьей стороне или регулятору.

Мы поговорили о недостатках биткойна, но в то же время нужно отметить, что применяемая в биткойне технология блокчейна может с успехом применяться не только в криптовалютах, но и во многих других областях. С ее помощью можно оформлять умные контракты (как это делается в платформе Ethereum), производить куплю-продажу и вести реестр ценных бумаг или собственности (домов, машин и т.п.), проводить голосование среди акционеров и делать множество других вещей. Эта технология работает быстро и относительно надежно и не позволяет вносить никаких изменений задним числом.

Заключение

Мы живем на рубеже эпох. Очень скоро большие данные и искусственный интеллект в корне преобразят нашу систему образования, здравоохранения, занятости, характер финансового посредничества, потребительские товары и услуги, политическую жизнь и многое другое. Все эти изменения могут оказаться к лучшему, а могут – и к худшему. Первоначально западный мир встретил эти новшества с восторгом, но в последнее время мы все чаще видим проявления разочарования и недовольства. В английском языке придумали даже специальный тер-

мин для обозначения этого феномена – techlash, от слов technology («технологии») и backlash («недовольство»). Все больше людей сегодня перестают доверять ведущим IT-компаниям и выражают озабоченность по поводу того, как те злоупотребляют своим положением на рынке и доступом к пользовательским данным. Не могут не беспокоить нас и угрозы для демократии и неприкосновенности личной жизни, возникающие в этой связи со стороны государственных игроков и технологических гигантов. Есть также риски, связанные с угрозой безработицы, и множество других вопросов. Если мы хотим, чтобы технологическая революция оправдала наши ожидания, всем этим волнующим общество вопросам необходимо уделить должное внимание.

Модель реализации Государственной программы вооружения — основа реализации национальных проектов

The model of implementation of the State armament program is the basis for the implementation of national projects

БЕТЕЛИН Владимир Борисович

Научный руководитель Федерального научного центра «Научно-исследовательский институт системных исследований Российской академии наук», академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Vladimir B. BETELIN

Scientific Director of the Federal scientific center «Research Institute of system studies of the Russian Academy of Sciences», academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of physical and mathematical Sciences, Professor

Аннотация:

В статье рассматриваются две модели реализации Национальных проектов с точки зрения обеспечения решения таких главных проблем страны, как бедность, экономический застой и вхождение России в пятерку ведущих экономик мира. Показано, что эти проблемы порождены «экономикой услуг», суть которой не в производстве промышленной продукции, а оказании услуг на ее основе. Следование этой модели в части реализации Национальных проектов не только не решит, но и еще более обострит главные проблемы страны. Альтернативой является реализация Национальных проектов на основе модели реализации Государственной программы вооружения.

Abstract:

The article considers two models of implementation of National projects in terms of providing solutions to such major problems of the country as poverty, economic stagnation and Russia's entry into the top five economies of the world. It is shown that these problems are caused by the "economy of services", the essence of which is not in the production of industrial products, but the provision of services on its basis. Following this model in the implementation of National projects will not only not solve, but also further exacerbate the main problems of the country. The

alternative is the implementation of National projects based on the model of the State armament program.

Ключевые слова: Национальные проекты, бедность, экономический застой, экономика услуг, уничтожение конкуренции, уничтожение рабочих мест, уход от налогов, победитель забирает все, контроль государства.

Keywords: National projects, poverty, economic stagnation, services economy, destruction of competition, destruction of jobs, tax evasion, winner takes everything, state control.

I. Проблемы «Экономики услуг» в России – экономический застой и бедность

Из выступлений и дискуссий на V Международном форуме Финансового университета при Правительстве РФ следует, что после двадцати пяти лет либеральных экономических реформ главная проблема страны – бедность, российская экономика попала в «серьезную застойную яму», сравняться с развитыми странами России пока не под силу. Для того, чтобы установить причины такого положения дел, проведем сравнительный анализ моделей экономик СССР и постреформенной России.

Основным показателем экономического развития СССР являлись объемы и темпы роста производства промышленной продукции. Это производство было нацелено прежде всего на удовлетворение потребностей внутреннего рынка страны, обеспечение ее обороноспособности и создание значительного количества рабочих мест. Так, например, объем промышленного производства в РСФСР за 35 лет с 1945 г. по 1980 г. вырос в двадцать раз. Такие темпы промышленного роста сохранялись в РСФСР до 1990 г., в котором численность промышленного персонала составляла более 23 млн человек. До 1991 г. каждый четвертый гражданский магистральный самолет в мире производился в Авиапроме СССР, численность которого составляла в 1990 г. 1,5 млн человек. Соответственно, система образования в СССР была нацелена на подготовку специалистов, способных создавать новые промышленные изделия и технологии их серийного производства, а также необходимую для этого производственную инфраструктуру.

В новых экономических условиях, в сформированной в России рыночной экономике, основная цель акционерной компании – извлечение прибыли. То есть с 1991 года фактический показатель экономического развития страны – объемы и темпы роста прибыли акционеров, а не объемы и темпы роста промышленного производства. Как следствие, уже к 1998 году объемы производства промышленной продукции в стоимостном выражении по сравнению с 1990 годом снизились

в 2,25 раза. Либерализация государством внешней торговли в условиях такого дефицита промышленной продукции на внутреннем рынке страны неизбежно привела к замещению, частичному или полному, на этом рынке промышленных изделий отечественных производителей аналогичной продукцией крупных зарубежных компаний.

Услуги по продаже, обслуживанию, ремонту и эксплуатации этой продукции зарубежных компаний обеспечивали аффилированные с ними российские сервисные компании категории малого и среднего бизнеса. В результате на внутреннем рынке труда России стали востребованы не специалисты, способные создавать и производить промышленную продукцию, а специалисты по продажам, обслуживанию и использованию промышленной продукции крупных зарубежных компаний. Как следствие, численность промышленно-производственного персонала в России сократилась с 23,1 млн человек в 1990 г. до 12,8 млн человек в 2004 г., т. е. почти в 2 раза. Соответственно, и система образования, унаследованная от СССР, была переориентирована на подготовку специалистов по продажам, использованию и обслуживанию промышленной продукции крупных зарубежных компаний [1,2].

Таким образом, были созданы необходимые предпосылки для формирования в России «экономики услуг», суть которой не в производстве промышленной продукции, а оказании сопутствующих использованию этой продукции услуг, независимо от того, где и кем эта продукция произведена. В рамках этой экономики технологическое лидерство – это лидерство компании в технологиях использования, но не производства промышленной продукции. Так, например, по данным CNEWS 100 в 2016 году суммарный оборот 100 крупнейших ИТ-компаний России составил \$20 млрд при общей численности 130 тыс. человек. Основная деятельность большинства этих компаний – услуги в части приобретения, обслуживания и сопровождения аппаратуры и программного обеспечения таких крупных зарубежных производителей, как INTEL, HP, IBM, MICROSOFT и т.д., что полностью соответствует положению ГУ-ВШЭ и РАНХиГС, явно сформулированному в 2012 году в докладе «Стратегия-2020», о том, что основу экономики России должны составлять сервисные, средние и низкотехнологичные отрасли.

По данным замглавы Минтранса Валерия Окулова на начало 2017 года российский парк воздушных судов насчитывал 579 магистральных самолетов, из которых 494 – иностранного производства со средним возрастом 11 лет. На основе именно этих самолетов оказывает основной объем услуг по перевозкам крупнейший авиаперевозчик России компания ПАО «АЭРОФЛОТ», основная цель которой, согласно Уставу, – извлечение прибыли.

С 1984 по 2007 год совершал регулярные рейсы между Москвой и Санкт-Петербургом отечественный высокоскоростной поезд ЭР-200, со скоростью до 200 и более километров в час. В 2001 году были

успешно завершены испытания его более современного отечественного аналога «СОКОЛ» на скоростях 200 км/час и более. Однако, в 2004 году ОАО «РЖД», обеспечивающим услуги в области перевозки пассажиров и грузов, было принято решение о создании высокоскоростных магистралей не на базе отечественного скоростного поезда «СОКОЛ», а на основе аналогичных поездов фирмы SIMENS AG.

Тем самым и ПАО «АЭРОФЛОТ», и ОАО «РЖД», в конечном счете, фактически финансируют рабочие места и платежи в национальные бюджеты компаниям BOEING, AIRBUS и SIMENS AG, а не отечественных производителей магистральных самолетов и высокоскоростных поездов.

Фундаментом «экономики услуг» в России являются отчисления в бюджет государства от экспорта энергоносителей. Действительно, если в 1990 году СССР экспортировал 27,8% всей добытой нефти, то в 1995 году объем экспорта нефти России составил уже 56,2%, в 2010 – 78,9%, в 2014 – 74% [2].

Основа крупнейших экономик мира – производство промышленной продукции, а не услуги на ее основе. Объективной оценкой конкурентоспособности и технологического лидерства компании на глобальных массовых рынках товарной продукции являются годовые объемы производимой товарной продукции в стоимостном и натуральном исчислении. Лидеры мировых глобальных массовых рынков производят многие миллионы единиц товарной продукции, выручка от продаж которой составляет десятки и сотни миллиардов долларов, обеспечивая при этом сотни тысяч рабочих мест. Так, например, лидер глобального массового полупроводникового рынка, компания INTEL (США) в 2017 г. произвела 8,4 млн кремниевых пластин с сотнями миллионов полупроводниковых изделий, выручка от продаж которых составила 63 млрд долларов. В целом полупроводниковая отрасль США контролирует 50% этого глобального рынка емкостью около 350 млрд и обеспечивает 250 тыс. рабочих мест внутри отрасли и еще 1 млн мест в других отраслях экономики. Оборот компании BOEING, которая контролирует около 50% рынка гражданских магистральных самолетов, составил в 2015 году \$96 млрд.

Объемы отчислений компаний – лидеров глобальных массовых рынков промышленной продукции в государственный бюджет, фонды оплаты труда и развития компании, в конечном счете, и определяют как высокий уровень жизни отдельного человека, так и высокий уровень социально-экономического развития крупнейших экономик мира. Так, например, налоговые отчисления крупного бизнеса в США в бюджет государства составляют 27%, к которым относятся безусловно INTEL и BOEING [4].

В то же время, в условиях «экономики услуг», как уровень жизни отдельного человека, так и уровень социально-экономического раз-

вития России, определяются фактически только объемами отчислений в государственный бюджет нефтегазовых и сырьевых компаний, но не отчислениями других предприятий реального сектора экономики России, таких, например, как ОАК и КАМАЗ. Именно это обстоятельство и является основной причиной экономического застоя и бедности в России.

Однако эти проблемы в рамках двенадцати национальных проектов Правительство РФ планирует решать на основе «экономики услуг». Действительно, на 10-м Гайдаровском форуме мэр Москвы С. Собянин отметил, что в Москве доля промышленности уменьшается, а доля услуг, в том числе IT-сектора, растет, и что это мировой тренд. То есть предлагается, так же как и в течение всех двадцать пять лет реформ, слепо следовать экономическим курсом крупнейшей экономики мира, без каких-либо обоснований хотя бы приемлемости этого курса для России (не говоря уже об эффективности) и оценки возможных рисков. К достаточно очевидным рискам следованию этим курсом именно IT-отрасли России относится то, что крупнейшие российские компании сектора интернет-услуг многократно отстают от своих зарубежных конкурентов. Действительно, в 2017 году оборот американской компании GOOGLE (основной источник дохода которой – реклама) составил \$59 млрд при численности более 85 тыс. человек. Оборот аналогичной российской компании «ЯНДЕКС» в 2017 году составил \$1,57 млрд (в 37 раз меньше) при численности в 8,8 тыс. человек (в 10 раз меньше). В 2017 году оборот американской компании Amazon (торговля товарами массового спроса) составила более \$200 млрд, при численности более 500 тыс. человек. Оборот аналогичной российской компании Ozon в 2016 году составил \$0,67 млрд (почти в 300 раз меньше) при несопоставимо меньшей численности. Собственно, уже эти данные убедительно свидетельствуют о весьма высоких рисках следованию экономики России мировому тренду роста доли услуг и уменьшению доли промышленного производства.

II. Миром правит новая экономика, в которой победитель забирает все

Неприемлемость следования мировому тренду увеличения доли услуг для России фактически обоснована, на примере IT-отрасли Америки, профессором бизнес-школы университета Нью-Йорка Скоттом Галлоуэем в его книге «Четверка» [5] и публикации отдельных существенно важных фрагментов этой книги в статье «Щупальца прогресса: как потребление ведет нас к кризису» [4]. Скотт Галлоуэй преподает стратегию развития брендов и цифрового маркетинга, а кроме того является предпринимателем, который основал девять успешных малых и средних консультационных и IT-компаний, в числе которых L2, Red Envelope и Prophet.

Один из наиболее важных выводов автора – последние десятилетия невидимая рука рынка грабила средний класс Америки. Поэтому впервые со времен Великой депрессии тридцатилетние американцы живут хуже, чем в том же возрасте жили их родители. Одна из основных причин – высокая прибыльность замены сотрудников технологиями, что, собственно, и привело к ускоренному уничтожению рабочих мест и опустошению смежных секторов экономики. В результате миром правит новая экономика, в которой победитель забирает все. Победители – это AMAZON, GOOGLE, FACEBOOK и APPLE, совокупная стоимость которых составляет около \$2,8 трлн, что соизмеримо, например, с ВВП Франции. Они создают высокооплачиваемые рабочие места, но в ничтожном количестве, и строят Америку, в которой будет 3 миллиона хозяев и 350 миллионов рабов [4,5].

Эти компании не зарабатывают лишней доллар – они отнимают его у конкурентов. Четверка либо поглощает конкурентов, либо душит, повторяя основные функции продукта – конкурента. Так, например, FACEBOOK заплатил почти \$20 млрд за компанию WhatsApp пятилетнего возраста, предоставляющую услуги по мгновенному обмену сообщениями. В связи с этим следует отметить, что все компании, созданные автором, в конечном счете были либо куплены четверкой, либо разорились. Другими словами, вся экономическая мощь четверки фактически направлена на уничтожение конкуренции. О масштабах этого уничтожения можно судить по тому, что только в 2017 году FACEBOOK и GOOGLE инвестировали в развитие \$29 млрд, а APPLE держала на счетах за рубежом \$250 млрд. По сути дела, единственными конкурентами для четверки являются только они сами [4,5].

Обладая такой экономической мощью, эти цифровые гиганты, тем не менее, успешно укрываются от налогов, тем самым уменьшая возможности государства по финансированию науки, образования и социальной сферы. Так, например, в период с 2007 по 2015 год налоговые отчисления APPLE составили 17% от всей прибыли, GOOGLE – 16%, AMAZON – 13%, а FACEBOOK – всего 4%. В то время как налоговые отчисления крупного бизнеса в США в среднем составляют 27% [4,5].

Из вышеизложенного следует, что в условиях новой экономики, в которой победитель получает все, интеграция России в эту мировую экономику означает поглощение или разорение победителями российских высокотехнологичных компаний, прежде всего в IT-отрасли, а в дальнейшем и в машиностроении страны, уничтожении рабочих мест, еще большее снижение налоговых поступлений в бюджет страны. То есть, в конечном счете, «скатывание отечественной экономики к рецессии» и полную невозможность вывести экономику страны из «серьезной застойной ямы», победы над бедностью и вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира.

III. Капитализм без контроля государства приведет к кризису

Этот финальный вывод Скотта Галлоуэя в [5] подтверждается тем, что в России успешно прошла апробацию модель управления высокотехнологичной отраслью, которая обеспечила, даже в стеснительных рамках «экономики услуг», производство высокотехнологичной продукции — систем вооружения и военной техники, причем в заданные сроки, и в запланированных в натуральном и стоимостном исчислении объемах.

Основные составляющие этой модели — государственная программа вооружения (ГПВ), которая определила номенклатуру и объемы производства продукции и Военно-промышленная комиссия (ВПК), которая обеспечивала управление реализацией ГПВ, а также, что существенно важно, выполняемый на практике абсолютный запрет на закупку систем вооружения за рубежом.

Реализация на основе подобной модели национального проекта «цифровая экономика» позволит действительно создать «устойчивую и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру» на основе отечественной вычислительной и коммуникационной техники и отечественной электронной компонентной базы (ЭКБ). На основе этой модели необходимо реализовать и отечественные цифровые технологии, и отечественное программное обеспечение.

Федеральные проекты «информационная инфраструктура», «цифровые технологии», «современная школа», «цифровая образовательная среда» должны основываться на программе серийного производства отечественной вычислительной техники и ЭКБ.

Цель этой программы — создание технологической базы проектирования и серийного производства средне- и низкостоймостной вычислительной и коммуникационной техники и соответствующей ЭКБ. Эта технологическая база должна быть адекватна по объемам годового производства суммарным потребностям предприятий нефтегазовой и транспортной отраслей, атомной и тепловой энергетики, станкостроения и образовательных учреждений.

Должен быть обеспечен законодательный запрет на закупку средне- и низкостоймостной вычислительной и коммуникационной техники за рубежом.

Библиографический список:

1. Бетелин В.Б. «России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства» // *ж. Экономист* № 2, Москва, 2019, с. 3–12.
2. Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. «Белая книга: промышленность и строительство в России 1950–2014 гг.», Москва, ТД –Алгоритм, 2016.
3. Бадмаева И. «Застойный» Кудрин и «бессмысленный» Макаров, *Московский Комсомолец*, № 27845, 28 ноября 2018 г.
4. «Щупальца прогресса: как потребление ведет нас к кризису

<http://www.popmech.ru/science/476202-shchupalca-progressa-kak-potreblenie-vedet-nas-k-krizisu/>.

5. Galloway S. «The Four. The hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook and Google». Portfolio/Penguin. An Imprint of Penguin Random House LLC 375 Hudson Street. New York, New York 10014.

6. Деготькова И. «При чем тут Дубровский». Московский Комсомолец, № 27991, 7 июня 2019 г.

- List of References:**
1. Betelin V.B. «Rossii neobhodim otkaz ot «jekonomiki uslug» i perehod k jekonomike promyshlennogo proizvodstva» // Jekonomist №2, Moskva, 2019, str. 3–12.
 2. Grazhdankin A.I., Kara-Myrza S.G. «Belaja kniga: promyshlennost' i stroitel'stvo v Rossii 1950–2014, Moskva, TD Algoritm, 2016.
 3. Irina Badmaeva. «Zastojnyj» Kudrin i «bessmyslennyj» Makarov, Moskovskij Komsomolec, №27845, 28 nojabrja 2018.
 4. Shhupal'ca progressa: kak potreblenie vedet nas k krizisu.
 5. S. Galloway. «The Four. The hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook and Google». Portfolio/Penguin. An Imprint of Penguin Random House LLC 375 Hudson Street. New York, New York 10014.
 6. Inna Degot'kova. «Prichem tut Dubrovskij». Moskovskij Komsomolec, № 27991, 7 ijunja 2019.

Контактная информация:

117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 36, корп. 1
+7495 719-76-51, niisi@niisi.msk.ru

Contact information:

117218 Moscow, Russia, Nakhimovsky pr. 36, building 1
+7495 719-76-51, niisi@niisi.msk.ru

Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную Президентом России задачу рывка в экономическом развитии

A methodology for accelerated economic growth: achieving the economic breakthrough goal set by the President of Russia

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, д.э.н., профессор

Sergey Y. GLAZYEV

Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the VEO of Russia, Advisor to the President of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Sciences

Аннотация:

Основная идея стратегии развития, ориентированной на реализацию поставленной Президентом задачи осуществления экономического рывка, заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Для этого необходима концентрация ресурсов в развитии составляющих его перспективных производственно-технологических комплексов, что требует целенаправленной работы национальной финансово-инвестиционной системы, включающей механизмы денежно-кредитной, налоговой, бюджетной, промышленной и внешнеэкономической политики. Их необходимо ориентировать на становление ядра нового технологического уклада и достижение синергетического эффекта формирования кластеров новых производств, что предполагает согласованность макроэкономической политики с приоритетами долгосрочного технико-экономического развития. Последние должны формироваться исходя из закономерностей долгосрочного экономического роста, перспективных направ-

лений нового технологического уклада и национальных конкурентных преимуществ.

Abstract:

The central idea of a development strategy aimed at achieving the economic breakthrough goal set by the President of Russia consists in the accelerated establishment of industries essential to the new technological paradigm and bringing a new long wave of growth to the Russian economy. This requires concentrating the available resources on the development of promising industrial and technological complexes, which is premised on the target-driven functioning of the national financial and investment system, including the mechanisms of monetary, tax, budget, industrial, and foreign economic policy. Such mechanisms should be targeted at building the core of a new technological paradigm and achieving a synergistic effect of the establishment of new industry clusters, which implies that the macroeconomic policy is consistent with the priorities of long-term technological and economic development. The latter should be based on long-term economic growth patterns, promising areas of the new technological paradigm, and the nation's competitive advantages.

Ключевые слова:

Устойчивое развитие, технологический уклад, производственно-технологические комплексы, стратегическое и индикативное планирование, денежно-кредитная политика, инвестиционный импульс.

Keywords:

Sustainable development, technological paradigm, industrial and technological complexes, strategic and indicative planning, monetary policy, investment momentum.

Имея 6–8% ежегодного прироста ВВП, экономика России была искусственно загнана в стагфляционную ловушку решениями ЦБ по повышению ключевой ставки сверх уровня рентабельности реального сектора экономики и дестабилизацией курса рубля. Устойчивое развитие российской экономики, ее ремонетизация и модернизация, организация доступного для реального сектора долгосрочного кредита не могут быть обеспечены без исправления этих ошибок. Они стали возможными вследствие игнорирования руководством ЦБ рекомендаций научного и делового сообщества, а также следования рекомендациям вашингтонских финансовых организаций.

Предпринимаемые в настоящее время меры экономической политики не решают задачи обеспечения устойчивого развития экономики, поскольку не затрагивают причин падения инвестиционной и деловой активности. Исправление системных ошибок должно вестись в рамках общей системы мер по макроэкономической стабилизации и переходу

к опережающему развитию путем новой индустриализации и модернизации экономики на базе новейшего технологического уклада, исходя из поставленных Президентом целей долгосрочной экономической политики.

Стратегия опережающего развития экономики должна учитывать, что мировой кризис связан со сменой длинных волн экономической конъюнктуры. Выход из него связан со «штормом» нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада. По мере перетока капитала в наращивание составляющих его производств будет формироваться новая длинная волна подъема экономической конъюнктуры.

Именно в подобные периоды глобальных технологических сдвигов возникает «окно» возможностей для отстающих стран вырваться вперед и совершить «экономическое чудо». Для этого необходим мощный иницирующий импульс, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях становления нового технологического уклада и опередить другие страны в развертывании производства и сбыта его ключевых товаров и услуг.

С научно-технической точки зрения, выбираемые приоритеты должны соответствовать перспективным направлениям становления нового технологического уклада. С экономической точки зрения, они должны создавать расширяющийся импульс роста спроса и деловой активности. С производственной точки зрения, приоритетные производства, начиная с определенного момента, должны выходить на самостоятельную траекторию расширенного воспроизводства в масштабах мирового рынка, выполняя роль «локомотивов роста» для всей экономики. С социальной точки зрения, их реализация должна сопровождаться расширением занятости, повышением реальной зарплаты и квалификации работающего населения, общим ростом благосостояния народа.

Заявленные Президентом России В.В. Путиным конкретные цели повышения инвестиционной и инновационной активности позволяют сконцентрировать имеющиеся ресурсы и неиспользуемые резервы в целях всемерного содействия экономическому росту.

Верная диагностика состояния социально-экономической и производственной сферы, а также понимание того, что санкционный пресс будет лишь нарастать, позволяет на практике реализовать стратегию опережающего развития российской экономики. Вопреки мнению монетаристов и догматиков, поставленная Президентом задача обеспечения темпов экономического роста выше среднемировых и опережающего роста инвестиций абсолютно реализуема. Более того, имеющиеся резервы позволяют даже превысить этот показатель. Имеющийся научно-технический, производственный и человеческий потенциал позволяют наращивать объем выпуска продукции обра-

батывающей промышленности, строительства и сельского хозяйства не менее чем на 8% в год. Для этого необходимо наращивать инвестиции в освоение новых технологий с темпом не менее чем на 15% в год. Вся система регулирования экономики должна быть настроена на повышение инвестиционной и инновационной активности.

Деятельность правительства, министерств, государственных корпораций и банков, администраций субъектов Федерации и городов будет оцениваться по росту инвестиций в развитие подведомственных им отраслей и видов деятельности. Время безответственного следования конъюнктуре рынка, проедания сырьевых ресурсов и почивания на государственных активах прошло. Правительство должно научиться стратегическому планированию социально-экономического развития страны исходя из целей повышения уровня и качества жизни граждан. Обеспечивать реализацию принимаемых стратегических и индикативных планов, опираясь на механизмы частно-государственного партнерства, используя специнвестконтракты и другие современные инструменты организации выполнения совместно намеченных планов развития экономики. Банковская система должна обеспечивать бесперебойное кредитование инвестиций в модернизацию и расширение производственных мощностей предприятий, осваивающих перспективные направления НТП. Руководителям государственных банков надо более ответственно подходить к решению задач кредитования инвестиций в развитие реального сектора экономики. Их работа должна быть вписана в решение общих задач подъема инвестиционной и инновационной активности в соответствии со стратегическими и индикативными планами социально-экономического развития. Необходимо перейти от стабилизации к развитию экономики на основе нового технологического уклада.

Как показывает мировой опыт, для реализации открывающихся возможностей подъема на новой волне роста нового технологического уклада требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях модернизации и развития экономики. Его организация предполагает повышение нормы накопления до трети ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях нового технологического уклада.

Центральному банку нужно решительнее осваивать общепринятые в практике развитых стран механизмы кредитования развития экономики. Главной задачей сегодня является наращивание инвестиций в модернизацию и расширение производственных мощностей, освоение перспективных технологий мирового уровня. Глава государства уже много лет ставит эти цели. Они безальтернативны и касаются всех органов государственного управления. Банку России следует создать механизм предоставления долгосрочных и доступных для производ-

ственных предприятий кредитов. Пора от простых решений переходить к зрелой денежно-кредитной политике, соответствующей уровню и задачам развития нашей экономики. Взамен закрытых странами НАТО внешних источников кредита нужно создать не менее мощные внутренние. Российские предприятия должны кредитоваться в России на условиях не худших, чем в ЕС или в США. Тогда они не будут бегать по зарубежным банкам и уходить в офшоры, а будут заниматься долгосрочным развитием за счет внутренних источников.

Для обеспечения расширенного воспроизводства российская экономика нуждается в существенном повышении уровня монетизации, расширении кредита и мощности банковской системы, активизации роли ЦБ как кредитора последней инстанции. В отличие от экономик стран-эмитентов резервных валют, основные проблемы в российской экономике вызваны не избытком денежного предложения и связанных с ним финансовых пузырей, а хронической недомонетизацией экономики, которая длительное время работала «на износ» вследствие острого недостатка кредитов и инвестиций.

Разумеется, нельзя забывать о сдерживании инфляции, для снижения которой были принесены изрядные жертвы, включая падение инвестиций и потребления граждан. Настоящее таргетирование инфляции невозможно без реализации других целей макроэкономической политики, включая рост инвестиций, производства и занятости. Эти цели могут ранжироваться по приоритетности и задаваться в форме ограничений, достигаясь за счет гибкого использования имеющихся в распоряжении государства инструментов регулирования денежно-кредитной и валютной сферы. В сложившихся условиях приоритет следует отдавать росту производства и инвестиций в рамках установленных ограничений по инфляции и обменному курсу рубля. При этом для удержания инфляции в установленных пределах необходима комплексная система мер по ценообразованию и ценовой политике, валютному и банковскому регулированию, развитию конкуренции и принципиальной антимонопольной политике. И помнить, что главным фактором антиинфляционной политики является научно-технический прогресс и связанное с ним снижение издержек, а также повышение эффективности производства. А научно-технический прогресс без кредитов не бывает. Банку России следует помнить слова Шумпетера о том, что процент – это налог на инновации и не бояться его снижать до уровня, соответствующего рентабельности реального сектора экономики.

Мы накопили достаточно резервов, чтобы обеспечить стабильность национальной валюты. Не будем забывать, что в этом состоит установленная Конституцией цель деятельности Центрального банка. Без долгосрочной стабилизации курса рубля невозможно рассчитывать на рост инвестиций в капиталоемких отраслях промышленности, требующих длительных сроков окупаемости. Все должны понимать, что без выхода

на устойчивый рост инвестиций и объемов производства мы в ведущейся против нас финансово-экономической войне не устоим.

Для роста экономики нужны не только кредиты, но и современные знания и технологии. Следует признать, что отставание в этой области превысило критический порог безопасности. Реформы науки и образования не дали ожидавшихся результатов. Связи между фундаментальными и прикладными исследованиями, проектированием и конструированием, внедрением и коммерческим освоением новых технологий так и не заработали. Не оправдали себя венчурные фонды и другие институты развития. Предоставленные сами себе, они не напрягаются в поиске перспективных технологий, паразитируя на выделенных государством деньгах. А иногда просто растаскивают и зарывают в землю многомиллиардные бюджетные ассигнования, как это произошло в Роснано.

Необходимо прекратить бездумное реформирование этой деликатной сферы. И заняться налаживанием тысяч сложнейших связей между наукой, образованием и производством. Делать это надо на основе частно-государственного партнерства, поощряя инициативу и оказывая всемерную поддержку ученым и инженерам в поиске и освоении новых технологий. Особую роль в этом призвана играть Российская академия наук, которая могла бы взять на себя миссию интеллектуально-методического обеспечения механизма стратегического планирования.

Без кардинального повышения уровня ответственности за должное выполнение обязанностей государственными менеджерами и служащими мы задачу модернизации и развития экономики не решим. Для этого должна быть создана система управления научно-техническим и социально-экономическим развитием, ориентированная на достижение поставленных целей. В этой системе каждый наделенный властными полномочиями или государственным капиталом управленец должен понимать свои задачи и отвечать за их выполнение по соответствующим показателям. Построение такой системы, основу которой составляет недавно принятый Закон о стратегическом планировании, необходимо завершить уже в этом году.

Без долгосрочного целеполагания, без общей системной работы государства, предприятий и граждан по реализации курса на суверенное развитие на передовой технологической основе выстоять в развернутой против России гибридной войне, обеспечить устойчивость внутреннего социального и экономического порядка невозможно.

В целом развитие экономики должно быть подчинено решению задач повышения благосостояния людей. Деятельность всех органов власти необходимо нацеливать на повышение уровня и качества жизни народа. Наше правовое государство уже созрело для того, чтобы законодательно закрепить ответственность исполнительной власти перед

обществом за результативность проводимой социально-экономической политики. Пора принять закон об ответственности исполнительной власти за уровень общественного благосостояния, в котором установить объективные показатели повышения уровня и качества жизни населения, социально-экономического развития, по которым оценивать деятельность федерального правительства и руководителей субъектов Федерации.

Безусловным императивом при этом является бескомпромиссная борьба с социальным неравенством, позорным для нашей страны с ее вековой традицией запроса общества на социальную справедливость. Мы уже законодательно привязали минимальную зарплату к прожиточному минимуму. Нужно обеспечить его соответствие достойному уровню жизни. А также создать справедливый механизм распределения бремени государственных расходов пропорционально доходам и богатству налогоплательщиков. Наша налоговая система приобрела достаточно опыта борьбы с уклонением от налогов и вполне готова к применению современных методов прогрессивного налогообложения доходов. При этом доходы ниже прожиточного минимума должны быть освобождены от налогообложения. Одновременно можно будет снизить налогообложение доходов предприятий, направляемых на инвестиционные цели путем ускорения амортизации и освобождения от налогов расходов на инвестиционные и инновационные цели. Этот маневр позволит одновременно увеличить доходы бюджета и объемы инвестиций.

На фоне этих диспропорций у нас и стагнации мировой экономики быстрый экономический рост КНР, обеспечивший китайцам лидерство в новом технологическом и мирохозяйственном укладах, объясняется эффективной системой управления развитием КНР. Она сочетает стратегические и индикативные планы с целевым кредитованием инвестиционных проектов их достижения, с одной стороны, и рыночную конкуренцию в открытой экономической среде с избирательным государственным регулированием, с другой стороны.

Стратегическое планирование указывает перспективные направления развития экономики, опираясь на долгосрочные прогнозы НТП и понимание возможностей опережающего развития китайской экономики в рамках мировой. Индикативное планирование дает ориентиры деятельности органам государственной власти всех уровней по созданию условий для наращивания инвестиционной активности в целях роста производства для повышения уровня жизни населения. Оно также предоставляет предпринимателям возможность воспользоваться этими условиями. Рыночная конкуренция обеспечивает эффективность, а целевое кредитование – финансирование реализации инвестиционных проектов достижения запланированных целей. Государственное регулирование стимулирует деловую активность в направлении

роста производства и сдерживает ее деструктивные проявления (вывоз капитала, финансовые пирамиды и т.п.). Открытость дает возможность импорта передовых технологий и экспорта готовой продукции, принуждая предпринимателей к повышению конкурентоспособности продукции.

Стержнем всей системы регулирования китайской экономики является всемерное стимулирование инвестиционной и инновационной активности. Ключевую роль в этом играет государственный сектор, основу которого составляют: государственная банковская система, генерирующая кредит под индикативные планы роста инвестиций и производства; транспортная и энергетическая инфраструктура, развитию которой придается приоритетное значение в государственных планах; государственные корпорации, концентрирующие ресурсы для научно-технического развития экономики, разработки и внедрения передовых технологий.

Последовательное быстрое наращивание инвестиций в перспективных направлениях развития экономики обеспечило опережающий рост китайской экономики.

Опыт Китая и других динамично развивающихся стран говорит о том, что необходимым условием вывода российской экономики из стагфляции на траекторию устойчивого роста является быстрое и значительное, на 30–50%, наращивание инвестиций. Все успешные страны начинали экономический подъем с резкого наращивания государственных инвестиций, доводя норму накопления до 35–45% ВВП. В условиях низких доходов и сбережений населения первоначальное финансирование этого подъема шло за счет опережающего расширения внутреннего кредита путем целевой денежной эмиссии. В последующем, по мере роста доходов и сбережений, начинал работать стандартный банковский трансмиссионный механизм и значение эмиссионного источника финансирования инвестиций снижалось. Однако государственные инвестиции во всех быстро растущих странах продолжают играть ведущую роль в поддержании нужных для устойчивого экономического роста темпов наращивания капитальных вложений. Финансируются они денежными властями путем рефинансирования государственных банков и институтов развития под централизованно отбираемые инвестиционные проекты.

Так, 10-кратный рост ВВП в Китае с 1993 по 2016 год сопровождался ростом инвестиций в 28 раз, денежной массы и банковского кредита производственной сфере – соответственно в 19 и 15 раз. На единицу прироста ВВП приходится почти три единицы прироста инвестиций и около двух единиц прироста денежной массы и объема кредита. Это иллюстрирует действие механизма роста китайской экономики: увеличение экономической активности, измеряемое ВВП, обеспечивается опережающим ростом инвестиций, большая часть которого финансиру-

ется за счет расширения кредита государственной банковской системы. При этом весь период бурной монетизации экономики в Китае инфляция оставалась в пределах 4–7%. Низкая инфляция при этом обеспечивалась постоянным повышением эффективности и объемов производства товаров благодаря удержанию денежных потоков в контуре: кредитная эмиссия – рост инвестиций – рост объемов и эффективности производства – рост массы товаров при снижении удельных издержек их производства и цен – рост доходов – рост сбережений – рост инвестиций. Достигалось это путем привязки кредитов государственных банков к инвестиционным проектам развития производства под централизованным контролем и сквозной ответственности органов государственной власти за достижение индикаторов роста производства и инвестиций при системной борьбе с коррупцией. В целях недопущения перетока кредитных ресурсов на финансово-валютный рынок и за рубеж применялись ограничения на валютные операции капитального характера.

Подобный механизм используется всеми динамично развивающимися странами. Вопреки мнению наших денежных властей, даже Мировой банк вынужден был признать отсутствие статистической зависимости между динамикой денежной массы и инфляцией. Многочисленные исследования и мировой опыт доказали, что эта зависимость носит немонотонный характер и определяется отклонением монетизации экономики от оптимального значения. Чем больше это отклонение, как в сторону повышения денежной массы, так и в сторону снижения, тем выше инфляция.

Поэтому принципиальных проблем в использовании отработанных в Китае методов управления развитием экономики в России не существует. Они с успехом применяются не только в КНР, но и в Индии, Вьетнаме, Южной Корее, Сингапуре и других успешно развивающихся странах. Их характерной чертой, повторяю, является опережающее наращивание целевой кредитной эмиссии для финансирования инвестиций в соответствии с определяемыми государством приоритетами.

Контуры новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций

The contours of the new economic policy in context of the global transformations

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Ruslan S. GRINBERG

Vice President of the Free Economic Society of Russia, Academic Supervisor at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В работе описываются успехи и неудачи системной трансформации в РФ в сравнении с другими бывшими социалистическими странами. Оценивается качество макроэкономической стабильности в России и рассматривается фактор доверия в дискуссии об устойчивости низкой инфляции и курсе национальной валюты. Названы аргументы в пользу тезиса о хрупкости текущей макроэкономической стабилизации в стране в силу непреодоленной зависимости состояния экономики от волатильности мировых цен на топливно-сырьевые товары.

Выявляются потенциалы развития экономики РФ (природный, интеллектуальный, пространственный). Обосновывается тезис об особой актуальности использования пространственного потенциала посредством формирования транспортно-логистических коридоров.

Abstract:

The paper describes the successes and failures of a systemic transformation in the RF (in the Russian Federation), in comparison with other former socialist countries. It assesses the quality of macroeconomic stability in Russia and considers the trust factor in the discussion on the sustainability of low inflation and of the rate of the national currency. Arguments were named in favor of the thesis on the fragility of the current macroeconomic stabilization in the country, due to the overwhelming dependence of the

state of the economy on the volatility of world prices for fuel and raw materials.

The potentials of development of the economy of the RF (of the Russian Federation) (such as natural, intellectual, spatial), are revealed. The thesis is substantiated about the special relevance of the use of spatial potential through the formation of transport and logistics corridors.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, трансформация, Россия, макроэкономическая стабильность.

Keywords: New economic policy, transformation, Russia, macroeconomic stability.

Прежде всего хотел бы поблагодарить руководство Вольного экономического общества и президента Российской академии наук, за то, что начал работать Московский академический экономический форум. Как многие из вас знают, существовал Московский экономический форум (МЭФ). По разным причинам он прекратил свое существование, и поэтому я очень рад, что с некоторыми модификациями восстановлен институт, имевший общественное значение.

Прослушав выступления предыдущих ораторов, я вспомнил, что недавно сказал один российский губернатор. Когда его спросили, как дела в крае, он очень остроумно заметил: «Дела наши идут хорошо, но так дальше продолжаться не может». И это истинная правда.

Макроэкономическая стабильность: реальная или мнимая?

Начну с наших достижений, которые без всякой иронии можно назвать реальными. И действительно, низкая безработица, низкая инфляция, низкая задолженность, профицит бюджета, профицит платежного баланса, крупные валютные резервы – все это позволяет восхищаться нашей макроэкономической стабилизацией, ею восхищается весь мир и не устает хвалить руководителей денежно-финансового блока. Так, например, в докладе Всемирного банка отмечается, что гибкий валютный курс и накопление резервов помогают России противостоять внешним шокам [1]. Но я собираюсь оспорить такой «успех».

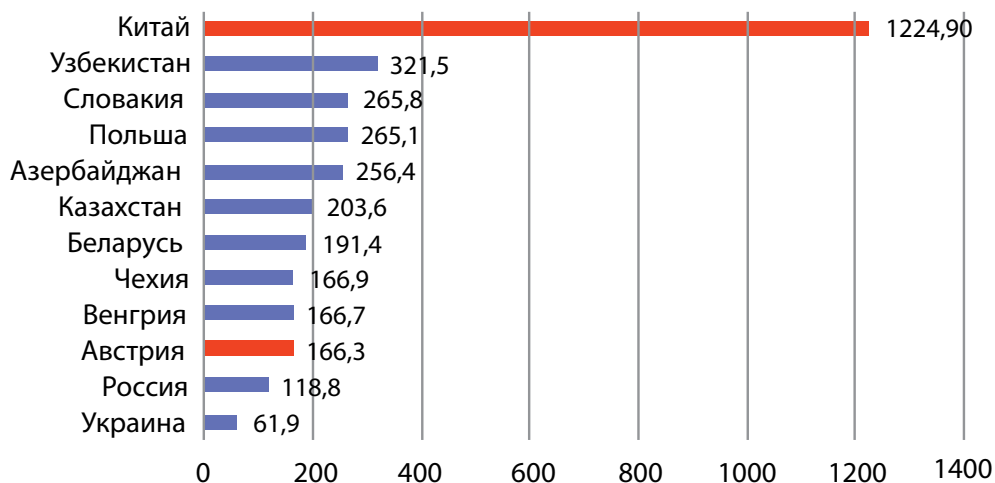
Вот профессор Мау только что заметил, что у нас очень хорошая макроэкономика, а счастья нет. А что значит счастья нет? А счастья нет, потому что нет экономического роста. Еще он сказал очень важную вещь, которую обычно не говорят люди его лагеря, что, собственно говоря, экономический рост сам по себе не нужен никому. Главное – плоды экономического роста, как они распределяются. Но он, конечно же, явно выдает желаемое за действительное, считая, что макроэкономи-

ческая стабильность России носит устойчивый характер. На самом деле она у нас очень хрупкая.

Ведь что такое на обычном языке макроэкономическая стабилизация? Это минимальная инфляция и устойчивый валютный курс национальной валюты. А теперь посмотрим на факты. Если мы хотим узнать среднегодовой темп инфляции России за последние тридцать лет, то мы получим поразительную цифру: скорость обесценения рубля в среднем ежегодно составляла 50% (52%). Но это, в общем-то, немножко нечестно, потому что в данном случае я брал данные по инфляции за 1992, 1993, 1994, когда у нас было 1200%, 800%, 900%, конечно, это нельзя. Но даже если мы возьмем период стабилизации, уже путинская Россия: вот с 2000 по 2018 год среднегодовая инфляция составила почти 11%. Это сейчас она составляет 4%, а ведь среднегодовое обесценение рубля на 11% – очень много по современным стандартам, особенно в сравнении со странами Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), где этот показатель заметно меньше (рис. 1). При такой инфляции всегда есть риск запуска спирали цены – доходы – цены и/или сокращения покупательной способности населения.

Рисунок 1.
Среднегодовые
темпы инфляции
в некоторых
странах СНГ и ЦВЕ
в 2000–2018 гг., %

Источник:
составлено
и рассчитано
по данным IMF.
World Economic
Outlook Database,
April 2019

Но особенно забавна наша гордость за устойчивость валютного курса. А факты таковы. Россия – чемпион мира по темпам обесценения (девальвации) рубля. За последние 20 лет рубль обесценился по отношению к иностранным валютам более чем в 10 раз – примерно с 6 до 65 руб. Это разве не скандал? Среди основных европейских стран более сильное падение национальной валюты отмечалось лишь в Украине, тогда как в Польше и Венгрии девальвация была весьма сдержанной, а в Чехии, наоборот, отмечалось ее укрепление (рис. 1). Но самое печальное заключается в том, что основные условия для очередного обвала рубля практически не изменились. Сохранение топливно-сы-

рьевой структуры экспорта в сочетании с либеральным режимом движения капиталов – это громадные риски для стабильности рубля. Не может быть доверия к валюте, курс которой существенно зависит от динамики цен на нефть, а ее стоимость малопрогнозируема. Так что говорить о том, что стабильность курса рубля сегодня обеспечена – это заниматься самообманом.

Таблица 1. Динамика среднегодовых курсов национальных валют к доллару США в некоторых странах ЦВЕ и СНГ в 1990–2018 гг.

Страны	1990	1995	2000	2010	2015	2018	2018 в % к 1995
Польша	0,95	2,42	4,35	3,02	3,77	3,61	149
Чехия	...	26,54	38,60	19,10	24,60	21,73	82
Венгрия	63,21	125,68	282,18	207,94	279,33	270,21	215
Россия	...	5,12*	28,13	30,37	60,94	62,67	1224
Украина	...	1,47	5,44	7,94	21,84	27,20	1847

* данные за 1996 г.

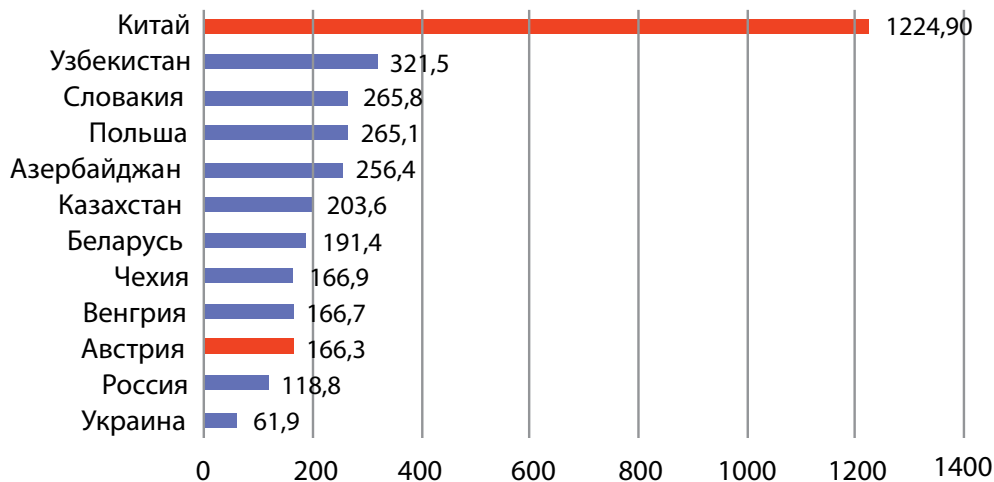
Источник: составлено и рассчитано по данным IMF. International Financial Statistics (IFS).

**Рисунок 2.
Динамика ВВП
отдельных
стран за период
1990–2017 гг.,
1990=100**

Подчеркну еще раз. Стабильность той или иной национальной валюты является обеспеченной только тогда, когда она сохраняется в течение долгого времени. Ретроспективный взгляд здесь имеет громадное значение. Но и сегодняшние реалии нельзя не учитывать. Так что с рублем может произойти все что угодно хотя бы потому, что никакого отрыва валютного курса рубля от цены на нефть не произошло. А цены эти могут на время взлететь (обострение геополитической напряженности), а потом стремительно снизиться из-за всемирной рецессии. И что тогда

**Примечание:
для Словакии
1992=100,
для Венгрии
1991=100**

**Источники:
составлено
и рассчитано
автором
по данным World
Bank. World
Development
Indicators**

будем делать? Опять уроним рубль в два раза, а потом начнем строить новую макроэкономическую «стабильность».

Теперь несколько замечаний по итогам 30-летней системной трансформации. Как известно, мы все – вся наша тридцатка трансформационных стран – хотели войти в первый, т.е. развитый мир. Но что получилось! Я взял Австрию как самую репрезентативную страну первого мира. Так, в Австрии ВВП вырос за 30 лет примерно на 66%, а в России – всего на 19% (рис. 2). О чем это говорит? Это говорит о том, что задача, мягко говоря, не решена. Что-то пошло не так, раз разрыв между первым миром и посткоммунистическими странами только увеличился. За неимением времени не буду говорить о причинах, скажу только: что делать?

О потенциалах развития России и целях на будущее

Обычно я говорю, что у нас есть три потенциала, два из которых используются, а один нет. Первый – это природный, он используется на все 100%. Плоды такого использования делятся скандально неравномерно, но это другая тема. Дитя не плачет – мать не понимает. Второй потенциал – интеллектуальный. По-прежнему есть двадцатка хороших университетов, и люди рожают хороших юношей и девушек пытливых, которые, правда, строят, продолжают после своего обучения строить капитализм в тех странах, на которые мы хотим походить. Это, конечно, ужасно, но это тоже реальный факт.

Ну, и третий – пространственный потенциал, который я считаю совершенно незадействованным. Мы в Институте экономики РАН этим занимаемся и через некоторое время появится наша концепция стратегии России, мы там исходим из того, что мы должны особенно использовать этот пространственный потенциал: высокоскоростную магистраль Транссиб-2 – все проверено, все расчеты выполнены, источники финансирования обозначены. Даже президент, насколько я знаю, все это одобрил, реально его это заинтересовало. Но дальше дело не двигается, и я еще скажу, почему.

Ну, и последний момент – цели, постановка целей, общественный выбор. Я считаю, очень странная задача – войти в пятерку экономик ведущих стран мира. Даже если это удастся, никто этого «успеха» (кроме Росстата) даже не заметит. Ну и что от того, что мы достигнем Федеративной Республики Германии по совокупному ВВП? Ну хотя бы сказали «на душу» населения. Или бы сказали, что есть такой индекс человеческого развития более-менее приличный, более-менее репрезентативный, который подсказывает, как жизнь развивается и где есть средний класс, где его нет. Но этого не происходит. А что происходит? А происходит вот такая чисто спортивная, я считаю, маргинальная цель – вот войти в эту пятерку. А что, Дания, Норвегия – они что, они как? Они хуже нас? А у нас там еще по реальным цифрам этого самого

ВВП, там у нас идет еще Индонезия, и Южная Корея тоже может нас догнать. Тем более у нас сейчас среднегодовые темпы 1,5%, а у них 3,5%, а у некоторых 4%.

Ну, и самая чувствительная вещь. Только что и Клепач, и Глазьев здесь говорили о том, что примерно известно, что надо делать, а почему не делается? И здесь я думаю, мы должны назвать, как англичане говорят, *to call a spade a spade* — «назвать лопату лопатой». Я думаю, что правящий дом наш никак не заинтересован ни в каком изменении ситуации, реально, если смотреть на вещи. И я вам должен сказать, что если бы я был на месте президента, то в текущей ситуации я бы тоже ограничился пока чисто ритуальной поддержкой. «Вообще-то надо, но пока не будем». А почему пока не будем? Потому что мир наш находится в турбулентной зоне, и мы находимся в турбулентной зоне, неизвестно, что будет с санкциями, а деньги мы будем сейчас тратить, и непонятно, что с ними будет (по опыту своему я знаю, что с ними будет), ну, в общем, давайте подождем.

Сменяемость власти — похоже, единственный остался вариант реального изменения ситуации. Вот Сергей Юрьевич говорил о том, что правительство Примакова, Геращенко и Маслюкова очень много сделало. И я вам хочу сказать, что это исключительно важная вещь, когда приходят люди на первые роли с совершенно другими взглядами — принципиально другими. Они могут ошибаться, но, с другой стороны, есть большой шанс на то, что действительно политика может быть изменена.

Яркий пример — это политика Лешека Бальцеровича и политика Егора Гайдара. И тот, и другой принадлежат одной школе мышления, и тот и другой проводили, как известно, так называемую шоковую терапию. Было очевидно, что в результате такой терапии возникнет массовая бедность и избиратели отвернутся от шокотерапевтов. Так вот, в Польше договорились. Раз мы хотим демократии, то мы должны допустить приход новой группы людей, которые могли бы изменить ситуацию. И им это удалось. У нас это тоже удалось на время — на время правления Примакова — Геращенко — Маслюкова, но только для того, чтобы предотвратить катастрофу. Ну а потом, как вы знаете, возобновилась прежняя практика рыночного фундаментализма уже без каких-либо шансов на сменяемость власти.

- List of References:**
1. Russia Economic Report. June 2019. Modest Growth; Focus on Informality. World Bank Group, 2019.
 2. IMF. World Economic Outlook Database, April 2019 // <https://www.imf.org/en/data>.
 3. IMF. International Financial Statistics (IFS) // <https://www.imf.org/en/data>.

4. World Bank. World Development Indicators // <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators>.

Контактная информация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН)
Адрес: 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

Contact information:

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS)
Address: 32 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russia

E-mail: ea3@inecon.ru

Победа над бедностью: национальные цели и реальная политика

Victory over poverty: national goals and real politics

СМОЛИН Олег Николаевич

Депутат Государственной Думы, Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, член Президиума ВЭО России, доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии образования

Oleg N. SMOLIN

Deputy of the State Duma, the First Vice-Chairman of the Committee of the State Duma on education and science, Professor, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Doctor of Philosophy, Member of the Russian Academy of Education

Аннотация:

Одной из национальных целей, сформулированных в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 года, является сокращение вдвое в течение шести лет числа бедных граждан.

В статье анализируются:

- данные статистики и социологических исследований, позволяющие определить реальный уровень бедности в стране;
- ее особенности в России, включая бедность работающего населения, пенсионеров и особенно семей с детьми;
- причины распространения бедности и возможные пути ее преодоления.

При этом автор приходит к выводу, что главными из таких причин являются низкие темпы экономического роста и высокий уровень неравенства в стране.

По мнению автора, при инерционном сценарии реализуемой экономической и социальной политики национальные цели в части сокращения бедности реализованы не будут. Для этого необходимы новая индустриализация, ограничения социального неравенства и вложения в человеческий потенциал.

Abstract:

One of the national goals formulated in the Presidential Decree No. 204 of 7 May 2018 is reduction of the number of poor citizens by half within six years. The article reviews:

- the statistics and the data of sociological research, that allow to define the real rate of poverty in the country;
- its peculiarities in Russia including the poverty of workforce, senior citizens and especially families with children;
- the causes of the spread of poverty and the possible ways of its overcoming.

Meanwhile the author concludes that the most important causes are the low economic growth rate and the high level of inequality in the country.

According to the author the national goals, the reduction of poverty in particular, will not be realized under the inertial scenario of the implemented economic and social policy. That requires new industrialization, constraints of social inequality and investments in human capacity.

Ключевые слова:

Уровень бедности, прожиточный минимум, потребительская корзина, основные социально-демографические группы населения, малоимущие домашние хозяйства, минимальный потребительский бюджет, средняя заработная плата, медианная заработная плата, социальное неравенство, новая индустриализация.

Keywords:

Poverty rate, subsistence level, consumer basket, general socio-demographic groups of population, poor households, minimum consumption budget, average salary, median wage, social inequality, new industrialization.

Как известно, в Указе Президента России от 7 мая 2018 года № 204 в числе важнейших национальных целей значится сокращение в течение ближайших шести лет числа бедных в два раза. Однако как решить эту задачу, в указе не указано. Четкого плана нет и у правительства, хотя некоторые его фрагменты проникают в печать. Однако, прежде чем о них говорить, надо определиться с тем, о какой именно бедности идет речь.

Согласно официальной статистике, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума изменялось следующим образом (данные Росстата от 30.04.2019, млн чел.):

Год	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума
1995	36,5 (24,8%)
2000	42,3 (29,0%)

Год	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума
2005	25,4 (17,8%)
2010	17,7 (12,5%)
2015	19,5 (13,3%)
2017	19,3 (13,2%)
2018	18,7 (12,9%)

Как видим, в 2018 году бедных стало даже больше, чем в 2010-м. Более того, несмотря на задачи, поставленные в Указе Президента России от 7 мая 2018 года № 204, Счетная палата РФ и в 2019 году ожидает увеличения числа бедных в стране.

Однако по аналогии с выборами и в этом случае можно сказать: неважно, кто получает доходы – важно, кто и как их считает!

1. Потребительская корзина, на основании которой рассчитывается российский прожиточный минимум, более чем скудна и при этом заморожена в течение восьми лет – до 2020 года включительно. Она предполагает хлебно-картофельную диету и вынужденную экономию почти на всем.

Не случайно перед каждыми выборами в федеральный и региональные парламенты между кандидатами в депутаты вновь и вновь возникают дискуссии: на основании каких норм эта потребительская корзина рассчитана – лагерных, блокадного Ленинграда или каких-либо еще. На самом деле она рассчитывается на основе норм, установленных Организацией Объединенных Наций для развивающихся стран Азии и Африки. Однако, как известно, климат в России не африканский, не говоря уже о том, что страна претендует на роль одной из Великих держав.

2. В последние годы неоднократно приходилось наблюдать следующую картину: Росстат одновременно признавал рост цен и снижал размеры прожиточного минимума. Например, в третьем квартале 2015 года, согласно официальным данным, рост цен по отношению к предыдущему периоду составил 0,72%, при этом прожиточный минимум в том же квартале того же года относительно предыдущего квартала сократился на 3,4%. И такая ситуация повторялась неоднократно.

Видимо, имея в виду подобные «чудеса», Председатель Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам А.М. Макаров заметил на Санкт-Петербургском экономическом форуме 2017 года (цитирую по памяти): после того, как мы подчинили Росстат Минэкономразвития, нам по плечу любые показатели! Если вопрос о борьбе с бедностью будет решаться таким же способом, она мгновенно окажется «побежденной»: всех бедных объявят богатыми или, по крайней мере, обеспеченными.

Размер средней пенсии в некоторых странах мира в 2018 году

Страна	Размер пенсии (доллар США)
Швейцария	3400
Япония	2850
Германия	2650
Норвегия	2340
США	2150
Греция	930
Чехия	570
Польша	510
Эстония	440
Россия	215
Казахстан	160
Беларусь	160
Азербайджан	120
Украина	100
Грузия	90
Кыргызстан	60
Таджикистан	50

3. Представители власти, в т.ч. с парламентской трибуны, нередко заявляют, что бедных пенсионеров в России нет. Аргументируется это следующим образом: согласно действующему закону, к пенсиям ниже прожиточного минимума по Российской Федерации в целом или по региону производятся доплаты до размера прожиточного минимума, соответственно, из федерального или регионального бюджетов.

Однако следует иметь в виду, что прожиточный минимум пенсионера в России значительно ниже, чем работающего человека, который также крайне занижен. В первом квартале 2019 года прожиточный минимум для трудоспособных установлен на уровне 11 655 руб., а для пенсионеров – 8894 руб. При этом хорошо известно: потребность в пище от возраста зависит мало; расходы на оплату жилья и коммунальных услуг у работающих и пенсионеров также примерно одинаковы; потребность в лекарствах и медицинской помощи с годами только растет. Кстати, согласно материалам Счетной палаты, подготовленным под руководством Т.А. Голиковой (ныне заместитель Председателя Правительства РФ по социальным вопросам), бесплатная меди-

цинская помощь в стране все более и более вытесняется платными услугами. Помимо всего этого, автору не раз приходилось сталкиваться с ситуациями, когда пенсионеры, особенно на селе, помогают внукам и безработным детям.

Напомним данные о размерах средних пенсий в некоторых странах в 2018 году.

4. Самые бедные в России – даже не пенсионеры, но семьи с детьми.

По данным Росстата, их доля среди бедных в последние годы всегда превышала 60%.

Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств (домашние хозяйства со среднедушевыми располагаемыми ресурсами ниже прожиточного минимума):

Год	Доля малоимущих домашних хозяйств
2012	62,2%
2013	64,0%
2014	62,9%
2015	62,6%
2016	62,4%
2017	81,0%

По данным того же Росстата, с 2011 по 2016 год эти семьи становились только беднее. В 2011 году до прожиточного минимума на человека им не хватало 1768 руб., а в 2016 – уже 2836,8 руб. Что же касается 2017 года, то он стал рекордным по доле семей с детьми среди бедных. При этом чем больше в семье детей, тем выше шанс попасть за черту бедности.

5. Отечественный прожиточный минимум неоднократно проходил испытания экспериментальным путем со стороны людей, которые привыкли жить нормально, в т.ч. журналистов и парламентариев. При этом депутат-рекордсмен утверждал, что смог прожить на эти деньги неделю. А другой участник эксперимента честно признался, что за вечер в ресторане с семьей проел больше, чем законом установил для своих избирателей на целый месяц.

Не случайно Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) постоянно доказывает: более или менее нормально может жить не тот, кто получает доходы на уровне отечественного прожиточного минимума, но тот, чей доход не ниже минимального потребительского бюджета. Кстати, за годы последнего экономического кризиса (2014–2016) этот бюджет на фоне периодического снижения официального про-

житочного минимума увеличился с 25 до 36 тыс. руб. На этот уровень и должна ориентироваться отечественная политика в отношении минимальной заработной платы. Разумеется, не одновременно, но поэтапно.

Кстати, по данным ФНПР, еще до 2014 года зарплату ниже минимального потребительского бюджета получали около половины всех работников в стране. В настоящее время этот показатель резко ухудшился. Отметим, среди прочего, что в условиях чрезвычайно высокого неравенства в доходах социальная политика должна была ориентироваться не на среднюю, но на медианную заработную плату, ниже которой оказывается оплата труда половины работников.

В настоящее время (по данным за 2018 год) средняя заработная плата в России составила 39 167 руб., а медианная – 28 345 руб. (по данным выступления депутата Госдумы О.В. Шеина 5 июня 2018, – 23 тыс. руб.).

6. В конце 2018 года Правительство РФ отчиталось о том, что исполнило президентские указы от 7 мая 2012 года на 94%. При этом методика расчета таких процентов, разумеется, представлена не была. И не случайно: данные правительства резко расходятся не только с оценками независимых экспертов, но и с опросами Общероссийского народного фронта – организации, созданной для расширения политической базы Президента РФ.

Так, согласно опросу Общероссийским народным фронтом пяти тысяч учителей в 2016 году, в 75 из 85 регионов Российской Федерации Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года в части оплаты учительского труда не был исполнен.

По данным исследования РИА Рейтинга, проведенного по заказу РИА Новости в 2019 году, треть работников сферы образования (более 30 процентов) в 51 из 85 регионов России до сих пор зарабатывают менее 15 тысяч рублей в месяц, что значительно ниже не только средней, но и медианной зарплаты по региону.

В стране наблюдается также глубокое неравенство в оплате педагогического труда. По данным специального исследования, средняя зарплата учителя в Ямало-Ненецком автономной округе в 2017 году составляла более 96 тыс. рублей, а в Алтайском крае – лишь около 20 тыс. рублей, т.е. отличалась в 4,8 раза. В 2018 году московское правительство заявило о том, что средняя зарплата учителя в столице составила 107 тыс. руб. Принцип равной оплаты за равный труд в стране не нарушается, но просто игнорируется.

Выступая на расширенных парламентских слушаниях в Госдуме 24 июня, автор этих строк обратил внимание министра просвещения О.Ю. Васильевой на то, что педагоги крайне удивляются, когда узнают из официальной статистики о размерах своей заработной платы.

7. Некоторое реальное представление об уровне бедности в России дают социологические опросы.

Приведем результаты опроса ВЦИОМ весной 2017 года:

	Доля населения
Не хватает денег на еду (это не бедность, явная нищета)	10%
Хватает денег на еду, но не хватает на одежду (это прямая бедность)	29%
Деньги есть на еду и одежду, но не хватает на приобретение товаров длительного пользования (это верхняя часть «низшего класса»)	41%
Могут позволить себе все вышеперечисленное, но не более (реальный размер «среднего класса»). В социальных государствах Европы он составляет около 60%	14%
Могут без проблем приобрести автомобиль, но квартиру или дачу уже не могут (это нижний слой т.н. высшего класса)	3%
«Высший класс»	3%

При другой системе опроса сходные по смыслу данные были получены Росстатом в результате «Комплексного наблюдения условий жизни населения» за 2018 год (опубликованы 1 апреля 2019 года). Согласно этим данным:

- 79,5% российских семей испытывают явные финансовые трудности, в т.ч.
 - 14,6% сталкиваются с «большими затруднениями».
- В частности:
- 53,1% семей не могут себе позволить заменить самую простую мебель, пришедшую в негодность;
 - 52,9% домохозяйств не могут «справиться с неожиданными тратами», такими как срочные медицинские услуги или ремонт;
 - 49,1% не могут позволить себе каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома;
 - 35,4% не имеют возможности «покупать каждому члену семьи две пары удобной и подходящей по сезону обуви (по одной на каждый сезон)»;
 - 25% не могут позволить себе пригласить гостей на семейное торжество — день рождения, Новый год и др.;
 - 21,1% не имеют финансовой возможности употреблять фрукты в любое время года;
 - 11% не могут оплачивать жизненно необходимые лекарства;
 - 10,1% не в состоянии позволить себе питание из мяса, птицы, рыбы (или равноценную вегетарианскую пищу) хотя бы раз в два дня.

Другие исследования также дают аналогичные результаты: примерно каждая десятая российская семья живет в условиях нехватки денег на питание (нищета) и еще примерно 30% должны быть отнесены

к бедным. Суммарно российская бедность в реальном измерении – около 40% населения.

8. На «правительственном часе» в Госдуме 3 апреля 2019 года заместитель Председателя Правительства РФ Т.А. Голикова заявила, что правительство изучает причины бедности в России. В условиях глубокой дефицитности региональных бюджетов часть региональных чиновников восприняла такого рода заявление как призыв к искусственному сокращению бедности.

Прозвучали, в частности, предложения при определении категорий граждан, имеющих право на социальную помощь, учитывать не только реальные, но и потенциальные доходы (наличие дачного участка, автомобиля и т.п.). Разумеется, практика знает случаи, когда люди со значительными неофициальными доходами обращаются за социальными выплатами, однако эти случаи статистически незначимы. Поэтому реализация предложений подобного рода, возможно, уменьшит номинальную (статистическую) бедность, но явно увеличит реальную нищету, заметно сократив число получателей социальной помощи.

Вряд ли следует тратить бюджетные средства на подобные исследования и эксперименты, ибо даже поверхностный взгляд легко обнаруживает не менее шести таких причин.

Первая – недопустимо низкий уровень минимальной зарплаты, который не обеспечивает прожиточного минимума даже самому работающему (ибо из «минималки» вычитается 13-процентный подоходный налог), не говоря о членах его семьи.

Вторая – недопустимо низкий уровень минимальных пенсий и большинства пенсий вообще.

Как известно, их повышение темпами, превышающими инфляцию, было объявлено едва ли не главной целью «реформы», связанной с повышением пенсионного возраста. При этом в 2019 и последующие годы пенсии было обещано повышать в среднем на одну тысячу рублей ежегодно. Однако:

1) индексация в среднем на одну тысячу рублей означает, что высокие пенсии увеличиваются более, чем на тысячу, а низкие пенсии – менее чем на тысячу рублей, что явно не способствует уменьшению бедности;

2) в начале 2019 года пенсии, размеры которых не достигают прожиточного минимума пенсионера в данном регионе, вообще практически не индексировались, поскольку суммы индексации покрывались доплатами до прожиточного минимума пенсионера. Так продолжалось до тех пор, пока, в соответствии с решением Президента РФ, Госдума не приняла Федеральный закон от 01.04.2019 № 49-ФЗ «О внесении изменений в статью 12.1 Федерального закона „О государственной социальной помощи“ и статью 4 Федерального закона „О прожиточном минимуме в Российской Федерации“», который предусматривает,

что индексирование пенсий производится после начисления доплат до прожиточного минимума пенсионера;

3) относительная цена индексации пенсий в среднем в объеме одной тысячи рублей неизбежно будет снижаться.

По данным министра труда и социального развития М. Топилина, средний размер страховой пенсии по старости составил в России в 2018 году 14,4 тыс. рублей. Президент В. Путин называл несколько иную величину – 14 140 руб.

Правительство заявило о намерении в течение шести лет (до 2024 года включительно) поднимать пенсии на 1000 рублей ежегодно. И довести примерно до 20,5 тыс. рублей. При этом надо иметь в виду следующее.

Во-первых, согласно действующему закону, страховые пенсии должны индексироваться в соответствии с темпами инфляции. Прогнозируемый правительством уровень инфляции на ближайшие годы – 4%. От размера средней пенсии в 2018 году 14,4 тыс. рублей это составило бы в 2019 году 576 руб., т.е. более половины от обещанной тысячи. При этом большинство экономистов убеждены, что повышение налога на добавленную стоимость на 2% увеличит инфляцию, минимум, на 1,5–2%, т.е. не исключено, что страховые пенсии пришлось бы индексировать более чем на 576 руб.

Во-вторых, обещанное ежегодное увеличение пенсии на 1000 рублей в процентном отношении будет уменьшаться с каждым годом.

Так, в 2019 году при инфляции в 4% оно составит 6,5% (1000 руб. / 15,4 тыс. руб. – ожидаемый размер средней пенсии в 2019 году = 6,5%).

Однако уже в 2024 году по отношению к 2023 году увеличение составит 1000 руб., т.е. лишь на 0,9% больше индексации, положенной пенсионеру без всякого повышения пенсионного возраста (1000 руб. / 20,5 тыс. руб. = 4,9%).

Нетрудно сосчитать, что уже в 2028 году, если рост пенсии на 1000 руб. ежегодно продолжится, он не превысит прогнозной инфляции в 4%.

Как видим, и эти меры вряд ли способны существенно уменьшить бедность в стране.

Интересно, что, когда фракция КПРФ выступила в Парламенте с предложением поэтапно поднять минимальную заработную плату до 25 тыс. руб. в месяц, ее немедленно обвинили в популизме. Однако патриарх отечественной академической науки академик А.Г.Аганбегян на экспертной сессии Президиума Вольного экономического общества в Совете Федерации 26 апреля 2019 года заявил о необходимости поднимать минимальную заработную плату и пенсии, как минимум, до 25 тыс. руб. При этом выдающегося экономиста в популизме обвинить никто не решился.

Третья причина – реальная безработица, которая с учетом большого числа людей, работающих в условиях неполного рабочего дня

Заявленный Правительством РФ рост размера страховых пенсий по старости:

Год	Рост пенсий в руб.	Рост пенсий в %	Рост пенсий в % за вычетом ожидаемой инфляции в 4%
2018	14 400	3,7	
2019	15 400	6,5	2,5
2020	16 400	6,1	2,1
2021	17 400	5,7	1,7
2022	18 400	5,4	1,4
2023	19 400	5,2	1,2
2024	20 400	4,9	0,9
2028	24 400	4,0	0

или неполной рабочей недели, значительно выше официальных показателей.

Четвертая причина – дети: чем больше их в семье, тем семья беднее.

Пятая причина – экономическая стагнация, практическое отсутствие экономического роста. Спад в экономике начался еще до санкций, в четвертом квартале 2013 года; в 2014–2016 годах страна имела т.н. отрицательный рост. Да и в 2019 году на фоне требований Президента РФ превысить мировые темпы экономического развития плановый рост экономики должен составить лишь 1,3%. Причем показатель первого квартала 2019 года – 0,5%. При этом жизненный уровень населения падает шестой год подряд.

Официальные прогнозы на среднесрочную перспективу расходятся. Минфин ожидает 7-процентного роста в 2021 году, тогда как Минэкономразвития полагает, что к 3% роста экономика страны приблизится только к 2024 году. Очевидно: преодолевать бедность нужно прежде всего путем увеличения общественного «пирога».

Шестая причина – рекордный уровень социального неравенства. Современная Россия представляет собой классическую иллюстрацию теории К. Маркса, когда бедность порождается самим богатством. Страна установила рекорд социального неравенства «Большой двадцатки»: по данным швейцарского Агентства Credit Suisse, 1% населения владеет 71% национального богатства. И при этом остается единственной в той же «Двадцатке», где отсутствует прогрессивная шкала налогообложения.

9. Уместен вопрос, насколько экономическая и социальная политика правительства в основных ее составляющих способствует реальному

сокращению бедности в стране? С точки зрения автора, ответ противоречивый: по частным вопросам скорее да; в целом, скорее нет.

Иллюстрируя первый тезис, можно напомнить:

■ проект федерального закона о повышении критерия нуждаемости от 1,5 до 2 прожиточных минимумов, дающий семьям право на получение пособия на ребенка до полутора лет в размере прожиточного минимума ребенка в соответствующем субъекте Российской Федерации;

■ Указ Президента РФ от 07.03.2019 № 95 об увеличении пособий неработающим родителям на уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства до 10 тыс. руб.;

■ Федеральный закон от 03.07.2019 № 157-ФЗ о выплате 450 тыс. руб. на погашение ипотечного кредита родителю, у которого с 1 января 2019 года по 31 декабря 2022 года родился третий ребенок или последующие дети.

Однако общей картины это не меняет. Рассмотрим лишь два примера.

Первый пример – т.н. пенсионная реформа, точнее, повышение пенсионного возраста. До принятия соответствующего закона мужчины в возрасте 60–64 года и женщины в возрасте 55–59 лет могли получать одновременно и пенсию, и заработную плату. Однако после его вступления в силу будут получать только зарплату, как правило, низкую. При этом многие станут безработными. Нетрудно прогнозировать, как это повлияет на реальный уровень бедности.

О других социальных последствиях законопроекта говорят хотя бы данные о количестве мужчин, не доживающих в разных странах до 65 лет:

■ Исландия, Швейцария	10%
■ Швеция, Италия, Нидерланды, Мальта, Норвегия	11%
■ Литва	36%
■ Молдавия	37%
■ Украина, Белоруссия	40%
■ РОССИЯ	43%

Очевидно: после повышения пенсионного возраста доля российских мужчин, не доживающих до 65 лет, еще более увеличится, и страна обновит печальный европейский рекорд.

Пример второй – повышение налога на добавленную стоимость (НДС). Даже Минэкономразвития РФ признало: в результате цены, в т.ч. на товары первой необходимости, выросли больше, чем первоначально планировалось. Вряд ли число бедных от этого сократится. Зато «сверхплановое» замедление темпов экономического развития в первом квартале 2019 года с повышением НДС явно связано. А стагнация,

как уже упоминалось, с бедностью связана непосредственно. Не случайно Счетная палата РФ не прогнозирует сокращения бедности, как минимум, до конца 2019 г.

10. На взгляд автора, чтобы победить бедность, необходима принципиально новая экономическая и социальная политика. Вот три «кита», на которых она могла бы держаться:

- 1) «новая индустриализация»: воссоздание разрушенной промышленности на новой технологической основе, в т.ч. цифровой;
- 2) более справедливое распределение: снижение налогов на отечественных товаропроизводителей и их повышение – на «олигархов», т.е. лиц со сверхвысокими доходами, хотя бы до сниженного президентом Трампом американского уровня;
- 3) наращивание вложений в человеческий потенциал России, включая образование, медицину, науку и культуру.

Закончу цитатой из собственного выступления на круглом столе в Госдуме 8 апреля 2019 года: «В противном случае реальная бедность в стране будет расти на фоне отчетов о том, как мы ее побеждаем, а нам придется вспомнить грустный прогноз: жить будем плохо, но не долго. Так давайте лучше долго, но хорошо!»

Арктика и Мировой океан: глобальные и российские тренды развития нефтегазовой отрасли

Arctic and World Ocean: global and Russian trends of oil and gas industry development

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Василий Игоревич

Заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией «Шельф» Института проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), член Правления ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор технических наук

Vasily I. BOGOYAVLENSKY

Deputy Director for Science, Head of "Shelf" laboratory, Oil and gas research institute of RAS, Member of the Board of VEO of Russia, Corresponding member of RAS, doctor of technical science

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Игорь Васильевич

Научный сотрудник Института проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН)

Igor V. BOGOYAVLENSKY

Researcher, Oil and gas research institute of the RAS

Аннотация:

Рассмотрены основные тренды развития мировой нефтегазовой индустрии и сделаны рекомендации по освоению ресурсов углеводородов арктических и субарктических морей России. Показано глобальное влияние «сланцевой революции», поднявшее нефтегазовый сектор экономики США на лидирующие мировые позиции, тормозящее развитие морской нефтегазовой отрасли (особенно в Арктике) и влияющее на уровень мировых цен на углеводороды. Рассмотрены основные проблемы освоения ресурсов нефти и газа на акваториях Мирового океана и Арктики. Обосновано, что из-за низкого уровня изученности лито- и гидросфер Арктики широкомасштабное освоение углеводородных ресурсов акваторий Арктики способно принести колоссальные убытки, связанные с необходимостью ликвидации

возможных катастроф, которые ранее неоднократно происходили на суше Арктики.

Abstract:

The main trends in the development of the world oil and gas industry are considered and recommendations on the development of the hydrocarbon resources of the Arctic and subarctic seas of Russia are made. The global influence of the “shale revolution” has been shown, raising the US oil and gas sector to leading global positions, inhibiting the development of the offshore oil and gas industry (especially in the Arctic) and affecting the level of world hydrocarbon prices. The main challenges of oil and gas resources development in the World Ocean and the Arctic are considered. It has been substantiated that due to the low level of knowledge of the Arctic lithosphere and hydrosphere, the large-scale development of the hydrocarbon resources of the Arctic shelf can cause enormous losses associated with the need to eliminate possible catastrophes that have repeatedly occurred in the Arctic onshore.

Ключевые слова:

Нефтегазодобыча, глобальные тренды, воспроизводство минерально-сырьевой базы, «сланцевая революция», сланцевые углеводороды, шельф Арктики, Мировой океан, Арктическая зона, геоэкология.

Keywords:

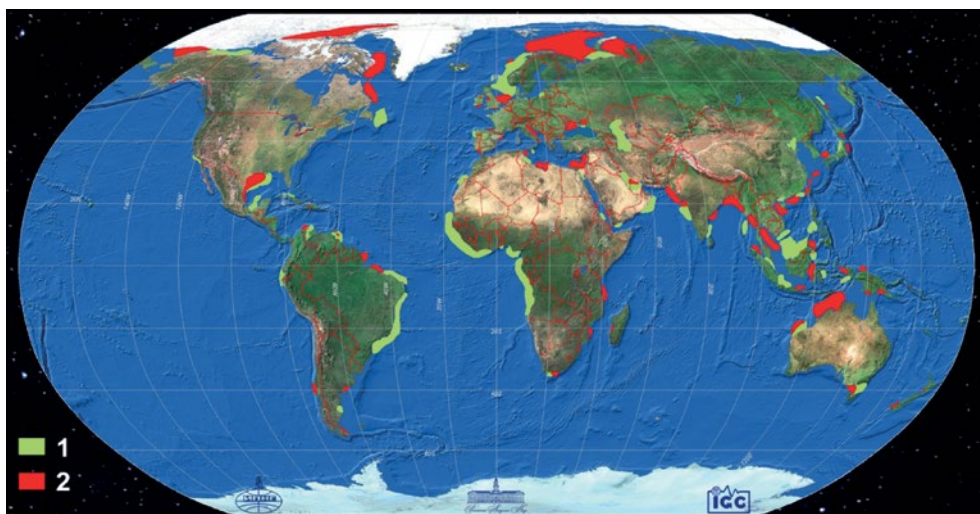
Oil and gas production, global trends, reproduction of the mineral resources base, shale hydrocarbons, Arctic shelf, World Ocean, Arctic zone, geoeology.

Для правильного определения вклада и перспектив территории суши Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), акваторий Арктики и Мирового океана в уровнях мировой нефтегазодобычи необходим анализ современного состояния и основных трендов развития нефтегазовой индустрии мира и ведущих нефтегазодобывающих стран, включая США и Россию.

В последние годы в нефтегазовой индустрии мира происходят или уже произошли серьезные изменения, оказывающие значительное влияние на экономику не только на локальном уровне отдельных стран, но и в глобальном масштабе [1–40]. Среди особенно важных событий отметим активную разработку и совершенствование технологий повышения нефтеотдачи и добычи углеводородов (УВ) из традиционных и нетрадиционных (unconventional) залежей, приведшие к «сланцевой революции» в США и тиражируемой другими странами. Значительно расширяются ресурсные базы давно открытых и новых нефтегазоносных бассейнов (НГБ) в Мировом океане, включая шельф и континентальный склон Бразилии, шельф Израиля, Кипра, Танзании, Мозамбика,

Австралии и ряда других стран (рис. 1). В большинстве новых открытий преобладает газ, что увеличивает конкуренцию для ПАО «Газпром» и его шельфовых проектов в Арктике. Кардинальные изменения в направлениях мировых поставок газа вносит активно расширяющееся производство и транспортировка сжиженного природного газа (СПГ). Не за горами «газогидратная революция», подготовка которой ведется в Китае и Японии, в чем мы убедились, побывав в этих странах.

Рисунок 1.
Нефтегазоносные
бассейны
Мирового океана
с преобладанием
нефти (1)
и газа (2)

Особенности мировой нефтегазодобычи. Жидкие углеводороды

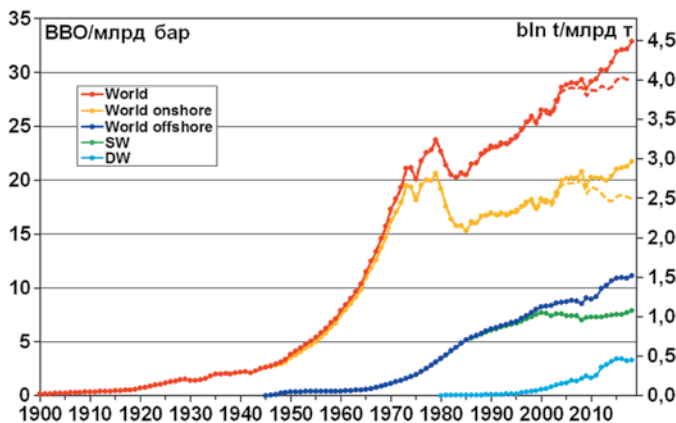
На фоне продолжающегося мирового экономического кризиса в 2015 г. произошло специально организованное (по мнению авторов) перепроизводство жидких УВ (ЖУВ – нефть, конденсат и жидкие УВ, выработанные из газа) [2, 16], что отрицательно сказалось на рыночной цене на все УВ. Цена на нефть марки Brent (crude oil) снизилась к 20 января 2016 г. до 28,2 долл./барр. В сентябре – октябре 2016 г., благодаря дипломатическим усилиям России, появилась надежда на улучшение ситуации – удалось договориться со странами ОПЕК о снижении квот на добычу нефти. В конце 2016 г. наметился рост цен на нефть, и в 2017 г. она стабилизировалась в районе 50–55 долл./барр., что доказало эффективность внедрения в мировую рыночную экономику элементов глобального стратегического планирования [16]. В октябре 2018 г. установлен локальный (за три года) рекорд стоимости нефти марки Brent (около 86 долл./барр. или 81,03 долл./барр. в среднем за октябрь) [22]. Отметим, что в 2018 г. среднегодовая стоимость нефти 71,3 долл./барр. выросла на 31,6% по сравнению с 2017 г. (54,19 долл./барр.) [24].

По данным Минфина РФ средняя цена на нефть марки Urals продолжала свой рост с 41,9 долл./барр. в 2016 г. до 53 долл./барр. в 2017 г. (на 26,6%) и до 70 долл./барр. в 2018 г. (на 32%) [21]. В результате впервые после 2011 г. вместо традиционного дефицита сложился профицит

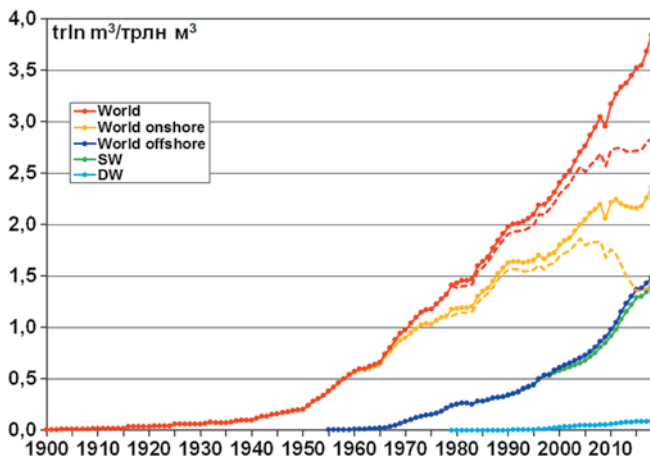
бюджета. Потери от ограничений добычи нефти с большим запасом компенсируются и приносят прибыль за счет значительного роста стоимости УВ. Это лишний раз свидетельствует о необходимости применения механизмов планирования в отечественной и глобальной экономиках.

В последние годы происходил стабильный рост производства и потребления ЖУВ и газа, что отображается на рис. 2, подготовленном с учетом многочисленных зарубежных источников, включая отчеты BP, EIA, IHS и др. [23, 24, 38, 39 и др.]. В 2017 г. производство ЖУВ выросло незначительно (на 0,27%) и достигло 4,379 млрд т, а в 2018 г. произошел сильный рост (на 2,17%) до 4,474 млрд т (рис. 2.1). По состоянию на 2018 г. доля добычи УВ в морских НГБ по отношению к общемировому производству ЖУВ достигла 33,9% по нефти с конденсатом (НК) и 38,6% по газу.

Рисунок 2.
Мировые объемы производства (World) жидких углеводородов (1) и газа (2), в том числе на суше (World onshore) и в Мировом океане (World Offshore), включая мелководье (SW) и глубоководье (DW)

1

2

В Государственном докладе Минприроды РФ за 2016–2017 гг. отмечено, что «Россия на протяжении нескольких лет лидирует по добыче жидких углеводородов, опережая своего главного конкурента, Саудовскую Аравию..., а доля страны составила 14% мировой добычи» [19, с. 12]. Согласно данным BP в 2017 и 2018 гг. мировые объемы добычи НК

составили 4065,2 и 4141 млн т [23, 24]. Россия по-прежнему лидирует – 548,8 и 555,8 млн т, что составляет 13,5 и 13,4% от мировых объемов НК. На втором месте Саудовская Аравия – 506,7 и 524,5 млн т (12,5 и 12,7%). США в эти годы добыли 465,7 и 545,9 млн т (11,5 и 13,2%).

В отчете ВР имеется также информация по производству ЖУВ, составившему в 2017 и 2018 гг. 4379,9 и 4474,3 млн т [23, 24]. Среднемировые доли НК в ЖУВ составили 92,8 и 92,6%. Для сравнения отметим, что в России доля НК в объеме ЖУВ – 99 и 98,7%, в Саудовской Аравии – 90,6 и 90,7%, а в США – 81,1 и 81,6%. В итоге лидерство в суммарном производстве ЖУВ бесповоротно захватили США, произведя в 2017 и 2018 гг. 573,9 и 669,4 млн т (13,1 и 15,0%). На втором месте Саудовская Аравия – 559,3 и 578,3 млн т (12,8 и 12,9%) [23, 24]. Россия в эти годы произвела 554,3 и 563,3 млн т ЖУВ, что составляет 12,7 и 12,6% от мирового объема, и заняла третье место. Таким образом, афишируется только «одна сторона медали».

Россия, в отличие от США и Саудовской Аравии, сильно отстает в переработке газа и производит из него крайне мало ЖУВ. В Государственном докладе Минприроды России [19, с. 56] отмечено, что только в Западно-Сибирском НГБ «в 2016 г. извлечено из недр и сожжено 12,9 млн т этана, 5,7 млн т пропана, 3,6 млн т бутанов» (за 2017 и 2018 гг. информации нет). Суммарно это 22,2 млн т тяжелых УВ – хороший резерв для производства ЖУВ.

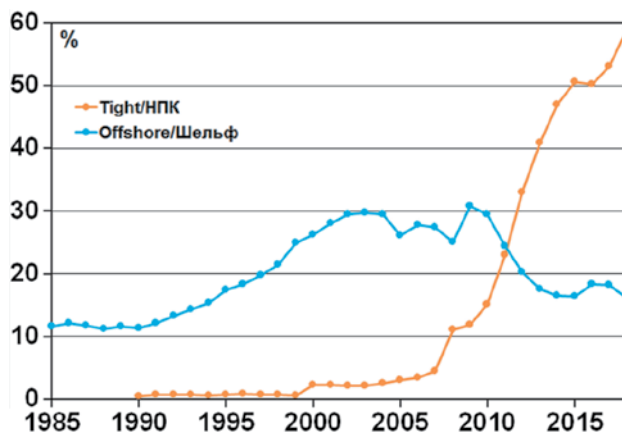
Интересен факт, что в 2017 и 2018 гг. 78 и 78,3% от мировых объемов добываемых ЖУВ были предметом экспортно-импортных операций, включая нефть, конденсат и нефтепродукты – 3,417 и 3,502 млрд т (рост 2,5%) [23, 24]. При этом в мировом объеме поставок среди стран абсолютным лидером по экспорту ЖУВ является Россия – 12,9 и 12,8% (440,3 и 449 млн т). По нетто-экспорту (экспорт минус импорт) доля России немного меньше – 12,6 и 12,54 (430,7 и 439,1 млн т). В долевым пересчете из России экспортировалось 79,4 и 79,7% общего объема добычи ЖУВ в стране! На втором месте по экспорту идет Саудовская Аравия – 12,1 и 12,4% (412,7 и 423,6 млн т), а по нетто-экспорту – 11,9 и 11,8% (405,9 и 412,7 млн т).

Китай в 2017 и 2018 гг. является абсолютным лидером по импорту ЖУВ – 14,8 и 15,6% (506,5 и 546,4 млн т), а по нетто-импорту (импорт минус экспорт) – 13,2 и 13,9% (452,2 и 488 млн т). Следом по импорту идут США – 14,7 и 14,0% (501 и 490,8 млн т), однако по нетто-импорту доли США значительно ниже – 6,4 и 4,17% (219 и 146 млн т). Судя по всему, в 2021 г. после более чем 70 лет зависимости от импорта нефти США (с 1949 г. с пиком в 2005 г. в 625 млн т) превратятся в чистого экспортера ЖУВ с уровнем около 200 млн т нефти в 2024 г. [33]. Таким образом, «сланцевая революция» порождает кардинальное (революционное) перераспределение традиционных экспортно-импортных потоков УВ.

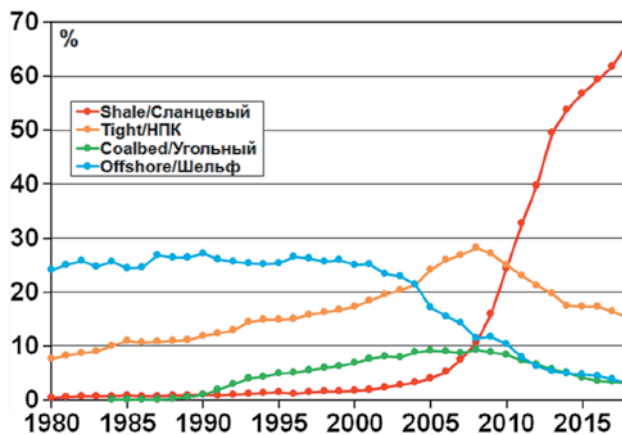
За последнюю треть века благодаря «сланцевой революции» темпы роста добычи нефти на суше и в Мировом океане примерно равны, не считая локальные аномалии, связанные с кризисами и катастрофическими событиями в крупнейшем морском НГБ в Мексиканском заливе в 2005–2010 гг. (см. ниже). По нашим расчетам только благодаря «сланцевой революции» мировые объемы добычи нефти и газа на суше не вступили в 2005–2007 гг. в стадию стагнации (см. рис. 2.1 и 2.2 – пунктирные линии), а доля шельфового газа в 2014–2015 гг. не превысила 50% от мировой добычи (см. рис. 2.2). Это новое направление, без сомнения, притормозило реализацию ряда шельфовых проектов, особенно арктических. В частности, в российском секторе Баренцева моря был «заморожен» проект освоения гигантского Штокмановского газоконденсатного месторождения (ГКМ), предусматривавший производство СПГ для экспорта в США.

По хорошо обоснованному заявлению исполнительного директора Международного энергетического агентства IEA (International Energy Agency) Ф. Биролы (Fatih Birol) мы живем во времена необычайных

Рис. 3.
Тренды долевой добычи углеводородов на шельфе и на суше из нетрадиционных коллекторов в США (1 – нефть, 2 – газ)

1

2

перемен для нефтяной промышленности: «Наступает вторая волна американской сланцевой революции. На США будет приходиться 70% роста мировой добычи нефти и около 75% роста торговли СПГ в течение следующих пяти лет. Это потрясет международные торговые потоки нефти и газа и окажет глубокое влияние на мировую энергетическую геополитику» [36]. Отметим, что ни один из ведущих экспертов мира не смог предвидеть столь бурные темпы роста объемов добычи нефти из нетрадиционных низкопроницаемых коллекторов (НПК – tight), часто для упрощения не совсем корректно называемых сланцевыми [2, 12]. В 2018 г. на фоне снижения доли (но не объема) шельфовой нефти (с 31 до 17%) доля нефти из НПК почти достигла 60% (рис. 3.1).

Несмотря на вышесказанное, США продолжают импортировать ЖУВ из России. По данным Управления энергетической информации США – EIA (U.S. Energy Information Administration) в 2017 и 2018 гг. из России было ввезено около 19,3 и 18,7 млн т нефти и нефтепродуктов (142 и 137 млн барр.), что составляет около 62,3 и 60,1% от рекордного по поставкам из России 2011 г. – 31,1 млн т (227,8 млн барр.) [37]. В 2019 г. импорт США из России может увеличиться для компенсации снижения закупок в Венесуэле, связанных с действием санкций.

Активно растущие потребности в УВ в Китае привели к реализации ряда уникальных проектов, включая тиражирование «сланцевой революции» и развитие технологий добычи газа из субаквальных залежей газовых гидратов. В Китае, как и в США, сланцевые УВ способны внести огромный вклад в энергетическую независимость страны [6]. Китай освоил американские технологии добычи сланцевого газа и имеет самые большие в мире технически извлекаемые ресурсы сланцевого газа, достигающие по обновленным в 2015 г. данным EIA 31,6 трлн м³ (14,7% от мировых, в 1,8 раза больше, чем в США) [35, 40].

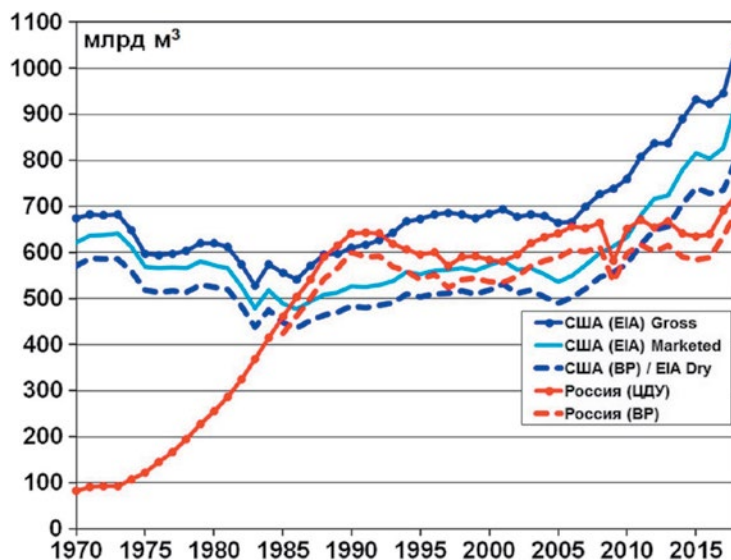
Газ

В 2017 и 2018 гг. мировая добыча газа выросла до 3,678 и 3,868 трлн м³ (на 3,84 и 5,17%) (рис. 2.2) [23, 24]. В 2018 г. на фоне падающей газодобычи в странах ЕЭС (на 8,8%), Венесуэле, Бразилии и др. бурный рост объемов добычи газа на 190 млрд м³ обеспечили, главным образом, 5 стран (в млрд м³ / % внутреннего роста): США (86/11,5%), Россия (34/5,3%), Иран (19,3/8,8%), Австралия (17,3/15,3%) и Китай (12,3/8,3%). Лидерами мировой добычи газа являются (в млрд м³ / % доля мировой добычи): США (831,8/21,5%), Россия (669,5/17,3%) и Иран (239,5/6,2%). При мировых запасах газа, оцененных компанией BP в 196,9 трлн м³, признанными лидерами являются (трлн м³ / % доля запасов): Россия (38,9/19,8%), Иран (31,9/16,2%), Катар (24,7/12,5%), Туркменистан (19,5/9,9%) и США (11,9/6,0%) [24].

В 2018 г. мировые экспортно-импортные операции по газу достигли 1236,4 млрд м³ (около 32% мировой добычи), включая поставки по газопроводам 805,4 (20,82%) и в виде СПГ 431 млрд м³ (11,14%). Основным экспортером газа является Россия – по газопроводам 223 млрд м³ (27,7%) и в виде СПГ 24,9 млрд м³ (5,8% поставок СПГ – 5-е место после Катара, Австралии, Малайзии и США). Основными потребителями газа являются (в млрд м³ / % мирового потребления в 3849 млрд м³): США (817,1/21,2%), Россия (454,5/11,8%), Китай (283,0/7,4%), Иран (225,6/5,9%), Япония и Канада (по 115,7/3,0%) [23, 24]. В 2018 г. самый большой прирост объемов потребления газа произошел в США и Китае (77,7 и 42,6 млрд м³). При этом в Китае темп роста потребления был в 2,4 раза выше, чем средний за период 2008–2017 гг. (17,6 млрд м³) [6].

Здесь необходимо отметить, что в США EIA традиционно рапортуется различные данные по объемам добычи газа, в том числе валовая добыча (Gross Withdrawals Gas – добыча газа по всем скважинам, включая УВ-газы, азот, сероводород, углекислый газ и др.), товарный газ (Marketed Gas) и сухой газ (Dry Gas – смесь УВ-газов, с преобладанием метана и небольшим содержанием этана и тяжелых УВ) (рис. 4) [4, 5]. Подобные пересчеты ведутся EIA и BP по всем странам. Согласно данным EIA, в США доля сухого газа в валовой газодобыче в разные годы, начиная с 1950 г., изменялась в диапазоне 71–88,7%: в 1950 – 71%, 1960 – 81%, 1970 – 88,3%, 1980 – 88,7%, 1990 – 82,7%, 2000 – 79,3%, 2010 – 79,5%, 2017 – 81,6%. Такие различия в первую очередь зависят от преобладающего состава валовой добычи газа, но также от объемов углеводородных газов, закачивания в пласты, сжигания и др. [4, 5]. Публикуемые BP объемы газодобычи по США и другим странам соответствуют расчетным объемам сухого газа (Dry Gas). При этом BP и EIA уменьшают традиционно учитываемую ЦДУ ТЭК валовую добычу рос-

Рисунок 4.
Сопоставление
объемов
добычи газа
в США и России,
по данным EIA, BP
и ЦДУ ТЭК [4, 5]

сийского газа примерно на 9,5% (по нашим представлениям снижение должно быть еще больше) [4, 5].

Валовая добыча газа в США в 2018 г. выросла до 1047 млрд м³ (101,3 млрд куб. футов в день – 2,87 млрд м³/сут.) по сравнению с 2017 г. на 11% [39]. При этом в декабре 2018 г. был установлен абсолютный среднемесячный рекорд 3,053 млрд м³/сут. (107,8 млрд куб. футов в день). Рекорды 2018 г. выше локального рекорда 1970–1972 гг. примерно на 48,5%. Это достигнуто исключительно благодаря добыче газа из залежей в низкопроницаемых и сланцевых коллекторах с применением новых технологий многостадийного ГРП (гидроразрыва пласта – Hydraulic fracturing / fracking), доля которого превышает 60%. По данным EIA США в 2017 г. было добыто 776 млрд м³ сухого газа, что на 2,6% больше, чем в 2016 г. [38]. При этом США впервые с 1957 г. перешли из статуса нетто-импортеров в статус нетто-экспортеров с избытком добычи над потреблением в 4,1 млрд м³. В 2018 г. добыча сухого газа составила 862 млрд м³ – на 11,5% больше абсолютного рекорда 2017 г. и на 40,1% больше локального рекорда 1973 г. Объем товарного газа в 2018 г. составил 927 млрд м³.

По приведенным на рис. 4 зависимостям видно, что объемы валовой добычи газа в США были почти всегда выше, чем в России за исключением лишь четырех лет в 1989–1992 гг. Сравнивая категории производства сухого газа, отметим, что Россия лидировала в течение 25 лет – в период 1986–2010 гг. за исключением провального 2008 г. За счет начавшегося в США в 2007 г. активного роста добычи сланцевого газа (рис. 3.2), в 2011 г. США также опередили Россию по категории производства сухого газа (см. рис. 4).

В мировом энергетическом балансе на общем фоне роста добычи и потребления ЖУВ, газа и угля происходит постепенное перераспределение их долей. Согласно данным ВР основная доля приходится на ЖУВ – около 33% (снижается с 50% в 1990 г.) [23]. На втором месте уголь – его доля выросла с 26% в 2000 г. до около 30% в 2011–2015 гг., но затем снизилась до 27,2% в 2018 г. Китай является основным производителем (46,7%) и потребителем (50,5%) угля. Доля газа в мировом балансе медленно, но стабильно растет с 15% в 1985 г. до 24% в 2018 г. Предполагается, что в дальнейшем доли угля и нефти будут снижаться, а газа – расти.

В последние 15 лет в самом крупном морском нефтегазовом бассейне (НГБ) Мексиканского залива ряд ужасающих по силе ураганов нанес значительный урон морской нефтегазовой индустрии и всей экономике США. В частности, в августе – сентябре 2005 г. ураганы Katrina и Rita полностью разрушили 113 и серьезно повредили 52 платформы, произошли колоссальные (около 30 тыс. м³ от одного урагана Katrina) разливы нефти и нефтепродуктов. В разрушенном и затопленном Новом Орлеане 160 тыс. домов признаны не подлежащими восстановлению.

В 2017 г. на США обрушился ураган Harvey, разливы нефти от которого были относительно небольшие (около 3 тыс. м³), но ущерб огромен. Общие экономические ущербы от ураганов оцениваются по разным данным в 153–194 млрд долл. Katrina и 125–198 млрд долл. Harvey [31].

В 2010 г. дополнительный удар по нефтегазовой отрасли США и всего мира нанесла катастрофа на месторождении Macondo, породившая самую крупную в мирное время экологическую катастрофу на шельфе. По хорошо обоснованным расчетам [32] ущерб только в США (без Мексики) составляет около 145 млрд долл. Компания BP признала, что по состоянию на начало 2019 г. ее финансовые потери на компенсацию ущерба составили 67 млрд долл. [24].

Истощение старых месторождений в НГБ Мексиканского залива, перманентные экономические кризисные явления, экологические катастрофы и появление нового привлекательного «сланцевого» направления уже привели к изменению стратегии нефтегазовой отрасли США. Если в период с 1990 по 2005 г. в Мексиканском заливе в среднем действовало около 4 тыс. платформ (примерно половина платформ мира) при максимальном количестве 4049 в 2001 г., то к концу 2018 г. по данным Бюро по безопасности и охране окружающей среды США – BSEE (Bureau of Safety and Environmental Enforcement) их число сократилось до 1867 (в 2,17 раза) [11].

В Арктике на газовом месторождении Burger в Чукотском море геологоразведочные работы (ГРП) компании Shell в 2012 г. оказались провальными и были близки к катастрофе, а результаты бурения в 2015 г. показали отсутствие коммерчески рентабельных запасов [2, 3, 16, 18]. В связи с этим Shell приостановила инвестиции на арктическом шельфе Аляски, а ее финансовые потери превысили 7 млрд долл. (включая стоимость приобретения лицензионных участков). Компании Chevron, Total и Statoil также приняли решение о прекращении или замораживании проектов освоения арктической акватории Аляски. Кроме того, в 2018 г. компания Chevron распродала все акции на шельфе Норвегии, а в июне 2019 г. компания ExxonMobil объявила о готовности продать все свои активы в 20 шельфовых проектах Норвегии с суммарной добычей в 2017 г. около 8,5 млн т нефти. Продолжает держаться лишь ConocoPhillips – оператор месторождения Ekofisk, на котором наступила стадия ликвидации платформ.

По данным Rystad Energy с середины 2014 г. из-за мирового кризиса приостановлена реализация 63 крупных проектов на сумму около 230 млрд долл., что приведет в 2026 г. к уменьшению мировой добычи на 3 млн барр./сут. (около 150 млн т в год) [30]. В их числе особенно дорогие проекты в Арктике, которые могут быть рентабельными при цене на нефть более 80 долл./барр.

Международное энергетическое агентство IEA, понимая сложности добычи нефти и газа из морских арктических месторождений, признает,

что «Арктическую нефть можно считать нетрадиционным ресурсом в силу ее относительной недоступности» наравне со сланцевыми УВ, газогидратами, сверхтяжелыми нефтями, битумами и свехглубокими залежами УВ [34]. Нетрадиционными арктические ресурсы УВ делают: недостаточная изученность региона, особенно акваторий; тяжелые природно-климатические условия, наличие льда на акваториях большую часть года; необходимость применения специальных технологий и морозостойких материалов; высокая стоимость работ, снижающая рентабельность проектов; отсутствие технологий ликвидации разливов на море в ледовых условиях; логистические проблемы, включая доставку и содержание персонала и др. На основе мирового опыта с учетом оптимистичного прогноза можно утверждать, что в ледовых условиях Арктики возможно ликвидировать не более 10–20% разлившейся нефти [2–5, 10, 16].

Бизнес в США и в ряде других стран все больше стал ориентироваться на развитие технологий повышения нефтеотдачи и добычи углеводородов (УВ) из традиционных и нетрадиционных залежей на суше. При этом себестоимость производства УВ из нетрадиционных коллекторов снизилась, а дебиты новых скважин многократно выросли, что сделало это новое направление более привлекательным, чем добыча УВ на шельфе, особенно арктическом.

В последние годы в США при освоении на суше нетрадиционных залежей УВ сформировался специфический подход, заключающийся в бурении так называемых незавершенных скважин DUC (drilled but uncompleted wells) с их временной консервацией до более благоприятной ценовой ситуации на рынке [26]. Это выгодно, так как при профиците УВ произошло значительное снижение стоимости бурения и его можно осуществлять впрок. Кроме того, в настоящее время в США существует дефицит транспортных средств, особенно трубопроводов. К концу 2019 г. завершится строительство новых трубопроводов, что в сочетании с вводом в разработку скважин DUC позволит США резко увеличить добычу нефти в 2020 г. и инициировать новый кризис цен. За два года с февраля 2017 г. по февраль 2019 г. число DUC увеличилось на 53,5% (с 5499 до 8442). Наиболее резко растет число DUC (в 2,76 раза за два года) в самом перспективном Пермском бассейне, в котором их находится около половины (45,8%) от общего числа.

В 2017 г. США впервые за 60 лет стали нетто-экспортерами газа. В дополнение к первому заводу СПГ Sabine Pass компании Cheniere в Луизиане, на котором уже действуют 5 линий суммарной годовой производственной мощностью 26,2 млн т (5-я линия запущена в марте 2019 г.), в марте 2018 г. начал работать второй завод СПГ Cove Point в штате Мэриленд мощностью 5,75 млн т [16, 28]. Особенностью работы данного завода является то, что СПГ впервые вырабатывается из слан-

цевого газа (формации Марселлус и Утика). В Техасе в феврале и июне 2019 г. началась отгрузка СПГ с первых двух линий завода Corpus Christi производительностью по 5 млн т. Также в Техасе в мае начала работу первая линия Cameron LNG мощностью 4,99 млн т. К концу года в Техасе будет введена в эксплуатацию первая линия СПГ (5,4 млн т) Freeport LNG. В итоге в 2018 г. США было экспортировано 21,1 млн т (28,7 млрд м³) СПГ – 6,7% от мирового экспорта 316,5 млн т (4-е место после Катара – 24,9%, Австралии – 21,7% и Малайзии – 7,7%) [28]. По планам к концу 2019 г. производственные мощности достигнут 49 млн т и США займут 3-е место в мире по производству СПГ, а в дальнейшем – около 100 млн т.

По данным компании IHS Markit мировой кризис привел к значительному увеличению количества простаивающих буровых установок, из-за чего в период с начала 2013 г. до апреля 2018 г. произошло четырехкратное снижение стоимости их аренды (полупогружные БУ и буровые суда – с 600 до 140 тыс. долл./сут.) [29]. Еще хуже ситуация наблюдается на рынке геофизических услуг. Из-за дефицита контрактов в 2015–2016 гг. стоимость акций основных геофизических компаний снизилась в 2,2–9 раз (PGS – 2,2 раза, Polarcus – 3,6; CGG – 4,4; EMGS – 9). Зарубежные и отечественные нефтегазодобывающие и сервисные компании переживают очень трудные времена.

На арктических акваториях пяти стран наибольшая активность наблюдается на шельфе норвежского сектора Баренцева моря, который в своей южной части благодаря Гольфстриму свободен от льда, что позволяет круглогодично проводить поисково-разведочное бурение (ПРБ) и применять традиционные технологии освоения морских месторождений. По данным Норвежского нефтяного директората NPD (Norwegian Petroleum Directorate) в 2018 г. здесь было пробурено 8 скважин ПРБ, что составляет 47,1% от рекорда 2017 г. (17 включая 12 поисковых и 5 разведочных) и 3 скважины эксплуатационного бурения (ЭБ) [27]. В период 1980–1918 гг. в Баренцевом море было пробурено 197 скважин, из которых ПРБ – 152, эксплуатационное бурение (ЭБ) – 45 (добывающие – 30, нагнетательные – 13, наблюдательные – 2). В период 1966–2018 гг. на всем шельфе Норвегии пробурено 6402 скважины (в рекордном 2015 г. – 253), включая ПРБ – 1700 и ЭБ – 4702.

Объяснением высокой активности в норвежском секторе Арктики является гораздо более благоприятные природно-климатические условия, чем в других ее частях. В результате согревающего действия Северо-Атлантического течения (северное продолжение Гольфстрима) в Южной части Баренцева моря нет ледовой угрозы, поэтому ГРП могут вестись круглогодично. В результате на двух месторождениях уже ведется добыча (Snohvit с 2007 г. и Goliat с 2016 г.) и готовится к разработке в 2022 г. третье – Johan Castberg [16].

Объемы ГРП на российских акваториях Арктики значительно ниже, чем в норвежском секторе Арктики. На арктическом шельфе России с морских буровых установок пробурено 89 скважин ПРБ, включая в российской части Баренцева и Печорского морей – 56 и в Карском море с Обской и Тазовской губами – 33 [2–5, 16].

Освоение ресурсов нефти и газа в России

В Государственном докладе Минприроды России «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2016 и 2017 годах» в первых строках отмечено, что «Фундаментом экономики России является ее минерально-сырьевая база – совокупность разведанных и оцененных запасов и локализованных ресурсов полезных ископаемых» [19, с. 7]. Правительство РФ понимает стоящие проблемы: касательно нефти отмечается «недостаточное обеспечение запасами разрабатываемых месторождений на период до 2035 года». Поддержать достигнутый уровень после 2025 г. может только «вовлечение в разработку трудноизвлекаемых запасов нефти» [20, с. 4]. Однако «санкции против российских нефтегазовых компаний, ограничивающие приток зарубежных инвестиций, новых технологий и оборудования в отрасль, затрудняют развитие новых проектов в России, в особенности шельфовых и направленных на разработку трудноизвлекаемых запасов. В период 2016–2017 гг. не введено в эксплуатацию ни одного значимого месторождения» [19, с. 50].

Месторождения, открываемые на суше России в последние годы, в основном характеризуются небольшими запасами. По данным ГКЗ РФ, в период с 2003 по 2013 г. всего в России было открыто 533 новых нефтяных месторождений с суммарными запасами по категориям C_{1+2} 2,06 млн т. В среднем ежегодно открывалось по 48 месторождений, а их осредненные запасы составили 3,9 млн т. Ситуация в 2016 г. была еще хуже: по предварительным данным МПР России (Neftegaz.ru, 11.01.2017) открыто 40 месторождений со средними запасами нефти категорий C_{1+2} 1,7 млн т. При этом самое крупное по геологическим и извлекаемым запасам нефти (78 и 17,4 млн т) Нерцетинское месторождение открыто ПАО «НК „Роснефть“» в АЗРФ (Ненецкий АО).

Несмотря на многолетние прогнозы о приближении в России стадии падения объемов добычи ЖУВ, в 2018 г. она выросла до рекордного уровня 555,84 млн т. Основанием для пессимистических прогнозов справедливо служили результаты постепенного снижения объемов добычи нефти в 2008–2017 гг. (в среднем на 1,55% в год от пикового значения 278,4 млн т в 2007 г.) в ключевом регионе Западно-Сибирского бассейна Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО – Югра). Отметим, что в 2018 г. немного (на 0,5%) выросла и добыча нефти в ХМАО – Югра, составившая 236,5 млн т или 42,6% от добычи страны

(на пике 2007 г. эта доля была 56,7%). Достижению рекордных результатов однозначно способствовали новые проекты в АЗРФ, обеспечившие стабильное увеличение объемов добычи ЖУВ в ЯНАО, НАО и на севере Красноярского края. Также позитивный вклад внес рост добычи ЖУВ на шельфе: до 26,6 и 27,6 млн т в 2017 и 2018 гг.

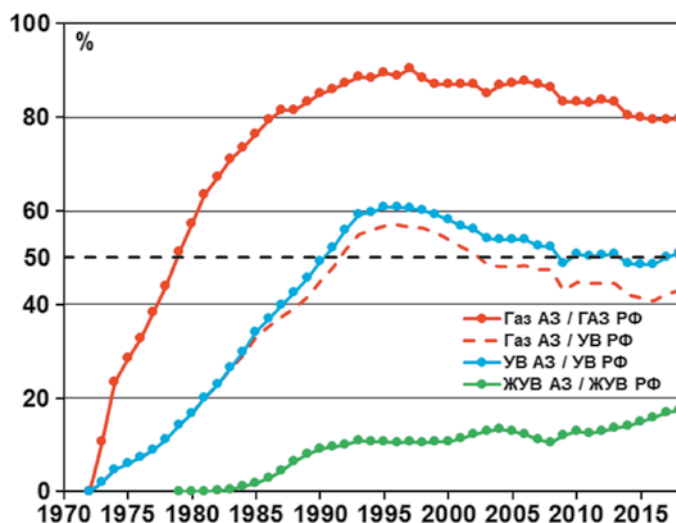
Зарубежные эксперты (BP и US EIA) в течение длительного времени занижают запасы газа России. Это связано с исторически сложившейся в России (СССР) ситуацией учета извлекаемых запасов газа исходя из 100% коэффициента извлечения (КИГ), в то время как фактически при традиционной системе разработки КИГ составляет 70–85%. Для понимания реальной ситуации с извлекаемыми запасами газа России балансовые запасы должны быть уменьшены на 15–20%. Еще более серьезные проблемы и разногласия в отечественных и зарубежных оценках стоят в понимании объемов российских запасов жидких УВ (ЖУВ – нефть и конденсат). По состоянию на конец 2014 г. по данным ЦДУ ТЭК и ГКЗ РФ общероссийские запасы ЖУВ по категориям C_{1+2} составляли 29,4 млрд т. В отечественной практике не учитывается техническая доступность и рентабельность освоения этих запасов. В результате эксперты BP «переоценивают» запасы России, уменьшая их примерно в два раза. Важно также понимать, что из 29,4 млн т запасов около 95,7% расположены на территории суши и лишь 4,4% – на шельфе. При этом только около 2% запасов ЖУВ сосредоточено на акваториях Арктики (в основном в Печорском море).

С учетом последних открытий в пределах официально утвержденной границы АЗРФ и шельфе Арктики открыто 365 месторождений УВ, включая 335 на суше и 30 на шельфе и в переходной зоне суша-море. По данным ГКЗ РФ в АЗРФ запасы категорий C_{1+2} оценены в 49,7 трлн m^3 газа и 7,3 млрд т нефти, из них на шельфе 10,4 трлн m^3 (20,9%) газа и 0,58 млрд т (7,9%) нефти с учетом запасов месторождения Победа, открытого в 2014 г. (И.В. Шпуров, RAO CIS Offshore, 2017). При этом около 75% запасов нефти и 92% запасов газа выявлено во времена СССР. По состоянию на начало 2019 г. накопленная добыча газа составила около 19,3 трлн m^3 (28% начальных извлекаемых запасов), а нефти – около 1,73 млрд т (19,2%).

Впечатляющие результаты в глобальном масштабе достигнуты по уровню добычи газа в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) и АЗРФ в целом. В АЗРФ содержится 72% запасов газа страны. Освоение УВ на суше АЗРФ началось 50 лет назад (Мессояхское в 1969 г., Медвежье в 1972 г. и т.д.), раньше, чем на Аляске (Prudhoe Bay в 1977 г.). Начиная с 1979 г. доля газа АЗРФ (ЯНАО) превышает долю общей добычи во всех остальных регионах страны, при этом максимальное значение 90% было в 1995 г., после чего последовало снижение до 79,5–79,7% в 2017–2018 гг. (рис. 5). До 2010 г. практически 100% добычи газа АЗРФ велось в ЯНАО. В 2014 г. за счет добычи и утили-

зации ПНГ на Ванкорском нефтегазовом месторождении доля ЯНАО в общей добыче арктического газа немного снизилась и составила около 99%.

Рисунок 5.
Доли добычи углеводородов в АЗРФ в общем объеме добычи России

В последние годы, после снижения в 2013–2015 гг., добыча газа (включая попутный нефтяной газ – ПНГ) в 2016, 2017 и 2018 гг. росла до 640,2, 690,5 и 725,2 млрд м³ (на 0,2, 7,9 и 5,0%). Это обусловлено ростом поставок в Европу по газопроводам и начавшимся 8 декабря 2017 г. экспортом СПГ из Арктики по проекту «Ямал СПГ» с трех линий завода в Сабетте общей мощностью 16,5 млн т. С учетом того, что две линии начали работать в 2018 г. за этот год было отгружено 8,4 млн т СПГ (113 партий) [17]. Однако добыча газа из субаквальных залежей шельфа страны в эти годы снижалась до 63,8, 58,1 и 56,7 млрд м³. Доля ПАО «Газпром» в добыче газа в 2016–2018 гг. росла и составляла около 65,6, 68,2 и 68,6% (около 419,1, 471,0 и 497,6 млрд м³).

Россия – самая обеспеченная запасами и ресурсами газа страна в мире. Мы без особых проблем можем значительно увеличить объемы газодобычи, сдерживаемые лишь ограничениями по реализации на внешнем и внутреннем рынках.

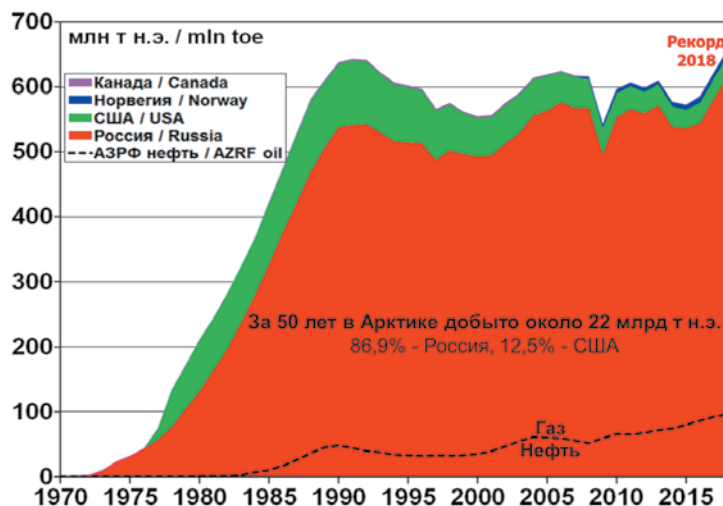
Интересен факт, что в период 1992–2002 гг. газ АЗРФ в пересчете на нефтяной эквивалент (н. э.) давал свыше половины добычи всех УВ РФ (рис. 5). В 2017 г. эта доля составила 42,2%, а в 2018 г. – 43,1%. С учетом добычи всех видов УВ АЗРФ давала в течение 22 лет (1991–2013 гг.) свыше половины нефтегазодобычи страны, а на пике в 1995 г. – 61,1% (рис. 5 – УВ АЗ/УВ РФ). Небольшие локальные снижения до 48,7 и 48,5% в 2015 и 2016 гг. обусловлены уменьшением объемов газодобычи, вызванным снижением спроса на внутреннем и внешнем рынках. В 2017 г. доля УВ АЗРФ выросла до 50,1%, а в 2018 г. – до 51,1%. В добываемых УВ АЗРФ превалирует газ: макси-

мальная доля в 94,4% была в 1996 г., в 2017 г. она составила 87,05%, а в 2018-м – 87,09%.

Перечисленные выше проблемы с кризисом цен на нефть, снижение доходов России от экспорта УВ, рост себестоимости нефтегазодобычи и влияние санкций сказываются на темпах развития действующих и на сроках начала реализации новых арктических проектов, включая увеличение газодобычи в Бованенковском регионе и начале освоения морских месторождений в Обской и Тазовской губах Карского моря. Снижение рентабельности ряда новых проектов (особенно шельфовых в Арктике) отодвинуло сроки их реализации и внесло негативные коррективы в планы развития нефтегазодобывающей отрасли России. Однако не вызывает сомнений, что роль арктических месторождений нефти и газа будет расти.

Анализируя ситуацию с добычей УВ во всех странах Арктики в 2018 г. отметим, что всего из недр извлечено 658,6 млн т нефтяного эквивалента (н. э.), включая в РФ 616,9 млн т (93,7%) и в США – 31,4 млн т (4,8%). По состоянию на начало 2019 г. за прошедшие почти полвека из недр Арктики России, США, Канады и Норвегии извлечены гигантские объемы УВ, достигшие 22 млрд т н. э., из которых около 86,9% добыто в АЗРФ, а 12,5% – на Аляске (рис. 6). В последующие годы доля АЗРФ будет расти, а Аляски – снижаться.

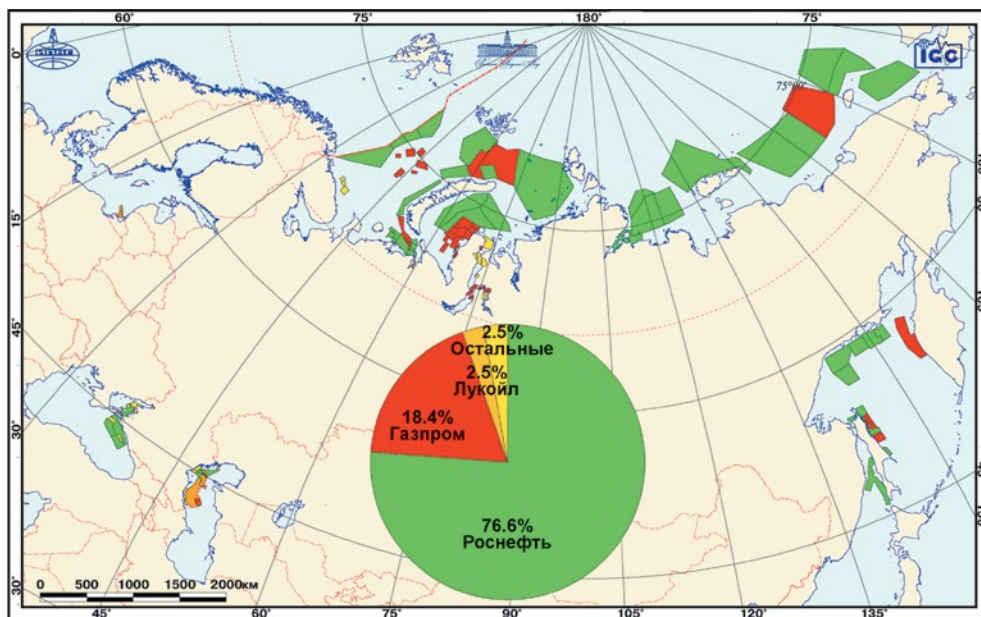
Рисунок 6.
Объемы добычи углеводородов в Арктике

Освоение ресурсов углеводородов шельфа России

В России в связи с изменением законодательства «О недрах» в 2008 г. основными недропользователями на шельфе являются ПАО «Газпром» и ПАО «НК „Роснефть“». На рис. 7 показано размещение и долевое распределение 126 морских лицензионных участков (в Арктике – 58%), включая участки в переходных зонах суша-море (по состоянию на 01.01.2018).

Рисунок 7.
Лицензионные участки на шельфе России и диаграмма долевого распределения их суммарной площади по недропользователям (состояние на 01.01.2018)

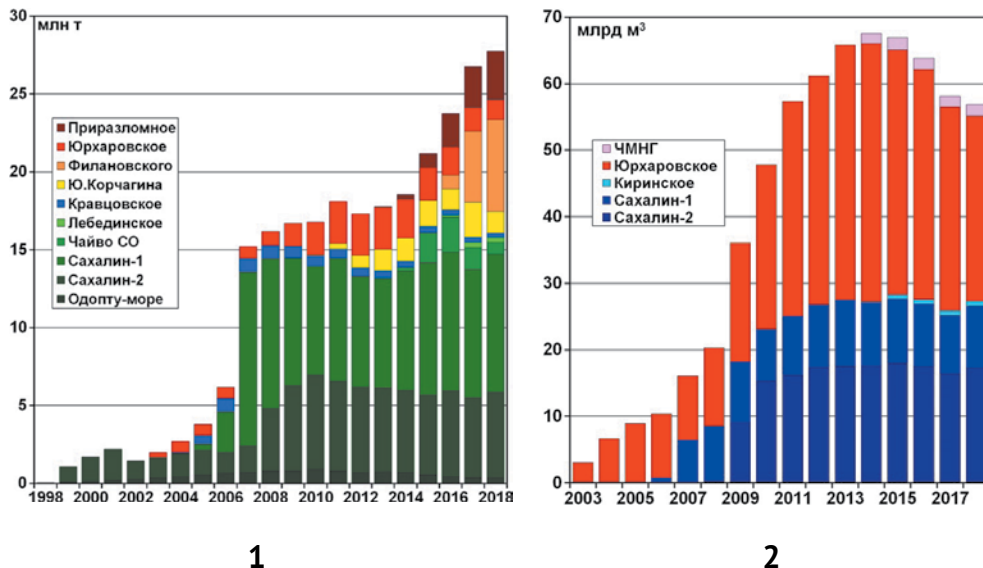

Несмотря на высокий уровень лицензионной активности (см. рис. 7) наблюдается небывалый за 36-летний период снижения объемов ГРП на российском шельфе Арктики, начавшийся, как и на суше, до введения санкций при достаточно высоких ценах на УВ. В 2011–2018 гг. пробурено всего 7 скважин ПРБ: в 2011 г. в Карском море на морском продолжении Харасавэйского месторождения; в 2014 г. в Печорском море на Долгинском месторождении; в Карском море на Университетской структуре, на которой ПАО «НК „Роснефть“» открыто новое месторождение, получившее название Победа; в 2017 г. в Карском море на Ленинградском месторождении ПАО «Газпром». В 2018 г. было проведено ПРБ трех успешных скважин в Карском море на Северо-Обской, Нярмейской и Русановской площадях. Особо отметим Северо-Обское ГКМ ПАО «НОВАТЭК» с балансовыми запасами по категориям C_{1+2} 322 млрд м³ газа и 16 млн т конденсата. По данным Wood Mackenzie в 2018 г. это самое крупное открытие в мире [17]. Однако можно отметить, что в целом реализация первоначальных гигантских лицензионных планов ГРП российских компаний фактически сорвана.

В 2014–2018 гг. морская добыча ЖУВ из субаквальных залежей России выросла с 18 до 28 млн т (на 55,6%) за счет ввода в разработку нефтяных месторождений Приразломное в 2016 г. в Печорском море и имени Филановского в 2016 г. в Каспийском море (рис. 8.1). В 2018 г. добыча ЖУВ на шельфе РФ достигла 5,04% от общей добычи в стране (555,8 млн т). На шельфе объемы добычи газа стабильно росли до 2014 г. по всем проектам (рис. 8.2). При этом основной вклад вносило Юрхаровское нефтегазоконденсатное месторождение (НГКМ) – 38,84 млрд м³ в 2014 г. Благодаря этому в 2017 и 2018 гг. ПАО «НОВАТЭК»

заняло второе место по производству газа в России, а также перешло с восьмого на седьмое место в мире. В 2015 г. началось снижение суммарных объемов добычи газа до 56,4 и 55,07 млрд м³ в 2017 и 2018 гг., в основном за счет стадии падающей добычи на Юрхаровском НГКМ.

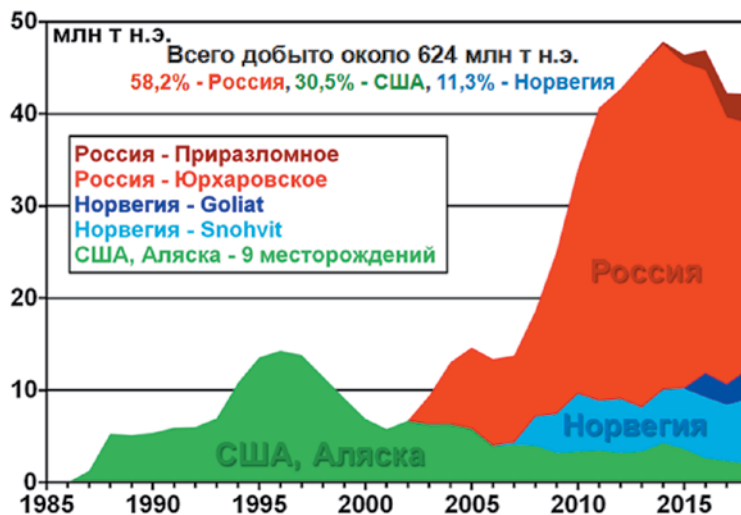
Рисунок 8.
Добыча нефти (1)
и газа (2)
на шельфовых
месторождениях
России

Следует особо выделить и отметить опыт ПАО «НОВАТЭК» при разработке с 2003 г. субаквальных залежей Юрхаровского НГКМ. Горизонтальные скважины бурятся с побережья Тазовского полуострова с отходом от вертикали до 3–5 км, при этом начальные дебиты газа достигают 3–5 млн м³ в сутки. В 2014 г. достигнут пик добычи на Юрхаровском НГКМ 38,8 млрд м³ газа и 2,7 млн т конденсата, после чего в 2018 г. она снизилась до 27,75 млрд м³ газа и 1,26 млн т конденсата. За счет его разработки Россия является лидером с 2005 г. по объемам добычи товарных УВ на шельфе Арктики (рис. 9), опережая суммарную добычу США (9 месторождений) и Норвегии (Snohvit и Goliat). Отметим, что разработка первого морского месторождения в Арктике Endicott (Аляска) началась в 1987 г. За 32-летнюю историю нефтегазодобычи на акваториях Арктики по состоянию на 1 января 2019 г. добыча товарных УВ составила 624,1 млн т н. э. (нефть и газ), включая в России – 363,3 млн т (58,2%), в США – 190,6 млн т (30,5%), в Норвегии – 70,2 млн т (11,2%). При этом Юрхаровское НГКМ обеспечило 56,7% общего объема морской добычи УВ.

На основе мирового опыта освоения морских месторождений при самом оптимистичном прогнозе на открытых акваториях Арктики потребуется не менее 10–15 лет с момента открытия месторождения до начала добычи УВ. Для 35 широко известных в мире морских месторождений УВ среднее время от открытия до получения первого продукта превысило 21 год [2–5, 16, 18]. Таким образом, несмотря на позитивные результаты роста морской нефтегазодобычи в России,

Рисунок 9.
Добыча
углеводородов
на акваториях
Арктики

на шельфе Арктики до 2025–2030 гг. может быть начата разработка только на уже открытых месторождениях Печорского и Карского морей. При этом в ближнесрочной перспективе (до 2030–2035 гг.) уровень добычи ЖУВ на шельфе Арктики по пяти открытым месторождениям (Юрхаровское, Приразломное, Долгинское, Медынское-море и Варандей-море) даже по оптимистичному сценарию не сможет превысить 13 млн т (2,4% общероссийской добычи в 2016 г.) [14, 16, 18]. Это примерно на 5 млн т ниже оптимистичного прогноза 2013 г. При подготовке обновленного в 2017 г. сценария учтен перенос начала освоения Долгинского месторождения на 2031 г., обусловленный негативным результатом бурения в 2014 г. (открыт газ, а не нефть), а также реальные объемы добычи ЖУВ на шельфе АЗРФ в 2003–2016 гг. [2–5, 16]. Касательно месторождения Победа можно отметить, что для его освоения пока еще нет надежных технологий не только в России, но и во всем мире. Результаты оптимистичного прогноза, выполненного в ИПНГ РАН, отличаются в 2–3 раза в меньшую сторону от неоднократно озвученных другими экспертами планов и обещаний, не имеющих, судя по всему, серьезных обоснований [2–5, 16 и др.].

Сказанное выше позволяет утверждать, что в перспективе до 2030 г. акватории Арктики не смогут внести существенный вклад в добычу ЖУВ. Ранее, еще до введения санкций, мы неоднократно отмечали, что первоочередные для освоения объекты на шельфе Арктики расположены в пределах мелководья и транзитных зон суша-море вблизи районов с развитой инфраструктурой нефтегазовой промышленности на берегу. Наибольший интерес в ближнесрочной перспективе будут иметь месторождения, на которых бурение скважин может проводиться с берега, искусственных островов или платформ гравитационного типа горизонтальными скважинами, как на Юрхаровском и ряде

других месторождений России и США. При этом бурение горизонтальных скважин с берега – наиболее экологически безопасный и экономически рентабельный путь нефтегазодобычи в ледовых условиях. В 2017 г. при бурении в скважины O-15 установлен мировой рекорд – горизонтальное отклонение 14 129 м при длине ствола 15 000 м. Это расширяет «полосу доступности» морских месторождений с берега или искусственных островов, включая стационарные платформы типа «Приразломная» (кессонный остров).

Несмотря на многочисленные проблемы, не вызывает никаких сомнений необходимость проведения активных нефтегазопоисковых работ на всем арктическом шельфе и в наиболее перспективных регионах суши [2–5, 14, 16], так как мы должны знать, чем реально обладает Россия. Экономическая целесообразность (рентабельность проектов), наличие технологий и вопросы безопасного освоения ресурсов УВ определяют очередность ввода в эксплуатацию месторождений акваторий Арктики.

Угрозы экологической и экономической безопасности нефтегазодобывающих стран

Полуторавековое освоение месторождений нефти и газа характеризуется высоким уровнем накопленного экологического ущерба, значительной частью в скрытой форме, угрожающей перейти в открытые проявления с крайне негативными последствиями.

Вред экосистеме, наносимый разработкой сланцевых УВ, связан с проблемой загрязнения водоносных горизонтов при ее закачивании под высоким давлением при ГРП и последующем захоронении больших объемов воды с высокой концентрацией вредных химических веществ. Эти процессы в совокупности с нарушением сплошности пластов горных пород за счет создания широкомасштабных систем трещин привели к индуцированной сейсмичности, которая появилась в ранее асейсмичных регионах США (Оклахома, Колорадо, Огайо и др.). Однако это практически не влияет на «сланцевую лихорадку». К середине 2017 г. в США появилось 9,3 млн новых рабочих мест и было пробурено около 250 тыс. горизонтальных скважин [25]. При этом отдельные эксперты (например, профессор Стэнфордского университета Mark Zoback) заявляют о «минимальном экологическом вреде» применяемых технологий, а во время дебатов в 2017 г. в Стенфордском университете было признано, что «Преимущества сланцевой нефти и газа для США перевешивают экологические издержки» [25].

Гигантские финансовые потери компании BP из-за катастрофы 2010 г. в Мексиканском заливе (более чем в 67 млрд долл.) показывают, что ошибка при бурении всего лишь одной скважины может привести не только к экологической катастрофе, но и к банкротству компаний, по уровню капитализации соизмеримым с российскими гигантами

ПАО «НК „Роснефть“» и ПАО «Газпром», что нанесет сильнейшие удары по экономике и национальной безопасности России.

На шельфе США и ряда других стран идет широкомасштабная дорогостоящая утилизация платформ, вызванная истощением добычи на старых промыслах. Один из путей утилизации – превращение платформ в искусственные рифы. Согласно BSEE [11] по состоянию на 1 января 2017 г. на 11 специально утвержденных площадях в Мексиканском заливе в рифы были превращены 515 платформ, что составляет около 7% от общего количества установленных платформ. Одним из отрицательных результатов снижения цен на УВ в последние годы явилось значительное увеличение количества не утилизированных (брошенных) нефтегазовых платформ на шельфе США. В 2016 г. специалисты Бюро по управлению океанической энергией США БОЕМ (Bureau of Ocean Energy Management) насчитали в Мексиканском заливе 245 брошенных (Idle Iron) платформ [11]. Еще 294 платформы находились на участках с истекшим сроком или прекращенным договором аренды. Это явление несет новые угрозы экосистеме Мексиканского залива и экономике США. Из-за него в 2016 г. потребовалось внести серьезные коррективы в законодательство США в области недропользования. Мир вынужденно направился в путь к рациональному недропользованию с повышением культуры и экологической безопасности нефтегазодобычи [11, 16].

Экологической и экономической безопасности России угрожают десятки тысяч бездействующих (особенно «бесхозных») скважин, пробуренных во времена СССР и находящихся в ликвидированном или законсервированном состоянии. В АЗРФ авторы выявили ряд площадей, на которых после поисково-разведочного бурения частично или полностью оставлено буровое оборудование, что связано с высокой стоимостью его вывоза. К сожалению, во времена СССР во всех регионах активного недропользования возникали многочисленные чрезвычайные ситуации, в том числе и катастрофы в Арктике. Причем в Арктике они происходили одновременно на нескольких месторождениях с большой продолжительностью (месяцами и даже годами), например, на Кумжинском (1980–1987 гг.), Бованенковском (1984–1988 гг.) и Харасавэйском (1986–1987 гг.) [2–5, 9, 10, 12, 14, 16 и др.]. Подобные события были также на канадских островах в Арктике. За эти годы объемы техногенной эмиссии парниковых газов в атмосферу измеряются десятками миллиардов кубометров. На ряде площадей в настоящее время существуют техногенные выходы смесей УВ в водную среду и атмосферу.

Российское государство вынужденно вкладывает миллиарды рублей на переликвидацию старых скважин, но это крайне мало. С 2007 г. предприятиями АО «Росгеология» обследовано около 1500 экологически опасных скважин и ликвидировано более 130, включая скважину

№5 на Кудачо-Киевском месторождении, открытом более 150 лет назад (в 1866 г.) в Краснодарском крае [15]. Необходимо совершенствование природоохранного законодательства и создание государственного и корпоративных фондов устранения негативных последствий вмешательства человека в природную среду, в том числе для ликвидации скважин, промыслов, трубопроводов и будущего геэкологического мониторинга состояния околоскважинного пространства. Радует, что, хоть и с большим опозданием, в России предусмотрено «формирование компаниями-недропользователями ликвидационных фондов в целях финансирования мероприятий по восстановлению природной среды, рекультивации земель и благоустройству территорий» [20], но государство также должно создать свой фонд для использования будущими поколениями, которым достанется тяжелое геэкологическое наследие.

Отмеченные выше экологические проблемы существуют во всех нефтегазодобывающих странах. В связи с глобальными экологическими и экономическими угрозами, которые они несут всему миру, необходимо объединение усилий ученых разных стран для разработки новых технологий выявления, мониторинга развития и снижения угроз, возникающих при освоении ресурсов УВ.

Заключение

Обобщая сказанное, отметим огромный вклад АЗРФ в экономику страны и гигантский углеводородный потенциал Арктики (суша и акватории). Однако чрезмерная вера и эйфория, связанная с тем, что именно арктический шельф России способен обеспечить страну в ближнесрочной перспективе жидкими УВ, может дезориентировать развитие нефтегазовой отрасли и всей страны. Лито- и гидросферы Северного Ледовитого океана характеризуются низким уровнем фундаментальных научных исследований разносторонних процессов и явлений, часть которых стала известна лишь в последние годы. Поэтому широкомасштабное освоение акваторий Арктики на данном этапе способно принести колоссальные убытки в связи с необходимостью ликвидации возможных катастрофических последствий, которые неоднократно происходили на суше Арктики. Геэкологические последствия этих катастроф до сих пор недостаточно исследованы и не ликвидированы.

Необходимо помнить, что ошибка при бурении лишь одной скважины способна принести ущерб в десятки миллиардов долларов. Такие финансовые потери способны не только привести к банкротству основополагающих российских нефтегазовых компаний, капитализация которых соизмерима с финансовыми потерями компании BP, но и ставят под угрозу экономическую состоятельность страны. В сложной современной геополитической обстановке даже одна катастрофа в Арктике не только может нанести урон экосистеме, но и способна подорвать

всю экономику России и, следовательно, угрожает ее национальной безопасности.

Вместе с тем не вызывает никаких сомнений необходимость проведения активных нефтегазопроисковых работ на всем шельфе России. Несмотря на геополитические и экономические сложности последних лет внутригосударственная и мировая значимость российских арктических нефтегазовых проектов будет расти.

Работа выполнена по государственному заданию по теме «Рациональное природопользование и эффективное освоение нефтегазовых ресурсов арктической и субарктической зон Земли» (№ АААА-А19-119021590079-6).

Библиографический список:

1. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Тренды объемов добычи углеводородов морских и сланцевых месторождений США. Газовая промышленность, Спецвыпуск, Добыча углеводородов: геология, геофизика, разработка месторождений, No. 3 (696), 2013, с. 23–27.
2. Богоявленский В.И. Арктика и Мировой океан: современное состояние, перспективы и проблемы освоения ресурсов углеводородов. // Труды ВЭО России, 2014, т. 182, с. 12–175.
3. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Стратегия, технологии и технические средства поиска, разведки и разработки морских месторождений в Арктике // Вестник МГТУ. Мурманск: МГТУ, 2014, том 17, №3, с. 437–451.
4. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Нефтегазовая отрасль и экономическая безопасность России // Труды ВЭО России, 2016, т. 199, с. 102–120.
5. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Состояние и стратегия развития нефтегазовой отрасли в России и в ее Арктической зоне. // Государственный аудит. Право. Экономика, 2016, № 4, с. 63–69.
6. Богоявленский В.И., Баринов П.С., Богоявленский И.В., Якубсон К.И. Газовая революция в Китае. // Бурение и нефть, 2016, № 11, с. 3–14.
7. Богоявленский В.И., Богоявленский В.И. Углеводороды Арктической зоны Российской Федерации // Нефтегазовая вертикаль, №5, 2017, с. 52–57.
8. Богоявленский В.И., Богоявленский В.И. Состояние и стратегия развития нефтегазовой отрасли России. // Труды ВЭО России, 2017, т. 204, с. 40–48.
9. Богоявленский В.И., Перекалин С.О., Бойчук В.М. и др. Катастрофа на Кумжинском газоконденсатном месторождении: причины, результаты, пути устранения последствий // Арктика: экология и экономика, 2017, № 1 (25), с. 32–46.
10. Богоявленский В.И. Мониторинг природных и природно-техногенных процессов в районах проведения геологоразведочных работ и раз-

работки месторождений углеводородов в Арктике и Мировом океане. Арктические ведомости, 2017, № 1 (20), с. 78–89.

11. *Богоявленский В.И., Богоявленский И.В., Баринов П.С. Брошенные платформы и грядущий «идеальный шторм» в Мексиканском заливе // Бурение и нефть, № 5, 2017, с. 3–7.*

12. *Богоявленский В.И., Богоявленский В.И. Фундаментальные проблемы освоения ресурсов углеводородов в Арктике на современном этапе развития мировой нефтегазовой индустрии // Энергетическая политика, 2018, № 4, с. 22–33.*

13. *Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Проблемы газовой отрасли Нидерландов: рекордный рост сейсмической активности на месторождении Гронинген // Газовая промышленность, 2018, № 4 (767), с. 124–133.*

14. *Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Основные результаты и перспективы освоения ресурсов нефти и газа Арктики // Изд. ВЭО России, 2019, т. 216, с. 54–82.*

15. *Выявление, обследование и ликвидация экологически опасных нефтегазовых скважин. АО «Росгеология». <https://www.rosgeo.com/ru/content/vyyavlenie-obsledovanie-i-likvidaciya-ekologicheskii-opasnyh-neftegazovyh-skvazhin>.*

16. *Глобальные тенденции освоения энергетических ресурсов Российской Арктики. Часть II. Мониторинг освоения арктических энергетических ресурсов. Авторы: С.А. Агарков, В.Ф. Богачев, В.И. Богоявленский и др. Под науч. ред. Агаркова С.А., Богоявленского В.И., Козьменко С.Ю., Маслбоева В.А., Ульченко М.В. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2019. – 177 с.*

17. *Годовой отчет публичного акционерного общества «НОВАТЭК» за 2018 год. – 121 с.*

18. *Лаверов Н.П., Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Фундаментальные аспекты рационального освоения ресурсов нефти и газа Арктики и шельфа России: стратегия, перспективы и проблемы // Арктика: экология, экономика, №2 (22), 2016, с. 4–13.*

19. *О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2016–2017 годах // Государственный доклад Минприроды РФ, 2018. – 372 с.*

20. *Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года. 22 декабря 2018 г. № 2914-р. – 26 с.*

21. *Средняя цена нефти Urals в 2018 году выросла на 32%. ТАСС, 29 декабря 2018 г., <https://tass.ru/ekonomika/5965190>.*

22. *Average monthly Brent crude oil price from January 2018 to January 2019 (in U. S. dollars per barrel) // The Statistics Portal, 1st April 2019. <https://www.statista.com/statistics/262861/uk-brent-crude-oil-monthly-price-development/>.*

23. *BP Statistical Review of World Energy. June 2018, 67th edition, 52 p.*

24. *BP Statistical Review of World Energy*. June 2019, 68th edition, 52 p.
25. *Debate: Do U.S. benefits of fracking gas and oil outweigh environmental costs?* Stanford University, June 23d 2017. https://www.youtube.com/watch?v=YED2Dlp_gYM.
26. *Drilling productivity Report*. EIA. May 13, 2019. www.eia.gov/petroleum/drilling/.
27. *Factpages. Wellbore, Entry year*. Norwegian Petroleum Directorate, 2019. <https://npdfactpages.npd.no/Default.aspx?culture=en&nav1=wellbore&nav2=Statistics|EntryYear>.
28. *IGU 2019 World LNG report*. 2019. – 66 p.
29. *IHS Markit Petrodata Offshore Rig Day Rate Trends 2018*.
30. *Islam R. Nearly 230 BUSD Earmarked for Pre Development Projects Deferred Since H2 2014, Delaying over 3 MMBOE/D of suppl*. Press Release, Rystad Energy, January 28, 2016.
31. *Hicks M., Burton M. Hurricane Harvey: Preliminary Estimates of Commercial and Public Sector Damages on the Houston Metropolitan Area* // Ball State University, Research Bulletin: September 8, 2017. – 2p. <https://projects.cberdata.org/reports/HurricaneHarvey2017.pdf>.
32. *Lee Y., Garza-Gomes X., Lee R. Ultimate costs of the disaster: Seven years after the Deepwater Horizon oil spill*. Wiley Periodical, 18 January 2018. <https://doi.org/10.1002/jcaf.22306>.
33. *Oil 2019. Executive Summary. Analysis and forecasts to 2024*. EIA, 2019. – 8 p. <https://www.iea.org/oil2019/>.
34. *Somarin A. Unconventional Oil Exploration: Part 1: What Makes Oil Unconventional? Part 2: The Arctic Frontier*.//Thermo Fisher Scientific, 2018. (<https://www.thermofisher.com/blog/mining/>).
35. *Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States*. U.S. Energy Information Administration (EIA), 2013. – 730 p.
36. *United States to lead global oil supply growth, while no peak in oil demand in sight*. IEA, 11 March 2019. <https://www.iea.org/newsroom/news/2019/march/united-states-to-lead-global-oil-supply-growth-while-no-peak-in-oil-demand-in-si.html>
37. *U.S. Imports from Russia of Crude Oil and Petroleum Products*. EIA, 2019. https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIM_NUS-NRS_1&f=a.
38. *U. S. dry natural gas production*. US Energy Information Administration. 1st April 2019. <https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9070us2A.htm>.
39. *U.S. natural gas production hit a new record high in 2018*. US Energy Information Administration. 1st April 2019. <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=38692>.
40. *World Shale Resources Assessments*. EIA, 2015. <https://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas>.

- List of References:**
1. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Trends in the Production of Hydrocarbons from Offshore and Shale Fields in the United States. // *Gas Industry, Special Issue, Hydrocarbon production: geology, geophysics, field development*, No. 3 (696), 2013, p. 23–27. (In Russian).
 2. Bogoyavlensky V.I. Arctic and World Ocean: current status, problems and prospects of development of hydrocarbon resources. // *Proceedings of the Free Economic Society of Russia*, v. 182, 2014, p. 12–175. (In Russian).
 3. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Strategy, technologies and technical means of searching, exploration and development of offshore fields in the Arctic // *Murmansk: MSTU*, 2014, v. 17, No 3, p. 437-451.
 4. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Oil and gas industry and the economic security of Russia. // *Proceedings of the Free Economic Society of Russia*, v. 199, 2016, p. 102–120. (In Russian).
 5. Bogoyavlenskiy V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Status and development strategy of oil and gas industry in Russia and its Arctic Zone. // *State audit. Law. Economy*, 2016, no 4, p. 63–69. (In Russian).
 6. Bogoyavlensky V.I. Barinov P.S., Bogoyavlensky I.V., Yakubson K.I. The gas revolution in China. // *Drilling and Oil*, No 11, 2016, p. 3–14. (In Russian).
 7. Bogoyavlenskiy V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Hydrocarbons of the Arctic Zone of Russian Federation. // *Oil and Gas vertical*, No 5, 2017, p. 52–57. (In Russian).
 8. Bogoyavlenskiy V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Status and development strategy of oil and gas industry in Russia. // *Proceedings of the Free Economic Society of Russia*, v. 204, 2017, p. 40–48. (In Russian).
 9. Bogoyavlensky V.I., Perekalin S.O., Boichuk V.M. et al. Kumzhinskoye Gas Condensate Field Disaster: reasons, results and ways of eliminating the consequences. *The Arctic: ecology and economy*, 2017, No 1 (25), p. 32–46. (In Russian).
 10. Bogoyavlensky V.I. Monitoring of natural and natural – man-made processes in the areas of exploration and development of hydrocarbon fields in the Arctic and World Ocean. // *Arctic Herald*, 2017, No 1 (20), p. 78-89. (In Russian and English).
 11. Bogoyavlensky V.I. Bogoyavlensky I.V., Barinov P.S. Idle iron platforms and coming “Perfect storm” in the Gulf of Mexico. // *Drilling and Oil*, no 5, 2017, p. 3–7. (In Russian).
 12. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlensky I.V. Fundamental challenges of the Arctic hydrocarbon resource exploration at the modern stage of global oil and gas industry development. // *Energy policy*, 2018, No 4, p. 22–33. (In Russian).
 13. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlensky I.V. Problems of the Netherlands gas production: record-breaking seismic activity at the Groningen field. // *Gas Industry*, 2018, No 4 (767), p. 124–133. (In Russian).
 14. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlensky I.V. Main results and perspectives of the arctic petroleum resources development // *Proceedings of the Free Economic Society of Russia*, v. 216, 2019, p. 54–82. (In Russian).

15. Identification, exploring and elimination of environmentally hazardous oil and gas wells. JSC "Rosgeology". <https://www.rosgeo.com/ru/content/vyyavlenie-obsledovanie-i-likvidaciya-ekologicheski-opasnyh-neftegazovyh-skvazhin> (In Russian).
16. Global trends in the development of energy resources of the Russian Arctic. Part II. Monitoring the development of Arctic energy resources. Authors: S.A. Agarkov, V.F. Bogachev, V.I. Bogojavlensky and others. Under scientific ed. Agarkova S.A., Bogoyavlensky V.I., Kozmenko S.Yu., Masloboeva V.A., Ulchenko M.V. – Apatity: Ed. Kola Scientific Center of RAS, 2019. – 177 p. (In Russian).
17. Annual report of the public joint stock company "NOVATEK" for 2018. – 121 p. (In Russian).
18. Laverov N.P., Bogoyavlenskiy V.I., Bogoyavlenskiy I.V. Fundamental aspects of the rational development of Arctic oil and gas resources and Russian shelf: strategy, prospects and problems. // Arctic: ecology and economy, no. 2 (22), 2016, pp. 4-13. (In Russian).
19. About the state and use of mineral resources of the Russian Federation in 2016-2017. // State Report of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation, 2018. – 372 p. (In Russian).
20. Development strategy of the mineral resource base of the Russian Federation until 2035. December 22, 2018, No 2914-p. – 26 p.
21. The average price of Urals oil in 2018 increased by 32%. TASS, December 29, 2018. (In Russian). <https://tass.ru/ekonomika/5965190>.
22. Average monthly Brent crude oil price from January 2018 to January 2019 (in U. S. dollars per barrel) // The Statistics Portal, 1st April 2019. <https://www.statista.com/statistics/262861/uk-brent-crude-oil-monthly-price-development/>.
23. BP Statistical Review of World Energy. June 2018, 67th edition, 52 p.
24. BP Statistical Review of World Energy. June 2019, 68th edition, 52 p.
25. Debate: Do U.S. benefits of fracking gas and oil outweigh environmental costs? Stanford University, June 23d 2017. https://www.youtube.com/watch?v=YED2Dlp_gYM.
26. Drilling productivity Report. EIA. May 13, 2019. www.eia.gov/petroleum/drilling/
27. Factpages. Wellbore, Entry year. Norwegian Petroleum Directorate, 2019. <https://npdfactpages.npd.no/Default.aspx?culture=en&nav1=wellbore&nav2=Statistics|EntryYear>.
28. IGU 2019 World LNG report. 2019. – 66 p.
29. IHS Markit Petrodata Offshore Rig Day Rate Trends 2018.
30. Islam R. Nearly 230 BUSD Earmarked for Pre Development Projects Deferred Since H2 2014, Delaying over 3 MMBOE/D of suppl. Press Release, Rystad Energy, January 28, 2016.
31. Hicks M., Burton M. Hurricane Harvey: Preliminary Estimates of Commercial and Public Sector Damages on the Houston Metropolitan Area

// Ball State University, Research Bulletin: September 8, 2017. – 2p. <https://projects.cberdata.org/reports/HurricaneHarvey2017.pdf>.

32. Lee Y., Garza-Gomes X., Lee R. *Ultimate costs of the disaster: Seven years after the Deepwater Horizon oil spill*. Wiley Periodical, 18 January 2018. <https://doi.org/10.1002/jcaf.22306>.

33. *Oil 2019. Executive Summary. Analysis and forecasts to 2024*. EIA, 2019. – 8 p. <https://www.iea.org/oil2019/>.

34. Somarin A. *Unconventional Oil Exploration: Part 1: What Makes Oil Unconventional? Part 2: The Arctic Frontier*.//Thermo Fisher Scientific, 2018. (<https://www.thermofisher.com/blog/mining/>).

35. *Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States*. U.S. Energy Information Administration (EIA), 2013. – 730 p.

36. *United States to lead global oil supply growth, while no peak in oil demand in sight*. IEA, 11 March 2019. <https://www.iea.org/newsroom/news/2019/march/united-states-to-lead-global-oil-supply-growth-while-no-peak-in-oil-demand-in-si.html>.

37. *U.S. Imports from Russia of Crude Oil and Petroleum Products*. EIA, 2019. https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIM_NUS-NRS_1&f=a.

38. *U. S. dry natural gas production*. US Energy Information Administration. 1st April 2019. <https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9070us2A.htm>.

39. *U.S. natural gas production hit a new record high in 2018*. US Energy Information Administration. 1st April 2019. <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=38692>.

40. *World Shale Resources Assessments*. EIA, 2015. <https://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas>.

Контактная информация:

Богоявленский Василий Игоревич, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией «Шельф», Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), 3, ул. Губкина, Москва, 119333, Россия, e-mail: vib@pgc.su

Богоявленский Игорь Васильевич, научный сотрудник, Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), 3, ул. Губкина, Москва, 119333, Россия, e-mail: igorbogoyavlenskiy@gmail.com

Contact information:

Bogoyavlensky Vasily Igorevich, Corresponding member of RAS, doctor of technical science, Deputy Director for Science, Head of «Shelf» laboratory, Oil and gas research institute of RAS (3, Gubkina St., Moscow, 119333, Russia), e-mail: vib@pgc.su

Bogoyavlensky Igor Vasilyevich, researcher, Oil and gas research institute of the RAS (3, Gubkina St., Moscow, 119333, Russia), e-mail: igorbogoyavlenskiy@gmail.com

О драйверах социально-экономического роста

Drivers of socio-economic growth

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич

Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), академик РАН, д.э.н., профессор

Abel G. AGANBEGIAN

Head of the Economic Theory and Policy Department at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

Академик Аганбегян дает широкий обзор состояния экономики России и оценивает его как стагнацию. При этом, по мнению автора, стагнационная модель, в отличие от кризиса, не предполагает быстрого выхода на траекторию роста, так как не несет внутри себя никаких механизмов, которые можно было бы задействовать для развития. Автор тем не менее считает, что есть очевидные пути преодоления стагнации. По его мнению, выйти из стагнации можно только за счет кардинальных мероприятий, коренного изменения экономической и социальной политики, предусматривающей переход к форсированным инвестициям в основной капитал, прежде всего, для научно-технического прорыва на высший уровень, и форсированным вложениям в человеческий капитал; крупнейших действий по стимулированию инвестиций и экономического роста, коренных структурных реформ и институциональных преобразований, быстрого восстановления потерянного уровня жизни и подъема платежеспособного спроса. Академик подчеркивает, что Россия – страна огромных возможностей, и приводит многочисленные примеры передовых по мировым меркам прорывов во всех сферах. «При серьезном отставании, а в отдельных сферах, как, например, в сфере полупроводников, software, финансов, здравоохранения отставании катастрофическом, мы во всех этих сферах имеем

регионы, предприятия, организации, передовые коллективы, специалистов на самом высоком мировом уровне. Автор считает, что для тиражирования этих успехов важно, вместе с развитием рыночных стимулов, ввести и дополнительный двигатель развития в виде народно-хозяйственного планирования.

Abstract:

Academician Aganbegyan gives a broad overview of the state of the Russian economy and pronounces it stagnant. At the same time, in his opinion, the stagnation model, unlike the crisis model, does not imply a quick growth trajectory, since it contains no mechanisms that could be used for development. The author, however, believes that there are obvious ways to overcome stagnation. In his opinion, it is possible to overcome stagnation only by implementing drastic measures and making radical changes to the economic and social policy which should provide for a transition to forced investment in fixed capital, primarily for the purpose of scientific and technical breakthrough to the highest possible level, and to forced investment in human capital; by taking major actions to encourage investment and economic growth; by pursuing fundamental structural reforms and institutional transformations; by achieving rapid restoration of dwindling living standards; by boosting effective demand. The academician emphasizes that Russia is a country of enormous opportunities and cites numerous examples of breakthroughs in all spheres that can be considered as highly advanced by any measure. «With a serious lag, which can be called catastrophic for certain areas, such as semiconductors, software, finance, and health, in all those areas we have regions, enterprises, organizations, advanced teams, specialists of the highest caliber.» The author believes that in order to multiply those successes it is important, along with the development of market incentives, to introduce an additional development driver in the form of national economic planning.

Ключевые слова:

Макроэкономика, стагнация, человеческий капитал, финансы, доходы населения, технологии, экономический рост, инвестиции, экономические стимулы, планирование, основные фонды, санкции, импортозамещение, Центральный банк, инвестиционный кредит, приватизация госсобственности, высокотехнологичные отрасли, НИОКР, здравоохранение, образование, структурные реформы, внебанковские фонды, длинные деньги, пенсионная реформа, НДС, социализм, минимальная зарплата, налоговая реформа.

Keywords:

Macroeconomy, stagnation, human capital, finance, population income, technologies, economic growth, investment, economic incentives, planning, fixed capital, sanctions, import substitution, central bank, investment credit, privatization of state property, high tech industries, R&D, health

care, education, structural reforms, non-bank funds, long money, pension reform, VAT, socialism, minimum wage, tax reform.

Начну с оценки социально-экономической ситуации. Седьмой год, с 2013 г., экономика России находится в стагнации, из которых два года, в 2015 и в 2016 гг., была рецессия. В приводимой таблице 1 показана динамика за эти годы по 12 главным экономическим и социальным показателям.

Таблица 1

Социально-экономическое развитие России в период стагнации и рецессии
2013-2018 гг., в % к предыдущему году

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Всего за 2013-2018 гг.
Валовый внутренний продукт	1,3	0,6	-2,8	-0,2	1,5	2,3	2,6
Промышленность	0,4	1,7	-3,4	1,1	1,0	2,9	3,6
Строительство	0,1	-2,3	-4,8	-4,3	-1,4	5,3	-7,2
Транспорт (грузооборот)	0,6	-0,1	0,3	1,8	5,4	2,9	11,2
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	-0,6	19,8
Инвестиции	0,8	-1,5	-10,1	-0,9	4,4	4,3	-3,4
Экспорт	-2,1	-4,8	-31,3	-17,5	24,8	25,8	-17,1
Импорт	1,6	-9,8	-37,3	-0,8	25,3	4,7	-25,3
Розничный товарооборот	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,2	2,6	-4,9
Платные услуги	2,0	1,0	-1,1	-0,3	0,2	2,5	4,0
Ввод жилья	7,2	18,2	1,4	-6,0	-2,1	-4,9	18,2
Реальные доходы на душу населения	4,8	-0,5	-4,1	-5,5	-1,2	-0,2	-6,9
Инфляция (рост потребительских цен)	6,5	9,1	15,0	5,8	2,5	3,8	50,3

Вы видите, по шести показателям имела место небольшая положительная динамика. Среднегодовой прирост ВВП составил около 0,4%, а промышленности – 0,6%. Увеличился грузооборот транспорта, объем сельского хозяйства, немного возросли платные услуги, за счет первых трех лет увеличился ввод жилья.

В то же время заметно, намного больше сократился объем строительства и инвестиций, существенно, на 17% за 6 лет, сократился экспорт, и еще сильнее, на 25%, снизился импорт. А главное, пять лет подряд идет заметное сокращение реальных доходов населения, в среднем более чем по 1% в год. За шесть лет более чем в 1,5 раза увеличились потребительские цены, что сократило не только реальные доходы, но и сбережения наших граждан. На 5 млн человек за это время увеличилась численность беднейшего населения страны. Третий

год происходит крупное снижение ввода жилья – ежегодный ввод снизился на 10 млн кв. м. Намного сократился объем предпринимательской деятельности и число желающих ею заняться. Только за 2018 г. ушло с рынка более 600 тыс. предприятий и организаций, вдвое больше, чем вновь возникло.

Более чем в 2 раза сократился объем ВВП, доходов и сбережений населения по рыночному курсу доллара и евро в связи с сильной девальвацией рубля. В результате доля России в мировой экономике падает, и наша страна по основным экономическим и социальным показателям в международных рейтингах опускается на все более низкие места.

Главными первичными драйверами социально-экономического развития, как известно, являются инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, и, прежде всего, в его главную составляющую – сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии и здравоохранение). Доказана закономерная зависимость темпов социально-экономического роста от норм инвестиций в основной капитал и вложений в «экономику знаний» в ВВП. В России эти показатели сегодня на минимальном уровне – около 20% по инвестициям и всего 14% по вложениям. В развитых странах соответствующие показатели в среднем составляют, соответственно, 21 и 35%, что обеспечивает им ежегодный рост 1,5–2%. В развивающихся странах инвестиции в основной капитал достигли 30–35%, а вложения в «экономику знаний» около 20%, что гарантирует им ежегодный рост ВВП в среднем по 4–5%. В Китае, где доля инвестиций в ВВП – 45%, а доля вложений в «экономику знаний» – 22%, ежегодный рост в последние годы составляет 6,5–7%.

Из сказанного видно, что стагнация в России является закономерным результатом, а отдельные небольшие всплески ВВП в основном объясняются повышением до 20–25% цен на нефть в эти периоды. И только при повышении доли инвестиций и вложений в ВВП в России может начаться социально-экономический рост.

Важно также понять, что наши сниженные инвестиции в основной капитал в период стагнации и рецессии через 3–4 года обернутся сокращением ввода в действие основных фондов, а значит, снижением объема произведенных товаров и услуг на их базе, что в перспективе потянет ВВП вниз. Поэтому стагнация с большой вероятностью у нас продолжится еще 2–3–4 года.

Как видно, социально-экономический организм нашего общества серьезно болен. И чтобы приступить к его лечению, надо, прежде всего, выяснить диагноз – ответить на вопрос, как мы после успешного трехлетнего послекризисного подъема в 2010–2012 гг., когда мы за 1,5–2 года восстановили основные социально-экономические

показатели докризисного уровня, а затем заметно их превзошли, вдруг оказались в стагнации?

Подчеркну, что стагнация в России началась с первого квартала 2013 г. – за 1,5 года до присоединения Крыма, до начала санкций, до понижения цены на нефть, до девальвации рубля. Она произошла на «пустом месте», в благоприятных условиях, когда была подготовлена программа значительного социально-экономического роста до 2020 года в соответствии с указами Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г.

И ведь 2012 г. в целом был неплохим – на 3,4% поднялся ВВП, на 8% увеличились инвестиции в основной капитал, на 4% выросли реальные доходы населения, до минимума снизилась инфляция – до 5,1% в годовом выражении, на самом низком уровне находилась ключевая ставка Центрального банка – 5,5%, о которой сейчас можно только мечтать, на высшем уровне находилась цена на нефть – 110–115 долл. за баррель, и объем экспорта на 50 млрд увеличился по сравнению с максимумом 2008 г., до 523 млрд долл. – фантастически высокая с сегодняшних позиций цифра. Мало того, Россия в эти годы заняла огромные деньги на мировом финансовом рынке. 90 млрд долл. заняли в 2010 г., еще 100 млрд в 2012 году и еще 80 млрд в 2013 году, а всего – 270 млрд. И внешнеэкономический долг всей России с 467 млрд долл. на 1 января 2010 г. возрос до 729 млрд долл. на 1 января 2014 г.

И вдруг с I квартала 2012 г. поквартальный рост ВВП стал стремительно сокращаться.

Диаграмма 1

Неожиданно для всех, без каких-то видимых причин ВВП поквартально сократился с 4,7% в первом квартале 2012 г. до 0,7% в первом квартале в 2013 г. – почти в 7 раз. В 2013 г. ВВП увеличился всего на 1,3%, прекратился рост промышленности и инвестиций, начал сокращаться экспорт, резко снизился финансовый результат деятельности предприятий и организаций, сократилась капитализация ведущих российских фирм, поскольку уменьшается фондовый рынок. И все это происходило без каких-то внешних воздействий и при отсутствии каких-то внутренних негативных событий.

А в первом квартале 2014 г., еще до присоединения Крыма и до санкций, темпы ВВП падают еще в 2 раза – до 0,6% в I квартале и в целом за 2014 г. Начинается заметное снижение инвестиций и объемов строительства, реальных доходов, которые даже в кризис 2009 года немного увеличились, заметное падение экспорта и импорта.

При введении существующих санкций и начавшегося значительного падения цен на нефть со второй половины 2014 г., следующие два года – 2015 и 2016 – экономика России перешла к рецессии – падению. А когда «заморозили» цены на нефть и они на четверть выросли, экономика немного приподнялась и вновь вернулась к стагнации в 2017–2019 годы, что видно на диаграмме.

Стоило разобраться, откуда появилась эта стагнация, притом на фоне улучшающихся темпов других развитых и развивающихся стран, да и в целом мировой экономики, растущей по 3,5% в год.

Увы, ни на экономическом совете президента, ни на заседаниях правительства, ни даже на проходящих форумах внятного ответа на вопрос, откуда взялась у нас стагнация, ответа мы не увидели. А если нет ответа, как вы собираетесь лечить болезнь, не зная вызвавших ее причин? Я попытаюсь ответить на этот вопрос, не претендуя, естественно, на истину.

Темпы экономического роста 2013 и 2014 гг. снизились закономерно из-за сокращающегося ввода основных фондов. Ввод основных фондов в 2012 году составил около 9%, в 2013 г. всего 1%, а в 2014 г. – минус 2,7%. Это снижение ввода в действие фондов было связано с крупным снижением объема инвестиций в кризис 2009 г., значительная часть фондов от которых вводилась в 2013 и 2014 гг. Понятно, что при отсутствии ввода новых фондов не было произведено с их помощью дополнительных товаров и услуг, в отличие от прошлых лет, что и привело к снижению ВВП в эти годы.

Но при этом экономический рост и в 2013, и в 2014 г. мог бы быть продолжен в несколько меньшем размере, если бы продолжился значительный рост инвестиций по 8–10% в год, как это было в 2010–2012 гг. Но произошло неожиданное – инвестиции тоже не увеличились в 2013 г. и стали сокращаться с 2014 г. И это сочетание отсутствия

ввода новых фондов и нулевых или сокращающихся инвестиций и явилось главной причиной возникновения стагнации.

Спрашивается, почему сократились инвестиции в 2013 и 2014 гг.? Кто их сократил? Приведем статистику изменений инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг. (см. таблица 2).

Таблица 2

Динамика инвестиций в основной капитал в 2013-2015 гг.
(в постоянных ценах)

(прирост в %% 2015 г. к 2012 г.)

ПОКАЗАТЕЛИ	Прирост в %%	Примечание
Частные инвестиции	+ 10	Частные инвестиции выросли с 5897 млрд руб. в 2012 г. до 8368 млрд руб. в 2015 г., или на 40% в номинале и 10% в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 до 58%.
Государственные инвестиции (без инвестиционного кредита)	- 27	По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2155 млрд руб. в 2012 г. до 1863 млрд руб., в реальном выражении – на 31%.
Инвестиции крупных государственных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростехнология)	- 30	Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составляли 20% от общих инвестиций и снизились до 6%. Снизились объём инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростехнологии. Так что увеличение инвестиций Роснефти, не смогло перекрыть убыль их от Газпрома.
Инвестиции в консолидированном бюджете	- 22	Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1713 млрд руб. в 2012 г. до 1690 млрд руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013-2015 гг. – 127%.
Инвестиционный кредит	- 27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2% в 2012 г. до 5,9% – в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	- 11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7% и в 2015 г. – на 8,4%.

Частный бизнес за 2013–2015 гг. увеличил инвестиции на 10% в постоянных ценах. Причина значительного сокращения инвестиций – их падение почти на четверть по всем линиям, определяемым государством. Во-первых, государственные инвестиции без инвестиционного кредита сократились в реальном выражении на 31%. Инвестиционный кредит в основной капитал в подавляющей части, выдаваемый госбанками, тоже снизился на 27%. Понижилась доля в общих инвестициях консолидированного бюджета (сокращение на 22%) и по линии федерального бюджета, и по линии региональных бюджетов. Главное же сокращение инвестиций произошло по линии крупных корпораций – Газпрома, Роснефти, РЖД, Росатома и Ростехнологии. Их суммарные инвестиции, которые составляли более четверти всех инвестиций в стране, снизились на 30%, прежде всего за счет Газпрома, который в предшествующие годы строил «Северный поток – 1». Столь значительное снижение инвестиций по всем государственным линиям привело к их общему сокращению на 11%, в том числе в 2014 г. на 2,7%, а в 2015 г. – еще на 8,4%.

Это сокращение инвестиций по государственной линии, на мой взгляд, не было осознанным мероприятием. Не было централизованных указаний снизить инвестиции на 25–30%, ведь контролируемые государством инвестиции составляли половину всех инвестиций в стране. И всем понятно, что такое снижение инвестиций несовместимо с задачей экономического роста и неизбежно приведет к стагнации и рецессии, что и произошло. Так что наша стагнация является рукотворной.

Ведь у нас нет планирования даже в рамках госсобственности, нет инвестиционной программы не только в целом по экономике, но и в консолидированном госбюджете, в банковских программах и т.д. Каждая ветвь госсобственности сама решает, какими быть инвестициям, не обзорева общие показатели по стране и не принимая их во внимание.

Если сказать грубо, без планирования у нас отсутствует реальная, действенная единая экономическая политика. Она складывается из разрозненных нескоординированных действий корпораций, контролируемых государством, госбанков, федерального бюджета, бюджетных расходов регионов, является суммой их усилий, которую никто не сводит воедино, никто как следует не контролирует, не выправляет. Единое руководство отсутствует даже в рамках государственного управления.

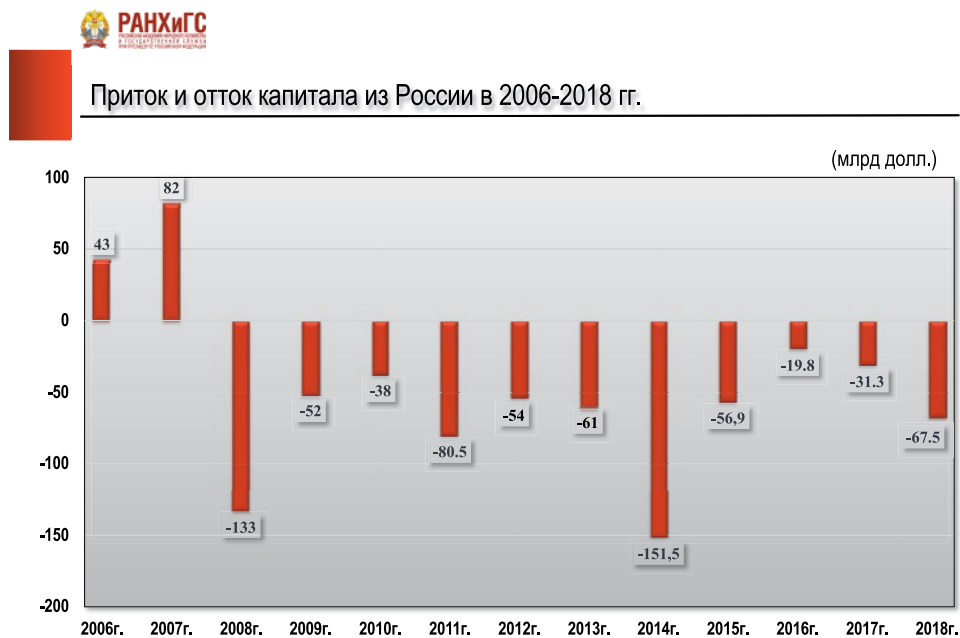
Сказанное во многом относится и к вложениям в человеческий капитал. Вряд ли многим известно, что с 2008 г. непрерывно сокращаются расходы на образование в составе валового внутреннего продукта: судя по статистике национальных счетов, эти расходы снизились более чем на 10%. В том числе и поэтому не было столь значительно выполнено задание Указа Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г. о создании 25 млн высокопроизводительных, высокообразовательных рабочих мест. Вместо этого их количество осталось на уровне 17 млн. И это явилось одной из причин практической стагнации производительности труда в нашей стране. А ведь расходы на образование – это главный драйвер человеческого капитала.

Катастрофически низко у нас и финансирование здравоохранения. По доле расходов на здравоохранение в ВВП, включая значительные частные вложения в медицину, и даже теневые доходы от врачебного оброка населения, по всей совокупности расходов здравоохранения в районе 5% ВВП в международном рейтинге расходов по здравоохранению мы занимаем 140–160 место среди 200 стран мира. Понятно поэтому, почему у нас столь низкая ожидаемая продолжительность жизни, всего 73 года – на 9 лет ниже, чем в крупных европейских странах (Испании, Италии, Франции, Великобритании и Германии), где этот показатель в среднем около 82 лет. При этом продолжительность жизни мужчин в России 66 лет против 79 в Западной Европе, на 13 лет меньше.

Преодолеть стагнацию крайне трудно. В отличие от кризиса, в рамках которого есть механизм выхода из него и подъема экономики, в стагнации такого механизма нет. Поэтому кризисы длятся недолго, обычно 2–3 года, а стагнации, напротив, длятся в разы дольше. И длятся они так долго, потому что в рамках стагнации всегда есть тренды, тянущие экономику вниз, и противодействующие переходу к экономическому росту. Применительно к России – это, в первую очередь, отток капитала из нашей страны, который начался с кризиса 2008 г. и ежегодно продолжается уже 11 лет. За это время из России ушло больше, чем пришло в Россию – 746 млрд долларов.

На приводимой диаграмме 2 показаны размеры оттока капитала после кризиса 2008 г., в отличие от притока капитала, который был у нас в 2006–2007 гг. в довольно значительных размерах.

Диаграмма 2

В 2008-2018 гг. суммарный отток капитала из России составил 746 млрд долл.

Сокращение инвестиций привело в период стагнации к сокращению коэффициента выбытия фонда и их обновления. Поэтому в стагнации фонды прогрессивно стареют. Уже 23% всех машин и оборудования работают свыше сроков своей амортизации в России. Они, естественно, больше простаивают, чем работают. Требуют с каждым годом все больше затрат на свое обслуживание, ремонт, запчасти, не обеспечивают роста производительности труда, эффективности, надлежащего качества производимой продукции. Одним словом, тоже тянут экономику вниз.

Нужно также учесть, что наш Налоговый кодекс принимался в годы, когда цены на нефть росли, и казалось выгодным взять здесь повы-

шенные налоговые отчисления. Доля нефтяной промышленности в ВВП России около 15%, а доля налоговых поступлений от нефти в формировании нашего бюджета – 40–50%. Когда цены на нефть росли в первой декаде 2000-х годов, размер бюджета рос быстрее валового продукта. Его доля в валовом продукте повысилась с 25 до 40%, и он тянул за собой ВВП вверх. А в период стагнации и рецессии цены на нефть снизились со 110–115 долларов за баррель до 60–65 на сегодня. И поэтому размер бюджета в постоянных ценах сокращается в России и тоже тянет экономику вниз.

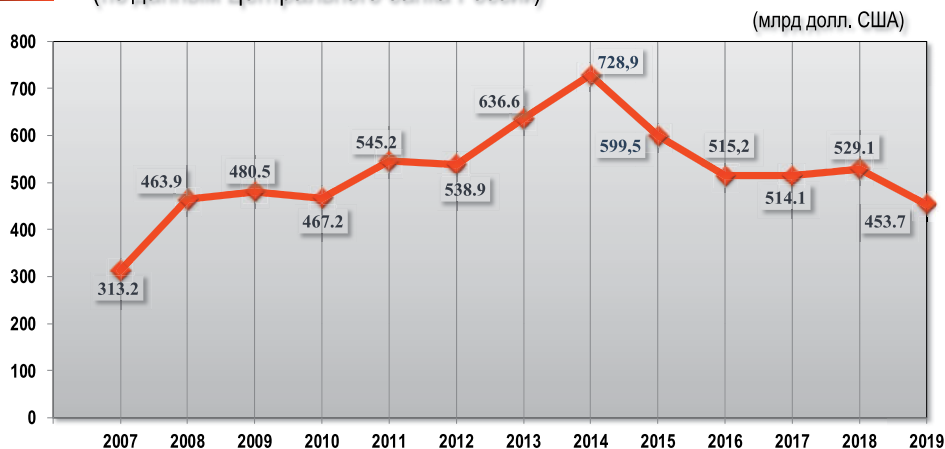
Ее вниз тянут и санкции, важнейшие из которых ограничили допуск России на финансовый рынок, препятствуют экспорту в Россию товаров двойного назначения и запрещают ввоз в Россию нефтегазового оборудования для добычи сланцевой нефти и газа, и шельфовых разработок. По оценке экспертов, санкции сокращают наш ВВП на 1–1,5%.

Насколько серьезно воздействуют финансовые санкции на экономику России, можно видеть по динамике внешнего долга России до и после санкций, что показано на графике.

График

Внешний долг России на начало года в 2007-2019 гг.
(по данным Центрального банка России)

Из 521,6 млрд долл. внешнего долга России: банки – 138,6 млрд долл., другие предприятия и организации – 340,0 млрд долл., органы государственного управления – 32,1 млрд долл.

В 2015 г. Россия выплатила 65 млрд долл. внешнего долга.

Как видно, до начала 2014 г. мы свободно занимали финансовые средства на мировом рынке и наши долги росли, а с 2014 г. перекредитовываться при отдаче долга нам практически запретили. В 2014 г. мы отдали 130 млрд долл. для обслуживания долга и ничего не смогли взять с финансового рынка. В 2015 г. мы отдали 100 млрд долл. и смогли получить кредиты только на 15. За 2014 – I кв. 2019 г.

долг поэтому сократился с 729 до 454 млрд долл. – отток 275 млрд долл.

Снижение нефтяных и газовых цен сокращают наш ВВП тоже на 1–1,5%. Именно из-за введения санкций и резкого падения цен на нефть в 2015–2016 гг. мы из стагнации перешли в рецессию.

Мы вышли из рецессии в 2017 году и продолжили стагнацию в 2017–2019 гг., прежде всего, из-за значительного повышения цен на нефть по инициативе Саудовской Аравии, стран ОПЕК, России и Ирана: цены на нефть с 30–40 долл. за баррель в первой половине 2016 г. до 70 и более долларов в 2017–2018 гг. в отдельные периоды и с этого уровня в 2019 г. снизилась до 60–65 долл. Сейчас цены на нефть опять снижаются, прежде всего, из-за серьезного увеличения добычи нефти в США, которые вышли здесь на 1 место. И если цены на нефть сократятся, скажем, до 50 долларов, то не исключена новая рецессия. Это вряд ли будет, так как ОПЕК недавно опять решил снизить добычу нефти и повысить цены.

Заметим, что 2019 г. ожидается худшим годом по экономическим и социальным показателям среди лет стагнации. В первом квартале ВВП увеличился только на 0,5%, валовое накопление основных фондов сократилось на 2,6%, а реальные доходы снизились на 2,3%. Ужасные показатели.

Экономику страны тянет вниз и сокращающийся платежеспособный спрос в связи со снижением уже шестой год реальных доходов населения. Об этом свидетельствуют данные о снижении за шесть лет объема розничного товарооборота и значительное сокращение покупок жилья в последние три года из-за уменьшения ввода жилья.

Таблица 3

Показатели движения населения в России

	Тысяч				
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Прирост (+), Убыль (–) 2017 г. к 2016 г.	Прирост (+), Убыль (–) 2018 г. к 2017 г.
Родившихся	1888,7	1689,9	1599	– 198,8	– 90
Умерших	1891,0	1824,3	1818	– 66,7	– 6,3
Естественный прирост (+), убыль (–)	– 2,3	– 134,4	– 219	– 90	– 85
Сальдо миграции (+)	261,9	211,9	125	– 6,3	– 93
Прирост (+), убыль (–) населения России	259,6	77,5	– 94	– 172	– 82

Негативно на динамику экономики воздействует ухудшение демографических показателей. Из-за падения рождаемости с 2016 по 2018 гг. на 300 тыс. человек возобновилась крупная депопуляция населения в 2017 и 2018 гг., которая будет усугубляться. Из-за снижения доходов в долларовом выражении при обесценении валютного курса рубля вдвое Россия стала менее привлекательна для мигрантов из бывших республик и поэтому с 2018 г. почти на 100 тыс. человек сократилось население страны, особенно его трудоспособная часть.

Возник дефицит рабочей силы при отсутствии роста производительности труда. Эти демографические показатели приведены в таблице № 3.

Учитывая сказанное, очевидно, что выйти из стагнации можно только за счет кардинальных мероприятий, коренного изменения экономической и социальной политики, предусматривающей переход к форсированным инвестициям в основной капитал, прежде всего, для научно-технического прорыва на высший уровень, и форсированным вложениям в человеческий капитал; крупнейших действий по стимулированию инвестиций и экономического роста, коренных структурных реформ и институциональных преобразований, быстрого восстановления потерянного уровня жизни и подъема платежеспособного спроса.

В этом отношении интересно вспомнить опыт преодоления 10-летней стагнации в США в 1970-х – начале 1980-х гг. США перешли к стагнации при президенте Г. Форде, которому не удалось с ней справиться, и он не был переизбран на второй срок. Его заменил президент Дж. Картер, который выдвинул развернутую программу преодоления стагнации. Но его мероприятия не дали желаемый эффект, положение ухудшилось. И он тоже не был переизбран на второй срок, что бывает нечасто с двумя президентами подряд. На смену ему пришел президент Р. Рейган, который в 1982 г. осуществил крупные коренные меры, чтобы преодолеть стагнацию, которые вошли в историю под названием «рейганомика».

Он значительно снизил налоги, в том числе и с богатых граждан, и создал условия для выгоды использования дополнительных средств, которые появились у зажиточного населения, на инвестиции в высокотехнологические отрасли. Потребность в этом высокопроизводительном оборудовании и подготовке кадров резко возросла в связи с тем, что одновременно вдвое были сокращены амортизационные сроки для оборудования в США и предоставлена возможность ускоренной амортизации. Американские предприятия были вынуждены начать массовую замену устаревшего оборудования и совершили небывалый технологический прорыв, вернув себе статус самой инновационной страны, потеснив Японию, Южную Корею, другие страны, которые до этого прорвались здесь вперед.

Американская экономика набрала высокие темпы, и при небольших срывах процветала и успешно развивалась с повышением благосостояния людей в течение 25 лет, вплоть до кризиса 2007 года, чего никогда ранее в истории США не было.

Коренные меры по преодолению стагнации и возобновлению значимого социально-экономического роста. Опыт США и других стран, которые смогли на длительный период ускорить свое социально-экономическое развитие, свидетельствует о том, что начинать надо с финансового форсажа, повысив инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – «экономику знаний». Переход к экономическому росту возможен только при относительно высокой норме инвестиций и вложений в валовом внутреннем продукте, как говорилось выше. Проиллюстрируем это таблицей 4.

Таблица 4

Доля инвестиций в основной капитал и «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте и темпы роста экономики

Страны	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	около 20	30 – 40	1,5 – 2,0
Развивающиеся страны	30 – 35	15 – 20	4 – 6
Китай	45 – 50	20	7
Россия	17 ¹⁾ 20 ²⁾	14	1
При ежегодном приросте инвестиций по 10%:			
Россия 2025 г.	24-27	20	4 – 5
Россия 2030 г.	30-33	25	5 – 6
¹⁾ Инвестиции в основной капитал по статистике			
²⁾ Накопление основного капитала в системе национальных счетов			

Если мы начнем с 2020 г., скажем, по 10% увеличивать инвестиции и вложения, то уже к 2022 г. их доля повысится до 23%, а «экономики знаний» до 18% в ВВП, и мы сможем перейти к 3% росту. К 2025 году при форсированном увеличении инвестиций и вложений их доля уже возрастет до 25% ВВП, а экономический рост – до 4–5%, так как мы сможем нивелировать к тому времени и негативные тренды. Продолжение финансового форсажа до 2030 года повысит нам долю инвестиций в основной капитал в ВВП до 30–33%, а долю вложений в «экономику знаний» – до 30 и более процентов, что обеспечит уже рост в размере 5–6% в год.

Одновременно нам нужно поднять уровень реальных доходов, включая зарплаты и пенсии, и не просто восстановить, а серьезно увеличить платежеспособный спрос, без которого не может быть устойчивого ускоренного социально-экономического развития. Для этого в ближайшие годы предлагается перейти к дефицитному бюджету в размере до 3% ВВП и мобилизовать по 2–3 трлн руб. в год на повышение минимальной зарплаты и размера пенсий. 3-процентный к ВВП дефицит бюджета по нормам Евросоюза является безопасным и неинфляционным.

В связи с предложением о переходе к финансовому форсажу возникает вопрос, откуда взять деньги. На этот вопрос ответил еще В.В. Путин в своем выступлении на Президиуме Экономического совета в 2016 г. Он там произнес вещице слова: «Резервы и ресурсы, которые в начале 2000-х двигали нашу экономику вперед, не работают так, как прежде. И уже не раз я сам об этом говорил, считаю нужным подчеркнуть, сам по себе экономический рост не возобновится. Если мы не найдем новых источников роста, то динамика ВВП будет находиться где-то около нулевой отметки...» Так с тех пор и произошло. Новые источники роста пока не задействованы. Нужно их найти и использовать.

10% инвестиций ежегодный прирост сегодня – это 2 трлн руб., а 10% прирост вложений в человеческий капитал – это 1,5 трлн руб.

Новые источники инвестиций и вложений. Главный новый источник, откуда можно взять эти средства, – это инвестиционный кредит банковской системы, поскольку банковская система является основным «денежным мешком» в России. Там более 92 трлн руб., вдвое больше, чем всех государственных денег, если сложить все бюджеты и все государственные внебюджетные фонды. Сейчас из 92 трлн банковских активов инвестиционный кредит основного капитала составляет около 1,5 трлн руб. Причем около половины падает на иностранные банки в России, а другая половина – средства отечественных, прежде всего государственных банков. В госбанках сегодня находится около 60 трлн руб. активов. И лишь 1% из них используется в виде инвестиционного кредита. В 3–5–10 раз меньше, чем в зарубежных банках. Вообще доля инвестиционного кредита в основной капитал в составе всех инвестиций в России составляет всего 8% против 40–50% в банках развитых стран и в районе 20% в банках развивающихся стран, где нормы инвестиций в ВВП в 1,5–2 раза выше, чем у нас.

Мы не создаем реальную мощь наших банков. Ведь активы Сбербанка, например, в 1,5 раза больше всего федерального бюджета. Федеральным бюджетом занимаются все руководство страны месяцами, и исполнительные органы, и законодательные органы. Спорят, обсуждают суммы, которые председатель Сбербанка или ВТБ выделяет своей подписью. Ведь председатель Сбербанка распоряжается более

чем 30 трлн руб., а руководитель ВТБ 12 трлн руб. Фантастические цифры!

И надо «уметь» распоряжаться столь огромными средствами, не обеспечивая социально-экономический рост страны. Вся банковская система во главе с Центральным банком повернулась спиной к главной нашей проблеме социально-экономического роста, который зависит в первую очередь от вложения денег в технологическое обновление и новую материально-техническую базу, с одной стороны, и в рост знаний и квалификаций работников страны, которым даже кредиты на образование перестали выделять, в отличие от всех других стран.

В 3–5 раз надо увеличить инвестиционные вложения банков в основной капитал, прежде всего, на цели технологического перевооружения страны, что является высоко окупаемым делом.

Триллионные суммы должны предоставляться банками на профессиональное обучение снизу доверху, поскольку оно в нашей стране в основном платное. Если такие кредиты давать под 3–4% годовых, на 15–20 лет, то люди начнут повышать свое образование, свою квалификацию, чтобы больше заработать, и они сами создадут источник размещения этих средств, как это имеет место во многих других странах.

Другой новый источник инвестиций в основной капитал – часть золотовалютных резервов. Их размер в России уже – более 500 млрд долларов. Давайте возьмем 200 млрд из этой суммы и возмездно по 25–30 млрд в год будем использовать, например, для технологического обновления действующего производства со сроком окупаемости 5–7 лет и вводом новых мощностей высокотехнологических производств с окупаемостью в 10–12 лет. При этом 300 млрд – вполне достаточная сумма для обеспечения безопасности нашей финансовой системы. Эта сумма – 300 млрд долларов, больше, чем резервы у крупнейших стран Европы вместе взятых, где финансовая система в 3–5 раз более мощная, чем у нас. Им этого хватает. Сидеть на сундуке золота, никогда его не используя, бессмысленно и вредно для страны и ее населения. Хотя, наверное, очень приятно для тех, кто на этом сундуке сидит.

Третий источник – средства предприятий. Они составляют сейчас почти 60% всех инвестиций в стране. Примерно половину инвестиций предприятия изыскивают из своей прибыли, но вначале с этой прибыли вычитают налог – 24%. Давайте откажемся от налогообложения той части прибыли, которую используют на инвестиции. Тогда у предприятий возникнет сильная заинтересованность вывести часть прибыли из тени издержек производства и увеличить собственные инвестиции. Это резко облегчит им технологическое перевооружение – крайне трудное дело. По нашим расчетам, это может дать до 1 трлн руб. дополнительных инвестиций. Вторую часть средств предприятия берут из амортизационных отчислений. Давайте увеличим амортизацион-

ные отчисления, проведя реформу амортизации, как ее провел Рейган, сократив срок амортизации хотя бы в 1,5 раза, а, может быть, и больше, и введем ускоренную амортизацию. Это еще 1 трлн инвестиций.

Четвертый, новый источник инвестиций – средства от приватизации госсобственности. Государственные предприятия и организации, прежде всего бюджетные, а также предприятия и организации, контролируемые государством, в первую очередь крупные концерны Газпром, РЖД, Роснефть и другие, госбанки и банки, контролируемые государством, все эти вместе находящиеся под эгидой государства производят 71% ВВП России, по подсчетам Всемирного банка. В то время как в 2003 году, когда был завершен первый этап приватизации, все подобные предприятия и организации производили только 35% ВВП. С того момента доля консолидированного бюджета в ВВП повысилась с 25 до 40%, возникли крупнейшие корпорации под контролем государства типа Роснефть, Ростехнологии, свернута была реформа РЖД, которая осталась государственной компанией. В собственность государства перешло значительное число электростанций (не Росатома), ВАЗ и многое другое. Произошло всеобщее огосударствление в нашей социально-экономической системе.

Между тем государству должны подчиняться предприятия и организации, которые выполняют государственные функции, а не занимаются чисто коммерческой деятельностью во многом в целях самообогащения. Пора провести широкую приватизацию, реформировать Газпром, Роснефть, РЖД, ВТБ и другие подобные монополии, развить конкурентную среду. Если эту работу провести, скажем, за 10 лет и сократить долю государственного воздействия на ВВП с 71%, скажем, до 45%, то это минимум даст по 1 трлн руб. в год при осуществлении этой приватизации. Об этом свидетельствует опыт Москвы, когда с приходом нового мэра аэропорт Внуково, Банк Москвы и многие другие объекты были приватизированы с огромной экономической выгодой.

Еще один источник инвестиций – использование на взаимовыгодных условиях средств населения. У населения 40 трлн руб. в сбережениях в России и от 700 до 1000 млрд долларов, по оценке экспертов, за рубежом. Можно было бы организовать взаимовыгодный для государства и населения заем средств населения на жилищное строительство и на производство легковых автомашин. Когда та или иная семья накопит определенный уровень заемных средств, государство могло бы этим заемщикам предоставить выгодно ипотеку по недостающей сумме и по их выбору жилье или земельные участки со скидкой до 30% от цены, поскольку эти семьи стали вкладывать средства в жилищное строительство за 2–3 года до ввода жилья или до создания легковых автомашин. Ведь после ликвидации долевого участия граждан в финансировании жилищного строительства жилье уже подорожало на 15% и, наверное, еще подорожает примерно на такую же

величину и станет недоступно значительной части населения. А этот заем как бы компенсирует и даст возможность широким слоям населения за 3–4 года, покупая облигационные государственные бумаги, облегчить себе приобретение этого жилья или легковой машины. Если население на цели этих займов потратит 3–5% своих сбережений, это будет огромная сумма.

И последний новый источник по списку, но не по значимости, это возможные заемные средства государства, которые можно будет направить на технологическое перевооружение страны и на вложение в человеческий капитал. Ведь наше государство имеет внешний экономический долг в размере, примерно, 3% ВВП (около 50 млрд долларов), а с внутренним долгом около 15%. Если же принять во внимание весь внешний долг РФ, включая долги всех предприятий и организаций, то он составит всего 33%, поскольку резко снизился из-за финансовых санкций против России. Как известно, внешний государственный долг европейских стран зашкаливает за 80%, США – свыше 110%. Общий госдолг Китая, например, свыше 250%, а Японии – свыше 200%. Уровень безопасности долга государства считается показатель 60% ВВП. Так что наше государство легко может довести объем своего долга до 30–40% ВВП. А это – дополнительно 300–400 млрд долларов. Оно может брать по 30–50 млрд в год у Китая, где резервы 3000 млрд долларов, и приносят крайне низкий доход, у Японии, где золотовалютные резервы 1000 млрд долларов, у Тайваня, где они под 500 млрд долларов, у Саудовской Аравии и стран ОПЕК, где суммарно они больше 1 трлн долларов. Эти займы можно брать у мировых инвестиционных компаний и крупнейших банков, включая международных, в которых Россия участвует. При этом наша страна имеет высокий международный имидж с точки зрения выполнения своих долговых обязательств не только в срок, но и досрочно.

Конечно, эти займы нужно использовать в значительной мере на вложения в виде инвестиционного кредита в окупаемые проекты, а не проедать при безвозмездном использовании.

Таким образом, мы видим, что даже в условиях санкций и падения цен на нефть у нас более чем достаточно новых источников инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал.

Важный вопрос – куда вкладывать финансовые средства и вложения.

Инвестиции в основной капитал нужно вкладывать в первую очередь в технологическое обновление действующего производства – в энергетику, машиностроение, химическую промышленность, в легкую и текстильную промышленность, в агропромышленный комплекс, в жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение и др. Все это высоко окупаемые проекты. Надо поставить задачу – за 15 лет пол-

ностью перевести экономику на высший технологический уровень, соответствующий развитым странам с нормой обновления основных фондов свыше 10%, со средним сроком службы машин и оборудования 7–8 лет, как в развитых странах, вместо 14–15 сегодня. Это позволит повысить производительность труда втрое, сократить энерговооруженность на рубль в ВВП вдвое, в 1,5 раза снизить материальные затраты на производство конечной продукции, увеличить фондоотдачу. Эффективность всей экономики возрастет в 2–2,5 раза.

Второе направление – по крайней мере удвоить, а потом и утроить долю высокотехнологических отраслей в валовом внутреннем продукте страны. Речь идет о строительстве новых мощностей в электронике, фармацевтике, приборостроении, высокой синтетической химии, авиационной и космической промышленности, атомной промышленности и других отраслях, где доля НИОКР в объеме производимых товаров и услуг 7–10%.

Третье направление – создание современной транспортно-логистической инфраструктуры – переход к массовому строительству скоростных двусторонних автострад, скоростных железных дорог, крупных логистических центров. Скорости доставки грузов должны повыситься в 1,5–2 раза как минимум.

Таблица 5

Сравнение показателей сферы «экономики знаний» в России и развитых странах

	Россия	Китай	Страны Западной Европы	США
Доля отдельных отраслей и сфер «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте (в %): НИОКР	1,2	2,1	2,5	2,74
Образование	4	4	8	5,7
Здравоохранение и биотехнологии	5	6	10	19
Информационно-коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес «экономики знаний» в целом в валовом внутреннем продукте (в %)	14	22	30	40

Четвертое направление – безусловное выполнение Указа Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 года о вводе в действие к 2024 году 120 млн кв. метров благоустроенного жилья. В дальнейшем тоже придется нарастить объем жилищного строительства с тем, чтобы обеспечить население России комфортным жильем на душу населения вместо

17 кв. метров в настоящее время до 30 кв. метров к 2030 г. — нижнего показателя европейских стран. Соответственно, нужно нарастить строительство социальных и торговых бытовых объектов, а также всей инфраструктуры.

Отдельно надо сказать о необходимости форсированных вложений в человеческий капитал, а конкретно — в сферу «экономики знаний» — его главную составную часть. В приводимой таблице сравнивается доля отдельных отраслей «экономики знаний» в России с США, Западной Европой и Китаем.

В целом по всей сфере «экономики знаний» наше отставание — ужасное — в 1,5 раза от Китая, в 2 раза — от Западной Европы и почти в 3 раза от США.

Заметим, что в советское время по доле расходов на «экономику знаний» в национальном доходе в 60-е годы мы опережали США, особенно по науке и образованию, и не отставали от стран Западной Европы. К 80-м годам некоторое отставание по образованию, здравоохранению и ИКТ наметилось, а по науке СССР сохранял лидерство (3% ВВП).

Отставание на сегодня: по НИОКР — 2,5 раза от США и даже в 1,75 раза от Китая, по здравоохранению — в 2 раза от Западной Европы и в 3,5 раза от США, по информационно-коммуникационным технологиям — в 2,5 раза от Китая и Западной Европы и втрое от США. Лучше обстоит дело в образовании, но и здесь мы существенно отстаем. Это — цифры по доле ВВП. А если считать по покупательной способности финансирования, то учитывая наше отставание в 1,5 раза по душевому производству ВВП от Западной Европы и более 2 раз от США, — отставание составит в среднем от них — 3–5 раза.

Условия и Стимулы для инвестирования и экономического роста.

Важнейшим условием осуществления форсированных инвестиций и вложений является снижение ключевой ставки Центрального банка в ближайшие 3–4 года до 4–5%. Для этого должна быть составлена специальная программа высшего президентского уровня для ее безусловного выполнения Центральным банком и правительством. Соответственно, должны быть снижены реальные процентные ставки всей банковской системы.

Чтобы инвестиционный кредит был востребован в необходимых размерах и смог быть реально окупаемым, он должен выдаваться предприятиям на технологическое обновление действующего производства по процентным ставкам не выше 5% при окупаемости 5–7 лет, на создание новых мощностей высокотехнологических отраслей с окупаемостью 10–12 лет по ставкам не выше 4% годовых и на формирование окупаемых платных автострад и скоростных железных дорог с процентной ставкой не более 3% годовых с окупаемостью 20–25 лет. Под 3–4% годовых следовало бы выдавать массовые кредиты лицам,

осуществляющим профессиональное образование, начиная от рабочих профессий и профессии, скажем, программиста, вплоть до магистров, аспирантов и докторантов.

При наличии более высоких банковских процентных ставок следует уже в ближайшее время начать массовое кредитование по указанным низким процентным ставкам, компенсируя банкам недостающий процент за счет средств бюджета. Легко видеть, что для того чтобы предоставить 1 трлн рублей инвестиционного кредита по ставке 5% вместо 10-процентной ставки банка, нужно в бюджете зарезервировать на эти цели всего 50 млрд рублей в год. Откуда взять эти деньги? Очень просто. Зачем бюджет безвозмездно финансирует окупаемые проекты по статье «национальная экономика», в ЖКХ и других областях. Это – окупаемые проекты. Ну, конечно, кредиты нужно выдавать не под 10–12%, что неподъемно, а, например, под 4%, что вполне посильно.

Инвестиционный кредит, таким образом, станет основной формой увеличения инвестиций в основной капитал и важной формой вложений в человеческий капитал. В отличие от других форм инвестиций, кредитные средства обладают большей целенаправленностью, необходимостью их использования по прямому назначению. Они возвратны, и каждый их шаг контролируется коммерческим банком, имеющим высококлассных специалистов, с возможностью привлечь любых других специалистов для поиска лучших решений. Банк головой отвечает за возврат этих кредитов. Ведь это не его деньги. И поэтому он будет принимать активное участие и в переговорах о покупке оборудования для технологического обновления кредитуемого им предприятия, и в переговорах со строителями, если те будут строить для этого предприятия. Соответственно, банк будет перечислять средства прямо тем, кто поставляет оборудование, и прямо тем, кто строит, а не на счета предприятий, откуда они могут быть сняты и для других целей.

Крайне важно заинтересовать предприятия и организации в технологическом прорыве, в обновлении, в перевооружении. Это трудное дело – технологическая перестройка производства. Когда оно приостанавливается из-за смены оборудования, а надо продолжать платить зарплату, нужны дополнительные средства на переобучение сотрудников и так далее. А в это время с предприятия еще берут налоги. Следовало бы на время технологического перевооружения давать налоговую паузу, таможенные скидки с изделий, если они помогают этому технологическому перевооружению, предоставлять административные и другие льготы. Одним словом, нужны сильные стимулы.

И главный стимул – переход на проектное финансирование вместо залогового метода при получении заемных средств. Проектное финансирование должно стать массовым средством предоставления займов. Мало бюрократизированным, быстрым, предоставляемым в «одном окне».

Стимулы нужны и для того, чтобы производство новых изделий и предоставляемых услуг не было бы чрезмерно дорогим. Нужно повышать налог на дорогие товары, дорогие гостиницы, дорогое жилье. И, напротив, поощрять снижением в случае низких цен, доступных большинству населения, малому и среднему бизнесу.

Если мы хотим «слезть с нефтяной иглы», а мы хотим этого, нам надо сильно развить экспорт готовых изделий с высокой добавленной стоимостью, что подхлестнет и экономический рост. Для этого нужно создать льготы для таких экспортеров – налоговые, таможенные, административные и другие, особенно если это – экспорт высокотехнологической продукции. Сказанное относится и к импортозамещению.

Необходимость институциональных преобразований и структурных реформ.

Одновременно надо снимать препятствия, которые возникают при инвестировании и экономическом росте. Эти препятствия возникают в случае государственной монополизации, и поэтому важна приватизация госсобственности, выдвигание частной собственности на первое место. Нужен новый закон о частной собственности, о ее неприкосновенности, о том, что все силовые ведомства должны быть поставлены на службу частной собственности, как это принято во всех рыночных государствах, где слово private является основным в экономическом порядке. Целесообразно ужесточить антимонопольное законодательство и против монополии олигархических структур.

Нам нужны также законы о развитии конкуренции и более мощное антимонопольное законодательство.

Следует провести реформы финансовой системы – самого отстающего экономического сектора нашей страны. По международному рейтингу среди государств мира финансы России стоят на 108 месте, в то время как по экономическому уровню и уровню реальных доходов мы входим в первые 50 стран мира. Нам нужны внебанковские фонды «длинных» денег – надо перейти к накопительным пенсиям, в разы увеличить страхование, особенно жизни, предоставив различные льготы для этого, развить паевые фонды, ипотеку, венчурные фонды. Предстоит резкое увеличение «длинных» денег в банковских активах. Нам надо преобразовать фондовую биржу, переведя ее в значительной мере на долговременные вложения вместо спекулятивного начала, преобладающего здесь.

Необходима коренная реорганизация управления регионами и муниципалитетами. 90% регионов переведены на худшую из существующих систем финансирования, дестимулирующую развитие экономики, – на дотационную систему. Между тем более 70% регионов поставляют в федеральный бюджет намного больше средств, чем сумма дотаций этого региона. Поэтому их можно перевести на самокупае-

мость, самофинансирование и самоуправление – нормальную, существующую во всех федеральных государствах систему, которая позволит стимулировать их социально-экономическое развитие, а не ездить в центральные органы и проводить там время «с протянутой рукой».

Одним словом, самое главное, что все эти структурные реформы в совокупности должны позволить нам сформировать рыночный механизм экономического развития. Такой механизм у нас практически отсутствует, поскольку нет рынка капитала, с одной стороны, и нет достаточно конкурентного рынка внутри страны, с другой стороны. И не случайно, а вполне закономерно, что за 27 лет новой России объем нашего валового внутреннего продукта практически не увеличился (в пределах 10%), а промышленность даже сократилась. Об этом свидетельствуют статданные, представленные в таблице 6.

Таблица 6

Динамика основных экономических и социальных показателей России

ПОКАЗАТЕЛИ	1 период (1991-1998 гг.)	2 период (1999-2008 гг.)	3 период (2009-2017 гг.)
	Изменения по периодам в %% к началному году периода, принятому за 100%		
Валовый внутренний продукт	56	190	105
Промышленность	48	180	104
Сельское хозяйство	54	150	125
Инвестиции в основной капитал	21	280	103
Реальные доходы	54	230	103
Процент безработных (в конце периода)	13	5	5
Депопуляция населения (в конце периода) (тыс. человек)	950	380	100
	Изменения в %% к началному году		
Валовый внутренний продукт	56	106	111
Промышленность	48	86	90
Сельское хозяйство	54	82	101
Инвестиции в основной капитал	21	48	49
Реальные доходы	54	124	128

Тот рост, который у нас был, – это восстановительный рост после большого падения и в первом 10-летии 2000-х гг. после трансформационного кризиса, и после кризиса 2008–2009 гг. резко сократились инвестиции в основной капитал и за счет этого увеличился фонд потребления населения – средний уровень реальных доходов заметно вырос. Но доходы примерно трети относительно бедного населения не увеличились из-за возросшего социального неравенства. Разница в средних доходах 10% бедных и 10% богатых возросла с 3–4 раз в советской России до 15–16 раз в новой России.

Крайне важно ввести и дополнительный двигатель развития в виде народно-хозяйственного планирования. Я бы предложил составить первый 5-летний план новой России на 2021–2025 гг., что позволило бы если не выполнить, то хотя бы приблизиться к показателям Указа Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. Наличие плана позволит стране иметь единый план инвестиций, иметь сбалансированную систему стимулирования, во главу угла поставить человеческий капитал как главный перспективный источник нашего развития. На базе планирования наш бюджет, который не имеет в своем составе целевых показателей и является крайне неэффективным инструментом управления государством, наконец, сможет занять свое достойное место в управлении страной.

Народнохозяйственный план должен распространяться и на всю нашу кредитную систему, как часть единого финансового баланса государства. Во всех странах, которые перешли к быстрому социально-экономическому развитию, будь то восточно-азиатские «тигры» во главе с Китаем и Японией или отдельные европейские страны, этим развитием руководили агентства – управленческие структуры высшего уровня по реформированию и развитию экономики. Такую структуру при Президенте страны надо создать и в России для того, чтобы управлять всем этим процессом.

Крупные институциональные реформы следует также провести со временем в период ускоренного роста экономики и благосостояния населения в социальной сфере. Структура и развитие нашей социальной сферы, ее основных составных частей не соответствует развитой рыночной экономике и не способствует социально-экономическому росту.

С одной стороны, эта система унаследована от социализма, где она базировалась на общенародной собственности, когда государство все отбирало у предприятий и организаций, а потом все сверху распределяло. И поэтому закономерно, что в условиях социализма пенсионная система вся базировалась на средствах предприятий и государства. Сказанное относится и к бесплатности здравоохранения и образования на базе общенародной собственности. Государство также само, как известно, распределяло жилье, как правило, бесплатно и дотировало жилищно-коммунальные услуги, управляя этим жилищно-коммунальным хозяйством и устанавливая уровень квартплаты, затраты на электричество, воду и другие услуги. В условиях рыночной экономики все это не просто анахронизм и пережиток. Это противоречит наличию в стране большого сектора частной собственности, которая работает на самоокупаемости, самофинансировании и самоуправлении, а не отдает все средства в бюджет, как при социализме. И поэтому у предприятий и государства в цивилизованном рынке попросту не может быть столько средств, чтобы платить достойный уровень

пенсий и содержать бесплатное здравоохранение и образование. Все жилье стало платным и должно быть частным и самокупаемым.

Опыт сотни лет формирования рыночной экономики во всех странах показывает, что не может быть разумной и достойной пенсионной системы без взносов работающего населения из своей зарплаты и доходов на свои будущие пенсии. И поэтому во всех без исключения странах, кроме России и ей подобных, работающие уплачивают обычно около 10% своей зарплаты и доходов в накопительные пенсионные фонды. В эти фонды вкладываются также предприятия и организации, но в разумных пределах, чтобы у них оставались средства на их развитие, а также государство. В России предприятия вкладываются в Пенсионный фонд намного больше, чем даже в самых богатых развитых странах. И у них остается мало средств на свое развитие. Это является одной из причин того, что многие наши предприятия и организации практически топчутся на месте, а не развиваются.

Несмотря на то, что и бюджет выделяет все больше средств на пенсионное обеспечение, наш уровень пенсий не может не быть нищенским. Их уровень немного превышает наш крайне низкий прожиточный минимум. Международная организация труда, как известно, провозгласила минимальный уровень пенсий, в размере 40–60% от размера средней зарплаты, с чем согласилась и Россия. Но в России уровень пенсий составляет около 30% зарплаты. Номинальной зарплаты, которую показывают предприятия. Полная же зарплата, согласно национальным счетам Росстата, примерно на 25% выше объявленной зарплаты. И поэтому реально пенсии составляют лишь 25% от уровня заработка. Они вдвое ниже нормы МОТ. Если по уровню реальных доходов наша страна занимает 50 место в мире и относится к странам с относительно высоким уровнем благосостояния, занимая лидирующее место во второй группе стран из пяти, то по уровню жизни пенсионеров наша страна опустилась на 98 место среди стран мира, в конце четвертой группы из пяти с относительно низкими размерами пенсий. Россия уступает по реальному уровню пенсий не только 25 развитым странам, но еще и 60 развивающимся странам, большинство из которых имеет уровень экономического и социального развития в 1,5–2 раза ниже, чем Россия. Низкие пенсии – позор для великой державы. Даже Казахстан в 1997 году перешел на принятую во всех странах накопительную систему пенсий.

Помимо прочего, это резко увеличивает долю «длинных денег» в активах страны, из которых черпаются самые эффективные долгосрочные стратегические инвестиции в основные фонды. Россия этого лишена. Поэтому мы нуждаемся в коренной пенсионной реформе, которая позволит удвоить размер наших пенсий за счет 10-процентного перечисления в будущий пенсионный фонд зарплаты и доходов всех работающих. Такой переход позволит в России ввести принятую

во всех странах возможность досрочного выхода на пенсию мужчин с 60 лет и женщин с 55 лет, как раньше с примерно таким же размером пенсий, который они сегодня получают. А если они хотят получать больший размер пенсий, нужно доработать до установленного пенсионного возраста.

Во всех развитых и развивающихся странах, за исключением Англии и Канады, граждане также отчисляют из своей зарплаты и доходов на страхование своего здоровья. В Англии и Канаде медицинское обслуживание полностью государственное, но при этом эти страны имеют самый высокий подоходный налог с населения, откуда черпаются соответствующие средства. Уровень этого подоходного налога – 30–40%. В России подоходный налог самый низкий – 13%. И мы попросту не имеем средств за счет предприятий и государства на достойное страхование и бюджетное финансирование здравоохранения. В этом одна из причин нашего катастрофического отставания по рейтингу здоровья граждан от других стран (119 место по данным ВОЗ). Нам нужно удвоить финансирование здравоохранения, чтобы поднять продолжительность жизни к 2024 году до 78 лет, а к 2030 году до 80+ лет в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. Поэтому надо ввести 6–7-процентный взнос с зарплаты и доходов граждан на страховку по здоровью, оставив, разумеется, как и по пенсионным отчислениям, соответствующие отчисления от предприятий и финансирование из бюджета государства.

Государственное управление жилищным хозяйством в рыночной экономике неэффективно. Дотировать развитие коммунальной сферы для государства накладно, а главное – не нужно. Давно пора всю жилищно-коммунальную сферу приватизировать и перевести на рельсы частной собственности, установив рыночные окупаемые цены в виде квартплаты и оплаты коммунальных услуг. Эта сфера должна быть высоко конкурентной, как во всех странах с соответствующими свободными либеральными ценами.

Эти три реформы – пенсионная, финансирования здравоохранения и жилищно-коммунальная – могли бы быть проведены в 2024–2026 гг. на фоне 4–5-процентного социально-экономического роста, который в те годы мог бы быть достигнут. Они должны быть проведены без снижения реальных доходов населения за счет индексирования заработной платы для полной компенсации дополнительных расходов населения, прежде всего малообеспеченных и среднеобеспеченных его групп. Солидарные взносы в единый Пенсионный фонд и единый Фонд страхования здравоохранения позволит несколько сократить разрыв в реальных доходах богатых и бедных семей, поскольку намного больший взнос богатых граждан на пенсии и страховки можно будет частично использовать для более достойных размеров пенсий и страхования у низкооплачиваемых слоев населения.

Следовало бы также по примеру других стран перейти к налогу на недвижимость граждан, включая и земельные участки в размере 1–1,5% от их рыночной стоимости. При этом бедные семьи могли бы быть освобождены от этого налога. Этот налог целиком должен поступать в муниципалитеты и являться, как в других странах, финансовой основой активности гражданского общества, стимулируя муниципалитеты создавать лучшие условия для жизни людей.

Полное упразднение подавляющей части дотаций на коммунальные услуги, которые в основном достаются более зажиточным гражданам, поскольку они в разы больше потребляют эти услуги, имея более просторные квартиры, дачи. Новый налог на недвижимость позволит еще сократить разницу в доходах богатых и бедных, которая в России катастрофически велика.

Взяв от социализма то, что совершенно неприемлемо в рыночном хозяйстве, о чем говорилось выше, Россия в то же время в 5 раз увеличила разницу между доходами в расчете на душу населения 10% бедных (она составляет около 6 тыс. руб. в месяц) и 10% богатых (она составляет около 100 тыс. руб. в месяц), доведя эту разницу до 15,5 раза, по официальным данным, в то время как в советской России эта разница составляла 3 раза. В странах Западной Европы эта разница, называемая коэффициентом фондов, составляет 8–10 раз, а в странах социал-демократической направленности и в Японии 5–6 раз, к чему мы должны стремиться.

Предлагается принять меры, для того чтобы этот разрыв снизить хотя бы до 10 раз к 2025 году и до 6 раз к 2030 году. Для этого предстоит осуществить целый комплекс мер.

В дополнение к сказанному можно было бы уже в 2023 году, когда, по нашему расчету, будет заметен переход нашей страны к социально-экономическому росту, ввести прогрессивное налогообложение, с чем согласна подавляющая часть россиян, возмущенная непомерной разницей между богатыми и бедными в своей стране. Повышение этого налога могло бы быть плавным, и прогрессивная часть могла бы начать увеличиваться, скажем, начиная с дохода 50 тыс. – до 20%, со 100 тыс. – на 25%, с 300 тыс. – на 30%. Причем прогрессивный налог взимается только с дополнительной части высокого дохода. Одновременно должен быть отменен подоходный налог с душевых доходов с уровня дохода в размере до 20 тыс. руб.

При этом нужно непрерывно повышать минимальную заработную плату, которая в России совершенно не соответствует уровню ее экономического и социального развития, является явно заниженной. Уровень минимальной зарплаты у нас в 2–3 раза ниже, чем в странах с таким же уровнем развития.

Одновременно с переходом к прогрессивному налогообложению нужно предоставить возможность без налогов использовать часть дохо-

дов для вложения в акции, облигации, с низким налогообложением со сбережений, с налоговыми льготами при благотворительности и т.п., стимулируя людей с высокими доходами все большую часть тратить не на себя, а вкладывать в развитие страны. Должны быть даны льготы в налогообложении, если человек тратит средства на образование или здравоохранение. Льготное налогообложение могло бы быть и со средств, уплаченных для возмещения ипотечного кредита, что стимулировало бы повышение жилищной обеспеченности и объемов жилищного строительства — одного из важнейших драйверов нашей экономики. Проведение этих мер и прежде всего индексации зарплаты, в том числе и при введении налога на недвижимость для мало- и среднеобеспеченных групп населения, позволит увеличить среднюю зарплату, примерно в 1,5 раза — в среднем по России, примерно до 70 тыс. руб., а медианную — до 50 тыс.

Новая структура расходования заработной платы и доходов граждан, где на покупку товаров и услуг будет тратиться не 80% доходов и зарплаты, как сегодня, а в районе 50%, повысит заинтересованность граждан в увеличении зарплаты, побуждая их повышать квалификацию, более интенсивно работать, заниматься малым бизнесом и т.д. Сегодня стимул у наших граждан при относительно низких зарплатах, по сравнению со странами с примерно таким же социально-экономическим уровнем развития, ослаблен. Нужно в большей мере заинтересовать работников заработать быстрее деньги на улучшение жилья, покупку автомашины, проведение более активного отдыха, туристических поездок, приобщение к культуре и искусству и так далее.

Возобновление социально-экономического роста с 2022—2023 гг. при 3% ежегодного увеличения ВВП, а затем увеличение темпов до 4% в 2024—2025 гг. и до 5% в последующие годы позволит быстро наращивать дополнительные финансовые ресурсы с 4 трлн в год, соответственно, сначала до 6, а потом до 9 трлн руб. ежегодно. Крайне важно основную часть этого прироста направлять на повышение благосостояния народа и прежде всего на зарплату, доходы и обеспеченность комфортным жильем, а также на здоровье, образование и экологию. Это значительно повысит покупательную способность граждан и уровень их потребления, что явится драйвером дальнейшего, притом устойчивого, социально-экономического развития.

В таблице 7 представлен международный рейтинг России по социально-экономическим показателям среди 150 стран мира.

В заключение скажу, Россия — страна огромных возможностей. В отдельных сферах, как, например, в сфере полупроводников, soft ware, финансов, здравоохранения отставание катастрофическое, но и здесь мы во всех этих сферах имеем регионы, предприятия, организации, передовые коллективы, специалистов на самом высоком мировом уровне.

Таблица 7

Международный рейтинг России среди 150 ведущих государств мира по социально-экономическим показателям (место среди стран)

ПОКАЗАТЕЛИ	2018 г.	2025 г.	2030 г.	
ВВП – объём:	по ППС	6	5	4
	по рыночному валютному курсу	14	10	4
ВВП на душу населения (уровень экономического развития):	по ППС	45	35	15
	по рыночному валютному курсу	80	45	20
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	120	30	10	
Доля «экономики знаний» в ВВП	110	40	15	
Индекс социального развития	70	45	25	
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	90	50	25	
Реальные доходы на душу населения:	по ППС	55	40	20
	по рыночному валютному курсу	90	50	25
Обеспечение комфортным жильём	80	50	25	
Образование	30	20	10	
Здравоохранение	120	60	25	
Уровень жизни пенсионеров	80	50	25	

Я занимаюсь макроэкономикой, состояние которой всех нас не может не огорчать. Иногда ночами не спишь, переживаешь за последствия пенсионной реформы, за ужасное решение о повышении НДС – самое плохое, что можно было сделать, за начавшийся уже кризис жилищного строительства из-за несбалансированного решения по прекращению долевого участия граждан в финансировании жилья, в наметившейся тенденции повышения по всем линиям налогов и сборов – все это ужасно огорчает.

Чтобы оставаться оптимистом, я коллекционирую конкретные наши достижения, больше всего в тех отраслях, которые кажутся совсем безнадёжными на фоне лучших мировых достижений. И, поверьте, везде, будь то смертность от инсультов и инфарктов, которых у нас на 100 тыс. в соответствующих возрастах больше, чем в развитых странах в 3–4 раза, или по отставанию в soft ware в 10 раз по объёму экспорта от Индии или Китая, или по молочному животноводству, где мы в советское время производили 50 млн тонн молока, а сейчас – 30, и снизили потребление на душу населения – и имеем самые низкие показатели надоев. В любой этой сфере есть регионы, есть предприятия, а в медицине есть клиники, где показатели самые высокие в мире или близкие к ним.

Приведу конкретные примеры. В больнице неотложной помощи в Набережных Челнах в последние годы смертность от инфаркта снижена до 5% от поступивших больных, а от инсульта – до 7%, что соответствует высшим мировым достижениям в лучших клиниках мира.

В клиническом отделении Института инсульта при 2-м Медицинском университете им. Пирогова свыше 70% лиц, перенесших инсульт, возвращаются к прежней трудовой деятельности, что является, пожалуй, лучшим мировым достижением.

При колоссальном отставании в продуктивности молочного скота и его племенном составе в Ленинградской области при наличии около 70 тыс. коров средний надой составил около 8600 кг, что существенно превосходит средний надой стран Западной Европы, в том числе Германии, где подавляющее большинство наших лучших молочных ферм закупает скот. А ведь в Ленинградской области телки более продуктивны, и доля породистого скота существенно превышает немецкий уровень. Кстати, именно из спермохранилища в Пушкино значительное число немецких хозяйств берет сперму для оплодотворения своих коров с целью получить наибольшие удои, поскольку это спермохранилище после американских считается одним из лучших в мире. Выше 7000 кг удоя коров, которыми не может похвастаться Франция, Италия и другие развитые страны, у нас имеет место также во Владимирской и других областях.

Мы отстаем по потреблению мяса на душу населения, на 15 кг от Западной Европы и на 30 кг от США. Много мяса, особенно говядины, страна закупает. Между тем в Белгородской области при населении 1,5 млн чел. откормочные хозяйства производят 1,6 млн тонн мяса в живом весе — более 1 тонны на душу. Такого результата нигде нет. Относительно небольшая область с маленькой территорией превосходит многомиллионные края, автономные республики и области страны по развитию животноводства, занимает первые места в России по производству свинины, птицы, а главное — по прибыльности сельского хозяйства. К тому же на душу населения там производится более 1000 яиц в год.

Россия катастрофически отстает по уровню смертности от передовых и большинства развивающихся стран, занимая по уровню смертности и ожидаемой продолжительности жизни сотые места в мировых рейтингах, а по мужчинам 120–130 места. А по младенческой смертности Россия в мире примерно на 40 месте. И она в России существенно ниже, чем в США, куда в Майами ездят наши шоумен, а в Калифорнию жены богатых людей, чтобы рожать детей. Притом в Чувашии младенческая смертность вдвое ниже, чем в США. И эту республику можно рекомендовать как одно из самых надежных на Земле мест, где можно рожать детей. Младенческая смертность в Чувашии намного меньше, чем в Москве или в Московской области, где уже без счета перинатальных центров, врачи получают в 2–3 большую зарплату, чем в Чувашии и т.д.

Мы на порядки отстаем в развитии полупроводниковой промышленности, закупая более 90% всех плат за рубежом и подавляющую

часть компьютерной техники. Высшим достижением этой сферы считается производство суперкомпьютеров. И в России есть фирмы, которые их производят. Они пока почти не востребованы в нашей стране из-за технологической отсталости. Поэтому часть таких машин эти фирмы продают в развитые страны Европы и даже в университеты США – главную страну по производству суперкомпьютеров. Ибо наши суперкомпьютеры дешевле, надежнее, доступнее.

Все, о чем я здесь пишу, я старался посетить. И в этих передовых регионах, предприятиях и организациях я встретил выдающихся специалистов, творцов технологического чуда, но не встретил представителей других регионов или организаций, которые приехали бы перенять что-то. Не встретил молодежь, которая бы обучалась на этих примерах.

Все дело в том, что мы сами не используем эти достижения, не распространяем их по стране, не тиражируем существующие столь высококвалифицированные кадры, не учим на этих примерах других. И у нас во многих отраслях и сферах сохраняются поэтому средние, крайне низкие показатели.

Но наличие этих возможностей, наличие этих передовых людей вселяет уверенность, что у нас есть потенциал, для того чтобы сделать сильный рывок вперед, перейти на ускоренные темпы на базе научно-технологического прорыва, поднять благосостояние народа.

Пленарные конференции МАЭФ–2019

В разделе
представлены
материалы пленарных
конференций
МАЭФ–2019, которые
состоялись 16 мая
2019 г. на следующих
площадках:

- Финансовый университет
при Правительстве РФ
- Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
- Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
- МГУ имени М.В. Ломоносова
- Московский авиационный
институт (национальный исследовательский
университет)

Пленарная конференция МАЭФ–2019 «Новое качество ЭКОНОМИКИ»

16 мая 2019 г.
Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации

Модераторы конференции:

Бодрунов Сергей Дмитриевич,

президент Вольного экономического общества России, президент
Международного Союза экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Сорокин Дмитрий Евгеньевич,

научный руководитель Финансового университета при Правительстве
РФ, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН,
д.э.н., профессор

Формирование современной концепции денег в контексте нового качества экономики

Formation of the modern concept of money in the context of the new quality of the economy

АБРАМОВА Марина Александровна

Главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра денежно-кредитных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессор

Marina A. ABRAMOVA

Chief Researcher monetary research center Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

Статья посвящена исследованию основных вопросов формирования современной концепции денег в условиях нового качества экономики, обусловленного в том числе цифровизацией ее финансового сектора. Цель – рассмотрение особенностей современной денежной системы как новой экономической реальности с точки зрения объектов, субъектов и видов операций в формирующейся цифровой экономике. Задачи – исследование роли и места отдельных элементов денежной системы в современной экономике с учетом трансформации формы и механизмов оборота денег в эпоху широкого использования информационных сетей, распространения компьютерных технологий.

Abstract:

The article is devoted to the study of the main issues of the formation of the modern concept of money in terms of the new quality of the economy, due, among other things, to the digitization of its financial sector. The goal is to consider the characteristics of the modern monetary system as a new economic reality in terms of objects, subjects and types of operations in the emerging digital economy. The objectives are to study the role and place of individual elements of the monetary system in the modern economy, taking into account the transformation of the form and mechanisms of money circulation in the era of widespread use of information networks and the spread of computer technology.

Ключевые слова: Деньги, денежная система, виртуальные валюты, цифровизация экономики.

Keywords: Money, monetary system, virtual currencies, digitalization of the economy.

Современная концепция денег в трактовке определенного способа понимания предмета исследования с целью последующей имплементации в законодательное пространство страны и принятия государственно-управленческих решений является базовым элементом денежной системы как фундаментальной основы системной модернизации национальной экономики. Денежная система, являясь особым типом «средовой» системы, взаимодействует с другими функциональными макроэкономическими системами (денежно-кредитной, финансовой, платежной, валютной). Изменения в денежной системе, обусловленные изменением ее базового элемента – денег, приводят, соответственно, к изменениям в иных функциональных системах. С другой стороны, формирование нового качества всей экономической системы, в том числе под воздействием ее диджитализации, вносит коррективы в сложившиеся представления о деньгах, их формах и видах, механизмах денежного оборота, эмиссии денег, о трансмиссионных механизмах денежной системы [1]. Так, например, развитие видов электронных денег, переход в середине 90-х годов XX века от «электронных денег, основанным на картах» к «электронным деньгам, основанным на программном обеспечении» привело к необходимости разработки понятия «электронные деньги» и принципов построения систем их перевода. На этой основе была разработана нормативная правовая база их функционирования, сформированы рекомендации центральных банков в отношении электронных денег, законодательное и нормативное обеспечение экономической безопасности платежных инноваций в сфере оборота электронных денег. Сегодня мы можем констатировать формирование целостной концепции электронных денег, что обеспечивает их активное использование в денежном обороте. Но электронные деньги однозначно отнесены к виду безналичных денег. Но мир столкнулся и с другой «новой экономической реальностью» – с виртуальными валютами.

Появление виртуальных валют, в том числе криптовалют, вызывает острые дискуссии по поводу природы денег в условиях цифровой экономики. Несмотря на то что биткоин «появился» в 2009 году [2], до сих пор отсутствует единый подход к определению природы виртуальных валют. Существующий набор определений относит последние к «частным деньгам», платежному средству, финансовому активу [3], товару, имуществу, имущественному праву и др. Более

того, Банк международных расчетов использует термины «virtual currency», «digital currency», «cryptocurrency» как тождественные понятия [4]. Все имеющиеся оценки виртуальных денег в цифровой экономике с позиции современной как теории, так и практики пытаются интегрировать это явление в существующие теоретические конструкции. Однако изучение сущности денег как многоуровневой категории, которая не поддается остенсивному и однозначному определению в рамках только одного из направлений научного исследования [5], показывает, что нет генетической связи виртуальных валют «с деньгами доцифрового общества». Это ставит под сомнение само использование термина «деньги» применительно к ним. По общей практике виртуальные валюты не приравниваются к фиатным и кредитным деньгам. Не могут они быть приравнены и к электронным деньгам: электронные деньги предполагают механизм перевода фидуциарных денег посредством цифровых технологий. Иными словами, позволяют в электронной форме передавать деньги, имеющие статус законного платежного средства в какой-либо стране или юрисдикции. В этом смысле стоит согласиться с точкой зрения Банка России (рисунок).

Рисунок.
Цифровые валюты [6]

Феномен использования виртуальных валют в связи с их высокой ликвидностью позволяет применять их как средство обращения, платежа и накопления: расширяются способы проведения расчетов и платежей за товары и услуги, возможности инвестирования, хранения и передачи информации, использования неограниченным кругом лиц при совершении сделок. Таким образом, феномен виртуальных валют может быть описан как разновидность платежных систем [7].

Вместе с тем следует учитывать и новые виды потенциальных рисков монетарной сферы, связанные с использованием виртуальных валют в условиях формирующейся цифровой экономики. Спекулятивное инвестирование в виртуальные валюты в сочетании с низкой финансовой грамотностью части экономических субъектов может вызывать образование «пузырей» на финансовом рынке, «сдутие» или «схлопывание» которых приводит к финансовой и ценовой нестабильности. Джон Куиггин считает криптовалюту разновидно-

стью финансовой пирамиды, ожидая, что «рано или поздно Биткоин достигнет своей настоящей стоимости – нуля» [8].

Появляются потенциальные угрозы и для всей экономики: использование криптовалют в целях отмыwania (легализации) доходов, полученных преступным путем, в целях финансирования терроризма и других видов преступной деятельности, мошеннические операции в целях уклонения от налогообложения, неконтролируемый вывоз капитала из страны.

Феномен использования виртуальных валют может затрагивать также организационные и регулирующие элементы денежной системы в условиях нового качества экономики, обусловленного ее цифровизацией. Речь идет прежде всего о возможных изменениях трансмиссионного механизма монетарной политики, связанных, во-первых, с тем, что эмиссия виртуальных валют децентрализована, т. е. не контролируется регулятором в лице центрального банка, а во-вторых, с тем, что центральные банки ряда стран начали работу над созданием собственных цифровых денег (CBDC, central bank digital currency). Согласно определению Банка международных расчетов цифровые валюты центральных банков представляют собой электронную форму денег центрального банка, которые могут обмениваться децентрализованно на условиях общедоступности [4].

В качестве известных проектов CBDC – проект Центрального банка Швеции (Riksbank) – е-крона, Проект Центрального банка Норвегии (Norges Bank) – цифровые деньги центрального банка как дополнение наличных денег, опыт Венесуэлы и Эквадора. Банк России также рассматривает возможность запуска собственной цифровой валюты, однако, по мнению Председателя Банка России, это не произойдет в ближайшее время, поскольку пока технологии, в том числе технологии распределенных реестров, нельзя назвать зрелыми, а общество не готово к отказу от наличности [10].

Строго говоря, для формирования современной концепции денег, учитывающей все изменения, которые происходят в денежной системе и «околоденежных» отношениях, т. е. экономических отношениях, которые имеют отдельные признаки денег, государство как совокупный хозяйствующий субъект, экономические субъекты (бизнес и население) должны прийти к осознанию необходимости использования различных видов цифровых (виртуальных) валют в своей деятельности, осознать перспективы и риски их использования. Только в случае осознания всеми участниками экономической деятельности возможных способов и форм применения цифровых (виртуальных) валют в обороте, т. е. институционализация цифровых (виртуальных) валют совпадет с их осознанием всем обществом как неформального института денег, возникнет реальная необходимость закрепления цифровых (виртуальных) валют и в качестве формального института денег.

В противном случае (например, при отказе государства признать и формализовать криптовалюты в нормах права) роль денег в качестве информационного ориентира будет искажена, поведение хозяйствующих субъектов, населения, их мотивация будут объективно нарушать установленные нормы и прописанные регламенты, т. е. в случае получения определенных «выгод» от использования криптовалют экономические субъекты будут все равно стремиться их использовать.

В целом можно сформулировать следующие направления формирования современной концепции денег на основе комплексного исследования:

- понятия денег как категории, охватывающей совокупность объектов, обладающих определенной формой и содержанием;
- природы денег, учитывающей социальные, экономические, правовые, информационные и технологические признаки денег;
- форм и видов денег: наличных, депозитных, электронных и цифровых денег;
- роль и место новых форм и видов денег в современной экономике с учетом трансформации формы и механизмов оборота денег в эпоху широкого использования информационных сетей, распространения компьютерных технологий и развертывания интеграционных процессов между странами;
- механизмов оборота новых форм и видов денег;
- законодательного и нормативного обеспечения экономической безопасности платежных инноваций в сфере оборота новых форм и видов денег;
- монетарных условий работы каналов трансмиссии от финансового развития к экономическому росту (современное представление о роли денег в воспроизводственном процессе).

Библиографический список:

List of References:

1. *Abramova M. Cryptocurrency as a new economic reality of the socio-economic system. System analysis in economics – 2018. Proceedings of the V International research and practice conference-biennale. 2018.*
2. *Nakamoto S. Bitcoin A per-to-per electronic cash system 2008. P. Bitcoin Whitepaper.*
3. *Законопроект «О цифровых финансовых активах»
Законопроект «О цифровых финансовых активах»
http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36003/cfa_project.pdf (Дата обращения / Data obrashcheniya 28.09.2018).*
4. *Bank of international settlements, CPMI. Central bank digital currencies March 2018.*
5. *Абрамова М.А. Концепция развития денежной системы России в условиях модернизации национальной экономики. Автореферат на соискание ученой степени д.э. н., 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит, 2014. Abramova M.A. Kontseptsiya razvitiya denezhnoy sistemy Rossii v*

usloviyakh modernizatsii natsional'noy ekonomiki. Avtoreferat na soiskaniye uchenoy stepeni d.e.n., 08.00.10 – Finansy, denezhnoye obrashcheniye i kredit, 2014.

6. *Обзор по криптовалютам, ICO (INITIAL COIN OFFERING) и подходам к их регулированию. Центральный банк Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36009/rev_ICO.pdf (дата обращения 29.08.2018).*

7. *Портной М.А. Деньги в национальном и мировом хозяйстве / М.А. Портной. – М.: Магистр, 2017. Portnoy M.A. Den'gi v natsional'nom i mirovom khozyaystve / M.A. Portnoy. – М.: Magistr, 2017.*

8. *Bitcoins Are a Waste of Energy – Literally. URL: <https://www.abc.net.au/news/2015-10-06/quiggin-bitcoins-are-a-waste-of-energy/6827940> (дата обращения: 25.10.2018).*

9. *Киселев А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? Аналитическая записка. Kiselev A. Yest' li budushcheye u tsifrovyykh valyut tsentral'nykh bankov? Analiticheskaya zapiska <https://www.cbr.ru>.*

10. *Центробанк может запустить собственную цифровую валюту. Tsentrobank mozhet zapustit' sobstvennuyu tsifrovuyu valyutu. <https://www.nakanune.ru/news/2019/06/15/22544071>.*

Экономические и социальные проблемы современного этапа развития агропродовольственной системы России

Economic and social problems of the current stage of development of the agricultural and food system of Russia

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий», академик РАН, д.э.н., профессор

Aleksander V. PETRIKOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Head of the All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after AA Nikonov – Federal Research Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В статье рассмотрены наиболее актуальные проблемы современного этапа развития сельского хозяйства и агропродовольственного рынка страны по материалам текущей статистики и данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. Анализируются основные направления совершенствования аграрной политики и устойчивого развития сельских территорий.

Abstract:

The article deals with the most pressing problems of the current stage of development of agriculture and agri-food market of the country on the basis of current statistics and data of the all-Russian agricultural censuses of 2006 and 2016. the main directions of improvement of agricultural policy and sustainable development of rural areas are analyzed.

Ключевые слова: Экономический рост в сельском хозяйстве, сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, экспорт/импорт продовольствия, бюджетная поддержка, развитие сельских территорий.

Keywords: Economic growth in agriculture, agricultural organizations, peasant (farmer) economy, export/import of food, budget support, rural development.

Россия обладает крупнейшим сельскохозяйственным потенциалом: 9% обрабатываемых земель, 50% черноземов планеты, 20% пресной воды, 10% мирового производства минеральных удобрений. И только около 2% населения мира. Мы должны эффективно использовать этот потенциал не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для решения мировой продовольственной проблемы.

Экономический рост в сельском хозяйстве наблюдается ежегодно с 1999 года, кроме 2010 г. (88,7%), 2012 г. (95,2%) и 2018 г. (99,4%). К настоящему времени почти завершился этап восстановительного роста в сельском хозяйстве: валовая продукция в 2018 г. составила 97,3% к уровню 1990 г. (продукция растениеводства превысила дореформенный уровень на 29,7%, животноводство отстает на 26,3%).

Если индекс производства по промышленности за 2013–2018 гг. составил 109,2%, то по сельскому хозяйству – 113,9%. Импортозамещение на внутреннем агропродовольственном рынке в основном завершено, поставлены амбициозные задачи по наращиванию экспорта.

Вместе с тем следует отметить, что рост в отрасли в последние годы замедлился (таблица 1). Индексы производства продукции сельского хозяйства в 2015–2018 гг. по сравнению с 2011–2014 гг. уменьшились, несмотря на снижение уровня конкуренции на внутреннем рынке со стороны импортных поставщиков (в связи с продовольственным эмбарго с августа 2014 г.) и рекордный урожай зерновых культур в 2017 г. Особенно заметное снижение индексов отмечается в фермерском секторе, хотя в целом они остаются высокими.

Таблица 1. Индексы производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств за 2011–2018 гг., %, по данным Росстата

	2011–2014	2015–2018
Хозяйства всех категорий	111,7	107,2
Сельскохозяйственные организации	122,3	113,7
Хозяйства населения	93,7	93,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства	142,1	120,6

Существенные риски продовольственной безопасности создают колебания в объемах производства по годам, достигающие по продуктам растениеводства 10–15%, что дестабилизирует рынок и отрицательно сказывается как на производителях, так и на потребителях продукции.

Наблюдается также существенная неравномерность роста по отраслям: если в растениеводстве уровень 1990 года превышен на 29,7%, то в животноводстве, к сожалению, он еще ниже показателя 1990 года на 26,3%.

Несмотря на заметное улучшение внешнеторгового баланса по сельскохозяйственному сырью и продовольствию, его сальдо продолжает оставаться отрицательным: по итогам 2018 года импорт превышал экспорт на 4,7 млрд долларов. Удельный вес России в мировом экспорте мировом экспорте продовольствия ниже, чем в импорте (таблица 2).

Таблица 2. Доля России в мировом экспорте/импорте продовольствия (по данным Центра международной торговли ВТО и ФАО), %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Экспорт	0,67	0,82	1,19	1,09	1,24	1,18	1,22	1,37
Импорт	2,82	2,69	2,75	2,81	2,55	1,24	1,73	1,85

В 2015–2016 годах в связи со снижением реальных доходов населения и продовольственной инфляцией стали расти расходы на питание в бюджетах российских семей. К настоящему времени этот процесс удалось стабилизировать, но по этому показателю мы откатились на 12 лет назад, к уровню 2005–2006 годов (31–32%). В бюджетах 10 процентов самых малообеспеченных семей удельный вес расходов на питание достигает 48%.

Наблюдается существенная зависимость отечественного сельского хозяйства от импорта технологий, что создает научно-технологические риски для продовольственной безопасности. По-прежнему не удается

переломить тенденцию роста удельного веса иностранных селекционных достижений на внутреннем рынке. Несмотря на то что число заявок, поданных российскими селекционерами в Госреестры как охраняемых (таблица 3), так и допущенных к использованию селекционных достижений (таблица 4), в 2014–2017 гг. (после реформы Россельхозакадемии) по сравнению с 2010–2013 гг. увеличилось, их удельный вес в упомянутых реестрах сократился, что создает риски для продовольственной безопасности страны.

Таблица 3. Отечественные селекционные достижения в Госреестре охраняемых селекционных достижений*

	В среднем за год		2014–2017 гг. к 2010–2013 гг., %	Удельный вес отечественных селекционных достижений в их общем числе, %	
	2010– 2013 гг.	2014– 2017 гг.		2013 г.	2017 г.
Число заявок, поданных в Госреестр	480	622,5	129,7	80,1	74,0
Количество выданных патентов на селекционные достижения	492	439	89,2	98,5	70,4

Таблица 4. Отечественные селекционные достижения в Госреестре селекционных достижений, допущенных к использованию*

	В среднем за год		2014–2017 гг. к 2010–2013 гг., %	Удельный вес отечественных селекционных достижений в их общем числе, %	
	2010– 2013 гг.	2014– 2017 гг.		2013 г.	2017 г.
Число заявок, поданных в Госреестр	953,5	1101	115,5	54,3	50,5
Число селекционных достижений включенных в Госреестр	709,5	743,5	104,8	60,2	58,2

*Данные Госсортокомиссии Минсельхоза России.

Сельскохозяйственные товаропроизводители – лидеры рынка, обладающие высокой платежеспособностью, используют в основном импортные технологии. Хозяйства с невысокой платежеспособностью, ориентированные на покупку отечественных технологий, не находят достаточного предложения.

Экономический рост в сельском хозяйстве слабо сказался на решении социальных проблем села. Уровень жизни на селе продолжает уступать городскому. С 2015 года рождаемость на селе ниже, чем в городе; продолжительность предстоящей жизни почти на 2 года короче;

сельское население стягивается в пригородные районы и к крупным транспортным коммуникациям, в большинстве регионов развивается процесс социального опустынивания. Во Всероссийском институте аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова впервые проведена классификация муниципальных районов страны по доле личных подсобных хозяйств (сельских домохозяйств) с заброшенными земельными участками и пустующими домами по материалам Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов (таблица 5). Она показала, что удельный вес районов с низкой (до 10%) долей заброшенных домов снижается и, наоборот, доля районов с более высоким удельным весом заброшенных домохозяйств растет.

Таблица 5. Распределение муниципальных районов страны по доле ЛПХ с заброшенными земельными участками (пустующими домами) по данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г.

Доля ЛПХ с заброшенными участками (пустующими домами), %	Удельный вес муниципальных районов, %	
	2006	2016
До 5	14,3	21,4
5–10	25,2	14,8
10–15	12,9	16,6
15–20	8,8	14,7
20–25	3,9	10,3
25–30	2,7	7,9
30–35	1,2	5,4
35–40	0,7	3,9
Свыше 40	0,3	5,0

Подводя итог сказанному, отметим, что политика стимулирования роста в сельском хозяйстве должна быть дополнена политикой структурной перестройки сектора, направленной на решение рассмотренных отраслевых проблем, а также политикой поддержки сельских территорий. Ключевое значение будут иметь следующие меры.

1. Совершенствование отраслевой структуры сектора путем формирования продуктовых цепочек создания добавленной стоимости по принципу «от поля до прилавка», что требует построения Госпрограммы развития сельского хозяйства как совокупности отраслевых подпрограмм. В действующей Госпрограмме, переутвержденной, кстати, совсем недавно (8 февраля с.г.), отраслевой принцип применяется в очень ограниченном виде в отношении молочного животновод-

ства, льноводства и семеноводства отдельных культур, а регулирование агропродовольственных рынков вообще отнесено к полномочиям Минэкономразвития, а не Минсельхоза России.

2. Создание специализированных зон производства определенных продуктов на основе сельскохозяйственного районирования страны и разработки схем развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Между тем последняя карта сельскохозяйственных районов России и СССР в целом была создана в далеком 1989 году.

3. Приоритетное развитие малых и средних сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, что предполагает перераспределение в их пользу бюджетной поддержки, развитие вертикальной сельскохозяйственной кооперации и т.н. «контрактного сельского хозяйства», когда крупное предприятие – рыночный интегратор передает часть своего производственного цикла, а именно производство сырья, более мелким хозяйственным единицам, поставляя им необходимые производственные ресурсы, перерабатывая и реализуя их продукцию.

Таблица 6. Удельный вес сельскохозяйственных организаций, получавших субсидии и кредиты в 2015 году, % от численности сельскохозяйственных организаций, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.)

Получали:	Сельскохозяйственные организации с общей площадью посевов, га				
	до 500	500–1500	1500–4000	4000–10000	свыше 10000
субсидии	47,7	80,3	90,3	92,1	95,0
кредиты	11,6	22,4	36,5	48,7	59,8

Таблица 7. Удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, получавших субсидии и кредиты в 2015 году, % от численности крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.)

Получали:	Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели с общей площадью посевов, га							
	до 10	10–50	50–100	100–200	200–500	500–1500	1500–3000	свыше 3000
субсидии	19,5	19,2	39,4	54,1	66,0	78,4	83,0	87,5
кредиты	5,3	6,7	10,1	14,9	19,8	28,0	37,8	45,1

Особо следует сказать о необходимости улучшения доступа малого и среднего бизнеса к субсидиям и дотациям, а также к кредитам. В настоящее время крупные предприятия и фермерские хозяйства обеспечены бюджетными средствами и кредитами намного лучше мелких (см. таблицы 6 и 7).

4. Развитие сельскохозяйственной науки и создание в отрасли системы внедрения результатов НИР в производство. Это требует, во-первых, роста ассигнований в аграрные исследования (государственных и особенно частных), ведь в настоящее время отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, созданной в отрасли, к сожалению, уменьшаются и в 2 раза ниже аналогичного показателя по науке в целом. Во-вторых, необходимо создание частно-государственной корпорации по инновациям в сельском хозяйстве по аналогии с Фондом Сколково, Ростехом, Фондом развития промышленности, который бы не только финансировал прикладные исследования и разработки, но и управлял внедрением их результатов в производство.

5. Комплексное обустройство сельских территорий. С этой целью крайне необходимо сформировать в обществе понимание приоритетности развития села, от которого выиграют не только и не столько сельские жители, но прежде всего горожане и страна в целом. Развитие села, во-первых, уменьшит миграцию в города, что положительно скажется на решении их жилищных, транспортных, экологических проблем, снизит конкуренцию на рынке труда и т.д. Во-вторых, сохранятся условия для удовлетворения рекреационных потребностей городского населения. В-третьих, укрепится территориальная целостность страны, ее геополитическое положение.

Кроме недавно утвержденной Государственной программы комплексного развития сельских территорий важно принять одноименный федеральный закон, в котором определить само понятие сельской местности и сельских населенных пунктов, которое сейчас в федеральном законодательстве отсутствует. Далее необходимо установить, что сельская политика является предметом межведомственного взаимодействия, а не полномочием только Минсельхоза России; прописать направления и механизмы государственной поддержки села и т.д.

Особое значение имеет предоставление льготных инвестиционных кредитов на развитие малыми формами несельскохозяйственной деятельности: аграрного туризма, народных промыслов, производства стройматериалов из местного сырья и т.д. Сейчас такая мера, к сожалению, не предусмотрена.

Требуется существенно укрепить бюджеты органов местного самоуправления на селе. По оценке Общероссийского конгресса муниципальных образований, только около 20% сельских муниципалитетов имеет достаточные бюджеты для развития.

Библиографический список:

1. *Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./ Росстат. – Р76 М., 2018 – 694 с.*
2. *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации. – 458 с.: диагр. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018.*
3. *О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (с изменениями на 8 февраля 2019 года) / Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 06.08.2012, ст. 4549.*
3. *О мерах Правительства Российской Федерации по устойчивому развитию сельских территорий / Аналитический вестник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. 2019, № 5 (719).*
4. *Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Комплексное развитие сельских территорий“ и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».*

List of References:

1. *Rossiiskij statističeskij ezhegodnik. 2018: Stat. sb./Rosstat. – R76 M., 2018 – 694 s.*
2. *Itogi Vserossijskoj sel'skhoz'ajstvennoj perepisi 2016 goda: V 8 t. T. 1: Osnovnye itogi Vserossijskoj sel'skhoz'ajstvennoj perepisi 2016 goda: kn. 1.: Osnovnye itogi Vserossijskoj sel'skhoz'ajstvennoj perepisi 2016 goda po Rossijskoj Federacii. – 458 s.: diagr. M.: IIC «Statistika Rossii», 2018.*
3. *O Gosudarstvennoj programme razvitija sel'skogo hoz'ajstva i regulirovanija ryнков sel'skhoz'ajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stvija (s izmenenijami na 8 fevralja 2019 goda) / Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, N 32, 06.08.2012, st. 4549.*
3. *O merah Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po ustojchivomu razvitiju sel'skih territorij /Analiticheskij vestnik Analiticheskogo upravlenija Apparata Soveta Federacii. 2019, № 5 (719).*
4. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.05.2019 № 696 «Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Kompleksnoe razvitie sel'skih territorij" i o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii».*

Современные тренды и проблемы развития банковского сектора России

Modern trends and problems of development of the russian banking sector

ЛАВРУШИН Олег Иванович

Руководитель Департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор

Oleg I. LVRUSHIN

Head of Financial Markets and Banks Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития банковского сектора страны. По мнению автора, запас финансовой прочности банков остается непрозрачным, банки теряют свои позиции в области кредитования экономики, качество кредитного портфеля снижается, их влияние на экономический рост падает. В целях совершенствования регулирования банковской деятельности предлагается расширить практику оценки стрессоустойчивости банков, их способности покрывать убытки, пределов кредитования, разработать специальную программу развития кредита, учитывающую эффективность кредитования (с учетом экономической, социальной и организационной сторон функционирования кредита). Автор выступает за сохранение банка как посредника, не поддерживает идею развития кредитных отношений на базе новых технологий без участия банка.

Abstract:

The article discusses current problems in the development of the Russian banking sector. According to the author, the stock of banks financial strength remains opaque, banks are losing their positions in lending to the economy, the quality of their loan portfolio is decreasing, and their impact on economic growth is falling. In order to improve banking regulation, it is proposed to expand the practice of assessing the stress-testing of

banks, their ability to cover losses, credit limits, to introduce a special loan development program that takes into account the effectiveness of lending (the economic, social and organizational aspects of the credit). The author advocates maintaining the bank as main financial intermediary, does not support the idea of developing credit relations based on new technologies without the participation of the bank.

Ключевые слова:

Регулирование, деловая активность, финансовая стабильность, риски, превентивные действия, финансовая поддержка, эффективность, социальный банкинг, доверие, теневой сектор, цифровая экономика.

Keywords:

Regulation, business activity, financial stability, risks, preventive actions, financial support, efficiency, social banking, trust, shadow sector, digital economy.

Мировая экономика и банки переживают длительный спад в своем развитии. Снижение темпов роста ВВП, деловой активности экономических субъектов, волатильность заметно отражаются и на деятельности банков. Мировые финансовые институты все чаще обновляют свои прогнозы роста экономики, корректируют темпы роста в сторону их уменьшения. Это касается как стран Евразии, так и США, Китая. Смена траектории движения экономики, переход от подъема к спаду, от экстенсивного роста к резкому уменьшению деятельности экономических субъектов приводят к снижению масштабов и результативности деятельности национальных денежно-кредитных институтов.

В условиях макроэкономической нестабильности Банк России уделяет повышенное внимание оценке и тестированию угроз, связанных с реализацией системных рисков, в том числе осуществляет переход к кросс-секторальному уровню, последовательно внедряет международные стандарты микропруденциального регулирования, продолжает политику «очищения» банковского рынка от недобросовестных его участников.

Разделяя в целом принципы и направления развития макро- и микропруденциального регулирования, в том числе введение дифференциального регулирования, принятие послаблений в отношении банков с базовой лицензией, нельзя не видеть, что регулятор стоит перед решением непростой задачи: с одной стороны, обеспечить финансовую стабильность, а с другой – стимулировать деловую активность денежно-кредитных институтов в экономике. К сожалению, это не всегда удается.

Несмотря на предпринимаемые меры, в деятельности кредитных учреждений продолжают сохраняться заметные проблемы. Темпы роста банковских активов сокращаются. Предыдущие четыре года не без оснований можно отнести к одному из этапов неустойчивости

банковского сектора страны. Вклад банковского сектора в создание ВВП, к сожалению, и на начало текущего года снизился против предыдущего на 1,7% (90,8% против 92,5%) [1].

Обратим внимание и на то, что в силу оказания масштабной помощи ряду крупных, в том числе системно значимых, кредитных организаций, их финансовой поддержки вопрос о запасе финансовой прочности этих банков остается непрозрачным, а поэтому соблюдение нормативов не является гарантией финансовой стабильности. Важной и необходимой в этой связи становится оценка стрессоустойчивости банков, их способность понести убытки и восстанавливать свой капитал без участия государства.

Банки теряют свои позиции и в области кредитования экономики. Как известно, в их кредитном портфеле за последние годы продолжали сохраняться существенные объемы просроченных ссуд, а доля проблемных и безнадежных ссуд в общем кредитном портфеле остается на высоком уровне. В результате, как нам представляется, влияние кредита на экономическое развитие, расширение и ускорение производства и обращения становится более слабым. Хотя в целом произошла стабилизация удельного веса просроченной корпоративной задолженности, доля ссуд IV и V категорий качества продолжает оставаться высокой – 8,3% [2]. В настоящее время по итогам 2018 года каждый пятый российский коммерческий банк оказался убыточным.

Актуальной проблемой регулирования и надзора в условиях роста конкуренции на финансовом рынке, падения доходности операций остается качество банковских продуктов, раскрытие исчерпывающей информации о них, иногда – навязывание клиентам дополнительных услуг.

Таких примеров сегодня множество. Например, получила распространение практика предоставления автокредитов, при которой клиенту помимо понятных и прозрачных продуктов, минимизирующих риск кредитора (страхование жизни и автотранспорта (КАСКО и ОСАГО), в пакет включаются дополнительные страховые продукты (например, ГЭП-страховка на покрытие остаточных рисков) и т.д. Разумеется, это увеличивает общую нагрузку на заемщика.

Другой пример – продажа клиентам сложных инвестиционных продуктов, когда потребитель без соответствующего финансового образования не в состоянии оценить все риски, принимаемые по сделке. Полагаем, что в этих условиях ключевым направлением защиты интересов клиентов должны стать превентивные действия, в том числе требования к обязательному формализованному раскрытию информации о банковских продуктах и сопутствующих им рисках для клиентов.

Известно, что в последние годы наблюдается заметное сокращение численности кредитных учреждений. Такое сокращение можно расценить не только как очищение банковского сектора от недобросовестных банков. Важнейшая причина отзывов банковских лицензий – это

высокорискованная кредитная политика или бизнес-модель банков, размещающих средства в низкокачественные активы, финансирование проектов собственников, неадекватная оценка рисков и недоформирование резервов.

Предшествующие три-четыре года (2015–2018 гг.) не без оснований можно отнести к одному из этапов неустойчивости банковского сектора страны, и не удивительно, что неудачи в развитии банковской деятельности все чаще становятся предметом критики.

Во избежание отрицательных последствий банкротства денежно-кредитных институтов правительства ряда стран все чаще предпринимают шаги по спасению банков. Финансовая поддержка при этом оказывается не только крупным и системно образующим банкам, но и средним и даже малым кредитным учреждениям. Заметно это проявилось в последние годы и в деятельности российского банковского сектора. Известно, что в нескольких крупных банках (Банк Открытие, Промсвязьбанк, Московский Индустриальный банк, Бинбанк) была проведена санация – осуществлены крупные вливания в их экономику, или, как это не редко называют, социализация убытков, при которых в данном случае средства государственного бюджета уходят на покрытие тех прорывов, которые привели к убыткам данных коммерческих банков.

Пытаясь снизить негативные явления и, прежде всего, те риски, которые банки неоправданно берут на себя, государства начинают усиливать регуляторное воздействие. Коммерческие банки, реагируя на более жесткие требования центральных банков, в свою очередь, выводят из-под контроля часть своих наиболее токсичных активов в другие организации, создавая видимость сохранения прежнего благополучия. Теневой банкинг в мире и в нашей стране набирает обороты, а по мнению некоторых авторов, может стать если не основным, то существенным фактором нового мирового финансового кризиса.

Практика показывает, что влияние банков на экономический рост ослабевает. Все чаще звучит тезис о том, что эра банковского дела подходит к концу. Подобного рода выводы звучали и ранее. Известно, что еще 25–30 лет назад Гейтс высказал тезис о том, что банки в таком виде не нужны, на их смену придут другие институты (финансовые компании), предоставляющие рынку самый разнообразный пакет финансовых услуг и технологий. Гейтс был скромнее современных авторов: он утверждал, что нам банки не нужны, но потребность в банковских операциях останется.

Современные авторы идут дальше. Переход к цифровой экономике существенно обострил проблему. Речь уже не идет о том, нужны или не нужны банковские операции. Дискуссия приняла более глобальную форму. Оказывается, что в условиях цифровой экономики не нужны сами банки, которые, несмотря на предпринимаемые регу-

лятивные меры, усиливают нестабильность экономического развития. Усилия, предпринимаемые регулятором, оказываются недостаточно эффективными; риски, которые берут на себя банки, оказываются чрезмерными. Попытка усилить регуляторное давление в то же время снижает деловую активность денежно-кредитных институтов, довольно часто банки заявляют о чрезмерности регулирования.

В западной прессе все настойчивее обсуждается тезис о том, что банковское дело выходит из-под контроля. Отказ от банков, не обеспечивающих стабильность экономического развития, объявляется наиболее перспективным направлением реформирования финансового рынка. По мнению ряда авторов, современная финансовая система и без участия банков способна обеспечивать совпадение потребностей заемщиков и кредиторов, решать проблемы информационной асимметрии и оказывать платежные услуги, не обращаясь к банковскому делу. Согласно данному мнению, кредитование можно осуществлять и без финансовых посредников. Правда, чтобы избежать концентрации риска при прямом кредитовании (без посредников), авторы тем не менее считают необходимым сохранить контроль, который могла бы осуществлять сторонняя организация, которую называю делегированным контроллером. Вместо банка «при прямом кредитовании делегируемым контроллером, – пишут они, – становится кредитная платформа. Она осуществляет мониторинг заемщиков и преследует их, если они нарушают график выплат по кредиту» [3, с. 138].

Можно ли доверять такому контроллеру мониторинга? Ведь при предлагаемой схеме «делегированный контроллер ничем не рискует: он не потеряет деньги даже в случае банкротства заемщика. Все убытки понесут кредиторы» [3, с. 138].

Как же уберечь инвестора (кредитора) от риска? Попытка решить эту проблему через рейтинговые агентства, оценивающие заемщика, как известно, не оправдала себя. Практика показала, что кредитные агентства также могут сильно ошибаться (особенно это коснулось оценки теневого сектора, когда рейтинговые агентства систематически завышали рейтинги).

Авторы рассматриваемой модели справедливо полагают, что при действующей банковской модели мониторинг не работает, используемые методы оценки рисков оказываются ненадежными. Исправить положение может развитие и расширение информационных технологий, которые создают условия и перспективы для развития прямого кредитования без посредников. Расширение информации, больший акцент при использовании кредитного скоринга интернет-компаний, виртуальных торговых площадок – все это создает, как считают авторы, базу для более достоверной оценки участников кредитной сделки и является с точки зрения рассматриваемой концепции хорошей основой для устранения банка как посредника. Делается гене-

ральный вывод о том, что финансовая система без банков не только желательна, но и возможна.

Нетрудно заметить, что проблема развития новых финансовых технологий перерастает из частной, локальной, затрагивающей качество банковских услуг в более общую, фундаментальную проблему, согласно которой банкам как посредникам нет места на финансовом рынке, без них экономические субъекты напрямую могут решать проблемы превышения или размещения своих капиталов. К сожалению, в отличие от европейских банков и их ассоциаций из-за обилия текущих проблем вопросы модели будущей банковской деятельности в российском банковском сообществе перестали быть объектом пристального внимания.

Конечно, прямое кредитование вполне возможно, в условиях развития информационного обеспечения кредиторы и заемщики могут найти друг друга и вступить в кредитные отношения. Насколько более надежным, однако, может оказаться их выбор? Надежды на более достоверную информацию делегируемые кредитные площадки, которые ни за что не отвечают и перекалывают ответственность на самих участников кредитных отношений, весьма сомнительны. Своеобразный «посредник» при предлагаемой схеме остается, окажется ли он лучше банка — весьма сомнительно.

Представляется, что данная концепция развития экономики без банковских кредитных отношений в значительной степени связана с общей проблемой роли рынка и масштабов его регулирования. При предлагаемой модели вновь, но с удвоенной силой, продвигается идея о широкой децентрализации, о том, что лучшее решение всегда за рынком, он сам все исправит. Полагаем, что границы кредита не беспредельны, а развитие новых финансовых технологий совершенно не означает, что наступает эра безграничного рыночного регулирования.

Оставаясь сторонником развития банков и их взвешенного регулирования и считая, что конец банковского дела наступит вместе с отмиранием товарно-денежных отношений, хотелось бы обратить особое внимание и на ряд других нерешенных проблем в развитии банковского сектора страны.

К таким крупным проблемам мы относим, прежде всего, оценку его эффективности. При всей важности устойчивости (стабильности) эффективность является более богатой категорией. К сожалению, в настоящее время при оценке данной эффективности превалирует количественный подход, при котором банки в большей степени оцениваются по параметрам, характеризующим объемы и динамику активов и пассивов кредитных учреждений. Безусловно, такая характеристика вполне имеет право на существование, но нельзя забывать, что банк — это институт, не только выполняющий с юридической точки зрения тот или иной круг присущих ему операций, но и общественный институт. Банк является составной частью общества. Это означает,

что его деятельность как отдельного юридического лица не замыкается деятельностью, вытекающей только из его собственных интересов. Общественный характер банка означает «принадлежащий обществу», неразрывно связанный с его интересами. Известно, что с экономической точки зрения, банк (независимо от его форм) функционирует как денежно-кредитный институт, осуществляющий регулирование денежного оборота в наличной и безналичной форме. Его деятельность тесно связана не только с его собственными интересами, но и интересами общества.

Эффективность банковской деятельности – это комплексная характеристика банка, раскрывающая, прежде всего, его деятельность как общественного института, то есть как экономического института, осуществляющего свою деятельность в монетарной сфере, так и социального института [4]. В более широком смысле эффективность банковской деятельности – это целостная характеристика банковского института с экономической, социальной и организационной стороны. Экономическая эффективность, в свою очередь, как ядро, стержень всей модели – это не столько количественный, сколько качественный результат банковской деятельности. В этом случае к числу важнейших экономических характеристик (показателей) эффективности важно при этом относить не только доход, но и возрастание стоимости капитала, качество банковского продукта и др. Показателями экономической эффективности банковской деятельности должны стать такие качественные индикаторы, как рентабельность банковских активов и капитала, рост рыночной стоимости акций банка, соотношение операционных затрат банка к его операционным доходам. Такая характеристика банка может быть соотнесена как с макроэкономическими индикаторами развития, так и показателями, характеризующими специфику банковской деятельности в области регулирования денежного оборота, обеспечении его эластичности. Полезными для оценки эффективности здесь могут стать показатели качества кредитного портфеля кредитной организации, включая долю просроченных платежей по банковским ссудам.

Переход к новым моделям банка неизбежно должен сопровождаться его более емкой характеристикой, сопряженной с реализацией его социальной стороны.

Характеристикой социальной эффективности банка могут служить такие показатели, как удельный вес социально ориентированных продуктов, уровень лояльности клиентов банка, окупаемость социальных инвестиций по отношению к затраченным ресурсам, уровень заработной платы работников банка по отношению к средней заработной плате по региону и др.

Опросы финансового сектора показывают, что каждый второй менеджер финансовой сферы уверен, что социальный банкинг станет долговременным трендом в банковской системе. Анализ свидетель-

ствует о том, что социально ориентированные банки работают более результативно, чем традиционные банки [5].

К сожалению, в России идеология социального банкинга не получила должного развития. По данным Ассоциации банков России, менее 5% российских компаний финансового сектора публикуют отчеты о своей деятельности в рамках КСО.

Полагаем, что регулирование банковской деятельности должно решать более широкие задачи. Архитектура банковского регулирования должна измениться, как это нетрудно заметить, в настоящее время регулирование сконцентрировано на оценке результатов банковского сектора, сам же процесс процедуры банковской деятельности остаются без должного внимания. Это касается таких важнейших сторон банковской деятельности, как банковская культура, социальная ориентация, доверие [6]. В условиях кризиса доверие, как известно, снизилось. Проведенные исследования показывают, что доверие банков к друг другу находится на низком уровне, по оценкам банкиров, оно практически отсутствует. В лучшем случае руководители банков доверяют отдельным руководителям банков, но никак не экономическим институтам.

Понятно, что строить бизнес с таким мироощущением непродуктивно, и этой проблеме следует также уделять внимание. Известно, что доверие является базовым принципом взаимоотношений, его надо правильно определять и своевременно корректировать необходимые действия.

Рассматривая регулирование национального банковского сектора в более широком контексте, нельзя не упомянуть и еще об одном вопросе, а именно о необходимости регулирования теневого бизнеса. Известно, что через банковскую систему в 2018 году были нелегально обналичены 176 млрд рублей, выведены за рубеж 73 млрд рублей. Банк России в своем недавнем отчете отмечает усилившийся приток нелегального обналичивания из банковского сектора в торговлю. Однако теневой сектор – это не только данные криминальные операции, но и операции, которые выполняют экономические субъекты на законных основаниях, осуществляя кредитные, расчетные и депозитные сделки. Объемы теневого сектора в мировой экономике достигают огромных размеров, нерегулируемый поток теневого сектора по оценкам некоторых зарубежных авторов может стать основной причиной нового экономического кризиса.

Рассматривая направления совершенствования регулирования банковского сектора, мы также не можем не обратить внимание на всю остроту этого явления в нашей стране.

Библиографический список:

1. *Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия). Статистические показатели. Таблица 1 [Электронный ресурс] / № 200, июнь 2019 года // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19777/obs_200.pdf (Дата обращения: 17.06.2019).*

2. *Банковская система России – 2019: пропорциональное регулирование и практика его применения. Информационно-аналитическое обозрение. Ассоциация банков России. Март, 2019. – 70 с.*
3. *Макмиллан Дж. Конец банковского дела. Деньги и кредит в эпоху цифровой революции / Дж. Макмиллан; пер. с англ. З. Мамедьярова. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. – 256 с.*
4. *Лаврушин О.И. Системность в развитии кредитных отношений в экономике / О.И. Лаврушин // Системный анализ в экономике – 2018: сборник трудов V Международной научно-практической конференции – биеннале (21–23 ноября 2018) / под общ. ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щетовой. – М.: Прометей, 2018. – С. 293–295.*
5. *Новые модели банковской деятельности в современной экономике: монография / коллектив авторов; под ред. О.И. Лаврушина. – М.: Кнорус, 2015. – 168 с.*
6. *Козловски П. Этика банков: уроки финансового кризиса / П. Козловски; пер. с нем. О.У. Ависа. – М.: Кнорус, 2016. – 267 с.*

List of References:

1. *Obzor bankovskogo sektora Rossiiskoi Federatsii (internet-versiya). Statisticheskie pokazateli. Tablitsa 1 [Elektronnyi resurs] / № 200, iyun' 2019 goda // Ofitsial'nyi sait Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii. – Rezhim dostupa: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19777/obs_200.pdf (Data obrashcheniya: 17.06.2019).*
2. *Bankovskaya sistema Rossii – 2019: proporsional'noe regulirovanie i praktika ego primeneniya. Informatsionno-analiticheskoe obozrenie. Assotsiatsiya bankov Rossii. Mart, 2019. – 70 s.*
3. *Makmillan Dzh. Konets bankovskogo dela. Den'gi i kredit v epokhu tsifrovoy revolyutsii / Dzh. Makmillan; per. s angl. Z. Mamed'yarova. – M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2019. – 256 s.*
4. *Lavrushin O.I. Sistemnost' v razvitii kreditnykh otnoshenii v ekonomike / O.I. Lavrushin // Sistemnyi analiz v ekonomike – 2018: sbornik trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii – biennale (21–23 noyabrya 2018) / pod obshch. red. G.B. Kleinera, S.E. Shcheetovoi. – M.: Prometei, 2018. – S. 293–295.*
5. *Novye modeli bankovskoi deyatel'nosti v sovremennoi ekonomike: monografiya / kollektiv avtorov; pod red. O.I. Lavrushina. – M.: Knorus, 2015. – 168 s.*
6. *Kozlovski P. Etika bankov: uroki finansovogo krizisa / P. Kozlovski; per. s nem. O.U. Avis. – M.: Knorus, 2016. – 267 s.*

Контактная информация:

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49

Contact information:

49 Leningradsky Prospect, Moscow, Russian Federation, 125993
OLavrushin@fa.ru

Может ли быть «монополия без монополиста»?

Can there be «monopoly without a monopolist»?

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович

Доцент кафедры экономической теории СПбГЭТУ «ЛЭТИ», к.э.н.

Aleksander I. IAKOVLEV

assistant professor of Department of economic theory of Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», PhD in economics

Аннотация:

Что такое биткоин: потенциальные деньги или финансовый актив? Автор рассматривает платежную систему Bitcoin как коммерческий проект по производству специфичного товара «криптосистема обмена». В статье предлагается экономический анализ производства товара «bitcoin», где сейчас одновременно и интенсивно имеют место два процесса. Первый – развитие самой отрасли bitcoin на основе «самофинансирования». Второй процесс заключается в том, что производство денежных знаков – это бизнес, которому присущи концентрация и централизация капитала. Исходя из этого, автор полемизирует с позицией Gur Huberman, который полагает, что платежная система биткоин есть «Монополия без монополиста».

Abstract:

What is Bitcoin: potential money or a financial asset? The author considers the Bitcoin payment system as a commercial project for the production of the specific commodity «cryptosystem of exchange». The paper proposes an economic analysis of the production of the «bitcoin» commodity, where two processes are taking place simultaneously and intensively. The first is the development of the bitcoin industry itself on the basis of self-financing. The second process is that the production of currency notes is a business that is characterized by concentration and centralization of capital. Based on this, the author argues with the position of Gur

Huberman, who believes that the bitcoin payment system is «Monopoly without a monopolist».

Ключевые слова: Bitcoin, деньги, финансовый актив, производство денежных знаков, монополия, концентрация капитала, централизация капитала.

Keywords: Bitcoin, money, financial assets, production of currency notes, monopoly, concentration of capital, the centralization of capital.

В последнее время активно обсуждается вопрос: что такое «bitcoin» как экономической явление с точки зрения экономической теории? Это скорее деньги или все-таки некая версия финансового актива, т. е. крипто-актив?

А что такое финансовый актив? Современный финансовый актив не просто юридически зафиксирован как право собственности на некое имущество или ценность, но имеет и явное экономическое содержание. На уровне явления актив представлен не только деньгами, но выступает, как правило, и в форме различных финансовых инструментов. Это общеизвестно.

Общеизвестно и то, что практика сегодня включает и деньги, и финансовые инструменты в набор денежных (подчеркиваю – денежных) агрегатов. Чтобы избежать излишней полемики, в рамках данной статьи предлагается вспомнить о такой «версии моделирования», как метод восхождения от абстрактного к конкретному, и сфокусировать внимание на нем. Оставим в стороне юридическое оформление – Карл Маркс не писал об этом в «Капитале», поскольку не позволял уровень абстракции, но явно подразумевал его наличие. Оставим в стороне и современные финансовые инструменты. Что в итоге, в сухом остатке? Остаются деньги, точнее, капитал в денежной форме. Почему такая оговорка? Потому что деньги и капитал в денежной форме выполняют принципиально разные экономические функции.

Переход из денежной формы капитала в форму вещественную представлен у классика экономической теории как метаморфоз Д–Т...П...Т'–Д'. Это также общеизвестно, но не потеряло свою актуальность и сегодня. При этом, что важно, капиталист «...действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал совершает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства» [1, с. 31]. Итак, есть собственно деньги и есть капитал в денежной форме, т. е. финансовый актив. Можно не соглашаться с таким делением, тогда надо предложить некий другой критерий и обосновать его.

На основе вышесказанного предлагается сжатый анализ ситуации с bitcoin, где сейчас одновременно и интенсивно имеют место два процесса:

Первый – интенсивное развитие bitcoin на основе «самофинансирования» криптосистемы обмена. Деньги традиционные, т. е. аналоговые, на бумажном носителе – для общества – вещь затратная, это значительные накладные или транзакционные расходы, их (деньги) надо произвести (надо напечатать и довести до коммерческого банка, чем занят ЦБ (в России с помощью Минфина, но сути это не меняет)). Не меняет сути дела и сеньораж. Если государство (в лице Центрального банка) немного оставит себе за труды, то суть процесса не меняется. Деньги не имеют функции доходности. Доход государства (сеньораж) – вроде как на нужды общества идет, хотя ЦБ присваивает, конечно, знатный его кусок.

Для bitcoin же все иначе. Государства нет, поэтому криптосистема обмена «поддерживает» себя сама. Как? Надо платить за создание денег их создателям (это mining). Гениально просто. И платить пока приходится дорого.

Дорого? Да, но при одном условии: если bitcoin ценится по отношению к традиционной валюте. Если же нет, т. е. не ценится, то стимул пропадает, бизнес закрывается. Отсюда разговоры о его свободном входе и выходе на рынок производства (подчеркиваю – производства) bitcoin или mining. Криптосистема обмена платит в той же «валюте», которая производится, т. е. в bitcoin.

Производство носителя денег, т. е. специфического товара (оставим пока в стороне – для простоты – кредитно-денежную систему) было заведомо делом выгодным. Было бизнесом. Золотодобыча во времена золотого стандарта – отдельный и прибыльный (в целом) бизнес.

Итак, производство денег и носителя денег (не тождественно для экономической теории, но едино на поверхности, в явлении, т. е. для статистики, бизнеса и обывателя) как производство денежных знаков – бизнес.

Было бы странно, если бы бизнес по производству денежных знаков (пусть даже потенциальных или криптосистем обмена) жил и работал не по законам бизнеса в XXI веке. Вопросы и проблемы абсолютно те же, плюс, скажем так, специфика бизнеса: с одной стороны, основные потребители – якобы криминал, а не добропорядочные филистеры, с другой стороны – мощное давление конкурента (совсем не потенциального, а реального) в лице всей двухуровневой системы (коммерческие банки и Центральный банк). Кстати, не просто конкурента, а монополиста.

Такая ситуация просто вынуждает бизнес совершенствовать сам товар, т. е. bitcoin как носитель (пусть и будущих) денежных знаков. Для выживания потребовалось как создание предприятий, не юридически даже, а фактически (вне закона нередко), так и постоянное совершенствование основных производственных фондов, их обновление.

Буквально за пару лет бизнес по производству bitcoin вышел из колыбели, переместился из офиса в цех. Были созданы целые фабрики по производству потенциальных денежных знаков. «Фактически отрасль всего за три года создала новый класс вычислительных машин и прошла путь от давно устаревшего техпроцесса 130 нм до переднего края современной электроники» [2].

Сейчас основу добычи bitcoin составляет ASIC (Application Specific Integrated Circuit или интегральная схема специального назначения), т. е. «микросхема, настроенная на выполнение одного определенного вида работы – на расшифровку алгоритмов, на базе которых работает блокчейн криптовалюты; именно это и позволяет ей делать это намного быстрее и лучше, чем ее многозадачные аналоги».[3]. И так, создана целая отрасль промышленности. Отрасль, кстати, очень энергоемкая, отрасль промышленности (ближе и похоже на производство самих чипов/chips или микросхем) с использованием последнего слова в IT-технологиях. Это труд машин.

Второй процесс: наряду с созданием новой отрасли активно идут процессы концентрации и централизации капитала.

Концентрация в отрасли очевидна. Это процесс, скорее, технико-экономический. Фабрики укрупняются и расширяются. Мелкие товаропроизводители не выдерживают конкуренции, теряют стимул и выходят из бизнеса. Централизация – процесс явно экономический. Не такой явный (специфика отрасли имеет место), но и он очевиден (если судить по статистике динамики перераспределения bitcoin в кошельках).

Имеет ли место в отрасли по производству bitcoin монополия? Были ли реальные проявления на рынке экономической силы этой монополии? Ответ может дать только практика.

А что же на этот вопрос отвечает наука? Известна концепция профессора из Columbia Business School Гура Хубермана (Gur Huberman) со товарищи, которую они выносят даже в заглавия публикаций и презентаций: «Монополия без монополиста: экономика bitcoin как платежной системы» [4, с. 1], где «монополия bitcoin» определяется как нечто абсолютно новое и неведомое миру. При этом Gur Huberman с коллегами совершает ряд серьезных методологических ошибок, хотя в целом экономический анализ такого рода интересен и даже в чем-то полезен.

Итак, «монополия без монополиста». Что это значит? Для начала утверждается, что у платежной системы bitcoin нет собственника, она никому не принадлежит. Перевод допускает различные трактовки, тем не менее в презентациях это звучит как «No owner» или «Owned by no one». Дословно: «нет собственника/владельца» или «не принадлежит никому». На основании чего делается такой «сногшибательный» вывод? Ответ на самом деле прост. «Платежная система Биткойн никому не принадлежит, поскольку управляется (контролируется) почти неизменяемым протоколом» [4, с. 1].

Позиция ученых, почему «без монополиста», точнее, собственника, работает – и успешно, по крайней мере, с точки зрения организационно-экономической – платежная система blockchain/bitcoin, высказана со всей определенностью. Насколько это верно? Ученые прямо связывают, даже отождествляют, вопросы собственности и организационно-технической структуры платежной системы. «Инновация в блокчейн-дизайне bitcoin заключается в отсутствии у него управляющей организации. Скорее, протокол устанавливает правила системы, которым подчиняются все ее элементы или составляющие. Отсутствует центральный орган, который поддерживает инфраструктуру (Absent is a central entity that maintains the infrastructure)» [4, с. 1]. Собственник у платежной системы bitcoin, конечно, есть. Только он коллективный. Система принадлежит и эксплуатируется пулом или кооперативом, или коллективом, или синдикатом (поскольку производство единое) – кому как больше нравится – собственников. Интересный момент: золотопромышленники XXI века, т.е. майнеры, естественно, являются в основном и собственниками «цифрового золота», или bitcoin.

А почему же тогда «монополия»? Рассуждения ученых таковы: все платежные системы, далее идет их перечисление (Fed Wire, Swift, Visa и PayPal), «являются естественными монополиями (natural monopolies) в том смысле, что они обладают эффектом масштаба и сетевым эффектом» [4, с. 2]. Получается, что все сетевые проекты, в том числе электронные платежные системы – естественная монополия по определению. Так ли это? С точки зрения организационно-технической, конечно, так. Но с позиции экономической теории, а авторы претендуют на это, конечно, не так. Внутри платежной системы – не монополия, это все-таки экономическая категория, а защищенная криптографией база данных со всеми ее техническими характеристиками (пароль и т.д.). Если же вести речь об экономике, то пользователю сегодня совсем несложно поменять одну криптосистему обмена на другую. Хотя любой товар, если к нему привыкнуть, имеет некие черты монополии. Почему? Товар не является (никогда? как правило? обычно?) товаром одного качества. Поэтому любой brand – в определенном смысле монополия. В том смысле, что потребитель к нему привязан психологически.

А вот фиатные деньги как платежная система есть сегодня монополия государства, которая официально декларируется и закреплена законодательно. Производство денежных знаков сегодня – монополия государства. ЦБ старательно «отделяется» от государства? Только формально. Это «естественная» монополия? Нет, в том смысле, что наличие «центрального органа» совсем не обязательное условие при выпуске денежных знаков.

Барьеры на входе? Да, в этом смысле монополия, организационно-техническая монополия имеет место. Определяются ли при этом параметры сети протоколом, центральным органом или как-то иначе – не имеет ровно никакого значения. Именно в этом смысле и bitcoin как средство

обмена имеет монополию на совершение транзакций внутри сети, т. е. организационно-техническую, и стремится, именно стремится как средство обмена к монополии экономической. Но внутриотраслевая конкуренция, т. е. конкуренция между разными версиями криптосистемы обмена, очевидно, сегодня есть.

Далее, по мысли Gur Huberman и его коллег, платежная система Bitcoin такая уникальная, что «центрального органа» или монополиста, который является ценоустановителем, нет, а каждый участник является ценополучателем, как это было и есть в условиях совершенной конкуренции. «Каждый участник рынка, как пользователь, так и майнер, является ценополучателем (price taker). Пользователям предоставляется защита от монопольного ценообразования: даже если система становится монопольной, нет монополиста, который взимал бы монопольные платежи [за транзакцию]» [4, с. 2].

О чем идет речь? Платежи за транзакцию или комиссионные за пропуск вне/без очереди составляют лишь малую долю (буквально несколько процентов, как и любая комиссия) от общего дохода майнеров. Если авторы говорят только об этой статье доходов, то ситуация близка к рынку свободной конкуренции. В этом случае, действительно, имеет место конкурентное ценообразование, даже если сама платформа является якобы «монополией», поскольку все агенты являются ценополучателями.

Но основная статья доходов майнера – это доход (и прибыль, собственно) за майнинг блока как основную операцию. Очередное противоречие в том, что нельзя рассматривать деньги как товар, как производство просто товара. И в этом принципиальная ошибка Фридриха фон Хайека. Деньги – специфический товар и являются монополией по определению, поскольку выполнять функции денег, в первую очередь функцию всеобщего эквивалента, они могут только в этом качестве.

Специфичным, т. е. новым, тем самым интересным, является в данном случае объект исследования, т. е. новая форма меновой стоимости. Это не гибридные формы, как классы stablecoin или CBDC проектов, т. е. формы, где на основе идеологии bitcoin/blockchain создают, точнее, пытаются создать промежуточные продукты, а именно переходная, точнее, новая форма, которая только зарождается, и ее закономерности не очевидны, конечно.

Криптосистемы обмена стремятся, только стремятся стать деньгами. Поэтому монополии на рынке криптосистем обмена пока нет, хотя рынок явно следует за лидером в лице bitcoin.

Вернемся к практике. Итак, имеет ли место в отрасли по производству bitcoin монополия? Были ли реальные проявления на рынке экономической силы этой монополии? Однозначно сказать пока нельзя. Но те тенденции, которые имеют место, т. е. концентрация производства и централизация капитала, т. е. концентрация bitcoin в кошельках пользователей,

однозначно свидетельствуют о том, что это возможно как в теории, так и на практике. И скорее всего, произойдет в недалеком (год-два) будущем.

Специфика bitcoin, как и любой другой криптосистемы обмена, еще и в том, что bitcoin – это физически замкнутая сеть, поскольку работа с ней требует регистрации (паролей) и продуктом, точнее, товаром, является как потенциальная денежная единица bitcoin, так и сама платежная система Bitcoin (с большой буквы). О этом четко сказал Konrad S. Graf в работе «Commodity, scarcity, and monetary value theory in light of bitcoin» еще в 2014 году [5, с 61]. Иными словами, шахта для добычи золота (как инфраструктура) и золото в слитках как продукт добычи вместе представляли бы собой экономически (подчеркиваю – экономически) единую «денежную экосистему».

Товарные деньги были представлены изначально в виде отдельных предметов (скот, пушнина). Это представление было перенесено и на золото, его представляли в виде отдельных монет. Сейчас же bitcoin, или «цифровое золото», представляют и описывают именно как экосистему, что добавляет специфики в теорию денег. Мало того, добыли «цифровой самородок» – надо обменять его на настоящие, а это пока фиатные, деньги. Вот такая сегодня ситуация на рынке криптосистем обмена.

Библиографический список:

1. Маркс К. *Капитал. Процесс обращения капитала* // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., Т. 24.
2. *История майнинга*. <https://bits.media/istoriya-mayninga-chast-i-evolyutsiya-ustroystv-dobychi-bitcoin> (дата обращения – 22.06.2019).
3. ASIC майнинг – описание, инструкция, популярные майнеры 2019. <https://prostocoin.com/blog/asic-mining>. (дата обращения – 22.06.2019).
4. Huberman, G., Leshno, J. D., Moallemi, C. *Monopoly without a Monopolist: Economics of the Bitcoin Payment System*. Bank of Finland Research Discussion, Papers № 27, 2017, 56 С.
5. Graf K. *Commodity, scarcity, and monetary value theory in light of bitcoin*, *The Journal of Prices & Markets*, 2014, с. 53–65.

List of References:

1. Marks K. *Kapital. Process obrashhenija kapitala* // Marks K., Jengel's F., Soch. 2-e izd., T. 24.
2. *Istorija majninga*. Available at: <https://bits.media/istoriya-mayninga-chast-i-evolyutsiya-ustroystv-dobychi-bitcoin>. (Accessed – 22.06.2019)
3. ASIC majning – opisanie, instrukcija, populjarnye majnery 2019. Available at: <https://prostocoin.com/blog/asic-mining>. (Accessed – 22.06.2019)
4. Huberman, G., Leshno, J. D., Moallemi, C. *Monopoly without a Monopolist: Economics of the Bitcoin Payment System*. Bank of Finland Research Discussion, Papers № 27, 2017, 56 p.
5. Graf K. *Commodity, scarcity, and monetary value theory in light of bitcoin*. *The Journal of Prices & Markets*, 2014, pp. 53 – 65.

Гуманитарно-технологическая революция как глобальный вызов

Human and technology revolution as a global challenge

ИВАНОВ Владимир Викторович

Заместитель президента Российской академии наук (РАН), член Правления ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Vladimir V. IVANOV

RAS Vice President, Member of the Board of the VEO of Russia, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics

Аннотация:

Автор дает краткий обзор технологических прорывов, которые положили начало первым трем промышленным революциям, чтобы подробнее остановиться на четвертой – цифровой – революции, и глобальных вызовах, которые она несет. В статье рассматриваются мифы, связанные с внедрением новых технологий и искусственного интеллекта в производство (угроза массовой безработицы, расширение возможностей человека) и перечислены потенциальные угрозы цифровой революции (появление новых видов преступности и терроризма, возникновение предпосылок для деградации человеческого интеллекта, негативное влияние на окружающую среду). Автор полагает, что ключевым вопросом современной экономической науки должна стать разработка моделей социально-экономического развития, адекватно отображающих глобальные трансформации, связанные с развитием цифровых технологий.

Abstract:

A brief overview is given of the technological breakthroughs that marked the beginning of the previous three industrial revolutions, before the fourth – digital – revolution and the global challenges it poses are examined in more detail. The myths associated with the adoption of new technology and artificial intelligence in the industry (the threat of mass unemployment, human empowerment) are discussed and the potential threats are listed of the digital revolution (the emergence of new types

of crime and terrorism, prerequisites for the degradation of human intelligence, and negative environmental impacts). The author believes that the central research problem in the modern economics should be formulating models of socio-economic development adequately reflecting the global transformations associated with the development of digital technology.

Ключевые слова: Цифровая революция, технологическое развитие, цифровые технологии, искусственный интеллект.

Keywords: Digital revolution technological development, digital technology, artificial intelligence.

Историю развития человечества можно разбить на несколько этапов: выживание, освоение территорий, технологический рост, экономический рост, каждый из которых характеризовался своим набором технологий. Так, например, на ранней стадии выживания в недружелюбной среде человек создавал технологии получения энергии (тепла), строительства, земледелия, производства оружия и т.д. Освоение территорий стало возможным с появлением простейших наземных транспортных средств. Тогда же появились и суда, позволявшие перемещаться по водным просторам как при помощи мускульной силы, так и при воздействии ветра. В производственной сфере активно использовались водяные и ветряные мельницы. Тем самым был заложен основной принцип использования энергии воды и ветра: преобразование давления водяного или воздушного потока в механическую энергию.

В ту же эпоху были заложены и основы современных цифровых технологий, поскольку световые семафоры (морские или наземные), работающие по принципу излучения световых сигналов различной временной длительности, были в те времена самым быстрым способом передачи информации на большие расстояния.

Солнечная энергия также нашла свое применение в практических целях. Так, например, согласно легенде, еще во время Второй Пунической войны в 212 году до н.э. римский флот, атаковавший Сиракузы, был сожжен при помощи системы зеркал с расстояния около 150 метров.

Появление паровой машины – технологический прорыв, получивший название Первой промышленной революции, принципиально изменил характер производства путем замены физического труда механическими устройствами. Принципиальным здесь является разделение источника энергии и исполнительного механизма. Заметим,

что когда речь идет о физическом труде, эти две функции объединены. Появление паровой машины создало новые транспортные системы – железную дорогу, пароходы, что также способствовало освоению и развитию территорий.

Дальнейшее развитие технологий позволило перейти к массовому производству (конвейер), что, в свою очередь, заложило основу развития торговых сетей.

Следующими революционными технологическими прорывами стали освоение электрической энергии и создание двигателя внутреннего сгорания (Вторая промышленная революция).

Помимо традиционных сфер приложения: освещение, автомобильный, железнодорожный, электрический транспорт, эти две технологии создали принципиально новый подход к получению и распределению энергии. Суть новаций заключается в том, что до этого времени использовались локальные природные источники энергии – дрова, уголь, ветер, вода, преобразующие природную энергию в механическую. При этом передача энергии на большие расстояния была невозможна.

Развитие электротехники позволило создать мощные генераторы электроэнергии, работающие на природном топливе (уголь, торф, углеводороды, а с 1954 года – ядерное топливо), и сети для ее передачи на большие расстояния. В этом случае реализовывалась модель «производитель – потребитель», т. е. производство и потребление были разделены. Такая производственно-экономическая модель позволила отказаться от закупок впрок энергоносителей (дрова, уголь) и избавила от необходимости иметь в каждом доме собственную систему генерации тепла, а расплачиваться с поставщиком энергии по мере ее потребления.

Третья промышленная революция, направленная на создание и использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ), обусловлена пониманием того факта, что природные ресурсы не безграничны, а их использование для получения энергии оказывает негативное влияние на окружающую среду как среду обитания человека. Об этом свидетельствуют как оценки запасов природных энергоносителей, так и крупные техногенные катастрофы, сопровождаемые человеческими жертвами и делающие непригодными для жизни огромные территории. Достаточно вспомнить последствия ядерных испытаний и применений ядерного оружия, аварии на ядерных объектах, на нефтедобывающей платформе в Мексиканском заливе и др.

В ЕС программа развития возобновляемой энергетики реализуется в соответствии с концепцией «20–20–20», согласно которой к 2020 году должны резко возрасти объемы использования ВИЭ. При этом установлены следующие показатели в сравнении с 1990 г.:

- на 20% сокращение выбросов парниковых газов;
- на 20% повышение эффективности ВИЭ;
- на 20% увеличение использования ВИЭ.

Для комплексного решения проблемы сформированы технологические платформы: строительная, SmartGrids, по различным типам ВИЭ, водородная энергетика, автомобильный и железнодорожный транспорт, устойчивые химические технологии.

С точки зрения технико-экономических показателей эффективность ВИЭ неуклонно возрастает. Уже наблюдаются случаи, когда в течение определенного периода времени выработка энергии традиционными способами уступает выработке ВИЭ. Новые технологии, используемые в ВИЭ, позволяют снизить стоимость киловатт-часа энергии и сократить время окупаемости новых энергоустановок. Но, рассматривая вопросы замещения традиционных генерирующих систем на ВИЭ, необходимо иметь в виду, что до настоящего времени подробно не изучено влияние ВИЭ на окружающую среду. Эта проблема должна стать предметом отдельного изучения в рамках экологии технологий.

Энергетическая революция положила начало формированию новой системы взаимоотношений на энергетическом рынке. Еще Э. Тоффлер сформулировал теорию «протребления», суть которой состоит в том, что производитель продукции одновременно является и ее потребителем. Этот принцип реализуется при использовании малогабаритных ВИЭ (например, ветровых или солнечных), когда потребление энергии происходит вблизи ее генерации, а излишки передаются (продаются) в общую сеть.

Развитие ВИЭ дает еще два принципиально новых эффекта.

Во-первых, происходит изменение системы генерации и распределения электроэнергии. В новых условиях производство энергии осуществляется не крупными станциями, передающими энергию в распределительную сеть, а сетью генераторов относительно небольшой мощности, работающих на конкретного потребителя и передающего в сеть излишки энергии.

Во-вторых, такая схема значительно уменьшает риск техногенных аварий и катастроф в силу значительно меньшего уровня энергии, сконцентрированной в отдельном генерирующем энергоблоке. Кроме того, повышается надежность всей энергосистемы, т. к. в случае выхода из строя одной или нескольких электрогенерирующих установок вся система сохраняет свою устойчивость и работоспособность при условии использования технологии Smart Grids.

Изобретение паровой машины, создание двигателей внутреннего сгорания и переход к возобновляемым источникам энергии создавали новые типы источников энергии, принципиально меняющих характер производства. По-видимому, освоение ВИЭ делает дальнейший прогресс в этой области невозможным, поскольку человечество научилось использовать для получения энергии непосредственно силы природы с минимизацией техногенного влияния на окружающую среду.

Среди базовых технологических разработок конца XX – начала XXI века следует отметить достижения прикладной математики, материаловедения и миниатюризации источников питания. Достижения в этих областях позволили перейти к новому этапу технологического развития – интенсивного использования информационно-коммуникационных технологий на основе цифровых вычислительных систем. Этот процесс определяется как цифровая революция (Четвертая промышленная революция).

Таблица. Логика промышленных революций

Период	Технологическая платформа	Распределение энергии	Топливо/технологии
Конец XVIII – начало XIX в.	Паровая машина	Локальные источники энергии	Природное сырье с минимальной переработкой
Конец XIX – начало XX в.	Двигатель внутреннего сгорания + электричество	Генерация ▼ Сеть ▼ Потребитель	Природные энергоносители/ промышленная переработка
	Возобновляемые источники энергии + Информационно-коммуникационные технологии	Генерация ▼ Потребление ▼ Сеть	Силы природы/ высокотехнологичные преобразователи
Начало XXI в. системы	Цифровые вычислительные		Электрическая энергия

Как уже отмечалось, история развития цифровых технологий уходит своими корнями в далекое прошлое. Но основные положения современных информационных систем были сформулированы Н. Винером в середине прошлого века:

1. Системы должны быть цифровыми, а не аналоговыми.
2. Их элементная база должна состоять из электронных элементов.
3. Должна использоваться двоичная система счисления.
4. Последовательность действий должна планироваться самой машиной таким образом, чтобы исключить вмешательство человека в процесс решения задачи до получения конечного результата.
5. Машина должна иметь систему хранения информации, выдачи ее пользователю и стиранию при определенных условиях.

Обратим внимание на 3 пункт, согласно которому должна использоваться двоичная система исчисления. Это принципиальный момент,

который необходимо иметь в виду, обсуждая проблемы искусственного интеллекта (ИИ). Суть заключается в принципиальном отличии искусственного интеллекта от естественного. Современный ИИ, базирующийся на двоичной системе исчисления, имеет строго логичную структуру, хотя и очень сложную. Таким образом, решения ИИ принимаются на основе определенной логики, в том числе на накопленном опыте. Это принципиально отличает его от естественного интеллекта, который способен генерировать нестандартные и нелогичные решения.

Поскольку до настоящего времени природа функционирования естественного интеллекта не разгадана, то представляется некорректным и необоснованным отождествление искусственного интеллекта с естественным, что, в частности, приводит к формированию мифов цифровой революции.

Одним из таких мифов является угроза безработицы. В настоящее время нет достаточных доказательств массовому сокращению рабочих мест в результате внедрения новых технологий организации производства. Более того, исторический опыт показывает, что ни одна технологическая революция не привела к массовой безработице. Это происходит хотя бы потому, что для внедрения новой техники и технологий требуется определенный период, в течение которого происходит адаптация человека к новым условиям. Кроме того, согласно теории постиндустриализма Д. Белла, технологическое развитие приведет к снижению доли физического труда и увеличению интеллектуального. Очевидно, что решение проблемы безработицы в условиях внедрения новых технологий находится в области образования. Вопрос о том, как будет устроен рынок труда, требует специального изучения.

Еще одним мифом цифровой революции является расширение возможностей человека. Вопрос тоже очень спорный, поскольку увеличиваются возможности исполнительных механизмов, а не человека. Человек получает только одну возможность – нажимать на кнопки. В дальнейшем в дело вступают исполнительные механизмы. При этом в случае ошибочных действий может возникнуть такая ситуация, когда человек уже не сможет изменить ход процесса. Так, например, несовершенство программного обеспечения, ошибочные действия экипажа, отсутствие возможности прямого управления авиалайнерами стали причинами авиационных катастроф, сопровождавшихся значительными человеческими жертвами.

Более того, можно предположить, что массовое использование вычислительных систем, компьютеризация жизнедеятельности человека создает предпосылки для деградации интеллекта. Не рассматривая этот вопрос подробно, заметим, например, что одна из явных угроз состоит в том, что многие бытовые операции, требующие определенных интеллектуальных усилий (например, расчеты при покупках), уже сейчас переданы компьютерам. И этот процесс нарастает. Современные

технологии уже позволяют освободить человека не только от физического, но и умственного труда, что в отсутствие адекватной альтернативы с высокой степенью вероятности приведет к деградации.

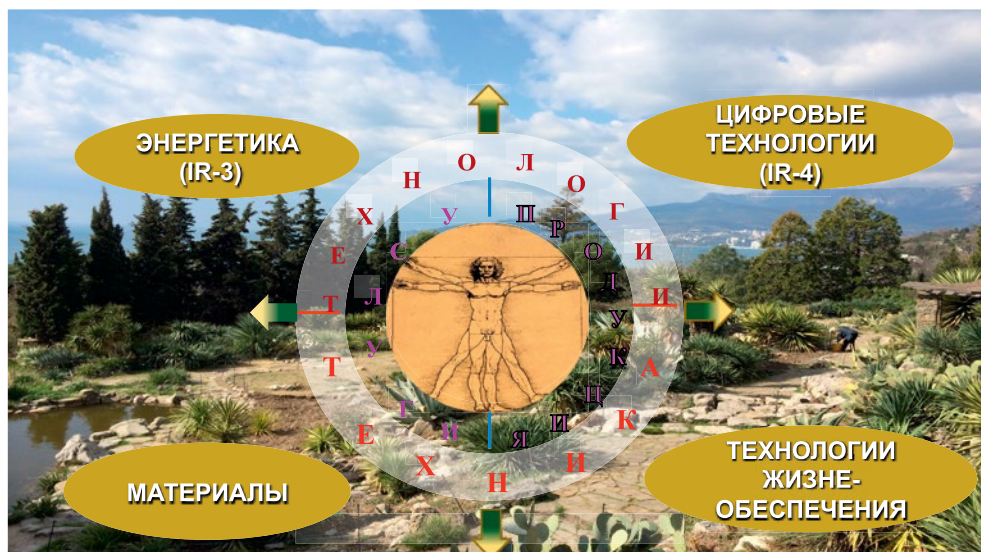
Рассматривая вопросы цифровой революции, необходимо иметь в виду, что, по сути, речь идет только о новой технологической платформе на базе вычислительных систем, создающей новую систему организации производства, основные параметры которой задаются, исходя из следующих постулатов:

- робот – это не замена человека, а исполнитель его воли;
- компьютер – это средство передачи воли человека роботу;
- цифра в обобщенном виде – это язык общения человека и робота.

Одним из следствий интенсивного технологического развития стало влияние на окружающую среду. Негативные последствия этого стали в полной мере ощущаться во второй половине прошлого века, когда радиоактивные следы воздушных и наземных ядерных испытаний были обнаружены во всех частях света, включая Антарктиду. Влияние на природу крупных предприятий, осуществляющих выбросы отходов производства и оказывающих влияние на природный температурный режим, а также техногенных катастроф также требовало специального изучения. Это стало основной задачей нового научного направления – экологии.

Революционные технологические преобразования стимулировали новые способы организации производства, а также создание новых видов технологий и продукции для удовлетворения потребностей человека. Благодаря новым технологиям принципиально изменилось качество жизни. К настоящему времени технологическое простран-

Рисунок 1.
Природно-технологическая среда обитания человека

ство является неотъемлемой частью среды обитания человека, создав барьер между человеком и природой (рис. 1). Это особенно проявляется в крупных городах, мегаполисах и городских агломерациях.

Но формирование среды обитания как среды обитания человека требуют изучения безопасности технологий с точки зрения влияния как на природу, так и на человека. Это является предметом рассмотрения нового научного направления – «экология технологий». Отличием экологии технологий от классической технологии является то, что классическая экология рассматривает влияние технологий на природу как среду обитания человека. Экология технологий рассматривает оба этих фактора независимо, с учетом двух принципиальных положений:

- любая, даже самая прогрессивная технология имеет границы своего применения, переход через которые может привести к непредсказуемым последствиям;
- технология должна соответствовать уровню культурного развития.

Но если мы говорим про культуру, тогда надо вспомнить академика Д.С. Лихачева, который еще в семидесятые годы прошлого века говорил, что для жизни человека необходимо сохранить экологию культуры.

Новые технологии потребовали нового уровня культуры обращения с ними. Если с этой точки зрения рассмотреть техногенные аварии, то можно видеть, что одним из важнейших условий для их начала и развития является недостаточная культура проектирования, изготовления, эксплуатации и даже политическая культура, если речь идет об исполь-

Рисунок 2.
Эволюция
среды обитания
человека

зовании, например оружия массового поражения, как это было в 1945 г. при принятии решения о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Технологическое развитие происходит различными темпами, что порождает новые проблемы, обусловленные технологическим неравенством.

Еще одним аспектом этой проблемы является появление новых видов терроризма, при которых гражданские технологии используются в целях нанесения ущерба. Так это было, например, при атаке на башни-близнецы в США, когда гражданская технология, а именно гражданские самолеты, была использована в виде боевых ракет.

С интенсивным развитием цифровых технологий следует ожидать появление новых видов преступности и терроризма, объемы и последствия которых в настоящее время не изучены. Заметим, что это также во многом определяется культурой.

Таким образом, культурная среда является такой же неотъемлемой составляющей среды обитания человека, как природа и технологии. Но культурная среда, как и технологическая, формируется самим человеком. Следовательно, можно утверждать, что в настоящее время происходит активное формирование новой среды обитания человека (рис. 2).

Формирование новой среды обитания можно рассматривать как гуманитарно-технологическую революцию, суть которой состоит в обеспечении качества жизни на основе новых технологий. Происходящие глобальные трансформации закладывают параметры нового мирового порядка, в котором лидирующее место займут страны, сумевшие обеспечить наивысшее качество жизни.

Гуманитарно-технологическая революция является глобальным вызовом. Ключевым вопросом современной экономической науки является разработка моделей социально-экономического развития, адекватно отображающих глобальные трансформации, базирующихся на научно-технологическом развитии.

Библиографический список:

1. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Пер. с англ. – М.: Academia, 1999.
2. Винер Н. *Кибернетика или управление и связь в животном мире и машине* (2-е изд.) – М.: Наука, 1983.
3. *Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего*/ Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко – М.: Ленанд, 2018.
4. Иванов В.В. *Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы* // *Инновации*, 2017, № 6.
5. Иванов В.В. *Методологические проблемы планирования и экологии технологий* // *Инновации*, 2010, № 3. С. 2–5.
6. Иванов В.В. *Технологическое пространство и экология технологий*// *Вестник РАН*, 2011. Т. 81. №5. С. 414–418.

7. Рифкин Д. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. (2-изд.) – М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
8. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Издательство «Э», 2017.

List of References:

1. Bell D. *Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. Per. s angl.* – М.: Academia, 1999.
2. Viner N. *Kibernetika ili upravlenie i svjaz' v zhivotnom mire i mashine (2-e izd.)* – М.: Nauka, 1983
3. *Gumanitarno-tehnologicheskaja revoljucija i vybor budushhego/ Pod red. V.V. Ivanova, G.G. Malineckogo, S.N. Sirenko* – М.: Lenand, 2018.
4. Ivanov V.V. *Global'naja gumanitarno-tehnologicheskaja revoljucija: predposylki i perspektivy// Innovacii, 2017, №6.*
5. Ivanov V.V. *Metodologicheskie problemy planirovaniya i jekologii tehnologij// Innovacii, 2010, №3. S. 2-5.*
6. Ivanov V.V. *Tehnologicheskoe prostranstvo i jekologija tehnologij// Vestnik RAN, 2011. t. 81 №5, s. 414-418.*
7. Rifkin D. *Tret'ja promyshlennaja revoljucija: kak gorizonta'nye vzaimodejstvija menjajut jenergetiku, jekonomiku i mir v celom. (2-izd.)* – М.: Al'pina non-fikshn, 2015.
8. Toffler Je., Toffler H. *Revoljucionnoe bogatstvo* – М.: AST: AST MOSKVA, 2008.
9. Shvab K. *Chetvertaja promyshlennaja revoljucija.* – М.: Izdatel'stvo «Je», 2017.

Регулирование межбюджетных отношений в контексте повышения финансово-бюджетной устойчивости государства

Regulation of inter-budgetary relations in the context of improving the financial and budgetary stability of the state

БЕЛОСТОЦКИЙ Алексей Александрович

Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Курского государственного университета, к.э.н.

Aleksey A. BELOSTOTSKIY

Associate professor of state and municipal administration Kursk State
University, Candidate of economic sciences

Аннотация:

Исследование направлено на анализ межбюджетного взаимодействия и распределение межбюджетных трансфертов на основе оценки эффективности системы распределения межбюджетных трансфертов, как элемента, фокусирующего программно-целевые методы на наиболее приоритетных задачах по укреплению системы государственных финансов, что будет способствовать формированию новых механизмов межбюджетного взаимодействия и регулированию распределения межбюджетных трансфертов между федеральным бюджетом и бюджетами регионов, для создания условий повышения финансово-бюджетной устойчивости государства.

Abstract:

The study is aimed at the analysis of inter-budgetary interaction and effective distribution of inter-budgetary transfers, which allows creating conditions for sustainable development of public finances, increasing the level of socio-economic development and determining priority development trajectories in the context of geopolitical imbalance.

The purpose of the work is to increase the financial and budgetary stability of the state on the basis of the development of tools and mechanisms for the objective distribution of inter-budgetary transfers and increase the level of inter-budgetary interaction. To do this, it is necessary

to assess the economic potential and financial resources of the state, to analyze the state of inter-budgetary relations, the effectiveness of the system of distribution of inter-budgetary transfers.

Methodology. The paper uses the methods of economic and financial analysis, on the basis of which the efficiency of the distribution of inter-budget transfers as a result of the management of budgetary resources as an element that focuses on the program-target methods on the most priority tasks of improving budget sustainability.

Results. The analysis showed that the formation of new tools and mechanisms of inter-budgetary interaction contributes to the regulation of the distribution of inter-budgetary transfers between the Federal budget and the budgets of the regions and the effective redistribution of budgetary resources between local budgets, which increases the financial and budgetary stability of the state.

Ключевые слова: Государственные финансы, межбюджетные отношения, бюджетная политика, финансовая устойчивость, экономическое развитие.

Keywords: Public Finance, inter-budgetary relations, budget policy, financial stability, economic development.

В условиях федеративного государства при сложном построении бюджетной системы ее устойчивость, как и всего государства в целом, во многом зависит от характера межбюджетных отношений. Проблема оптимального построения модели межбюджетных отношений относится к числу самых актуальных. В настоящее время идет поиск динамического равновесия между федеральными органами власти и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления применительно к бюджетной сфере.

По мнению профессора М.А. Абрамовой, «основными задачами российской экономики являются обеспечение экономического развития, социально-экономических преобразований и эффективное использование экономического потенциала в интересах повышения уровня жизни населения. В свою очередь, важными элементами этого механизма являются бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты, от качества которых зависит эффективность государственного регулирования как реального сектора экономики, так и самой финансовой сферы» [1, с. 162].

В рамках государственной программы «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного управления региональными и муниципальными финансами» выделяются базовые бюджетные ассигнования на ее реализацию в 2020–2022 годах, которые,

по сравнению с законодательно установленным объемом бюджетных ассигнований, увеличены в 2020 году на 33704894,0 тыс. рублей, в 2021 году на 35167990,3 тыс. рублей и в 2022 году на 48400294,3 тыс. рублей (таблица)

Таблица. Базовые бюджетные ассигнования на реализацию государственной программы в 2020–2022 годах

Наименование	2020	2021	2022
ВСЕГО	888264447,5	903575934,4	903575934,4
в том числе:			
Подпрограмма «Совершенствование системы распределения и перераспределения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы Российской Федерации»	14102624,9	11111517,1	11111517,1
Подпрограмма «Выравнивание финансовых возможностей бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов»	874121822,6	892424417,3	892424417,3
Подпрограмма «Совершенствование разграничения полномочий между уровнями публичной власти и контроля за осуществлением переданных федеральных полномочий»	40000,0	40000,0	40000,0

Изменение расходных обязательств обусловлено:

1. Увеличением бюджетных ассигнований на реализацию мероприятий длительного характера, решение о реализации которых принято в ходе исполнения федерального бюджета в 2019 году, в том числе:

■ на предоставление дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджета Красноярского края в 2020–2022 годах на 1000000,0 тыс. рублей ежегодно;

■ на предоставление единой субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации в 2022 году на 335419,0 тыс. рублей;

2. Увеличением бюджетных ассигнований, зависящих от поступления доходов на предоставление дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации в связи с уточнением прогноза поступления 1 п.п. налога на прибыль организаций на 2020–2022 годы по сравнению с прогнозом, учтенным при формировании Федерального закона от 29.12.2018 № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» в 2020 году на 32704894,0 тыс. рублей, в 2021 году на 34167990,3 тыс. рублей и в 2022 году на 47064875,3 тыс. рублей [2].

Объем расходов Курской области в виде межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований (дотации, субсидии, субвенции и иные межбюджетные трансферты), с учетом средств федерального бюджета, составит на 2019 год на сумму 16778778,1 тыс. рублей, на 2020 год – на сумму 14107309,2 тыс. рублей, на 2021 год – на сумму 13619244,9 тыс. рублей. Удельный вес данных расходов в общем объеме расходов областного бюджета в 2019 году 33,6%, в 2020 году – 29,1%, в 2021 году – 27,9%.

Объем дотации бюджетам муниципальных образований из бюджета Курской области планируется в 2019 году на сумму 962469,4 тыс. рублей, в 2020 году – на сумму 399384,3 тыс. рублей, в 2021 году – на сумму 373766,2 тыс. рублей.

Объем субвенций из областного бюджета в 2019 году составит 12764782,3 тыс. рублей, в 2020 году – на сумму 11516686,6 тыс. рублей, в 2021 году – на сумму 11495820,3 тыс. рублей.

Объем субсидий муниципальным образованиям из областного бюджета планируется в 2019 году на сумму 3048872,9 тыс. рублей, в 2020 году – на сумму 2188267,0 тыс. рублей, в 2021 году – на сумму 1746627,3 тыс. рублей.

Объем иных межбюджетных трансфертов из областного бюджета планируется в 2019 году на сумму 2653,5 тыс. рублей, в 2020 году на сумму 2971,3 тыс. рублей, в 2021 году на сумму 3031,1 тыс. рублей.

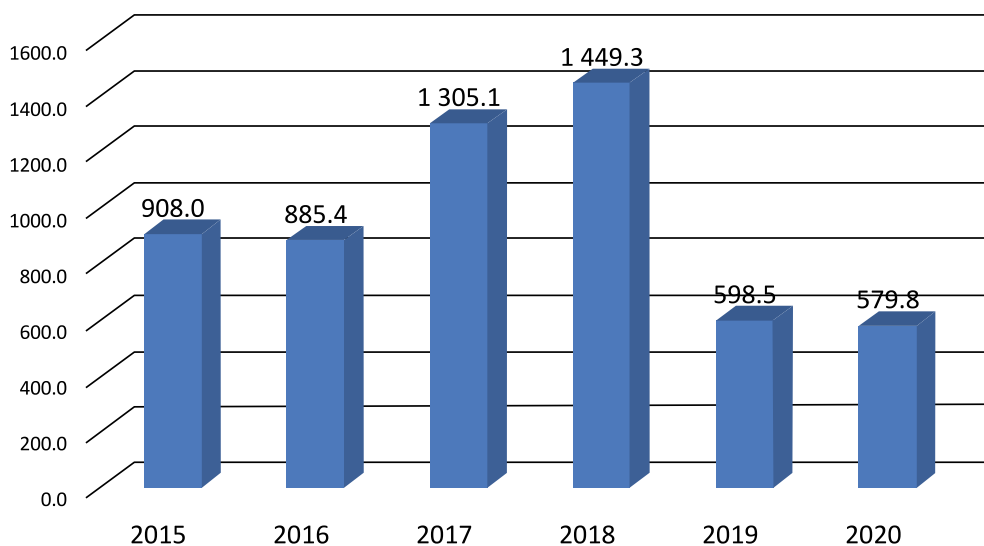
Объем межбюджетных трансфертов бюджету Пенсионного фонда Российской Федерации в 2019 году на сумму 12748,3 тыс. рублей, в 2020 году на сумму 13156,9 тыс. рублей, в 2021 году на сумму 13683,8 тыс. рублей.

В составе расходов областного бюджета в 2020–2021 годах предусматриваются условно утвержденные расходы на сумму 1079005,0 тыс. рублей и 2224761,7 тыс. рублей соответственно.

Расходные обязательства Курской области по обслуживанию государственного долга планируются по действующим и планируемым к заключению соглашениям с Министерством финансов Российской Федерации, договорам с Управлением Федерального казначейства по Курской области, контрактам с кредитными организациями, а также по уплате купонного дохода по государственным облигациям Курской области в 2019 году в сумме 435839,9 тыс. рублей, в 2020 году в сумме 436316,0 тыс. рублей, в 2021 году в сумме 444958,0 тыс. рублей (рисунок).

Формирование объема и структуры расходов областного бюджета на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов осуществлялось исходя из «базовых» объемов бюджетных ассигнований на 2019 год на основании бюджетных ассигнований, утвержденных Законом Курской области от 08.12.2017 № 93-ЗКО «Об областном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» с учетом их оптимизации по расходам несоциального характера ограниченного срока действия [3].

Рисунок.
Объем
ассигнований
на реализацию
подпрограммы
«Эффективная
система
межбюджетных
отношений
в Курской
области»,
млн рублей

С целью эффективного распределения межбюджетных трансфертов между бюджетами регионов и бюджетами муниципальных образований разработана подпрограмма «Эффективная система межбюджетных отношений Курской области», главная задача которой состоит в финансовом выравнивании ресурсного обеспечения муниципальных образований и сбалансированности бюджетов Курской области на местном уровне.

По мнению Р. Масгрейва, «выводы о региональной структуре федеральных финансов могут быть выведены из логики фискального устройства, установленного для унитарного национального государства. Эта логика требует централизованного обеспечения общерегиональных общественных благ и локального обеспечения общественных благ местного характера, однако действующая структура юрисдикций не выводится из фискальной логики. Она формировалась под влиянием многих факторов, устанавливая правительственные распоряжения, которым должны соответствовать фискальные структуры. Большинство современных государств прошли через унификацию отдельных юрисдикций, объединенных в форму федерации. Так было в случае США, Канады и Австралии, которые соответствуют этой модели. Но сплоченность федераций может различаться, и, следовательно, будут различаться и фискальные структуры» [4, с. 533].

Конечные результаты регулирования межбюджетных отношений на региональном уровне с целью повышения финансово-бюджетной устойчивости государства заключаются в следующем:

1. Снижение нецелевых расходов и аккумулирование бюджетных ресурсов на исполнение приоритетных расходных обязательств.
2. Обеспечение качественного бюджетного планирования и прогнозирования и осуществление контрольных мероприятий в процессе реализации основных направлений бюджетной политики.

3. Повышение устойчивости бюджетов бюджетной системы Курской области к различным негативным факторам развития экономики.
4. Перераспределения расходных обязательств тех исполнительных органов государственной власти региона, которые будут способствовать повышению финансово-бюджетной устойчивости как региона, так и государства в целом [5].

Библиографический список:

1. *Абрамова М.А. Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты достижения финансовой стабильности и обеспечения экономического роста: монография / колл. авт.; под ред. М.А. Абрамовой. – Москва: КНОРУС. – 2019. – 202 с.*
2. *Методика расчета предельных базовых бюджетных ассигнований федерального бюджета по государственным программам Российской Федерации и непрограммным направлениям деятельности на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. Официальный сайт Министерства финансов РФ: URL: <http://minfin.ru/> (дата обращения: 27.05.2019).*
3. *Проект Закона Курской области «Об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». Официальный сайт Администрации Курской области: URL: <http://rkursk.ru/> (дата обращения: 30.05.2019).*
4. *Масгрейв Р. Государственные финансы: теория и практика / Р.А. Масгрейв, П.Б. Масгрейв; пер. с англ.: Д.В. Крутиков, А.В. Сидоров; под общ. ред. Т.Г. Нестеренко, Р.Е. Артюхина, В.Д. Дзгоева. – 5-е изд. – М.: Бизнес Атлас. – 2009. – 716 с.*
5. *Постановление Администрации Курской области от 13 февраля 2018 г. № 92-па «О внесении изменений в государственную программу Курской области „Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, государственным долгом и повышения устойчивости бюджетов Курской области“». Официальный сайт Администрации Курской области: URL: <http://rkursk.ru/> (дата обращения: 25.05.2019).*

List of References:

1. *Abramova M.A. Byudzhethno-nalogovye i denezhno-kreditnye instrumenty dostizheniya finansovoi stabil'nosti i obespecheniya ekonomicheskogo rosta: monografiya / koll. avt.; pod red. M.A. Abramovoi. – Moskva: KNORUS. – 2019. – 202 s.*
2. *Metodika rascheta predel'nykh bazovykh byudzhethnykh assignovaniy federal'nogo byudzheta po gosudarstvennym programmam Rossiiskoi Federatsii i neprogrammnykh napravleniyam deyatel'nosti na 2020 god i na planovyi period 2021 i 2022 godov. Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov RF: URL: <http://minfin.ru/> (data obrashcheniya: 27.05.2019).*
3. *Проект Закона Курской области «Об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». Официальный сайт Адми-*

нистрации Курской области: URL: <http://rkursk.ru/> (дата обращения: 30.05.2019).

4. Masgreiv R. Gosudarstvennyye finansy: teoriya i praktika / R.A. Masgreiv, P.B. Masgreiv; per. s angl.: D.V. Krutikov, A.V. Sidorov; pod obshch. red. T.G. Nesterenko, R.E. Artyukhina, V.D. Dzgoeva. – 5-e izd. – M.: Biznes Atlas. – 2009. – 716 s.

5. Postanovlenie Administratsii Kurskoi oblasti ot 13 fevralya 2018 g. № 92-па «O vnesenii izmenenii v gosudarstvennyuyu programmu Kurskoi oblasti «Sozдание uslovii dlya effektivnogo i otvetstvennogo upravleniya regional'nymi i munitsipal'nymi finansami, gosudarstvennym dolgom i povysheniya ustoichivosti byudzhetrov Kurskoi oblasti» Ofitsial'nyi sait Administratsii Kurskoi oblasti: URL: <http://rkursk.ru/> (data obrashcheniya: 25.05.2019).

Контактная информация:

Белостоцкий Алексей Александрович, 305044, г. Курск, ул. 8 Марта, 92
8 910 310-77-22, a.a.belostotskiy@yandex.ru
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33,
Курский государственный университет
8 (4712) 51-36-52, g.gmu@mail.ru

Contact information:

Belostotskiy Aleksey Aleksandrovich, 305044, Kursk, 8 Marta Street, 92
8 910 310-77-22, a.a.belostotskiy@yandex.ru
305000, Kursk, Radishchev street, 33, Kursk State University
8 (4712) 51-36-52, g.gmu@mail.ru

Тренды цифровизации обрабатывающих отраслей промышленности Германии и России

Digitalization trends in the manufacturing industry in Germany and Russia

ТОЛКАЧЕВ Сергей Александрович

Первый заместитель руководителя Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», д.э.н., профессор

Sergey A. TOLKACHEV

Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head, Department of Theoretical Economics, Russian Federation Government University of Finance

МОРКОВКИН Дмитрий Евгеньевич

Ведущий научный сотрудник Центра региональной экономики и межбюджетных отношений ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», доцент Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, к.э.н.

Dmitry E. MORKOVKIN

Candidate of Economics, Lead Researcher, Center for Regional Economics and Interbudgetary Relations at the Russian Federation Government University of Finance, Associate Professor of the Department of Theoretical Economics at the Russian Federation Government University of Finance

Аннотация:

Четвертая промышленная революция на основе подходов Индустрии 4.0 все более охватывает промышленность развитых стран мира. Цифровизация обрабатывающих отраслей промышленности становится двигателем цифровой трансформации всей экономики. Ключевым компонентом цифровой трансформации обрабатывающих производств становится внедрение киберфизических систем. В работе для оценки уровня цифровой трансформации вводятся новые понятия: индекс развития киберфизических систем, предлагаемый для отражения процессов Четвертой промышленной революции – Индустрии 4.0 и индекс

трансформации бизнес-модели, указывающий на динамику процессов Индустрии 3.0. Проведено сопоставление динамики индексов для обрабатывающих отраслей промышленности России и Германии.

Abstract:

The Fourth industrial revolution based on the approaches of Industrie 4.0 increasingly covers the industry of the developed countries of the world. The digitization of manufacturing is becoming the engine of the digital transformation of the entire economy. The introduction of cyber-physical systems is becoming a key component of the digital transformation of the manufacturing industry. In order to assess the level of digital transformation, new concepts are introduced: the cyber-physical systems development index, proposed to reflect the processes of the Fourth Industrial Revolution – Industrie 4.0 and the business model transformation index, indicating the dynamics of Industrie 3.0 processes. A comparison of the dynamics of the indices for the manufacturing industries of Russia and Germany is completed.

Ключевые слова:

Четвертая промышленная революция, Индустрия 4.0, цифровая трансформация производства, промышленный «Интернет вещей», индекс цифровизации обрабатывающих производств.

Keywords:

Fourth industrial revolution, Industrie 4.0, digital transformation of the manufacturing, Industrial Internet of Things, Digitalization index of manufacturing industries.

Ключевым трендом происходящей Четвертой промышленной революции на основе Индустрии 4.0 является цифровизация технологических процессов создания новой стоимости в материальном производстве. Сутью процесса цифровизации в условиях развертывания Четвертой промышленной революции становится процесс проникновения инфокоммуникационных и компьютерных технологий в технологии и бизнес-процессы реального сектора экономики.

В связи с этим внимание аналитиков привлекают вопросы, связанные с имплементацией глобальных трендов «Индустрия 4.0» в практику хозяйствования отечественных предприятий, и актуализируется научный поиск условий, механизмов и способов создания конкурентных преимуществ на этой основе для реального сектора российской экономики.

В настоящее время цифровизация уже охватывает предприятия авиационной, автомобильной, судостроительной, пищевой промышленности, атомной энергетики и ракетно-космического комплекса России. Создаются цифровые двойники продукции, производствен-

ные процессы дублируются в виртуальной среде. Начинается переход к распределенной модели создания продукции. Бурный подъем переживают компании, предоставляющие услуги по цифровизации.

Однако, на наш взгляд, цифровизацию производства у нас до сих пор смешивают с понятием информатизации или автоматизации бизнес-процессов. Данные процессы являются атрибутами Третьей промышленной революции и уже давно осуществляются в отечественной практике с помощью известных «коммодитизированных» на данный момент приложений и ИТ-систем (ERP, CRM) [1]. Однако для перехода в Индустрию 4.0 и глубинной сквозной автоматизации всей деятельности предприятия требуются принципиально новые виды технологий, меняющие привычные бизнес-модели [2].

Такими прорывными технологиями являются:

- технология «Блокчейн»;
- беспилотные устройства (дроны);
- трехмерная печать;
- виртуальная реальность;
- дополненная реальность;
- «Интернет вещей» (IoT);
- искусственный интеллект;
- робототизация технологических процессов.

В данном списке из восьми ключевых технологий будущего технологического уклада мировой экономики выделяем «Интернет вещей», который стоит на первом месте и окажет наибольшее влияние из всех остальных на формирование контуров новой экономики.

Предполагается, что технологии «Интернета вещей» принципиально изменят бизнес-модели предприятий – они станут более гибкими и более похожими на современный цифровой бизнес [3]. При этом указанная гибкость будет достигаться за счет глубокой кастомизации товаров и услуг, производство которых в условиях применения технологии «Интернет вещей» будет по себестоимости дешевле массового производства, представляющего собой краеугольный камень прошлых технологических укладов [4].

Существующие еще пока бизнес-модели предприятий, сформировавшиеся в эпоху Третьей промышленной революции, характеризуются [5, с. 335]:

- 1) единичным (разовым) предоставлением конечного продукта покупателю;
- 2) преобладанием в производственном процессе физических операций с предметами труда, бумажным документооборотом, отвлекающим на себя ресурсы живого труда;
- 3) высоким уровнем антропогенного воздействия на окружающую среду вследствие преобладания деструктивных технологических процессов производства готовой продукции над аддитивными;

4) наличием иерархичной структуры, выполнением всех трудовых и производственных процессов отдельно друг от друга;

5) культурой реализации предопределенных физических процессов.

В условиях наступающей Четвертой промышленной революции, широкого применения технологии «Интернет вещей» ключевыми характеристиками бизнес-моделей предприятий будут выступать уже следующие:

1) регулярное итеративное взаимодействие с покупателем посредством предоставления сервисов;

2) интеграция и обработка больших данных и принятие «умных» решений. Электронный документооборот;

3) акцент на использование аддитивных технологических процессов при производстве продукции, работ и услуг;

4) гибкая структура, выполнение конечных взаимосвязанных процессов;

5) сформированная культура работы с большими данными.

«Промышленный интернет вещей» позволяет оптимизировать производственные процессы, управление запасами и активами, а также обеспечивает техносферную безопасность, управление и контроль состояния сотрудников.

Таким образом, практическими результатами внедрения технологии «Промышленного интернета вещей» будут:

■ оптимизация производственных процессов с помощью проактивного мониторинга за работоспособностью оборудования, а также автоматизации управления режимами работы и загрузкой производственных мощностей;

■ эффективный мониторинг и управление активами за счет использования мобильных датчиков, обеспечивающих контроль состояния и местоположение машин;

■ повышение эффективности управления запасами за счет использования беспилотных погрузчиков, автоматизации контроля качества, контроля уровня запасов и условий окружающей среды на складских помещениях;

■ улучшение безопасности производства за счет использования датчиков инструмента и спецодежды, видео-мониторинга и контроля окружающей среды.

В нашей стране уже начали реализовываться проекты с применением технологии «Промышленного интернета вещей». Их классификация в систематизированном виде приводится в нижеследующей таблице.

Как видно из таблицы 1, в настоящее время в РФ присутствует незначительное число проектов, использующих в своей основе технологию «Промышленного интернета вещей». По нашему мнению, развитие ситуации такими же темпами в ближайшем будущем усугубит наше отставание от лидеров мировой экономики по внедрению ключевых технологий нового технологического уклада.

Таблица 1. Примеры внедрения технологии «Промышленного интернета вещей» в ключевых секторах экономики России

№ п/п	Ключевой сектор экономики	Проекты, реализуемые на основе технологии «Промышленного интернета вещей»
1	Электроэнергетика	– Модернизация функции эксплуатации оборудования на АЭС; – Внедрение технологий Smart Grid; – Создание единой «технологической шины» – центра сбора технологической информации
2	Здравоохранение	– Внедрение систем мониторинга пациентов; – Внедрение систем удаленного мониторинга показателей (температура и др.)
3	Сельское хозяйство	– Внедрение системы удаленного управления сельскохозяйственным сырьем; – Внедрение технологий «точного земледелия»; – Удаленный контроль местонахождения с/х техники и контроль потребления ГСМ
4	Транспорт и логистика	– Внедрение системы отслеживания геопозиции состояния грузов; – Внедрение технологий «умного» управления транспортной инфраструктуры
5	«Умный город»	– Мониторинг городского транспорта (подключенный транспорт); – Интеллектуальное управление освещением; – Автоматизация учета потребления ресурсов
6	«Умный дом»	– Внедрение систем удаленного управления безопасностью; – Внедрения систем контроля потребления ресурсов; – Внедрение систем контроля и управления микроклиматом

Возвращаясь к проблеме оценки и измерения уровня цифровизации на основе промышленного «Интернета вещей», следует отметить, что наиболее адекватным международным рейтингом можно считать международный индекс I-DESI (International Digital Economy and Society Index) [6], впервые опубликованный Европейской комиссией в 2016 году. Индекс I-DESI, разработанный на основе индекса DESI для стран – членов Европейского союза, оценивает эффективность как отдельных стран Европейского союза, так и Европейский союз в целом по сравнению с Австралией, Бразилией, Канадой, Китаем, Исландией, Израилем, Японией, Южной Кореей, Мексикой, Новой Зеландией, Норвегией, Россией, Швейцарией, Турцией и Соединенными Штатами Америки. Индекс I-DESI использует данные из различных признанных международных источников, таких, как Организация экономического сотрудничества и развития, Организация объединенных данных, Международный союз электросвязи и других.

Индекс I-DESI учитывает пять основных параметров:

- Связь. Этот параметр оценивает внедрение широкополосной инфраструктуры и ее качество.
- Человеческий капитал. Параметр, измеряющий уровень навыков населения, необходимых для использования преимуществ, которые предоставляет цифровое общество.
- Использование интернета. Этот показатель учитывает различные активности, которыми пользуются люди в интернете.
- Интеграция цифровых технологий в бизнесе. Этот параметр измеряет цифровизацию бизнеса и использование онлайн-каналов продаж. Именно данный параметр фиксирует продвижение цифровизации в промышленный сектор.
- Цифровые государственные услуги. Здесь учитывается уровень использования цифровых услуг в государственном секторе, фокусируясь при этом на «электронном правительстве» (eGovernment).

В последнем релизе за 2018 год, подводящим итоги рейтингования за 2016 год, на первом месте находится Южная Корея. Дания занимает общее второе и 1-е место среди 28 государств – членов ЕС. Россия в общем списке из 45 стран (28 ЕС и 17 других стран) находится в конце, однако опережая Китай, Чили, Мексику, Турцию, Бразилию и четверку наименее развитых стран ЕС.

Если по показателю человеческого капитала Россия держится в середине списка, то использование интернета, интеграция цифровых технологий в бизнесе оставляют желать лучшего. А по показателю широкополосной инфраструктуры занимает последнее место.

В целом все наиболее популярные рейтинговые продукты, фокусируясь на универсальных или цифровых показателях конкурентоспособности, значительно недооценивают роль факторов и индикаторов цифровизации бизнеса, включая обрабатывающую промышленность. Между тем современная статистическая база уже задействовала набор показателей для измерения процессов цифровизации именно в промышленном производстве, что становится вектором и драйвером всей цифровой экономики. Так, статистический портал стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [7] содержит специальный раздел «Инфокоммуникационные технологии в бизнесе», где можно задать параметры отбора, включающие страну, группу стран и отрасли, например обрабатывающую индустрию, и список из нескольких десятков конкретных показателей, отражающих процессы цифровизации.

Для оценки уровня цифровизации обрабатывающей промышленности на основе данной информации нами был разработан Индекс цифровизации обрабатывающих производств, состоящий из двух субиндексов:

- 1) индекс развития киберфизических систем;
- 2) индекс трансформации бизнес-модели;

При построении Индекса развития киберфизических систем мы отбирали такие показатели, которые наиболее точно отражают возможности использования цифровых технологий для преобразования производственного процесса в обрабатывающих отраслях. Композиция данного индекса включает следующие элементы:

- 1.1. Предприятия, использующие широкополосный доступ в интернет не менее 100 мбит/сек;
- 1.2. Предприятия, использующие технологии автоматической идентификации объектов (RFID);
- 1.3. Предприятия, использующие облачные сервисы;
- 1.4. Предприятия, использующие ERP;
- 1.5. Предприятия, использующие большие данные.

Совокупность показателей, включенных в Индекс развития киберфизических систем, позволяет проследить, насколько технологическая оснащенность предприятий помогает выстраивать форматы цифрового отображения организации производства в режиме реального времени. Таким образом, данный индекс является отражением процессов Индустрии 4.0 и промышленного «Интернета вещей», т. е. настоящей современной цифровой трансформации производства, а не сферы обслуживающих производство процессов, которые уже давно развиваются и являются атрибутами эпохи Индустрии 3.0. Данные процессы мы предлагаем отражать в Индексе трансформации бизнес-модели, включающем следующие элементы:

- 2.1. Предприятия, имеющие веб-сайт, позволяющий делать заказы;
- 2.2. Предприятия, использующие CRM системы;
- 2.3. Предприятия, обменивающиеся электронной информацией с поставщиками и заказчиками (использующих EDI системы);
- 2.4. Предприятия, размещающие заказы с помощью компьютерных сетей.

Индекс трансформации бизнес-модели вбирает те показатели, которые отражают цифровизацию не основных производственных, а вспомогательных бизнес-процессов предприятия. Сюда включается инфокоммуникационные технологии, применяемые для связи с заказчиками, потребителями, поставщиками. EDI-системы (англ. Electronic data interchange – «электронный обмен данными») – серия стандартов и конвенций по передаче структурированной цифровой информации между организациями, основанная на определенных регламентах и форматах передаваемых сообщений. CRM-системы (Customer Relationship Management или Управление отношениями с клиентами) – это прикладное программное обеспечение, предназначенное для автоматизации стратегий взаимодействия с заказчиками (клиентами), в частности, для повышения уровня продаж, оптимизации маркетинга и улучшения обслуживания клиентов путем сохранения информации о клиентах и истории взаимоотношений

с ними, установления и улучшения бизнес-процессов и последующего анализа результатов.

Будем считать, что данный индекс отражает понятие «кибернетическая цифровизация», присущее предыдущей Третьей промышленной революции, эпохе автоматизированных систем управления (АСУ), в отличие от нынешней киберфизической цифровизации, соединяющей производственные и цифровые технологии.

Рассмотрим динамику показателей цифровизации обрабатывающих отраслей на примере Германии, лидера цифровой трансформации на основе Индустрии 4.0. Выбираем отрезок времени с 2011 года – официального объявления инициативы Индустрии 4.0 в Германии.

Таблица 2. Показатели кибернетической цифровизации обрабатывающей промышленности Германии

Доля предприятий обрабатывающей промышленности:	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
размещающих заказы с помощью компьютерных сетей	50,82	55,08	50,27	48,42	55,42	-	55,89	-
имеющих собственный веб-сайт	84,43	84,21	87,23	90,18	91,84	90,81	91,76	91,08
использующих CRM	-	-	-	50,62	50,50	-	54,28	-
Использующих EDI	-	13,52	14,42	13,31	15,79	14,06	14,56	10,67

Таблица 3. Показатели киберфизической цифровизации обрабатывающей промышленности Германии

Доля предприятий обрабатывающей промышленности:	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
использующих RFID	8,33	-	-	23,93	-	-	26,37	-
широкополосный доступ в интернет	89,90	90,78	87,72	93,91	94,38	93,50	94,07	92,80
ERP системы	-	35,90	47,46	53,05	66,92	-	57,52	-
облачные сервисы	-	-	-	9,78	-	13,87	-	19,08
большие данные	-	-	-	-	-	4,82	-	11,71

Несмотря на неполный набор данных по годам, можно заметить уверенный рост показателей индекса киберфизической цифровизации при стабилизации и даже спаде показателей кибернетической цифровизации. Этот факт подтверждает гипотезу о переходе к Четвертой промышленной революции, цифровизации обрабатывающих отраслей.

Например, доля предприятий обрабатывающих отраслей промышленности Германии, использующих RFID, выросла с 2011 по 2017 гг. с 8 до 26%, т. е. более чем в три раза. Аналогичный показатель для Великобритании – 2,14 и 11,85%; Франции – 2,25 и 14,14%.

Таблица, отражающая кибернетическую цифровизации, свидетельствует о затухании данных процессов, т. е. об исчерпании потенциала пятого технологического уклада, связанного с информатизацией вспомогательных сфер деятельности. Предприятия обрабатывающей промышленности осознали, что с помощью собственного сайта, размещения и получения заказов через компьютерные сети уже нельзя повысить конкурентоспособность. Технологии кибернетической цифровизации утратили свою эффективность, достигли пределов эффективной рентабельности.

Приведем соответствующие показатели цифровизации обрабатывающих отраслей российской экономики. Статистические данные были отобраны нами в ежегодных сборниках «Индикаторы цифровой экономики» за 2016–2019 гг., издаваемых Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. Предшествующие выпуски статистических сборников применяли иную методологию и не выделяли обрабатывающие производства. Кроме того, до сих пор не применяется в статистическом учете показатель, связанный с использованием больших данных промышленными предприятиями.

Как известно, ИСИЭЗ разработал индекс цифровизации бизнеса, который характеризует скорость адаптации к цифровой трансформации организаций предпринимательского сектора в России, странах Европы, Республике Корея, Турции и Японии. Индекс рассчитан по следующим пяти показателям: уровень использования широкополосного интернета, облачных сервисов, RFID-технологий, ERP-систем и включенность в электронную торговлю. Лидирующую позицию среди указанных стран занимает Финляндия со значением Индекса на уровне 50 пунктов. Далее следуют Бельгия (47), Дания (46), Республика Корея (45). Россия (28 пунктов) находится в конце списка в одном ряду с такими странами Центральной и Восточной Европы, как Болгария, Венгрия, Польша и Румыния [8].

На наш взгляд, смешение в одном индексе показателей, характеризующих цифровизацию основных технологических и вспомогательных процессов, методологически неточно отражает суть происходящих процессов в разрезе их смыслового деления на Индустрию 3.0 и Индустрию 4.0. Наш подход позволяет более четко отделить эти процессы. Кроме того, индекс цифровизации бизнеса ИСИЭЗ охватывает все предпринимательские организации, в то время как наш подход более адекватно отражает процессы цифровизации именно в обрабатывающих отраслях промышленности.

Таблица 4. Показатели кибернетической цифровизации обрабатывающей промышленности России

Доля предприятий обрабатывающей промышленности:	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
размещающих заказы с помощью компьютерных сетей	50,82	55,08	50,27	48,42	55,42	-	55,89	-
имеющих собственный веб-сайт	53,3	56,5	57,9	55,9	57,5	62,3	63,8	-
использующих CRM	-	-	-	-	15,0	-	17,6	-
использующих EDI	-	-	-	-	-	19,3	19,5	-

Таблица 5. Показатели киберфизической цифровизации обрабатывающей промышленности России

Доля предприятий обрабатывающей промышленности:	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
использующих RFID	-	-	-	7,00	8,60	8,70	10,70	-
широкополосный доступ в интернет	78,5	88,10	89,70	90,90	90,20	91,30	91,60	-
ERP-системы	-	-	-	-	21,00	22,10	27,1	-
облачные сервисы	-	-	-	13,4	20,0	23,2	25,7	-
большие данные	-	-	-	-	-	-	-	-

Что можно заметить, помимо существенного отставания почти всех российских показателей от германских? Во-первых, российская обрабатывающая промышленность продолжает догоняющую кибернетическую цифровизацию. Особенно об этом свидетельствует динамика показателей собственного веб-сайта и использования CRM-систем. Во-вторых, в области киберфизической цифровизации настораживает не только значительное отставание, но и низкие темпы прироста всех показателей, за исключением широкополосного доступа в интернет. В-третьих, нельзя не отметить отставание российской системы статистического учета от стандартов ОЭСР, поскольку до сих пор отсутствуют сведения об использовании больших данных в обрабатывающей промышленности.

Таким образом, ключевые риски социально-экономической системы России, связанные с формированием нового VI технологического уклада, неоиндустриализацией и Четвертой промышленной революцией, коренятся в настоящее время в процессе отстающей модернизации обрабатывающих отраслей промышленности. Неоинду-

стриализация в развитых странах заключается в реконфигурации производственных цепочек, на основе интеграции новых информационных технологий (BigData, блокчейн, самообучающиеся нейронные сети и т.д.) и собственно технологий обработки сырья и полуфабрикатов. Результат данного процесса, получивший название «киберфизические системы», является основным технологическим и организационным преимуществом промышленности нового поколения.

Важность стратегического пути по развитию в нашей стране «Цифровой экономики» не вызывает сомнений. Вместе с тем практическое создание для нее институциональных предпосылок запаздывает и несет в себе риски смещения нашей страны на «задворки» мировых лидеров в международном разделении труда и в условиях нового технологического уклада.

Для того чтобы этого не произошло, необходимо предпринять ряд усилий. Выделим наиболее существенные из них:

- 1) обеспечение трансфера технологий и опыта их применения из т. н. международных центров передового опыта в сфере цифровых технологий;
- 2) отбор и запуск значимых проектов по внедрению цифровых технологий в практику работы компаний и организаций на условиях государственного софинансирования из бюджетов всех уровней;
- 3) предоставление льготных режимов налогообложения тем хозяйствующим субъектам, которые инвестировали средства в технологии цифровой экономики;
- 4) осуществить подготовку специалистов, квалификация которых позволит управлять проектами цифровизации технологических процессов российских предприятий в жестких условиях внешней среды;
- 5) оказание консультационной помощи российским предприятиям и их объединениям по созданию таких инструментов управления цифровизацией, как «Цифровая модель зрелости бизнеса», «Центр передового опыта/дизайн-мышление», «Структура модели ИТ-функции», «Система цифровых решений», «Структура цифровой архитектуры», «Модель, обеспечивающая прозрачность затрат на ИТ» и т.п.

Предложенный комплекс мер позволит одновременно в разы повысить рентабельность предприятий данной реальной сектора экономики и обеспечит увеличение доли инновационной продукции в объеме производства предприятий несырьевых отраслей промышленности.

Библиографический список:

1. Коряков А.Г. Конкурентоспособность как фактор экономической динамики промышленных предприятий // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2012. № 5. С. 110–114.
2. Пуха Ю. Как России перейти к «Индустрии 4.0» // *Ведомости*. 10.03.2017. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://>

www.vedomosti.ru/technology/blogs/2017/03/10/680657-industrii-40 (дата обращения 30.06.2019).

3. Толкачев С.А., Михайлова П. Ю., Нартова Е.Н. Цифровая трансформация производства на основе промышленного интернета вещей // *Экономическое возрождение России*. 2017. № 3 (53). С. 79–89.

4. Толкачев С.А. Неоиндустриальное развитие как завершение диктатуры закона стоимости // В книге: *Воспроизводство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития. К 80-летию выхода в свет книги Дж.М. Кейнса „Общая теория занятости, процента и денег“ сборник тезисов докладов. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*. 2016. С. 170–173.

5. Федотов А.В., Алексахина В.Г., Хорошавина Н.С., Банк С.В., Шутова Т.В. и др. *Модернизация промышленных предприятий. Экономические аспекты и решения. Монография.* – М.: Издательство ООО «Научный консультант». 2016. С. 335.

6. *Международный индекс цифровой экономики и общества Электронный ресурс*. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/international-digital-economy-and-society-index-2018> (дата обращения 30.06.2019).

7. *Статистический портал ОЭСР. Раздел «Информационные и коммуникационные технологии», подраздел «Использование ИКТ в бизнесе» Электронный ресурс*. Режим доступа: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения 13.07.2019).

8. *Индикаторы цифровой экономики: статистический сборник / М.: НИУ ВШЭ, 2016–2019. Электронный ресурс*. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/244878024.html> (дата обращения 13.07.2019).

List of References:

1. Koriakov A.G. *Konkurentosposobnost kak faktor ekonomicheskoi dinamiki promyshlennykh predpriatii* // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2012. № 5. S. 110–114.

2. Pukha Iu. *Kak Rossii pereiti k «industrii 4.0»* // *Vedomosti*. 10.03.2017. *Elektronnyi resurs*. Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/technology/blogs/2017/03/10/680657-industrii-40> (data obrashcheniia 30.06.2019).

3. Tolkachev S.A., Mikhailova P.Iu., Nartova E.N. *Tsifrovaia transformatsiia proizvodstva na osnove promyshlennogo interneta veshchei.*//*Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*. 2017. № 3 (53). S. 79–89.

4. Tolkachev S.A. *Neoindustrialnoe razvitie kak zavershenie diktatury zakona stoimosti.*//*V knige: Vosproizvodstvo Rossii v XXI veke: dialektika reguliruemogo razvitiia. K 80-letiiu vykhoda v svet knigi Dzh.M. Keinsa „Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg“ sbornik tezisov dokladov. Finansovyi universitet pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii*. 2016. S. 170–173.

5. Fedotov A.V., Aleksakhina V.G., Khoroshavina N.S., Bank S.V., Shutova T.V. i dr. *Modernizatsiia promyshlennykh predpriatii. Ekonomicheskie aspekty i*

resheniia. Monografiia. M.: Izdatelstvo OOO «Nauchnyi konsultant». 2016. S. 335.

6. *Mezhdunarodnyi indeks tsifrovoi ekonomiki i obshchestva Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/international-digital-economy-and-society-index-2018> (data obrashcheniia 30.06.2019).*

7. *Statisticheskii portal OESR. Razdel «Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii, podrazdel «Ispolzovanie IKT v biznese» Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://stats.oecd.org/> (data obrashcheniia 13.07.2019).*

8. *Indikatory tsifrovoi ekonomiki: statisticheskii sbornik / M.: NIU VShE, 2016 – 2019. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://issek.hse.ru/news/244878024.html> (data obrashcheniia 13.07.2019).*

**Контактная
информация:**

Толкачев Сергей Александрович
e-mail: SATolkachev@fa.ru

Морковкин Дмитрий Евгеньевич
e-mail: DEMorkovkin@fa.ru

Пленарная конференция МАЭФ–2019 «Глобальные трансформации мировой экономики: что ждет Россию?»

РЭУ имени Г.В. Плеханова

Модераторы конференции:

Гришин Виктор Иванович,

вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова,
д.э.н., профессор

Кузнецов Алексей Владимирович, ВРИО директора Института
научной информации по общественным наукам Российской
академии наук (ИНИОН РАН), член-корреспондент РАН, доктор
экономических наук, профессор МГИМО МИД России

Приоритеты и барьеры развития российской экономики

Priorities and barriers for development of russian economy

ГРИШИН Виктор Иванович

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

Viktor I. GRISHIN

Vice President of the Free Economic Society of Russia, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В статье рассматриваются основные проблемы и перспективные пути экономического развития РФ на современном этапе. Особое внимание уделено таким вопросам, как импортозамещение, уровень оплаты труда, социальное неравенство и переход к новому технологическому укладу. Объектом исследования являются тенденции развития социально-экономических процессов в стране. Цель статьи – разработка подходов к формированию приоритетов развития экономики РФ на современном этапе. На основе проведенного исследования делается вывод о необходимости развития системы стратегического планирования и прогнозирования в стране, формирования механизма отбора и развития новых технологий и новых способов производства продукции и, соответственно, определения и закрепления своего места на новых рынках в целях реализации имеющегося у страны потенциала.

Abstract:

The paper examines major problems and possible paths to economic development of Russia at the present time. Attention is focused on such issues as import substitution, labour remuneration, social inequality and digitalization of the economy. The object of study is the current socioeconomic situation in the country. The aim of study is to devise a viable development strategy for the Russian economy taking into consideration problems that arise inside the country as well as the increasing pressure of international sanctions. The author of the paper

reaches the conclusion that it is necessary to take first steps in the transition to strategic planning.

Ключевые слова: стратегическое планирование, импортозамещение, оплата труда, социальное неравенство, цифровизация, новый технологический уклад.

Keywords: strategic planning, import substitution, labour remuneration, social inequality, digitalization of economy, new technological paradigm

В последние годы основные показатели, характеризующих развитие российской экономики, показывают положительную, но достаточно низкую по своим темпам динамику. Правда, в 2018 г. рост ВВП РФ (2,3%) превзошел ожидания как российских, так и международных аналитиков. Однако в 2019 г. темпы роста замедлились. За первые пять месяцев ВВП увеличился всего на 0,7% г/г.

Некоторые аналитики называют медленные темпы роста новой экономической нормальностью [1, 2], другие считают, что речь может идти и о затяжной рецессии [3]. В случае оправдания их прогнозов, при сохранении современных тенденций, встает вопрос о возможности достижения поставленных Президентом РФ целей – закрепиться в пятерке крупнейших экономик мира и к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза.

Таким образом, одной из острейших задач, стоящих перед страной на современном этапе, является поиск и реализация новых резервов роста экономики, преодоление барьеров развития, устранение болевых точек, среди которых как технологические – необходимость импортозамещения и смены технологического уклада, так и социальные – уровень оплаты труда и социальное неравенство.

Попыткой преодоления наиболее серьезного барьера в развитии экономики страны, введенных западными странами санкций, на протяжении ряда последних лет стала программа импортозамещения, которой в текущем году исполняется пять лет. Это, несомненно, рубеж, по итогам которого можно анализировать достигнутые результаты и оценивать сильные и слабые стороны взятого курса [4]. Результаты, безусловно, есть. Но они не впечатляющие. Доля предприятий российской промышленности, приобретающих отечественное оборудование, сократилась за последние три года на 10%, в то время как закупки импортных машин выросли (новое оборудование приобрели 38% компаний).

Примерно четверть приобретаемых новых автомобилей являются отечественными. Но собираются российские автомобили частично

из импортируемых деталей. Например, на российском концерне АвтоВАЗ при производственном процессе используется только 70% отечественных комплектующих, 30% деталей поставляется из других стран. Аналогичная ситуация сложилась в авиастроении. Еще сложнее обстоят дела в высокотехнологических отраслях промышленности, в том числе IT и электронике.

Несмотря на масштабную государственную поддержку агропромышленного комплекса, говорить о преобладании российских продуктов питания, к сожалению, не приходится. Импортзамещение молочной продукции происходит путем добавления импортных компонентов. Твердые сыры частично вытесняются плавлеными с одновременным снижением качества производства твердых сыров. Значительная часть картофеля, продаваемого в российских магазинах, поставляется из Египта. Объясняется это отсутствием оборудованных хранилищ для заготовки овощей на зиму – легче импортировать овощную продукцию из другой страны, чем создавать условия для развития собственного производства.

Очевидно, что пять лет – это не столь большой срок для реализации задачи подобной сложности, однако набранные темпы не вызывают оптимизма. Сегодня назрела необходимость пересмотреть отдельные аспекты политики импортзамещения, необходимо проанализировать динамику данного процесса в секторах экономики, определить те сферы, где импортзамещение нецелесообразно, а где в принципе невозможно, избрать при реализации данной задачи дифференцированный подход, сделав ставку не на полное замещение всей импортируемой продукции отечественной, а на развитие производств, располагающих собственными заделами, развивать те из них, которые будут актуальны в начале 2020-х гг.

России необходимо четко осознать свои приоритеты. Во многом это уже сделано в форме национальных проектов. Сегодняшнее вложение средств в науку, образование, здравоохранение – это инвестиции в качество жизни сегодняшнего поколения и в будущее развитие. Однако, наряду с развитием человеческого капитала, нам необходимо воссоздать индустриальный фундамент экономического развития [5]. А для этого нужна четкая стратегия индустриального возрождения, декомпозированная в комплексную систему индикативного планирования.

В настоящее время серьезным вызовом для любого государства являются процессы цифровизации социально-экономической деятельности. Ведущие страны приняли программы по трансформации своих экономик с учетом новых технологий и возможностей. К сожалению, отставание России от ведущих экономик в области цифровизации довольно существенно. Согласно данным Международной федерации робототехники, в России на 10 тыс. рабочих приходится 3 промыш-

ленных робота, в то время как в среднем по всему миру – 69, а в странах, лидирующих по уровню цифровизации, – более 100. Доля станков с числовым программным управлением в Японии составляет более 90%, в Германии и США – более 70%, в Китае – около 30%, а в России – лишь 10% с прогнозом роста до 33% к 2020 году.

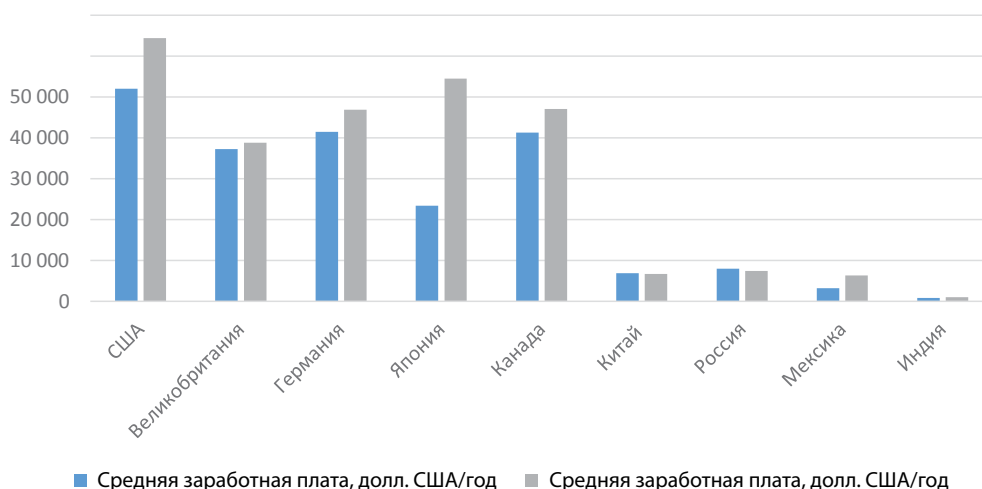
На данный момент еще не стали технологиями широкого применения 3D-печать, беспилотные автомобили, биоинженерия, нейротехнологии. Однако очевидно, что в ближайшем будущем они будут развиваться и существенно удешевляться, что в конечном итоге приведет к их массовому использованию. Все это будет еще больше трансформировать рынки и отрасли, ставить под угрозу положение сегодняшних лидеров и давать большие возможности компаниям и странам, которые сумеют правильно предвидеть будущее.

Таким образом, перед нашим государством стоит непростая задача – извлечь из сложного процесса смены технологического уклада выгоды для экономики и общества, снизив при этом негативные последствия. Поскольку бизнес-сообщество более оперативно реагирует на изменения и активно внедряет новые технологии и практики – необходимо грамотное взаимодействие государства и бизнеса. Прямое государственное финансирование процесса цифровизации (большее распространение широкополосного интернета в удаленные населенные пункты, социальные учреждения, повышение цифровой грамотности населения, капитальные вложения в новые разработки и т.п.) должно сопровождаться косвенной поддержкой частного сектора.

Необходимо правильно выстроить систему финансовых и нефинансовых стимулов для создания и развития бизнеса, включая налоговые льготы для компаний новых отраслей экономики. Особенно важна поддержка малого бизнеса, так как именно он является генератором инноваций, в том числе цифровых.

Рисунок 1.
Сравнительный
уровень оплаты
труда в разных
странах

Источник:
данные
с официальных
сайтов
статистических
ведомств
соответствующих
стран

Одним из приоритетных проектов национального масштаба должна стать борьба с бедностью. Здесь необходимо вести речь не только об адресной помощи малоимущим, но и о существенном повышении оплаты труда, которая в настоящее время находится на относительно низком уровне (рис. 1).

С одной стороны, низкий уровень оплаты труда может быть полезен для догоняющего развития: локализация производства, относительно низкая себестоимость товаров и услуг. Однако, с этой точки зрения, мы все равно уступаем таким странам, как Китай, Индия и др. С другой стороны, низкий уровень оплаты труда порождает такие негативные последствия, как низкий объем внутреннего спроса, использование устаревших технологий (неэффективность замещения труда капиталом), социальную апатию.

Работающие бедные – это не только социальная проблема России, но и угроза ее экономическому развитию. По данным Росстата, доля работников организаций с заработной платой ниже величины прожиточного минимума составляет 7,3%.

Одной из негативных тенденций современного развития мировой экономики выступает обострение проблемы социального неравенства [6]. В настоящее время 1% самых богатых граждан мира контролируют более 50% мирового богатства.

Усиление социальной дифференциации наблюдается в Китае (индекс Джини 0,421), США (индекс Джини 0,411), Канаде (индекс Джини 0,337) и ряде других стран.

Достаточно остро стоит эта проблема и в российской экономике. Сейчас индекс Джини в России равен 0,417 (последние данные на начало 2018 г.), и высока вероятность его дальнейшего роста.

По оценкам швейцарского банка Credit Suisse, в 2018 г. Россия занимает второе место в мировом рейтинге из 40 стран по уровню концентрации богатства после Таиланда. На долю 10% самых обеспеченных людей России приходится 82% всего личного богатства страны. Это выше, чем в США (76%) и Китае (62%). На долю 5% самых обеспеченных людей России приходится 73,7% всего личного богатства страны, на долю 1% самых обеспеченных – 57%.

Следует отметить, что темпы роста неравенства в России продолжают ускоряться. По оценкам Bloomberg, богатейшие граждане России оказались лидерами по приросту состояний в мире. Десять самых богатых людей страны увеличили свои состояния с начала года на 10,8% – больше, чем кто-либо в мире. За ними следуют американские и британские магнаты с ростом на 7,5 и 3,4% соответственно.

Одним из современных методов сглаживания диспропорций в распределении доходов, рассматриваемых в настоящее время правительствами развитых стран, выступает законодательное уста-

новление минимального уровня оплаты труда (МРОТ) на уровне не ниже 60% от медианных зарплат (доходы ниже этого уровня Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет как низкие). Подобные инициативы сейчас обсуждаются в Великобритании (повышение минимальной заработной платы до 60% от медианной оплаты труда для работников в возрасте 25 лет и старше) и США (удвоение минимальной заработной платы до 15 долл. в час – около 70% от средней почасовой заработной платы в стране). Правительство Южной Кореи уже увеличило минимальную заработную плату до двух третей медианной заработной платы (7,2 долл. в час).

Согласно данным Росстата, в апреле 2017 г. медианная зарплата в России составляла 28 345 руб., или 72,9% от средней заработной платы, модальное значение – 17 630 руб., или 45,3% от средней заработной платы. При этом минимальный размер оплаты труда с 1 января 2019 г. – только 11 280 руб. Следуя предлагаемому подходу, размер МРОТ должен составлять не менее 17 тыс. руб.

Опыт развития мировой экономики свидетельствует, что в периоды технологических революций, как правило, происходит изменение конфигурации международного разделения труда. В условиях, когда одновременно отмирают одни отрасли, профессии и виды деятельности, а им на смену приходят другие, появляется шанс вовремя понять намечающиеся тенденции и правильно перегруппироваться. Однако одновременно с благоприятными предпосылками существуют и множество сдерживающих реализацию прорыва факторов, главным из которых являются не внешние, хотя и очень жесткие, условия нынешнего функционирования российской экономики, а внутренняя инерция, сложившиеся балансы интересов.

Трансформационные процессы происходят не только на уровне компаний, но и на уровне стран. Наблюдается все большее расслоение стран в рамках мирового разделения труда: страны, поставляющие преимущественно продукцию добывающей промышленности; страны – производители продукции машиностроения; страны – производители конечных товаров и услуг; страны с высоким уровнем новых научных разработок.

В этих условиях Россия должна уметь прогнозировать развитие новых технологий и новых способов производства и потребления продукции и, соответственно, находить свое место на новых рынках. Иными словами, для того чтобы совершить «прорыв» в развитии российской экономики, необходимо не просто учитывать текущие тренды, нужно правильно определять свое место в будущем и создавать необходимые условия для реализации имеющегося у страны потенциала.

Библиографический список:

1. Рязанов В.Т. Неустойчивый рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2013, сер. 5, № 4, с. 3–33.
2. Абдикеев Н.М., Тепляков А.Ю. Промышленная политика и новая нормальность // Управленческие науки, 2017, № 3, с. 6–11.
3. Автономов В.С. Экономическая теория до и после великой рецессии // Вопросы теоретической экономики, 2018, № 2, с. 58–64.
4. Данилов-Данильян А.В. Процесс импортозамещения в экономике России: особенности и мифы // Вестник института экономики РАН, 2016, № 3, с. 20–37.
5. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «Цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование – 2018, № 2, с. 43–54.
6. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015, 512 с.

List of References:

1. Rjazanov V.T. Neustojchivyj rost kak «novaja normal'nost'»? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2013, ser. 5, № 4, s. 3–33.
2. Abdikeev N.M., Tepljakov A.Ju. Promyshlennaja politika i novaja normal'nost' // Upravlencheskie nauki, 2017, № 3, s. 6–11.
3. Avtonomov V.S. Jekonomicheskaja teorija do i posle velikoj recessii // Voprosy teoreticheskoj jekonomiki, 2018, № 2, s. 58–64.
4. Danilov-Danil'jan A.V. Process importozameshhenija v jekonomike Rossii: osobennosti i mify // Vestnik instituta jekonomiki RAN, 2016, № 3, s. 20–37.
5. Bodrunov S.D., Demidenko D.S., Plotnikov V.A., Reindustrializacija i stanovlenie «Cifrovoj jekonomiki»: garmonizacija tendencij cherez process innovacionnogo razvitija // Upravlencheskoe konsul'tirovanie», 2018, № 2, s. 43–54.
6. Stiglic Dzh. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. M.: Jeksmo, 2015, 512 s.

Контактная информация:

Гришин Виктор Иванович, д.э.н., профессор,
ректор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36
rector@rea.ru

Contact information:

Grishin Viktor Ivanovich, doctor of Economics, Professor
Plekhanov Russian University of Economics, rector
Stremyanny lane 36, Moscow, 117997, Russia
rector@rea.ru

Глобальные сети создания ценности: уроки для России

Global value networks: lesson for Russia

УСТЮЖАНИНА Елена Владимировна

Заведующая кафедрой экономической теории РЭУ имени
Г.В. Плеханова, д.э.н.

Elena V. USTYUZHANINA

Plekhanov Russian University of Economics, head of department, Doctor
of Economics

Аннотация:

В работе проверяются гипотезы о закономерностях распределения добавленной стоимости между участниками глобальных сетей создания ценности. Проверка проводится для сетей – производителей конечной продукции на рынках авиастроения, автомобилестроения и фармацевтики. Расчеты свидетельствуют о том, что устоявшиеся представления о распределении добавленной стоимости в пользу интеграторов сетей, разработчиков продукции (стадия R&D) и производителей продукции более высокого передела не подтверждаются. Вместе с тем значительную долю добавленной стоимости оттягивают на себя производители ключевых компонентов.

Abstract:

The paper discusses various assumptions about distribution of value added between members of global value chains. The objects of study are networks whose final goods and services are produced in aerospace, automotive and pharmaceutical industries. The calculations show that the most popular theories of value-added distribution in favour of chain integrators, product developers (at the R&D stage) and suppliers who are close to the end consumer are not true. The most important factor in the distribution of value added is the location of a company. At the same time, producers of key parts are those who get a vast share of value added.

Ключевые слова: Сети, глобальные цепи создания ценности, добавленная стоимость, улыбающаяся кривая, авиастроение, автомобилестроение, фармацевтика.

Keywords: Networks, global value chains, value added, smiling curve, aerospace industries, automotive and pharmaceutical industries.

В современном мире международное сотрудничество в экономической сфере выходит за рамки торгового взаимодействия. Новой формой кооперации становится участие в глобальных сетях создания ценности. Согласно подготовленному для Саммита лидеров стран G-20 в 2013 г. документу «Последствия глобальных цепочек создания стоимости для торговли, инвестиций, развития и занятости», глобальные цепочки создания ценности, координируемые многонациональными корпорациями, занимают в настоящее время 80% мировой торговли [1].

В англоязычной литературе обычно используется устоявшийся термин «value chain» (цепочки создания стоимости (ценности)). Вместе с тем устойчивые кооперационные связи трактуются как сети. С нашей точки зрения, терминологически более корректно говорить именно об одном из видов сетей [2]. Просто сети могут иметь место и тогда, когда объединяются компании, занятые однородными видами деятельности (альянсы), и при объединении взаимодополняемых видов деятельности (сети создания ценности).

Россия участвует в глобальных сетях создания ценности в области самолетостроения, двигателестроения, автомобилестроения, животноводства и др. преимущественно на стадии конечного производства и дистрибуции. То есть своим партнерам она интересна, прежде всего, как рынок сбыта. Хотя есть и исключения – поставки российских титановых изделий для «Boeing» и «Airbus», двигателей для американских ракет. Однако основными продуктами нашего экспорта являются энергоресурсы, черные и цветные металлы (в сумме более 60% экспорта по добавленной стоимости).

В настоящее время, когда встает вопрос об изменении положения нашей страны в мировом разделении труда, актуальной становится задача поиска вектора этого изменения. Если отбросить в сторону идею тотального самообеспечения (полного импортозамещения), то эту проблему можно переформулировать в терминах определения своего места в глобальных сетях создания ценности.

В настоящее время наиболее распространенными являются гипотезы о том, что основную долю добавленной стоимости оттягивают на себя:

(а) компании-интеграторы сетей;

- (б) компании, располагающиеся на крайних звеньях сети (разработка и послепродажное обслуживание продукта);
 (в) компании, производящие продукцию более высокой стадии передела.

Одним из первых эти гипотезы выдвинул основатель компании Асер, Стэн Ши [3]. Он предложил кривую, которая указывала на соотношение стадии производства и получаемой добавленной стоимости. Впоследствии данная кривая получила название «Smiling curve» и была использована Джереффи и Хамфри [4] в их исследованиях по распределению добавленной стоимости. В соответствии с их наблюдениями, наиболее прибыльные звенья располагаются по краям цепочки, а наименее прибыльные – в центре.

Гипотезу о распределении добавленной стоимости в пользу интегратора мы проверили на примере двух отраслей: авиастроение и автомобилестроение. Выбор отраслей определялся двумя соображениями: (1) наличием явных мировых сетей создания ценности; (2) работой в различных рыночных условиях (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики выбранных отраслей

	Вид рынка	Рыночная структура	Государственное участие
Авиастроение	B2B	Олигополия	Сильное
Автомобилестроение	B2C	Монополистическая конкуренция	Минимальное

Добавленную стоимость компании можно оценить как сумму двух величин: операционной прибыли и затрат компании на оплату труда. Однако сравнение компаний из разных отраслей по абсолютным значениям данных показателей не будет являться корректным, поскольку на эти показатели, помимо участия в сети, будут оказывать влияние такие факторы, как размер компании, капиталоемкость и трудоемкость производства. Поэтому за основу сравнения были взяты два относительных показателя:

- средняя заработная плата – W
- рентабельность активов компании – $ROTA = EBIT/TA$, где EBIT – операционная прибыль (earning before interests & taxes); TA – балансовая стоимость активов компании.

Рассчитывались также два специальных показателя, характеризующих отношение средней заработной платы и рентабельности активов компаний партнеров к аналогичным показателям компании интегратора:

- относительный уровень заработной платы:

$$S_i = W_i / W_f$$

где W_f – средняя заработная плата компании-интегратора;

- относительная рентабельность активов:

$$R_i = \text{ROTA}_i / \text{ROTA}_f$$

где ROTA_f – рентабельность активов компании-интегратора.

Результаты расчетов приведены в таблицах 2 и 3. Данные для расчета рентабельности активов брались с официальных сайтов компаний (средние за 2015–2017 гг.). Данные о средней заработной плате – со специализированных сайтов по трудоустройству в странах дислокации головной компании.

Таблица 2. Относительная рентабельность активов и относительная величина заработной платы в сетях создания ценности в авиастроении

Компании-интеграторы	Boeing CA	Airbus	Embraer	Bombardier
Доля рынка, %	42	41	5,8	4,2
Рентабельность активов, %	8,3	5,5	2,6	5,4
Средняя заработная плата, долл.	85 000	81 937	73 000	72 841
Компании-партнеры	R_i / S_i			
General Electric, США	1,78 / 1,08	2,70 / 1,12	2,71 / 1,26	5,75 / 1,66
Rolls-Royce, Великобритания	0,86 / 0,87	1,31 / 0,90	1,32 / 1,01	
Pratt & Whitney, США	0,87 / 1,04	1,07 / 1,07		
Spirit Aero Systems, США	1,63 / 0,87	2,47 / 0,90		
3M Aerospace Sealants, США	2,63 / 0,96		4,01 / 1,01	
Zodiac aerospace, Франция	1,09 / 0,93	1,65 / 0,97		
GKN Aerospace, Великобритания	1,77 / 0,89	2,68 / 0,93		

Источник: рассчитано авторами на основе данных с официальных сайтов компаний

Таблица 3. Относительная рентабельность активов и относительная величина заработной платы в сетях создания ценности в автомобилестроении

Компании-интеграторы	Toyota Motor	Volkswagen	Daimler	General Motors	Ford Motor	Honda Motor
Доля рынка, %	9,46	7,38	2,76	4,39	5,83	5,39
Рентабельность активов, %	4,8	7,3	3,9	1,9	1,2	5,6
Средняя зарплата, долл.	65 000	77 970	64 410	82 000	82 000	64 000
Компании-партнеры	R_i / S_i					
Robert Bosch GmbH, Германия	1,3 / 1,3	0,9 / 1,1	1,6 / 1,3	3,3 / 1,0	5,3 / 1,0	1,1 / 1,3

Denso Corp., Япония	1,4 / 1,3	0,9 / 1,1	1,7 / 1,3	3,5 / 1,0	5,6 / 1,0	1,2 / 1,3
Continental AG, Германия	5,0 / 1,1	3,3 / 0,9	6,1 / 1,1	12,5 / 0,9	19,8 / 0,9	4,3 / 1,1
Magna International Inc., Канада	4,9 / 0,8	3,2 / 0,7	6,0 / 0,8	12,3 / 0,6	19,4 / 0,6	4,2 / 0,8
Aisin Seiki Co., Япония	3,9 / 1,1	2,5 / 0,9	4,7 / 1,1	9,7 / 0,9	15,4 / 0,9	3,3 / 1,1
Siemens, Германия		3,5 / 1,0			21,3 / 1,0	4,6 / 1,3
Toyota Boshoku Corp., Япония	0,9 / 0,9	0,6 / 0,8	1,1 / 0,9	2,2 / 0,7		
JTEKT Corp., Япония	1,5 / 1,0	1,0 / 0,8	1,8 / 1,0	3,7 / 0,8	5,8 / 0,8	1,2 / 1,0
Lear Corp, США	2,8 / 1,1	1,8 / 0,9	3,4 / 1,1	7,0 / 0,9	11,2 / 0,9	2,4 / 1,1
Valeo, Франция	1,7 / 1,1	1,1 / 0,9	2,1 / 1,1	4,3 / 0,8	6,8 / 0,8	1,5 / 1,1

Источник: рассчитано авторами на основе данных с официальных сайтов компаний

Как видно из таблиц, при сопоставимых уровнях оплаты труда (диапазон показателя S_i колеблется в среднем от 0,8 до 1,3) рентабельность активов в подавляющем большинстве случаев выше не у компаний-интеграторов, а у их партнеров (поставщиков и подрядчиков). Для некоторых интеграторов (Ford Motor) это можно объяснить очень низким значением показателя рентабельности самой компании. В других случаях имеет место очень высокое значение данного показателя для компании-поставщика (General Electric). Но в среднем четко прослеживается закономерность: показатель R_i – отношение рентабельности компании-партнера к рентабельности компании-интегратора, как правило, больше единицы.

Таким образом, широко распространенная точка зрения, что компания-интегратор оттягивает на себя большую долю добавленной стоимости, не нашла своего подтверждения. Фактические данные свидетельствуют о том, что в машиностроении (авиастроение и автомобилестроение) имеет место своего рода реципрокный обмен власти на экономическую выгоду: компании-интеграторы соответствующих сетей получают относительно меньшую долю экономической ренты, чем их поставщики, сопоставимые по доле рынка, уровню заработной платы и сложности технологий.

Одновременно не нашла своего подтверждения и гипотеза о том, что более высокая стадия передела в создании продукции сопровождается большей долей добавленной стоимости. Наоборот, поставщики ключевых комплектующих имеют более высокую рентабельность активов, чем производители конечной продукции.

Гипотезу «Smiling curve» мы проверили для такой наукоемкой отрасли, как фармацевтика. В таблице 4 представлены данные о показателях рентабельности активов и средней заработной плате основных компаний отрасли, разработчиков лекарственных препаратов и заводов по производству конечной продукции.

Таблица 4. Рентабельность активов и средняя заработная плата в сетях создания ценности в фармацевтике

	Доля рынка, %	ROTA, %	Wi, долл.
Фармацевтические компании			
Roche, Швейцария	4,5	21,6	97 579
Pfizer, США	4,4	8,4	95 885
Sinopharm, Китай	4,0	6,7	11 954
Novartis, Швейцария	4,1	6,9	105 311
GlaxoSmithKline, Великобритания	3,4	8,7	94 194
Johnson & Johnson, США	3,4	13,7	92 226
Merck & Co, США	3,3	9,4	116 722
Разработчики препаратов			
Eurofins, Бельгия	6,5		73 029
Laboratories Ranbaxy (Sun Pharma), Индия	13,9		21 958
Strides Shasun Limited, Индия	11,2		14 914
Shanghai Pharmaceuticals, Китай	4,9		2 366
WuXi Biologics, Китай	8,6		4 120
Заводы по производству лекарственных препаратов			
Catalent Pharma Solutions, США	7,4		93 596
GlaxoSmithKline Manufacturing, Италия	8,7		118 314
Sumitomo Pharmaceuticals, Япония	7,5		116 774
НПО Петровакс ФАРМ, Россия (Москва)	31,9		10 363
BRISTOL-MYERS SQUIBB, Пуэрто-Рико	13,3		88 601
Boehringer Ingelheim Pharma, Германия	11,1		94 875
ПОЛИСАН НТФФ, Россия (Петербург)	18,8		5 811

Источник: рассчитано авторами на основе данных с официальных сайтов компаний

Как видно из данных таблицы 4, величина добавленной стоимости, приходящаяся на долю различных участников сети, объясняется не их местом в сети создания стоимости, а, прежде всего, страной дислокации. При этом фармацевтические компании из России отличаются очень высокой рентабельностью активов и очень низким уровнем оплаты труда.

Таким образом, в результате проведенных исследований были опровергнуты общераспространенные гипотезы о том, что наиболь-

шая доля добавленной стоимости приходится на таких участников сети, как интегратор, разработчик продукции (сфера R&D), производитель продукции более высокой стадии передела.

Вместе с тем были выявлены следующие закономерности: с точки зрения распределения добавленной стоимости, выигрывает не тот, кто производит продукцию более высокого передела, а тот, кто производит ключевые комплектующие; основную роль в распределении добавленной стоимости играет уровень оплаты труда в стране дислокации компании; вложения в исследования и разработки необходимы, но сами по себе они не могут изменить долю компаний в распределении добавленной стоимости.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- существующее место России в глобальных сетях создания стоимости нельзя признать удовлетворительным;
- Россия должна определиться со своими приоритетами в международном разделении труда, а не стремиться занимать высококонкурентные ниши;
- целесообразно заимствовать опыт Китая и Южной Кореи в реформировании своей роли в сетях создания стоимости.

Библиографический список:

List of References:

1. UNCTAD. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. Geneva: United Nations Conference for Trade and Development, World Investment Report, 2013.
2. Дементьев В.Е., Евсюков С.Г., Устюжанина Е.В. Гибридные формы организации бизнеса: к вопросу об анализе межфирменных взаимодействий // Российский журнал менеджмента, 2017, т. 15, № 1, с. 89–122. – Dement'ev V.E., Evsyukov S.G., Ustyuzhanina E.V. Gibridnye formy organizacii biznesa: k voprosu ob analize mezhfirmennyh vzaimodejstvij // Rossijskij zhurnal menedzhmenta, 2017, t. 15, № 1, s. 89–122.
3. The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy // World Economic Forum, 2012, p. 21.
4. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The Governance of Global Value Chain // Review of International Political Economy, February 2005, 12 (1), p. 78–104.

Контактная информация:

Устюжанина Елена Владимировна, д.э.н, заведующая кафедрой экономической теории РЭУ имени Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36

Contact information:

[Ustyuzhanina Elena Vladimirovna, doctor of Economics Plekhanov Russian University of Economics, head of department
Stremyanny lane 36, Moscow, 117997, Russia
dba-guu@yandex.ru](mailto:dba-guu@yandex.ru)

Глобализация 4.0 и Россия

Globalization 4.0 and Russia

ХЕЙФЕЦ Борис Аронович

Профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник Института экономики РАН, д.э.н., профессор

Boris A. KHEYFETS

Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация:

В статье рассматривается такой новый феномен, как Глобализация 4.0, становящийся новым этапом развития глобализации. Глобализация 4.0, драйвером которой является интернет и цифровые технологии, стала ответом скептикам, предсказывающим закат глобализации. Показываются основные тенденции развития Глобализации 4.0 и связанные с ними новые вызовы для национальных экономик. Анализируется участие России в Глобализации 4.0 и меры по ускорению структурно-технологической модернизации ее экономики.

Abstract:

The article deals with such a new phenomenon as Globalization 4.0, becoming a new stage in the development of globalization. Globalization 4.0, the driver of which is the Internet and digital technologies, has become the answer to skeptics who predict the decline of globalization. The main trends in the development of Globalization 4.0 and new problems arising in this connection are shown. Among them are the threats of technological wars leading to the dispersion of resources and technological protectionism. There is a growing role of technological power in the conditions of the new industrial revolution, which in many respects determines the real economic power. In terms of participation in modern processes of globalization, Russia is still lagging behind the leading countries in several important areas (digitalization, automation, etc.). The measures taken by the Russian

government to accelerate the structural and technological modernization of the economy are considered. It is noted that it is necessary to expand international cooperation in this regard, primarily in the framework of the Eurasian Economic Union and BRICS.

Ключевые слова: Глобализация 4.0, цифровизация, автоматизация, технологическая власть, технологические войны, структурно-технологическая модернизация, национальные проекты.

Keywords: Globalization 4.0, digitalization, automation, technological power, technological wars, structural and technological modernization, national projects.

Глобализация 4.0 стала одной из центральных тем Всемирного экономического форума в Давосе в январе-феврале 2019 г.

Есть два подхода в понимании этого термина. Во-первых, это позиция Клауса Шваба (Klaus Schwab) – основателя и исполнительного директора ВЭФ. Она заключается в том, что Глобализация 4.0 является следствием четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) [1].

Во-вторых, это подход Ричарда Балдвина (Richard Baldwin), профессора международной экономики, Женевского Института высшего образования [2]. Балдвин считает, что Глобализация 4.0 – это следующий этап после Глобализации 1.0 (с 1800-х гг. до второй мировой войны, разные фазы, в основном торговая глобализация), Глобализации 2.0 (после второй мировой войны до начала финансовой глобализации) и Глобализации 3.0 (стадия ускорения глобализации с 1980-х годов, когда активно стали развиваться ее различные составляющие).

Для данной статьи различия этих подходов не принципиальны, так как они совпадают в главном. Глобализация 4.0 – это новый этап глобализации, связанный с появлением и развитием принципиально новых технологий четвертой промышленной революции.

В период после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. проявились некоторые тенденции в развитии глобальной экономики, заставившие говорить о закате экономической глобализации. Это проявилось в стагнации традиционных трансграничных потоков – мировой торговли и финансовых операций. Последние, как известно, в 1980-е годы были драйвером глобализационных процессов и вызвали качественно новое явление – финансовую глобализацию, стимулировавшую экономическую глобализацию в целом.

Можно выделить две основные причины, позволившие отдельным экспертам и политикам сделать вывод о закате глобализации. Во-первых, это усиление протекционизма и экономического национализма

в мировой торговле и инвестициях, которое в своих крайних формах стали приобретать характер экономических войн.

Во-вторых, значительно усилились процессы трансрегионализации, которые приводят к формированию экономических союзов, где снимаются практически все тарифные и нетарифные барьеры для свободного движения товаров, услуг и инвестиций. Что создает определенные препятствия для третьих стран и в конечном счете для развития соответствующих глобальных потоков активов [3].

Хотя в 2017–2018 гг. намечилось восстановление роста мировой торговли, перспективы глобализации все больше будет определять трансграничный обмен информацией и услугами по современным каналам связи. В этом плане интересны оценки экспертов DHL, использовавших относительные показатели динамики трансграничных потоков различных активов (см. рис. 1).

Рисунок 1.
Динамика
различных
трансграничных
потоков активов,
2001 г. – 100%

Источник: [4]

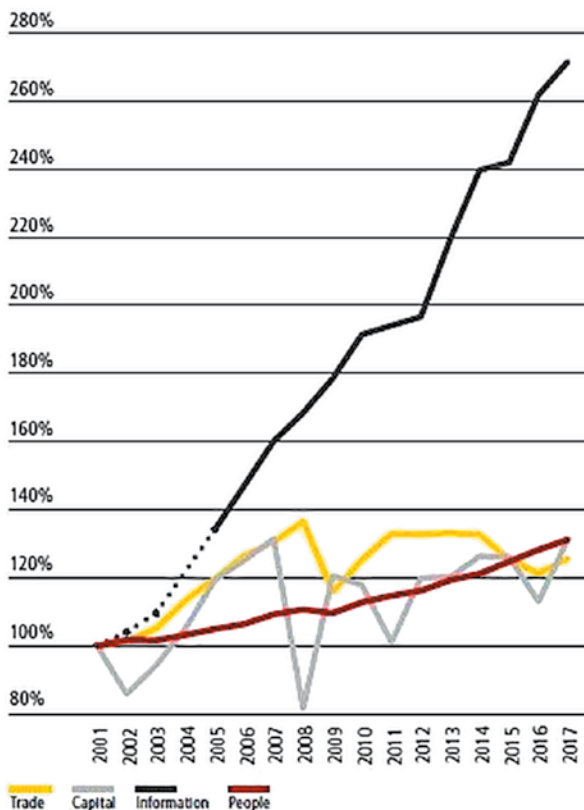

Рисунок показывает взрывной рост трансграничных потоков информации, которые отражают данные по объемам интернет-трафика и телефонной связи. Действительно, интернет и цифровизация – драйверы нового этапа глобализации, которые во многом создают условия для развития других главенствующих технологий четвертой промышленной революции. Интернет и цифровизация создают специфические цепочки поста-

вок во всех секторах глобальной экономики, которые с минимальными издержками преодолевают трансграничные барьеры. В этом смысле Глобализация 4.0 – это ответ оппонентам, говорящим о конце глобализации.

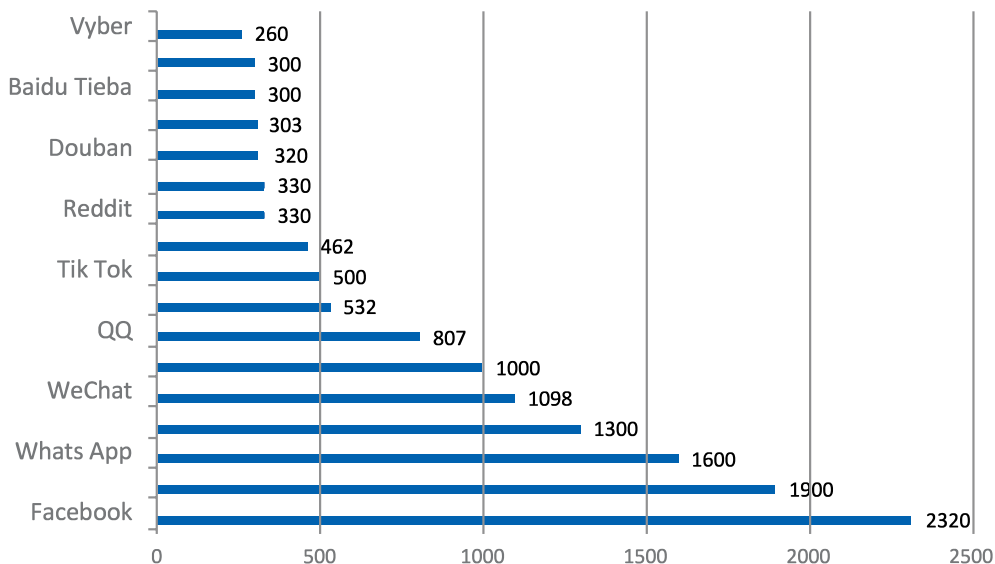
По одному из прогнозов, к 2025 г., трансграничные потоки Интернета могут стоить больше, чем текущая глобальная торговля товарами, или около 20 трлн долл. [5].

На 1 апреля 2019 г. доступ к интернету имели свыше 4,3 млрд человек, или 56% всего населения земли (в 1995 г. соответствующие показатели были 15 млн человек и 0,39%).

Например, на 1 апреля 2019 г. у лидеров – цифровых платформ Facebook, WhatsApp, WeChat и других число активных пользователей было выше 1 млрд человек, что превышает или сопоставимо с численностью населения крупнейших государств мира (см. рис. 2).

Рисунок 2.
Число
пользователей
популярных
социальных
сетей, на 1 апреля
2019 г., млн чел.

Источник: [6]

В то же время у Глобализации 4.0 появились серьезные вызовы. Они связаны с появлением нового явления – технологических войн, которые становятся составной частью современных экономических войн. Ярчайшим проявлением данных технологических войн стала политика США в отношении китайской Huawei.

Экономическое лидерство сейчас захватывают страны, добившиеся успехов в технологическом развитии. Фактически можно говорить о появлении такого феномена развития глобальной экономики как технологическая власть, во многих отношениях определяющая реальную экономическую власть. Если экономика не опирается на современные технологические достижения, у нее нет долгосрочных перспектив развития.

Угроза технологической изоляции может стать серьезной проблемой экономического роста для многих стран в условиях четвертой технологи-

ческой революции. У отдельных государств появились намерения создать возможности для отключения национального сегмента интернета от всемирной сети как меры по обеспечению безопасности при возрастании глобальных киберугроз. В условиях технологической изоляции некоторые государства вынуждены увеличивать затраты на разработки существующих технологических аналогов, причем получаемые продукты могут существенно уступать имеющимся лучшим мировым образцам. Такая политика требует отвлечения значительных материальных ресурсов и несет потенциальную угрозу для экономического роста и развития внешних связей.

Ответ России на вызовы Глобализации 4.0 заключается в стремлении ускорить структурно-технологическую модернизацию страны на основе освоения технологий четвертой промышленной революции. Президент РФ неоднократно отмечал жизненную важность для страны технологического прорыва, а необходимость принципиального изменения структуры экономики для обеспечения развития на перспективу он назвал сверхзадачей для Российской Федерации.

Для названных системных изменений складываются не вполне благоприятные условия. После глобального финансово-экономического кризиса и введения западных экономических санкций наблюдался слабый экономический рост России, который уступал среднемировым показателям. Это привело к снижению ее удельного веса в глобальном ВВП. По данным МВФ, доля России в мировом ВВП (по ППС) сократилась с 3,62% в 2010 г. до 3,15% в 2017 г. и 3,09% в 2018 г., а, по прогнозам, в 2023 г. составит 2,8%.

Чрезвычайно важным обстоятельством с точки зрения участия России в процессах Глобализации 4.0 является ее технологическое отставание по некоторым ключевым направлениям. В этом плане интересны данные Глобального Инновационного Индекса (ГИИ), дающего представление об уровне развития и внедрения инноваций на основании мониторинга 126 стран мира. При составлении этого рейтинга учитываются более чем 80 параметров – количество поданных патентов в ключевых отраслях экономики, расходы на образование и науку, динамика внедрения инноваций и скорость их продвижения от патентного бюро до практического воплощения и т.п. В ГИИ-18 Россия оказалась на 46-м месте (в ГИИ-17 было 45-е), оказавшись между Вьетнамом и Чили.

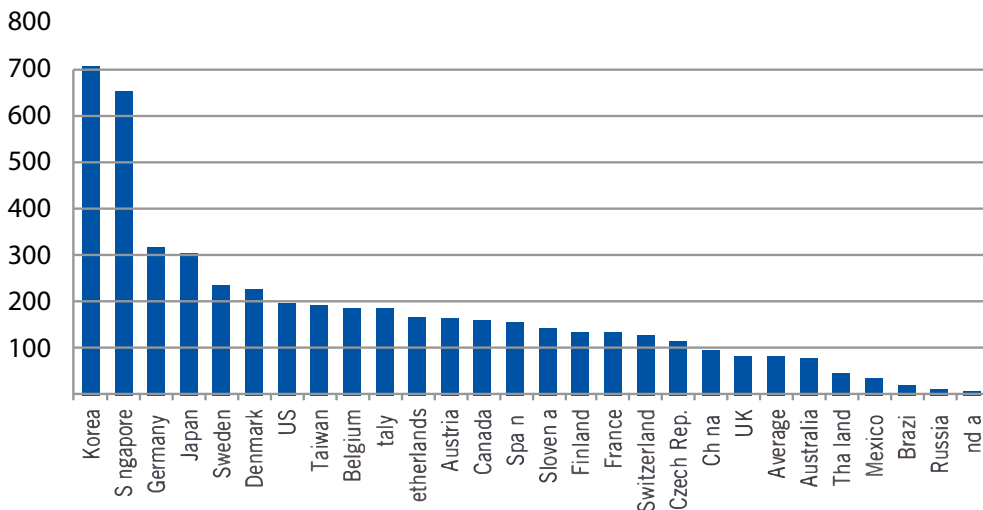
Несмотря на некоторые успехи последних лет, Россия пока отстает от лидеров в развитии цифровой экономики, которая уже сейчас является ключевой предпосылкой для экономического роста. Внедрение цифровых технологий в обрабатывающей промышленности увеличивает выпуск на одного работника на 30% и снижает затраты на рабочую силу на 30% в среднесрочной перспективе [7].

Задержка России в освоении цифровых технологий, по оценкам аналитиков VCG, составляет около 5–8 лет. Если не предпринимать усилий, то уже через 5 лет этот разрыв в силу высокой скорости глобальных изменений и инноваций может составить 15–20 лет [8].

Россия отстает от стран-лидеров по многим параметрам автоматизации производства. Это касается, например, процессов роботизации, которые предлагают высокий уровень производительности труда, его точности и безопасности, а также играют ключевую роль в новых цифровых производственных средах (см. рис. 3).

Рисунок 3.
Число
промышленных
роботов на 10 тыс.
занятых
в производстве
на начало 2018 г.,
единиц

Источник: [9]

Огромное значение для ускорения структурно-технологической модернизации России и активизации ее участия в Глобализации 4.0 имеет реализация Национальной технологической инициативы, предполагающая создание 9 рынков новейшей продукции, и 13 национальных проектов, разрабатываемых с мая 2018 г.

В составе национальных проектов имеется проект «Цифровая экономика», который охватывает практически все сферы экономики. Он предусматривает:

- увеличение затрат на развитие цифровой экономики не менее чем в три раза по сравнению с 2017 г.;
- использование преимущественно отечественного программного обеспечения органами власти и местного самоуправления;
- обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных;
- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания госуслуг;
- преобразование здравоохранения, образования, промышленности, сельского хозяйства, строительства, городского хозяйства, транспортной и энергетической инфраструктуры, финансовых услуг посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений.

Предполагается, что к 2025 г. только реализация проекта «Цифровая экономика» позволит увеличить ВВП страны на 4,1–8,9 трлн руб.

Важно подчеркнуть, что для реализации национальных проектов создана мощная материальная база. К 2024 г. на них будет потрачено более 25 трлн руб.

Предполагается, что к 2025 г. только цифровизация экономики России (один из нацпроектов) позволит увеличить ВВП страны на 4,1–8,9 трлн руб.

Развиваются и другие направления, связанные с технологиями Четвертой промышленной революции. Так, в мае 2019 г. утверждена федеральная программа развития искусственного интеллекта (ИИ), на финансирование которой выделяют 90 млрд руб. до 2024 г. Цель программы – довести долю крупных, средних компаний и органы госвласти, использующих ИИ, до 10% в 2024 году и до 20% – в 2030 г. Предусматривается, что российские разработчики должны создать к 2024 г. системы ИИ, которые будут превосходить человека в решении узких задач, а к 2030 г. – в широких.

У России наблюдаются определенные успехи в увеличении экспорта программного обеспечения. Если в 2003 г. он составил 0,3 млрд долл., то в 2018 г. – уже 10,3 млрд долл. Это очень перспективное направление увеличения несырьевого экспорта. Но пока нам далеко до Индии, которая за относительно небольшой период времени стала вторым в мире экспортером IT-услуг (в 2017–2018 финансовом году (ф. г.) – 126 млрд долл., что сопоставимо с 36% всего российского экспорта в 2017 г., в то время как в 2000–2001 ф. г. этот экспорт был около 5 млрд долл.). Индийские IT-компании создали более 1000 глобальных центров продаж своих услуг примерно в 80 странах мира [10]. Эту проблему понимает российское правительство, которое в 2017 г. учредило российский Фонд развития информационных технологий для продвижения отечественного софта за рубежом.

Еще одно новое направление – экспорт российских компаний, участвующих в интернет-торговле. В 2016–2018 гг. он увеличился почти в 2 раза – с 430 млн долл. до 746 млн долл. Драйверы рынка – крупные интернет-магазины: Wildberries, LaModa, KupiVIP. Потенциал розничного онлайн-экспорта России в ближайшие 5 лет оценивается в 10 млрд долл.

Важную роль в реакции России на вызовы Четвертой промышленной революции должно сыграть расширение международного сотрудничества. Прежде всего это касается ее самого тесного интеграционного объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В ЕАЭС поставлена задача создания общего цифрового пространства, разрабатывается «дорожная карта» сотрудничества в области цифровых технологий. Общее цифровое пространство предполагает создание совместных цифровых платформ для интернет-торговли, торговли ценными бумагами, госзакупок, взаимных платежей (платежная система) и переводов, телефонной связи (база для отмены роуминга внутри ЕАЭС), дистанционной медицинской помощи, дистанционного обучения

и переквалификации работников в связи с внедрением новых технологий, услуг по программированию, 3D-печати, обмена новостной информацией, телепрограммами, сериалами и художественными фильмами, электронного нотариата, информационной базы научных публикаций, аренды жилья и нежилых помещений, поиска работы и мест учебы, грузовых и пассажирских перевозок, услуг по строительству, помощи в домашнем хозяйстве, уходе за детьми и престарелыми и т.п.

Общие цифровые платформы облегчат включение ЕАЭС в другие экономические союзы, где наблюдаются аналогичные тенденции. Страны ЕАЭС могут принять участие в разработке и совместном использовании новых платформ БРИКС. Например, специальной облачной платформы BRICS Pay, с помощью которой можно будет оплачивать покупки в любой из пяти стран данной группы вне зависимости от валюты средств на счете покупателя.

Библиографический список:

1. Schwab K. (2018) *Globalization 4.0 – what does it mean?* URS: <https://www.weforum.org/agenda/2018/11/globalization-4-what-does-it-mean-how-it-will-benefit-everyone/>.
2. Baldwin R. (2019) *The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics, and the Future of Work*. Oxford University Press.
3. Хейфец Б.А. *Новые экономические меганартнерства и Россия*. – СПб: Алетея, 2019.
4. Altman S., Chemawat P., Bastian Ph. (2019) *DHL Global Connectedness Index 2018*. *The State of Globalization in a Fragile World*. P. 17. URS: <https://www.logistics.dhl/content/dam/dhl/global/core/documents/pdf/glo-core-gci-2018-full-study.pdf>.
5. Wyne A. (2018) *Economic Multilateralism and regionalism*. URL: <https://www.rand.org/blog/2018/01/economic-multilateralism-and-regionalism.html>
6. Statista (2019) *Most famous social network sites worldwide as of April 2019, ranked by number of active users (in millions)*. URS: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/>.
7. Bhattacharya A., Bürkner H-P., Bijapurkar A. (2016) *What You Need to Know About Globalization’s Radical New Phase*. URL: <https://www.bcgperspectives.com/content/articles/>.
8. Институт экономики РАН. (2018) *Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы: Коллективный научно-аналитический доклад. Под редакцией д.э.н. Е.Б. Ленчук*. – М.: 2018. С. 9.
9. HABR (2018) *Исследование IFR: количество промышленных роботов в России по-прежнему ничтожно*. URS: <https://habr.com/ru/post/431320/>
10. IBEF (2018) *IT & ITeS Industry in India*. URL: <https://www.ibef.org/industry/information-technology-india.aspx>.

- List of References:**
1. Schwab K. (2018) *Globalization 4.0 – what does it mean?* URS: <https://www.weforum.org/agenda/2018/11/globalization-4-what-does-it-mean-how-it-will-benefit-everyone/>.
 2. Baldwin R. (2019) *The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics, and the Future of Work*. Oxford University Press.
 3. Hejfec B.A. *Novye jekonomicheskie megapartnerstva i Rossija*. SPb: Aletejja, 2019.
 4. Altman S., Chemawat P., Bastian Ph. (2019) *DHL Global Connectedness Index 2018*. *The State of Globalization in a Fragile World*. P. 17. URS: <https://www.logistics.dhl/content/dam/dhl/global/core/documents/pdf/glo-core-gci-2018-full-study.pdf>.
 5. Wyne A. (2018) *Economic Multilateralism and regionalism*. URL: <https://www.rand.org/blog/2018/01/economic-multilateralism-and-regionalism.html>.
 6. Statista (2019) *Most famous social network sites worldwide as of April 2019, ranked by number of active users (in millions)*. URS: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/>.
 7. Bhattacharya A., Bürkner H-P., Bijapurkar A. (2016) *What You Need to Know About Globalization’s Radical New Phase*. URL: <https://www.bcgperspectives.com/content/articles/>.
 8. Institut jekonomiki RAN. (2018) *Formirovanie cifrovoj jekonomiki v Rossii: problemy, riski, perspektivy: Kollektivnyj nauchno-analiticheskij doklad. Pod redakciej d. je. n. E.B. Lenchuk*. M.: 2018. S. 9.
 9. HABR (2018) *Issledovanie IFR: kolichestvo promyshlennyh robotov v Rossii po-prezhnemu nichtozhno*. URS: <https://habr.com/ru/post/431320/>.
 10. IBEF (2018) *IT & ITeS Industry in India*. URL: <https://www.ibef.org/industry/information-technology-india.aspx>.

Контактная информация:

Борис Аронович Хейфец
E-mail: bah412@rambler.ru
Финансовый университет при Правительстве РФ
Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49
Институт экономики Российской академии наук Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Contact information:

Boris Kheyfets
Email: bah412@rambler.ru
Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993, Russian Federation
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovsky pr., Moscow, 117218, Russian Federation

Особые экономические зоны и стимулирование инвестиций: международный опыт

Special economic zones and investment promotion: the international experience

КАЛМАН Калотай

Доктор наук, специалист по экономическим вопросам, Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, Женева, Швейцария, и почетный профессор Университета Корвинуса, Будапешт, Венгрия

Kalman Kalotay

Ph. D., Economic Affairs Officer, United Nations Conference on Trade and Development, Geneva, Switzerland, and Honorary Professor, Corvinus University, Budapest, Hungary

Аннотация:

Количество особых экономических зон (ОЭЗ) в мире быстро растет. ОЭЗ способствовали экономическому успеху ряда стран с развивающейся экономикой, что вызвало большой интерес во многих других странах, в том числе в странах с переходной экономикой, таких как Российская Федерация. ОЭЗ пользуются популярностью, потому что предлагаемые ими преимущества отличаются большей определенностью, особенно по сравнению со странами в целом, отличающимися большой разнообразностью, и предлагают более практическое решение проблем регулирования. Однако результаты в целом неоднозначны. Неудовлетворительная инфраструктурная поддержка инвесторов и слабые связи с местными поставщиками в совокупности с необходимостью конкурировать с соседними странами за мобильные активы являются серьезной проблемой во многих странах-получателях инвестиций. Тем не менее страны могут пользоваться преимуществами ОЭЗ, позволяющими адаптироваться к условиям новой промышленной революции, структурным вызовам мировой экономики, более протекционистской среде и императиву устойчивого развития.

Abstract:

The number of special economic zones (SEZ) in the world is rising fast. These zones have contributed to the economic success of certain

emerging economies, prompting a rush in many other countries, including countries in transition, such as the Russian Federation. SEZs are popular because their value proposition is clearer, especially compared with the value proposition of highly heterogeneous countries and offer a more practical fix for regulatory problems. However, results in general are mixed. Unsatisfactory infrastructure support to investors and scarce links with local suppliers, together with the challenge of competing with neighbours for mobile assets are major concerns in many host countries. Countries can still leverage the impact of SEZ by better adjusting to new industrial revolution, structural challenges of the world economy, a more protectionist environment and the imperative of sustainable development.

Ключевые слова: Особые экономические зоны, прямые иностранные инвестиции, стимулирование инвестиций.

Keywords: Special economic zones, foreign direct investment, investment promotion.

1. Становление особых экономических зон по всему миру

Если многие страны, в том числе быстроразвивающиеся, такие как Китай, предпринимают аналогичные усилия, у них должны быть серьезные причины для этого, и очевидно, что другие страны намерены следовать их примеру. Это наблюдение побудило рабочую группу Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) к составлению ежегодных глобальных инвестиционных докладов с целью описания особых экономических зон (ОЭЗ) и их особенностей в конце 2018 – начале 2019 года. Рабочая группа обнаружила быстрый рост и распространение ОЭЗ, которые носят разные названия и в настоящее время образованы в 147 странах и территориях. Во всем мире ЮНКТАД зарегистрировано 5383 ОЭЗ, по сравнению с примерно 4000 пять лет назад (рис. 1). Кроме того, зарегистрировано 8368 свободных зон (зон для одного предприятия), которые учитываются отдельно. Бум последних лет в развитии ОЭЗ, по всей видимости, тесно связан с усилиями по привлечению инвестиций, предпринимаемыми странами для привлечения мобильных международных активов.

В одном только Китае расположено более половины всех ОЭЗ в мире (рис. 2). В Китае создана сложная система, состоящая из зон разного типа, существующих на разных уровнях (национальном, провинциальном и муниципальном). ОЭЗ рассматриваются как эффективный инструмент построения рыночной экономики и расширения участия в международной торговле. Среди других стран с большим количеством ОЭЗ – Филиппины, Индия, США и Российская Федерация (в порядке убывания). Также наблюдается региональная концентрация ОЭЗ. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна на террито-

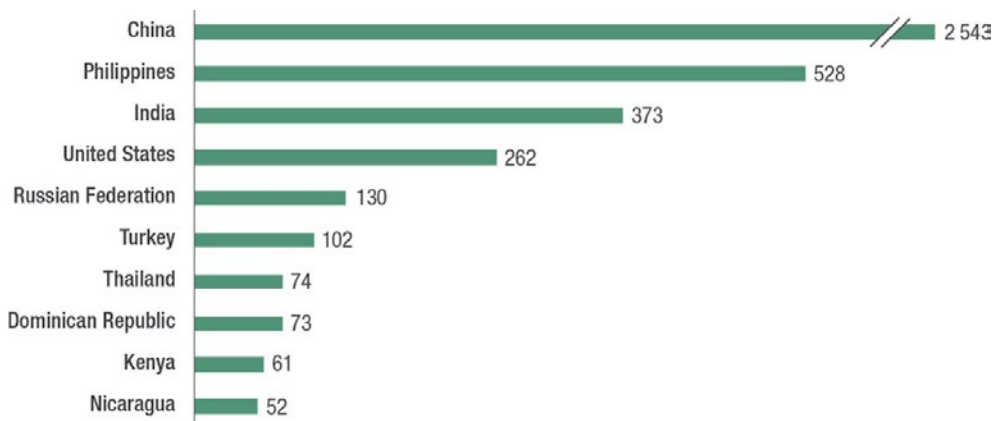
Рисунок 1.
Историческая тенденция создания ОЭЗ, 1975–2019 гг. (Количество стран и ОЭЗ)

Источник:
UNCTAD (2019)

Рисунок 2.
10 крупнейших экономик с наибольшим количеством ОЭЗ, 2019 год

Источник:
UNCTAD (2019)

рии пяти ведущих экономик расположено более половины зон региона. В Африке их доля близка к 60%. В развитых странах с рыночной экономикой 70% всех зон находятся в США.

Китай – Филиппины – Индия – США – РФ – Турция – Таиланд – Доминиканская Республика – Кения – Никарагуа

Подсчет ОЭЗ затруднен из-за отсутствия единой терминологии или международно признанного определения ОЭЗ. ЮНКТАД было обнаружено (UNCTAD, 2019) по меньшей мере 21 наименование ОЭЗ (без учета языковых различий; таблица 1). Особенно примечательно, что в одной и той же стране для обозначения ОЭЗ может использоваться несколько терминов. Так, в Российской Федерации используется как минимум пять разных наименований для обозначения зон с одинаковым статусом участников и нормативно-правовой базой, находящихся в ведении как минимум двух различных министерств.

Таблица 1. Термины, используемые для обозначения ОЭЗ, 2019 год

Зона экономического и технологического развития	Международная зона развития
Экономический город	Промышленная зона
Экспортная промышленная зона	Свободная промышленная зона
Экономическая зона	Промышленный парк
Свободная экономическая зона	Особая промышленная зона
Свободный порт	Особая зона развития
Промышленная свободная зона	Особая экономическая зона
Зона свободной торговли	Территория опережающего развития
Зона внешней торговли	Зона технико-экономического развития
Свободная зона	Технологическая зона промышленного развития
Зона общего назначения	

Источник: По материалам UNCTAD (2019).

Тем не менее терминологию можно в некоторой степени упорядочить, предложив единое определение, которое учитывает пять общих свойств ОЭЗ, а именно:

1. Ограниченная территория (хотя она не всегда находится только в одном месте и не всегда огорожена).
2. Финансовые льготы (пониженные импортные пошлины, налоговые льготы); следовательно, промышленные парки/зоны, не предоставляющие участникам льгот, следует исключить из числа ОЭЗ.
3. Преференциальный доступ к инфраструктуре.
4. Собственные органы управления (государственные или частные); следовательно, свободные зоны, такие как «макиладоры», также не относятся к числу ОЭЗ.
5. Осуществление производственной деятельности в широком смысле, не ограничиваясь промышленным производством; следовательно, исключаются свободные порты.

В зависимости от целей государственных органов в области развития (например, ориентация на импортозамещение или ориентацию на экспорт) и приоритетов в области сокращения внутринациональных различий, можно выделить три основных типа ОЭЗ:

1. Экспортные промышленные зоны (в частности, связанные с привлечением прямых иностранных инвестиций (ПИИ), ориентированных на высокую эффективность).
2. Зоны регионального развития (привлечение ПИИ, ориентированных на конкретные ресурсы или рынки).

3. Зоны технологического развития (параллельно с ПИИ, ориентированные на стратегические активы).

Меньшее число зон осуществляют деятельность, классифицировать которую сложнее, например, зоны туризма и курортные зоны. Во всех случаях ОЭЗ открыты как для иностранных, так и для местных фирм, отвечающих определенным требованиям. Однако в российских условиях, как мы увидим ниже, иностранные фирмы часто играют ведущую роль в деятельности ОЭЗ посредством трех основных факторов:

1. Непосредственное производство.
2. Участие в цепочке создания стоимости с местными производителями (посредством неинвестиционных механизмов).
3. Технологические связи с местными партнерами (особенно в технологических зонах).

Почему ОЭЗ пользуются популярностью у государственных органов? Можно выделить три основные причины:

1. Их стратегическая направленность. Устраняется необходимость одновременно развивать всю экономику и все отрасли в стране, отличающейся большой территорией и высокой разнородностью.
2. Их нормативная база и управление. Определенный правовой и административный режим проще установить на замкнутой территории, чем в рамках всей страны.
3. Их ценностное предложение для инвесторов: оно понятнее, чем на более обширной и разнообразной территории.

Насколько удалось ОЭЗ оправдать ожидания их создателей? ЮНКТАД отмечает, что «сохраняющийся энтузиазм в отношении ОЭЗ среди правительств во всем мире не соответствуют эффекту от создания таких зон, который часто носит неоднозначный характер» (UNCTAD, 2019, стр. 128). Как отмечается в докладе, в странах, следующих экспортно-ориентированной стратегии развития, существуют примеры успешных ОЭЗ, которые играют ключевую роль в преобразовании промышленности. Но даже в таких случаях зонам не всегда или не сразу удается привлечь ожидаемый поток инвестиций. Согласно результатам исследования, проведенного по этому вопросу (рис. 3), менее половины ОЭЗ можно считать ускорителями инвестиционного

**Рисунок 3.
Результаты
создания ОЭЗ
по данным
агентств
по содействию
инвестициям,
2019 год
(% респондентов;
возможно более
одного ответа)**

**Источник:
UNCTAD (2019)**

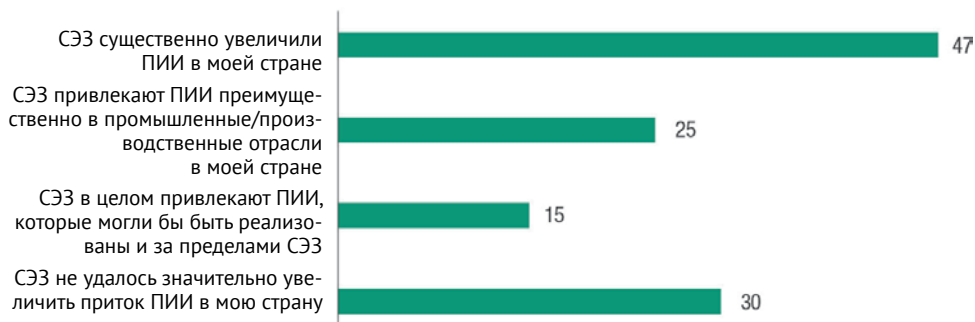
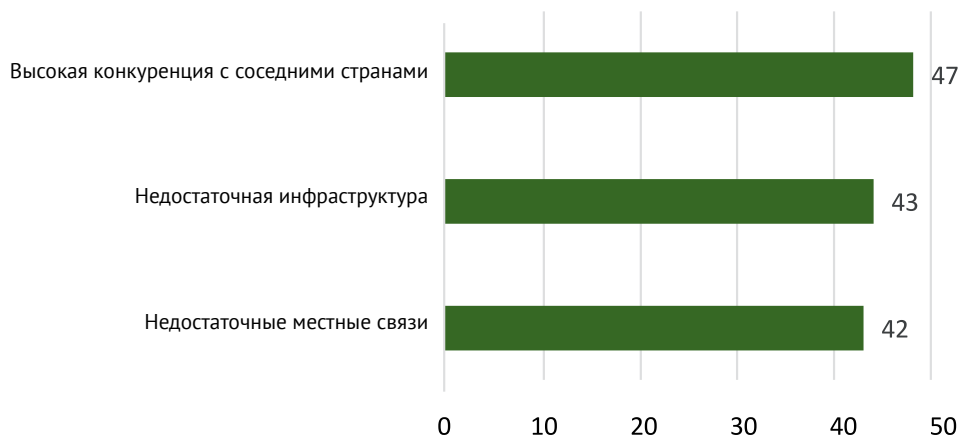

Рисунок 4.
Основные проблемы ОЭЗ согласно агентствам по продвижению инвестиций, 2019 год (% ответов)

Источник:
UNCTAD (2019)

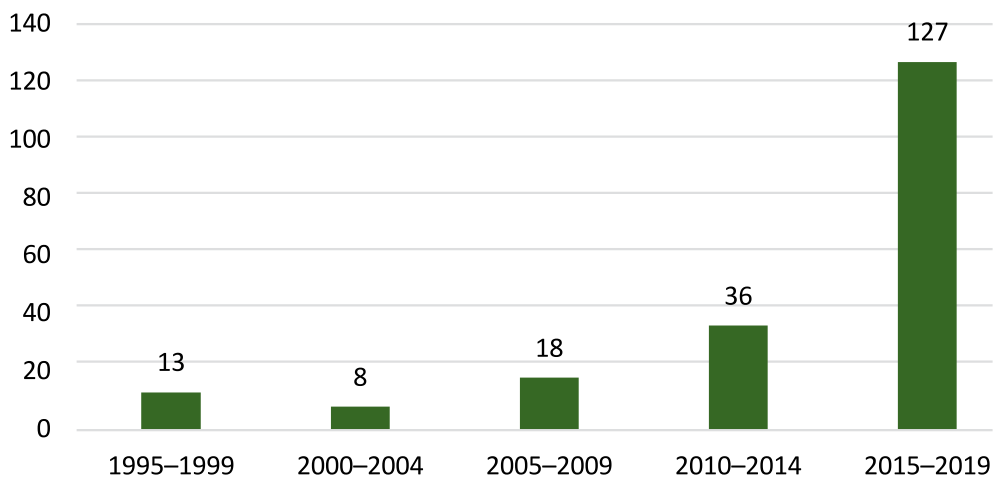
роста. В остальных случаях успех был частичным или вовсе не поддающимся измерению.

В поисках ответов на вопрос о том, почему успех был частичным, ЮНКТАД провела опрос агентств по содействию инвестициям, предложив им назвать основные причины. Высокая конкуренция за инвестиции с соседними странами была названа как главная сложность. Недостаточная инфраструктурная поддержка инвесторов и недостаточные связи с местными поставщиками и/или их ограниченные возможности также были названы среди основных проблем, причем как значительно более важные, нежели недостаточность стимулирования, отсутствие якорных участников ОЭЗ или проблемы стратегической специализации зон (рис. 4).

2. Страны с переходной экономикой/Российская Федерация

Страны с переходной экономикой начали применять режимы ОЭЗ в 1990-х годах вскоре после того, как приступили к преобразованию плановой экономики. Темпы создания ОЭЗ ускорились во второй

Рисунок 5.
Периоды создания ОЭЗ в странах с переходной экономикой (количество зон)

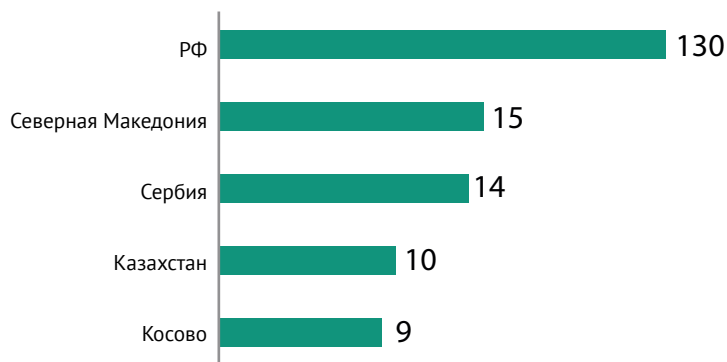
Источник:
собственные данные автора

половине 2000-х годов и особенно в 2015–2019 годах (рис. 5) в связи с созданием в Российской Федерации множества территорий опережающего развития (ТОР, также известных как опережающие особые экономические зоны) в связи со стремлением иметь более сильные инструменты экономического развития в условиях глобального кризиса. Количество зон быстро росло, хотя имели место неудачи: только в России 11 ОЭЗ были ликвидированы в период с 2010 по 2017 год (Kuznetsov and Kuznetsova, 2019). Несмотря на доминирующую роль Российской Федерации, создание новых зон было широко распространено в 2015–2019 годах и наблюдалось в других десяти странах региона.

За исключением Украины, в настоящее время во всех странах с переходной экономикой существуют ОЭЗ в той или иной форме. Российская Федерация, на долю которой приходится более 70% ВВП региона, располагает более чем половиной (55%) из 237 зон региона (рис. 6). Россия также обладает сложной системой зон различных типов, включая две региональные зоны (Калининград и Магадан), 26 ОЭЗ на основе принятого в 2005 году закона о ОЭЗ, Инновационный центр «Сколково», пользующийся привилегиями ОЭЗ согласно закону 2010 года, 100 ТОР на Дальнем Востоке и в монопрофильных городах (также называемых моногородами) и свободный порт Владивосток, состоящий как минимум из пяти подзон (портов). В менее крупных странах, осуществляющих значительный объем экспортно-перерабатывающей деятельности, такие как Северная Македония и Сербия, также образовано множество ОЭЗ (15 и 14 соответственно). Переходная группа включает ряд не имеющих выхода к морю стран. Эти страны также интенсивно используют ОЭЗ, что тесно связано с их географией, в которой ключевую роль играет транспортная инфраструктура. В этой категории больше всего ОЭЗ в Казахстане (10 зон), за ним следуют Молдова (8), Туркменистан (7) и Узбекистан (7).

Рисунок 6. Страны с переходной экономикой с наибольшим количеством зон, 2019 год

Источник:
UNCTAD (2019)

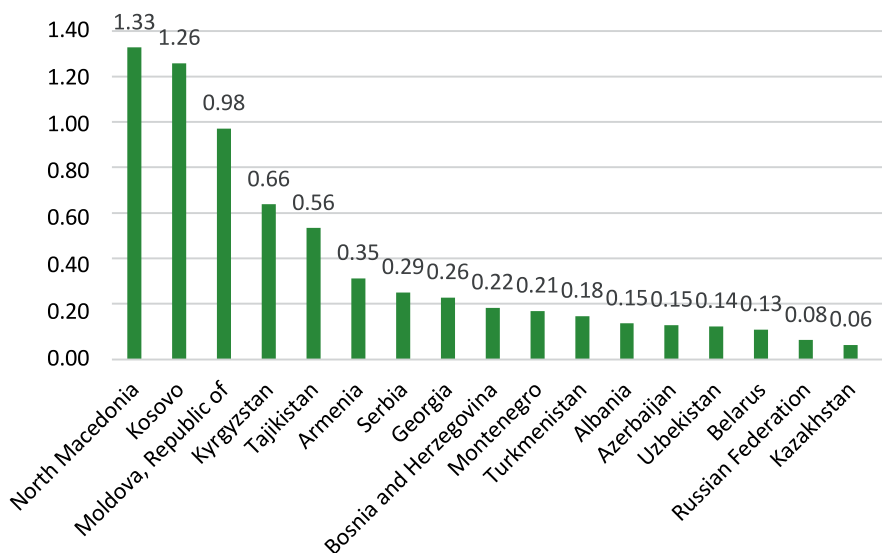

Показатель количества зон на 1 млрд долл. США валового внутреннего продукта, характеризующий интенсивность использования ОЭЗ, является самым высоким в трех небольших странах: Северная Македония

(1,33), Косово (1,26) и Молдова (0,98). Российская Федерация занимает третье место с конца в этом рейтинге (показатель составляет всего 0,08; рис. 7). В некоторых странах с переходной экономикой имеются ОЭЗ, которые занимают огромную площадь. Так, в Беларуси расположены 7 очень крупных зон, причем страна имеет самую высокую плотность зон относительно размера ВВП – 0,7 га площади ОЭЗ на 1 млн долл. США ВВП – и опережает Таджикистан и Казахстан. Россия занимает в этом рейтинге 8-е место. Большая площадь ОЭЗ в некоторых странах с переходной экономикой обусловлена доступностью земли и направленностью некоторых зон на перерабатывающие отрасли промышленности (например, нефтехимическую промышленность).

Рисунок 7.
Количество
ОЭЗ на 1 млрд
долл. США ВВП,
2019 год

Источник:
собственные
данные автора

В состав участников зон входят как национальные, так и иностранные компании. Однако почти во всех случаях иностранные компании играют ключевую роль в производственной деятельности на территории зоны. Например, в Российской Федерации на конец 2017 года число компаний-резидентов в 15 промышленно-производственных и технологических инновационных зонах, созданных согласно закону о ОЭЗ, достигло 656, из которых 125 были филиалами иностранных компаний из 38 стран, а 531 – российскими компаниями. За период с 2012 года совокупные частные инвестиции в 15 промышленно-производственных и технологических инновационных зон достигли 4458 млн долл. США, из которых 2 687 млн долл. США были отнесены к категории ПИИ. Другими словами, доля иностранного капитала в инвестициях (60%) более чем в три раза превышала долю иностранных компаний (19%, таблица 2), что указывает на более крупный размер филиалов иностранных компаний.

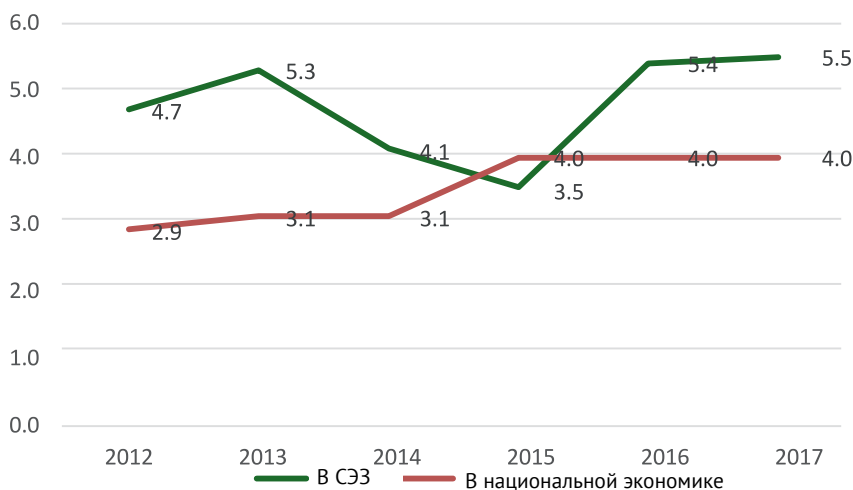
Таблица 2. Количество местных и иностранных компаний в российских промышленных и технологических зонах, 2012–2017 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество местных компаний	208	250	277	368	430	531
Количество иностранных компаний	38	49	59	71	95	125
Доля иностранных компаний (%)	15.45	16.39	17.56	16.17	18.1	19.05

Источник: собственные данные автора.

Что касается динамики ОЭЗ, то их торговый оборот и количество созданных рабочих мест ежегодно увеличивались с 2012 по 2017 год. Количество иностранных компаний росло немного быстрее, чем количество местных компаний (таблица 1). Производительность труда, измеряемая в млн долл. США добавленной стоимости на работника, была в 15 ОЭЗ выше, чем в экономике в целом, за исключением кризисного периода для российского рубля в 2015 году (начавшегося в декабре 2014 года). Это означает, что подобные зоны, хотя они очень чувствительны к бизнес-циклам, могут играть важную роль в технологических преобразованиях (рис. 8). Однако чувствительность к бизнес-циклам еще более заметна в динамике частных инвестиций в ОЭЗ. В 2013 и 2014 годах, до начала кризиса в российской экономике, объем частных инвестиций в ОЭЗ существенно увеличился, прежде чем сократиться более чем на 35% в 2015 году, а затем снова вырасти в 2016–2017 годах (рис. 9). Очевидно, что это отличие от более стабильной добавленной стоимости, создаваемой в национальной экономике в целом, частично обусловлено значительными различиями в размере между ОЭЗ и нацио-

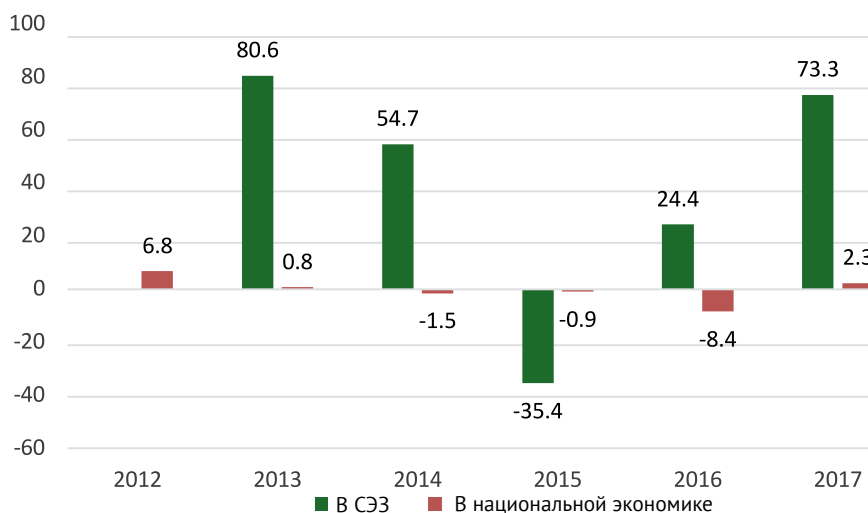
Рисунок 8.
Добавленная стоимость, созданная в пересчете на работника, в российских промышленных и технологических зонах и национальной экономике в целом, 2012–2017 гг. (млн рублей)

Источник:
собственные
данные автора

Рисунок 9.
Ежегодные темпы
роста частных
инвестиций
в российские
промышленные
и технологические
зоны
и национальную
экономику, 2012–
2017 гг. (%)

Источник:
собственные
данные автора.

национальной экономикой; однако, частично это отражает чувствительность высокотехнологичных отраслей.

3. Перспективы

Хотя процесс создания ОЭЗ идет полным ходом, в будущем политикам, желающими создавать и развивать ОЭЗ в интересах национального развития, придется столкнуться с рядом серьезных вызовов. Четыре проблемы заслуживают особого внимания:

1. Новая промышленная революция, охватывающая самые разные направления деятельности, такие как цифровые технологии, передовая робототехника, 3D-печать, большие данные и «Интернет вещей», трансформирует производственные процессы, что будет иметь значительные последствия для организации цепочек создания добавленной стоимости, включая возврат производства из-за рубежа и уменьшение значимости затрат на оплату труда. Эти изменения бросают вызов модели ОЭЗ, основанной на дешевой рабочей силе, и в то же время создают возможности для квалифицированных ресурсов и кластеризации.

2. Изменения в моделях организации производства, особенно переход к нематериальным активам и зарубежным предприятиям, которые требуют все менее традиционных активов. Традиционные ОЭЗ не столь привлекательны для этих моделей. Источники потенциальных инвестиций также меняются с увеличением значимости развивающихся рынков.

3. Как указывает ЮНКТАД, «возвращение протекционистских тенденций и недостаточно быстрое становление международного регулирования в области торговли и инвестиций заставляют промышленных инвесторов постоянно переоценивать стратегические возможности организации производства с низким уровнем затрат в свете потенциальных новых торговых барьеров или изменений в режиме преференциального доступа к рынкам» (UNCTAD, 2019, стр. 132). Протекцио-

низм может нарушать планы развития, основанные на существующем режиме ОЭЗ.

4. Императив устойчивого развития. ОЭЗ являются инструментами проведения политики в руках государственных органов, конечной целью которых должно быть устойчивое развитие национальной экономики. Приоритет устойчивого развития во все большей степени влияет на решения многонациональных корпораций, которые видят в экологической, социальной и экономической устойчивости не только ограничения, но и возможности для бизнеса (UNCTAD, 2014). Это отражается в ценностном предложении ОЭЗ с точки зрения инвесторов.

Библиографический список:

1. Bost, F. (2010). *Atlas mondial des zones franches*. Paris: La Documentation Française/CNRS.
2. Kuznetsov, A., and O. Kuznetsova (2019). "Russian SEZs: from failed projects to successful industrial sites". *Transnational Corporations*, 26 (2), forthcoming.
3. UNCTAD (2014). *World Investment Report 2014. Investing in the SDGs: An Action Plan*. New York and Geneva: United Nations.
4. UNCTAD (2019). *World Investment Report 2019: Special Economic Zones*. New York and Geneva: United Nations.

List of References:

1. Bost, F. (2010). *Atlas mondial des zones franches*. Paris: La Documentation Française/CNRS.
2. Kuznetsov, A., and O. Kuznetsova (2019). "Russian SEZs: from failed projects to successful industrial sites". *Transnational Corporations*, 26 (2), forthcoming.
3. UNCTAD (2014). *World Investment Report 2014. Investing in the SDGs: An Action Plan*. New York and Geneva: United Nations.
4. UNCTAD (2019). *World Investment Report 2019: Special Economic Zones*. New York and Geneva: United Nations.

Contact information:

Kalman Kalotay
Investment Research Branch
Division on Investment and Enterprise
United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD)
Palais des Nations, avenue de la Paix 8–14
1211 Geneva 10, Switzerland
Tel.: +41 22 917 5099
Mobile: +41 78 664 7481
E-mail (work): kalman.kalotay@un.org
E-mail (home): kalotayk@gmail.com

Европейские столицы как центры притяжения факторов производства из-за рубежа European capitals as magnets for production factors from abroad

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович

Врио директора Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор МГИМО МИД России

Alexey V. KUZNETSOV

Dr. Sc. (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor of MGIMO-University, acting director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Аннотация:

Статья является постановочной для 3-летнего исследования по гранту РФФИ, призванного выяснить влияние иностранных инвестиций и трудовых миграций на развитие крупнейших европейских городов. Показано, что в условиях глобализации многие европейские столицы обеспечивают свое развитие не только за счет притягивания ресурсов из провинции, но и из-за рубежа, т. е. лидерство столиц в экономической жизни может обеспечивать дополнительный приток факторов производства (труда и капитала) в национальную экономику. Привлечение иностранных ресурсов в столицы сопряжено и с негативными последствиями, что ярко проявилось в ходе миграционного кризиса в ЕС. Есть и индивидуальная специфика городов.

Abstract:

The article is staged for a three-year study under financial support of the Russian Science Foundation grant, designed to find out the impact of foreign investment and labor migration on the development of major European cities. It is shown that in the context of globalization, many European capitals ensure their development not only by attracting resources from the province, but also from abroad. Thus, the leadership of capitals in economic life can provide an additional inflow of factors of production (labor and capital) into the national economy. Attracting foreign resources to the

capital is associated with a number of negative consequences, which was particularly evident in the conditions of the migration crisis in the EU. There is also an individual specificity of cities – for example, the loss of London's position and, on the contrary, the strengthening of Dublin's position as a result of the decision on Brexit.

Исследование выполнено в МГИМО МИД России при финансовой поддержке РФФ (грант № 19-18-00251).

The research was made at MGIMO-University and was supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00251).

Ключевые слова: Европейские столицы, факторы производства, прямые иностранные инвестиции, международные миграции.

Keywords: European capitals, production factors, foreign direct investment, international migrations.

Проблема гипертрофированного развития столицы, оттягивающей на себя ресурсы периферийных территорий страны, хорошо известна экономистам. В Европе классическим примером стал Париж во Франции [1], но схожая ситуация характерна также для Лондона и Великобритании, многих восточноевропейских стран и их столиц, а также, разумеется, Москвы и в меньшей степени Санкт-Петербурга в России [2]. При этом есть множество теоретических объяснений такому центр-периферийному развитию городов [3].

Однако в условиях глобализации крупнейшие города могут становиться «магнитами» для капитала и рабочей силы не только, а нередко даже не столько из провинциальных районов собственной страны, сколько из других государств. В Европе, особенно в самых развитых странах, такой процесс выражен, по-видимому, в наибольшей степени. Таким образом, крупнейшие экономические центры ряда европейских стран, став глобальными городами (в том числе за счет опоры в своем развитии в предыдущие десятилетия на ресурсы других территорий национальной экономики), в настоящее время обеспечивают дополнительный приток факторов производства извне, тем самым обеспечивая ускоренный рост своей национальной экономики.

Вместе с тем приток иностранных инвестиций и трудовых мигрантов далеко не всегда может трактоваться только как положительный процесс. В случае масштабных прямых иностранных капиталовложений развитие городской экономики может оказаться зависимым от стратегий конкретных ТНК, чаще страдать от колебаний мировой конъюнктуры и т.д. Уни-

фицированных моделей не существует даже для ЕС. Например, в восточноевропейских странах-членах большее значение имеют прямые инвестиции производственных ТНК. В результате основные проблемы связаны с развитием так называемой «филиальной» экономики (когда наиболее выгодные звенья глобальных цепочек создания стоимости оказываются за рубежом), а также с неравной (а иногда и нечестной) конкуренцией давно укрепившихся на рынке ведущих западных ТНК и новых национальных производителей [4]. Во многих западноевропейских странах связанные с приходом ТНК, развитием финансовых центров на базе активизации иностранных портфельных инвестиций проблемы совсем другие. Действительно, ускоренный дрейф в сторону экономики с доминированием отраслей сферы услуг приводит к серьезным сдвигам на рынке труда, оставляя без работы местные кадры с определенными направлениями квалификации (нередко невысокой), делая рынок недвижимости недоступным представителям «средних классов» и т.д.

Еще более неоднозначными для экономического и социального положения в крупнейших городах Европы, как особенно ярко показали события текущего десятилетия, становятся миграционные процессы. Пока многие городские социумы в ЕС с большим трудом пытаются «переварить» вызванный дестабилизацией политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке наплыв инокультурных мигрантов, в том числе беженцев (причем отличающихся в этноконфессиональном плане даже от уже сложившихся в 1970 – 90-е годы национальных меньшинств с Востока) [5].

Традиционно в экономических и социально-политических исследованиях вопросы привлечения иностранных инвестиций (прежде всего прямых) и притока иностранных мигрантов (главным образом трудовых) рассматриваются отдельно. Тем не менее есть отдельные работы, где совместный анализ двух факторов производства, ключевых с точки зрения возможности их привлечения из-за рубежа, проводился и ранее. Прежде всего необходимо отметить работы, посвященные развитию концепции глобальных городов, особенно исследования С. Сассен (например, [6]). Из публикаций прикладного характера заслуживает внимания работа Я. ван дер Ваала, который выделял связь между интенсивностью притока мигрантов разных национальностей в города Нидерландов в зависимости от масштабов накопленных ПИИ – правда, голландских в соответствующих странах, а не иностранных капиталовложений в самих этих городах [7].

Вместе с тем такого рода работы никогда не пытались фокусом исследования сделать перспективы развития самой городской экономики, трансформации всего городского социума, равно как и городского пространства. При этом в недавних исследованиях в области урбанистики показано, что меняется сама концептуальная основа притяжения в тот или иной город дополнительных ресурсов. Если в XX веке ключевым

фактором производства в таких процессах был капитал, за которым следовали трудовые ресурсы, то в XXI веке ситуация сильно меняется [8]. Действительно, раньше задачей государства, а по мере развития экономической автономии субнационального уровня — и городских властей было создание благоприятного инвестиционного климата. Приходившие в крупный город ТНК создавали новые рабочие места. К сожалению, иногда из-за непривлекательных для местных жителей условий труда их удавалось занять только с помощью мигрантов — «гастарбайтеров» (например, в случае сборочных автозаводов). Некоторую часть самых престижных рабочих мест занимали высокооплачиваемые иностранные специалисты (тот верхний слой «средних классов», которые на рубеже веков постепенно стал представлять себя гражданами мира). Однако в целом крупнейшие европейские города, которым удавалось привлечь значительные объемы прямых иностранных инвестиций, отличались низкой безработицей, относительно благополучной социальной средой (что продолжало ими использоваться и для притягивания наиболее активной части провинциальных жителей собственной страны). В настоящее время все более важным становится качество городской среды (благоприятная экологическая обстановка, комфортность транспортной инфраструктуры, доступность качественного школьного и высшего образования, низкий уровень преступности, толерантность населения к иностранцам и т.п.). Создание выгодных условий для вложения капитала при отсутствии приемлемой среды для проживания квалифицированных специалистов и их семей может сделать усилия городских властей тщетными по привлечению инвесторов. Иначе говоря, все чаще не работники следуют за предприятиями (особенно в сфере услуг), а компании ориентируются на места, где сконцентрирован так называемый креативный класс, имеется достаточный пул работников нужной квалификации, достаточной для современных отраслей.

Помимо общих проблем, безусловно, имеются частные (но от этого не менее познавательные) случаи отдельных европейских столиц, положение которых в процессах привлечения иностранных инвестиций и трудовых мигрантов оказывается своеобразным. Из последних примеров — последствия принятого по итогам референдума решения Великобритании покинуть состав ЕС (так называемый брекзит). Уже в 2016 г. иностранные компании, которые ранее Соединенное Королевство привлекало как раз возможностью попасть на единый рынок ЕС и при этом работать в комфортной англоязычной сфере, стали высказывать мысли о необходимости переноса бизнеса в другие страны — члены ЕС. С точки зрения абсолютных цифр наиболее пострадавшим из британских городов оказался Лондон, что закономерно, так как именно в нем концентрировалось непропорционально большое для Великобритании количество иностранных компаний — появление новых экономических проблем в связи с брекзитом у британской столицы прогнозира-

лись еще до проведения референдума [9]. Напротив, столица соседней Ирландии по крайней мере в кратковременном плане стала главной выигравшей стороной. В настоящее время в Дублине идет масштабное строительство с целью преодоления дефицита офисных площадей. Другое дело, что предсказать все негативные последствия брекзита для экономики Ирландии, тесно связанной хозяйственными связями с Великобританией, довольно сложно [10]. Определенные выгоды от бегства бизнеса из Лондона могут получить и континентальные финансовые центры Европы [11].

Еще одним оригинальным примером служат Бонн и Берлин в Германии. Как известно, после объединения страны было принято решение о переносе столицы. Хотя Бонн после 1990 г. еще несколько лет оставался центром размещения значительного количества государственных учреждений, к моменту завершения самого масштабного строительного бума в современной ФРГ в Берлине встал вопрос о мерах, направленных на сохранение рабочих мест в бывшей столице Западной Германии, обеспечении продуктивного использования освободившихся площадей. В ФРГ Бонн никогда не был центром притяжения большого количества иностранных инвесторов — он все-таки был политической столицей (причем в федеративном государстве, где многие ведомства и до 1990 г. располагались в других городах). Лидерами по накопленным объемам прямых иностранных инвестиций были города Франкфуртской городской агломерации, выделялись также агломерации Гамбурга, Мюнхена, Рурской области, Штутгарта [12]. В итоге Бонн смог решить многие свои проблемы за счет учреждений ООН, а не офисов ТНК. Вместе с тем в последние несколько лет в Бонне, по сообщениям СМИ, резко обострилась социальная обстановка из-за наплыва мигрантов (в том числе беженцев) во все крупные города Северного Рейна-Вестфалии.

Подытоживая, автор считает необходимым отметить большие сложности, стоящие перед исследователями проблем привлечения иностранных инвестиций и трудовых мигрантов в европейские столицы, особенно с точки зрения анализа как последствий непосредственно для городской экономики, так и воздействия ускорения хозяйственного развития столиц на всю национальную экономику. Прежде всего, статистика по прямым иностранным инвестициям почти никогда не публикуется применительно к конкретным городам. В результате приходится обобщать весьма неполные данные корпоративной отчетности ТНК о локализации их предприятий в городах ЕС с обрывочными сведениями о масштабах накопленных иностранных капиталовложений в различных европейских странах и их регионах. Со статистикой об иностранных мигрантах ситуация более определенная, так как большинство столиц выделены в отдельные административно-территориальные единицы, и некоторая демографическая статистика регулярно по ним публикуется. Вместе с тем Евростат публикует по такого рода регионам чрезмерно обобщенные данные, и то с боль-

шим опозданием, что не позволяет учесть ни нынешние тренды (связанные с наплывом мигрантов из Северной Африки и с Ближнего Востока), ни структуру миграционных потоков. Остается опираться на оценочные суждения и результаты исследований ученых, однако тема миграций в последнее время для ЕС остается политически чувствительной, поэтому некоторые негативные оценки невольно приходится соотносить с общей ситуацией в Европейском Союзе.

Библиографический список:

1. Лейбович О.Л., Трущенко О.Е. Социальные проблемы урбанизации во Франции / Франция глазами французских социологов. – М.: Наука, 1990. – С. 201–217.
2. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. 2010. №5. С. 5–19.
3. Fujita M., Krugman P., Venables F.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2000.
4. *Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова; науч. ред. С.П. Глинкина*. – СПб: Алете, 2017.
5. *Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин*. – М.: ИМЭМО РАН, 2018.
6. Sassen S. *Cities in a World Economy*. 5th Edition. – Los Angeles et al.: SAGE, 2019.
7. Waal J. van der. *Foreign Direct Investment and International Migration to Dutch Cities // Urban Studies*. 2013. Issue 2. P. 294–311.
8. Флорида Р. *Новый кризис городов*. – М.: Издательская группа «Точка», 2018.
9. Springford J., Whyte Ph. *The Consequences of Brexit for the City of London*. – Centre for European Reform, 2014 (<http://www.cer.org.uk>).
10. Arriola Ch. et al. *The Potential Macroeconomic and Sectoral Consequences of Brexit on Ireland // OECD Economic Department Working Papers*. 2018. No. 1508 (ECO/WKP (2018) 56).
11. Lavery S., McDaniel S., Schmid D. *Finance Fragmented? Frankfurt and Paris as European Financial Centres after Brexit // Journal of European Public Policy*. 2018. Published online (DOI: 10.1080/13501763.2018.1534876).
12. Кузнецов А.В. География прямых зарубежных инвестиций в Германии и германских за рубежом // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 1998. № 6. С. 39–45.

Контактная информация:

Контактная информация:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Contact information:

Vernadskogo Ave., 76, Moscow, Russia, 119454
kuznetsov_alexei@mail.ru

Вызовы для экономики России со стороны глобальных финансовых рынков

Challenges for Russian economy from global financial markets

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич

Первый заместитель директора Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Mikhail Yu. GOLOVNIN

First Deputy Director at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация:

В 2018 г. произошло усиление нестабильности на мировых финансовых рынках, которое выразилось в падении индексов фондового рынка США, снижении цен на нефть в конце года и возникновении кризисных явлений летом-осенью в отдельных странах с формирующимися рынками (Турция, Аргентина). Воздействие этих тенденций на российскую экономику было ограниченным: оно незначительно сказалось на валютном рынке и привело к оттоку портфельных инвестиций с рынка внутренних государственных облигаций. Однако в перспективе продолжение политики повышения процентных ставок Федеральной резервной системой может привести к росту процентных ставок и падению цены на нефть в мировой экономике, а также к распространению кризисных явлений в странах с формирующимися рынками. В этих условиях особое значение приобретает выстраивание системы защитных мер от внешних финансовых шоков в экономике России.

Abstract:

In 2018 increasing instability in global financial markets has been developing. It resulted in a fall in the US stock market indices, lower oil prices at the end of the year and the occurrence of crisis phenomena in some emerging market economies (Turkey, Argentina) in the summer and autumn. The impact of these trends on the Russian economy was limited: it had little influence on the foreign exchange market and led to an outflow of portfolio investment from the domestic government bond

market. However, in longer term prospective, the continuation of the policy of raising interest rates by the Federal Reserve System may lead to an increase in interest rates and a fall in oil prices in the global economy, as well as to the spread of crisis phenomena in emerging market countries. Under these conditions, it is of particular importance to build a system of protective measures against external financial shocks in the Russian economy.

Ключевые слова: Глобальные финансовые рынки, фондовый рынок США, эффекты заражения, экономика России, санкции.

Keywords: Global financial markets, US stock market, contagion effects, Russian economy, sanctions.

Российская экономика в течение последнего десятилетия сталкивается с различными вызовами со стороны глобальной экономики. Мы в данной статье сосредоточимся на относительно недавних вызовах, связанных с ростом турбулентности на мировых финансовых рынках в 2018 г., прежде всего, с потрясениями на мировом фондовом рынке, источником которых был фондовый рынок США, в отдельных странах с формирующимися рынками и на мировом рынке нефти.

Степень финансовой открытости российской экономики с 2014 г. устойчиво снижается, главным образом под влиянием негативных внешних шоков — падения цен на нефть в 2014–2016 гг. и санкций со стороны западных стран, введенных в 2014 г. Суммарные валовые трансграничные потоки капитала снизились с 15,1% ВВП в 2013 г. до 6,1% ВВП в 2018 г. Исходя из столь значительного снижения степени финансовой открытости российской экономики, можно было бы ожидать, что внешние шоки, приходящие с глобальных финансовых рынков, не будут оказывать на нее значительного влияния, однако, как показывает опыт последних нескольких лет, это не так.

Выделим основные проблемы и риски, характеризующие, на наш взгляд, современное состояние ключевых сегментов мировых финансовых рынков.

1) Падение фондового рынка США в 2018 г., которое произошло дважды — с конца апреля по конец марта и с конца сентября по конец декабря. С начала 2018 г. по начало 2019 г. фондовый индекс DJIA снизился на 7,4%. Однако уже в начале 2019 г. возобновился рост фондовых индексов в США.

Капитализация фондового рынка США устойчиво росла в период после глобального экономического и финансового кризиса по отношению к ВВП за исключением 2015–2016 гг. и к 2017 г. достигла значения

в 164,8% ВВП, существенно превысив докризисный максимум 2006 г. (141,7% ВВП). В связи с этим возникла точка зрения о распространении «пузыря» на фондовом рынке США. Однако при этом следует отметить, что объемы торгов на фондовом рынке росли не столь значительно и в 2017 г. они были ниже показателей 2006 г. (204,2% ВВП против 221,4% ВВП). Таким образом, динамика фондового рынка США становится неустойчивой, показатели капитализации и объема торгов зачастую демонстрируют разнонаправленную динамику.

2) Нарастание суверенной и корпоративной задолженности в отдельных странах.

В результате глобального экономического и финансового кризиса и преодоления его острой фазы мерами бюджетно-налоговой политики произошло увеличение государственного долга относительно ВВП во всех ведущих промышленно развитых странах (G7). В большинстве стран в 2011–2013 гг. удалось стабилизировать динамику государственного долга, однако эта стабилизация произошла на более высоком уровне по сравнению с докризисным периодом, лишь Германии удалось устойчиво снижать отношение государственного долга к ВВП начиная с 2014 г. К настоящему времени наибольшие риски с точки зрения обслуживания государственного долга среди стран G7 имеет Италия.

Корпоративный долг существенно увеличился в США с 4,9 трлн долл. в 2007 г. до 9,1 трлн долл. в середине 2018 г. [2], составив около 44% от ВВП. Пока обслуживание этого долга не составляет существенной проблемы, но риски могут возрасти в случае сокращения доходов компаний и/или увеличения процентных ставок.

3) Нестабильная динамика цен на нефть на мировых рынках.

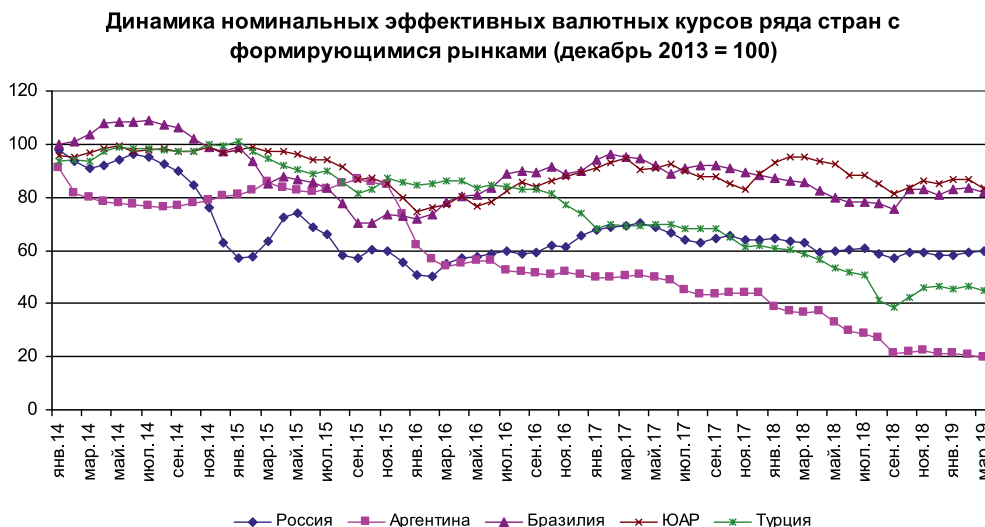
Динамика цен на нефть уже давно рассматривается не столько как цена товарного актива, сколько как составная часть динамики финансового рынка. Для российской экономики в целом и финансового рынка в частности это один из наиболее важных индикаторов. Вслед за резким падением цен на нефть в 2014–2015 гг. с середины 2017 г. до начала октября 2018 г. наблюдался ее устойчивый рост. Однако с начала октября 2018 г. до начала 2019 г. цена на нефть марки Brent на мировых рынках упала на 37%. В начале 2019 г. вновь возобновился рост цен.

4) Стали проявляться финансовые потрясения в отдельных странах с формирующимися рынками, которые имели ярко выраженные признаки «эффектов заражения».

Летом 2018 г. с проблемами столкнулись Аргентина и Турция. Ситуация в двух странах различалась. Если в Аргентине нарастали проблемы в бюджетной сфере и валовый государственный долг в 2017 г. достиг 52,6% ВВП, то в Турции на фоне сокращающихся чистых государственных заимствований нарастал частный долг. Общей проблемой двух

стран было то, что они заимствовали на мировых финансовых рынках в долларах, а стоимость этих заимствований возрастала в связи повышением процентной ставки Федеральной резервной системой. Как следствие, возникло давление на валюты обеих стран, а вслед за этим — и на валюты других стран с формирующимися рынками (см. график).

Источник:
рассчитано
на основе
данных Банка
международных
расчетов (<https://www.bis.org/statistics/eer.htm?m=6%7C381%7C676>)

Нарастание нестабильности на мировых финансовых рынках и в финансовых системах отдельных стран было обусловлено рядом факторов, среди которых наиболее важную роль играли усиление протекционизма в мировой экономике, связанное в первую очередь с внешне-торговой политикой США, и ужесточение денежно-кредитной политики США. Если в 2016 г. ставка по федеральным фондам повышалась ФРС один раз, в 2017 г. — три раза, то уже в 2018 г. — четыре раза.

Следует отметить, что ФРС и другие ведущие центральные банки отреагировали на возникшую турбулентность. В начале 2019 г. им удалось успокоить инвесторов, фактически дав сигналы, что они не будут резко ужесточать денежно-кредитную политику [3, р. 1]. Как следствие, возобновился рост фондового рынка США и цены на нефть, а валюты стран с формирующимися рынками стабилизировались (см. график).

Для России особую роль играло также наличие санкционного режима. Если с середины 2014 г. экономические агенты постепенно приспосабливались к нему, то в 2018 г. в связи с введением двух новых пакетов санкций (в апреле и августе) неопределенность возросла. Возникла угроза того, что в перспективе санкции распространятся на рынок государственного долга. Как следствие, нерезиденты стали уходить с рынка внутренних государственных облигаций России. Если в начале апреля 2018 г. их доля на этом рынке, по оценкам Центрального банка РФ, составляла 34,5%, то к началу 2019 г. она снизилась

до 24,4%. В абсолютном выражении вложения нерезидентов в ОФЗ снизились за этот период почти на 24%.

Динамика американского фондового рынка по-разному влияла на российский фондовый рынок на различных этапах: если с конца 2011 г. динамика фондовых индексов двух стран существенно разошлась, то с начала 2015 г. вновь наблюдается относительно синхронная динамика РТС и Dow Jones. На падение американского фондового индекса в начале 2018 г. и осенью того же года РТС также отреагировал падением. Однако столь же динамичного восстановления на российском фондовом рынке в начале 2019 г. не наблюдалось.

Российский валютный рынок в 2018 г. отреагировал на совокупность факторов: ужесточение санкционного режима, потрясения в странах с формирующимися рынками, падение цен на нефть. Однако при этом динамика валютного курса отличалась относительной стабильностью (см. график). В значительной мере она была обеспечена предсказуемой валютной политикой, когда Центральный банк отказался от покупок иностранной валюты в интересах Министерства финансов в связи с усилением турбулентности в странах с формирующимися рынками в августе 2018 г.

Таким образом, ухудшение ситуации на мировых финансовых рынках в 2018 г. не оказало значительного негативного влияния на российскую экономику, однако риски углубления проблем в глобальной финансовой системе сохраняются, и они в перспективе могут оказать более значительное воздействие на Россию.

1. Основным риском является более быстрое, чем обозначено в текущих заявлениях, повышение процентной ставки Федеральной резервной системой. В этом случае с большой вероятностью произойдет отток капитала из стран с формирующимися рынками и рост стоимости обслуживания государственной и корпоративной задолженности. Эксперты МВФ выделяют также в качестве значимого риска снижение цен на недвижимость [4, chapter 2].
2. В случае возникновения более глубоких кризисных явлений в отдельных странах с формирующимися рынками (например, в Аргентине, Турции) «эффекты заражения» от этих стран могут распространиться на другие страны того же типа, в том числе и на Россию.
3. Весьма вероятны дальнейшие колебания на фондовом рынке США. Пока они не оказывают значительного влияния на российскую экономику в силу низкого уровня развития российского фондового рынка, но могут стать катализатором более глубоких проблем на мировом финансовом рынке.
4. Существенным риском для России может стать возобновление тенденции к снижению цены на нефть на мировых товарных рынках. Это снижение может произойти, например, в результате роста курса доллара при повышении процентных ставок в США.

5. Наконец, ужесточение финансовых санкций, особенно их распространение на рынок государственного долга, может стать серьезным внешним вызовом для российской финансовой системы.

Ключевую роль в противодействии вызовам со стороны глобальных финансовых рынков играет построение собственной системы защитных механизмов в виде гибкого набора мер, связанных с введением отдельных ограничений на трансграничное движение капитала, и мер макропруденциальной политики. Главную роль в этой системе должны сыграть меры, направленные на ускорение экономического роста и структурную перестройку экономики

Библиографический список:

1. Shiller R. Are US stock market highs justified, or is there a bubble? // The Guardian. 2018. September 24-th (<https://www.theguardian.com/business/2018/sep/24/us-stock-market-highs-bubble-earnings>).
2. Cox J. A \$9 trillion corporate debt bomb is 'bubbling' in the US economy // CNBC. 2018. November 21-st (<https://www.cnbc.com/2018/11/21/theresa-9-trillion-corporate-debt-bomb-bubbling-in-the-us-economy.html>).
3. BIS Quarterly Review. 2019. March. BIS, 2019.
4. Global Financial Stability Report. 2019. April. Washington DC: International Monetary Fund, 2019.

Управление глобализацией в интересах национальной экономики: опыт Ирландии

Globalization management for national benefit: lessons from Ireland

Луи БРЕННАН

Доктор наук, профессор, действительный член научного общества Тринити-Колледжа, заместитель декана бизнес-школы Тринити, Тринити-Колледж, Дублин 2, Ирландия

Louis BRENNAN

Professor, PhD, FTCD, Associate Dean, Trinity Business School, Trinity College, Dublin 2, Ireland.

Аннотация:

Глобализация все чаще ставится под сомнение в условиях беспокойной и неопределенной современности. Растет ощущение того, что глобализация делит мир на победителей и проигравших и следует принципу, согласно которому все блага достаются победителю. В свете этого видения глобализации представляется интересным выделить позитивные результаты, которых удалось добиться участникам процессов глобализации в различных частях мира. Ирландия является примером страны, которая приняла глобализацию и из одной из самых бедных стран Европы превратилась в одну из самых благополучных с точки зрения ВВП на душу населения. В этой статье рассматривается путь Ирландии к успеху в последние десятилетия глобализации, а также как стране удалось преуспеть в управлении процессами глобализации в национальных интересах.

Abstract:

Globalization is being increasingly questioned in our current turbulent and uncertain times. There is a growing sense that globalization creates winners and losers and drives a race to the bottom to a point where “winner-take-all” outcomes ensue. In the light of those stark portrayals of globalization, it is instructive to highlight positive outcomes drawn from beneficiaries of globalization in different parts of the world. Ireland offers an example of a country that embraced globalization and rose from being one of the poorest in Europe to one of the wealthiest in terms of GDP per

capita. This paper analyses Ireland's path to prosperity over the recent decades of globalization and explores how it was successful in managing globalization for national benefit.

Ключевые слова: Глобализация, Ирландия, «кельтский тигр», национальные преимущества.

Keywords: Globalization, Ireland, Celtic Tiger, National Advantage.

Исторический контекст

Обстоятельства, позволившие Ирландии стать так называемым «кельтским тигром», возникли благодаря совокупности факторов. Среди этих факторов можно назвать оживление в мировой экономике, демографические преимущества и образованную рабочую силу в результате образовательных инициатив, предпринятых в предшествовавшие десятилетия, значительные бюджетные трансферты из структурных фондов и фондов солидарности Европейского Союза, построение единого европейского рынка и дальновидная политика правительства Ирландии, направленная на то, чтобы воспользоваться преимуществами на тот момент все более глобализованного мира. В то же время Ирландия подписала Маастрихтский договор, подтвердив свое намерение участвовать в Европейском валютном союзе (ЕВС). К концу 1990-х годов процентные ставки в Ирландии опустились до уровня Германии и Ирландия стала членом Еврозоны.

Экономические преобразования в Ирландии

В 1990-х годах в ирландской экономике произошли серьезные изменения. Темпы роста более чем в три раза превышали средние темпы роста в Европе и в два раза – средние темпы роста в США. В 1996–2000 годах средние темпы роста ирландской экономики составляли 9,4% [2]. В 1998 году ВВП на душу населения составлял 106,2 (если принять средний показатель ЕС равным 100); для сравнения, в 1973 году, когда Ирландия впервые вступила в тогдашний ЕЭС, показатель находился на уровне 64,2. К 2003 году показатель составил 120 [3].

Если в 1987 году государственный долг составлял 107% ВВП и более чем на 50% состоял из внешнего долга, долг в процентном отношении к ВВП сократился до 36% к началу 2000-х годов и до менее чем 24% к 2007 году.

Занятость выросла с 1,183 млн в 1993 году до 1,611 млн в начале 2000 года [4], а уровень безработицы с учетом сезонных колебаний снизился с двузначных значений до менее 4% к концу 2000 года.

В стране отмечался благоприятный платежный баланс с диверсификацией экспортных рынков, а мирный процесс в Северной Ирландии

начинал приносить плоды, что способствовало укреплению доверия на всем острове.

Что, возможно, наиболее примечательно для страны, чьей неизменной статьей экспорта с середины 1800-х годов были эмигранты, к середине 1990 годов в Ирландии стал наблюдаться чистый приток мигрантов, поскольку быстро растущая экономика притягивала прошлых эмигрантов и экономических мигрантов, а исходящая миграция сокращалась.

Американские компании, которые уже экспортировали новые продукты на растущий европейский рынок, рассматривали Ирландию как недорогую производственную базу в Европе. Ирландия стала привлекательной благодаря налоговым льготам, призванными превратить страну в платформу для экспорта [5]. С конца 1970-х и начала 1980-х гг. промышленная стратегия Ирландии перешла от операций переработки и сборки к новым и более высокотехнологичным отраслям. К 1990 годам Ирландия стала самым привлекательным направлением для иностранных инвестиций в Европе и сумела воспользоваться огромным объемом инвестиций в Европу, совпавшим со становлением единого европейского рынка. Приток ПИИ из США в Ирландию утроился в 1991–1993 гг., причем ПИИ из США на душу населения значительно превысили показатели Франции, Германии и Великобритании. В 1997 году Ирландия заняла пятое место в мире в качестве направления для прямых инвестиций из США [6].

Инвестиционным потокам способствовали благоприятная налоговая политика в отношении иностранных инвестиций, ориентированная на высокие технологии промышленная стратегия и инвестиции в образование, которые имели место с конца 1960-х годов. К концу 1990-х годов почти все крупнейшие международные корпорации в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и фармацевтики установили свое присутствие в Ирландии. В результате создания Международного центра финансовых услуг в конце 80-х годов Ирландия наряду с Люксембургом стала одним из двух ведущих мировых направлений для управления фондами.

Ирландия стала одной из немногочисленных стран, где расходы на одного ученика начальной и средней школы выросли на 30% и более в период с 1995 по 2002 год [7]. В 2014 году в Ирландии была самая высокая в ЕС доля выпускников в области математики, точных и инженерных наук (STEM), причем доля выпускников этих специальностей составляла 24,7 на 1000 населения в возрасте 20–29 лет [8].

Ирландия и глобализация

Хотя Ирландия является небольшим островом на периферии Европы, по словам премьер-министра Ирландии Лео Варадкара, это «остров в самом центре мира» [9]. В 1997 году в журнале *The Economist* было

отмечено, что в новой экономике Ирландии больше всего поражает то, насколько тесно она связана с Европой и миром [10]. Мерфи [11] утверждает, что глобализация позволила Ирландии переместиться с периферии в центр мировой экономики. В контексте процессов глобализации ирландское понимание глобализации проявляется в аспектах открытости, участия, взаимосвязанности и интеграции.

Открытость: Ирландия является одной из самых открытых экономик в мире. Объем внешней торговли (импорта и экспорта) Ирландии в процентном отношении к ее ВВП неизменно является одним из самых высоких в мире. В 2016 году Всемирный банк сообщил, что с точки зрения открытости внешней торговли Ирландия занимает пятое место среди стран мира с отношением объема внешней торговли к ВВП 217% [12]. Макуильямс [13] утверждает, что с коммерческой точки зрения Ирландия больше похожа на торговое государство, чем на национальное государство, и что она находится не на периферии какого-либо региона, а в самом центре глобализованного мира.

Участие: участие характеризует степень, в которой страна вовлечена в вертикально фрагментированное производство как в качестве потребителя иностранных ресурсов для своего собственного экспорта (измеряемого как стоимость импортируемых ресурсов в общем экспорте страны), так и в качестве поставщика промежуточных товаров или услуг, используемых в экспорте других стран (измеряется как процентная доля экспортируемых товаров и услуг, используемых в качестве ресурсов для производства экспортных товаров и услуг в других странах). Участие может быть оценено с помощью индекса участия в глобальной цепочке создания стоимости. В 2009 году Ирландия заняла пятое место среди стран ОЭСР по этому показателю [14]. Степень участия Ирландии в глобальных цепочках создания стоимости в результате ПИИ хорошо характеризует следующая цитата из статьи в *Washington Post* об Ирландии, опубликованной в начале 2000 годов [15]:

«Вполне вероятно, что американец, использующий базу данных Oracle в операционной системе Windows на компьютере Dell с микропроцессором Pentium IV и принимающий утром прозак, а вечером виагру, получил все эти товары из Ирландии».

Взаимосвязанность: взаимосвязанность описывает степень участия страны в потоках товаров, услуг, финансов, человеческих ресурсов, данных и коммуникаций, оцениваемую посредством интенсивности потока и доли в мировом общем объеме, и измеряется с помощью индекса взаимосвязанности MGI [16]. В 2014 году Ирландия заняла пятое место среди 139 стран по индексу взаимосвязанности MGI и первое место по объему потоков услуг и финансовых потоков.

Интеграция: степень интеграции можно оценить с помощью индекса глобализации A.T. Kearney/Foreign Policy. Индекс описывает изменения

в четырех ключевых компонентах глобальной интеграции, а именно: экономическая интеграция, технологические связи, личные контакты и политическая вовлеченность [17]. В 2000-х годах Ирландия входила в число стран мира с самыми высокими значениями индекса и занимала первое место в 2002, 2003 и 2004 годах.

Таким образом, Ирландия в высокой степени глобализирована, о чем свидетельствуют сильные позиции страны с точки зрения открытости, участия, взаимосвязанности и интеграции. Такое положение возникло не случайно, а является результатом политических решений, обусловивших высокий уровень глобализации.

В плане потоков различных ресурсов, характерных для глобализационных процессов, в частности торговых, финансовых, миграционных и потоков прямых иностранных инвестиций, Ирландия осознанно поощряет такие потоки и стремится проводить политику, способствующую их формированию. Так, Ирландия проводит политику поддержки интернационализации ирландских компаний и их проникновения на иностранные рынки. Как уже упоминалось, на протяжении нескольких десятилетий в Ирландии целенаправленно осуществлялась политика, направленная на то, чтобы сделать страну привлекательной для ПИИ. Благодаря Международному центру финансовых услуг и соответствующей политике, Ирландия является одним из ключевых участников мировых финансовых потоков. С точки зрения миграции Ирландия была одной из немногих стран ЕС, которые в 2004 году открыли свой рынок труда для граждан стран Центральной и Восточной Европы, недавно вошедших в состав ЕС.

В контексте управления глобализацией в национальных интересах Ирландия использовала и продолжает эффективно использовать культурные, административные, географические и экономические сходства и различия. Особенно искусно Ирландия использует возможности арбитражных операций, извлекая выгоду из глобализации и глобальных потоков ресурсов. В этой связи в Ирландии на национальном уровне реализуется модель межнациональных различий CAGE Distance Framework [18]. Например, в отношении потоков прямых иностранных инвестиций Ирландия использует культурное сходство, основанное на этнических связях с США, административные различия в плане налоговой и регуляторной политики, свое географическое положение в качестве моста между Европой и США, а также свои ценные кадровые ресурсы. Благодаря разумному использованию сходств и различий и постоянному совершенствованию национальной модели интернационализации [19], Ирландии удалось воспользоваться всеми преимуществами глобализации. В частности, потоки прямых иностранных инвестиций принесли стране целый ряд преимуществ.

Открытость Ирландии к ПИИ, о которой свидетельствует последовательная и неизменная поддержка ПИИ независимо от состава

действующего правительства, привела к возникновению эффекта агломерационной экономики – мощных сил, которые вызывают географическую кластеризацию определенных отраслей. Такие кластеры сформировались в таких отраслях, как интернет-технологии, ИКТ, медицинские приборы и фармацевтика, и помимо демонстрационных эффектов также стимулируют центроостремительные силы, которые поддерживают активность в этих отраслях.

С точки зрения экономического развития прямые иностранные инвестиции принесли Ирландии целый ряд экономических выгод. Привлечение ПИИ является центральным элементом политики Ирландии в области предпринимательства с того момента, когда в 1950 годах Ирландия впервые приняла активные меры для привлечения мобильного международного капитала. Сегодня иностранные компании вносят существенный вклад в ирландский экспорт, создание рабочих мест, расходование средств, а также в государственный бюджет.

Ирландия продолжает привлекать крупные иностранные инвестиции, при этом основные детерминанты инвестиционной привлекательности остаются неизменными – качественная инфраструктура, высокая квалификация рабочей силы и благоприятная для инвестиций регулятивная среда в сочетании с дальновидной политикой благоприятствования инвестициям. Создание Научного фонда Ирландии в начале 2000-х годов стало важной инициативой. Инициатива была направлена на формирование активной исследовательской инфраструктуры, стимулирующей стратегически важные фундаментальные и прикладные исследования в области науки, техники, технологий и математики, содействующей формированию высококвалифицированного человеческого капитала и сотрудничеству между научным и деловым сообществами. В 2015 году Ирландии удалось привлечь 4,3% всех ПИИ в ЕС, хотя доля страны в экономике ЕС составляет всего 1,7% [20].

Выводы

На протяжении десятилетий глобализационного процесса Ирландия уверенно следовала ему и в результате получила значительные выгоды. Эти выгоды возникли не случайно, будучи следствием целенаправленных усилий со стороны Ирландии, направленных на использование потенциала, присущего многочисленным потокам ресурсов, которые являются неотъемлемой частью процесса глобализации. Этот подход предусматривает использование как сходств, так и различий, позволяющее воспользоваться значительной долей таких потоков. Особого внимания заслуживает ирландский опыт арбитражных операций.

Вследствие сбоев в глобализационном процессе, примером которых является Brexit, Ирландия уже понесла определенные издержки. Мир после Brexit таит в себе серьезные неопределенности. Новые издержки, особенно в контексте международной торговли, являются

реальным риском, способным повлиять на экономический рост и занятость в Ирландии.

Управление процессами глобализации принесло Ирландии целый ряд в значительной степени позитивных результатов, что позволяет другим странам извлечь ценный опыт. Открытость и интеграция Ирландии с остальным миром сопровождались активной политикой, направленной на реализацию национальных преимуществ. Такая стратегия предлагает другим странам возможность укрепить свои национальные преимущества.

Библиографический список:

1. O'Donovan, David and Rios-Morales, Ruth, 2006. *Can the Latin American and Caribbean countries emulate the Irish model of FDI attraction?*, *Cepal Review* 88 • April 49–66.
2. Central Statistics Office, 2016. *National Income and Expenditure*.
3. Central Statistics Office, 2004. *Ireland and the EU 1973–2003*.
4. Central Statistics Office, 2008. *Statistical Yearbook of Ireland 2008*. October.
5. Buckley, P.J. and Ruane, F. 2006. *Foreign Direct Investment in Ireland: Policy Implications for Emerging Economics*, *The World Economy* 29 (11): 1611–1628.
6. OECD, 1999. *OECD Economic Surveys 1999 Ireland*.
7. OECD, 2005. 'Education at a Glance', *OECD Indicators 2005*.
8. Central Statistics Office, 2015. *Measuring Ireland's Progress 2015*. Available at <http://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-mip/mip2015/edu/ed/#d.en.124353>.
9. Duggan, Jennifer, 2017. *Q&A: Ireland's Leo Varadkar on Brexit, Trump and Keeping Ireland 'At the Center of the World'*, *Time*, July 13.
10. *Economist*, 1997. *Ireland shines. Lessons and questions from an economic transformation*, May 15.
11. Murphy A., 2000. *The «Celtic Tiger» – an Analysis of Ireland's Economic Growth Performance*, *EU Working Papers RSC No. 2000/16*, Robert Schuman Centre for Advanced Studies.
12. World Bank Data, 2017. Available at <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS>.
13. McWilliams, David, 2017. *A new economic plan for Ireland*, *Irish Times*, November 18.
14. Backer, K. D. and Miroudot, S. 2013. *Mapping Global Value Chains*, *OECD Trade Policy Papers*, No. 159, OECD.
15. *Irish Times*, 2001. *People are still Republic's trump card when it comes to attracting US companies to invest here*, March 2, 2001.
16. McKinsey Global Institute, 2016. *Digital Globalization: The New Era of Global Flows*, March.
17. *Foreign Policy*, 2009. *How the Index is Calculated*, October 29.
18. Ghemawat, Pankaj, 2001. *Distance Still Matters: The Hard Reality of Global Expansion*, *Harvard Business Review*, 79, 8, September, pp. 137–147.

19. Rios-Morales, R. and Brennan, L. 2009. *Ireland's Innovative Governmental Policies Promoting Internationalization, Research in International Business and Finance, Vol. 23, No. 2, pp. 157–168.*

20. *Financial Times*, 2017. *Ireland sees FDI rising as investors shrug off Brexit and tax fears, January 3.*

**Контактная
информация:**

Луи Бреннан, доктор наук, профессор, действительный член научного общества Тринити-Колледжа, бизнес-школа Тринити, Тринити-Колледж, Дублин 2, Ирландия

**Contact
information:**

Prof. Louis Brennan, PhD, FTCD, Trinity Business School, Trinity College, Dublin 2, Ireland.

Tel: 353-1896-1993

Email: Brennaml@tcd.ie

Пленарная конференция МАЭФ–2019 «Социально- экономическое развитие России в долгосрочной перспективе: роль государственных стратегий и программ»

16 мая 2019 г.
РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации

Модератор конференции:

Аганбеян Абел Гезевич,

заведующий кафедрой экономической
теории и политики Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
академик РАН

Технологический рывок в современной экономике

Technological breakthrough in modern economy

ИВАНОВА Наталья Ивановна

Первый заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Natalya I. IVANOVA

Doctor of Economics, Professor, Academician, first deputy director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Аннотация:

Задача ускорения экономического развития, вхождения России в число крупнейших экономик мира на основе технологического рывка сформулирована в майских 2018 г. указах Президента РФ и стала основой деятельности правительства. Как известно, в российской экономике до настоящего времени низок уровень инновационной активности, высока зависимость от импорта технологий в важнейших отраслях обрабатывающей и добывающей промышленности, ряд государственных программ стимулирования инноваций не дали ожидавшихся результатов. Изменение этой ситуации требует новых подходов, в том числе учета реальных тенденций технологического развития крупнейших экономик мира. Цель статьи – показать, что в современных условиях динамичное технологическое развитие требует развития исследовательской базы бизнеса, особенно крупных компаний, что соответствует и положениям экономической теории, и современной практике технологического развития как развитых, так и развивающихся стран.

Abstract:

Acceleration of economic growth and moving Russia to the club of the biggest global economic powers has been formulated as the national goals in the May 2018 President Putin Decrees. We know that the level

of innovation activity in Russian economy is low, dependence from imported technologies in the most important industries is high, but the government's programs for support and stimulating innovation activities has not produced the expected results. The government want to change this situation by the new regulation putting in mind the real achievements of foreign technological leaders. The goal of the paper – to analyses dependence of economic growth form the industrial R&D activity concentrated in big corporations. That has been proved by the economic theory and recent empirical data from different countries and industries.

Ключевые слова: Наука и экономический рост; исследования и разработки в предпринимательском секторе; международные сопоставления; технологическая конкуренция; технологический рывок.

Keywords: Economic growth and technological changes, government support, R&D in industrial companies, international comparisons, technological breakthrough, R&D intensive industries.

В современной мировой экономике технологические прорывы совершает отраслевой бизнес. Все наиболее развитые и быстро развивающиеся страны отличаются высоким удельным весом затрат бизнеса на исследования и разработки (далее – ИР). Масштабы и структура конкуренции крупных корпораций на передовых направлениях научно-технического прогресса (далее – НТП) постоянно растут, современные исследовательские бюджеты лидеров бизнеса сопоставимы с общими научными расходами отдельных государств. В развитых странах расходы бизнеса превышают государственные научно-технологические затраты. Эта деятельность поощряется предоставлением бизнесу на постоянной основе налоговых льгот и других государственных преференций [1].

На особое значение организации научных исследований и разработок усилиями крупных компаний одним из первых обратил внимание Й. Шумпетер. По результатам наблюдений за технологическим рывком крупных американских концернов, опиравшихся на собственные разработки и патенты в начале XX в., он пришел к выводу, что в современной ему капиталистической экономике особое значение приобрела конкуренция, базирующаяся на изобретении нового товара, открытии новой технологии, нового типа организации, нового источника сырья. «Эта конкуренция обеспечивает решительное сокращение затрат или повышение качества, она угрожает существующим фирмам не незначительным сокращением прибылей и выпуска, а полным банкротством. По своим последствиям такая конкуренция относится к традиционной

как бомбардировка к взламыванию дверей». Это и есть процесс «созидательного разрушения» – глубинная сущность капитализма [2].

Последователи Й. Шумпетера показали, что корпоративная наука не существует сама по себе, она опирается на широкий научный и образовательный потенциал той или иной страны, который формируется при активном участии государства. Бизнес использует кадры, результаты фундаментальных исследований, другие национальные ресурсы, без которых собственные исследования и разработки были бы невозможны. На основании этих построений экономически обосновывается необходимость высокой степени участия государства в форме прямой (бюджетной) и косвенной (регулирующей) поддержки научных исследований.

Эти тезисы подтверждаются и современными теоретическими исследованиями, прямо связанными с темой статьи. Так, в рамках новой теории экономического роста, обширного научного направления, значимость которого подтверждена присвоением нескольких нобелевских премий по экономике, в том числе в 2018 г. Полу Ромеру. В его модели основными факторами экономического роста являются рост инвестиций в человеческий капитал и увеличение капиталовложений в научные исследования и разработки (Research and Development – R&D – IP). Один из выводов, который можно сделать на основании модели Ромера, заключается в том, что располагающая ресурсами человеческого капитала и имеющая развитую науку экономика будет лучше развиваться в долгосрочной перспективе по сравнению с экономикой, лишенной этих преимуществ [3].

Многочисленные эмпирические данные подтверждают указанные выводы, сделанные на материалах послевоенного развития большинства стран мира. Например, расчеты Л.М. Григорьева и В.А. Павлюшиной [4] показали четкую картину различий ряда важнейших качественных параметров развития по выделенным ими кластерам стран с разным уровнем благосостояния. Для наиболее богатых стран первого кластера среднее значение расходов на ИР к ВВП составляет 2,1%, а для всех последующих групп это значение монотонно снижается: кластер 2 – -1,3%, кластер 3 – -0,7%, кластер 4 – -0,4%, кластер 5 – -0,3%, кластер 6 – -0,1%, кластер 7 – -0,3% [6]. Таким образом, относительный уровень расходов на ИР – один из критически важных факторов развития, уровень, динамика которого позволяет определять экономический и технологический статус той или иной страны.

Общая сумма глобальных расходов на исследования и разработки (ИР) превысила в 2018 г. 2 трлн долл. США, из которых 92% приходится на страны большой двадцатки (G20). Среди крупных стран-лидеров по показателю наукоемкости (отношение совокупных расходов на ИР к ВВП) находятся США (2,8%), Япония (3,29%), Германия (2,3%), Франция (2,22%), Австралия (2,12%) и Китай (2,1%). В малых быстро растущих странах этот показатель выше – в Республике Корея, Израиле, Дании

и Швеции – более 4%. Очень важно, что значительную часть этих расходов берут на себя крупные компании, которые иницируют крупные научно-технические проекты, финансируют и организуют их, создают новые продукты и технологии.

Более детальная статистика позволяет определить и ведущие компании, выполняющие основной объем ИР, и соотношение финансирования разных направлений, а также сравнительную динамику научно-исследовательских потенциалов компаний (таблица 1, [6]). Самый большой исследовательский в мировой индустрии потенциал сосредоточен сейчас в компаниях информационно-коммуникационного сектора (далее – ИКТ) – основы технологического рывка в цифровой экономике. Первые пять компаний этого направления (все американские) расходуют на собственные научные центры более 95 млрд долл. США, причем только за последние три года прирост средств составил почти 18 млрд долл. США. Лидером данной группы является компания «Амазон» с годовым бюджетом развития ИР, равным 30,5 млрд долл. США, что отражает расширение деловой активности и стремление к прорыву, к новым рынкам с новыми технологиями, а также огромные инвестиции в сверхсовременную логистику с использованием искусственного интеллекта. И наоборот, компания «Майкрософт» практически не наращивает, а только поддерживает свой потенциал, что может свидетельствовать о завершении важных стадий ее инновационного цикла.

Вторая по размерам бюджетов на ИР отраслевая группа – фармацевтические компании, которые представлены как американскими, так и европейскими производителями [подробнее см. 7]. Эта группа компаний отличается умеренной динамикой развития, более равномерным распределением и объемов ИР, и темпов их наращивания – 55 млрд долл. В данной группе, представленной как американскими, так и не менее значимыми европейскими производителями, нет компании, которая бы с очевидностью «планировала рывок», резко нарастив масштабы разработок.

Автомобилестроение – отрасль, характеризующаяся новыми прорывными направлениями деятельности, где, в частности, создаются электромобили и автомобили без водителей, находится на третьем месте по масштабам исследовательских бюджетов – 46 млрд долл. Впрочем, надо иметь в виду, что автомобилестроительные концерны широко используют разработки ИКТ компаний, которые обеспечивают информационную начинку всех видов транспорта. «Тойота» уже многие годы является лидером отрасли по части новых технологий и пионером в разработке гибридных автомобилей и других хайтек-новинок отрасли. «Фольксваген», резко нарастивший исследовательские подразделения в 2016 г., обошел тогда «Тойоту», но затем уступил ей первенство. Американские автомобилестроительные компании «Форд» и «Дженерал Моторс» отстают от лидеров, хотя имеют вполне сопоставимые по масштабам, но медленно растущие бюджеты на ИР.

Таблица 1. Затраты на ИР крупнейших компаний в наукоемких секторах

Компании по отраслям	Годовые затраты на ИР, млрд долл. США		
	2016	2017	2018
ИКТ			
Amazon	22,62	26,75	30,5
Alphabet/Google	16,625	18,796	21,00
Apple	12,185	14,037	15,89
Intel	13,098	13,701	14,23
Microsoft	13,176	13,558	13,94
Итого по 5 компаниям	77,704	86,842	95,57
Фармацевтика			
Roche	11,596	12,284	12,96
Merck	10,208	11,323	12,27
Johnson&Johnson	10,962	11,493	12,11
Novartis AG	8,972	8,934	8,905
Pfizer	7,657	7,942	8,114
Итого по 5 компаниям	49,395	51,976	54,37
Автомобилестроение			
Toyota	10,369	10,848	11,330
Volkswagen	11,572	10,915	10,260
Honda	7,541	8,180	8,818
Ford Motor	8,000	8,305	8,647
General Motors	7,300	7,278	7,257
Итого по 5 компаниям	44,782	45,526	46,310
Энергетика			
General Electric	4,803	5,053	5,256
Petrochina	3,085	3,279	3,506
ExxonMobil	1,063	1,102	1,132
Royal Dutch Shell	0,922	0,824	0,728
Total SA	0,930	0,812	0,696
Итого по 5 компаниям	20,370	11,070	11,318
Авиастроение			
Boeing	3,179	3,180	3,180
BAE Systems	1,713	1,632	1,550
Lockheed Martin	1,200	1,339	1,485
Raytheon	0,734	0,830	0,891
Northrop Grumman	0,639	0,673	0,700
Итого по 5 компаниям	7,465	7,654	7,806

Источник: рассчитано по данным [6]

Компании авиастроения, флагманы предыдущей волны научно-технологического развития, и энергетические гиганты занимают сравнительно скромные места в отраслевой иерархии – совокупные бюджеты «большой пятерки» этих отраслей (8 млрд долл.) не превышают расходы одной компании не самого наукоемкого автомобилестроения и существенно уступают лидерам современного этапа – ИКТ и фармацевтике. Это, конечно, не означает, что исследовательская деятельность в авиастроении стала менее значимой – отрасль по-прежнему остается одной из наукоемких (по отношению затрат на ИР к стоимости продукции), но ее общие размеры относительно уменьшились. Вместе с тем можно обратить внимание на то, что в целом первая пятерка практически не растет в последние три года, и у лидера отрасли – компании «Боинг» бюджеты, направляемые на исследования, также не увеличиваются, что может свидетельствовать как о замораживании новых прорывных проектов, так и об инновационной паузе.

Энергетика в современных условиях сталкивается с большим числом технологических вызовов, которые крупные компании преодолевают как своими силами, так и с помощью машиностроителей в энергетической сфере. Отрасль решила проблемы сланцевой революции, развития альтернативных видов энергии, добычи нефти и газа на шельфе, сжигания природного газа и многие другие. В перспективе отрасли придется решать не менее сложные задачи «энергетического перехода» к низкоуглеродной энергетике – увеличению доли солнечной и ветровой энергии, снижению угольной генерации, сокращению выбросов вредных веществ в окружающую среду [13]. Отметим, что в энергетическую группу попала единственная среди лидеров китайская компания «Петрочайна» – крупная нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая корпорация, располагающая современными производственными мощностями в нефтехимии.

Китайские компании широко представлены в другом, более полном варианте статистики финансирования отраслевой науки – Industrial R&D Investment Scoreboard. В 2018 г. в списке 2500 ведущих компаний из 46 стран мира 37% компаний являются компаниями из США, 27% – из ЕС, 14% – из Японии, 10% – из Китая. Китайские компании присутствуют во всех отраслевых группах: источник оценивает затраты бизнеса Китая на ИКТ-разработки примерно в 30 млрд долл., автомобилестроение и другие отрасли промышленности в сумме расходуют 10 млрд долл., фармацевтика – не более 2 млрд долл. Китай отличается и высокой динамикой числа компаний, включаемых в данный обзор: в 2015 г. в него было включено 300 компаний из Китая, а в 2018 – 438. В ряде отраслей масштабы исследовательской деятельности китайских компаний сопоставимы с ИР компаний Японии. Эти данные позволяют сделать вывод, что в Китае уже накоплен глобально значимый и динамично

растущий потенциал ИР частного сектора, позволяющий успешно конкурировать на мировых рынках [9].

В России доля ИР в ВВП составила в 2017 г 1,2%, что примерно соответствует Италии, но больше, чем в Турции, Мексике и Аргентине. В этих странах бизнес мало вкладывает в ИР, а их финансирование обеспечивает в основном государство. Наиболее крупные российские компании – «Газпром», «Роснефть», «Норникель» и др. – вкладывают в науку сравнительно небольшие средства, и по этим показателям они находятся во второй-третьей сотне глобальных рейтингов затрат на ИР частного бизнеса. Российские реалии таковы, что сложившееся еще в советское время преобладание государственных исследовательских институтов не дополнено в полной мере усилением собственной технологической активности бизнеса, сделавшего ставку на импорт технологий. Это позволило быстро решить задачи догоняющего развития, но сокращение масштабов исследовательской деятельности не способствует экономическому и инновационному росту.

Важнейшими характеристиками структуры финансирования науки в России являются высокая доля бюджета (доля затрат на ИР за счет бюджета по отношению к ВВП) и очень низкая, на уровне слаборазвитых стран, доля финансирования и организации ИР бизнесом (таблица 2). В ряду перечисленных в табл. 2 стран Россия имеет максимальный показатель доли бюджета в финансировании науки.

По данным Росстата, доля ассигнований на гражданскую науку из средств федерального бюджета уменьшилась с 3,19% в 2013 г. до 2,45% в 2016 г. В этот же период возросла доля ассигнований на оборонную науку, которая составляет примерно половину всех бюджетных затрат на ИР. Таким образом, по доле ИР в совокупных бюджетных расходах показатели России находятся на уровне максимальных мировых.

Таблица 2. Сравнение финансирования ИР в России и зарубежных странах

Страны	Всего, млрд долл. США	В % к ВВП	В том числе из средств госбюджета	Бюджетные ИР расходы в % к ВВП
Россия	37,3	1,2	34,3	1,0
США	502,9	2,8	138,5	0,4
Китай	408,8	2,1	84,0	0,4
Германия	114,8	2,9	34,3	0,9
Япония	170,0	3,3	33,9	0,7
Франция	60,8	2,2	17,7	0,6

Источник: по данным [10]

В условиях, когда дальнейшее наращивание финансирования ИР за счет ассигнований государственного бюджета вряд ли возможно и целесообразно, возникают две задачи:

- 1) повышение эффективности использования бюджетных средств;
- 2) стимулирование создания отраслевых и корпоративных исследовательских центров, лабораторий и наукоемких стартапов предпринимателями, переориентация бизнеса с заимствования, приобретения готовых технологических решений на формирование и реализацию собственных независимых научно-технологических стратегий (переход от стратегии догоняющего развития, возможности которого сужаются в условиях санкций, к прорывному развитию [10, 11].

В национальном проекте «Наука», разработанном Минобрнауки России и утвержденном в 2018 г. Правительством РФ, заявлена основная научная цель: Россия должна войти в пятерку ведущих стран по приоритетным для страны областям науки, для чего необходимо обновить инфраструктуру, создать научные центры мирового уровня, поднять качество аспирантуры. Задачу повышения спроса экономики на научные разработки будут решать научно-образовательные центры, в рамках которых произойдет интеграция сильных вузов, научных институтов и российских компаний для целей разработки новых технологий. Это очередная попытка соединить бизнес с наукой, вовлечь промышленность в разработку наукоемких технологий, увеличить финансирование науки за счет бизнеса. Выполнение этих задач увязано со стратегией научно-технологического развития России, а также с проектами национальной технологической инициативы. Таким образом, одновременно будут действовать различные инструменты выбора и реализации приоритетных проектов технологического прорыва, активизации участия предпринимательства, что, несомненно, является движением в нужном направлении. Первые пять НОЦ созданы по конкурсу 2019 г., объявлено о планах создания еще как минимум 15 таких центров.

Вместе с тем целесообразно ставить более амбициозные задачи развития собственных исследовательских подразделений крупного бизнеса, который, как показывает практика, является основным субъектом технологических прорывов. И в этом направлении произошло важное событие – 10 июля 2019 г. главы крупнейших компаний с госучастием подписали соглашения с правительством о развитии новых технологий. Сбербанк берет на себя обязательства по теме «Искусственный интеллект», ОАО РЖД – «Квантовые коммуникации», «Росатом» – «Квантовые вычисления» и «Технологии создания новых материалов и веществ», корпорация «Ростех» – «Квантовые сенсоры» и «Новые поколения узкополосной беспроводной связи для “Интернета вещей” и связи ближнего и среднего радиуса действия», «Ростелеком» – «Беспроводная связь нового поколения». Масштабы исследо-

ваний и разработок, которые будут реализованы в этих корпорациях, будут определены к концу 2019 г.

Заключение

В статье показано, что положения экономической теории об исключительной роли исследовательской деятельности бизнеса в ускорении экономического развития и создании условий для подготовки технологических прорывов подтверждаются эмпирическими данными из современной практики технологических прорывов в развитых и крупных развивающихся странах. Переход от догоняющего, имитационного технического прогресса, основанного на разных вариантах заимствований технологий и импорта готовых решений, к опережающему инновационному развитию возможен за счет активизации собственных усилий бизнеса. Задача государственной экономической, налоговой, финансовой политики – стимулировать бизнес к созданию собственных исследовательских подразделений, нацеленных на формирование и реализацию собственных технологических стратегий, определяющих уникальные конкурентные преимущества, создающих заделы на опережающий, а не догоняющий рост. Взаимодействие государства и бизнеса именно на этой основе может обеспечить условия экономической модернизации и технологического роста для широкого круга отраслей. Это позволит создать надежные основы долгосрочного экономического роста и выполнить задачи по вхождению России в пятерку крупнейших экономик мира благодаря технологическому рывку.

Библиографический список:

1. Иванова Н.И. (2002) *Национальные инновационные системы*. – М.: – Наука. Ivanova N.I. (2002) *National innovation's systems*. – Moscow. Nauka.
2. Шумпетер Й.А. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс, 1983, с. 128. I. Schumpeter, *Theory of Economic Development*.
3. Romer P.M. *Increasing Returns and Long-Run Growth* // *The Journal of Political Economy*. October, 1986: 1002–1037.
4. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. (2018) *Социальное неравенство в мире: тенденции 2000–2016 гг.* // *Вопросы экономики*, 2018; 10: 29–52.
5. Dachs B., Stehrer R., Zahradnik G. *The Internationalisation of Business R&D*. Edward Elgar Publishing, 2014.
6. 2019 *Global R&D Funding Forecast* // *R&D Magazine*. – 2019. March https://digital.rdmag.com/researchanddevelopment/2019_global_r_d_funding_forecas...
7. Scherer F.M. *Pharmaceutical innovation* / F.M. Scherer // *Handbook of the Economics of Innovation*. – 2010. – Т. 1. – С. 539–574.
8. *Глобальные энергетические и экономические тренды / под ред. С.В. Жукова*. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 194 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0551-2. *Global Trends in Economy and Energy*. Gukov S. Ed. IMEMO.

9. *EU Industrial R&D Investment Scoreboard – IRI – Dec. 2018.*
iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard18.html.

10. *Наука, технологии и инновации России 2017. М. Институт проблем развития науки РАН. С. 83–85.*

**Контактная
информация:**

Наталья Ивановна ИВАНОВА
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

**Contact
information:**

[Natalya Ivanovna IVANOVA](#)
[Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences](#)
[23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation](#)
n.i.ivanova@imemo.ru

Народнохозяйственное планирование — императив для российской рыночной экономики

Complex planning is imperative for Russian market economy

КНЯЗЕВ Юрий Константинович

Главный научный сотрудник Института экономики РАН, д.э.н.

Yuri K. KNYAZEV

Principal research assistant, Institute of economics of RAS,
doctor of economics

Аннотация:

Преодолеть отставание России нельзя без комплексного планирования экономики. В статье доказывается возможность такого планирования в российских рыночных условиях. Выполнение задач государственных планов может обеспечиваться путем широкого использования государственно-частного партнерства. Народно-хозяйственное планирование является главным инструментом реализации социально-экономической стратегии, основанной на использовании внутренних источников роста российской экономики.

Abstract:

It is impossible to overcome Russia backwardness without complex planning of economy. The article intends to proof the possibility of such planning under Russian market conditions. State plans tasks may be fulfilled by means of large State-private partnership. Macroeconomic planning is a main instrument of realization of social-economic strategy which is based on internal sources of Russian economy growth.

Ключевые слова:

План и рынок, народно-хозяйственное планирование, государственно-частное партнерство, механизм выполнения плановых задач, стратегия социально-экономического развития.

Keywords:

Plan and market, macroeconomic planning, State-private partnership, mechanism of plans fulfillment, strategy of social-economic development.

Для ускоренного и эффективного развития российской экономики настоятельно необходимо перейти к комплексному, то есть народно-хозяйственному планированию. Речь идет именно о планировании всей экономики, так как фрагментарное государственное планирование уже широко применяется в нашей стране. Оно представлено жесткими планами развития оборонно-промышленного комплекса, многочисленными национальными проектами и государственными программами, финансовыми планами госорганов, ежегодно принимающих и выполняющих свои бюджеты. Такое планирование, к сожалению, не учитывает совокупного состояния народного хозяйства и потому далеко от оптимальной эффективности.

Осознание неизбежности народно-хозяйственного планирования для нашей страны буквально висит в воздухе. В последние годы роль такого планирования пытаются выполнять майские указы президента, ставящие конкретные задачи перед правительством, в основном в социальной сфере. Но они, к сожалению, не содержат работающих механизмов достижения запланированных показателей помимо выделения средств из госбюджета. Именно из-за отсутствия четкого графика продвижения к намеченным целям и мер по обеспечению их достижения в сфере реального производства такого рода задачи полностью не выполняются.

Принятые в 2014 г. два закона «О стратегическом планировании» [5] и «О промышленной политике» [4] в Российской Федерации наконец-то сняли табу с употребления этих терминов в научном и публицистическом дискурсе. Но это, пожалуй, единственная польза от принятия этих законов, так как они носят чисто рамочный характер и не устанавливают обязанность государственных органов планировать развитие и проводить промышленную политику, а главное – не содержат механизмов реализации намечаемых целей и задач.

Необходимость действенного народно-хозяйственного планирования в современной России вызывается тем, что наша страна серьезно отстает в экономическом развитии от передовых государств и нуждается в скорейшем выходе из этой отсталости. Если для успешных стран достаточно так называемого индикативного планирования, поддерживающего экономический рост и мягко корректирующего сложившиеся пропорции косвенными мерами бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, то нашей стране, нуждающейся в радикальном изменении архаичной экспортно-сырьевой структуры и переходе к индустриально-инновационной экономике, необходимо более действенное планирование, обеспечивающее нужный результат в короткие сроки [1].

Поэтому планирование у нас должно быть не прогнозным и проблематичным, а обязывающим в том смысле, что научно-политическое целеполагание должно облекаться в народно-хозяйственные планы с обязательным выполнением плановых задач в намеченные сроки.

Такая постановка вопроса многими не воспринимается всерьез, потому что она напоминает советское директивное планирование, действительно невозможное в рыночных условиях. Но это не значит, что целевого народнохозяйственного планирования не может быть в принципе в рыночной экономике. Оно вполне возможно, если при этом не будут нарушаться объективные рыночные условия хозяйствования. Плановые органы должны считаться с независимостью частных субъектов рынка и могут привлекать их к выполнению государственных планов только на добровольной основе.

Реальную возможность такого планирования создает государственно-частное партнерство, при котором осуществляется софинансирование крупных инвестиционных проектов с целью привлечения средств частного бизнеса для выполнения строительно-монтажных работ, налаживания массового производства необходимой стране продукции с целью ее сбыта прежде всего на обширном российском рынке. Государство должно инициировать такие проекты и гарантировать их реализацию всеми имеющимися рычагами воздействия и стимулирования, такими как госзаказы, государственные закупки, льготное кредитование и налогообложение, обеспечивающие выполнение коммерческих контрактов, заключаемых между государственными органами и частными предпринимателями [2].

При обсуждении преимуществ государственно-частного партнерства в нашей литературе и на научно-производственных форумах до сих пор не рассматривалась возможность его использования именно в планировании. А ведь оно может стать действенным средством выполнения государственных планов наряду с прямым финансированием инвестиционных проектов из госбюджета.

В отличие от директивного и индикативного, такое планирование можно назвать целеустанавливающим партнерско-коммуникативным, так как оно устанавливает цели социально-экономического развития на научной основе с учетом государственных интересов и обеспечивает их достижение с помощью добровольного взаимовыгодного партнерства между государством и частным бизнесом при постоянной коммуникации посредством прямых и обратных связей между участниками такого взаимодействия в процессе составления, выполнения и корректировки планов.

Но несмотря на большие возможности этих рычагов планирования, сегодня становится особенно очевидным, что для практического выполнения плановых заданий, касающихся изменения структуры экономики и ускоренного развития, например, собственного машиностроения, необходимо, чтобы были созданы дополнительные условия для успешного освоения отечественной промышленностью новых видов продукции и их преференциального сбыта на обширном внутрироссийском рынке.

Ведь без всемерной поддержки государства наши производители не в состоянии конкурировать с иностранными ТНК не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, где отечественные новинки заведомо не будут пользоваться спросом, так как они уступают зарубежным аналогам по цене из-за огромных первоначальных вложений в НИОКР и по качеству, невысокому на первых порах их освоения.

Отдав обширный российский рынок мощным зарубежным поставщикам, мы фактически лишили собственный бизнес шансов на развитие. В результате сегодня наши предприниматели даже при наличии у них свободных средств для инвестиций не стремятся к освоению инноваций по той причине, что они не уверены в возможностях сбыта новой продукции и получении хотя бы минимальной прибыли. Их творческая инициатива сковывается именно этим, а отнюдь не плохим предпринимательским климатом, о чем говорит тот факт, что продвижение России в рейтинге «doing business» со 120-го на 31-е место не привело к заметному росту производства [6].

Переход к народно-хозяйственному планированию потребует создания специального механизма плановой деятельности. Этим, несомненно, должно заняться особое ведомство. В отличие от Минэкономразвития, решающего в основном текущие проблемы и занимающегося «латанием дыр», и Минфина, озабоченного сбором бюджетных доходов из имеющейся узкой базы налогообложения, этот новый государственный орган будет заниматься исключительно развитием экономики, обеспечением ее упреждающего (а не просто догоняющего) роста, и именно на это он будет преимущественно направлять необходимые ресурсы, которыми страна реально располагает.

Название этого ведомства не столь важно. Он мог бы кратко называться Роспланом, а официально – Федеральным агентством развития, как предлагает В.М. Полтерович. Главное – чтобы оно занималось комплексным развитием страны и имело для этого все необходимые полномочия. И начинать надо именно с создания такого органа на базе имеющихся отделов стратегического планирования и народно-хозяйственного прогнозирования в разных ведомствах и НИИ с привлечением опытных плановиков советского времени. Только такой орган сможет провести объективную инвентаризацию имеющегося производственного и научно-технического потенциала страны и беспристрастное ранжирование отраслей и производств по их экономической эффективности и перспективной конкурентоспособности. В этом он жизненно заинтересован, так как будет реально отвечать за выполнение им же разработанных планов. Именно он должен проделать необходимую организационную работу и выработать практические алгоритмы функционирования системы народно-хозяйственного планирования в наших рыночных условиях.

Осознав необходимость и возможность народно-хозяйственного планирования, можно приступить к разработке не призрачной, а реальной стратегии социально-экономического развития страны, которая не останется «мертвым словом на бумаге», а будет реализовываться на практике с помощью действенного планирования. Главная, почти консенсусная стратегическая цель сегодня – это изменение архаичной структуры нашей экономики и ее ускоренное развитие. Для достижения этой цели нужно прежде всего определить, какие производства необходимо возродить или создавать заново, чтобы затем развернуть их по всей территории страны в сотрудничестве с частным бизнесом.

Одновременно с освоением отечественной промышленностью новых высокотехнологичных видов продукции следует, что особенно важно, создать условия для преимущественного сбыта ее на внутри-российском рынке. Беда в том, что, отдав обширный российский рынок мощным зарубежным поставщикам, мы фактически лишили собственный бизнес шансов на развитие. Наши производители не в состоянии конкурировать с иностранными ТНК не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, где отечественные новинки заведомо не будут пользоваться спросом, так как они уступают зарубежным аналогам по цене из-за огромных первоначальных вложений в НИОКР и по качеству, невысокому на первых порах их освоения.

Из этого тупика можно выйти только при условии ограждения нашего внутреннего рынка от нелояльной иностранной конкуренции и передачи его отечественным производителям целиком и полностью (за исключением, конечно, импорта изделий, без которых пока нельзя обойтись). Получив возможность в условиях разумного протекционизма удовлетворять немалый внутренний платежеспособный спрос продукцией собственного производства, частный бизнес станет охотно вкладывать свои средства в инновационные проекты, но при условии, что государство будет разделять с ним возможные риски. Таким образом государство не только добьется своих стратегических целей, но и поспособствует развитию частного бизнеса, перед которым откроются новые деловые перспективы.

Новыми драйверами экономического роста, взамен исчерпавшей свои возможности добывающей промышленности и почти достигшей предела насыщения сферы услуг, может стать всемерное развитие машиностроения и его сердцевины – станкостроения и налаживание на отечественной технической основе переработки нашего обильного сырья в высокотехнологичную продукцию, востребованную внутри страны и за рубежом.

Советская станкостроительная и инструментальная промышленность была почти полностью уничтожена, а снабжение соответствующей продукцией оставшихся индустриальных отраслей, включая ОПК, стало осуществляться исключительно импортом из развитых стран.

Возможное объявление нашими недругами металлорежущих станков и штампующих автоматов продукцией двойного назначения, так как они используются и в военной промышленности, привело бы к коллапсу всей нашей индустрии и в первую очередь оборонного комплекса. Поэтому возрождение общего и отраслевого станкостроения должно стать первостепенной задачей, но не только с точки зрения нашей международной безопасности, а и как основа развития производств по переработке добываемого в нашей стране сырья в готовую продукцию, которая заменит нынешний сырьевой экспорт.

Если не отдавать российский рынок станков иностранцам и начать снабжать его отечественной продукцией, то только для машиностроительной отрасли будет необходимо в ближайшем будущем, по экспертным оценкам, примерно 1,2 млн единиц оборудования вместо ныне используемых до предела изношенных станков. Конечно, новые отечественные станки должны отвечать современным требованиям, но они не обязаны сразу конкурировать на внешних рынках. Их главное назначение – замещать иностранное импортное оборудование, а выходить на внешний рынок они смогут по мере достижения мирового уровня по соотношению цена-качество.

Запланированные с учетом оценки будущего спроса на внутреннем рынке виды и объемы станков и инструментов должны предлагаться для возможных инвестиционных проектов всем желающим начать их новое производство. Выделенные государством на эти цели средства будут предоставляться при условии долевого участия бизнеса в финансировании производства станков с их гарантированным сбытом ради получения прибыли.

Реализация совместных проектов развития отечественного станкостроения должна обеспечиваться с использованием госзаказов и государственных закупок при проведении целевых конкурсов путем заключения между всеми участниками процесса планирования коммерческих контрактов, регулирующих снабжение сырьем и сбыт готовой продукции, а также оказание услуг, связанных со строительством, пуском и наладиванием производства, опытно-исследовательской и конструкторской работой, транспортировкой и логистикой, ремонтным обслуживанием поставленного оборудования.

Видимо, сознавая, что для выполнения актуальных задач в социальной сфере недостаточно лишь выделения необходимых средств из госбюджета, президент В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию и гражданам России 20 февраля 2019 г. обратил внимание на большие возможности, появляющиеся у отечественного бизнеса в процессе освоения 6 триллионов рублей в том числе на закупку медицинского оборудования, приборов, средств коммуникаций, систем для ЖКХ и транспорта. Этот колоссальный гарантированный платежеспособный спрос на высокотехнологичную продукцию создает, как ска-

зал президент, «возможность для качественного роста российского бизнеса, для машино- и станкостроения, микроэлектроники, ИТ-индустрии. И эти ресурсы должны работать здесь, в России». Полностью соглашаясь с этими словами, хотелось бы добавить, что опираться на своих, отечественных производителей следует не только там, где возможно, а где это действительно нужно для развития страны.

Только перейдя к народно-хозяйственному планированию, можно добиться комплексного и гармоничного развития нашей экономики и ее ускоренного роста на индустриально-инновационной основе. Социально-экономические приоритеты должны устанавливаться строго осознанно и на научной основе, а не хаотично и по краткосрочным рыночным критериям, которые в условиях глобализации лишь закрепляют отсталость периферийных стран. Россия же имеет все возможности самостоятельно выйти на самые высокие рубежи, если будет проявлена необходимая политическая воля.

Библиографический список:

1. Князев Ю. *О народнохозяйственном планировании в российской рыночной экономике* // *Экономист*. 2018. № 6. С. 3–20 [Knyazev Yu. *O narodnokhozyajstvennom planirovanii v rossiyskoy rinochnoy ekonomike* // *Ekonomist*. 2018. № 6. P. 3–20].
2. Князев Юрий. *О необходимости и возможности народнохозяйственного планирования в российской рыночной экономике* // *Общество и экономика*. 2018. № 7. С. 14–32 [Knyazev Yuriy. *O neobkhodimosti i vozmozhnosti narodnokhozyajstvennogo planirovaniya v rossiyskoy rinochnoy ekonomike* // *Obshchestvo i ekonomika*. 2018. № 7. P. 3–20].
3. *Послание президента В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г.* – www.kremlin.ru/d/59863 [Poslaniye prezidenta V.V. Putina Federalnomu Sobraniyu 20 fevralya 2019 g.].
4. *Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»*. ФЗ № 488 от 31.12.2014 [Federalni zakon O promishlennoy politike v Rossiyskoy Federatsii. FZ № 488 ot 31.12.2014 g.].
5. *Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»*. ФЗ № 172 – РФ от 28.06.2014 [Federalni zakon O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federatsii. FZ № 172 ot 28.06.2014].
6. www.gazeta.ru/business/2018/10/31/12041677.shtml.

Контактная информация:

Князев Юрий Константинович
Институт экономики РАН, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
e-mail: kyuk151@rambler.ru

Возможность преодоления сложившейся экономической инерции за счет реализации национальных проектов

The capability of overcoming the current economic inertia through the realization of national projects

ШИРОВ Александр Александрович

Заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России, д.э.н., профессор
Alexander A. SHIROV

Deputy director, Institute of economic forecasting RAS, Member of board of VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

Рассматривается логика формирования национальных проектов. Оценивается совокупная макроэкономическая эффективность разработанного пакета национальных проектов. На примере конкретных национальных проектов демонстрируется логика их формирования и направления воздействия на экономическую динамику.

Abstract:

The logic of formation of national projects is considered. The combined macroeconomic efficiency of the developed package of national projects is assessed. The logic of their formation and the direction of their impact on economic dynamics is demonstrated on the example of specific national projects.

Ключевые слова:

Экономический рост, национальные проекты, инвестиции, государственные расходы.

Keywords:

Economic growth, national projects, investment, state spending.

Разработка национальных проектов стартовала по итогам обращения Президента РФ к Федеральному собранию в марте 2018 г. и майского Указа Президента РФ.

Предполагается, что реализация национальных проектов позволит снять наиболее острые ограничения развития и повысит эффективность мероприятий экономической политики. В условиях, когда традиционные меры регулярной экономической политики имеют низкую эффективность. Одним из способов устранения этого ограничения является использование мер структурно-инвестиционной политики и проектного финансирования [1].

Национальные проекты возникли по итогам разработки документов стратегического планирования, содержащих цели экономического развития на среднесрочную перспективу. В связи с этим логика их формирования может быть определена как логика целевого планирования [2]. То есть при разработке национальных проектов шли не от набора имеющихся и проработанных проектов к целям экономического развития, а пытались набрать такой набор проектов, который мог бы обеспечить желаемую экономическую динамику. С таким подходом связан ряд издержек, которые возникли при формировании проектов.

На практике формирование проектов в значительной степени свелось к переформатированию ранее запланированных бюджетных ассигнований, при этом сколько-нибудь существенного роста госрасходов не предполагалось. А в той части, где предполагались новые расходы (прежде всего, развитие транспортной инфраструктуры) проектные решения не имели полной технико-экономической проработки.

По нашим оценкам, за период 2019–2024 гг. совокупный объем ВВП России составит не менее 760 трлн руб. в ценах 2019 г. При этом весь объем средств, аккумулируемый за этот период в рамках национальных проектов, составит всего 25,7 трлн руб., или около 3,4%.

Следует отметить, что из общего объема средств, предусмотренных на национальные проекты (25,7 трлн руб.) только 13,8 трлн руб. обеспечиваются федеральным бюджетом, еще 4,9 трлн руб. должны выделить субъекты Федерации, 7,5 трлн руб. – внебюджетные источники. В определенной степени гарантированными в данном случае являются бюджетные средства.

Понятно, что ожидать существенного макроэкономического эффекта от реализации столь скромного комплекса мер вряд ли придется. Значительная часть расходов, запланированных в рамках национальных проектов, – это уже ранее предусмотренные в рамках государственных программ бюджетные расходы.

Проследим это на примере одного из самых крупных национальных проектов – «Демография». Всего по этому национальному проекту предполагается потратить в 2019–2024 гг. не менее 3,1 трлн руб. Из этой суммы более 2,6 трлн руб. будет направлено на финансовую

поддержку семей при рождении детей, 164 млрд руб. на содействие занятости женщин, почти 99 трлн руб. на старшее поколение.

В данный момент достоверным является распределение средств по проекту в рамках трехлетнего бюджета на 2019–2021 гг. За этот период на проект будет потрачено примерно 1,5 трлн руб. Механизм формирования расходов в рамках национального проекта «Демография» демонстрирует, что большая часть этих расходов перешла из смежных государственных программ (ГП). В частности, из ГП «социальной поддержки граждан» в национальный проект перешло 1,3 трлн руб. или почти 87% всех затрат. Из этой суммы 1 трлн руб. – это «материнский капитал».

Приведенный пример достаточно наглядно показывает, что ключевой проблемой национальных проектов является недостаточный объем дополнительных средств, выделяемых на ускорение темпов и повышение качества роста российской экономики.

Другой проблемой является то, что в связи с достаточно сжатыми сроками формирования национальных проектов новые инвестиции, которые преимущественно содержатся в проекте «Цифровая экономика» и магистральном плане развития инфраструктуры в силу неготовности проектных и иных решений не могут быть реализованы в краткие сроки.

Все бюджетные инвестиции в рамках нацпроектов могут добавить к темпу экономического роста примерно 0,2–0,3 процентного пункта. Остальной прирост ВВП в рамках реализации нацпроектов составит около 0,4 п.п. и будет связан с ростом потребления домашних хозяйств и с действием мультипликативных эффектов. Таким образом, в перспективе 2019–2024 гг. за счет реализации национальных проектов среднегодовые темпы экономического роста могут быть повышены не более, чем на 0,6–0,7 процентных пункта. Такое ускорение роста с высокой вероятностью не сможет инициировать оживление экономической активности в частном секторе, соответственно задача по выходу на приемлемые темпы роста (свыше 3,5%) решена не будет.

Совокупное действие текущего набора мер макроструктурной стабилизации и национальных проектов может сформировать среднегодовую динамику ВВП в период 2019–2024 гг. не выше 2,3–2,8%.

Одним из вариантов оценки экономических эффектов от реализации национальных проектов является разложение затрат по направлениям с последующей оценкой прямых и полных эффектов, в том числе связанных с формированием дополнительных доходов в результате межотраслевых взаимодействий.

В частности, в текущих проектировках национального проекта «Наука» основные финансовые ресурсы в период до 2024 г. распределяются по трем ключевым подпроектам: Кооперация, Инфраструктура и Кадры. При этом с функциональной точки зрения основные эффекты

от реализации нацпроекта концентрируются в потреблении домашних хозяйств (увеличение зарплат научно-технического персонала), инвестиции в развитие научной инфраструктуры, поддержку научной деятельности, а также постройку научно-исследовательских судов.

Наибольший эффект будет связан с вложением в научную инфраструктуру, а во второй фазе реализации проекта с поддержкой научно-исследовательской деятельности. Совокупный полный вклад проекта в формирование ВВП оценивается в 541,1 млрд руб. дополнительного прироста ВВП при общем объеме затрат в 616,9 млрд руб. (таблица 1).

Таблица 1. Структура затрат и экономические эффекты от реализации Национального проекта «Наука», млрд руб.

Наименование подпроекта	Затраты, млрд руб.						
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019–2024
Кооперация	5,42	17,23	15,84	22,63	39,21	83,41	183,75
Инфраструктура	23,33	38,38	56,42	81,99	79,66	82,76	362,53
Кадры	9,54	10,74	11,90	12,43	13,04	12,94	70,61
Совокупные расходы	38,29	66,35	84,16	117,05	131,91	179,11	616,89
Экономические эффекты							
Потребление домашних хозяйств	6,59	7,42	8,22	8,59	9,01	8,94	48,77
Инвестиции в инфраструктуру науки	16,30	26,82	39,42	57,29	55,66	57,82	253,30
Наука	6,09	19,37	17,81	25,44	44,07	93,76	206,55
Судостроение	2,28	3,76	5,52	8,03	7,80	8,10	35,49
Дополнительный прирост ВВП	31,27	57,36	70,97	99,34	116,54	168,62	544,11

В национальном проекте «Образование» основные финансовые ресурсы в период до 2024 г. распределяются по трем ключевым подпроектам: Современная школа, Успех каждого ребенка, Современные родители, Цифровая среда, Учитель будущего, Молодые профессионалы, Новые возможности, Социальная активность, Повышение конкурентоспособности, Социальные лифты. Полные эффекты при реализации проекта будут концентрироваться в потреблении домашних хозяйств (увеличение зарплат в сфере образования), инвестиции в развитие образовательной инфраструктуры, поддержку образовательной деятельности, а также в IT-технологии.

Наибольший эффект будет связан с вложением в образовательную инфраструктуру, затем в поддержку образовательной деятельности. Совокупный полный вклад проекта в формирование ВВП оценивается

в 564,4 млрд руб. дополнительного прироста ВВП при общем объеме затрат в 742,4 млрд руб.

Таблица 2. Структура затрат и экономические эффекты от реализации Национального проекта «Образование», млрд руб.

Затраты, млрд руб.							
Наименование подпроекта	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019–2024
Современная школа	56,71	56,87	57,09	36,49	35,98	35,98	279,12
Успех каждого ребенка	10,42	13,42	15,24	13,01	13,01	15,09	80,19
Современные родители	0,71	0,71	1,02	2,04	2,04	2,04	8,56
Цифровая среда	3,30	17,09	17,09	13,79	13,79	14,81	79,87
Учитель будущего	1,73	1,73	2,70	2,75	2,75	3,62	15,28
Молодые профессионалы	12,00	8,77	8,74	8,74	8,74	8,76	55,75
Новые возможности	1,08	1,08	1,66	1,66	1,66	2,08	9,22
Социальная активность	1,94	1,28	1,28	1,28	1,28	1,28	8,34
Повышение конкурентоспособности	26,22	30,88	37,40	35,61	35,61	35,61	201,33
Социальные лифты	0,23	0,89	0,90	0,90	0,90	0,90	4,72
Совокупные расходы	114,34	132,72	143,12	116,27	115,76	120,17	742,38
Экономические эффекты, млрд руб.							
Потребление домашних хозяйств	8,45	6,67	6,66	6,66	6,66	6,67	41,77
Инвестиции в инфраструктуру образования	61,20	64,68	70,25	54,10	53,74	54,37	358,33
Образование	15,06	17,55	20,43	19,14	19,14	21,80	113,12
Вычислительные технологии	2,11	10,94	10,94	8,83	8,83	9,48	51,12
Дополнительный прирост ВВП	86,81	99,84	108,28	88,73	88,36	92,32	564,34

Можно отметить, что по предварительным оценкам проект «Наука» обладает чуть большим мультипликатором на ВВП – 0,88 руб. на 1 рубль затрат, при 0,77 на 1 рубль затрат для проекта «Образование».

В целом можно говорить о том, что структура затрат проектов обладает достаточно высокой эффективностью с точки зрения формирования дополнительного объема добавленной стоимости (ВВП), но объем средств, планируемых для использования в данных проектах, не может оказать значимого влияния на экономическую динамику. Совокупный дополнительный рост ВВП за счет их реализации составит за период 2019–2024 гг. около 1,1 трлн руб. при общем накопленном ВВП за этот период не менее 750 трлн руб. это составит чуть более 0,1%.

Следует отметить главное. Текущий набор национальных проектов не может привести к существенному ускорению темпов экономического роста. Решающее значение для среднесрочного развития российской экономики будет иметь поведение бизнеса, рост инвестиционной активности которого, наряду с реализацией национальных проектов, позволит обеспечить приемлемые темпы экономического роста в перспективе до 2024 г. Однако для этого потребуются изменение ряда параметров экономической политики, в том числе и некоторое смягчение критериев макрофинансовой стабильности, которых придерживается Министерство финансов РФ и Центральный банк РФ.

Библиографический список:

1. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. – М.: Научный консультант. – 2017. – 196 с.
2. Ивантер В. В. и др. Прикладное прогнозирование национальной экономики. – М.: Экономист. – 2007. – 896 с.

List of References:

1. *Strukturno-investicionnaja politika v celjah obespechenija ekonomicheskogo rosta v Rossii: monografija / Pod nauch. red. akad. V.V. Ivantera. – M.: Nauchnyj konsul'tant. – 2017. – 196 s.*
2. *Ivanter, V. V. i dr. Prikladnoe prognozirovanie nacional'noj jekonomiki. – M.: Jekonomist. – 2007. – 896 s.*

**Пленарная конференция
МАЭФ–2019 «Экономика
как объект междисциплинарных
исследований. Четвертый
международный
политэкономический конгресс»**

16 мая 2019 г.

МГУ имени М.В. Ломоносова

Модератор конференции:

Бузгалин Александр Владимирович,

вице-президент ВЭО России, координатор Международного Совета ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института социэкономии Московского финансово-юридического университета МФЮА, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского педагогического университетов, д.э.н., профессор

Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации

Evolution of political economy subject and method at the dawn of digitalization

ПОРОХОВСКИЙ Анатолий Александрович

Заведующий кафедрой политической экономии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.э.н.

Anatoly A. POROKHOVSKY

Chair of Political economy department, Moscow Lomonosov State University, Doctor of Economics

Аннотация:

Четвертая промышленная революция требует системного решения современных практических и теоретических проблем. Такие решения может предложить политическая экономия как базовая часть общей экономической теории. Политическая экономия как системная теория развивается вместе с экономикой, определяя природу новых явлений через развитие своего предмета и метода исследования. Другие экономические теории дополняют политическую экономию, обращаясь к разным сторонам экономики XXI века.

Abstract:

Recent years have become digitalization in all their varieties. This has the greatest impact on the infrastructure of the economy and society. Despite the rapid and large-scale development of artificial intelligence, the role of man is not reduced, but increases. Economic relations between people, preserving their nature, acquiring new forms – rational, transformed, irrational. To substantiate this scientific hypothesis, we consider the following questions: political economy as a system theory; the essence of evolution of political economy subject and method; the economic meaning of digitalization.

A huge number of new phenomena and events at the national and global levels allows many researchers to use an interdisciplinary approach to analyze them. This does not mean that the objects and subjects of separate sciences and theories disappeared. The political economy is fully adaptive to modern realities.

Ключевые слова: Политическая экономия, предмет политической экономии, метод политической экономии, цифровизация, система экономики.

Keywords: Political economy, subject of political economy, method of political economy, digitalization, system of economy.

Постановка проблемы

Главным технологическим и социально-экономическим явлением последних лет становится цифровизация во всем своем многообразии. При этом она оказывает наибольшее влияние на инфраструктуру экономики и общества. Несмотря на быстрое и масштабное развитие искусственного интеллекта роль человека не снижается, а возрастает. Экономические отношения между людьми, сохраняя свою природу, приобретают новые формы – рациональные, превращенные, иррациональные. Для обоснования данной научной гипотезы рассмотрим следующие вопросы:

- политическая экономия как системная теория;
- суть эволюции предмета и метода политической экономии;
- экономический смысл цифровизации.

Громадное количество новых событий и явлений на страновом и глобальном уровнях вынуждает многих исследователей использовать междисциплинарный подход для их анализа. Это не означает, что исчезают объекты и предметы отдельных наук и теорий. В полной мере сохраняет свою значимость и самостоятельное звучание политической экономии.

Политическая экономия как системная теория

Крутые переломы в развитии человеческой цивилизации, связанные с распадом СССР и формированием всеобщей рыночной глобализации, поддержанной повсеместным распространением интернета при лидерстве американской экономической модели и экономической науки, снизили внимание к политической экономии в России и других странах. Однако мировой экономической кризис 2007–2009 годов и слабые экономические результаты российских рыночных реформ вновь вывели на повестку научных дискуссий проблему системного решения накопившихся системных проблем. К удивлению многих экспертов, такие решения может предложить как раз политическая экономия – единственная цельная системная экономическая теория. Ни одна другая теория – ни институционализм, ни экономикс, ни поведенческая или эволюционная теория, ни другие школы, программы или направления – не обладают потенциалом системного подхода, располагая лишь инструментарием анализа своих ограниченных предметных областей.

Наряду с началом выхода в 2015 г. специального журнала «Вопросы политической экономии» опубликованы монографические исследования [1] и учебники, целиком посвященные современному представлению политической экономии [2]. Более того, широкую известность приобретают книги российского ученого С.Д. Бодрунова о кардинальном изменении самой экономики в цифровую эпоху и повышении роли человека как главного созидателя [3]. Своеобразным путем отреагировали на 200-летие со дня рождения К. Маркса сотрудники Совета экономических консультантов при президенте США, которые в октябре 2018 г. выпустили доклад «Альтернативные издержки социализма», который затем вошел отдельной восьмой главой в книгу «Экономический доклад президента» [4]. Авторы пытаются показать, что в США многие элементы социализма уже лучше и больше достигнуты, чем в странах ЕС и Европы в целом [4, р. 381–426]. Речь идет об экономических и политических свободах, доступности здравоохранения, образования, жилища, пенсионном обеспечении. Впервые за последние десятилетия в официальном документе правительства США позитивно поданы отдельные преимущества социалистического устройства общества.

Современное информационное пространство, хотя и подвержено манипулированию со стороны крупных игроков, дает возможность гражданам всех стран, особенно с развитой экономикой, быть в курсе происходящих событий в режиме реального времени. Американцы сравнивают свою жизнь с европейцами, европейцы — с американцами. Их мало интересует та или иная экономическая теория. Они видят свою страну и мир вокруг, какие они есть. И они хотят жить лучше. Такой настрой людей вынуждает власти искать новые теоретические подходы для решения растущих проблем.

В рамках общей экономической теории только политическая экономия отличается системностью построения своих категорий и законов. Поэтому процесс развития экономики одновременно объективно выступает и как процесс развития не отдельно какой-либо категории, а всей системы политической экономии, поскольку все ее категории взаимосвязаны и взаимообусловлены. Если возникают новые явления, которые не были отражены в политэкономии, то они оцениваются и определяются системой координат политэкономии, где и находят свое место. В этом и состоит фундаментальность политической экономии. Поэтому несмотря на свою 400-летнюю историю, политическая экономия остается актуальной и в третьем тысячелетии.

Четвертая промышленная революция показывает, насколько сложным и многообразным объектом исследования становится экономика. И здесь свою роль играют частные, отраслевые и функциональные экономические теории и науки. Число таких наук продолжает расти, все больше насчитывается отраслей и сфер экономики, модифицируется механизм ее функционирования. В условиях роста цифровиза-

ции и неопределенности будущего повышается роль таких конкретных наук, как экономическая теория информации, теория финансов, теории риска и страхования, теории инвестиций и аудита. В рамках подобных теорий рассматриваются отдельные сегменты развития, а не экономика в целом, что является объектом политической экономии.

Между тем глобализация делает национальные экономики, в том числе и экономику России, взаимозависимыми. Сформировались особые тенденции развития мировой экономики как таковой. Несмотря на наличие общих родовых признаков рыночной экономики, нельзя не видеть особенности как национальных экономических моделей, так и мировой экономики. Воспроизводственный процесс на международном уровне подвержен сильному влиянию неэкономических факторов — военных, политических, религиозных. Поэтому каждая страна определяет оптимальный уровень открытости своей экономики, чтобы обеспечить свою экономическую безопасность. И в этом процессе политическая экономия играет главенствующую роль.

Суть эволюции предмета и метода

Политическая экономия возникла как наука о законах функционирования и развития национального рыночного хозяйства. После первой промышленной революции рыночное развитие получило долговременную промышленную основу, что позволило в полной мере раскрыться родовым признакам рыночной экономики — частной собственности, капиталу, наемному труду, конкуренции, различного вида рынков, стоимости и рыночному ценообразованию. В этот период классическая политическая экономия мануфактурного периода получила развитие по двум основным направлениям — системному, марксистскому на базе теории трудовой стоимости и неоклассическому на основе теории предельной полезности, где земля, капитал и труд рассматривались как равноценные факторы.

В XX веке все большее значение приобретала сфера услуг, которая также стала важным фактором развития материального производства. В результате экономика развитых стран внешне превратилась в так называемую сервисную, ибо в среднем на сферу услуг приходится 75% ВВП, а на производство товаров — материальное производство — 25%. Примерно в таких же пропорциях распределилась занятость работников. Экономическое значение производства товаров и производства услуг выровнялось для общества, хотя по-прежнему материальное производство остается общей основой воспроизводственного процесса, так как ни одна отрасль сферы услуг не может функционировать без изделий материального производства. Для экономики и общества нужны как товары, так и услуги — материальные и нематериальные блага. В информационную эпоху добавилось немало новых услуг. Все это сформировало предмет политической экономии как экономичес-

кие отношения между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг, или благ.

Относительное сокращение доли материального производства не привело к сокращению предмета политической экономии, так как сфера услуг встроена в общий воспроизводственный процесс, а в состав совокупного работника входят занятые в производстве товаров и услуг. Таблицы затраты-выпуск и межотраслевой баланс по экономикам развитых стран подтверждают значительное взаимодействие современных сфер национальной экономики. Вместе с тем растущая роль финансового сектора в сфере услуг приводит к тому, что суть экономических отношений, включая природу капитала, труда, денег и других явлений, представляется в повседневной жизни в превращенных и иррациональных формах. К примеру, производные финансовые инструменты – деривативы являются одной из иррациональных форм. Немало превращенных форм характеризуют сферу занятости – наемного труда, физического и умственного труда, самозанятости. Существует иррациональное выражение интеллектуальной собственности.

Поскольку политическая экономия оперирует сущностными категориями, постольку ее основным методом является метод научной абстракции, дополненный диалектическим взаимодействием количества и качества, единства и борьбы противоположностей. Выявлению количественных параметров и пропорций помогают математические методы анализа. Политическая экономия также широко в современных условиях использует цифровые технологии, которые, к примеру, незаменимы при работе с большими данными, анализе операций на фондовом рынке. Однако во всех случаях рассматриваются экономические отношения между людьми, ибо в рыночной экономике все факторы персонифицированы.

Экономический смысл цифровизации

Бурными темпами цифровизация проникает во все сферы экономики и общества. Более того, с ее помощью сформировалось глобальное цифровое пространство, которое стало основой глобализации 4.0. Видимость доступности почти любой информации любому человеку, имеющему доступ к интернету, создает немало иллюзий о всемогуществе виртуального мира, его господстве над окружающей реальностью. Фетишизм цифровизации развеивается, если вникнуть в ее экономический смысл.

Аналитики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) всесторонне рассматривают процесс цифровизации, периодически выпуская объемные исследования о ее влиянии и путях развития [5]. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту, который не только стал базой интернета вещей, но и претендует на замену людей на рабочих местах в различных сферах экономики.

Вместе с тем цифровизация не приводит, как ожидалось, к значительному повышению производительности труда ни в одной национальной экономике. Значительные темпы роста производительности наблюдаются только непосредственно в отраслях самой цифровой экономики — производстве компьютеров, смартфонов, серверов, других электронных изделий, а также программного обеспечения. До сих пор темпы роста производительности труда в страновом исчислении при четвертой промышленной революции ниже, чем при каждой из трех предшествующих промышленных революций. Экономически это означает, что цифровизация в наибольшей мере воздействует на инфраструктуру экономики, то есть на среду ее развития, включая рынок труда.

Уже при первой промышленной революции появилась такая форма занятости, как работа на дому. В современных условиях она стала быстро расширяться. Внешне выглядит так, что человек при удаленной занятости и особенно при самозанятости становится более независимым от работодателя (капитала или государства). На самом деле таких людей и фрилансеров чувство свободы покидает сразу, как только заканчиваются контракты и заказы, а потому вновь надо искать, на кого временно работать. Сфера экономики с такой занятостью получила название «гигномика» [6, с. 38, 45; 7]. Здесь работники не имеют никаких социальных гарантий от работодателей, они минимально защищены и государством. Все риски человек берет на себя.

Искусственный интеллект через роботизацию освобождает человека от рутинного монотонного физического или умственного труда. Вместе с тем в экономике растет потребность в высококвалифицированном труде, повышается роль человека как главного создателя прогресса. Учесть такие противоположные тенденции и настроить общество на преодоление их отрицательных последствий может и способно только государство. Поэтому роль государства не снижается, а возрастает. Это необходимо не только людям, это необходимо и капиталу.

Искусственный интеллект дополняет человеческий интеллект как инструмент воздействия на предметы труда. В перспективе у людей может появиться больше свободного времени для саморазвития. Но пока наемный труд остается основным источником дохода большинства граждан развитых стран. По-прежнему абсолютное большинство товаров и услуг — это результат наемного труда. Не случайно вопросы занятости — главные пункты избирательных компаний и в США, и в Европе.

Выводы

Модификация предмета и метода политической экономии в эпоху цифровизации происходит вследствие изменений в экономических отношениях между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления благ. Поскольку по сути отношения между капи-

талом и трудом сохранились в полном объеме, постольку социальные противоречия переместились в сторону государственных структур, задающих национальную модель развития. Все отчетливее проявляются общие для современного мира тенденции:

- возрастает роль государства как гаранта современных «правил игры» в рыночной системе;
- появляются и расширяются новые формы монополизма, в том числе на базе интеллектуальной собственности;
- возникновение «гигномики» как формы самозанятости ослабляет социальную защиту работников;
- сфера креативного труда расширяет границы совокупного работника, но не сокращает неквалифицированный труд; четвертая промышленная революция, цифровизация и глобализация 4.0 не снижают накал борьбы между транснациональными компаниями и странами за энергетические, сырьевые, водные и человеческие ресурсы.

Применение политической экономии как системной теории может способствовать найти ответы на вызовы, которые родила цивилизация для отдельных стран и всего человечества.

Библиографический список:

1. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов – СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.
2. Бузгалин А.В. Колганов А.И., Барашкова О.В. Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 552 с.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/ – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
4. *Economic Report of the President. Together with Annual Report of the Council of Economic Advisers. 2019. U.S. Government Printing Office, Washington D.C., March.* – 711 p.
5. OECD. 2019. *Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future*, OECD Publishing, Paris – 260 p.
6. Шваб К. 2019. *Технологии Четвертой промышленной революции.* [Пер. с английского] Москва: Эксмо. – 320 с.
7. Abraham G., Haltiwanger C., Sandusky K., Spletzer R. 2018. *Measuring The Gig Economy: Current Knowledge and Open Issues.* NBER Working Paper 24950. – 54 p.

List of References:

1. *Ryazanov V.T. Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza/V.T. Ryazanov – SPb.: Aleteyya, 2019. – 436 s.*
2. *Buzgalin A.V. Kolganov A.I., Barashkova O.V. Klassicheskaya politicheskaya ekonomiya: Sovremennoe marksistskoe napravlenie. Bazovyyi uroven. Prodvinutyiy uroven. – M.: LENAND, 2018. – 552 s.*
3. *Bodrunov S.D. Noonomika / – M.: Kulturnaya revolyutsiya, 2018. – 432 s.*

4. *Economic Report of the President. Together with Annual Report of the Council of Economic Advisers. 2019. U.S. Government Printing Office, Washington D.C., March. – 711 p.*

5. *OECD. 2019. Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future, OECD Publishing, Paris – 260 p.*

6. *Shvab K. 2019. Tehnologii Chetvertoy promyishlennoy revolyutsii. [Per. s angliyskogo] Moskva: Eksmo. – 320 s.*

7. *Abraham G., Haltiwanger C., Sandusky K., Spletzer R. 2018. Measuring The Gig Economy: Current Knowledge and Open Issues. NBER Working Paper 24950. – 54 p.*

**Контактная
информация:**

Пороховский Анатолий Александрович
Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46,
МГУ имени М.В. Ломоносова

**Contact
information:**

Porokhovsky Anatoly Alexandrovich
Russian Federation, 119191 Moscow, Leninsky Gory 1, build. 46, Moscow
Lomonosov State University.
E-mail: anapor@econ.msu.ru

Междисциплинарный подход и развитие политической экономики

The interdisciplinary approach and the development of political economy

РЯЗАНОВ Виктор Тимофеевич

Заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), доктор экономических наук, профессор

Victor T. RYAZANOV

Head of the Department of Economic Theory, St. Petersburg State University, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В статье раскрывается роль междисциплинарного подхода в исследовании современного капитализма. Его реализация связывается с возможностью использования метода научного синтеза в развитии марксистской политической экономики. Он необходим в целях улучшения возможности исследования природы и перспектив современного глобально-монополистического капитализма в условиях развертывания новой индустриальной революции.

Abstract:

The article presents on the role of an interdisciplinary approach in the study of modern capitalism. It is associated with the ability to use scientific method of synthesis in the development of Marxist political economy. It is necessary to improve the discoverability of nature and prospects of contemporary global monopolistic capitalism in the midst of deploying a new industrial revolution.

Ключевые слова:

Междисциплинарный подход, современная политическая экономика, научный синтез, политэкономия неомарксистского синтеза, новая технологическая революция.

Keywords:

Interdisciplinary approach, modern political economy, scientific synthesis, political economy of neomarxist synthesis, a new technological revolution.

Системный кризис, который на современном этапе в острой форме переживает экономическая наука и прежде всего ее неоклассическая школа, объясняется многими причинами, среди которых стоит выделить неспособность теоретического мейнстрима своевременно предупредить о наступлении экономического кризиса, не говоря уже о том, чтобы предотвратить развертывание событий по кризисному сценарию. Более того, доминирование финансовых спекуляций и бесконтрольность в появлении их многочисленных инструментов (деривативов), обрушение которых повлекло за собой масштабный кризисный обвал, стали прямым следствием господства либерально-рыночной идеологии, лежащей в основании неоклассицизма.

Такая кризисная ситуация в сфере неоклассического знания сложилась не случайно. Дело в том, что выбор уже исходных предпосылок, формирующих методологическое ядро неоклассики, а они основываются на модели абстрактного экономического человека, которому присуще рациональное поведение и методологический индивидуализм, а также равновесные схемы взаимодействия и устойчивость предпочтений в экономике, предопределили отрыв теории от реального объекта — современного капитализма. Такой выбор оказался дополнен нормативным преувеличением логики рынка, которое превращает ее в «особый род ложной тотальности». При этом социальные отношения между людьми оказались сведенными к одномерным отношениям обмена, что «ведет к перерастанию идеи эффективности рыночной экономики в идеологию тотального рыночного общества» (5, с. 19, 21).

Нереалистичность исходных предпосылок, модельный подход к экономике как обособленной и самодостаточной сфере общества, экономизм — все это превратилось в оковы, мешающие раскрытию сущностных и глубинных оснований современного капитализма. В этом отношении классическая политическая экономия и ее марксистская ветвь отличается большей открытостью и ориентацией на изучение реального объекта в многообразии его отношений и противоречий. Но и она должна стремиться к преодолению экономизма, к чему еще в начале XX века призывал С.Н. Булгаков. Он подчеркивал, что политическая экономия «нуждается в философском пересмотре и углублении своих основ, в освежении их философским сомнением» (2, с. 12).

В этом отношении современный капитализм как сложноорганизованная социально-экономическая система, опирающаяся на формационные и цивилизационные основания, тем более не может достоверно и точно быть описан с позиции сугубо экономического подхода. Экономизм должен быть дополнен междисциплинарным подходом, благодаря которому улучшаются познавательные возможности и одновременно более полно реализуется практическая функция научного анализа. Это имеет самое непосредственное отношение в решении

задачи развития современной политической экономики и может быть выражено в следующих направлениях.

Во-первых, использование междисциплинарного подхода позволяет расширить проблемное поле в исследовании современного капитализма, не ограничиваясь только экономическими отношениями. При этом сами экономические отношения необходимо анализировать в единстве общего и особенного, учитывая роль цивилизационных факторов (социокультурных, политических, поведенческих и т.п.), принимая во внимание соотношения объективных и субъективных факторов. Все это придает социально-экономической системе как объекту изучения необходимую полноту и институциональную многогранность.

Во-вторых, использование междисциплинарного подхода дает возможность дополнить состав субъектов экономических отношений и участников хозяйственной деятельности. Подключение к анализу в качестве экономических агентов этносов, появление глобальных игроков на экономическом поле в дополнении к традиционным социально-классовым группам определяет новые измерения в общественно-хозяйственной деятельности.

В-третьих, достоинством применения междисциплинарного подхода является то, что он допускает прямой перенос аналитических инструментов из смежных научных дисциплин для более точного раскрытия природы экономических отношений и хозяйственной практики. Для современной политической экономики это означает, что использование количественных параметров и формализованных моделей целесообразно дополнить «качественной методологией», нацеленной на более пристальное внимание к новым средствам познания, хорошо освоенным, к примеру, в антропологических исследованиях, таким как изучение реального поведения людей на основе непосредственных контактов с ними, самонаблюдения (интроспекции), беседы-интервью, анализ экономических институтов и хозяйственных инструментов (своеобразных артефактов), герменевтический анализ экономических текстов и т.д. Такого рода качественные методы являются не менее содержательными инструментами в объяснении действительного функционирования экономических институтов, рынков и т.д. в сравнении с построением априорных моделей.

Реализация междисциплинарного подхода в политической экономике современного капитализма имеет множество конкретных проявлений. Выделим три из них, которые важны для раскрытия единства и органичной взаимосвязи трех его главных подсистем — социально-экономических отношений, мирохозяйственных отношений и отношений к природе.

Применительно к становлению индустриального капитализма понятно, почему Маркс основное внимание уделил раскрытию противоречивой природы его экономических отношений с обоснованием исторических границ данного способа производства. Последующее развитие подхода Маркса к анализу капитализма дополнило эту кар-

тину еще одной его неотъемлемой гранью, связанной с особым характером мирохозяйственного устройства — его центр-периферийной структурой и неравномерностью развития, что оборачивается обострением противоречий в самом центре и между ним и периферией. В своей современной форме данный способ производства выступает как глобально-монополистический капитализм (ГМК-2). Соответственно система капиталистической эксплуатации дополнила противоположность труда и капитала второй осью, раскрывающей отношения эксплуатации капиталистическим центром (ведущими государствами и ТНК) своей периферии, вначале некапиталистической («мировой деревни»), а затем и капиталистической («мировой фабрики»).

Современный капитализм вполне закономерно также должен быть дополнен третьей осью — эксплуатацией природной среды обитания, роль, которая с каждым последующим периодом возрастает. При этом нарастающее обострение экологических проблем по мере дальнейшего развития капитализма встраивается в общую систему эксплуатации со всем усложняющимся комплексом противоречий, побочных эффектов и ограничений.

Таким образом, современный капитализм для полноты и точности характеристики необходимо видеть, по крайней мере, в его трехмерном измерении, а оно, в свою очередь, ориентирует на возможность и полезность использования метода научного синтеза. Сам по себе этот метод, выступая одним из способов реализации междисциплинарности и интегративности в исследовательской практике, объясняется наличием ряда важных обстоятельств, которые ему благоприятствуют. Ведь применение метода научного синтеза отражает многомерность социального бытия и вместе с тем наличие общей закономерности развития научных идей не только через их дифференциацию и расхождение, но и через взаимодействие, согласование и сближение. Благодаря ему в сфере экономического знания появляется возможность установления и поддержания диалога, так же как и практического взаимодействия между различными научными направлениями экономической мысли.

Более того, М. Алле даже утверждал, что условием прогресса самой экономической науки выступает «необходимость синтеза и безоговорочное подчинение урокам опыта» (1, с. 49). При этом синтез ему виделся не только между отдельными частями экономической науки, но и с другими социальными науками (историей, социологией). По существу, так может быть обозначено общее движение к «трансдисциплинарному синтезу», в котором находит отражение конвергенция технологий, наук и вненаучного опыта в различных сферах общественного бытия (6, с. 59). Такой подход принципиально противоположен попытке неоклассики в версии «экономического империализма» вместо междисциплинарности внедрить свою базовую методологию рационального выбора в качестве своеобразной метатеории, пригодной для ана-

литической экспансии практически во всех сферах социальной жизни общества. Иначе говоря, ставится задача односторонности экономического анализа превратить во всеобщность, упрощая и примитивизируя познавательную и аналитическую функцию общественной науки.

Одной из перспективных целей использования метода научного синтеза может стать появление новой концепции, отличающейся от ее составных частей. Безусловно, реализовать такую идею непросто, она требует больших и продолжительных усилий. Поэтому более простая и осуществимая задача связана с расширением взаимодействия и согласования совместимых по своим методологическим позициям экономических теорий, которое происходит на определенной теоретической платформе и своим результатом имеет ее качественное обновление.

Насколько идея такого синтеза полезна для развития самой марксистской экономической теории, а сам он является органичным?

Ее полезность заключается в том, что на основе такого синтеза возможна разработка «новой марксистской политической экономии», которая дает возможность уточнить, дополнить и развить исходную экономическую концепцию К. Маркса с учетом происходящих изменений в объекте (капиталистическом способе производства) и вместе с тем привлечь теоретические и аналитические разработки неортодоксальных научных школ, появившихся в последующие периоды.

Что собой может представлять теоретическая модель неомарксистского синтеза? Иначе говоря, что и как должно сочетаться.

Как представляется, в ее реализации следует идти от объекта изучения, что дает возможность переосмыслить проблемное поле для теоретического анализа и практического применения с использованием дополнительных аналитических инструментов. Поэтому главное направление неомарксистского синтеза предполагает соединение и согласование классической (идеальной) версии капитализма свободной конкуренции (по Марксу) и современного монополистического капитализма периода финансовой глобализации (ГМК 2.0) с перспективами становления «цифрового капитализма» как результата разворачивания новой технологической революции.

Предварительно обратим внимание на то, что сама исходная экономическая концепция К. Маркса базировалась, в том числе, на использовании им метода научного синтеза. Она рождалась не на пустом месте, а путем активного и творческого освоения накопленного и разрабатываемого в тот период экономического знания, соединения экономического подхода с его философским осмыслением. Можно утверждать, что теория Маркса представляет собой форму осуществленного синтеза и пример интегрирования научного знания, результатом которых стало создание завершенной версии классической политической экономии, дополненной и обогащенной ее качественным приращением, опирающимся на теорию развития формаций как сложной и целостной системы.

Вместе с тем необходимо учитывать, что реализация научного синтеза может приводить к двум противоположным результатам: неорганичному и органичному синтезу. Примером первого вида является неорганичность неоклассического синтеза. Для него характерно то, что, будучи формой компромисса неоклассики и кейнсианства, он построен на искусственном разграничении объекта на микро- и макроэкономику, а их методологические основания отличаются несопряженностью. Не случайно, что его использование в практике антикризисного регулирования в развитых капиталистических государствах в итоге носило ограниченный характер и, по существу, успешным было только при создании специфических благоприятных условий. Не удивительно, что многие из нынешних новых неоклассиков фактически отказались от этого синтеза, сделав ставку на растворение макроэкономики в микроэкономике.

Что касается неомарксистского синтеза, то его органичность определяется точным выбором реального объекта экономики, представленного в его воспроизводственной целостности экономических отношений и в равной степени в системе хозяйствования. Более конкретно она подкрепляется тем, что природа капитализма как системы экономических отношений по-прежнему раскрывает характер эксплуатации, наличие внутренних и внешних противоречий, объясняет неизбежность негативных последствий (безработицу, социальное расслоение, разрушение природы и т.п.). Все это в равной, хотя в каких-то сферах в еще больше и где-то меньшей степени присуще «трем» капитализмам. И в своем идеале, и в своей реальности ГМК-2, а в перспективе и «цифровой капитализм» – это не противоположные объекты, а единый объект, но не застывший и окаменевший в неизменном образе. Он пребывает в исторически не прерываемом развитии и трансформации. Как в прошлом, так и в современной версии ему в равной степени присущи исторические границы в развитии и финальная фаза.

Более подробно исследование методологического и аналитического потенциала политэкономии неомарксистского синтеза было проведено и представлено в монографии (3). Поэтому в заключение остановлюсь на том, как в современной версии марксистской политэкономии, опирающейся на междисциплинарный подход и метод научного синтеза, раскрываются дополнительные нюансы в определении перспектив развития капиталистической системы хозяйства, обусловленные развертыванием новой технологической революции с ее нацеленностью на цифровизацию экономики.

Первое, что необходимо подчеркнуть, – это важность избежать абсолютизации технологического детерминизма как пример применения однолинейной модели в сфере экономики, что равнозначно технофетишизму с использованием техноутопий в характеристике закономерностей социально-экономического развития (4). Это означает, что становление цифровой экономики необходимо исследовать с точки зрения учета

всего спектра общественно-экономических отношений, направленности их изменений и динамики, возможных не только экономических, но социальных и экологических последствий. То есть опираться на политэкономический подход в его расширенной междисциплинарной версии.

Второе. Если определять конечную цель «цифровой революции» в экономике, то в таком случае ее надо понимать как полномасштабное внедрение искусственного интеллекта в сферу производства, которым завершается исторический процесс замещения труда людей машинами. Отсюда и новое в трактовке исторических границ капиталистического способа производства. Главным становится вопрос, касающийся проблемы выбора: «цифровой капитализм» или «посткапитализм»? Дело в том, что именно финансовая сфера оказалась наиболее восприимчивой в реализации цифровых технологий в системе капитализма в силу действия, по крайней мере, двух важных обстоятельств. Во-первых, в сфере денежного обращения наряду с наличными и безналичными появились цифровые деньги с соответствующим новым и более эффективным механизмом их обращения. Выступая электронными счетами, они движутся со скоростью потока информации, создавая дополнительные возможности для получения сверхдоходов.

Во-вторых, в сфере финансов продолжают эффективно использоваться финансовые инновации, основанные на цифровых технологиях: онлайн-платежи, цифровая валюта, эффективные компьютеризированные торговые программы, система хеджирования и т.п., что придает финансовому капиталу чрезвычайную гибкость, высокую скорость оборота, обеспечивая получение сверхприбыли.

Вернуть капитализму ведущую роль реальной экономики с опорой на развертывание новой технологической революции в условиях сохранения капиталистических методов возможно, но это требует глубокого реформирования общественно-экономической системы, преодоления диктата финансового капитала и перестроение мирохозяйственного взаимодействия. При этом для начала требуется ограничить получение сверхприбыли в сфере финансов и параллельно использовать эффективные стимулы внедрения инноваций в сфере производства.

Теоретически это возможно, но насколько реализуемо? Ответ неоднозначен. Пока же можно констатировать, что происходит процесс трансформации спекулятивно-финансовой модели в ее разновидность – финансово-цифровой капитализм.

В качестве завершающего вывода отмечу следующее. В классической теории марксизма издержки господства капитала увязывались с такими явлениями, как безработица, обнищание части населения, рост социальной несправедливости и т.п., которые определяли антагонизм противоречий с их ключевой ролью в объяснении исторических границ данного способа производства. Для современного капитализма насущной потребностью становится не столько максимизация результатов в виде

непрерывно растущего производства, сколько минимизация побочных эффектов в использовании достижений НТП. Масштабность побочных эффектов от соединения НТП с капиталом с высокой вероятностью подрывает наряду с формационными уже основы цивилизационного устройства, рождая его машиноцентричную версию, в которой человек обречен к вытеснению на периферию общественно-хозяйственной жизни. Отсюда опасность превращения прогресса в регресс, усиление не только внутриформационных противоречий, но и появление жестких цивилизационных ограничений. Вот почему современная политическая экономия должна расширить свой исследовательский и аналитический потенциал за счет активного использования междисциплинарного подхода.

Библиографический список:

1. Алле М. Экономика как наука / Морис Алле. – М.: Наука для общества, РГГУ, 1995. – 168 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
3. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.
4. Рязанов В.Т. От аналоговой к цифровой экономике: технологический детерминизм и экономическое развитие // Экономист. 2019. № 6. С. 3–24.
5. Ульрих П. Критика экономизма / Петер Ульрих. – М.: Вузовская книга, 2004. – 120 с.
6. Шевелев А.А. Интегральный (трансдисциплинарный) подход в философии, политической экономии и институционализме // Проблемы современной экономики. 2018. № 3. С. 58–62.

List of References:

1. Alle M. Jekonomika kak nauka / Moris Alle. – M.: Nauka dlja obshhestva, RGGU, 1995. – 168 s.
2. Bulgakov S.N. Filosofija hozjajstva / S.N. Bulgakov. – M.: Nauka, 1990. – 412 s.
3. Rjazanov V.T. Sovremennaja politicheskaja jekonomija: perspektivy neomarksistskogo sinteza / V.T. Rjazanov. – SPb.: Aletejja, 2019. – 436 s.
4. Rjazanov V.T. Ot analogovoj k cifrovoj jekonomike: tehnologicheskij determinizm i jekonomicheskoe razvitie // Jekonomist. 2019. № 6. S. 3–24.
5. Ul'rih P. Kritika jekonomizma / Peter Ul'rih. – M.: Vuzovskaja kniga, 2004. – 120 s.
6. Shevelev A.A. Integral'nyj (transdisciplinarnyj) podhod v filosofii, politicheskoj jekonomii i institucionalizme // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2018. № 3. S. 58–62.

Контактная информация:

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
Рязанов Виктор Тимофеевич
+ 7921 957-21-86
v.rjazanov@mail.ru

Экономика 21 века: почему политэкономия и есть ли альтернатива?

The economy of the 21st century: why the politeconomy and is there an alternative?

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич

Заведующий кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор

Petr S. LEMESHCHENKO

Head of the Department of international political economy, Belarusian state University, doctor of Economics, Professor

Аннотация:

В статье в рамках онтологических и гносеологических изменений обосновывается возрастающее теоретическое и практическое значение политэкономии как науки о целостном отражении острых проблем современной мир-экономики.

Abstract:

In the article, within the framework of ontological and epistemological changes, the increasing theoretical and practical importance of political economy as a science of integral reflection of the acute problems of the modern world economy is substantiated.

Ключевые слова:

Мир-экономика, политэкономия, развитие, неопределенность, институты, глобальная рента.

Keywords:

World-economy, political economy, development, uncertainty, institutions, global rent.

Если обратиться к истории социально-экономического развития, анализу успехов и проблем этого важного процесса и жизни, то можно заметить, что старт современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила именно политэкономия. И то, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание прошлого или превращенное в реальные отношения экономическое сознание. Через сотню лет уже следующие поколения получат «продукт» современного политэкономического мышления. Думаю, критики и в адрес наших современников будет не меньше, чем сегодня.

Из множества вопросов, которые возникают в настоящее время, некоторые из которых представлены ниже, являются фундаментальными. Прежде всего, что же представляет собой современная экономика, как выразить ее, оформив категориально на действительно теоретическом уровне. Во-вторых, а какая наука целостно и объективно отражает своим предметом данное сложное структурное образование? В-третьих, нам не нравится наше прошлое, мы недовольны настоящим, но еще больше нас пугает неизвестность будущего. Каково же оно, это будущее, можно ли его предсказать и какими инструментами это сделать? Каковы роль, значение, место и содержание национальной экономической политики в деле всеобщего преобразования, где международные институты приобрели если и не абсолютное, то доминирующее влияние? Как состыковать интересы глобальных центров, мир-экономики и отдельного государства, если вообще возможно это сделать? Кто «расставляет фигуры» на «мировой шахматной доске»? Где тут ферзь, а где король и какие пешки при каких условиях могут превратиться в ферзей? Это далеко не праздные вопросы и сказать лишь о «плохом Западе» с его кознями так же нелепо, как говорить о наших благородных целях и великой миссии «больших и малых стран», к которым относятся, например, Россия и Беларусь.

Раз в столетие, пожалуй, эти проблемы в той или иной мере воспроизводят себя и требуют соответствующего теоретического, а потом и практического разрешения. Четыре столетия тому назад, в начале семнадцатого века, на заре становления капиталистических форм эволюции рыночного хозяйства, такой наукой, которая дала ответы на названные выше вопросы, выступила политэкономия – наука о законах развития общественного хозяйства. Поскольку теория неоклассики прочно вошла в арсенал учебных программ и учебников, то вспомним, что в качестве основных проблем, которые постулирует данное направление, называются проблема «что производить?», «как производить?», «сколько?». Спектр и глубина формулировки проблем политэкономии совершенно иные. Во-первых, политэкономия отразила новый на тот период целостный взгляд на сложившееся мироустройство (!), его эво-

люцию хозяйственных отношений, их хозяйственных форм. Сегодня экономика представляет собой не механическую сумму национальных хозяйственных систем или даже капиталов, а выступает как мир-экономика, задающая воспроизводственный цикл и определяющая «роли» экономических и политических игроков. Международные институты являются тем инструментом, через который оформляется и функционирует текущий миропорядок. Во-вторых, эта целостность проявилась в исследовании системы объективных экономических законов и отношений человеческого общения (производства, распределения, обмена и потребления), в чем оформился предмет экономики как науки в ее классической интерпретации, предложив практике на тот период адекватный хозяйственно-политический образ, практичную, хотя и противоречивую, но перспективную модель эволюции. Политэкономия 21 века должна учитывать изменяющееся сознание, которое стало выступать объектом и предметом трудовой деятельности и науки о современной мир-экономике. Цифровизация – это та конкретная сфера, в которой сознание доминирует. В-третьих, политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. В-четвертых, предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволил выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства. К сожалению, главный акцент в проводимых исследованиях делается преимущественно на росте. Но рост бывает и без развития. В-пятых, классической политэкономии удалось зафиксировать «несущую конструкцию» или основу общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. «Вброс» в оборот понятия «цифровая экономика» без системного представления сложившегося миропорядка привел в смятение почти всю научную общественность. Однако инициаторы этого процесса, например, квазибизнес обеспечивают в этой ситуации теоретической неопределенности внушительные доходы, которые являются трансакционными частными и общественными издержками. В-шестых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений возможно было определить прогноз нарастающих противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Сегодня доминирует не линейность эволюции, а рейтингономика заменила не только политэкономия, но и неоклассическую теорию. Наконец, политэкономия всегда давала методологическую и инструментальную основу для анализа другим, более конкретным экономическим дисциплинам. Их результатами обогащалась в последующем и политэкономия. К сожалению, конкретные экономические дисциплины сегодня

разрознены, усиливая «дефект знания», создавая информационный шум, который выгоден, по сути, всему транзакционному сектору.

Различные футурологические варианты, рейтингономика не заменили и не заменят политэкономии с ее развивающимся предметом, логикой и инструментами. Сегодня в этом же классическом ракурсе есть разные названия, которые предлагаются для этой научной дисциплины: от геоэкономики до неополитэкономии, глобальной политэкономии, теоретической экономики. Как будет – жизнь покажет, поскольку может прижиться и другое наиболее популярное название науки. Но в любом случае последняя фиксирует другой уровень развития политической экономики как интегральной идеальной конструкции, отражающей широкий обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. Поэтому наш тезис – не назад к политэкономии, а вперед, к новой политэкономии, если использовать традиционную терминологию, как обобщающей науке о современной мирохозяйственной политико-экономической системе. Для этого есть как онтологические, так и гносеологические предпосылки.

Позитивный анализ современного мирового хозяйства свидетельствует прежде всего о том, что, во-первых, динамика нынешнего развития крайне неустойчива, противоречива и имеет нестабильные темпы экономического роста даже без тенденции к развитию. Сократился объем сбережений в мире, что резко снизило возможный объем инвестиций. Поскольку же упала доходность капитала, то последний, следуя своим законам, уходит не только в спекулятивные сферы, но и в военно-экономические. Военные расходы государств выросли и на конец 2018 года составили 1,822 трлн долл. или 2,1% от ВВП и 239 долл. на человека. По странам план военных расходов 2019 г. следующий: США – 716 млрд долл. или 16% от госбюджета, Китай – 230 млрд долл., Индия 62 млрд долл., Великобритания 58 млрд долл., Сауд. Аравия – 56 млрд долл., Россия – 46,4 млрд долл., Япония – 45 млрд долл., Германия – 44 млрд долл., Ю. Корея – 39,2 млрд долл. Как следует из анализа Т. Пикетти, оформленного в книгу «Капитал 21 века», вызывает опасения не только рост военных расходов, но и то, что сократилась доходность капитала до уровня, который был накануне первой и второй мировых войн, что является крайне тревожным признаком. Во-вторых, резкие колебания конъюнктуры наблюдаются и в системе мирохозяйственных связей, отношений. Торговля как главная форма глобализации имеет тенденцию к сокращению в общей структуре транзакционных сделок (около 2%), что подрывает мотивы инновационного развития производительного капитала как ее основы. Мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный самостоятельный спекулятивный конгломерат – квазиэкономик, функционирующую не в интересах развития национальных экономик

и жизни людей планеты, а превратившуюся в форму перераспределения глобальной ренты. В-третьих, мировая экономика как целое (мир-экономика) опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов не столько бедных, сколько богатых стран. Парадоксально то, что сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную глобальную ренту финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. Ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного всеобщего кризиса. В-четвертых, колебания валютных курсов объясняются в первую очередь внедрением в хозяйственную деятельность спекулятивного мотива своеобразного «казино-экономики». Колебания цен на нефть как стратегический товар подтверждают высказанный тезис, ибо эти колебания никак не связаны ни с затратами, ни с новыми технологиями, ни даже с новыми рынками, динамикой мирового ВВП. Политика международных институтов направлена на сознательное снижение твердости национальных валют, консервируя тем конкурентоспособность стран. Кризисность мира сегодня – это ненормальная нормальность, с которой следует считаться всем странам. Глобальная рента стала основной формой дохода. Это уже явное проявление феодального капитализма с его иным институциональным оформлением. В-пятых, на сегодняшний день в мире происходит очевидный технологический, демографический, экономический и социальный перекокс. Инновации и, естественно, капиталовложения больше всего проникли в финансовую сферу, обеспечивая рентные доходы, дестабилизируя рыночную стратегию развития, «сбив» ее генетический код. «Цифровизация» усиливает этот эффект, не «цепляя» особо хозяйственные системы в целом и реальные сферы производства в том числе.

В-шестых, в конце 20 века возникло еще одно неравенство, еще более глубокое, чем неравенство по уровню бедности и потребления, которое также углубилось. Рынок, как оказывается, за сотни лет не решил проблему даже относительного материального благосостояния, потому что голодных стало еще больше. Но суть возникшего нового неравенства состоит в том, что глобальная сеть, созданная информационно-компьютерными технологиями, зафиксировала и неравенство стран и людей в доступе к информационному ресурсу. Возникла серьезная социально-нравственная проблема информационной дискриминации, которая, в свою очередь, разлагает общественный капитал и тем самым нарушает хрупкое институциональное равновесие. Эксплуатация приобрела более изощренные формы, усиливая неравенство населения, беднейшая часть которого уже составляет около 30%. Постулируя известное правило распределения, когда $MC = MR$ (предельные издержки равны предельному доходу), следует считаться с реальным фактом, что полпроцента населения мира присвоило каким-то обра-

зом около 40 процентов богатства планеты. Как пишет тот же Пикетти в названной выше книге, темпы роста присвоения богатства (r) значительно опережают темпы экономического роста (g). Из этого следует вывод, что прошлое пожирает будущее, поскольку сложившиеся формы хозяйства не обеспечивают необходимость повышения эффективности использования имеющихся ресурсов.

В-седьмых, современная мир-экономика со своими характеристиками уже давно не вписывается в предмет мировой экономики. Мировое хозяйство функционирующей модели при тенденции к глобализации обнаружило свой предел к потенциальному развитию. Это проявляется в разделении мировой экономики на части, которые иногда называют великими мировыми разломами. По сути, это новый передел мира. Противоречие между трудом и капиталом переходит в плоскость более глубокого противоречия между логикой развития капиталов и культурными ценностями человеческого бытия, логикой спекулятивной экономики и избранными в эпоху классицизма ценностями демократическими. Объектом жесткой конкуренции и эксплуатации является распределение функций и ролей государств по участию в мировом управлении.

Инвентаризация идей теории мейнстрима показывает ее зацикленность на системных свойствах абстрактного рынка, потреблении и может предложить лишь узкую, статичную, фрагментарную модель и самый общий набор принципов функционирования этой модели экономического устройства без философского, исторического, политического и социального контекста эволюции. Наука об экономике, традиционно базировавшаяся на соответствующих стоимостных категориях, дополненных ценностными характеристиками, утратила во многом свою историко-логическую эвристичность, самостоятельность, цельность и практичность. Проявлением цивилизационного кризиса выступило возникновение параэкономики и гетероэкономики как своей противоположности, переходящей в теневую, а потом и в антиэкономику. Начали возникать в связи с этим и лжетеории, «объясняющие» эти новые явления в заданном русле. Таким образом, выходящие сегодня на поверхность современные практические хозяйственные проблемы и сложившийся уровень теоретических наработок позволяют на текущий момент выделить в предмете экономической науки уже достаточно оформленное целостное институционально-экономическое и социокультурное пространство имеющего задачу исследования комплекса проблем геополитического и социально-экономического развития. Институциональные инновации здесь имеют первостепенное значение и детерминированность по отношению к другим изменениям, росту и пр.

Международное сообщество уже в очередной раз стоит перед сложным выбором необходимости реформирования существующих экономических и политических институтов и созданием новых. Но реформа

действующих институтов оказывается трудной, поскольку их инициаторы привержены экономической доктринам, которые, по сути, создают экономические кризисы. Ведь результаты последних далеко неодинаково распределяются между глобальными игроками и примыкающими к ним хозяйственными агентами.

Но научный метод имеет первостепенное значение перед фактами рациональности и даже перед отдельными открытиями. Именно он задает направление и способ исследования, результаты, отраженные в определенных категориях, а в конечном счете, и право экономики считаться наукой. Однако необходимо подчеркнуть, что в выборе метода или частных методик экономических исследований должно быть, во-первых, обращение к экономике как устройству, имеющему конституирующие начала, на что фокусировала внимание политэкономия. Во-вторых, закладывать в ней эволюционные установки и способность к самоорганизации и порядку, который бы примерно был одинаково выгоден для всех национальных и других образований. А в-третьих, политическая экономия в своем фундаментальном понимании и всех возможных ограничениях должна ориентировать на эвристическую функцию и лишь при условии заложенной а priori гуманистической позиции. Такое утверждение позволительно по той простой причине, что экономическая наука – это прежде всего наука о человеческой деятельности, а не только учение о товарно-денежных агрегатах, учение о рынке, об обмене. Конечно, фазу обмена изучать легче, чем весь воспроизводственный процесс, не затрагивая его многие острые социально-классовые и нравственные моменты.

Она возникла как наука о государственной мудрости для королей и ... для королей по задумке ее родоначальника А. Монкретьена еще в 1615 г. В «Кембриджской энциклопедии» указывается, что «политическая экономия» – это название, которое было дано экономике в конце XVIII – начале XIX в. В нынешнем столетии это понятие не получило широкого распространения, поскольку спектр проблем, изучаемых экономикой сегодня, гораздо шире, он включает в себя значительно больше вопросов, чем состояние национальных экономических систем и роль правительства в экономической жизни. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» политическая экономия определяется как одно из направлений экономики, предметом изучения которого являются экономические проблемы правительства.

Однако анализ проблем, методологических подходов и других свойств современной экономической науки позволяет выделить несколько направлений именно политической экономии, которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история. Но именно изучение этого творчества не только может дать старт для правильного понимания современной

социально-экономической системы, но определиться в оценках прошлого экономической истории.

Прежде всего, хорошим примером является возрождение в 60-е годы прошлого века в США и других странах политэкономии в классических традициях. Распределение доходов, проблема власти, монополистического и транснационального капитала – центральные проблемы этого направления политэкономии. Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, Смит, Милль или Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии. Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящую за пределы экономики. Они характеризуют современную политическую экономию как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. Эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию игр, сближая макроэкономику с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой. Размер дохода и богатства в данном контексте рассматривается как функция от формируемых институтов: это $y = f(I_1, I_2, \dots, I_n, I_n)$. Где I_1, \dots, I_n – это институциональные изменения. Если еще два десятка лет некоторые проблемы получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии XX в. относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа». Среди важнейших достижений следует отметить модель бюрократии, монопольно регулирующей информационные услуги (У. Нисканен), Г. Миллер, Т. Мо), теорию политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты.

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления: теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса

об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности, на наш взгляд, является типично политико-экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределения) объясняет причину 20% мировой бедности и нищеты, с чем уже нельзя не считаться, поскольку проблема усугубилась до болезненной остроты: 99% экономики работает на 1% населения.

Приведем еще список периодических изданий, которые подтвердят, что политэкономия скорее жива, чем наоборот. Из зарубежных регулярных изданий можно отметить следующие: «Журнал политической экономии» (Чикагский университет), «Международный журнал политической экономии» (США), «Журнал политической экономии» (Шотландия), «Австралийский журнал политэкономии», «Северный журнал политической экономии» (Исландия), «Бюллетень политической экономии» (Индия), «Журнал экономики и политэкономии» (Турция), «История политической экономии» (США), «Бразильский журнал политической экономии», «Политэкономия коммуникаций» (США), «Исследования в политической экономии» (Канада), «Экономика и проблемы политэкономии» (Украина). Совсем недавно начал издаваться в РФ журнал «Вопросы политической экономии», получивший большой резонанс среди научной общественности и высокую оценку в РИНЦе. И этот далеко не полный перечень авторитетных изданий показывает, что политэкономия – наука нужная и развивающаяся. По сути, классическая политэкономия явила собой первую законченную теоретическую форму, относительно сформировавшейся и признанной наукой не просто об экономическом росте, динамике, а наукой о хозяйственном развитии. С учетом возникших практических и теоретических проблем, расширения объекта и предмета политэкономия сегодня – это учение об общих законах институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработке оптимальных хозяйственных «порядков, определение норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы.

**Контактная
информация:**

Лемещенко Петр Сергеевич
Liamp@bsu.by

Особенность политэкономического исследования прорыва в технологическом и производственном развитии страны

The peculiarity of the political economy research breakthrough in technological and industrial development of the country

КАРАСЕВА Людмила Аршавировна

Заведующая кафедрой экономической теории Тверского государственного университета, д.э.н., профессор

Ludmila A. KARASEVA

Head of the Economic theory Department of The Tver State University, Doctor of Economics, Professor

Аннотация:

Цель исследования — концентрация внимания на необходимости политэкономического анализа прорыва в технологическом развитии страны. Методологически необходимость политэкономического подхода представлена в трех аспектах: в осмыслении процесса трансформации хозяйственной системы, когда внутри социально-экономической системы одного качества зарождается новое качество социально-экономических отношений, вызванное изменениями в производительных силах; во включении в анализ механизма реализации социально-экономических отношений; в преодолении упрощенного понимания рационального поведения хозяйствующих субъектов и выходе на системную рациональность.

Abstract:

The aim of the study is to focus on the need for political economic analysis of the breakthrough in the technological and industrial development of the country. Methodologically, the need for a political economic approach is considered in three aspects: in understanding the process of transformation of the economic system, when a new quality of socio-

economic relations is born within the socio-economic system, caused by changes in the productive forces; in the inclusion into the analysis of the socio-economic relations implementation mechanism; in overcoming a simplified understanding of the rational behavior of economic entities and entering to systemic rationality. The article presents the position according to which underestimation of the subjective approach (subject-objective and subject-subjective) leads to a simplified understanding of the mechanism of breakthrough in the technological and industrial development of the country. It is proved that in economic systems breakthroughs in productive forces were carried out, but without leading in parallel to the corresponding civilizational development of the economic system, through the mechanism of "violence" in the literal and figurative sense of the word (depending on the instrument of violence). Therefore, it is necessary to collectively control the instruments of violence, there is the need in the formation of appropriate organizational and institutional forms and norms that weaken the influence of the negative aspects of new phenomena in the productive forces, financialization, commercialization, economization of human relations and activities in the conditions of subordination of these innovations to the dominant economic interest. A gradual transition to the real mechanisms of civil society is needed.

Ключевые слова: Трансформация системы; субъектный подход; механизм реализации социально-экономических отношений; системная рациональность.

Keywords: Transformation of the system; subjective approach; mechanism of implementation of socio-economic relations; system rationality.

Побудил меня поделиться некоторыми соображениями по этой теме ряд обстоятельств. Во-первых, противоречие, заложенное в самой постановке такой цели. Прорыв, о котором идет речь, — это скачок в развитии, стремительное движение вперед, в первую очередь в производительных силах. Очевидно, что это может быть лишь подцелью главного, ради чего это необходимо сделать, необходимый способ, который позволит приблизиться к этой цели. Но столь же очевидно отсутствие стратегической цели, как и долгосрочной стратегии социально-экономического развития нашей страны, на что еще раз обратили внимание директор Института экономики РАН Е.Б. Ленчук, профессор А.В. Бузгалин и др. на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК-2019). Почему обращаем внимание на это противоречие? Потому, что главное целеполагание имеет принципиальное значение. От него зависят и подцели, и решения, связанные с выбором способов и инструментов реализации. Не лишним

будет сослаться на задачу, предложенную Амартией Сеном, лауреатом Нобелевской премии по экономике 1998 года, о найме на работу трех человек одинаковой квалификации на одно место, когда у нанимателя одна из целей – чуть-чуть улучшить наш мир. Однозначного решения не получается, так как выбор нанимателя будет зависеть от главной цели, которую он перед собой ставит [1, с. 105].

Во-вторых, противоречие между провозглашенной целью прорыва в технологическом и производственном развитии страны и предлагаемыми способами и инструментами решений. В частности, профессор А. Широу отмечает: «Тот набор программ, который сейчас есть, с одной стороны, исходит из предположения о том, что государственные ресурсы могут разогнать экономику, ... это неправильно, а с другой, – ..., что этот ограниченный набор средств, который мы запускаем в эти национальные проекты, может что-то радикально изменить в экономике» [2, с. 13].

В-третьих – это вопрос о том, кто будет субъектами этих преобразований. Так, на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК-2019) было высказано много обоснованных и полезных предложений по решению актуальных проблем российской экономики. Но все время возникал вопрос о том, кто же возьмет на себя ответственность за эти преобразования, чьи интересы пусть не совпадают, но хотя бы реально направлены на решение обозначенных проблем. Этим же вопросом задается профессор А. Аузан: «Найдутся ли штурманы корабля, которые смогут решить эту проблему? Сейчас наши элиты – короткохваты, с коротким взглядом. Сиюминутное у них преобладает над длинным. Они не знают не только, как решить проблемы на будущее, но часто – куда вести страну [прямо сейчас]...» [3].

То есть речь идет о недооценке субъектного подхода (как субъектно-объективного, так и субъектно-субъективного), проблемы институционализации экономических интересов в исследовании трансформации хозяйственной системы на основе технологического прорыва. Это важно по двум причинам. Первая – это проблема формирования элиты, развернутой не на личное обогащение и самовоспроизводство политической и экономической власти, а на деятельность ради человека (его как личности, а не человеческого капитала) и в интересах роста благосостояния общества. Вторая – без исследования структуры сложившихся интересов, ее динамики, невозможно предложить адекватный механизм их институционализации для формирования мотивационной направленности деятельности хозяйствующих субъектов на обеспечение качественных изменений в производительных силах [4]. Так, в условиях господства корпоративного капитала соприкосновение креативного и хозяйственного порождает «экономизацию» человеческих отношений в ходе формальных и неформальных творческих практик, экономизацию неэкономических по своей сути деятельностей.

Методологически нам видится необходимость политэкономического подхода в трех аспектах:

- осмыслении процесса трансформации хозяйственной системы, когда внутри социально-экономической системы одного качества зарождается новое качество социально-экономических отношений, вызванное изменениями в производительных силах;
- включении в анализ механизма реализации социально-экономических отношений;
- преодолении упрощенного понимания рационального поведения хозяйствующих субъектов, выход на системную рациональность.

В 2018 году вышла, на наш взгляд, важная и интересная книга профессора, президента Вольного экономического общества С.Д. Бодрунова «Ноономика». В ней автор последовательно проводит идею о том, что качественно новая индустрия – это изменения во всех сферах общественной жизни: экономических отношениях, управлении, в ценностях и мотивах человеческой деятельности, культуре. По мнению автора, изменения, происходящие в экономике, влекут рождение качественно новой системы отношений ноономики [5].

Обращение в рамках статьи к книге вызвано двумя обстоятельствами. Важно, что автор исходит из необходимости междисциплинарного подхода в исследовании проблемы качественных изменений в производительных силах. А также акцент на том, что эти изменения объективно предполагают качественные изменения в социально-экономических, организационно-экономических, институциональных и собственно хозяйственных отношениях, на включении в исследование ценностного пространства хозяйствующих субъектов, культуры в широком смысле этого слова.

Вместе с тем трансформационные изменения, о которых пишет профессор С.Д. Бодрунов, происходят внутри действующей хозяйственной системы. Здесь мы сталкиваемся с недооценкой того, что речь идет о системе, находящейся в особой трансформации. Методологически всякое новое, зарождающееся, должно быть сначала рассмотрено само по себе, чтобы уяснить его природу, необходимые и достаточные условия, внутренний механизм жизни. А затем понять, как это новое может быть встроено в ту или иную хозяйственную систему, то есть смоделировать механизм функционирования, реализации его потенциала, этапность становления (если оно незрелое), развития – в случае ставшего отношения. Принципиальное значение имеет тот факт, что новое отношение может осуществиться, только подчинившись господствующим социально-экономическим отношениям, принимая адекватные им организационно-экономические, институциональные формы своего осуществления.

Какое значение это имеет к нашей теме? Самое прямое. Поясню на примере трансформационных отношений, зарождающихся под влия-

нием креативного труда в современной экономике. В творческой деятельности как функции самореализации человека взаимодействует множество людей, находящихся на различных уровнях социальной иерархии, теперь уже и глобальной. Это процесс исторический и нацеленный в будущее, в котором всегда действуют плановые механизмы и стимулы, естественные и сознательно формируемые потребности и ограничения [6, с. 220].

Опыт исследования творческой деятельности в нашей литературе имеется. Достаточно сослаться на материалы А.В. Бузгалина, его соавтора по многим работам А.И. Колганова. Но остановлюсь на одном материале профессора А.В. Бузгалина «Человек или человеческий капитал?». Так, ученый утверждает, что «...в экономике XXI века Человек все более выступает как (1) субъект творческой деятельности, который при этом (2) целостно подчинен тотальному рынку и капиталу и в силу этого (3) обретает видимостную форму „человеческого капитала“» [7, с. 91]. Подчеркнем подчинение не просто труда, а человека в целом капиталу.

Но разобраться в механизме этого подчинения невозможно, не разворачивая специфическую социально-экономическую природу современного корпоративного капитала через механизм ее осуществления. И снова сошлемся на работу А.В. Бузгалина, где анализируются «переходные отношения, нацеленные на частичное реальное подчинение творческой деятельности капиталу ... с использованием новых механизмов формального подчинения человека капиталу» [7, с. 107, 107–121].

Поддерживая автора, хочу лишь обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, данный процесс происходит через экономизацию субъекта творческой деятельности на разных уровнях функционирования отношений корпоративного капитала. И, во-вторых, мера целостности подчинения человека корпоративному капиталу зависит от степени зрелости капитала и может принимать формы феодализации и даже рабских отношений. Так, если капитал встраивается в хозяйственную систему, которая генетически еще не имеет соответствующего институционального иммунитета, то объективно он начнет в ходе функционирования воспроизводить отнюдь не капиталистические отношения. Но самое важное, что экономизация неэкономических по сути форм и видов деятельности приводит к разрушению самой деятельности по сути. Примеров тому множество (деятельность врача, педагогическая деятельность, исследовательская деятельность и др.).

Теоретическое осмысление этого процесса требует развертывания механизма включения субъекта творческой деятельности в социально-экономические, организационно-экономические, институциональные отношения и в хозяйственную практику. При этом меняются соответствующие статусные формы и функциональные роли субъекта деятельности на каждом витке опосредования. Методологически это означает

включение в исследование механизма реализации социально-экономических отношений.

На рисунке представлена модификация отношений экономических субъектов при переходе с одного уровня на другой (рис. 1). На нем продемонстрировано субординированное опосредование в ходе реализации отношений глубинного уровня организационно-экономическими, институциональными отношениями и выход их на поверхностный собственно хозяйственный уровень (трансформация объективных отношений в субъективные), с одной стороны. А с другой – обратное воздействие деятельности субъектов экономики на базисные экономические отношения (переход субъективного в объективное).

Рисунок 1.
Уровни реализации экономических отношений в рамках субъектного подхода

Обратим внимание на процесс обратного влияния субъективной деятельности хозяйствующих субъектов на сущностные основания хозяйственной системы, на ее разноуровневые социальные геномы. Актуализация субъектного аспекта исследования экономических отношений выводит на преодоление упрощенного понимания рационального поведения субъектов, признание системной рациональности, идея которой была высказана немецким социологом Никласом Луманом как способности системы быть чувствительной к окружающему ее миру [8, с. 190–202]. Конечно, автор идеи рассматривал эту проблему в первую очередь применительно к исследованию общества. Однако его подход может быть взят на вооружение в рамках исследования закономерностей поведения хозяйствующих субъектов. Это тема самостоятельного анализа. Здесь же заметим, что рациональность действия может рассматриваться по разным критериям: социальным, экономи-

ческим, финансовым, коммерческим, ценностным и т.п. Но ключевым является понимание системообразующего критерия, без чего невозможно разработать теорию стимулов, которая способна перевести экономико-теоретические наработки в практическое русло, так как именно стимулы формируют заинтересованность в хозяйственной активности, работая на экономический интерес и его институциализацию, и вполне могут заместить в трансформируемой российской хозяйственной системе экономизацию человеческих отношений.

Недооценка влияния субъективной деятельности хозяйствующих субъектов, их субъективного восприятия окружающего мира, мотивационной направленности на глубинные процессы, уточняющие, развивающие, социальные (в том числе, социально-экономический) геномы приводит к упрощенному пониманию механизма прорыва в технологическом и производственном развитии страны.

История развития разных хозяйственных систем показывает, что прорывы в производительных силах осуществлялись, но, во-первых, часто не приводя к соответствующему цивилизационному в широком смысле слова развитию хозяйственной системы. И, во-вторых, через механизм «насилия» в прямом и переносном смысле этого слова (в зависимости от инструмента насилия). Это тем более важно для современной России с ее многоукладностью, неравномерностью протекания социально-экономических и социальных процессов. Олигархический капитал в России, концентрирующий в своих руках основную массу ресурсов и власти, подчиняет себе, когда это выгодно, достижения формирующейся четвертой промышленной революции, не дает возможность оформиться институционально другим экономическим интересам для их реализации, углубляя институциональное отчуждение, в том числе представителей креативного труда. Политический аналитик В. Соловей справедливо замечает: «Главное, что сейчас происходит – мы достигли состояния, когда никак не можем шагнуть в будущее» [9].

Академик РАН, профессор С. Глазьев видит новую модель, позволяющую сделать рывок, как интегральную, «когда государство сочетает стратегическое индикативное планирование и механизмы рыночной самоорганизации, контроль над движением денег и поощрение частного предпринимательства, а власть выступает как интегратор разнообразных социальных интересов, поощряющий частный бизнес в той степени, в которой он работает на подъем экономики» [10]. Но здесь возникает ключевая проблема субординированности плана и рынка (отношений плановости и стоимости) в условиях доминирующего экономического интереса (основного отношения экономической системы). Та же проблема возникала при обсуждении доклада профессора Дэвида Лайбмана «Альтернативы капитализму: модель, интегрирующая существующие модели („модель моделей“»)» на международном семинаре: Планирование: политико-экономический анализ в рамках

Четвертого политэкономического конгресса «Экономика как объект междисциплинарных исследований». В ней были представлены основные характеристики Многоуровневой демократической итеративной координации (MDIC), попытка синтеза централизованных и децентрализованных форм организации и планирования, а также количественных и качественных/политических способов регулирования.

Понимание этого приводит к необходимости общественного контроля над инструментами насилия, формирования соответствующих организационных и институциональных форм и норм, ослабляющих влияния отрицательных сторон новых явлений в производительных силах, финансиализации, коммерциализации, экономизации человеческих отношений и деятельности в условиях подчинения этих новаций господствующему экономическому интересу. Соглашусь с профессором А. Аузаном, «сейчас самый актуальный вопрос у нас – восстановление коллективного контроля над инструментами насилия» [3], постепенный переход к действительным механизмам гражданского общества.

Библиографический список:

1. Чарльз Уилан. *Голая экономика. Разоблачение унылой науки.* – М. 2017. – 384 с.
2. Широв А. *Заштопать дыры?* // *Вольная экономика.* – 2019. – Апрель-июнь.
3. Аузан А.: *Хочется раскола в элитах. Чтобы часть элит осознала, куда и почему надо двигаться.* Режим доступа: – https://philologist.livejournal.com/10501874.html?utm_referrer=https:%2F%2Fzen.yandex.com.
4. Карасева Л.А. *Путь к интеграционному знанию: к вопросу о практической методологии марксизма / Л.А. Карасева // Вопросы политической экономики.* – 2018. – № 4. – С. 29–35.
5. Бодрунов С.Д. *Ноономика* – М.: *Культурная революция, 2018.* – 432 с.
6. Петрищев В.А. *О необходимости углубления содержания политической экономики. / В.А. Петрищев // «Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление».* – 2018. – № 4. – С. 220–222.
7. Бузгалин А.В. *Человек или «человеческий капитал» / А.В. Бузгалин // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала.* – Москва, 2011. – 556 с.
8. Никлас Луман. *Введение в системную теорию.* – М.; Издательство «Логос». – 2007. – 360 с.
9. Соловей В. *Масштабный политический кризис в России неизбежен. В сущности, он уже начался.* Режим доступа: – <https://ekb.dk.ru/news/masshtabnyy-politicheskiy-krizis-v-rossii-neizbezhen-v-suschnosti-on-uzhe-nachalsya-237120357>.
10. Глазьев С.Ю. *Российская экономика разрывается между двумя центрами.* Режим доступа: – <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/rossiiskaia-ekonomika-razryvaetsia-mejdu-dvumia-centrami-5be988030b9cad00aa10a2f5?&from=feed>.

- List of References:**
1. Charl'z Uilan. *Golaya ekonomika. Razoblachenie unyloi nauki.* – M. 2017. – 384 s.
 2. Shirov A. *Zashtopat' dyry?* // *Vol'naya ekonomika.* – 2019. – April' – iyun'.
 3. Auzan A.: *Khochetsya raskola v elitakh. Chtoby chast' elit osoznala, kuda i pochemu nado dvigat'sya.* *Rezhim dostupa:* – https://philologist.livejournal.com/10501874.html?utm_referrer=https:%2F%2Fzen.yandex.com.
 4. Karaseva L.A. *Put' k integratsionnomu znaniyu: k voprosu o praktichnosti metodologii marksizma* /L.A. Karaseva // *Voprosy politicheskoi ekonomii.* – 2018. – № 4. – S. 29–35.
 5. Bodrunov S.D. *Noonomika* – M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2018. – 432 s.
 6. Petrishchev V.A. *O neobkhodimosti uglublениya sodержaniya politicheskoi ekonomii.* /V.A. Petrishchev // «*Vestnik TvGU. Seriya «Ekonomika i upravlenie».* – 2018. – № 4. – S. 220–222.
 7. Buzgalin A.V. *Chelovek ili «chelovecheskii kapital»* /A.V. Buzgalin // *Chelovek i ekonomika: spravedlivost' i bazisnaya demokratiya protiv totalitarizma rynka i kapitala.* – Moskva, 2011. – 556 s.
 8. Niklas Luman. *Vvedenie v sistemnuyu teoriyu.* – M.; Izdatel'stvo «Logos». – 2007. – 360 s.
 9. Solovei V. *Masshtabnyi politicheskii krizis v Rossii neizbezhen. V sushchnosti, on uzhe nachalsya.* *Rezhim dostupa:* – <https://ekb.dk.ru/news/masshtabnyy-politicheskyy-krizis-v-rossii-neizbezhen-v-suschnosti-on-uzhe-nachalsya-237120357>.
 10. Glaz'ev S.Yu. *Rossiiskaya ekonomika razryvaetsya mezhdvumya tsestrami.* *Rezhim dostupa:* – <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/rossiiskaia-ekonomika-razryvaetsia-mejdu-dvumia-centrami-5be988030b9cad00aa10a2f5?&from=feed>.

Контактная информация:

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33; +7 915 709 29 30,
e-mail: karasevatvgu@yandex.ru.

Contact information:

170100, Tver, Zhelyabova Str., 33; +7 915 709 29 30,
e-mail: karasevatvgu@yandex.ru.

Технологический и социально-экономический прогресс: взгляд сквозь призму классической политической экономики XXI века

Technological and socio-economic progress: A view through the prism of the classical political economy of the XXI century

БУЗГАЛИН Александр Владимирович

Вице-президент ВЭО России, координатор Международного Совета ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета МФЮА, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского педагогического университетов, д.э.н., профессор

Aleksander V. BUZGALIN

Vice President of the VEO of Russia, Coordinator of the International Council of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Socio-Economics of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University; Visiting Professor of Cambridge, Beijing, and Hainan Normal Universities; Ph. D. (Econ.), professor

Аннотация:

Автор раскрывает потенциал классической политической экономики в решении задач технологического и социально-экономического прогресса. Основное внимание уделяется вопросам взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Выделяются три аспекта этого дискурса. Первый – специфически капиталистический тип технологического прогресса, его потенциал и противоречия. Второй – анализ более масштабной проблемы продвижения от системы, которую Маркс назвал «царством необходимости», к качественно иному состоянию общества – «царству свободы». Третий дискурс акцентирует прогресс творческого содержания труда, возможность развития на этой основе собственности каждого на все.

Abstract:

The author reveals the potential of classical political economy in solving problems of technological and socio-economic progress. The focus is on the interaction of the productive forces and production relations. The author highlights three aspects of this discourse. The first is a specifically capitalist type of technological progress, its potential and contradictions. The second is an analysis of the larger problem of moving from the system, which Marx called the 'realm of necessity', to a qualitatively different state of society – the 'realm of freedom'. The third discourse emphasizes the progress of the creative content of labor, the possibility of developing on this basis of the property of everybody for everything.

Ключевые слова:

Политическая экономия, глобальные проблемы, технологическое развитие, социально-экономическое развитие, планирование, социальный сектор, творческий труд.

Keywords:

Political economy, global problems, technological development, socio-economic development, planning, social sector, creative labour.

Классическая политическая экономия, особенно ее марксистская версия, в настоящее время большинству ученых, реализующих свой креативный потенциал в рамках неоклассической парадигмы, кажется чем-то давно забытым, устаревшим.

Автор этого короткого текста покажет ошибочность этого утверждения на примере нескольких ключевых положений, показывающих потенциал названной парадигмы в решении ряда фундаментальных проблем современной экономики и общества.

* * *

Первое. Едва ли не общим местом в сегодняшних размышлениях о будущем человечества стали акценты на технологическом прогрессе и вопросы формирования таких институтов, которые создали бы стимулы для его свободного и эффективного развертывания при соблюдении экологических, социальных и гуманитарных ограничений и при ориентации этого прогресса на первоочередное решение проблем прогресса человеческих качеств, загрязнения природной среды, бедности и неравенства.

Такая постановка проблемы сегодня становится все более востребованной, и современные авторы дают ответы на эти вызовы, предлагая свои концепции и формируя системы аргументов, их обосновывающих. Среди таких концепций, приобретающих сегодня в России (и не только в России) все большее признание, выделим теорию Нового индустриального общества второго поколения и Ноономики С.Д. Бодрунова [1,2], теорию технологических укладов С.Ю. Глазьева и его учителей [3–5] и др.

Несколько менее общеизвестно, что основа этой фундаментальной проблемы – достаточно подробно раскрытое в марксистской литературе, как философской, так и политико-экономической (см., напр.: [6–8]), противоречие производительных сил и производственных отношений. Среди не-марксистов этот тезис выделяет в своих работах С.Д. Бодрунов, но это то исключение, которое подтверждает правило. Правило же состоит в том, что определенная система производственных отношений формирует конкретно-историческую систему социально-экономических стимулов технологического прогресса и основные направления, по которым он идет.

Так, стремление к бесконечному увеличению объема прибавочной стоимости (непосредственно – избыточной, опосредованно – относительной) становится основным стимулом технологического прогресса в условиях капитализма (в России эту систему в последние десятилетия предпочитают называть рыночной экономикой). Взаимосвязь и противоречие наемного труда и капитала вкупе с товарным и денежным фетишизмом формируют облик этого технологического прогресса, ориентированного в своем классическом виде на увеличение производства вещей и лишь косвенно – на прогресс человеческих качеств.

Решение глобальных экологических, социальных, гуманитарных проблем эта система сама по себе не предусматривает, и только тогда, когда эти проблемы обостряются, возникает вопрос о необходимости формирования других социально-экономических и политико-идеологических отношений, которые позволят как минимум ограничить разрушение природной среды и дегуманизацию общества.

Достаточно хорошо известно, что такими отношениями становятся социальные, экологические, гуманитарные нормативы, а это ростки иной, нежели частно-рыночная, системы экономических отношений.

Еще одно направление формирования рамок и приоритетных направлений технологического прогресса – пострыночные механизмы общественного регулирования воспроизводственных процессов (о том, как и в какой мере они могут быть реализованы при помощи экономической политики и институциональных преобразований, остающихся в рамках реформирования капиталистической экономики – ниже). Перечень можно продолжить.

Все сказанное выше – не более чем очень краткая аннотация того, как выглядит проблема регулирования технологического прогресса в условиях рыночной экономики с точки зрения политико-экономического подхода. В теоретико-методологическом плане этот тезис будет звучать еще более определенно: капиталистическая система производственных отношений требует, как минимум, дополнения и ограничения со стороны посткапиталистических отношений, иначе успешно решать проблемы технологического развития она не сможет.

В этой формулировке нет ничего нового, она просто повторяет хорошо известный тезис Маркса о том, что на определенном этапе

развития старые производственные отношения становятся тормозом развития производительных сил.

Что все это означает с практической точки зрения?

Ответ достаточно хорошо известен: активная промышленная политика и стратегическое планирование вкупе с активным включением гражданского общества в решение проблем технологического развития и вопросов выработки социально-экономических «правил игры», т.е. тех экономико-правовых норм, которые станут формами претворения в жизнь реформ, приводящих к развитию в ткани рыночно-капиталистической системы элементов новых производственных отношений и тех переходных форм, которые соединяют последние с по-прежнему господствующими частно-капиталистическими отношениями.

Это указывает на то, что сама по себе рыночно-капиталистическая система не решает задачи обеспечения социальных, экологических и гуманитарных приоритетов развития. Эти императивы в XXI веке требуют, как минимум, дополнения рынка общественным регулированием.

Все это, однако, будет не более чем частичным реформированием уже существующей системы экономических отношений.

* * *

Развитие качественно новых технологий (по сравнению с господствующими до сих пор технологиями, относимыми уже упомянутым нами выше С.Ю. Глазьевым к 3-му и 4-му технологическим укладам) потребует гораздо более глубоких изменений в производственных отношениях. И это второе положение классической политической экономии, которое хотелось бы выделить в рамках этого текста. Оно достаточно хорошо известно. Именно этот вывод сделал Маркс, завершая первый том «Капитала». Еще более важным в этом отношении нам представляется положение из третьего тома «Капитала», где автор этой фундаментальной работы показывает реперные точки перехода от господствовавших тысячелетиями отношений метасистемы, которую он называет «царством необходимости», к обществу, которое лежит «по ту сторону» собственно материального производства и которое он в данном случае называет «царством свободы», а в других работах – коммунизмом.

Приведем фрагмент этого текста Маркса полностью, ибо он мало известен новому поколению ученых обществоведов вообще и экономистов, в особенности: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С разви-

тием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие» [9, с. 386–387].

Эти положения марксизма долгое время казались либо утопией, либо размышлениями об отдаленном будущем, однако ситуация существенно изменяется именно в настоящее время.

Долгие десятилетия неолиберального «конца истории» в конечном итоге убедили всех, что история не заканчивается.

Действительно, на протяжении последнего полувека значимые изменения в производительных силах происходили преимущественно в сфере создания, хранения и передачи информации. В собственно материальном производстве происходило, скорее, совершенствование старых технологий, нежели создание качественно новых способов производства материальных благ.

Однако ситуация начала изменяться. Человечество стоит на пороге качественного скачка в технологическом развитии, и именно политическая экономия может помочь понять, какие производительные силы могут прийти на смену господствовавшим на протяжении последнего столетия, и какие производственные отношения могут стать адекватными формами их развития.

* * *

Третье положение, которое мы хотели бы акцентировать в этом тексте.

Политическая экономия марксизма с самого начала поставила труд в основание исследования природы экономических систем. Противоречие частного и общественного, конкретного и абстрактного труда лежит в основании теории стоимости. Противоречия, рождаемые не только формальным, но и реальным подчинением репродуктивного индустриального труда наемного рабочего капиталу, лежат в основании теории эксплуатации. Во всех этих случаях Маркс и его последователи апеллируют к содержанию труда и затем, на этом основании, рассматривают его социально-экономическую форму, рождающуюся в процессе включения работников в определенные производственные отношения.

Так, развитие машинных технологий привело к смене репродуктивного ручного труда репродуктивным индустриальным, сделав работника придатком машины.

Изменения, которые происходят в настоящее время — это экстенсивная и интенсивная экспансия творческого по своему содержанию труда. Воспользуемся для его характеристики парафразой на основании фрагмента ранее написанного автором текста (см.: [10, с. 45–46]). Итак, творчество — это деятельность, которая соединяет в себе распределение культурного феномена и созидание нового культурного феномена — идеального в диалектико-материалистическом смысле. Результат творческой деятельности характеризуется такими свойствами, как неограниченность и потенциальная общедоступность (затраты на тиражирование культурных благ стремятся к нулю их можно раздавать, не теряя). Результат творчества многогранен: им могут быть и культурные феномены, и новые творческие качества самого субъекта творчества. Творческая деятельность обладает свойством самомотивации (творческий труд перестает быть обременением и превращается в потребность). Творческая деятельность есть одновременно и особое общественное отношение — субъект-субъектный диалог творца со всеми остальными деятелями культуры во времени и пространстве. В силу этого творчество — это одновременно и всеобщая и сугубо индивидуальная деятельность. Всеобщность творческой деятельности обуславливает то, что она создает феномен, априори являющийся всеобщей [культурной] ценностью и потому не требует социально-экономического опосредования для своего общественного признания (покупки рыночным агентом или иной). Признание его ценности происходит исключительно в процессе распределения данного феномена в иной творческой деятельности (в процессе сотворчества).

Как мы видим, этот труд является неотчуждаемым по своей природе. Он создает блага, которые по своему содержанию являются неограниченными. Более того, результаты этого труда можно распределять среди сколь угодно большого круга потребителей этого блага, ничего не теряя, и при этом с издержками копирования, стремящимися к нулю. Это качественно новые производительные силы, которые обуславливают, как минимум, возможность формирования качественно новых производственных отношений, одной из важнейших сторон которых становится возможность диалектического отрицания интеллектуальной частной собственности и распространения собственности каждого на все (подробнее см. [11]).

Существенно, однако, что даже в тех пространствах экономической жизни, где отсутствует частная собственность на то, что принято обозначать словосочетанием «интеллектуальные блага», присвоение этих благ требует определенных предпосылок. Главные из них — высокий уровень культуры у субъекта присвоения (точнее было бы в данном случае сказать — распределения) этих благ, во-первых, и, во-вторых, наличие больших объемов свободного времени.

Первая предпосылка обуславливает (эта связь далеко не очевидна, но в этом кратком эссе мы опустим промежуточные звенья доказательства) необходимость массового развития общедоступного образования или, воспользуемся работами О.Н. Смолина [14], образования для всех и через всю жизнь.

Вторая реализуется еще сложнее, ибо предполагает не только сокращение рабочего времени (которое в условиях нестабильной занятости 21 века, особенно в России, для большинства работников креатосферы – в сфере образования, здравоохранения и т.п. – в большинстве случаев растет, а не сокращается), но и наполнения культурным содержанием времени, свободного от работы. Последнее, в частности, предполагает продвижение от общества потребления к новому типу общественного развития, ориентированного не на количественный рост ВВП, а на качественные результаты. Отсюда императив социальных, «зеленых», гуманитарных приоритетов экономического развития или того, что в политической экономии называется воспроизводством.

Этот императив, в свою очередь, имеет вполне практические следствия и предполагает глубокие коррекции как в экономической политике, так и в институтах, что, как и во всех остальных случаях, будет способствовать реформированию системы производственных отношений и формированию отношений, более адекватных, нежели нынешние, задачам обеспечения простора для развития производительных сил и социального прогресса.

Библиографический список:

1. Бодрунов С.Д. *Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка*. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
2. Бодрунов С.Д. *Ноономика*. М.: Культурная революция, 2018.
3. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. *Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования*. М., 1992.
4. Глазьев С.Ю. *Стратегия опережающего развития российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов*. М., 2007.
5. Глазьев С.Ю. *Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России*. 2012. № 2. С. 27–42.
6. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. *Исторический материализм*. М., 1969.
7. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. *Теория и история*. М.: Политиздат, 1981.
8. *Курс политической экономии*. В 2-х т. / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973.
9. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. М.: Политиздат, 1962.
10. Бузгалин А.В. *Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования*. 2017. № 7. С. 43–53.

11. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
12. Батищев Г.С. Определечивание и распределечивание // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. / Под ред. Ф.В. Константинова М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 154–155.
13. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re loaded). Изд. 5-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2019.
14. Смолин О.Н. Образование – для всех: философия, экономика, политика, законодательство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академ-книга, 2014.

List of References:

1. Bodrunov S.D. *The future. New Industrial Society: Reloaded. 2nd ed., rev. and add.* Saint-Petersburg, 2016.
2. Bodrunov S.D. *Noonomy.* Moscow, 2018.
3. Glazyev S.Yu., L'vov D. S., Fetisov G.G. *The evolution of technical and economic systems: possibilities and limits of centralized regulation.* Moscow, 1992.
4. Glazyev S.Yu. *The strategy of advanced development of the Russian economy in the context of global technological developments.* Moscow, 2007.
5. Glazyev S.Yu. *Modern theory of long waves in economic development. Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoi Rossii [Economic science of modern Russia].* 2012. No. 2. P. 27–42.
6. Kelle V.Zh., Kovalzon M.Ya. *Historical materialism.* Moscow, 1969.
7. Kelle V.Zh., Kovalzon M.Ya. *Theory and history.* Moscow, 1981.
8. *The course of political economy. In 2 volumes / Ed. by N.A. Tsagolov. 3rd ed., rev. and add.* Moscow, 1973.
9. Marx K. *Capital. Critics of political economy. Volume Three // K. Marx and F. Engels. Works. 2nd ed. Vol. 25. Part II.* Moscow, 1962.
10. Buzgalin A.V. *Creative economy: private intellectual property or the property of everybody for everything? Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies].* 2017. No. 7. P. 43–53.
11. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Social structure transformation of late capitalism: from proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class?. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies].* 2019. No 1. P. 18–28.
12. Batishev G.S. *Objectification and disobjectification. In Philosophical Encyclopedia. In 5 volumes. Vol. 4. Ed. by F.V. Konstantinov, Moscow, 1967. P. 154–155.*
13. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Global capital. In 2 vols. Vol. 2. Theory. Global hegemony of capital and its limits ('Capital' reloaded). Ed. 5th, add.* Moscow, 2019.
14. Smolin O.N. *Education is for everyone: philosophy, economics, politics, legislation. 2nd ed., Add.* Moscow, 2014.

Молодежная секция МАЭФ

Экономика России:
что предложит
поколение NEXT?

Московский
авиационный
институт
(национальный
исследовательский
университет)

Модератор секции:

Голов Роман Сергеевич,
заведующий кафедрой «Менеджмент
и маркетинг высокотехнологичных отраслей
промышленности» НИУ МАИ, д.э.н.,
профессор, член Президиума Вольного
экономического общества России

Состояние и перспективы развития энергосбережения в России

The state and prospects of development of energy saving in Russia

КОШЕЛЕВ Александр Сергеевич

Магистр кафедры «Энергетический сервис и управление энергосбережением» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»

Aleksandr S. KOSHELEV

Master of the Department «Energy service and energy saving management» FGBOU VO «Moscow Aviation Institute (National Research University)»

Аннотация:

В исследовании автора проводится обзор современного состояния системы энергосбережения и определение путей ее дальнейшего развития. Автор анализирует энергоёмкость СССР, объем текущего потенциала энергосбережения и динамику его раскрытия. В статье приводится исследование европейской практики повышения энергоэффективности, ее эффектов для общества и экономики. Отражено формирование основных направлений развития энергосбережения, включая подготовку профессиональных кадров, развитие энергосервисной деятельности, совершенствование нормативно-правовой базы, создание инноваций для решения задачи импортозамещения.

Abstract:

The study of the author reviews the current state of the energy saving system and determines the ways of its further development. The author analyzes the energy intensity of the USSR, the volume of the current energy saving potential and the dynamics of its disclosure. The article presents a study of the European practice of energy efficiency, its effects on society and the economy. Formation of the main directions of development of energy saving, including training of professional personnel, development of power service activity, improvement of normative legal base, creation of innovations for the solution of a problem of import substitution is reflected.

Ключевые слова: Энергосбережение, энергетический менеджмент, энергетический сервис, энергоэффективные технологии, инновации, потенциал энергосбережения, топливно-энергетический комплекс, энергоемкость экономики, импортозамещение.

Keywords: Energy saving, energy management, energy service, energy efficient technologies, innovations, energy saving potential.

В настоящее время экономика России находится не в самом стабильном состоянии. Напряженная экономическая ситуация, ограничения иностранных банков при кредитовании российских финансовых структур, отток иностранных инвестиций из нашей экономики составляют элементы одной общей проблемы – проблемы ограниченного количества доступных экономических ресурсов. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, является рациональным определение и высвобождение доступных ресурсов. Одним из основополагающих резервов представляется потенциал энергосбережения, при раскрытии которого появится возможность высвободить значительные денежные средства.

Как показывают исследования, российская экономика имеет колоссальный потенциал энергосбережения, что отражено на диаграмме (рис. 1) [1]. В первую очередь следует отметить его значительный объем: по оценке экспертов, цифры варьируются от 470 до 481 тонн условного топлива (т. усл. т.). По приблизительным подсчетам это половина всех типов энергоресурсов и энергии, потребляемых на территории России ежегодно. К наиболее энергоемким секторам экономики относятся: промышленный сектор, в котором можно сэкономить 73,2 млн т. усл. т.; жилищный сектор, где возможно высвободить 77,4 млн т. усл. т.; а также сектора по производству тепла и электроэнергии. Главными причинами такой высокой энергоемкости промышленного сектора является эксплуатация устаревшего производственного оборудования, аварийная степень износа энергетических и инженерных коммуникаций предприятий, износ несущих конструкций.

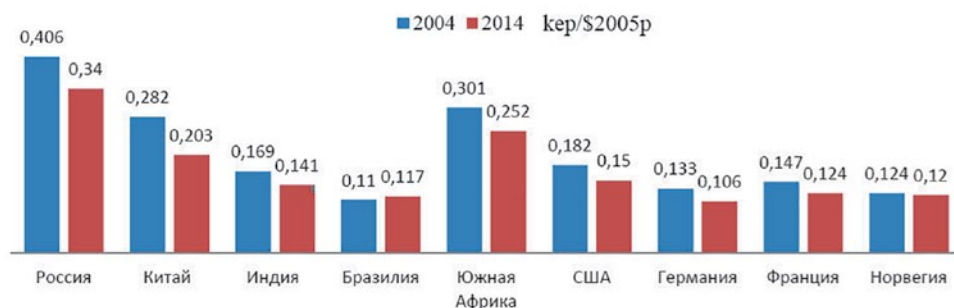
Один из возможных путей достижения положительного результата заключается в совокупности слаженных действий государства, бизнеса и общества. Данные, отраженные на диаграмме (рис. 2), подтверждают, что российская экономика находится на стартовом этапе раскрытия потенциала энергосбережения.

На данном графике отражено использование энергии на единицу ВВП государств – стран с развитой рыночной экономикой и участников БРИКС в сравнении. Россия в данном рейтинге занимает последнее место с показателем 0,34 килограмма нефтяного эквивалента на 1 дол-

Рисунок 1.
Потенциал энергосбережения российской экономики.

Рисунок 2.
Показатели развивающихся стран БРИКС и стран с развитой рыночной экономикой в сравнении по интенсивности использования энергии при постоянном паритете покупательной способности на единицу ВВП

лар США за 2014 год. Ее превосходят входящие в БРИКС Индия, Бразилия и Китай, а ближе всего к ней по уровню эффективности энергопотребления находится Южная Африка. Данный график отчетливо отражает степень отставания, которую стоит преодолеть, для создания энергоэффективной экономики.

Мировой опыт показал, что страны, имеющие правовую законодательную и финансовую поддержку со стороны исполнительных и законодательных органов власти, достигли существенного прогресса в области энергосбережения. Все эти страны используют в своем арсенале законы об энергосбережении и финансируемые государством программы по их реализации. [5]. Кроме того, многие страны разрабатывают программы по стимулированию промышленного производства на выпуск инновационных материалов и оборудования, финансируемых

коммерческими организациями, а также программы по экспериментальной апробации энергосберегающих технологий, финансируемые из бюджета государства. Многие инновационные разработки в области энергосбережения не получили бы дальнейшего развития без создания поддерживающей организационно-финансовой системы [6].

После сравнения степени эффективности использования энергии России и других стран следует рассмотреть состояние отечественного энергосбережения (рис. 3).

Рисунок 3.
Результаты работы Министерства энергетики РФ по снижению энергоёмкости ТЭК и прогноз на 2015–2020 годы

В первую очередь следует рассмотреть достигнутые результаты по повышению энергоэффективности в одном из наиболее энергоёмких секторов экономики – топливно-энергетическом комплексе. Снижение выработки тепловой энергии и электроэнергии, а также понижение энергоёмкости добычи газа и нефти было достаточно значительным с 2012 по 2014 год. В секторе добычи нефти энергоёмкость опустилась на 2,74%, при генерации электроэнергии ресурсов тратится на 1,2% меньше, а при генерации тепловой энергии она снизилась на 0,45%. На одну десятую процента выросла энергоёмкость добычи природного газа. Прогноз раскрытия потенциала энергосбережения представлен на нижних графиках.

Профессор Голов Р.С. отмечает: «Сегодня, с учетом турбулентности современной экономики, сложно наверняка сказать, будут ли данные значения достигнуты к 2020 году. Одной из причин, которая вселяет скепсис по данному вопросу в рядах российских экспертов, является разрыв между динамикой объемов финансовых ресурсов, вкладывае-

Рисунок 4.
Соотношение
средств,
затраченных
на проведения
мероприятий
по энерго-
сбережению
и полученной
экономической
эффективности
от их реализации

Источник:
Федеральная
служба
государственной
статистики

мых в энергосбережение, и результатами от реализации проводящихся на эти средства энергосберегающих мероприятий». [4]

Сопоставление двух важнейших для энергосбережения показателей – средств, инвестированных в энергосберегающие мероприятия, и экономического эффекта, полученного в результате их реализации, – отчетливо демонстрирует колоссальное превосходство финансовых затрат над достигнутой экономией (рис. 4).

На данном графике видно, как количество средств, затраченных на мероприятия по энергосбережению, начинают стремительный рост в 2009 г. и сохраняют эту тенденцию до 2013 г. Такое повышение связано с требованиями принятого в 2009 г. Федерального закона «Об энергосбережении». Несмотря на то, что пиковые значения затрат достигали пяти миллиардов, результат экономии от проведенных мероприятий не достиг даже одного миллиарда. Это прямое доказательство того, что за этот период было внедрено крайне мало энергоэффективных технологий.

Основываясь на межсистемном характере энергосбережения, эксперты определили ключевые пути его развития в рамках различных проекций – образовательной, инновационной, нормативно-правовой, а также проекции энергосервиса. В комплексе они образуют целостный механизм, совершенствование и формирование которого способствует раскрытию национального потенциала энергосбережения. Кратко рассмотрим каждое из данных направлений.

Законодательно-правовая база определяет сам контекст энергосберегающей деятельности. Известно, что новизна энергосбережения как таковая зачастую представляет проблему при практической реализации, по причине того, что система законов и подзаконных актов, начавшая формирование в 2009 г., на данный момент не представляет возможности полноценно интегрировать его в систему действующей

Рисунок 5.
Ключевые
пути развития
энергосбережения
в России

Ключевые пути развития отечественного энергосбережения в контексте современной экономической реальности

экономики. Это влечет за собой большое количество сложностей в ходе реализации практических проектов: вместо обдуманного внедрения самих технологий, компании вынуждены сталкиваться с бюрократическими барьерами и заниматься изучением противоречивого законодательства. При рассмотрении системного развития энергосбережения становится очевидной необходимость устранения серьезных юридических барьеров.

Одним из ключевых направлений развития энергосбережения является подготовка профессиональных кадров для сферы энергосбережения. «Любая отрасль – это прежде всего кадры – те профессионалы, которые посвящают свою карьеру и жизнь определенной работе». В настоящее время работу по энергосбережению на предприятиях вынуждены возглавлять главные энергетики и главные инженеры. Такого профиля специалисты, как правило, обладают базовыми знаниями в данной области. Решением сложившейся проблемы может выступать организация системы полноценной подготовки профессиональных кадров в сфере энергоэффективности. Такого рода профессиональную подготовку должны проводить ведущие технические университеты, имеющие в штате опытный профессорско-преподавательский состав по специализированным дисциплинам, связанными с областью энергосбережения.

Ключевым направлением современного энергосбережения выступает – «Энергетический сервис – уникальный механизм, позволяющий повысить энергетическую эффективность объектов без вложений

со стороны заказчиков. За последнее время энергосервис стал синонимом энергосбережения, вобрав в себя успешные энергоэффективные практики». Несмотря на это, путь к энергосервисному рынку имеет большое количество барьеров.

Четвертое направление органично объединяет предыдущие три – это создание инновационных продуктов в области энергосбережения с целью решения задачи импортозамещения. Отличительной особенностью рынка энергосбережения является интенсивная инновационная динамика. Ежегодно иностранными разработчиками и российскими производителями разрабатываются новые энергоэффективные технологии, материалы, высокотехнологичное оборудование, различные системы контроля, учета и передачи данных. Основываясь на том, что введенные западными странами санкции постепенно вводят эмбарго на ввоз в Россию высокотехнологичного оборудования, нужно быть готовыми к тому, что это может затронуть и поставки технологий и техники для повышения энергоэффективности. В сложившейся ситуации верным решением может являться системная работа по созданию собственных энергоэффективных инновационных решений в рамках решения национальной задачи импортозамещения.

В заключение стоит отметить, что становление российской системы энергосбережения, сталкиваясь с недостаточно внимательным отношением со стороны государства, общества и инвесторов, уже прошло определенный непростой путь. Для его дальнейшего развития крайне важна слаженная работа всех указанных сторон, в ходе которой инициатором крупных энергосберегающих проектов должно выступать государство, что тем самым будет косвенно гарантировать инвесторам эффективность этих проектов. Не менее важным также является комплексная и системно интегрированная информационная работа с обществом, в котором, к сожалению, пока не до конца сложилось понимание механизма энергетического сервиса и собственных выгод от внедрения энергосберегающих технологий. Только в случае поддержки всех слоев общества национальный потенциал энергосбережения может быть раскрыт в максимальной степени.

Библиографический список:

1. Башмаков И.А. *Что происходит с энергоемкостью ВВП России?* / Башмаков И.А. // *Экологический вестник России*. – 2018. – № 7. – С. 18–29.
2. Голов Р.С., Мыльник А.В. *Инновационно-синергетическое развитие промышленных организаций*. – М.: ИТК «Дашков и К», 2012. – 420 с.
3. Голов Р.С., Мыльник А.В. *Системная реиндустриализация экономики: существующие предпосылки и оптимальные пути ее реализации* // *Экономика и управление в машиностроении*. – 2017. – № 1. – С. 5–11.
4. Голов Р.С. *Энергосбережение в России: Состояния и перспективы* / Голов Р.С. // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2018. – № 207. – С. 408–428.

5. Новоселова И.В. Развитие жилищной политики России на основе опыта европейских стран // Научное обозрение. – 2016. – № 10. – С. 224–226.

6. Томашук Е.А. Методы организации малого бизнеса при формировании системы взаимодействия предприятий // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 4. С. 5–9.

List of References:

1. Bashmakov I.A. Chto proishodit s jenergoemkost'ju VVP Rossii? / Bashmakov I.A. // Jekologicheskij vestnik Rossii. – 2018. – № 7. – P. 18–29.

2. Golov R.S., Myl'nik A.V. Innovacionno – sinergeticheskoe razvitie promyshlennyh organizacij. – M.: ITK «Dashkov i K», 2012. – 420 s.

3. Golov R.S., Myl'nik A.V. Sistemnaja reindustrializacija jekonomiki: sushhestvujushhie predposylki i optimal'nye puti ee realizacii // Jekonomika i upravlenie v mashinostroenii. – 2017. – № 1. – P. 5–11.

4. Golov R.S. Jenergoberezhenie v Rossii: Sostojanija i perspektivy / Golov R.S. // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. – 2018. – № 207. – P. 408–428.

5. Novoselova I.V. Razvitie zhilishhnoj politiki Rossii na osnove opyta evropejskih stran // Nauchnoe obozrenie. – 2016. – № 10. – P. 224–226.

6. Tomashuk E.A. Metody organizacii malogo biznesa pri formirovanii sistemy vzaimodejstvija predpriyatij // Inzhenernyj vestnik Dona. – 2012. – № 4. P. 5–9.

Развитие системы нотариальных услуг в условиях цифровой экономики

The evolution of a russian public notary system in a digital economy

ЦВЕТКОВ Дмитрий Дмитриевич

Аспирант, НИУ «Высшая школа экономики»

Dmitry D. TSVETKOV

PhD student, Higher School of Economics (HSE)

Аннотация:

В статье кратко рассматриваются основные функции нотариата и их трансформация в условиях развития Цифровой экономики. Предлагается возможная будущая модель реализации цифрового нотариата.

Abstract:

The article briefly presents the main functions of the Russian Public Notary System and their transformation in the conditions of the evolution of the Digital economy. A possible future model for the implementation of the digital notary is proposed.

Ключевые слова:

Нотариат, цифровая экономика, автоматизация, база данных, реестр, децентрализация.

Keywords:

Notary, digital economy, automatization, database, register, decentralization.

Нотариат в РФ призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Регулиру-

ется Основами законодательства Российской Федерации о нотариате. Не является предпринимательской деятельностью [1].

Нотариус в РФ – лицо, работающее в государственной нотариальной конторе или занимающееся частной практикой, отвечающее требованиям Основ [1].

Рисунок 1.
Обобщенная
диаграмма
функций
нотариуса

Исходя из диаграммы, представленной на рис. 1, если обобщить, главной функцией нотариуса является удостоверение тех или иных прав и фактов.

В России, фактически, нотариат является важнейшим институтом, через систему которого проходит огромное количество операций (купля-продажа недвижимости, сделки с долями юридических лиц, выдача доверенностей, перевод документов и др.). Помимо этого, очень часто необходимо нотариальное заверение тех или иных документов для обеспечения доказательств в судах. Некоторые нотариусы также могут предоставлять услуги в сфере денежных отношений.

В настоящее время идет тенденция на ускорение всех процессов в экономике. Этому способствует бурное развитие интернет-технологий и появление новых инструментов для взаимодействия. В связи с этим перед государственными системами встают новые вызовы, характерные для развития цифровой экономики. К таким вызовам относятся запросы на обновление, ускорение предоставления услуг, улучшение обратной связи, увеличение прозрачности и уменьшение бюрократических процедур. В таблице 1 представлены нормы настоящего, характерные для текущей системы нотариата в РФ, и предполагаемые нормы будущего.

Таблица 1. Система нотариата в РФ: нормы настоящего и будущего

Норма настоящего	Норма будущего
У каждого нотариуса несколько разных реестров	Один общий реестр всех действий за любой период
Бумага, ручной ввод	Цифра, автоматизация
Отсутствие обмена данными между гос. реестрами	Интеграция с гос. реестрами
Закрытость информации	Открытость, согласно правилам
Дублирование документов	Единый источник
Возможность подделки	Защита от изменений, консенсусное подтверждение
Привязка к прописке	Независимо от местоположения
Личное присутствие	Дистанционно

Тем не менее, в условиях цифровых трансформаций в экономике, система нотариата также претерпевает изменения. Так, с 2018 года все нотариальные действия начали регистрироваться в Единой информационной системе нотариата (ЕИС), появился электронный обмен информацией между нотариусами. Были запущены публичные нотариальные реестры для проверки доверенностей. Также активно развиваются Системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Нормы настоящего постепенно начинают трансформировать в нормы будущего. Тем не менее, «при несоответствии сведений, содержащихся в реестре нотариальных действий, сведениям реестра для регистрации нотариальных действий, ведущегося на бумажных носителях, приоритет имеют сведения реестра, ведущегося на бумажных носителях» [2].

Ниже предлагается возможная модель реализации цифрового нотариата:

1. Отдельный нотариальный реестр на базе распределенного реестра со справочником нотариусов.

В настоящее время у каждого нотариуса существует несколько реестров нотариальных действий в форме бумажных книг. Помимо них, есть также один общий реестр, где регистрируются все действия (с 2018 г. появился его электронный дубликат, где хранятся только номера действий без их содержания). Каждый реестр необходимо заполнять вручную, строго соблюдая правила заполнения. На все исправления необходимо составлять и регистрировать специальный акт. Сами реестры (кроме общего) никак не связаны друг с другом и хранятся у нотариусов. На заполнение всех необходимых полей реестров тратится очень много времени, что сильно затягивает процесс получения услуги у нотариуса. Появление единого электронного реестра с подробной детализацией всех действий позволит существенно ускорить процесс.

Справочник нотариусов подразумевает, что пользователь может обратиться к любому из нотариусов.

2. К реестру имеют доступ «на запись» все нотариусы и уполномоченные лица. Для записи каждому выдается индивидуальный «ключ».

Текущие правила предусматривают заполнение реестров нотариальных действий не только нотариусом, но также их помощниками и другими уполномоченными лицами. Чтобы идентифицировать пользователя, внесшего изменения в электронный реестр, а также защитить реестр от несанкционированного доступа, у каждого пользователя должен быть защищенный ключ с электронной цифровой подписью (ЭЦП) – токен. Без него также нельзя будет просматривать реестр.

3. Подтверждением блоков с данными занимается каждый нотариус.

Распределенная сеть предполагает последовательное создание блоков с информацией любым участником сети, поскольку они – равноправны. В случае с нотариатом целесообразно выделить нотариусов (по ЭЦП) в отдельную группу участников, которые смогут создавать новые блоки в реестре. Механизм распределенного реестра в этом случае будет работать таким образом: блок с данными будет считаться корректным в том случае, если его подтвердит более 2/3 нотариусов. Это позволит исключить поддельные данные в блоках и повысит надежность и доступность реестра. Кроме того, подтверждения блока, информация в нем не подлежит изменениям, следовательно, она всегда будет храниться для истории.

4. У каждого блока, нотариального действия, документа и объекта персональных данных (ПД) свой уникальный идентификатор и маркер доступа.

В первоначальной идее распределенных реестров вся информация открыта всем участникам. В нотариальном распределенном реестре это невозможно, поскольку он хранит множество персональных и частных данных. Следовательно, данные должны иметь индивидуальный «маркер». Это позволит разграничить данные в распределенном реестре.

5. Возможность пометки данных как недействительных.

Как уже упоминалось выше, данные в блоке, после их подтверждения, нельзя изменить или удалить. Чтобы провести какие-либо изменения, необходимо будет сформировать блок, в котором, помимо новых данных, будет стоять пометка о недействительности старых (с указанием причины). Такого рода пометки должен будет согласовывать нотариус.

6. Взаимодействие с другими реестрами.

Взаимодействие может быть реализовано в автоматическом режиме. Например, автоматически передавать информацию о регистрации права собственности в Росреестр. Или, по решению суда, выдать какому-либо ведомству информацию о нотариальных дей-

ствиях пользователя. В этом случае также будет использоваться шифрование и разграничение доступа. Реестры, по большей части, будут взаимодействовать друг с другом в автоматическом режиме с помощью внутренних алгоритмов и согласно заложенным в них правилам. Это позволит существенно сократить время на передачу информации, позволит оперативно получать необходимую информацию и повысит общую эффективность взаимодействия государственных ведомств.

7. Доступ пользователя на «чтение» с помощью его личного ключа. Может «читать» только блоки, с его индивидуальным идентификатором ПД.

Когда пользователь с помощью личной ЭЦП будет получать доступ к реестру, он должен видеть только те данные, которые помечены «маркером» ЭЦП этого пользователя.

8. Пользователь может инициировать запрос любому нотариусу.

9. Возможность запуска «умного контракта».

«Умные контракты» могут найти широкое применение в нотариальном реестре. Например, когда пользователь оформляет завещание: при получении информации о смерти завещание исполнится автоматически, передав права собственности лицу, указанному в завещании. А с помощью межведомственного взаимодействия реестров, информация о всех изменениях будет отправлена автоматически.

Такая система была бы прозрачна, безопасна, автоматизирована, удобна и устойчива к подделкам. Но для ее реализации необходимо очень ответственно подойти к обновлению и изменению текущего законодательства.

Библиографический список:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2019) // КонсультантПлюс – справочная правовая система. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 25.06.2019).
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 17 июня 2014 г. № 129 «Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата» (с изменениями и дополнениями от 29 июня 2018 г.) // Гарант. ру: Информационно-правовой портал. 2018. URL: <https://base.garant.ru/70679322/> (дата обращения: 25.06.2019).
3. Положение «О единой информационной системе нотариата» (ЕИС) (ред. от 23 июля 2018) // Нормативные документы Федеральной нотариальной палаты. 2018. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/for-specialists/otkrytye-dokumenty/normativnye-dokumenty-fnp/> (дата обращения: 25.06.2019).
4. «Электронный нотариат» для цифровой экономики: 3 года ЕИС нотариата // Новости Федеральной нотариальной палаты. 2017. URL: <https://www.notariat.ru/ru-ru/news/elektronnyj-notariat-dlya-cifrovoj-ekonomiki> (дата обращения: 25.06.2019).

5. Блокчейн и правоотношения: конференция в Общественной палате РФ // *Новости Федеральной нотариальной палаты*. 2018. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/blokchejn-i-pravootnosheniya-konferenciya-v-obshestvennoj-palate-rf> (дата обращения: 25.06.2019).

List of References:

1. *Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) (red. ot 27.12.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.02.2019) // Konsul'tantPljus – spravocnaja pravovaja sistema*. 2019. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (accessed: 25.06.2019).

2. *Prikaz Ministerstva justicii RF ot 17 ijunja 2014 g. № 129 «Ob utverzhenii Porjadka vedenija reestrov edinoj informacionnoj sistemy notariata» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 29 ijunja 2018 g.) // Garant.ru: Informacionno-pravovoj portal*. 2018. Available at: <https://base.garant.ru/70679322/> (accessed: 25.06.2019).

3. *Polozhenie «O edinoj informacionnoj sisteme notariata» (EIS) (red. ot 23 ijulja 2018) // Normativnye dokumenty Federal'noj notarial'noj palaty*. 2018. Available at: <https://notariat.ru/ru-ru/for-specialists/otkrytye-dokumenty/normativnye-dokumenty-fnp/> (accessed: 25.06.2019).

4. «*Elektronnyj notariat» dlja cifrovoj jekonomiki: 3 goda EIS notariata // Novosti Federal'noj notarial'noj palaty*. 2017. Available at: <https://www.notariat.ru/ru-ru/news/elektronnyj-notariat-dlja-cifrovoj-ekonomiki> (accessed: 25.06.2019).

5. *Blockchain i pravootnosheniya: konferencija v Obshestvennoj palate RF // Novosti Federal'noj notarial'noj palaty*. 2018. Available at: <https://notariat.ru/ru-ru/news/blokchejn-i-pravootnosheniya-konferenciya-v-obshestvennoj-palate-rf> (accessed: 25.06.2019).

Контактная информация:

Факультет компьютерных наук, Департамент программной инженерии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Contact information:

Faculty of Computer Science, School of Software Engineering
National Research University Higher School of Economics
Address: 101000, Moscow, Myasnickaja str., 20
E-mail: dtsvetkov@hse.ru

Венчурный капитал в космической отрасли: поиск релевантного опыта для России? **Venture Capital in the Space Industry: Search for Relevant Experience for Russia?**

ШОЛОХОВ Александр Николаевич

Исследователь кафедры государственного управления МГИМО
МИД России

Alexander N. SHOLOKHOV

Researcher of Department of Public Governance, Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO University)

Аннотация:

Целью статьи является поиск возможной стратегии развития частного сегмента рынка космических технологий и услуг в Российской Федерации, используя опыт Соединенных Штатов Америки. Основное содержание исследования составляет анализ решений и мер, принимаемых органами государственной власти для стимулирования роста инвестиций в коммерческий сегмент космической отрасли. Кроме того, рассматриваются возможные направления государственно-частного партнерства.

Abstract:

The purpose of the article is to find a possible strategy for the development of the private segment of the space technologies and services market in the Russian Federation, using the experience of the United States of America. The main content of the study is an analysis of decisions and measures taken by public authorities to stimulate the growth of investment in the commercial segment of the space industry. In addition, the possible directions of public-private partnerships are considered.

Ключевые слова:

Инновации, государственное управление, ракетно-космическая промышленность, коммерциализация.

Keywords:

Innovation, government, rocket and space industry, commercialization.

Использование венчурного инвестирования как одного из ключевых источников финансирования становится все более широким: на сегодняшний день множество проектов в различных отраслях экономики существуют за счет различных венчурных фондов или привлечения венчурных инвесторов. Венчурное финансирование используется для реализации инновационных проектов, а также проектов, связанных с фундаментальной научной деятельностью.

Несмотря на технологические, организационные, финансовые и политические риски, рынок космических технологий отличается своей стабильностью, а также наличием серьезного потенциала к дальнейшему развитию. Некоммерческая организация Space Foundation, занимающаяся исследованиями в области развития космической отрасли прогнозирует дальнейшее увеличение оборота рынка до 516 млрд долл. Аналитики компании Bloomberg ожидают, что оборот рынка к 2040 году составит более 1,1 трлн долларов.

В этой связи опыт Соединенных Штатов Америки, которые являются сегодня абсолютным лидером на мировом рынке космической отрасли, контролируя долю свыше 74%, представляет практический интерес [1,7]. Планомерно вовлекая бизнес в космическую индустрию, Соединенные Штаты смогли отказаться от использования института подрядчиков, принадлежащих государству, а также значительно коммерциализировать рынок околоземных космических услуг.

Объем частных инвестиций в коммерческий сегмент космической отрасли США в настоящее время превысил 3 млрд долл. [2]. Вместе с тем, доля государственных инвестиций в космическую отрасль остается также высокой. Так, в 2017 году на космические программы в совокупности было направлено 1,13% бюджета США [3]. Направление такого объема бюджетных средств в космическую отрасль является одним из главных условий для вовлеченности бизнеса, получающего четкие сигналы о стратегической роли космоса для США.

С точки зрения нормативно-правовой составляющей, частная инициатива в космической отрасли США опирается на несколько законодательных актов, которые создавались и активно дополняются начиная с 1980 года. К ним можно отнести: Закон Стивенсона-Вайдлера «О технологических нововведениях» (Stevenson-Wydler Technology Innovation Act of 1980), Закон об инновационном развитии малого бизнеса (Small Business Innovation Development Act) от 1982 года, Закон о коммерческих космических пусках (Commercial Space Launch Act of 1984), Закон о коммерческом космосе (Commercial Space Act of 1998), Закон о конкурентоспособности коммерческих космических перевозок (Commercial Space Transportation Competitiveness Act of 2000), Закон о свободе предпринимательства американских компаний в космосе (The American Space Commerce Free Enterprise Act of 2018). Перечень законов представлен в таблице 1.

Таблица 1. Хронология принятия законов США по коммерциализации космической деятельности

Дата принятия	Наименование закона
1980 год	Закон Стивенсона-Вайдлера «О технологических инновациях» (Stevenson-Wydler Technology Innovation Act)
1982 год	Закон об инновационном развитии малого бизнеса (Small Business Innovation Development Act)
1984 год	Закон о коммерческих космических пусках (Commercial Space Launch Act of 1984)
1998 год	Закон о коммерческом космосе (Commercial Space Act of 1998)
2000 год	Закон о конкурентоспособности коммерческих космических перевозок (Commercial Space Transportation Competitiveness Act of 2000)
2018 год	Закон о свободе предпринимательства американских компаний в космосе (The American Space Commerce Free Enterprise Act)

Источник: Официальный портал Конгресса США (<https://www.congress.gov>)

Данные законы направлены на создание системы налоговых льгот для частных компаний, ведущих научно-исследовательскую деятельность в области космонавтики, предоставление таким компаниям доступа к необходимой технической документации и научной инфраструктуре для проведения космических исследований, создание государственного посевного фонда, правил транспортировки людей и грузов в космическое пространство, дальнейшее развитие коммерциализации космической отрасли, а также упрощение процессов по одобрению и подготовке частных космических миссий.

Что касается России, в данный момент ощущается существенный недостаток правового регулирования деятельности компаний, работающих в космической отрасли, что является одним из важнейших факторов для инвесторов. В ключевых документах, определяющих стратегию развития отечественной космонавтики, неоднократно упоминается необходимость развития механизмов государственно-частного партнерства, в том числе и развитие системы перехода технологий от государства к частному сектору, принятие мер по поддержке малого и среднего бизнеса в сфере потребления и эксплуатации космической продукции. Однако, в Федеральной программе развития космической промышленности нет точных указаний, каким образом данный механизм взаимодействия государства и частного сектора должен реализовываться. К числу ключевых актов, регламентирующих принципы развития космической отрасли в России помимо Федеральной космической программы можно также отнести «Систему взглядов на осуществление Российской Федерацией независимой космической деятельности

со своей территории во всем спектре решаемых задач до 2040 года» и «Основы политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу».

Рассматривая позиции России на космическом рынке с точки зрения основных секторов, можно увидеть, что в период с 2011 по 2017 год количество совершаемых пусков снизилось с 32 до 17. Что касается доходов от пусковых услуг, они также снизились с 710 млн долларов в 2011 году до 430 млн долларов в 2017 году. Другим показателем является доход корпораций от коммерческих запусков. Компании США в 2016 году заработали порядка 1,5 млрд долларов на коммерческих запусках, а России – только 130 млн долларов [4]. Сравнивая с зарубежными конкурентами, российские компании-участники рынка демонстрируют низкий уровень прироста активности на внешних торговых рынках, что также оказывает негативное влияние на развитие отрасли внутри страны. Кроме того, существенную роль играет низкий уровень финансирования (сравнение финансирования отрасли правительствами России и США представлено на рисунке).

В данных условиях, государство пытается запускать развитие коммерческого сектора в космической отрасли, создавая государственные производственные кластеры, а также различные инструменты финан-

Рисунок.
Объем
расходуемых
средств
на космические
программы
России и США

Источник:
ГК «Роскосмос».
Отчет «СПИК
как способ
привлечения
инвестиций
в космос»
[Электронный
ресурс] //
ГК «Роскосмос»
[Сайт] URL:
<https://www.roscosmos.ru/media/files/docs/2017/SpAsBus/ivanov.minfin.kosmos.pdf>

сирования, при этом, предоставляя минимальный доступ к собственным наработкам в технологическом секторе.

Немногие частные компании, представленные на таком рынке, вынуждены работать в условиях строго государственного контроля, а также обязаны получать некоторые услуги исключительно у государства (в частности, по эксплуатации и корректировке орбит космических аппаратов). Несмотря на существование и развитие производственных кластеров и государственных фондов, получение ресурсов из двух данных групп организаций в высшей степени затруднено правилами, в соответствии с которыми государственные органы готовы предоставлять свои ресурсы частному бизнесу.

В настоящее время государственная поддержка венчурных проектов в России осуществляется посредством финансирования проектов АО «Российская венчурная корпорация», которое выступает в качестве государственного фонда фондов, а также института развития венчурного капитализма в Российской Федерации. В 2017 году ГК «Роскосмос», АО «РВК» и ООО «ВЭБ-Инновации» совместно запустили венчурный фонд. Планировалось, что Внешэкономбанк примет управление данным фондом на себя. Стартовая сумма инвестиций составила 3 млрд рублей. Фонд должен осуществлять финансирование малых инновационных компаний, занимающихся реализацией проектов в области 3D-печати, квантовых датчиков, систем хранения и передачи энергии.

Инновационный центр «Сколково» также активно ведет свою деятельность в области развития венчурного инвестирования различных космических проектов. В рамках фонда «Сколково» существует кластер «Космос», к задачам которого относится: развитие аэрокосмической и телекоммуникационной отраслей в России; внедрение новых технологий в аэрокосмическую и телекоммуникационную отрасли, трансфер технологий в смежные отрасли; развитие государственно-частного партнерства в сфере авиационной, космической и телекоммуникационной деятельности.

Таким образом, в текущей ситуации было бы более целесообразно осуществить либерализацию законодательства, в частности, связанную с лицензированием внутри отрасли и предоставлением мер помощи компаниям, планирующим участвовать в дальнейшем развитии отрасли в России. Нельзя не отметить, что многим компаниям, помимо финансирования, также требуются дополнительные ресурсы, а также разработки и технологии, которые, с определенной степенью вероятности, находятся в доступе государства. Таким образом, частные компании могли бы избежать сложностей, связанных с проведением повторных фундаментальных исследований.

Для расширения присутствия на мировом рынке космической отрасли необходимо ускорять процесс коммерциализации, что требует упрощения законодательства, предоставления доступа к государствен-

ным технологиям, а также привлечения частных компаний к процессам разработки и реализации новых программ развития космонавтики, что, однозначно, привлечет частных инвесторов и, в конечном итоге, приведет к необходимому прорыву в развитии отечественной космонавтики.

Библиографический список:

1. Исследование компании Euroconsult [Электронный ресурс] // Euroconsult. *The leading global consulting firm specialising in space markets*: [сайт]. URL: <http://www.euroconsult-ec.com> (дата обращения: 02.05.2019).
2. Michael Sheetz. *Space companies received \$3.9 billion in private investment during 'the year of commercial launch': Report* [Электронный ресурс] // CNBC: [сайт]. URL: <https://www.cnbc.com/2018/01/18/space-companies-got-3-point-9-billion-in-venture-capital-last-year-report.html> (дата обращения: 03.05.2019).
3. *2017 Government Space Budgets Overview* [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из базы данных компании The Space Foundation. (дата обращения: 03.05.2019).
4. Ecorospace. [Электронный ресурс] // Ecorospace. Аналитический портал [сайт] URL: [://ecospace.me](http://ecospace.me) (Дата обращения: 05.05.2019).
5. Официальный портал Конгресса США (<https://www.congress.gov>) (Дата обращения: 04.05.2019).
6. ГК «Роскосмос». Отчет «СПИК как способ привлечения инвестиций в космос» [Электронный ресурс] // ГК «Роскосмос» [Сайт] URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/docs/2017/SpAsBus/ivanov.minfin.kosmos.pdf> (Дата обращения: 05.05.2019).
7. Камолов С., Шолохов А. Стратегия коммерциализации космической деятельности США. – Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 9, №1–1, 2019. С. 564–572.

Контактная информация:

Контактная информация
Александр Николаевич Шолохов
е-mail: alex.nic.sholokhov@gmail.com
тел. +7 495 225-31-08

Особенности поведения потребителей в digital-среде в условиях формирования нового «поколенческого мышления»

Features of consumer behavior in the digital environment in the formation of a new «generational thinking»

ЮДИН Александр Викторович

Студент 2 курса Финансово-экономического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ

Aleksandr V. YUDIN

Student 2 term, Faculty of Finance and Economic Financial University
under the Government of The Russian Federation

СВИЩЕВА Наталья Владимировна

Студентка 2 курса Финансово-экономического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ

Natalya V. SVISCHEVA

Student 2 term, Faculty of Finance and Economic Financial University
under the Government of The Russian Federation

Аннотация:

В статье исследуется мышление потребителей нового поколения на примере феномена одного из наиболее заметных современных мероприятий стимулирования сбыта – «Черной пятницы». Авторами проведено анкетирование 100 респондентов с целью выявления особенностей их поведения в ходе распродажи. В результате выявлены наиболее востребованные категории товаров, эффективные каналы сбыта и коммуникации с потребителями в процессе ее проведения. Сделаны выводы об эффективности данного инструмента для развития электронной коммерции.

Abstract:

The article explores the thinking of consumers of the new generation on the example of the phenomenon of one of the most prominent modern sales promotion activities – “Black Friday”. The topic is relevant, because sales

promotion tools and marketing technologies are transformed together with consumers. Authors conducted the research of 100 respondents to identify characteristics of their behavior during the sale. As a result, the most popular product categories were identified, as well as effective sales channels and communication with consumers in the process of conducting them. Conclusions about the effectiveness of this tool for the development of e-commerce were made in the end of the article.

Ключевые слова: Стимулирование сбыта, распродажи, «Черная пятница», digital-маркетинг, новое поколение.

Keywords: Sales promotion, sales, Black Friday, digital marketing, new generation.

К «поколению Z», согласно теории поколений Уильяма Штрауса, относят молодых людей, родившихся после 1995 года. Это дети мультимедийных технологий, появившиеся в информационном обществе. Представители «поколения Z» связаны между собой благодаря таким вещам, как интернет, поэтому поколение Z заменяют синонимом англоязычного термина Digital Native («Цифровой человек»). Они более зависимы от цифровых технологий, чем их родители – «Digital Immigrants». Z'ты не так восприимчивы к рекламе, как представители предыдущих поколений – миллениалы и «иксы». Одной из их характерных черт является быстрая и эффективная обработка поступающей информации.

Среди новых тенденций изменения образа мышления выделяются следующие:

- переход от линейного к клиповому мышлению;
- увеличение доли времени, уделяемой социальным сетям;
- большее влияние социальных медиа – Instagram'изация;
- творческий ренессанс в видеоформатах;
- постепенное взросление социальных сетей [1].

Важно заметить, что человек не рождается с таким мышлением, оно вырабатывается под влиянием внешней среды при потреблении информации в препарированном и мозаичном виде через интернет, СМИ, музыкальные каналы. Поэтому изучение способов участия в этом процессе и использования его результатов является одной из наиболее актуальных проблем современного маркетинга.

Технологии маркетинговой деятельности также претерпевают существенные изменения, становясь адекватными потребностям и особенностям поведения новых поколенческих групп, которые постепенно занимают все большую долю в структуре потребителей. Особенно остро данные тенденции ощущаются в электронной коммерции. К примеру, широкую

популярность получают онлайн-форматы популярных мероприятий стимулирования сбыта, таких как «Черная пятница», на основе исследования которой можно оценить трансформации, напрямую связанные с формированием нового «поколенческого мышления» потребителей.

В современном мире традиционные способы конкуренции значительно трансформируются. Если раньше для привлечения потребителей производителям необходимо было улучшать качество товара, его потребительские свойства и расширять территорию сбыта, то сейчас при растущем количестве конкурентов приоритет в части стимулирования спроса переходит от изменения самого товара к изменению способов его преподнесения аудитории [2]. То есть в современных реалиях необходимо заботиться в большей степени о том, чтобы товар не только увидели, но и запомнили: для этого нужна красиво и приятно оформленная упаковка, запоминающаяся или провокационная реклама, «вирусный» и повсеместный характер ее распространения. Таким образом, качество товара сегодня уже играет второстепенную роль и влияет в большей степени на сохранение клиентов и стимулирование повторных покупок.

Достаточно эффективным инструментом стимулирования спроса являются распродажи [3]. Одна из наиболее масштабных и известных из них – «Черная пятница» (Black Friday), появившаяся в США в XIX веке, когда крупнейшие торговые сети начали устраивать грандиозные предрождественские распродажи, стимулируя покупателей на покупки невероятными размерами скидок. Сам термин появился позднее – в 1966 году в Филадельфии [4]. Традиционно «Черная пятница» проводится в США в первую пятницу после Дня Благодарения и открывает сезон рождественских распродаж. В этот период скидки на товары практически всех категорий достигают 90%. Из Америки традиция быстро распространилась по всему миру и по сей день имеет невероятный успех, так как, с одной стороны, позволяет существенно экономить потребителям, а с другой – приносит ретейлерам огромную выгоду: привлекает большой поток покупателей, обеспечивает быструю оборачиваемость товаров и приносит высокую прибыль, стимулируя потребителей к ажиотажному спросу и повышенным тратам.

Обращаясь к международному опыту, представленному исследованием Black-Friday. Global, «Черная пятница» ежегодно многократно увеличивает показатели продаж: в каждой из 55 изученных стран число интернет-транзакций в период «Черной пятницы» значительно возрастает в сравнении с обычным днем. Например, в Греции в период изучаемой распродажи потребителями в среднем совершается на 2600% покупок больше, чем обычно, в ЮАР – на 2571%, а в России – на 527%. Однако ни в одной другой стране не было отмечено такого высокого интереса к «Черной пятнице», как в Пакистане, где активность интернет-покупателей была на 11525% выше, чем в обычный день [5].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что во многих странах именно ноябрь является месяцем, приносящим продавцам наибольшую прибыль. Считается, что доля ноября в годовых оборотах достигает около 20%, а в некоторых странах, как, например, в Великобритании, Греции и ЮАР каждая третья транзакция в интернете осуществляется в ноябре.

В качестве гипотез исследования, проведенного авторами, были выдвинуты следующие предположения:

1. Реклама и различные промоакции влияют на решения современных потребителей о приобретении товаров.
2. Осмотрительные представители «поколения Z» в большей степени стремятся покупать товары длительного пользования и брендовые товары, так как могут существенно на этом сэкономить.
3. Число участников распродажи «Черная пятница» увеличилось в 2018 году по сравнению с 2017 годом.
4. Новое поколение потребителей отдает предпочтение покупкам в онлайн-магазинах.
5. Наиболее эффективными в современных условиях являются digital-каналы распространения информации о распродаже.

Цель проведенного исследования: охарактеризовать феномен «Черной пятницы» с точки зрения его воздействия на потребительское поведение представителей «поколения Z» [6, с. 25 – 30].

Исследование актуально, так как все большую популярность набирают такие форматы стимулирования сбыта, как «Черная пятница», которые видоизменяются вместе с появлением новых поколений, а его результаты могут быть использованы для формирования практических рекомендаций в сфере электронной коммерции.

Инструментарием исследования является онлайн-анкетирование. Анкета состояла из 3 частей [7]:

- введения;
- основной части;
- сведений о респонденте.

Так как была выдвинута гипотеза о том, что основной категорией участников акций в рамках «Черной пятницы» является молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, то данная возрастная группа была положена в основу выборки респондентов. Количество респондентов, привлеченных к анкетированию, составило 100 человек. Отбор респондентов и приглашение их к участию в анкетировании производились через информационные каналы в рамках социальных сетей и мессенджеров.

Следующий шаг проведения исследования – анализ полученных в результате анкетирования данных.

1. Для начала была оценена половозрастная структура респондентов.

Участниками опроса стали 100 человек, при этом основным массивом в общем числе респондентов выделяются девушки в возрасте

18–25 лет. Такие результаты могли получиться в результате влияния нескольких факторов, например таких, как:

- девушки более отзывчивы (распространение опроса проводилось посредством социальной сети «ВКонтакте», и его прохождение носило добровольный характер);
- так как сложно отследить и изучить аудиторию, которой было предложено пройти анкетирование, возникает вероятность того, что в изначальной совокупности было непропорциональное распределение по полу (другими словами, опрос был предложен вниманию гораздо большего числа женщин, чем мужчин);
- тема исследования в большей степени интересна женскому полу, чем мужскому.

Возрастная структура характеризуется тем, что опрос проводился в основном среди студентов как Финансового университета, так и других вузов.

2. На следующем этапе анализа следует рассмотреть блок вопросов, характеризующих человека как потребителя. 45% респондентов (что весьма высокий показатель) дали положительный ответ на вопрос о том, подвержены ли они влиянию рекламы. Этот вопрос позволяет оценить значимость рекламы не столько для производителей (как средство продвижения товара), сколько для потребителя (как желание посредством рекламы сформировать свою собственную потребительскую корзину, выбрав определенные товары среди многочисленных альтернатив). По полученным результатам можно сделать вывод, что реклама является в современном мире больше, чем просто инструментом представления товара вниманию потребителей. Она является неким акселератором рынка, который способен подтолкнуть потребителя к покупке, за счет наглядного представления информации о конкретном товаре.

3. Из предыдущего пункта логически следует вопрос: если реклама действительно, по мнению самих потребителей, оказывает на них влияние, то в какой мере и степени? И как покупатели относятся к скидкам в принципе? Благодаря такой постановке вопроса, мы соединяем блок о персональных характеристиках людей и основную цель исследования. В результате выяснилось, что влияние скидок и акций на потребительский выбор ощущают на себе 89% респондентов, 25% из которых характеризуют влияние как очень высокое, а 64% называют такое влияние незначительным. Всего 11% людей могут сказать, что подобные маркетинговые ходы не имеют для них никакого значения. Таким образом, можно сказать, что потребители отслеживают оказываемое на них влияние, однако сознательное и окончательное решение о приобретении того или иного товара остается за ними, но при этом оно может быть серьезно скорректировано.

Подводя промежуточный итог, следует сказать, что гипотеза о том, что реклама действительно оказывает влияние на потребительские

предпочтения, подтверждается. При этом люди не просто подвержены ее влиянию и следуют как за «невидимой рукой», они осознают, что на них пытаются оказывать влияние и стараются его контролировать, при этом меняя соподчиненность: люди все больше используют рекламу в своих целях. Также на основе того, что потребители осознают влияние рекламы и чувствуют его на себе, можно выдвинуть предположение об эффективности таргетинговой рекламы, так как она привлекает наибольшее внимание ввиду использования поисковых запросов и интересов каждого конкретного потребителя, а также, к примеру, может настойчиво напоминать о недавно просмотренной коллекции магазина и внушать потребителям желание вернуться за может и не нужным, но понравившимся товаром.

4. Следующий блок вопросов направлен непосредственно на изучение феномена «Black Friday». Осведомленность населения о существовании такой распродажи высока: всего 1 человек из 100 не слышал о ее существовании. Это более чем высокий показатель, который позволяет судить о действительно всеобъемлющем характере распространения «Черной пятницы».

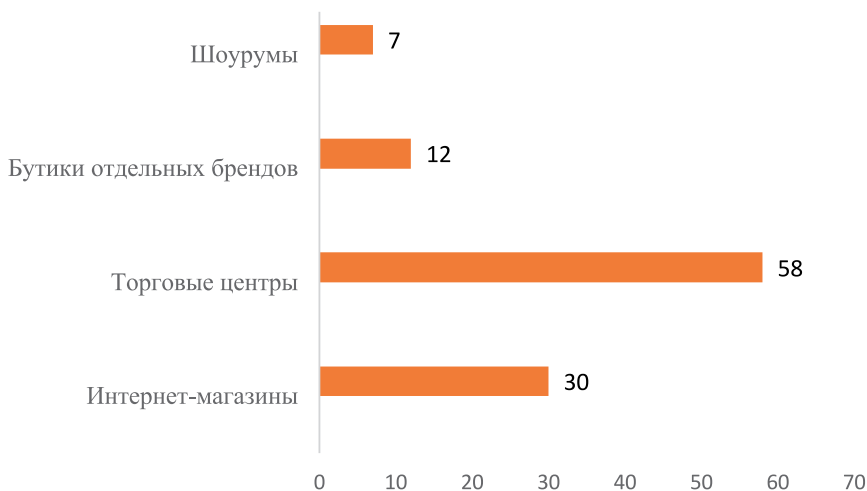
5. С другой стороны, осведомленность потребителей о существовании «Черной пятницы» еще не позволяет судить о ее практической эффективности и действительной популярности среди населения. В связи с этим респондентам был предложен вопрос: «Принимали ли когда-нибудь участие в „Черной пятнице“?». Было выявлено, что 32 человека из 100 никогда не принимали в ней участие. Если сопоставить это с предыдущим вопросом, то можно сказать, что из 99 респондентов, осведомленных о существовании «Черной пятницы», 31 не поддавался ее заманчивым скидкам и акциям и так и не принял участие, что составляет приблизительно 31,3%. Показатель относительно невысокий, однако он не позволяет судить о повышении популярности распродажи, а характеризует востребованность в общем (то есть, это более статический показатель, чем динамический).

6. Чтобы лучше понять, насколько популярна была последняя «Черная пятница» 2018 года, был задан соответствующий вопрос: «Вы участвовали в распродажах «Черной пятницы» 23 ноября 2018 г.?». Из 99 респондентов, осведомленных о существовании Черной пятницы, лишь 45 приняли участие в ней, что составляет 45,5% от числа опрошенных, знающих о распродаже. Следовательно, если 32% никогда не участвовали и 55% не участвовали в этом году, то сложно говорить о росте популярности «Черной пятницы» к 2018 году.

7. Также с ростом роли онлайн-маркетов в общем объеме торговли становится интересным вопрос о том, где же в большей степени совершаются покупки в период «Черной пятницы» (рис. 1).

Этот вопрос не был отмечен в качестве обязательного для ответа, как и ряд последующих, так как он нацелен на исследование тех,

Рисунок 1.
Гистограмма
с результатами
анкетирования
по вопросу
«Где Вы
совершали свои
покупки в рамках
Black Friday?», чел.

кто совершал покупки в рамках исследуемой нами распродажи. Однако, несмотря на это, было получено 77 ответов, что говорит о том, что большое число респондентов не соотнесло этот вопрос с предыдущим, поэтому результаты сложно назвать корректными. Однако полученные ответы все же позволяют судить о том, что интернет-магазины занимают достаточно обширную долю рынка, но все еще не могут на равных противостоять объему покупок офлайн.

8. Следующая ступень исследования – выявление категории товаров, на приобретение которых в большей степени нацелена исследуемая аудитория в период распродаж «Черной пятницы». Большую долю занимают покупки брендовых товаров. Это вполне объяснимо: брендовые товары всегда имеют достаточно высокую цену и доступны далеко не каждому потребителю, в то же время брендовые товары имеют высокое качество, в связи с этим при предоставлении существенных скидок в период распродажи «Черной пятницы» многие стремятся приобрести ранее недоступные им товары. В то же время актуальными являются товары масс-маркета и повседневного спроса как повод обновить гардероб, закупиться впрок различными продуктами и бытовой химией, существенно сэкономив свои средства в будущем.

9. Еще один аспект, интересовавший исследователей: сколько потребитель готов потратить на приобретение товаров в «Черную пятницу». Ценовая категория от 5000 руб. и выше по большей части относится к брендовым товарам, и доля покупок в этой категории составляет 40,5%, что достаточно высокий показатель. Если анализировать каждую ценовую категорию отдельно, то получатся следующие выводы: большая часть товаров приобретается по цене, находящейся в пределах 5000 руб. (это продукция масс-маркета и товары повседневного спроса), следующая по популярности – категория товаров с ценой

в пределах 5000–10 000 руб. (это продукция масс-маркета и отчасти брендовых товаров), далее по популярности ценовая категория свыше 15 000 руб. (брендовые товары), наименее популярной оказалась категория товаров стоимостью 10 000–15 000 руб. (брендовые товары). Все так же прослеживается высокая степень нацеленности на приобретение брендовых товаров (к ним же можно отнести и такие категории товаров как крупная бытовая техника, разного рода десктопы, гаджеты и прочее).

10. Далее следует блок вопросов, нацеленных на исследование каналов распространения информации о «Черной пятнице» и эффективности таких каналов [8]. Для этого были изучены ответы на следующие вопросы:

Рисунок 2.
Гистограмма с результатами анкетирования по вопросу «Как вы узнали а дате и местах проведения мероприятий в рамках Black Friday?», чел.

Как можно видеть из гистограммы (рис. 2), самые неэффективные каналы рекламы (в рамках исследования) – это СМИ и телевидение, а наиболее эффективные – социальные сети и сайты непосредственных дистрибьюторов или производителей. Можно сделать вывод о том, что потребители перед покупкой проводят мониторинг сайтов интересующих их товаров. Интересно то, что высокая доля приходится на респондентов, знавших о распродажах и без рекламы (возникает и подтверждается предположение, что они участвуют в подобной распродаже не первый год). Что не менее удивительно – эффективность рекламы на улицах в век цифровых технологий. Следовательно, с переходом в диджитал-сферу не стоит недооценивать некоторые из традиционных каналов распространения информации. Также свою эффективность демонстрирует такой инструмент как WOM – распространение посредством общения и обсуждений распродажи в социальных сетях (например, блогеры могут делиться со своими подписчиками информацией, при этом они становятся для определенной группы потреби-

телей лидерами мнений и могут существенно повлиять на спрос на ту или иную продукцию) [9, с. 39–44]. E-mail рассылка занимает не последнее место и является также достаточно эффективной. Возможно, большему числу компаний следует прибегать к практике заполнения покупателями анкет при приобретении товаров, чтобы повысить вероятность их повторного приобретения.

Самое наблюдаемое явление в период «Черной пятницы» – это заметное увеличение объема рекламы в социальных сетях, которое отметил 92 респондента. Это значит, что производители и дистрибьюторы серьезно подходят к «Черной пятнице» и стараются по максимуму привлечь потребителей. Их цель достигнута – потребители действительно отслеживают рекламу, содержащую информацию об этой распродаже в общем потоке рекламных объявлений.

Выводы

В процессе проведенного исследования были доказаны ранее выдвинутые гипотезы:

1. Реклама и различные промоакции влияют на решения современных потребителей о приобретении товаров. Проведенное исследование доказало, что реклама и маркетинг в целом обладают существенными возможностями для воздействия на потребительский выбор. Данное заключение было подтверждено как прямым вопросом к респондентам, так и выявлением тенденции о все большем расширении функционала рекламы. В этих условиях потребители являются не просто объектом, на который оказывается воздействие, а полноценной стороной, заинтересованной в этом воздействии и воспринимающей рекламу как канал для получения полезной информации.
2. Осмотрительные представители «поколения Z» в большей степени стремятся покупать товары длительного пользования и брендовые товары, так как могут существенно на этом сэкономить. Данная гипотеза более чем подтвердилась, учитывая факт, что около 50% опрошенных предпочли совершить свои покупки в категории «брендовые товары» и при этом 40% отметили, что их траты превысили 5000 руб. Как уже отмечалось ранее, брендовые товары (к ним же можно отнести и такие категории товаров, как крупная бытовая техника, разного рода десктопы, гаджеты и прочее) доступны далеко не каждому потребителю, в то же время они являются в большинстве случаев желаемыми в «потребительской корзине». И в период распродажи «Черной пятницы» многие стремятся приобрести ранее недоступные им товары.
3. Число участников распродажи «Черная пятница» увеличилось в 2018 году. На первый взгляд, это так, учитывая широту осведомленности респондентов. Но так как исследование проводилось в статике, а не в динамике за хотя бы 2-годичный период, то доказательство дан-

ной гипотезы было возможно лишь посредством косвенных вопросов. Так, было выяснено, что около 30% респондентов никогда не участвовали в акциях в рамках «Черной пятницы», при этом в 2018 году участие приняло не более 45%, а к ежегодным участникам отнесли себя лишь 2% опрошенных. В данной ситуации сложно констатировать факт роста популярности Black Friday.

4. Новое поколение потребителей отдают предпочтение покупкам в онлайн-магазинах. Опросом подтверждается и эта гипотеза: около 30% респондентов совершали покупки в интернет-магазинах в рассматриваемый период. При этом нельзя не отметить факт сохранения абсолютного лидерства у офлайн-торговли.

5. Наиболее эффективными являются диджитал каналы распространения информации о распродаже. Согласно полученным результатам, свыше 50% респондентов отметили, что узнали о проведении акций через рекламу в социальных сетях / рекламу на страницах интернет-сайтов. При этом нельзя недооценивать важность традиционных каналов: так, на уличную рекламу обратили свое внимание почти 40% опрошенных, чуть меньшее число людей подтвердило эффективность WOM-инструмента.

Таким образом, проведенный онлайн-опрос позволил оценить феномен «Черной пятницы», понять какую роль в нем играют современные digital-технологии.

На основании полученных выводов нами был разработан проект маркетинговой стратегии компаний в период распродаж «Черной пятницы». Во-первых, основываясь на том, что потребители не только замечают рекламу в период «Черной пятницы», но и достаточно подвержены ей, следует заблаговременно разрабатывать яркую, стильную и информативную рекламную кампанию для размещения в социальных сетях и на улицах, так как именно эти каналы являются наиболее действенными. Также рекомендации к рекламной кампании были обозначены более подробно и тезисно:

1. Зная о специфике анкетирования, 78% его участников, и как выяснилось, участников акций в рамках «Черной пятницы» составили женщины, подверженные рекламе. Следовательно, ретейлу и, в частности, его онлайн-подразделению стоит ориентировать свою рекламу и маркетинг на эту специфическую группу (например, даже мужские товары преподносить как отличный подарок к Рождеству или Новому году от лица женщины).

2. Также необходимо грамотно использовать каналы распространения информации. Было выявлено, что наиболее эффективными из них являются реклама в социальных сетях и на страницах сайтов. Учитывая возраст среднестатистического участника «Черной пятницы» и недоверие к данным акциям со стороны «зрелого» населения, более целесообразно размещать рекламу в молодежных социальных сетях

(«ВКонтакте», «Instagram» и т.д.), не делая особых ставок на «Одноклассники», «Facebook (Российский сегмент)» и сайты с целевой аудиторией «30+».

3. Компании, зная о пользе WOM-каналов распространения информации о «Черной пятнице», должны создавать нетипичную рекламу в виде «инфоповодов» (например, вирусные видео).

4. Чтобы развеять недоверие к акциям Black Friday и вовлечь в их целевую аудиторию взрослое население с соответственно более высокими финансовыми возможностями (что выступит инструментом стимулирования продаж), ретейлу необходимо демонстрировать честность и абсолютную выгодность для покупателей, например, в онлайн-магазинах показывать не только «доскидочную» цену, но и все ее изменения в прошлом.

5. Так как большинство потребителей подвержены влиянию маркетинга и рекламы, а четверть с легкостью могут кардинально изменить свое мнение под их воздействием, то этим необходимо воспользоваться ретейлу. В условиях цифровизации и возможностей интернет-среды, где есть доступ к личной информации потребителя, можно с легкостью направлять его к решению о покупке и тем самым стимулировать сбыт. Для достижения наибольшего эффекта к разработке рекламы и маркетинговых стратегий как во время «Черной пятницы», так и в течение других подобных распродаж в офлайн- и в диджитал-среде необходимо привлекать специалистов в области психологии потребителя, манипулятивного влияния, поведенческих финансов и других смежных отраслей.

6. Помимо этого, в рамках развития электронной коммерции уместно использование акций, условия которых делают приобретение товаров в онлайн-маркетах более привлекательными и выгодными, снижая издержки ретейлеров. К примеру, хорошо известные акции, когда при покупке определенного числа продуктов часть из них идет в подарок; более низкая цена; возможность возврата или примерки; услуги «бронирования» товаров по определенной цене и т.д.

Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод, что такие акции, как «Черная пятница» в современной цифровой среде являются не просто способом представления товара потребителям, они выступают в качестве инструмента акселерации рынка, так как направлены на стимулирование спроса потребителей. Особенно остро это ощущается в более молодых поколенческих группах, где с помощью таких новых инструментов маркетинга как таргетинг, блоггинг, WOM-маркетинг, SMM можно добиться значительного роста спроса. Зная об этих особенностях, российским компаниям следует не пренебрегать таким эффективным инструментом и использовать возможности «Черной пятницы» в рыночной практике.

Библиографический список:

1. *Generation Z: key trends in 2019. GlobalWebIndex* – Режим доступа: [Электронный ресурс] URL: <https://www.globalwebindex.com/reports/generation-z> (Дата обращения: 27.04.2019).
2. *Маркетинговая политика организаций: теория, методология и практика: Коллективная монография / Карпова С.В.* – М.: Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 212 с.
3. *Маркетинг: теория и практика: учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. С.В. Карповой.* – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 408 с. – Серия: Бакалавр. Базовый курс.
4. *Черная пятница // Calend.ru.* – Режим доступа: [Электронный ресурс] URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/3277/> (дата обращения: 22.02.2019).
5. *Черная пятница 2018 // Black-Friday. Global.* – Режим доступа: [Электронный ресурс] URL: <https://black-friday.global/ru-ru/> (дата обращения: 22.02.2019).
6. *Инновационный маркетинг: учебник для бакалавриата и магистратуры / С.В. Карпова [и др.]; под ред. С.В. Карповой.* – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 457 с. С. 25–30.
7. *Маркетинговые исследования. Теория и практика: учебник для бакалавров / под общ. ред. О.Н. Романенковой.* – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 315 с. – Серия: Бакалавр. Базовый курс.
8. *Маркетинговые коммуникации: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / С.П. Азарова [и др.]; под общ. ред. О.Н. Жильцовой.* – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 456 с.
9. *Рожков И.В. Информационные системы и технологии в маркетинге: Монография.* – М.: Русайнс, 2014. – 196 с. С. 39–44.

List of References:

1. *Generation Z: key trends in 2019. GlobalWebIndex* – Access mode: [Electronic resource] URL: <https://www.globalwebindex.com/reports/generation-z> (Date of treatment: 27.04.2019).
2. *Marketingovaya politika organizatsii: teoriya, metodologiya i praktika: Kollektivnaya monografiya / Karpova S.V.* – M.: Vuzovskii учебник, NITs INFRA-M, 2015. – 212 p.
3. *Marketing: teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya bakalavrov / Under the General editorship of S.V. Karpova.* – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2013. – 408 p. – Series: B.A. General course.
4. *Chernaya pyatnitsa // Calend.ru.* – Access mode: [Electronic resource] URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/3277/> (Date of treatment: 22.02.2019)
5. *Chernaya pyatnitsa 2018 // Black-Friday. Global.* – Access mode: [Electronic resource] URL: <https://black-friday.global/ru-ru/> (Date of treatment: 22.02.2019).
6. *Innovatsionnyi marketing: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / S.V. Karpova [i dr.]; Under the General editorship of S.V. Karpova.* – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2016. – 457 s. С. 25–30.

7. Marketingovye issledovaniya. Teoriya i praktika: uchebnik dlya bakalavrov / Under the General editorship of O.N. Romanenkova. – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2014. – 315 s. – Series: B.A. General course.

8. Marketingovye kommunikatsii: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata / S.P. Azarova [i dr.]; Under the General editorship of O.N. Zhil'tsova. – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2014. – 456 s.

9. Rozhkov I.V. Informatsionnye sistemy i tekhnologii v marketinge: Monografiya. – M.: Rusains, 2014. – 196 c. S. 39–44.

Контактная информация:

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Адрес: 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49

Contact information:

Financial University under the Government of the Russian Federation
Address: 49 Leningradsky prospect, Moscow, 125993

Юдин Александр Викторович / Yudin Aleksandr Viktorovich

e-mail: cashayudin@mail.ru

Свищева Наталья Владимировна / Svischeva Natalya Vladimirovna

e-mail: natuliasvish@mail.ru

Научный руководитель: к.э.н., доцент Рожков Илья Вячеславович

Scientific adviser: Ph. D, assoc. professor, Rozhkov I.V.

e-mail: irojkov@fa.ru

Научно-практические конференции МАЭФ–2019

**в субъектах Российской
Федерации**

**В разделе
представлены
материалы
научно-практических
конференций,
которые состоялись
на региональных
площадках МАЭФ
16 мая 2019 г.**

Социально-экономические условия развития сельскохозяйственной кооперации: на примере Алтайского края

Socio-economic conditions for development of agricultural cooperation: on the example of the Altai territory

ФАСЕНКО Татьяна Евгеньевна

Доцент кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг» Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, к.э.н., доцент

Tatiana Y. FASENKO

Associate Professor of Economic, Management and Marketing Department at the Altai Branch of Finance University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economics, associate professor

ИВАНОВА Валерия Айбасовна

Директор Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор философских наук, доцент

Valeria A. IVANOVA

Director at the Altai Branch of Finance University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, associate professor

ГЛОТОВА Наталья Ивановна

Доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета, к.э.н.

Natalya I. GLOTOVA

Associate Professor of the Department of Finance, Accounting and Audit, Altai State Agrarian University, Ph.D.

Аннотация:

Авторы анализируют социально-экономические условия развития сельскохозяйственной кооперации на примере зарубежного и отечественного опыта кооперативного движения, который свидетельствует о том, что в современных условиях его активизация является практически единственным инструментом развития сельского хозяйства и возрождения российского села. Проанализирована концепция развития и законодательная поддержка сельскохозяйственной кооперации на территории Алтайского края. Составлен рейтинг регионов России по численности работающих кооперативов I уровня (по состоянию на 01.01.2017). Изучен и проанализирован опыт наилучших региональных практик управления системой сельскохозяйственной кооперации субъектов Российской Федерации, в частности Ульяновской, Липецкой, Тюменской областей и Пермского края. Органы исполнительной власти Алтайского края ведут работу по созданию модели управления системой сельскохозяйственной кооперации региона. На основе информации Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю на 01.01.2018 составлен свод по количеству сельскохозяйственных потребительских кооперативов на территории Алтайского края (по состоянию на 01.01.2018). Полученные исследования направлены на разработку предложений по повышению эффективности деятельности малых форм хозяйствования на основе кооперации.

Abstract:

The authors analyze the socio-economic conditions for the development of agricultural cooperation on the example of foreign and domestic experience of co-operative movement, which indicates that in modern conditions its activation is practically the only tool for the development of agriculture and the revival of the Russian village. The concept of development and legislative support of agricultural cooperation in the Altai territory is analyzed. The rating of regions of Russia on the number of working cooperatives of the I level (as of 01.01.2017) is made. The experience of the best regional practices of management of the system of agricultural cooperation of the subjects of the Russian Federation, in particular the Ulyanovsk, Lipetsk, Tyumen regions and the Perm region is studied and analyzed the Executive authorities of the Altai territory are working to create a model of management of the system of agricultural co-operation of the region. On the basis of information of Management of Federal service of the state statistics on Altai Krai for 01.01.2018. compiled by the number of agricultural consumer cooperatives in the Altai territory (as of 01.01.2018). The resulting research focuses on the development of proposals on increase of efficiency of small forms of managing on the basis of cooperation.

Ключевые слова: Кооперация, экономика, сельскохозяйственная кооперация, экономика труда, модели управления, государственная поддержка, гранты для сельхозпроизводителей.

Keywords: Cooperation, Economics, agricultural cooperatives, labor Economics, management model, government support, grants to farmers.

Кооперация возникла и начала развиваться во всем мире в XIX веке. Русские историки и теоретики кооперации отмечали, что кооперативные формы труда в России существовали испокон веков в виде трудовых артелей, таких как рыболовные, охотничьи, пастбищные и многие другие. Однако все эти артели носили временный, сезонный характер, а в XIX веке кооперативное движение приобретает иное качество.

История развития кооперации свидетельствует о том, что Сибирь занимает одно из главенствующих положений в ее становлении. Первая попытка организовать производственную артель была предпринята И. Нечволодовым в Покровской волости в поселке «Родина» Алтайского края в 1896 г. Организатор маслодельной кооперации Сибири А.Н. Балакшин начал осваивать это дело, и с течением времени по всей Западной Сибири появились маслодельные заводы, которые стали вытеснять частные промышленные заведения [1].

Кроме производственных, отмечается возникновение и других видов кооперативов. Так, в Германии Делич Герман Шульце в 1850 году организовал первое ссудо-сберегательное товарищество, первоначально капитал которого образовывался из пожертвованных средств и беспроцентных вкладов для кредитования городских ремесленников. Тем самым Шульце положил основание производственной кооперации [2].

На различных этапах развития кооперативного движения понятие «кооператив» неоднократно менялось в зависимости от признаков, которые вкладывались в сущность кооперативного движения. Обратимся к определениям, которые давали теоретики кооперации в начале XIX века. Журналист, виднейший теоретик кооперации XIX века Ганс Мюллер, первым начавший издавать еженедельный кооперативный журнал в Швейцарии и положивший традицию выписывать и вручать журнал каждому кооператору, писал: «Кооперация — это хозяйственно-коллективное предприятие, которое имеет целью повысить трудовой доход своих членов и, по возможности, освободить их от той дани, которую трудящиеся классы вынуждены переплачивать владельцам средств производства при капиталистической организации хозяйства» [3].

Россия отличалась общей экономической и культурной отсталостью. Культурный уровень населения даже в смысле простой грамотности

был крайне низок. По данным переписи 1897 г., процент грамотных составлял для всей России 27%, а в Сибири не превышал 14%.

Своеобразная группировка сельскохозяйственных кооперативов предусмотрена Федеральным законом «О сельскохозяйственной кооперации». Производственный кооператив по закону является коммерческой организацией. По этому же закону сельскохозяйственный потребительский кооператив – организация, созданная сельскохозяйственными товаропроизводителями (гражданами и (или) юридическими лицами) при условии их обязательного участия в хозяйственной деятельности кооператива. Участие в хозяйственной деятельности кооператива предполагает осуществление поставок продукции или сырья, приобретение товаров в кооперативе, пользование его услугами. Потребительские кооперативы являются некоммерческими организациями и подразделяются в зависимости от вида деятельности (рис. 1).

Рисунок 1.
Виды сельскохозяйственных потребительских кооперативов

Источник:
составлено
авторами

Связь между промышленностью и сельским хозяйством осуществляется путем интеграции. Различают горизонтальную и вертикальную интеграцию.

В западноевропейских странах, США и Канаде в сельхозпроизводстве наиболее широкое распространение получили непроизводительные кооперативы: снабженческие, сбытовые, кредитные, сервисные [4, 5].

Общей закономерностью сельского хозяйства этих стран и его особенностью является высокая степень кооперирования крестьянских, фермерских хозяйств. Так, почти все фермеры Италии объединены в сельхозкооперативы. 70% сельхозпродукции этой страны производится на семейных фермах.

Во Франции кооперативный сектор превратился в одну из опор сельского хозяйства. В него входят около 80% всех крестьян. Почти 4 тысячи кооперативов действует в АПК страны. Кооперативы самые разные по профилю и размерам [6, 7].

В США услугами кооперативов пользуется большинство фермеров (56%). Молочные кооперативные заводы выпускают 87% всего реализуемого в стране сухого молока, 81% – сухой сыворотки, 64% – сливочного масла, 47% – сыра.

Снабженческие кооперативы охватывают сферу обеспечения фермерских хозяйств средствами производства и производственными услугами. В США на долю кооперативного снабжения приходится 23–27% поставок фермерам [8].

В основу кооперативного законодательства всех без исключения стран положены принципы кооперативной демократии, разработанные Международным кооперативным альянсом, поддержанные Международной организацией труда и одобренные Генеральной Ассамблей ООН [9].

Анализ развития кооперации в России и за рубежом позволяет сделать вывод о ее неоднозначном значении. Во-первых, кооперация означает форму организации труда, способ создания единой, эффективно функционирующей системы общественного производства, дополняющей разделение труда и его специализацию. Во-вторых, сельскохозяйственная кооперация рассматривается как форма хозяйственной организации крестьянских хозяйств, как дополнение к ним, для их обслуживания и без этих хозяйств смысла не имеет. Данная форма хозяйственной организации получила название «сельскохозяйственный кооператив». Следовательно, с целью рассмотрения ее значимости, целесообразно рассмотреть влияние кооперативного движения на социально-экономическое развитие общества.

Кооперативное движение – действенный механизм социально-экономического развития страны. Оно позволяет вовлекать в оборот денежные ресурсы, снижать социальную напряженность через создание рабочих мест и обеспечение людей продукцией и услугами. В России внимание уделяется развитию кооперативов в сельском хозяйстве [10, 11].

Анализ практики кооперативного движения позволяет сделать вывод о том, что кооперативы могут дать следующие плюсы мелким хозяйствам:

- они решают главный вопрос личных подсобных хозяйств (далее – ЛПХ) и мелких хозяйств – куда сбывать продукцию: объединившись в сельскохозяйственный кооператив, ЛПХ поставляют сырье переработчикам общими, более крупными партиями.
- объединившись, мелкие производители становятся «живучее», могут отстаивать свои интересы и быть защищенными от недобросовестной конкуренции более крупных;
- кооперативы частично решают проблему с финансированием – ЛПХ могут кредитовать друг друга;
- решают вопрос с рабочими местами на селе и помогают замедлить «вымирание деревни» [12, 13].

По результатам Всероссийской Сельскохозяйственной Переписи 2016 г., в России насчитывается:

23,5 млн ед. личных подсобных хозяйств, из них 2,0 млн товарных; 175000 ед. крестьянских (фермерских) хозяйств (далее – К(Ф)Х) и индивидуальных предпринимателей (ИП); 36000 ед. сельскохозяйственных организаций (далее – СХО).

Важно отметить, что доля К(Ф)Х и ЛПХ в общем сельскохозяйственной продукции составила соответственно 12,5 и 34,7%.

По данным Росстата, на 1 января 2017 года в России насчитывалось 8405 сельскохозяйственных производственных кооперативов (далее – СПК), 5389 сельскохозяйственных потребительских кооперативов (далее СПоК), из которых работающих СПоК – 55%.

В настоящий момент в СПоК входят 10% сельскохозяйственных организаций (3600 шт), 2% крестьянских (фермерских) хозяйств (3500 шт.), 1% личных подсобных хозяйств (1,7 млн чел.).

На 01.10.2017 по данным ведомственной отчетности структура СПоК включает: перерабатывающие кооперативы – 16%; обслуживающие – 11%; снабженческо-сбытовые – 24%; кредитные 25%; прочие – 24%.

Количество кооперативов в России ежегодно сокращается, а количество фактически функционирующих объединений падает еще сильнее. По сравнению с 2011 годом количество производственных кооперативов на селе на конец 2016-го сократилось на 31,8%, а потребительских – на 32,9%. Однако год за годом статистика показывает небольшую динамику [17].

Минсельхоз объясняет снижение численности кооперативов несовершенством законодательства, недостаточностью господдержки, отсутствием стимулов и взаимного доверия, препятствующих объединению [18].

Лидерами по численности потребительских кооперативов являются Липецкая и Пензенская области, из них более 80% задействованы в работе и по сей день. После начала федеральной программы в целом по регионам было создано большое число потребительских кооперативов, однако сейчас в части регионов по факту работают менее половины – в Иркутской области, Якутии, Мордовии (табл. 1).

Рассмотрев основные направления формирования кооперативного движения как основного фактора социально-экономического развития страны, считаем необходимым проанализировать наличие нормативно-правового обеспечения для создания сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Изучив и проанализировав опыт наилучших региональных практик управления системой сельскохозяйственной кооперации субъектов Российской Федерации, в частности Ульяновской, Липецкой, Тюменской областей и Пермского края, органы исполнительной власти Алтайского края ведут работу по созданию модели управления системой сельскохозяйственной кооперации региона [16].

Таблица 1. Рейтинг регионов России по численности работающих кооперативов I уровня (по состоянию на 01.01.2017)

Наименование субъекта Российской Федерации	Работающие СПоК, ед.	Всего СПоК, ед.	Удельный вес работающих СПоК, %
Липецкая область	711	846	84
Пензенская область	559	720	78
Республика Саха (Якутия)	159	373	43
Тюменская область	112	148	76
Волгоградская область	104	140	74
Забайкальский край	74	96	77
Красноярский край	73	81	90
Иркутская область	64	152	42
Краснодарский край	63	124	51
Республика Мордовия	55	146	38
Ханты-Мансийский ОА	2	2	100
Чукотский АО	2	2	100
Рязанская область	1	25	4
Сахалинская область	1	5	20
Псковская область	1	5	20
Еврейская АО	0	7	*

Источник: рассчитано авторами

Таблица 2. Количество сельскохозяйственных потребительских кооперативов в Алтайском крае (по состоянию на 01.01.2018)

Показатели	перерабатывающие				обслуживающие				сбытовые		снабженческие		кредитные		Всего	Иные СПоК	Итого
	5	9	5	2	36	57	10	67	20	40	11	51	19	40			
2016 г.	5	9	5	2	36	57	10	67	20	40	11	51	19	40	12	52	
2017 г.	7	8	3	2	20	40	11	51									
2018 г.	7	9	3	2	19	40	12	52									

Источник: рассчитано авторами

По информации Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю на 01.01.2018, в регионе зарегистрировано 52 сельскохозяйственных потребительских кооператива, из них 7 перерабатывающих, 9 обслуживающих, 3 сбытовых, 2 снабженческих, 19 кредитных, и также 12 иных сельскохозяйственных потребительских кооперативов (табл. 2).

В 2017 году Алтайский край вошел в число пилотных регионов, в которых совместно с Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства вырабатываются эффективные меры поддержки сельскохозяйственной кооперации. На сегодняшний день в Алтайском крае разработана «дорожная карта» и утверждена концепция развития кооперации.

В рамках реализации «дорожной карты» усовершенствовано региональное налоговое законодательство. В 2017 году принят закон Алтайского края от 30.11.2017 № 88-ЗС «О внесении изменения в закон Алтайского края „О применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения на территории Алтайского края“», которым снижены размеры потенциально возможного годового дохода сельских муниципальных образований (отдаленных от краевого центра) по видам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения, в том числе по видам деятельности, которые могут осуществляться сельскохозяйственными кооперативами. Принят закон Алтайского края от 30.11.2017 № 89-ЗС «О ставках налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения в Алтайском крае», который предусматривает возможность использования с 01.01.2018 пониженных налоговых ставок отдельными категориями налогоплательщиков, осуществляющих виды деятельности, закрепленные в законе, в том числе по направлениям, возможным в рамках сельскохозяйственной кооперации. Кроме того, для хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность в рамках сельскохозяйственного кооператива, отдельно предусмотрена возможность дополнительно снижать установленные пониженные размеры налоговых ставок в зависимости от численности наемных работников.

При этом создается целая сеть консультационных центров и центров развития кооперации, а также система обучения, подготовки и переподготовки кадров для этой сферы.

Кроме того, для поддержки сельхозкооперации в 2017 году Алтайским фондом микрозаймов разработан специальный кредитный продукт «Заем на развитие сельскохозяйственной кооперации», целевое назначение которого – пополнение оборотных средств, малые инвестиции на приобретение транспорта, техники, оборудования, сельско-

хозяйственных животных. Условия займа: сумма – до 3 млн рублей, ставка – 5% годовых сроком до 36 месяцев.

Дополнительно сфера сельскохозяйственной кооперации включена в перечень направлений для предоставления грантов на реализацию проектов в приоритетных сферах экономики на 2018 год. Средства грантовой поддержки (до 70% от суммы бизнес-проекта) могут быть направлены на приобретение оборудования и транспортных средств для обеспечения деятельности кооператива. Наиболее наглядно оценка использования грантовой поддержки сельскохозяйственными кооперативами в целом по России отражена в табл. 3.

Таблица 3. Грантовая поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов за 2015–2018 годы

Показатели	2015	2016	2017	2018 (план)
Объем финансирования из федерального бюджета, млн руб.	0,4	0,9	1,5	2,4
Количество СПоК, ед.	88	164	174	160
Количество субъектов РФ, ед.	25	44	61	82
Средний размер гранта, млн руб.	6,7	7,5	10,7	12

Источник: рассчитано авторами

Согласно приведенной информации, мы видим, что средства грантовой поддержки за анализируемый период возрастают, исходя из этого количество субъектов, которые в них участвуют, пропорционально растет.

За три года, с момента начала реализации программы, поддержка этого направления в Алтайском крае составила в общей сложности более 81 млн рублей, в том числе в 2017 году 25 млн рублей. За 9 месяцев 2018 года грантовую поддержку получили 25 начинающих фермеров, 4 семейных животноводческих фермы на базе крестьянских (фермерских) хозяйств и 3 сельскохозяйственных потребительских кооператива. Решением межведомственной комиссии по оказанию государственной поддержки крестьянским (фермерским) хозяйствам и сельскохозяйственным потребительским кооперативам была предоставлена поддержка на техническое оснащение в размере: 16,22 млн рублей СПССПК «ЧарышАгроПродукт» Чарышского района, 12,54 млн рублей СПОССПК «Дружба» Целинного района, 1,9 млн рублей СПСК «Смоленский» Смоленского района.

Итогом работы кооперативов-грантополучателей является увеличение членов кооперативов, сдатчиков сельскохозяйственной продукции – до 713 личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств из 39 сельских поселений.

По состоянию на 01.10.2018 в крестьянских (фермерских) хозяйствах создано 23 новых постоянных рабочих места, в сельскохозяйственных потребительских кооперативах – 8. Прирост объема сельскохозяйственной продукции, произведенной индивидуальными предпринимателями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, получившими средства господдержки (по отношению к предыдущему году), составил 10%; реализованной сельскохозяйственными потребительскими кооперативами – 10%.

В целях оказания сельскохозяйственным кооперативам информационной, финансовой и маркетинговой поддержки АО «Корпорация МСП» разработаны и введены в эксплуатацию онлайн-ресурсы по развитию сельскохозяйственной кооперации на базе сервисов Портала Бизнес-навигатора МСП.

Доведенный Минсельхозом России до Алтайского края в 2017 году план по созданию в крае 11 снабженческо-сбытовых кооперативов выполнен полностью. На Российской агропромышленной выставке «Золотая осень – 2017» в номинации «Лучший сельскохозяйственный потребительский кооператив» снабженческо-сбытовой кооператив «Восход» Топчихинского района награжден золотой медалью, а кооператив «ЧарышАгроПродукт» – бронзовой медалью.

Для сбора молока у населения созданы и успешно работают сельскохозяйственные потребительские снабженческо-сбытовые кооперативы: СССПК «Колос» (Тальменский район), СССПК «Восход» (Топчихинский район), СПССПК «ЧарышАгроПродукт» (Чарышский район).

В целях увеличения объемов производства и закупок в личных подсобных хозяйствах сельскохозяйственной продукции и стабильного обеспечения населения края продовольствием, Минсельхозом Алтайского края доведено до муниципальных районов задание по закупу у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственной продукции (молока, мяса). Главам администраций районов рекомендовано взять под личный контроль вопрос организации закупа излишков сельскохозяйственной продукции на территории сельских поселений, а также вести активную работу по развитию в районах края сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Онлайн-каталог позволяет сельскохозяйственным кооперативам представить свою продукцию в сети Интернет и получить дополнительные возможности сбыта в части как оптовой реализации, так и розничных продаж, в том числе через сеть сельскохозяйственных ярмарок, информация о графике и местах проведения которых также представлена на ресурсе.

На наш взгляд, организация такого рода площадок просто необходима, так как в розничной цене продукции, по данным Росстата, вклад сферы обращения достигает доли в 60%.

Благодаря этому в 2018 году 246 заказчиками запланирована закупка сельхозпродукции на общую сумму 22,33 млрд рублей, из которых 155

заказчиками закупка только среди субъектов МСП – на сумму 13,15 млрд рублей. На сегодняшний день сформировался ТОП-5 лидеров регионов по месту поставки сельскохозяйственной продукции: Тюменская, Свердловская и Воронежская области, Республика Татарстан, Краснодарский край.

В Алтайском крае функционирует 160 торговых площадок для осуществления ярмарочной торговли: 10,2 тыс. торговых мест; 681 фирменный магазин, куда поставляют свою продукцию 160 алтайских производителей.

Помимо этого, в регионе создана электронная площадка «Алтайские продукты», представляющая весь комплекс производимых в крае натуральных, качественных, безопасных, в том числе функциональных и специализированных, продуктов питания.

В ряде регионов, в том числе и в Алтайском крае, созданы и активно работают Центры компетенций в сфере сельхозкооперации – новой модели сопровождения кооперативного движения по принципу «одного окна» [14].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации позволяет:

- сельхозтоваропроизводителям:
 - обеспечить себя кормами и другими материально-техническими ресурсами и услугами, участвуя в ценообразовании на них;
 - получить доступ к дополнительным кредитным ресурсам на техническое перевооружены и технологии;
 - снизить затраты на реализацию продукции;
 - повысить конкурентоспособность их продукции;
 - обеспечить участникам статус официально работающих лиц;
- перерабатывающим предприятиям:
 - расширить свою сырьевую базу;
 - регулировать качество получаемого сельскохозяйственного сырья, снизить затраты на его закуп;
- региональным и муниципальным органам управления:
 - повысить уровень доходов населения и, как следствие, налогооблагаемую базу;
 - увеличить объем производства конкурентоспособной продукции, частично решив проблемы с ее сбытом на отдельных территориях;
 - снизить социальные проблемы [19].

Однако, несмотря на отмеченные преимущества, нужно выделить и ряд проблем российской сельхозкооперации:

1. навязывание кооперации «сверху»;
2. отсутствие знаний о кооперации;
3. несовершенство механизма распределения прибыли;
4. ответственность участников за эффективность деятельности кооператива;
5. слабый контроль за результатами деятельности [20].

Мы считаем, что применяемых мер со стороны государства еще недостаточно и поэтому для активации кооперативного движения необходимо:

1. ввести широкую пропаганду преимуществ кооперации для личных подсобных хозяйств и малого бизнеса;
2. для обеспечения экономической устойчивости создавать кооперативы при участии перерабатывающих и иных предприятий, стимулируя их соответствующими государственными преференциями в зависимости от степени их участия.

Мы считаем, что кооперация является особым инструментом, способствующим улучшению социально-экономических показателей. Возрождающаяся российская сельскохозяйственная кооперация в современных условиях – это не просто тип производства или форма хозяйствования, а экономически обоснованная идеология выживания сельскохозяйственного производителя в жестких условиях рыночной экономики и глобализации экономического пространства.

Опыт регионов Сибири показывает, что в рамках кластерной политики, с учетом местных особенностей, степени участия органов федеральной и региональной власти, а также готовности самих субъектов экономических отношений можно эффективно решать актуальные задачи развития малых форм хозяйствования в АПК с использованием механизмов кооперации.

На сегодняшний день устойчивое функционирование малых форм хозяйствования, определяемое стабильным объемом и повышением эффективности сельскохозяйственного производства, невозможно без государственной поддержки.

Мы считаем, что государственная поддержка должна быть адресной, однако до сих пор отсутствует четкая процедура отбора малых форм хозяйствования для оказания им поддержки. Предлагаемую процедуру, на наш взгляд, стоит рассматривать как определенным образом упорядоченное взаимодействие этапов.

К основным этапам данной процедуры следует отнести:

- наблюдение за производственной деятельностью малых форм хозяйствования с целью их кластеризации и выявления кластеров хозяйств с высокими и низкими показателями;
- отбор хозяйств для оказания государственной поддержки из числа попавших в кластер с высокими показателями;
- рекомендации хозяйствам с низкими производственными показателями для повышения их эффективности с целью предоставления возможности участия в последующем отборе;
- определение приоритетных видов деятельности;
- выбор перспективных хозяйств, их научно-методическое обеспечение и информационно-консультационная поддержка.

Определение приоритетных направлений развития и процедура отбора малых форм хозяйствования являются основными элементами

механизма их эффективного функционирования, на которые влияют как внешние, так и внутренние факторы, и их стоит дифференцировать на управляющую систему (государственная поддержка), управляемую систему 1 (научно-методическое и технологическое обеспечение, кооперация и интеграция) и управляемую систему 2 (внутрихозяйственные резервы).

Весьма значимым направлением повышения эффективности функционирования малых форм хозяйствования является использование внутрихозяйственных резервов, причем оно не требует дополнительных капитальных вложений. С нашей точки зрения, к внутрихозяйственным резервам следует отнести соблюдение технологической дисциплины в хозяйствах, повышение отдачи от средств производства, определение приоритетных видов деятельности, диверсификацию и материальное стимулирование работников.

Помимо этого, в кооперативной сфере России вводится очередное новшество – в Москве представили первую блокчейн-систему для кооперативов под названием МЕКА.

Платформа МЕКА создана с целью внедрения новых методов деятельности в кооперативной среде, которые позволят формировать кооперативные сообщества в совершенно новых направлениях, там, где ранее они даже не предполагались. Главный замысел системы заключается в предоставлении возможности быстро и без комиссий выполнить обмен паями, находящимися в международном пользовании. Теми паями, к которым имеют доступ все кооперативные сообщества мира.

Основное преимущество МЕКА – это способность соединить все цифровые активы на мировом уровне. При этом действие санкционной политики здесь никак не будет отображаться. Таким образом, будет наблюдаться активное наращивание капитала, но при этом база данных будет надежно защищена прогрессивной инновационной системой от фальсификаций. Надежная работа системы получит высокую степень доверия у ее участников.

Инновационный проект был представлен на сессии «Международная кооперация как базис перехода к новейшему технологическому укладу в условиях развития цифровой экономики». На сессии проводилось обсуждение, каким образом следует осуществлять внедрение платформы МЕКА в евразийскую потребкооперацию. Особое внимание на сессии было уделено подготовке кадров нового типа и подготовке к проведению Меморандума, закрепляющего тесное сотрудничество Института цифровой экономики с Евразийской организацией экономического сотрудничества.

Важно понимать, что внедрение цифровой экономики в экономическое пространство Российской Федерации позволит повысить благосостояние граждан страны.

Мы надеемся, что использование децентрализованной блокчейн-системы в кооперативной среде России подарит новые возможности кооперативам и откроет им дверь в прогрессивный мир инновационных технологий.

В заключение нужно отметить, что государство способно и должно активно влиять на формирование комплексной системы развития сельскохозяйственной кооперации в позитивном направлении в условиях цифровой экономики.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым подчеркнуть, что зарубежный и отечественный опыт кооперативного движения свидетельствует о том, что в современных условиях его активизация является практически единственным инструментом развития сельского хозяйства и возрождения российского села.

В сложившихся условиях государственная политика по отношению к малым формам хозяйствования должна быть комплексной, направленной как на совершенствование условий производства в них, кооперацию и интеграцию с коллективным сельским хозяйством и перерабатывающими предприятиями, так и на улучшение условий жизни их владельцев.

Предусматриваемая в концепции развития на территории Алтайского края сельскохозяйственной кооперации законодательная поддержка; организационные меры, направленные на создание и развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации; меры, направленные на обучение, подготовку и переподготовку кадров для системы сельскохозяйственной кооперации; меры, направленные на организацию каналов сбыта продукции сельскохозяйственных кооперативов – все это может значительно повысить товарность малых форм хозяйствования, увеличить продовольственные ресурсы страны.

Мы считаем, что реализация вышеизложенных направлений обеспечит благоприятные условия для развития сельскохозяйственной кооперации, укрепив внутренний продовольственный рынок, повысив при этом уровень занятости и доходы сельского населения.

Библиографический список:

1. Гриценко Г.М., Рябухина Т.М. *Сельскохозяйственная потребительская кооперация Сибири. АПК: экономика и управление*. 2014; (10):23-30.
2. Golovina S., Nilsson J., Wolz A. *Members' choice of production cooperatives in Russian agriculture. Post-Communist Economies*. 2013; 25 (4):465-491.
3. Nilsson J., Hess S., Golovina S., Wolz A. *Governance of Production Cooperatives in Russian Agriculture. Annals of Public and Cooperative Economics*. 2016; (87:4):541-562.
4. Feinerman E., Falkovitz M. *An Agricultural Multipurpose Service Cooperative: Pareto Optimality, Price-Tax Solution and Stability. Journal of Comparative Economics*. (1991); (15):95-114.

5. Royer J.S., Bhuyan S. *Forward Integration by Farmer Cooperatives: Comparative Incentives and Impacts*. *Journal of Cooperative*. (1995); (10):33-48.
6. Tennbakk B. *Marketing Cooperatives in Mixed Duopolies*. *Journal of Agricultural Economics*. (1995); 46 (1):33-45.
7. Albaek S., Schultz C. *One Cow, One Vote? Scandinavian Journal of Economics*. (1997); 99 (4):597-615.
8. Albaek S., Schultz C. *On the Relative Advantage of Cooperatives*. *Economic Letters*. (1998); (59):397-401.
9. Borgen S.O. *Rethinking incentive problems in cooperative organizations*. *Journal of Socio-Economics*. (2004); 33 (4):383-393.
10. Гриценко Г.М. *Предпосылки развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в Алтайском крае*. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2013; (8):153-157.
11. Филиппова Г. *Становление кредитной кооперации на селе*. *АПК: экономика, управление*. 2000; (6) 648-53.
12. Фастова Е.В. *Сельскохозяйственная потребительская кооперация возрождается*. *Экономика сельского хозяйства*. 2008; (12):26-31.
13. Еварестова М.С., Яшина М.Л. *Сельскохозяйственная потребительская кооперация – основа развития малых форм хозяйствования на селе*. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2016; (2):62-65.
14. Глотова Н.И., Фасенко Т.Е., Доскач О.Е. *Кооперативное движение как фактор социально-экономического развития (на материалах Алтайского края)*. *Алтайский вестник Финансового университета*. 2018; (3):35-44.
15. Воронин Б.А., Маланичева А.В., Воронина Я.В., Погарцева Е.Е. *Сельскохозяйственная потребительская кооперация: экономико-правовые проблемы развития в современной России*. *Аграрный вестник Урала*. 2016; (8):74-81.
16. Глотова Н.И. *К вопросу формирования комплексной системы развития сельскохозяйственной кооперации (на материалах Алтайского края)*. *Алтайский вестник Финансового университета*. 2017; (2):42-46.
17. Резвяков А.В., Суворцева Е.С. *Об актуальных вопросах развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в Российской Федерации*. *Вестник Башкирского государственного аграрного университета*. 2017; (1):129-133.
18. Адуков Р.Х. *Управленческая природа факторов развития сельскохозяйственной потребительской кооперации*. *Экономика сельского хозяйства*. 2016; (11):85-90.
19. Мухина Е.Г., Сумарокова М.А. *Отечественный и зарубежный опыт развития сельскохозяйственной потребительской кооперации*. *Агропродовольственная экономика*. 2018; (6):4-14.
20. Ткач А. *Кооперация науки и производства*. *АПК: экономика, управление*. 1999; (9).47-51.

Предпринимательство в условиях Архангельского Севера: состояние, тенденции развития

Entrepreneurship in the conditions of the Arkhangelsk North: state, development trends

СМЕТАНИН Альберт Васильевич

Член Правления ВЭО России, председатель Архангельского регионального отделения ВЭО России, советник ректора Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор

Albert V. SMETANIN

Member of the Board of the Russian VEO, Chairman of the Arkhangelsk regional branch of the Russian VEO, Advisor to the rector of the Northern (Arctic) Federal University M.V. Lomonosova, academician of RAEN, doctor of Economics, Professor

ТУТЫГИН Андрей Геннадьевич

Член Архангельского регионального отделения ВЭО России, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук», исполнительный директор Микрокредитной компании Архангельский региональный фонд «Развитие», кандидат физико-математических наук, доцент

Andrey G. TUTYGIN

Member of the Arkhangelsk regional branch of VEO of Russia, leading researcher, «The Federal research center for integrated study of the Arctic named after academician N.P.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences», Executive Director of the Microcredit company Arkhangelsk regional Foundation «Development», candidate of physico-mathematical Sciences, associate Professor

СИЛУАНОВА Людмила Сергеевна

Заместитель председателя Архангельского регионального отделения ВЭО России, директор Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук, доцент

Lyudmila S. SILUANOVA

Deputy Chairman of the Arkhangelsk regional branch of the Russian VEO, Director of the Higher school of Economics, management and law of the Northern (Arctic) Federal University. M.V. Lomonosova, candidate of economic Sciences, associate Professor

СМЕТАНИНА Людмила Михайловна

Член правления Архангельского регионального отделения ВЭО России, доцент кафедры финансового права и правопедения Высшей школы экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, к.э.н.

Lyudmila M. SMETANINA

Member of the Board of the Arkhangelsk regional branch of the VEO of Russia, Associate Professor of financial law and law of the Higher school of Economics, management and law of Northern (Arctic) Federal University M.V. Lomonosova, Phd in Economics.

Аннотация:

Проведен анализ предпринимательства на Архангельском Севере, выявлены системные закономерности развития бизнеса, мотивационное поведение предпринимателей. Высказаны рекомендации повышения эффективности деятельности предпринимателей и бизнес-структур.

Abstract:

The analysis of entrepreneurship in the Arkhangelsk North is carried out, the system regularities of business development, motivational behavior of entrepreneurs are revealed. Recommendations to improve the efficiency of entrepreneurs and business structures.

Ключевые слова:

Архангельский Север, предпринимательство, бизнес, оборот малого и среднего бизнеса, микропредприятия, динамика численности индивидуальных предпринимателей, динамика инвестиций в малые и микропредприятия, факторы сдерживания предпринимательства, концепция развития МСП.

Keywords:

Arkhangelsk North, entrepreneurship, business, turnover of small and medium-sized businesses, microenterprises, the dynamics of the number of individual entrepreneurs, the dynamics of investment in small and microenterprises, business deterrents.

Состоявшийся 15–16 мая 2018 года Московский академический экономический форум (МАЭФ–2019) вызвал интерес как в научном сообществе, так и в предпринимательских кругах и органах власти области. По инициативе Архангельской региональной общественной организации ВЭО России 16 мая в Высшей школе экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) прошла панельная дискуссия на тему «Предпринимательство в условиях Архангельского Севера: состояние, тенденции развития». Предложения участников дискуссии нашли отражение в данной статье.

В статье также использованы материалы исследования развития предпринимательства на Архангельском Севере группы ученых под руководством члена Вольного экономического общества России, кандидата наук, доцента А.Г. Тутыгина [1].

Известно, что реализация национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» предполагает ускорение динамики экономического развития страны, регионов путем увеличения численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей с 19,2 млн (01.07.2018) до 25 млн чел. к 2024 году. Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых, к 2024 году составит 2,4 млн чел. Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП возрастет с 22,3% (01.07.2018) до 32,5% в 2024 году [2].

Рассмотрим показатели развития малого и среднего предпринимательства в Архангельской области. По данным Федеральной налоговой службы на 10 октября 2018 года общее число предпринимателей в Архангельской области – 38 088, что составляет 5,5% от всего Северо-Западного федерального округа (СЗФО).

В общей структуре предпринимателей в Архангельской области на 10 октября 2018 года преобладают предприниматели микропредприятий. Они составляют 63,35% от общего числа малых и средних предпринимателей в Архангельской области, а их доли в РФ и СЗФО соответственно – 0,74% и 7,52%. Самую малую долю в структуре предпринимателей Архангельской области занимают индивидуальные предприниматели средних предприятий – 0,02% и в структуре РФ и СЗФО – 2,48% и 29,63% соответственно. Если рассматривать численность всех предприятий Архангельской области, невзирая на организационно-правовые формы, доля микропредприятий будет равняться 95,12%; малых – 4,63%; а средних только 0,25%.

В динамике за 2 последних года произошло снижение общего числа малых и средних предпринимателей: на 354 в 2018 году и на 744 в 2017 году. В основном это повлияло на снижение микропредприятий, созданных юридическими лицами (сокращение за исследуемый

период составило 602), а также на снижение микропредприятий, созданных индивидуальными предпринимателями, численность которых сократилась на 398 (табл. 1).

Таблица 1. Изменение числа предпринимателей по видам в Архангельской области с 10.10.2016 по 10.10.2018

	10.10.2018	10.10.2017	10.10.2016	Изменение, 2018–2017,		Изменение, 2017–2016,	
				ед.	%	ед.	%
Всего	38 088	38 442	39 186	-354	-0,92	-744	-1,90
ЮЛ Микро	12 103	12 542	12 705	-439	-3,50	-163	-1,28
ЮЛ Малое	1 348	1 417	1 408	-69	-4,87	9	0,64
ЮЛ Среднее	88	89	87	-1	-1,12	2	2,30
ИП Микро	24 127	23 989	24 525	138	0,58	-536	-2,19
ИП Малое	414	405	451	9	2,22	-46	-10,20
ИП Среднее	8	0	10	8		-10	

В Архангельской области в сфере малого и среднего предпринимательства заняты 108496 человек. По этому показателю Архангельская область занимает пятое место в Северо-Западном федеральном округе, ее доля составляет 5,5% от общей численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства в СЗФО. Из них 80400 человек работают у юридических лиц, а 28096 – в сфере индивидуального предпринимательства [3].

В 2017 году самый большой показатель оборота был у малых предприятий, и он составил 92,63 млрд руб., за ним следует оборот микропредприятий с показателем 40,01 млрд руб., самый низкий показатель у средних предприятий – 38,8 млрд руб. В динамике за 2013–2017 гг. (табл. 2) показатель оборота у микропредприятий снизился на 57%, оборот малых предприятий снизился на 22%, а у средних предприятий, наоборот, повысился на 27% [4].

При увеличении численности малых предприятий за 2013–2016 гг. в среднем по России на 34% и в Северо-Западном федеральном округе на 12% численность малых предприятий Архангельской области снизилась на 16%. Сократилось также число малых предприятий (-14%) на 10000 человек. В то же время по отмеченным показателям зафиксировано увеличение численности и по количеству МП в РФ и в СЗФО (табл. 3). Таблица свидетельствует и о том, что выручка от реализации товаров, работ и услуг в РФ, СЗФ выросла кратно в сравнении с Архангельской областью. Предпочтительнее также позиции России и Федерального округа по сохранению среднесписочной численности работников [5].

Таблица 2. Оборот малого и среднего бизнеса в Архангельской области в 2013–2017 гг., млрд руб.

	2013	2014	2015	2016	2017	Изменения, 2013–2017, млрд руб. %	
Микро	92,63	54,36		49,17	40,01	-52,60	-57
Малые	118,52	99,44	92,00	90,96	92,63	-25,90	-22
Средние	30,60	22,30	23,90	39,10	38,80	8,20	27

Таблица 3. Динамика малых предприятий в Архангельской области с 2013 по 2016 гг. по сравнению с СЗФО и РФ

	2013			2016			Изменения, %		
	РФ	СЗФО	Арх. обл.	РФ	СЗФО	Арх. обл.	РФ	СЗФО	Арх. обл.
Число малых предприятий на конец года, тыс.	2 63,1	330,5	16,9	2 770,6	371,5	14,2	34	12	-16
Число малых предприятий на 10 000 человек населения	144	239	147	189	267	126	31	12	-14
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), тыс. человек	10 775,2	1 261,4	63,5	10 055,9	1 217,4	60	-7	-3	-6
Выручка от реализации товаров (работ, услуг) малых предприятий, млрд руб.	24 781,6	2 620,5	132,6	38 877	4 977,8	153,8	57	90	-16

Исходя из данных табл. 4 на 2013–2016 гг. общее число индивидуальных предпринимателей в Архангельской области снизилось на 27%, что в численном выражении составляет 6225 человек, из них более 60% – 3935 человек приходится на оптовую и розничную торговлю; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования [6].

Стоит отметить, что пик предпринимательской активности во многих отраслях приходился на 2015 год, затем произошел резкий спад в 2016 году.

Известно, что предпринимательская активность во многом зависит от инвестиций.

В табл. 5–6 представлена динамика инвестиций в микропредприятия и малые предприятия Архангельской области за 2013–2016 годы

Таблица 4. Динамика численности индивидуальных предпринимателей в Архангельской области по отраслям в 2013–2016 гг.

	2013	2014	2015	2016	уд. вес	Изменения 2016–2013 ед. %	
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	762	605	1 103	710	4,22	-52	-6,82
Рыболовство, рыбоводство	63	11	59	12	0,07	-51	-80,95
Добыча полезных ископаемых			4	3	0,02	3	0,00
Обрабатывающие производства	1 017	1 027	1 594	991	5,89	-26	-2,56
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	23	20	30	9	0,05	-14	-60,87
Строительство	1 474	1 228	1 629	1 006	5,98	-468	-31,57
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10 707	8 702	9 904	6 772	40,24	-3 935	-36,75
Гостиницы и рестораны	332	359	471	210	1,25	-122	-36,75
Транспорт и связь	2 935	2 533	3 091	2 018	11,99	-917	-31,24
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3 584	2 950	4 359	3 257	19,36	-327	-9,12
Образование	122	180	239	215	1,28	93	76,23
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	233	145	231	184	1,09	-49	-21,03
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1 800	2 107	2 236	1 440	8,56	-360	-20,00
Всего	23 052	19 867	24 950	16 827	100,00	-6 225	-27,00

в сравнении с РФ и СЗФО [7]. Так, инвестиции в микропредприятия выросли на 80% и составили на 2017 год 1189,36 млн руб. (самое большое значение за данный период). Наименьший объем инвестиций в микропредприятия был зафиксирован в 2016 году и составил 309,31 млн руб. При этом инвестиции в микропредприятия в Российской Федерации и в Северо-Западном федеральном округе за анализируемый период выросли на 140% и 221% соответственно. Инвестиции в малые предприятия в Архангельском регионе выросли на 21% и составили на 2017 год 778,63 млн руб. Самое большое значение за данный период этот показатель принимал в 2016 году – он составил 1341,67 млн руб. Наименьшее значение инвестиций в малые предприятия было зафиксировано в 2015 году – 445,23 млн руб. Инвестиции в малые предприятия в Российской Федерации и в Северо-Запад-

ном федеральном округе за анализируемый период выросли на 42% и 100% соответственно.

Таблица 5. Динамика инвестиций в микропредприятия в территориальном разрезе в 2013–2017 гг.

	2013	2014	2015	2016	2017	Изменения 2017 к 2013	
						ед.	%
РФ, тыс. руб.	185 476 178	236 729 528	390 068 428	444 692 765	259 216 587	140	
СЗФО, тыс. руб.	9 004 607	16 293 918	22 398 482	28 914 351	19 909 744	221	
Арх. обл., тыс. руб.	660 636	725 594	309 314	1 89 357	528 721	80	

Таблица 6. Динамика инвестиций в малые предприятия в территориальном разрезе в 2013–2017 гг.

	2013	2014	2015	2016	2017	Изменения 2017 к 2013	
						ед.	%
РФ, тыс. руб.	389 457 504	427 702 000	409 267 515	411 554 827	553 804 687	164 347 173	42
СЗФО, тыс. руб.	1 775 950 3	16 809 485	14 528 717	17 434 257	35 544 091	17 784 588	100
Арх. обл., тыс. руб.	643 485	746 191	445 231	1 341 668	778 627	135 142	21

Следует также отметить рост налоговых поступлений. Сумма исчисленного налога ЕНВД от организаций и индивидуальных предпринимателей за период с 2013 по 2017 гг. выросли с 1 645 026 тыс. руб. до 1 747 559 тыс. руб., а по упрощенной системе налогообложения (УСН) с 2 409 592 тыс. руб. до 3 540 887 тыс. руб. Тем не менее долевой вклад МСП в региональный валовой продукт (ВРП) имеет тенденцию к снижению: пик был достигнут в 2015 г. – 21,4%. Это связано, прежде всего, с продолжающимся сокращением числа субъектов предпринимательской деятельности [8].

Ведение бизнеса в Архангельской области имеет свои специфические черты. Нельзя не учитывать тот факт, что определенные ограничения на развитие бизнеса в регионе накладывают следующие особенности: суровые климатические условия, транспортная недоступность многих территорий, высокие тарифы, большие расходы электроэнергии, северные льготы и гарантии [9].

Чаще всего именно эти характеристики не способствуют развитию предпринимательской деятельности. По мнению опрошенных респондентов, условия для развития предпринимательства имеют оценку «удовлетворительные» (37%) и «неудовлетворительные» (42%).

Факторы, которые сдерживают в настоящее время развитие малого и среднего предпринимательства в г. Архангельске и области, по данным соцопросов, следующие: несовершенство федерального законодательства (16,7%), сложная экономическая ситуация и отсутствие стабильности (14,8%), недобросовестная конкуренция (11,1%), большое количество проверяющих органов (11,1%), недостаток собственных средств (11,1%) [10].

К нашим областным «тормозам» целесообразно добавить мнение бизнес-омбудсмена в Республике Коми Игоря Бобкова, что предприниматели «чаще жалуются на нарушение своих прав органами местного самоуправления (32%) и органами государственной власти (28%), далее идут правоохранительные органы, следствие и дознание (23%), контрольно-надзорная деятельность (10,2%), предприятия-монополисты и споры хозяйствующих субъектов» [11].

Предпринимательский ландшафт в Архангельском регионе производит двойственное впечатление. Казалось бы, осуществляются определенные усилия региональных и муниципальных органов власти: несколько лет предпринимательством помимо министерства экономического развития занималась Корпорация развития Архангельской области, действовал бизнес-инкубатор, преобразованный в Дом предпринимателя; объявляются различные смотры, конкурсы на получение грантов, ежегодно проводятся областные, городские, районные конференции предпринимателей и масса других мероприятий; принимаются соответствующие решения.

И в то же время по основным показателям эффективности: численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, долевой вклад МСП в валовой региональный продукт (ВРП) – мы не дотягиваем до общероссийского уровня и уровня СЗФО, планки которых в ходе выполнения национального проекта будут подняты в полтора-два раза. К этому следует добавить еще одно важное направление – увеличение количества самозанятых северян.

В обобщенном виде для повышения эффективности и результативности предпринимательской деятельности предложения научно-экономического сообщества предпринимателей, разноуровневых ветвей власти, по нашему мнению, сводятся к следующему:

■ с учетом новых целевых ориентиров национального проекта и вызовов времени необходима разработка новой концепции развития МСП на Архангельском Севере;

■ концептуальной основой может стать идея ментальности русскости (раньше думай о Родине, соборность, справедливость) Архангельского Севера (г. Архангельску в 2019 году исполняется 435 лет, г. Каргополь основан раньше Москвы), не знавшего ни иноземного, ни внутреннего «игов» [12]. Соборность в современном толковании как коллективизм, умение работать плечом к плечу [13], в союзе с исконно русским обостренным чувством справедливости особо актуально сегодня. Примером служит дореволюционная (до 1917 г.) артельная форма предпринимательства, где все вопросы производства, доходов, расходов решались гласно, прилюдно и по справедливости. Артели сыграли решающую роль в строительстве Сибирской железнодорожной магистрали (за 10 лет построили 7,5 тыс. км) и Северной железной дороги [14]. Производственная демократия и принципы справедливости основа восстановления доверия на производстве и в обществе.

В концепции также важно учесть:

- личностно-мотивационную компоненту предпринимателя. Исследования показали, что стремление быть самостоятельным и независимым является главным мотивом начать собственное дело (30,2% ответов респондентов). На втором месте у респондентов – стремление реализовать свой жизненный и профессиональный потенциал (25,6%). Третью по популярности позицию занял ответ – стремление обеспечить приемлемый уровень жизни для себя и своей семьи (18,6%);
- обучение и переподготовка предпринимателей. Создание постоянно действующих школ, центров [15]. Усиление взаимодействия предпринимателей с академической средой и внедрение инноваций;
- развитие социального предпринимательства;
- снижение административных барьеров должно предполагать ответственность не только проверяемых бизнес-структур, но и проверяющих представителей власти и контрольно-надзорных органов;
- создание современной цифровой инфраструктуры для ведения бизнеса;
- создание условий и поддержка субъектов МСП по включению в большие арктические проекты;
- мотивация молодежи к развитию малого и среднего предпринимательства путем усиления профориентационной деятельности среди школьников и студентов.

Библиографический список:

1. Тутьгин А.Г., Коробов В.Б., Чижова Л.А., Малинина К.О. *Бизнес-сообщество Русского Севера: модели поведения: Монография.* – Ростов н/Д: Легион – М, 2018. – 244 с.
2. <http://government.ru/rugovclassifier/864/events/>.

3. Тутыгин А.Г., Коробов В.Б., Чижова Л.А., Малинина К.О. Бизнес-сообщество Русского Севера: модели поведения: Монография. – Ростов н/Д: Легион – М, 2018. – С. 63–65.
4. Там же, с. 66.
5. Там же, с. 66–67.
6. Там же, с. 68–70.
7. Там же, с. 73.
8. Там же, с. 72, с. 75.
9. Там же, с. 34–35.
10. Там же, с. 80–83.
11. <https://nevnov.ru/region/Sykyvkar/682153-komi-stremitelno-teryayet-predprinimatelskuyu-privlekatelnost>
12. Сметанин А.В., Сметанина Л.М. Архангельская область: истоки, потенциал, модернизация: монография – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 6 – 24 с.
13. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001, с. 18–35.
14. Маркова А.Н., Сметанин А.В., Федулов Ю.К. Экон. история России: учебник для студентов, обучающихся по направлению «Экономика». Под ред. Ю.К. Федулова. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2009, с. 169–170.
15. Елина Е., Смолякова Е., Мельников А. Все о бизнесе за два часа: секреты юристов и бухгалтеров. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 192 с.
16. Яковлев Михаил. Народный бизнес. Как быстро открыть свое дело и сразу начать зарабатывать. – Москва: изд-во АСТ, 2018. – 224 с. (Русский бизнес).
17. Силинг Тина. Креатив по правилам: от идеи до готового бизнеса. Перевод с англ. Л. Головиной. – М.: Манн, Иванов и Фербер. 2019. – 240 с.

Новые модели взаимодействия субъектов в условиях цифровизации

New models of interaction of subjects in the conditions of digitalization

ТЕСЛЕНКО Ирина Борисовна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Бизнес-информатика и экономика» ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Irina B. TESLENKO

Doctor of Economics Sciences, Professor, Head of the Department of Business Informatics and Economics at the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs

Аннотация:

Новые отношения охватывают все сферы социально-экономической жизни: от бизнеса до государственных структур. Они преобразуют деятельности компаний, побуждая все новых и новых рыночных игроков пересматривать свое отношение к традиционным моделям деятельности. Статья посвящена новым моделям взаимодействия субъектов в условиях цифровизации.

Abstract:

The new relations cover all spheres of social and economic life: from business to government agencies. They transform the activities of companies, defeating more and more new market players to reconsider their attitude to traditional models of activity. The article is devoted to new models of interaction of subjects in the conditions of digitalization.

Ключевые слова:

Цифровизация, экономика совместного пользования, «Интернет вещей», Big Data.

Keywords:

Digitalization, sharing economy, Internet of things, Big Data.

Цифровая экономика за счет новых уникальных технологий упрощает и ускоряет традиционные бизнес-процессы, кастомизирует сервис, используя большие массивы данных, обеспечивает появление виртуальных бизнесов, делает возможным гибкое индивидуализированное ценообразование и т.д. [1], т. е. открывает новые невероятные возможности в плане взаимоотношений между субъектами хозяйственной деятельности.

Появление новых взаимодействий связано с меняющимися потребностями и нуждами клиентов. С появлением мобильных устройств и развитием мобильных приложений все большую популярность приобретают так называемые «платформенные» взаимодействия. Остановимся на характеристике некоторых из них.

Одной из современных и весьма востребованных моделей поведения является модель совместного пользования, или, как ее называют, экономика совместного пользования (ЭСП).

Экономика совместного пользования (англ. вариант – sharing economy) в самом общем виде – это обмен товарами и услугами между неограниченным количеством людей в масштабе мира без посредников. Это новая социально-экономическая модель взаимодействия, которая основывается на осознанном предпочтении коллективной собственности вместо частной. Выбор такой модели связан не столько с недостатком денег, сколько с желанием расширить свои возможности и воспользоваться открывающимися преимуществами.

Совместное пользование товарами уходит корнями с далекое прошлое. Современную концепцию ЭСП предложили экономисты Р. Ботсман и Р. Роджерс в книге «What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption» (2010 г.) [2]. Их идея заключалась в том, что потребителю удобнее и выгоднее платить за временный доступ к товару, чем быть его владельцем.

Формирование экономической модели совместного пользования обусловили два фактора: технологический и ценностный. Технологический связан с появлением цифровых платформ, которые быстро и просто связывают экономических агентов друг с другом. Сущность ценностного фактора заключается в отказе от устоявшихся привычек, в новом восприятии многих вещей, моделей поведения, которые ранее казались незыблемыми.

Уже сегодня тысячи людей в мире пользуются сервисами экономики совместного пользования, такими как BlaBlaCar – поиск попутчиков, eBay – онлайн-аукцион, Airbnb – сервис аренды жилья и др.

Благодаря концепции совместного пользования появился рынок даже для тех вещей, которые никогда не считались потенциально прибыльными. Десяток квадратных метров подъездной дорожки может приносить прибыль как парковочное место через сервис Parking Panda. Комната в доме может стать собачьим пансионом через сервис

DogVacaу. С сервисом SnapGoods дрель, лежащая без дела в гараже, также становится источником дохода [3].

В России в связи с достаточно быстрым распространением процессов цифровизации ЭСП также развивается. Так, в 2018 год страна увеличила объем операций на рынках ЭСП на 30% по сравнению с 2017 г. Наибольшую долю в объеме ЭСП составляли электронные продажи между потребителями (С2С – Consumer-to-consumer – 72%). Значительно отстают от них услуги фрилансеров (19%), каршеринг (5%) и аренда жилых помещений на короткий срок (2%).

По оценкам Forbes, доходы, получаемые благодаря ЭСП и поступающие напрямую ее участникам, будут расти очень бурными темпами. ЭСП – уже не просто доходная модель, а настоящая революция в экономике [3].

Вместе с преимуществами, ЭСП порождает ряд проблем. Это: возможное сокращение рабочих мест при внедрении сервисов ЭСП; отсутствие налогового регулирования новой модели; безопасность информационных платформ; возможность организации мошеннических схем и др.

Еще одной современной моделью взаимоотношений стал краудрекрутинг. Крауд-технологии предполагают использование способностей, знаний, творческих навыков большого количества людей для решения разных вопросов и проблем в ходе совместной онлайн-работы на специализированной интернет-платформе.

Сфера применения крауд-технологий весьма обширна. Однако все согласятся, что результаты деятельности организаций зависят от ее работников.

Сейчас подбором персонала занимаются в организациях и на предприятиях отделы кадров, а также специализированные организации – службы занятости и рекрутинговые агентства. Рекрутинг – это бизнес-процесс по подбору и отбору специалистов для компании-заказчика [4]. В последнее время стал активно использоваться онлайн-рекрутинг – поиск соискателя на вакансию с помощью веб-сайтов [5]: zarplata.ru, superjob.ru, hh.ru, job.ru, rosrabota.ru, rabota.ru, bankir.ru и др. [6].

В последнее время за рубежом и в России заговорили о технологии краудрекрутинга.

Это не просто способ найма работников онлайн. Краудрекрутинг (от англ. «crowd» – толпа и «recruiting» – подбор на определенные должности, вербовка) – это способ найти и нанять работника путем оценки его качеств, реальных возможностей и способностей при выполнении проекта, предложенного компанией, это возможность сформировать кадровый резерв, познакомиться многих претендентов с компанией и спецификой ее работы [7], при необходимости – инструмент решения какой-то задачи внутри компании путем активизации деятельности сотрудников.

Характерным отличием краудрекрутинга от других способов отбора кандидатов на работу является возможность в короткие сроки показать себя с совершенно разных сторон, максимально раскрыв свой потенциал [8].

Краудрекрутинг снижает загруженность работников HR-службы предприятия, позволяет отказаться от привлечения сторонних рекрутинговых агентств, сокращает стоимость отбора кандидатов [7].

В России технология краудрекрутинга была применена в 2012 г. компанией Witology по заказу госкорпорации «Росатом» в ходе реализации уникального проекта «ТеМП 2012» по отбору 100 специалистов для разных направлений деятельности «Росатома». При традиционном рекрутинге на это потребовалось бы около полугода, данный проект на основе краудрекрутинга занял всего месяц.

Краудрекрутинг имеет свои преимущества и ограничения. К преимуществам можно отнести скорость отбора кандидатов, экономию затрат, востребованность онлайн формата современными молодыми людьми. Вместе с тем он вряд ли подойдет при подборе водителя, секретаря, кандидатов для редких профессий, высококвалифицированных специалистов. Стоимость использования интернет-платформ (например, BrainForce или FuturUS) достаточно высока, а значит, не все работодатели, особенно владельцы малого и среднего бизнеса, могут воспользоваться этой технологией. Эффективность этой технологии пока не определена [9].

Краудрекрутинг не столь широко распространен в России, по мнению Исследовательского центра портала Superjob.ru, потому что достаточно часто работодатели хотят личного контакта с кандидатом, т. к. для них важны разные мелочи, такие как внешний вид, стиль одежды, манера поведения и т.д. [10]. А в целом дальнейшее развитие краудрекрутинга может сделать эту технологию эффективной и весьма перспективной при отборе персонала в XXI веке.

Широчайшие возможности для развития новых моделей взаимодействия открывает использование больших данных – Big Data.

Big Data – это либо огромные объемы структурированной или неструктурированной цифровой информации, которые невозможно обработать традиционными инструментами (в мировой практике), либо технологии обработки данных (отечественный подход).

Некоторые исследователи считают, что очередная информационная революция произойдет незаметно именно благодаря масштабному внедрению технологии Big Data.

Все каналы, через которые поступает информация, делятся на диджитальные – это различные датчики и софтверные – это различные программы. Приборы, установленные в домах, автомобилях, ручных браслетах, а также программы (от Facebook до Google Maps) собирают все информацию о населении.

С помощью датчика можно оценить стандартную активность человека и следить за отклонениями от норм. Сам человек может позвать на помощь, используя такие устройства. Big Data обеспечивает персонализированное общение с клиентами.

Данная технология используется во многих сферах, не является исключением и страхование.

Страховщики начали отслеживать данные с фитнес-браслетов и других умных устройств, которые помогают контролировать состояние здоровья и образ жизни клиентов.

Страховщики делают скидки (или надбавки) на некоторые продукты страхования здоровья, в зависимости от того, какой образ жизни ведет человек. Такие продукты, к примеру, есть в Скандинавии, начали они использоваться и в Эстонии [11].

Некоторые отслеживают, насколько правильно их клиенты чистят зубы. В частности, страховая компания Veam Technologies при помощи умной зубной щетки контролирует продолжительность чистки зубов, и если она составляет не менее двух минут, клиент регулярно получает бесплатные насадки на щетку и скидку на услуги страхования [12].

Традиционный подход деятельности страховой компании предполагает учет некой генеральной совокупности рисков, на основании чего устанавливается тариф.

Big Data позволяет индивидуализировать тарифы и набор услуг, в результате человек не будет переплачивать за ненужные услуги. В итоге: клиент перестанет платить за те услуги, которые не использует, а убытки страховых компаний снизятся [13]. На такую модель обслуживания, например, перешла южноафриканская компания-страховщик Discovery [14].

Российские страховщики еще не используют возможности Big Data так широко, как зарубежные. Однако первые шаги в этом направлении уже сделаны. Речь идет об «умном КАСКО» с использованием телематических устройств. Это приспособления (иногда просто программа в мобильном телефоне), которые устанавливаются в автомобиле и собирают данные, связанные со стилем вождения: скоростной режим, количество маневров, торможений и т.п. Однако пока эта информация используется страховщиками только для предварительного расчета тарифа на страхование КАСКО.

Отечественный рынок может похвастаться лишь 50 тысячами персонализированных предложений, которые были реализованы страховыми компаниями за последние несколько лет с использованием телематики. Дело в том, что в России нет специализированной законодательной базы, которая могла бы стандартизировать подобные системы и порядок работы с ними для страховых компаний [15].

Компания в сфере телематики «Лаборатория Умного Вождения» запустила первый в России телеграмм-бот, позволяющий дистанционно

управлять автомобилем, разработала первую в России систему распознавания и раннего информирования об авариях на основе искусственного интеллекта – Crash AI (она способна отличить настоящую аварию от ложной и определить ее характер) [16].

Что касается страхования имущества, то здесь снизить риски помогают встроенные датчики, которые позволяют вовремя обнаружить несанкционированное проникновение в помещение, утечку газа, прорыв в системе водоснабжения или пожар.

Все эти примеры говорят о том, что постепенно использование «Интернета вещей» (IoT) приведет к формированию инновационных видов страхования и изменению взаимодействия внутри классических видов страхования.

Итак, цифровизация последних лет повлияла практически на все сферы жизни и деятельности общества.

Прошли те времена, когда бизнес в основном ориентировался на цену и качество продукта. Сейчас более важными стали скорость и удобство его получения. В настоящее время на цифровых платформах появляется возможность взаимодействия не с несколькими клиентами – предприятиями и организациями, а с целой экосистемой компаний.

Современные предприятия, чтобы развиваться и получать доходы, сохранять свои конкурентные позиции должны переходить от традиционных способов ведения бизнеса к современным моделям путем реструктуризации бизнеса, реинжиниринга бизнес-процессов для удовлетворения потребностей своих клиентов и получения дополнительного дохода.

Библиографический список:

1. Бойко И.П., Евневич М.А., Колышкин А.В. Экономика предприятия в цифровую эпоху. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-predpriyatiya-v-tsifrovuyu-epohu>.
2. Всюду шеринг: что такое экономика совместного потребления. Что такое sharing economy: история термина. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rb.ru/story/share-it/>.
3. Экономика совместного пользования. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://forbes.kz/finances/markets/ekonomika_sovmestnogo_polzovaniya.
4. Что такое рекрутинг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/что-такое-рекрутинг>.
5. Услуга рекрутинга персонала – что это такое? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://znaydelo.ru/personal/trudoustroystvo/rekruting.html>.
6. Суманова И. «Реальный» рекрутинг и интернет-рекрутинг: за и против. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://aviconn.com/press/realnyiy-rekruting-i-internet-rekruting-za-i-protiv.html>.
7. Краудрекрутинг – новая технология массового поиска талантов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iinsider.biz/>.

8. Бобко А. Краудрекрутинг. Поиск людей через поиск идей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://witology.com/blog/company/264/>.
9. Краудрекрутинг как метод поиска кандидатов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/blog/kraudrekruting-kak-metod-poiska-kandidatov>.
10. Горюнова О. Одним махом убить двух зайцев – именно такой результат обещает новая технология подбора персонала. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bankir.ru/publikacii/20150316/prizhivetsya-li-u-nas-kraudrekruting-10006171/>.
11. Технологии Big data в страховании жизни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lifeinsurance.kz/ekspert/tehnologii-big-data-v-strahovanii-zhizni>.
12. Как умные технологии IoT и Big data помогут страховым компаниям и как они повлияют на тарифы в будущем? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://allinsurance.kz/articles/analytical/5813-kak-umnye-tekhnologii-iot-i-big-data-pomogut-strakhovym-kompaniyam-i-kak-oni-povliyayut-na-tarify-v-budushchem>.
13. Как развитие Big data улучшит страховые продукты для населения. Ханнес Чопра. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/money/08/12/2016/584923d59a79476a92d8c7a6>.
14. Анализ Big data поможет страховщикам понимать потребности клиентов в здравоохранении и страховании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forinsurer.com>.
15. Как можно применять «большие данные» в страховании: проекты университета ИТМО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/spbifmo/blog/329762/>.
16. «Лаборатория Умного Вождения» за год увеличила число клиентов в 10 раз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnews.ru/news/line/2019-02-13_laboratoriya_umnogo_vozhdeniya_za_god_uvelichila.

List of References:

1. Boiko I.P., Evnevich M.A., Kolyshkin A.V.: *Ekonomika predpriyatiya v tsifrovuyu epokhu*. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-predpriyatiya-v-tsifrovuyu-epohu>.
2. Vsyudu shering: chto takoe ekonomika sovместnogo potrebleniya. Chto takoe sharing economy: istoriya termina. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://rb.ru/story/share-it/>.
3. *Ekonomika sovместnogo pol'zovaniya*. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://forbes.kz/finances/markets/ekonomika_sovместnogo_polzovaniya.
4. *Chto takoe rekruting*. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://hr-portal.ru/article/chto-takoe-rekruting>.
5. *Usluga rekrutinga personala – chto eto takoe?* [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://znaydelo.ru/personal/trudoustroystvo/rekruting.html>.

6. Simanova I. «Real'nyi» rekruting i internet-rekruting: za i protiv. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://aviconn.com/press/realnyi-rekruting-i-internet-rekruting-za-i-protiv.html>.
7. Kraudrekruting – novaya tekhnologiya massovogo poiska talantov. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://iinsider.biz/>.
8. Bobko A. Kraudrekruting. Poisk lyudei cherez poisk idei. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://witology.com/blog/company/264/>.
9. Kraudrekruting kak metod poiska kandidatov. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://hr-portal.ru/blog/kraudrekruting-kak-metod-poiska-kandidatov>.
10. Goryunova O. Odnim makhom ubit' dvukh zaitsev – imenno takoi rezul'tat obeshchaet novaya tekhnologiya podbora personala. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://bankir.ru/publikacii/20150316/prizhivetsya-li-u-nas-kraudrekruting-10006171/>.
11. Tekhnologii Big data v strakhovanii zhizni. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://lifeinsurance.kz/ekspert/tehnologii-big-data-v-strahovanii-zhizni>.
12. Kak umnye tekhnologii IoT i Big data pomogut strakhovym kompaniyam i kak oni povliyayut na tarify v budushchem? [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://allinsurance.kz/articles/analytical/5813-kak-umnye-tekhnologii-iot-i-big-data-pomogut-strakhovym-kompaniyam-i-kak-oni-povliyayut-na-tarify-v-budushchem>.
13. Kak razvitie Big data uluchshit strakhovye produkty dlya naseleniya. Khannes Chopra. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/opinions/money/08/12/2016/584923d59a79476a92d8c7a6>.
14. Analiz Big data pomozhet strakhovshchikam ponimat' potrebnosti klientov v zdravookhranenii i strakhovanii. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://forinsurer.com>.
15. Kak mozhno primenyat' «bol'shie dannye» v strakhovanii: proekty universiteta ITMO. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://habr.com/ru/company/spbifmo/blog/329762/>.
16. «Laboratoriya Umnogo Vozhdeniya» za god uvelichila chislo klientov v 10 raz. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.cnews.ru/news/line/2019-02-13_laboratoriya_umnogo_vozhdeniya_za_god_uvelichila.

Контактная информация:

ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87

Contact information:

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, 87 Gorky st., Vladimir, Russian Federation, 600000
Тесленко Ирина Борисовна / Irina Teslenko
E-mail: iteslenko@inbox.ru

Проблемы инновационного развития города Волжского

Challenges in the innovative development of Volzhsky city

КАБЛОВ Виктор Федорович

Доктор технических наук, профессор Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного технического университета

Victor F. KABLOV

Doctor of Technical Sciences, Professor of Volzhsky Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University

Аннотация:

Обсуждаются вопросы инновационного развития города Волжского с учетом современных вызовов и глобальных проблем, промышленного потенциала города, прогнозирования развития города (возможные сценария развития и форсайт-проекты разного уровня), создания инновационной среды, создания и привлечения новых технологий. Рассматриваются процессы промышленного развития и реиндустриализации, создание промышленных и научно-промышленно-образовательных кластеров, проблемы кадров, экологии города и работы института, а также интеграционные процессы в производстве, науке и образовании.

Abstract:

The paper discusses some issues related to the innovative development of Volzhsky city with account for modern challenges and global problems, the industrial potential of the city, city development forecasts (possible scenarios for development and foresight projects at different levels), creation of an innovative environment, as well as creation and application of new technologies. Examples have been given for potentially promising and science-driven technologies (high-tech materials based on silicon carbide, asbestos, additive technologies, industrial ecology and ecological biotechnology). Industrial development and reindustrialization issues are considered (setting up ship-building, bus and pipe productions, establishing industrial and research,

production and educational clusters, the issues of personnel training, city environment and the institute's activities in this area (research in the area of ecological regeneration and the activities of the students' ecology squad aimed at elimination of technological accidents and recovery of ecosystems), as well as integration processes in production, science and education.

Ключевые слова: Инновации, город, прогнозирование, технологии, производственные кластеры, реиндустриализация, экология, кадры.

Keywords: Innovations, forecasting, technologies, production clusters, reindustrialization, ecology, personnel.

Развитие города Волжского (население около 330 тыс. человек) – сложный процесс, протекающий в условиях острой конкуренции регионов и сверхцентрализации социально-экономической жизни России, острой нехватки денежных ресурсов, оттока кадров, плохой экологической ситуации. Начинает сказываться и старение населения. В то же время город имеет большой потенциал для развития. В городе относительно развитая промышленность, хорошая инфраструктура, современная планировка. Волжский – один из самых благоустроенных и озелененных средних городов России. В городе имеется практически все для нормальной жизни, получения образования и отдыха.

И самое главное: Волжский – особый город. Необычная и вдохновляющая его история. Строительство Волжской ГЭС, самого города и промышленного комплекса – второе по значимости событие региона после Сталинградской битвы.

Для успешного развития города необходимо учитывать следующие направления.

1. Учет мирового опыта. Проблемы города невозможно рассматривать без учета глобальных проблем, тенденций развития страны и региона, а также вызовов и рисков нового времени. В наше время происходит формирование новой экономики и 4-я промышленная революция. Меняется образ жизни общества. Мы живем в мире VUCA (volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность)). Это в полной мере относится и к России, и к Волжскому.

Так, изменение климата приводит к значительным изменениям в экономике. Возникают новые отрасли промышленности с миллиардными оборотами. Соответственно, происходят и изменения в образовании.

Неправильный учет китайского потенциала – главный стратегический просчет Запада (да и России) за последние 20 лет. Основными статьями экспорта Китая являются высокотехнологичные товары. Китай вкладывает огромные средства в образование и НИОКР. Только компания «Хуавей» тратит на научно-технические и инновационные разработки 20 млрд долларов в год. Поэтому Китай стал не только мировой мастерской, но технологическим лидером. Что можно использовать из опыта Китая и других успешных стран и регионов России для инновационного развития города?

Следствия: быстрые изменения в окружающем мире и необходимость изменений в нас самих.

2. Прогнозирование и конструирование будущего. Будущее создается сегодня. Есть ли у нас видение будущего, планируем ли мы его? И еще важнее, есть ли у нас мечта о новом городе? Волжский создавался в величайшем порыве там, где города обычно не строят [1].

Были предложены сценарии возможного развития Волжского [2]:

- инерционный, с надеждой на финансовые вливания извне. Он бесперспективен. Однако, проведение чемпионата по футболу, строительство дорог, ряд мероприятий по развитию городов области показывает, что при активной работе администрации региона можно получить значительные федеральные денежные средства. Но борьба за ресурсы между регионами очень острая! Безусловно, нужны очень привлекательные проекты;
- превращение в центр туризма и отдыха. Нереальный сценарий, мало коррелируется с природно-климатическими условиями и рекреационным потенциалом региона. Однако и здесь есть ресурсы и возможности – это пойма, старая часть города как архитектурная достопримечательность, кольцо пансионатов вокруг города, промышленный туризм;
- превращение в крупный логистический центр на перекрестке путей Запад – Восток и Север – Юг. К сожалению, мы не выиграли проект Интермодального терминала. Но строительство моста и порта, развитие судостроения, дает городу шанс;
- формирование научно-образовательно-производственного кластера с университетом и десятками высокотехнологичных малых и средних фирм. Это очень привлекательный вариант, однако мы во многом утратили свой образовательный и научный потенциал и есть большая конкуренция со стороны других крупных центров, здесь предстоит очень большая, но перспективная работа.

Мне представляется, что оптимальным является интеграционный вариант. Сочетание крупных производств, малых научно-производственных фирм, логистика, новые производства и новые медицинские центры.

Мы провели несколько форсайтов развития Волжского на разных уровнях:

1. Экономика будущего. Био-, нано- и информационные технологии (ИТ). Нано-технологии: революция материалов. Конструирование экосистем. Возобновляемые источники энергии. Аддитивные технологии.
2. Общество и город будущего. Инновационные социальные программы. Новый формат городской жизни. Малые города – центры когнитивного мира. Система образования будущего. Новые решения старых задач.
3. Форсайт для малого и среднего бизнеса. Прогнозирование развития сектора, его значение и место в экономике будущего. Кластеризация малого бизнеса.
4. Региональный форсайт. Прогнозирование научно-технологического, экономического и социального развития Волжского в системе региона.
5. Корпоративный форсайт. Разработки стратегии развития конкретных компаний.

В США работает 200 мозговых центров, которые занимаются проектированием будущего. В Волжском необходим свой собственный мозговой центр по прогнозированию и проектированию будущего города.

3. Инновации – надежда России и Волжского.

Важнейшей проблемой является создание в городе инновационной среды. Получить результаты в развитии предпринимательства без создания инновационной среды – все равно что «получить молоко без коровы».

Сам город должен стать инновационным.

4. Возрастание роли технологий. Город получит ускоренное развитие, если будет обеспечено всемерное развитие и привлечение в город новых высокоэффективных технологий, создание высокотехнологичных компаний, выпуск уникальных продуктов.

Какими технологическими новациями мы можем ответить? Приведем некоторые примеры возможных перспективных технологий в Волжском:

- производство карбида кремния – монопольное преимущество Волжского. Большая часть карбида кремния идет на производство абразивного инструмента. В то же время карбид кремния может служить основой для твердотельной электроники, получения керамической брони, катализаторов дожигания выхлопных газов, высокоэффективных наполнителей и даже основы для производства сверхдорогого, но супер-эффективного материала – графена. На базе Волжского абразивного завода может быть создан высокотехнологичный кластер;
- в Волжском находится один из немногих заводов асбестотехнических изделий. Перспективным было бы производство уникальных микро- и нановолокон из асбеста;
- организация высокотехнологических производств имеется на большинстве волжских заводах. В Волжском создан и ряд высокотехнологичных малых фирм, в том числе развитие работ по аддитив-

ным технологиям в ВПИ и фирме «Волтехно» [3]. На базе этих работ возможно создание высокотехнологичного кластера;

■ привлекательными представляются технологии в области промышленной, восстановительной экологии и экологической биотехнологии, переработки отходов, способов эффективного тушения природных пожаров [4–5].

5. Новая индустриализация – главный мировой тренд.

Волжский создавался как промышленный город. Из промышленности город брал основные средства на строительство жилья, школ, вузов, дворцов культуры... В Волжском были созданы хорошо интегрированные друг с другом промышленные производства, прежде всего химический комплекс с прекрасной инфраструктурой – по существу, настоящий кластер, включающий научные, конструкторско-технологические организации, средние и высшие учебные заведения, природоохранные сооружения, медицинские учреждения и т.п. Вопросы создания новых кластеров в Волжском рассмотрены [6, 7].

Сейчас наблюдается повсеместное охлаждение к постиндустриальному мифу. Стало ясно, что постиндустриального общества быть просто не может – может быть только увеличение доли услуг, информационных технологий и спекуляций. На Западе занялись рещорингом – упрочнением своей производственной базы и подготовкой кадров для нового индустриального рывка. Реиндустриализация для нас – проект, требующий серьезных усилий, новые компетенции понадобятся и от политической элиты.

К счастью, в Волжском сохранился значительный промышленный потенциал, появились и небольшие, но очень эффективные предприятия. 29 мая 2019 г. в Волжском со стапелей Волжского судостроительного завода был спущен великолепный танкер длиной около 150 метров! Это настоящий подвиг коллектива завода, на котором работает не более 100 человек.

В России есть кому осуществлять новую индустриализацию. Но есть еще одна проблема. Нескольким поколениям молодых не прививались навыки работы на производстве, по существу, убивались всякие стимулы производительного труда.

6. Кадры. Важнейшей задачей является подготовка квалифицированных кадров непосредственно в городе. В Волжском была создана хорошая система подготовки кадров высшей и средней квалификации [8]. Однако многие выпускники школ уезжают в крупные центры, прежде всего в Москву, и не возвращаются потом в Волжский. И проблему эту надо решать как на местном, так и на общероссийском уровне.

7. Интеграция. Необходимо обеспечивать взаимодействие всех вузов и научных общественных организаций, бизнеса и власти для реализации социально-экономического развития города [7].

8. Экология. Привлекательный город. Зеленый и умный город. Без улучшения состояния окружающей среды, без создания привлекательной

городской и социо-культурной среды не удержать молодые кадры и не остановить отрицательную миграцию. Здоровье населения также тесно связано с состоянием окружающей среды.

В ВПИ реализован ряд проектов по улучшению экологической ситуации в регионе. Активно занимается природоохранной деятельностью студенческий экологический отряд ВПИ «Экос» [4]. Это пример использования молодежного ресурса.

9. Налоги. Одной из самых актуальных проблем для регионального развития является то, что основная доля всех налогов уходит в федеральный бюджет. Даже бывший министр финансов А. Кудрин считает, что необходимо отдать регионам часть изымаемого НДС. Но за это придется сильно побороться. Необходимо оставлять и «экологические» сборы территориям с экологически опасными предприятиями.

Отличительной чертой большинства волжан является их искренняя любовь к своему городу. Я верю в будущее Волжского, потому что в него заложена колоссальная энергия его создателей, потому что в него заложена Мечта волжан!

Библиографический список:

1. Каблов В.Ф. *Россия без регионов рухнет*/В.Ф. Каблов // «Стратегия успеха: идеи, технологии, инновации», Самара, 2009–2010, №5 (6), с. 26–27.
2. Глухов, В. Н., Гузев М.М., Рамазанов С.П., *Город Волжский между прошлым и будущим (субъективные заметки)*/Глухов, В. Н., Гузев М.М., Рамазанов С.П., // *Город Волжский в зеркале истории: сб. статей*, ВГИ (фил.) «Волгоградский гос. ун-т», ВТПП. – Волгоград: Волг. науч. изд-во, 2014. – 185с.
3. Каблов, В.Ф. *Интеграционные процессы науки, образования, бизнеса – как путь инновационного обновления города*/ В.Ф. Каблов // *Развитие средних городов: замысел, модели, практика: III междунар. науч.-практ. конф./Администрация городского округа – г. Волжский, ВПИ (филиал) ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – С. 20–29.*
4. Каблов, В.Ф. *Волго-Ахтубинская пойма. Экологическая ситуация: проблемы и решения по ее улучшению: монография*/ В.Ф. Каблов, В.Е. Костин, Н.А. Соколова, С.И. Благинин, С.В. Яковлев, Л.В. Курылева; ВПИ (филиал) ВолгГТУ. – Волгоград, 2016. – 457 с.
5. Каблов, В.Ф. *Лесные и травяные пожары. Экологические последствия, прогнозирование, способы тушения: монография* / В.Ф. Каблов, С.И. Благинин, И.Н. Хлобжева; ВПИ (филиал) ВолгГТУ. – Волгоград: ИУНЛ ВолгГТУ, 2017. – 172 с.
6. Каблов, В.Ф. *Поиски инновационных путей развития города – создание кластера по производству автобусов в городе Волжском* /В.Ф. Каблов, А.А. Бакулин //: *Межрегион. науч.-практ. конф. «Взаимодействие научно-исследовательских подразделений промышленных предприятий и вузов с целью повышения эффективности управления и производства»*, / ВПИ (филиал) ВолгГТУ. – Волжский, 2010. – С. 19–26.

7. Каблов В.Ф. Наука, бизнес, образования – интеграционные процессы как фактор повышения эффективности инновационных разработок// Технологии, кооперация, инвестиции: [сб.] VII межрегион. науч.-практ. конф. Взаимодействие научно-исследовательских подразделений промышленных предприятий и вузов с целью повышения эффективности производства и инновационной деятельности»/ ВПИ (филиал) ВолгГТУ [и др.]. – Волжский, 2011. – С. 3–8.

List of References:

1. Kablov V.F. Rossiya bez regionov ruhnet/V.F. Kablov //«Strategiya uspekha: idei, tekhnologii, innovacii», Samara, 2009–2010, №5 (6), s. 26–27.
2. Gluhov, V.N., Guzev M.M., Ramazanov S.P., Gorod Volzhskij mezhdru proshlym i budushchim (sub"ektivnye zametki)/ Gluhov, V.N., Guzev M.M., Ramazanov S.P., // Gorod Volzhskij v zerkale istorii: sb. statej, VGI (fil.) "Volgogradskij gos. un-t", VTPP. – Volgograd: Volg. nauch. izd-vo, 2014. – 185s.
3. Kablov, V.F. Integracionnye processy nauki, obrazovaniya, biznesa – kak put' innovacionnogo obnoveniya goroda/V.F. Kablov // Razvitie srednih gorodov: zamysel, modeli, praktika: III mezhdunar. nauch.-prakt. konf./Administraciya gorodskogo okruga – g. Volzhskij, VPI (filial) VolgGTU. – Volgograd, 2015. – С. 20–29.
4. Kablov, V.F. Volgo-Ahtubinskaya pojma. Ekologicheskaya situaciya: problemy i resheniya po ee uluchsheniyu: monografiya, izdanie 2-e, dopolnennoe / V.F. Kablov, V.E. Kostin, N.A. Sokolova, S.I. Blaginin, S.V. YAKovlev, L.V. Kuryleva; VPI (filial) VolgGTU. – Volgograd, 2016. – 457 s.
5. Kablov, V.F. Lesnye i travyanye pozhary. Ekologicheskie posledstviya, prognozirovaniye, sposoby tusheniya: monografiya / V.F. Kablov, S.I. Blaginin, I.N. Hlobzheva; VPI (filial) VolgGTU. – Volgograd: IUNL VolgGTU, 2017. – 172s.
6. Kablov, V.F. Poiski innovacionnyh putej razvitiya goroda – sozdanie klastera po proizvodstvu avtobusov v gorode Volzhskom /V.F. Kablov, A.A. Bakulin //:VI mezhdregion. nauch.-prakt. konf. «Vzaimodejstvie nauchno-issledovatel'skih podrazdelenij promyshlennyh predpriyatij i vu-zov s cel'yu povysheniya effektivnosti upravleniya i proizvodstva"/VPI (filial) VolgGTU [i dr.]. – Volzhskij, 2010. – С. 19–26.
7. Kablov V.F. Nauka, biznes, obrazovaniya – integracionnye processy kak faktor povysheniya effektivnosti innovacionnyh razrabotok// Tekhnologii, kooperaciya, investicii: [sb.] VII mezhdregion. nauch.-prakt. konf. Vzaimodejstvie nauchno-issledovatel'skih podrazdelenij promyshlennyh predpriyatij i vuzov s cel'yu povyshe-niya effektivnosti proizvodstva i innovacionnoj deyatel'nosti»/ VPI (filial) VolgGTU [i dr.]. – Volzhskij, 2011. – С. 3–8.

Контактная информация:

Каблов Виктор Федорович,
Волжский политехнический институт (филиал) ВолгГТУ, Россия,
г. Волжский Волгоградской обл., ул. Энгельса 42а, тел. (8443) 33-74-58.
E-mail: vkablov5@gmail.com

Ключевые факторы устойчивого развития

Key drivers of sustainable development

УСКОВА Тамара Витальевна

Доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН Вологодский научный центр РАН

Tamara V. USKOVA

Doctor of Sciences (Economics), deputy director for science, Vologda Research Center of RAS

Аннотация:

В статье дан анализ влияния ключевых факторов на устойчивое развитие российской экономики. Сделан вывод о том, что их негативное слияние во многом вызвано системными проблемами в системе государственного управления. Предложены направления корректировки государственной социально-экономической политики, предусматривающие принятие государственной стратегии новой индустриализации, внедрение новых перспективных технологий, изменение денежно-кредитной и финансовой политики, повышение эффективности использования потенциала территорий.

Abstract:

The article searches for the ways to provide stability of socio-economic systems in conditions of dynamic external and internal environment. It analyzes the impact of key factors on sustainable development of the Russian economy. It considers the following key factors: economic growth rate; balance of economic structure; development of industry and, first of all, mechanical engineering; innovation and investment activity; people's income level. It is concluded that the negative impact of these factors on the economy of the Russian Federation is largely caused by system-wide problems in the system of public administration. The paper proposes directions for adjusting socio-economic policy of the government. It is necessary to take a set of measures so that the Russian economy could adopt a new model of development based on structural and technological

modernization and on the development of its real sector. This will be facilitated by the adoption of a state strategy for new industrialization. It is of fundamental importance to intensify the search for and introduction of new promising technologies that can provide a technological breakthrough. It is also necessary to implement industrial policy aimed at enhancing national competitiveness. All this can be done most efficiently with the help of the concept for new industrialization. It is necessary to change the monetary and financial policy, to focus it on the needs of the real sector of the economy and on the development of territories; it is also necessary to improve the efficiency of the use of territories' potential.

Ключевые слова: Устойчивое развитие, факторы, экономический рост, структура экономики, промышленность, инвестиции, доходы, социально-экономическая политика.

Keywords: Sustainable development, factors, economic growth, economic structure, industry, investment, income, socio-economic policy.

Развитие национальной и региональной экономик в значительной степени определяется закономерностями общемировых, глобализационных процессов, которые влекут за собой рост неопределенности и неустойчивость развития. Возникающие возмущения носят непрогнозируемый характер и являются дестабилизирующим фактором, существенно осложняющим управление социально-экономическими процессами. Эти обстоятельства требуют поиска путей устойчивого развития социально-экономических систем и ставят проблему анализа факторов устойчивости в разряд наиболее актуальных.

В числе ключевых факторов устойчивости социально-экономических систем высокие темпы роста и сбалансированная структура экономики; развитый промышленный сектор, прежде всего машиностроение как высокотехнологичная отрасль; инновационная и инвестиционная активность; высокий уровень доходов населения и др.

Какое же влияние эти ключевые факторы оказывают на устойчивость развития Российской Федерации и ее территорий?

Итак, одним из ключевых экономических факторов, обеспечивающих устойчивость развития социально-экономических систем, следует признать высокие темпы роста экономики и ее сбалансированную структуру. Именно позитивная экономическая динамика является основой для улучшения показателей в социальной сфере и экологического благополучия.

Однако темпы роста российской экономики за последние 10 лет нельзя назвать высокими. С 2008 по 2017 гг. валовой внутренний про-

дукт России вырос только на 5,5%. По итогам 2018 г. российская экономика приросла менее чем на 2,3%. В 2019 г. прогнозируется увеличение ВВП на 1,8%, а в 2023 г. – 1,2%. При этом в ближайшие два года прирост мировой экономики прогнозируется более существенный – на уровне 3,7%. Экономика Китая и Индии будут прирастать на более чем 6 и 7% соответственно.

Таким образом, темпы роста российской экономики уступают среднемировым. Страна теряет позиции в мировой экономике. В настоящее время российская экономика находится на шестом месте в мире (после Китая, США, Индии, Японии и Германии). При сохранении существующих тенденций к 2024 г. Россия не сможет подняться на пятое место. А именно эту задачу ставит Президент России на предстоящий период.

За трансформационный период изменилась структура экономики. Произошло снижение удельного веса машиностроения (-8,4%), деревообрабатывающей (-1,3%), легкой (-9,1%) промышленности, сельского и лесного хозяйства (-6,5%). При этом доля топливно-энергетической, химической промышленности, металлургии и других отраслей, производящих продукцию низких переделов, существенно выросла.

Аналогичные процессы происходят и на региональном уровне. Так, доля материального производства в создании ВДС Вологодской области упала более чем на 21 п.п. – с 74 до 53%, в т. ч. доля промышленности сократилась на 17 п.п. – с 58 до 41%, а удельный вес услуг увеличился с 26 до 47%.

По мнению экспертов, экономика промышленного производства России замещается на «экономику услуг», суть которой не в производстве промышленной продукции, а оказание услуг на ее основе, независимо от того, где и кем эта продукция произведена. Т. е. даже те сохранившиеся предприятия высокотехнологических отраслей работают в основном на обслуживании товаров, изделий, произведенных крупными западными фирмами, а не создают новые товары. В результате выпуск высокотехнологичной продукции отечественными товаропроизводителями существенно сократился. Этот факт весьма наглядно показывают следующие данные. Доля российских компаний в общемировых объемах экспорта высокотехнологичной продукции гражданского назначения составляет только 0,4%. При этом доля Китая и США несравненно выше: 16,3 и 13,5% соответственно.

Устойчивость российской экономики во многом определяется промышленным сектором. Промышленность формирует порядка 13,7% ВВП. За 10 лет промышленное производство увеличилось только на 10,5%. Однако ситуация в промышленности весьма неоднозначна. Сырьевой сектор промышленности развивается более высокими темпами.

Итогом этого стала резко возросшая значимость сектора добычи полезных ископаемых при формировании динамики промышленного производства.

Таким образом, основной из негативных тенденций пореформенного периода стала примитивизация структуры российской экономики. А отсутствие отечественных высокотехнологичных компаний делает более реальными угрозы дальнейшего отставания России от западных стран, прежде всего от США, в том числе в связи с ускоренной разработкой и внедрением там технологий «Интернета вещей».

Важнейшей отраслью инвестиционного спроса, драйвером экономического развития, главным фактором конкурентоспособности и устойчивости экономики является машиностроение. Вместе с тем в общем объеме промышленного производства доля машиностроения остается стабильно низкой: удельный вес сектора за период с 2008 по 2016 гг. не достигал 15%. Для сравнения: в США данный показатель составляет около 30%. Как результат, в стране сформировалась производственная зависимость от импорта машиностроительной продукции, которая создает преграды для осуществления положительных сдвигов в отрасли. Доля машиностроительной продукции в товарной структуре импорта составляет почти 50%, в то время как в экспорте этот показатель не превышает и 10%.

Критических величин достигла зависимость от импорта технологий. Доля импорта в ряде стратегических отраслей превышает 80%. Слабое развитие отечественного машиностроения препятствует диверсификации экономики, не способствует осуществлению технологического рывка и переходу на инновационные рельсы.

Общеизвестно, что достижения науки, материализованные в новшествах (технике, технологиях, материалах и продуктах, а также новых методах организации производства и управления), являются движущей силой роста производства и причиной изменений в структуре экономики. То есть инновации следует рассматривать как один из факторов устойчивого развития. Инновации обеспечивают не только качественные изменения в структуре экономики, но и способствуют росту возможностей для удовлетворения постоянно растущих потребностей общества.

Вместе с тем практически за весь трансформационный период уровень инновационной активности российских предприятий не достигал 10%. Причем по итогам 2017 г. только в 21 субъекте РФ уровень инновационности превысил 10%. А в ряде российских территорий этот показатель не достигал и 3%.

По мнению руководителей промышленных предприятий Вологодской области, препятствий на пути создания и внедрения инноваций слишком много. Большинство респондентов указали, что главными факторами, сдерживающими инновационную деятельность, являются недостаток собственных денежных средств и высокая стоимость нововведений (61,1 и 48,1% соответственно), высокий экономический риск (38,9%) и длительные сроки окупаемости (33,3%), недостаток финансовой поддержки со стороны государства. Основным источником финан-

сирования инновационной деятельности промышленных предприятий по-прежнему являются собственные средства.

Таким образом, в условиях нехватки собственных средств инновационная активность предприятий остается низкой. В результате этого сокращается уровень диверсификации производимой в стране продукции, происходит отставание России от стран-лидеров в части развития передовых технологий, цифровизации и платформизации экономики.

Сокращение технологического отставания от передовых западных стран становится наиболее важной задачей на всех уровнях власти. Решить ее возможно, лишь инвестируя в экономику. То есть инвестиции в основной капитал выступают ключевым фактором устойчивости экономики. Однако за 10 лет инвестиции в основной капитал приросли только на 1,2%. Российская экономика не привлекательна для инвесторов как зарубежных, так и отечественных. Собственных средств у предприятий для капвложения недостаточно. Банковский сектор предлагает кредит под весьма высокий процент. Возможности бюджетной системы крайне ограничены.

Если посмотреть распределение инвестиций в территориальном разрезе, то картина весьма печальная. Периферийные территории практически не получают инвестиций. Инвесторы предпочитают вкладывать средства в крупные проекты, которые, как правило, реализуются в городах и агломерациях. При этом сельские территории, расположенные на периферии, далеко от транспортных магистралей и рынков сбыта, испытывают инвестиционный голод. А без инвестиций нет развития. Результатом этого является значительная социально-экономическая дифференциация российских территорий.

В перечне ключевых социальных факторов устойчивости – доходы населения. С одной стороны, денежные средства населения следует рассматривать как один из источников инвестиций в основной капитал, а с другой – источник удовлетворения основных потребностей людей.

Вместе с тем низкий уровень жизни, бедность – одна из актуальнейших проблем, волнующих россиян. Однако за период с 2008 по 2017 гг. доходы населения России выросли только на 5,2%. Причем с 2014 г. имеет место падение реальных доходов населения. За период после 2013 года численность бедных в стране увеличилась примерно на 26%: в 2013-м за чертой бедности находились 15,5 млн человек, в январе – сентябре 2018-го – 19,6 млн человек. Да и в целом доходы населения невысоки. Так, если денежные доходы домохозяйств Вологодской области в 2014 г. составляли в среднем 26 тыс. рублей, то в 2017 г. – только 20,5 тыс. рублей. В семьях с детьми ситуация еще более критическая. Что касается пенсий как основного дохода неработающих пенсионеров, то их размер весьма низкий. В 2018 г. средний размер пенсии составлял 14144 рубля, или только 31% от средней заработной платы, что в полтора-два раза меньше, чем в Европе.

Таким образом, низкий уровень доходов и, как следствие, низкий уровень жизни значительной части россиян не позволяет говорить о возможности удовлетворять основные потребности.

Итак, нами рассмотрены лишь основные факторы устойчивости социально-экономических систем. Как показал анализ, влияние рассмотренных факторов на устойчивое развитие Российской Федерации носит в основном негативный характер. Это позволяет говорить о системных проблемах в системе государственного управления.

Для коренного изменения ситуации и повышения устойчивости развития социально-экономической системы требуется существенная корректировка проводимой государственной социально-экономической политики.

Во-первых, необходим переход к новой модели развития, основанной на структурно-технологической модернизации, развитии реального сектора экономики, активизации инвестиционной и инновационной активности, обеспечивающей новое качество и высокие темпы роста экономики. Решению этой задачи, как подчеркивают ведущие эксперты, будет способствовать «разработка и реализация государственной стратегии новой индустриализации, нацеленной на преодоление ярко выраженной тенденции деиндустриализации и примитивизации структуры экономики и обеспечение восстановления отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе».

Во-вторых, важнейшим стратегическим направлением обеспечения устойчивого развития страны следует рассматривать сохранение, поддержание, развитие и эффективное использование научно-технического потенциала. В этих целях необходимо предусмотреть государственную поддержку тех сфер, где имеются достаточные преимущества перед другими странами, активизировать поиск и внедрение новых перспективных технологий, способных обеспечить технологический прорыв и вывести экономику на инновационную модель развития. Развитие фундаментальной науки следует рассматривать в числе важных стратегических задач, требующих от государства проведения соответствующей политики по ее поддержке и финансированию.

В-третьих, принципиально важное значение имеет совершенствование управления промышленным комплексом – базовым сектором экономики. Добиться этого возможно в рамках промышленной политики, направленной на повышение национальной конкурентоспособности. Более всего этому соответствует концепция новой индустриализации.

В-четвертых, требуется корректировка денежно-кредитной и финансовой политики России. В целях повышения бюджетной обеспеченности территорий следует реализовать комплекс мер по изменению межбюджетных отношений, направленных на достижение сбалансированности и устойчивости территориальных бюджетов, повышение финансовой самостоятельности регионов и муниципалитетов.

В-пятых, необходимость достижения устойчивого и сбалансированного пространственного развития, обеспечивающего развитие человеческого капитала, сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни россиян, актуализирует проблему совершенствования методов управления социально-экономическими процессами на основе развития и повышения эффективности использования потенциала территорий. Решение этой проблемы видится в доработке и принятии к реализации стратегии пространственного развития страны.

Интеллектуальные методы обработки данных при прогнозировании оборота наличных денежных средств в банкоматах коммерческих банков

Artificial intelligence methods in commercial banks atm cash turnover forecast

АСТРАХАНЦЕВА Ирина Александровна

Доктор экономических наук, заведующая кафедрой Информационных технологий и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

Irina A. ASTRAKHANTSEVA

Doctor of economic Sciences, Head of Information technologies and digital economy department of Ivanovo state University of chemistry and technology,

КУТУЗОВА Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры Информационных технологий и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

Anna S. KUTUZOVA

Candidate of economic Sciences, associate Professor, Department of Information technologies and digital economy, Ivanovo state University of chemistry and technology

АСТРАХАНЦЕВ Роман Геннадьевич

Студент 2-го курса по направлению «Компьютерная безопасность», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Roman G. ASTRAKHANTSEV

2nd year student of «Computer security», National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация:

Статья посвящена вопросам прогнозирования спроса на наличные деньги в банкоматах коммерческого банка. Решение задачи прогнозирования позволяет оптимизировать процессы управления ликвидностью, организации кассовой работы и обслуживания банкоматов службой инкассации. Для получения прогноза оборота наличных денежных средств использован метод машинного обучения – нейронная сеть. Авторами была построена и обучена модель многослойного перцептрона с одним скрытым слоем на языке программирования Python 3 с использованием библиотеки Keras, а также модель рекуррентной нейронной сети. В результате был получен прогноз пиков и спадов спроса на наличные деньги в банкоматах банка. Основанное на прогнозе управление загрузкой банкоматов обеспечивает минимальную стоимость обслуживания и хранения денег в банкомате. Алгоритм может быть тиражирован на всю сеть банкоматов, а также применен для других коммерческих банков.

Abstract:

The Article is focused on a problem of forecasting demand for cash money in ATMs of a commercial Bank. The solution of the forecasting problem let us optimize the processes of liquidity management, cash management and ATM service by the collection service. The method of machine learning – neural network-is used to obtain the forecast of cash turnover. The authors made and trained a model of a multilayer perceptron with one hidden layer in the Python 3 programming language using the Keras library, as well as a model of a recurrent neural network. As a result, the forecast of peaks and declines in demand for cash at the Bank's ATMs was obtained. Based on the forecast load management of ATMs ensures minimal maintenance costs and keep money in the ATM. The algorithm can be replicated to the entire ATM network, as well as applied to another commercial banks.

Ключевые слова:

Банк, банкоматы, ликвидность, инкассация, спрос на наличность, прогнозирование, машинное обучение, нейросеть, перцептрон, рекуррентная нейронная сеть.

Keywords:

Bank, ATMs, liquidity, collection, demand for cash, forecasting, machine learning, neural networks, perceptron, recurrent neural network.

Управление ликвидностью коммерческого банка – один из важнейших процессов банковского менеджмента. Риск ликвидности представлен двумя своими разновидностями – риском недостатка ликвидности – ситуацией, при которой у организации в определенный момент времени не будет достаточного количества ликвидных

активов, чтобы покрыть обязательства с наступившим сроком исполнения, и риском избытка ликвидности, выражающимся в избытке высоколиквидных активов и потере потенциальных доходов.

Абсолютно ликвидный актив, наличные денежные средства, является предметом планирования. Одним из важнейших для операционной деятельности коммерческого банка плановых показателей является объем загрузки банкоматов, который, в свою очередь, зависит от оптимального остатка денежных средств в устройствах самообслуживания. Последний же определяется спросом на наличные деньги.

Несмотря на активную работу регулятора по сокращению наличного денежного оборота и популяризации безналичных платежей, тем не менее определенный сегмент населения демонстрирует устойчивый спрос на услугу по снятию наличности в банкоматах коммерческих банков. Недостаточный объем загрузки банкоматов наличными деньгами может спровоцировать недовольство клиентов, не имеющих возможности произвести операцию снятия. Чрезмерный объем загрузки чреват для банка высокими издержками, связанными с работой инкассаторской службы, и потерей доходов из-за избытка высоколиквидных активов.

Таким образом, проблема определения спроса на наличные деньги в устройствах самообслуживания коммерческого банка находится на пересечении процессов управления ликвидностью банка, организации кассовой работы и работы службы инкассации. Ее решение позволит повысить качество банковского обслуживания, доходность организации и оптимизировать работу инкассаторов.

Решение данной проблемы традиционными методами корреляционно-регрессионного анализа часто очень затруднено по причине значительного распространения банковских карт и, соответственно, увеличения объема информации, обрабатываемой процессинговыми центрами. В то время как ее нерешенность ведет к простоям банкоматов, нарушениям графиков работы инкассаторской службы, связанным с внеплановыми инкассациями, необоснованным объемом отвлеченных денежных средств.

Задача сводится к прогнозированию целевого значения, зависящего от потока клиентов, демонстрирующих повышенный либо пониженный спрос на наличные денежные средства, который, в свою очередь, определяется днем недели, днем месяца (например, дни получения заработной платы или социальных пособий), временем суток, выходными и праздничными днями, сезоном и другими факторами.

Для решения данной задачи могут быть использованы методы машинного обучения, такие как линейная регрессия, случайный лес или же нейронные сети. Последний вариант является наиболее универсальным не только для задачи прогнозирования, но и для задачи классификации, кластеризации и выявления аномалий. Кроме того,

нейронные сети дают большую точность при значительном увеличении объема данных, в отличие от остальных моделей [1].

Под нейронными сетями стоит понимать упорядоченную структуру искусственных нейронов – простых вычислительных единиц, принимающих и отдающих сигналы. Реализация нейронной сети заключается в определении порядка передачи входных сигналов к выходным через нейроны.

Подытожим задачу прогнозирования оборота наличных денежных средств в банкоматах коммерческих банков: имея данные об операциях клиентов в устройствах самообслуживания, необходимо спрогнозировать показатели работы сети банкоматов на основе алгоритма нейросети. Для ее решения был выбран офис коммерческого банка, который являлся «проблемным» для службы инкассации по причине многочисленных жалоб клиентов о невозможности совершить операцию снятия наличных денежных средств в устройствах самообслуживания.

В полученном дата-сете было 180 значений в период с 14 января 2018 года по 19 февраля 2019 года, целевой функцией является сумма выгрузки (рис. 1). Дата загрузки, время загрузки, сумма загрузки и дата выгрузки были приняты как аргументы целевой функции и продавались как входной сигнал нейронной сети.

Рисунок 1.
Представление
полученного
дата-сета
в числовых
значениях

	DZ	TZ	SZ	DV	SV		DZ	TZ	SZ	DV	SV	
0	1	0.696053	4900000	3	2800000		175	394	0.698461	4900000	398	4000000
1	3	0.674294	6300000	5	4600000	• • •	176	396	0.445185	4900000	401	3600000
2	5	0.720208	6300000	8	5000000		177	398	0.469514	4500000	402	700000
3	8	0.615810	5800000	11	4900000		178	402	0.323507	1500000	404	3300000
4	11	0.747222	7000000	14	6100000		179	402	0.555706	4400000	405	2600000

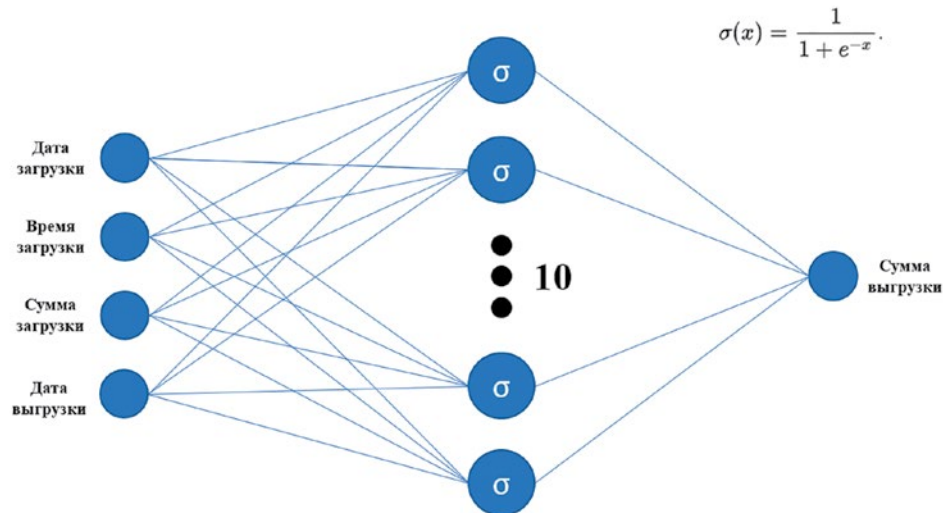
Для формирования временного ряда была выбрана самая первая дата загрузки, а все остальные представлены в виде количества прошедших с той даты дней. Данные были нормализованы, то есть каждый параметр был отмасштабирован от 0 до 1. В связи с относительно небольшим объемом данных для тестирования модели полученный корпус был разделен на обучающую и тестовую выборку в размерах 80% и 20% соответственно.

Типичными моделями для решения задачи прогнозирования являются многослойные перцептроны и рекуррентные нейронные сети. Первыми называют модели, в которых нейроны делятся на слои. Каждый нейрон одного слоя получает взвешенные сигналы от всех нейронов предыдущего, суммирует их и передает результат некоторой функции активации от этой суммы всем нейронам следующего слоя. Рекуррентной же нейронной сетью называют модели нейронных сетей, содержащие рекуррентные блоки, которые запоминают информацию

в процессе прохождения сигнала и, обрабатывая ее, передают следующим слоям.

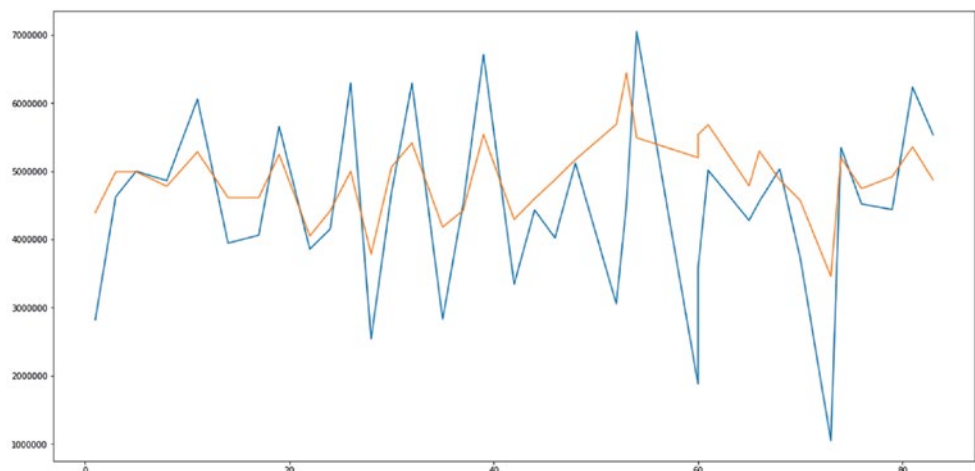
Первоначально была построена и обучена модель многослойного перцептрона с одним скрытым слоем на языке программирования Python 3 с использованием библиотеки Keras. Обучение этой модели заключалось в оптимизации всех весов взвешенных сигналов (рис. 2).

Рисунок 2.
Модель многослойного перцептрона, используемая в работе

Экспериментально лучший результат показала нейронная сеть с 10 нейронами в скрытом слое, функция активации которого имела сигмоидальный вид. Метрикой качества и мерой ошибки являлась средняя ошибка абсолютных величин. Поскольку нейронную сеть можно рассматривать как многомерную функцию, то был использован метод адаптивной инерции.

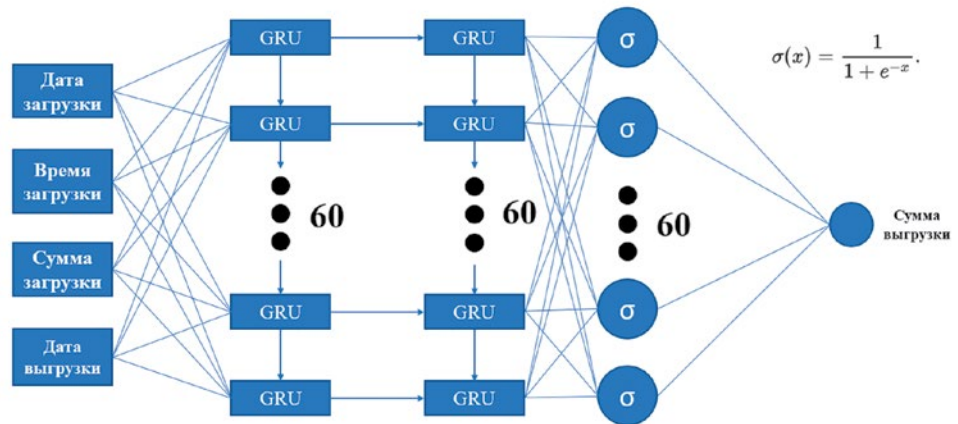
Рисунок 3.
Реальные и смоделированные данные на основе модели многослойного перцептрона

Как видно из графика (рис. 3), нейросеть научилась находить пики и спады по выгрузке денег из банкомата. Правда, на некоторых данных имеется расхождение по значению выгрузки. Это связано с тем, что модель многослойного перцептрона не учитывает особенности временного ряда, связанные с отладкой на предыдущие данные.

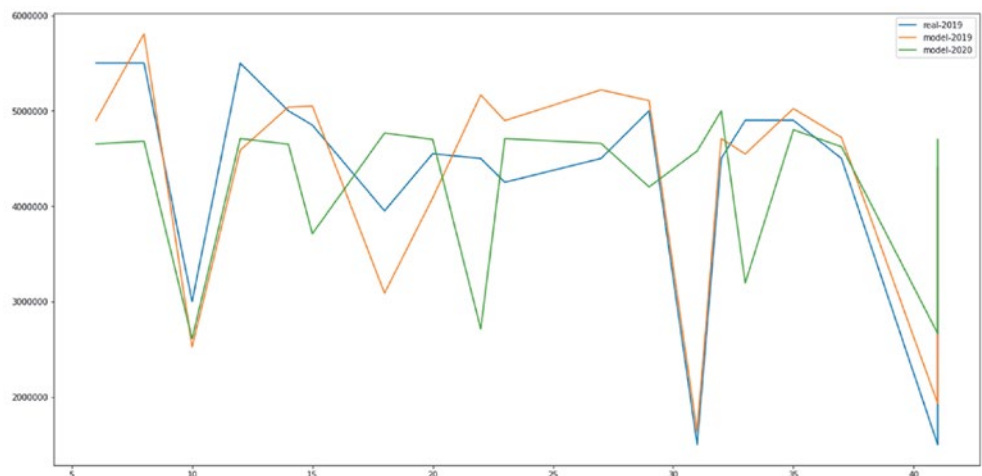
Для решения этого вопроса была использована модель рекуррентной нейронной сети (рис. 4).

Рисунок 4.
Модель рекуррентной нейронной сети, используемая в работе

Рекуррентная нейронная сеть состояла из двух рекуррентных слоев с 60 нейронами в каждом, на вход которым подавались входные сразу за 3 дня для выявления дополнительных закономерностей временного ряда. Рекуррентный блок GRU был эмпирически выявлен как блок с наилучшим моделированием реальных данных. После этого сигналы от последнего рекуррентного блока передавались 60 полносвязным нейронам с сигмоидальной функцией активации, после чего результат был получен как значение функции ReLU от взвешенной суммы сигналов полносвязного слоя. Метрика качества и метод обучения не изменялись (рис. 5).

Рисунок 5.
Реальные и смоделированные данные на основе модели. Данные за январь-февраль 2019 и 2020 годов

Как видно из графика (рис. 5), модель хорошо понимает даты пиков и падений значения суммы выгрузки. В результате были получены предсказанные данные по выгрузке с 3 января по 19 февраля 2020 года.

Стоит отметить, что со статистической точки зрения дата загрузки и дата выгрузки являются сильно коррелированными величинами. По этой причине есть вероятность того, что включение в качестве входных данных нейронной сети обеих этих величин зашумляет проходное сигнала. Поэтому требуются дальнейшие исследования для оптимизации работы сети.

Кроме того, стоит также подумать над способом обучения сети. Поскольку решение задачи уже подразумевает верхнюю оценку значения суммы выгрузки, то можно предложить штрафовать сеть за получения значения меньше, тем самым увеличивая точность и качество обучения сети. То есть задачу можно свести к обучению с подкреплением.

Исходя из интерпретации графиков, пики спроса на наличные денежные средства приходятся на 10 января и 17 февраля, спады спроса – на 9 февраля и 19 февраля. Прослеживается спад спроса в преддверии праздников и рост спроса после праздников. Эта информация может использоваться менеджментом банка для регулирования ликвидности и службой инкассации при планировании графика и сумм загрузок банкоматов, что позволит предотвратить простои оборудования в период повышенного спроса и излишнее отвлечение наличных денежных средств в период спада спроса.

В итоге данная модель позволяет службе инкассации спрогнозировать, на какую сумму следует загружать банкомат, обеспечивая минимальную стоимость обслуживания и хранения денег в банкомате при условии сохранения доступности функции выдачи наличных. Модель иллюстрирует пример одного устройства самообслуживания, но при необходимости ее можно тиражировать на все объекты сети банкоматов и даже использовать для другого банка, обучая при этом сеть на соответствующих данных.

Использование данных прогноза для совершенствования политики управления ликвидностью также может дать положительный макроэкономический эффект, высвобождая излишне ответственные в наличность средства для активных банковских операций, для инвестирования в реальный сектор экономики.

List of References: *1. Andrew Ng, Chief Scientist at Baidu // Extract Data Conference URL: <https://towardsdatascience.com/deep-learning-vs-classical-machine-learning-9a42c6d48aa> (дата обращения 10.06.2019).*

Контактная информация:

Астраханцева Ирина Александровна – 153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, 7, i.astrakhantseva@mail.ru

**Contact
information:**

Кутузова Анна Сергеевна, – 153000, г. Иваново,
Шереметевский проспект, 7, as_kutuzova@mail.ru
Астраханцев Роман Геннадьевич – 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 20, rgastrakhantsev@edu.hse.ru
[Irina Astrakhantseva, 153000, Sheremetev avenue, 7, Ivanovo, Russia.](mailto:Irina.Astrakhantseva@edu.hse.ru)
i.astrakhantseva@mail.ru
[Anna Kutuzova, 153000, Sheremetev avenue, 7, Ivanovo, Russia.](mailto:Anna.Kutuzova@edu.hse.ru)
as_kutuzova@mail.ru [Roman Astrakhantsev, 101000, Myasnitskaya st.,
20, Moscow, Russia. rgastrakhantsev@edu.hse.ru](mailto:Roman.Astrakhantsev@edu.hse.ru)

Социально-экономическое развитие Иркутской области – взаимодействие с наукой

Social and economic development of Irkutsk region – collaboration with science

СЫСОЕВА Наталья Михайловна

Заведующая Отделом региональных экономических и социальных проблем Федерального государственного бюджетного учреждения науки (ФГБУН) Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ИНЦ СО РАН), доктор географических наук

Natalia M. SYSOEVA

Head of the Department of Regional Economic and Social Problems of the Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences

КУЗНЕЦОВА Анна Николаевна

Ведущий научный сотрудник Отдела региональных экономических и социальных проблем ФГБУН ИНЦ СО РАН, кандидат экономических наук

Anna N. Kuznetsova

Leading Researcher, Department of Regional Economic and Social Problems, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences

ДЕЦ Игорь Андреевич

Старший научный сотрудник ФГБУН Институт географии имени В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат географических наук

Igor A. DETS

Senior Researcher, V.B. Sochava Institute of Geography, Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Geographical Sciences

ВИОЛИН Сергей Игоревич

Научный сотрудник Отдела региональных экономических и социальных проблем ФГБУН ИНЦ СО РАН

Sergey I. VIOLIN

Researcher, Department of Regional Economic and Social Problems, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Аннотация:

В статье рассматривается участие науки в становлении индустриального комплекса Иркутской области, начиная с послевоенных времен, перспективы диверсификации и модернизации экономики на основе существующего интеллектуального потенциала, включающего академическую и прикладную науку. Показаны основные пути взаимодействия науки с перспективными направлениями экономического развития региона.

Abstract:

Irkutsk region is a strong industrialized region that has developed in a close connection with science. The large scientific complex was created as a support for rapid industrial development. Further development requires diversification, innovative industries building, which requires active involvement of the scientific complex and will lead not only to industrial diversification but to structural diversification as well. Science should provide impetus for development of new industries such as the biotechnological complex and the digital economy. The prospects of sustained development in Irkutsk region are related to creation of the scientific and educational center that will not only train professionals for new industries but create these industries as well. The promising areas include Space Center establishment, development of the low-tonnage chemistry based on local hydrocarbons and other resources, and Baikal-related research in such fields as biology, geology, and geochemistry.

Ключевые слова:

Иркутская область, территориально-производственный комплекс, диверсификация, научный потенциал, Байкал, научно-образовательный центр.

Keywords:

Irkutsk oblast, territorial production complex, scientific potential, diversification, Baikal, scientific and educational center.

Иркутская область является одним из наиболее экономически развитых регионов Российской Федерации. По уровню валового регионального продукта на душу населения область занимает 20-е место в Российской Федерации с учетом автономных округов

(2017 г.), при этом в последние годы, несмотря на кризис, динамика ВРП региона превышает динамику ВВП и совокупного ВРП страны в целом. Такое положение обусловлено наличием в регионе мощного индустриального комплекса, в котором отраслями специализации традиционно являются электроэнергетика, алюминиевая промышленность, лесопромышленное производство, нефтехимия, машиностроение, включая авиационную промышленность, а также железнодорожный транспорт. Начиная с 2008 года в области активно развивается нефтедобывающая промышленность, которая в настоящее время является одним из локомотивов экономического роста.

Значительную роль в развитии промышленности в регионе играет относительно низкая стоимость электроэнергии, получаемой за счет гидроэнергетических ресурсов. Этот факт компенсирует, в частности, отсутствие или невозможность использования собственной сырьевой базы в алюминиевой промышленности и нефтехимии и значительно снижает издержки в других энергоемких производствах. Кроме того, область обладает потенциалом для создания новых производств, имея значительные и недостаточно разведанные запасы минерально-сырьевых ресурсов. Главными минеральными ресурсами являются углеводородное сырье, золото, слюда, железо, бурый и каменный уголь, поваренная соль. Другим важным преимуществом региона является наличие уникальных рекреационных ресурсов, сосредоточенных главным образом в районе озера Байкал, что способствует постоянному росту туристического потока.

С точки зрения бюджетной обеспеченности Иркутская область не входит в число основных получателей межбюджетных трансфертов, более чем на 80% обеспечивая доходную базу бюджета собственными налоговыми и неналоговыми доходами. Область занимает одно из высоких мест по уровню налоговой отдачи в федеральный бюджет, что в целом соответствует уровню экономического развития.

История формирования иркутского промышленного комплекса тесно связана со становлением в регионе научной базы для ее развития. Исторической вехой для Приангарья стала проведенная СОПСом в 1947 г. Конференция по развитию производительных сил Иркутской области, посвященная вопросам создания новых индустриальных районов на востоке страны. Проект развития территориально-производственного комплекса Иркутской области, представленный на Конференции, послужил ярким примером решения задачи развития одного из ключевых регионов Сибири на основе научного обоснования, т. е. роль науки в реализации проекта огромна и неоспорима. С одной стороны, это взаимодействие с плановыми органами государства, с другой — опора на элементы собственной научной инфраструктуры, ее последующее развитие в рамках Академии наук СССР.

Конференция очертила образ будущих форм освоения приангарской тайги. Территориально-производственный комплекс Иркутской области

будет базироваться на гидроэнергии, потребителями которой должны стать энергоемкие производства, машиностроение должно ориентироваться на потребности химической, металлургической и горнодобывающей промышленности. Одна из важнейших особенностей принятых решений – это опора планирования развития Приангарья на знания делающих экономику людей, их стремление к новому технологическому уровню производства, на построение современной науки, формирующей этот уровень. В соответствии с решением Конференции в 1949 году в Иркутске был создан Восточно-Сибирский филиал Академии наук СССР, который за 70 лет превратился в мощный центр академической науки, второй по уровню научного потенциала в азиатской части России [1].

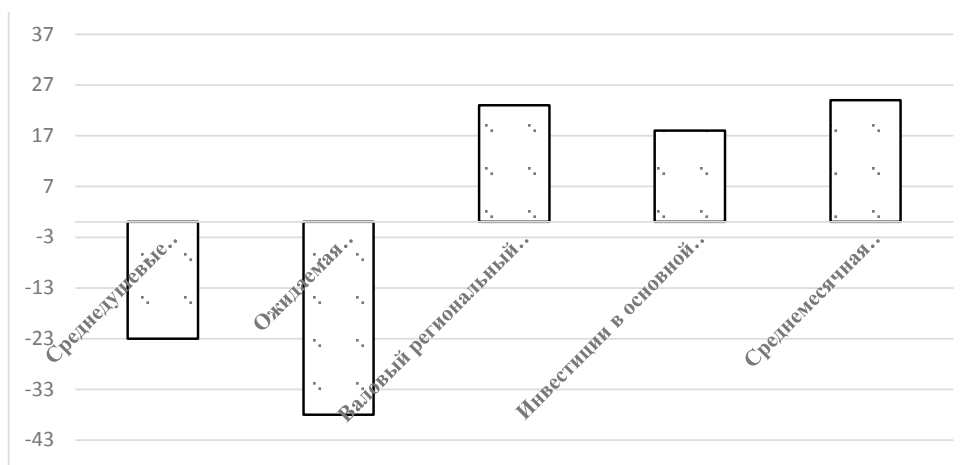
Тогда, в начале пути, деятельность Восточно-Сибирского филиала определялась задачами развития экономики региона на ближайшие десятилетия. Основными направлениями исследования были изучение геологического строения Восточной Сибири и закономерности распространения полезных ископаемых, инженерно-геологических условий для промышленного и транспортного строительства, изучение энергетических и сырьевых ресурсов для металлургической и химической промышленности, почвенно-ботанические исследования территории для лесной промышленности и сельскохозяйственного использования, комплексное изучение Байкала, а также экономический анализ возможностей размещения и дальнейшего развития производительных сил. К настоящему времени специализация Иркутского научного центра расширилась за счет диверсификации традиционных сфер исследования, связанных с природопользованием, а также создания новых современных информационных технологий, в числе прочего влияющих на развитие других отраслей науки. Углублялись связи институтов Иркутского научного центра с высшими учебными заведениями Иркутска, прежде всего с государственным университетом, который изначально был кузницей кадров для академических учреждений, и с политехническим институтом (теперь Иркутский национальный исследовательский технический университет), поставлявшим специалистов в отрасли народного хозяйства.

В настоящее время в регионе наблюдается определенный дисбаланс между экономическим и социальным развитием (рис. 1). По ожидаемой продолжительности жизни при рождении область занимает только 81-е место среди субъектов Российской Федерации. Регион характеризуется высоким уровнем заболеваемости и смертности, в том числе от социально обусловленных заболеваний: алкоголизма, наркомании, ВИЧ-инфекции, туберкулеза и т.п. Значительный вклад в низкие показатели качества жизни населения вносит и неблагоприятная экологическая ситуация, что является оборотной стороной высокой концентрации промышленных производств. Крупнейшие города региона: Иркутск, Ангарск, Братск традиционно входят в перечень самых загрязненных городов России, ежегодно составляемый Минприроды РФ.

Реальные располагаемые денежные доходы населения имеют тенденцию к снижению несмотря на сохраняющийся экономический рост и рост бюджетных расходов. Крупнейшие предприятия региона являются дочерними структурами или филиалами вертикально-интегрированных компаний, как частных: РУСАЛ, Группа «ИЛИМ», так и находящихся под контролем государства: НК «Роснефть», ОАК, РЖД, поэтому значительная часть прибыли уходит из региона. Среди других причин – сложившаяся система распределения межбюджетных трансфертов, в результате которой бюджетная обеспеченность на душу населения, например, соседнего дотационного региона, Республики Бурятия, оказывается выше, чем в Иркутской области, несмотря на несопоставимый уровень налоговой отдачи в федеральный бюджет.

Рисунок 1.
Место Иркутской области среди субъектов РФ по основным показателям в 2017 году

Составлено авторами по данным [2]

На современном этапе отношения между региональным экономическим комплексом и наукой должны переходить на новый уровень, что обусловлено стратегией развития региона. Перспективы развития промышленности Иркутской области включают три основных направления – дальнейшее освоение природных ресурсов, расширение и модернизация традиционных отраслей специализации и формирование новых производств современного уровня. Крупнейшие инвестиционные проекты в Иркутской области концентрируются в сфере освоения природных ресурсов. Так, в последние годы наиболее быстроразвивающейся отраслью являлась нефтедобыча, активизировавшаяся в северных районах после строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Самое перспективное месторождение – Верхнечонское – уже выведено на прогнозируемый максимум ежегодной добычи. Помимо этого, с 2010 г. было открыто более 20 новых нефтяных месторождений [3], среди которых Вятшинское, Гораздинское и другие, что позволяет предположить дальнейшее ежегодное увеличение объемов добычи нефти в регионе в среднесрочной перспективе.

Однако основным для Иркутской области инвестиционным проектом на ближайшие годы станет освоение Ковыктинского газоконденсатного месторождения. По размеру запасов оно относится к категории уникальных и является крупнейшим на востоке России. Первые эксплуатационные скважины планируют начать обустраивать в октябре 2019 г., что позволит поставлять газ в газопровод «Сила Сибири» в 2022–2023 годах, а в 2025 году выйти на объем поставок 25 млрд кубометров газа в год. Другим крупнейшим проектом по извлечению природных ресурсов может стать освоение золоторудного месторождения «Сухой Лог» в Бодайбинском районе. В настоящее время ведутся работы по подготовке технико-экономического обоснования проекта, которые должны быть завершены во второй половине 2020 г.

Академическая геологическая наука внесла огромный вклад в развитие минерально-сырьевой базы, особенно топливно-энергетической, которая и сегодня является узловым сектором экономики нашей области. Одно из современных направлений исследований связано с перспективами формирования алмазодобывающей промышленности России. Открытие крупного месторождения алмазов сможет существенно изменить структуру и величину производственного потенциала области.

Второе направление включает развитие преимущественно перерабатывающих предприятий. Формирование нефтегазового кластера Приангарья опирается не только на наращивание добычи углеводородного сырья, но и на расширение и углубление нефтепереработки и развитие газопереработки. В северных районах области частная Иркутская нефтяная компания создает новое газохимическое производство, использующее природный и попутный нефтяной газ. Группа «Илим» в 2018 г. начала реализацию инвестиционного проекта по развитию другого своего предприятия – «Большой Усть-Илимск». Важным этапом для экономики области может стать завершение многолетнего строительства Тайшетского алюминиевого завода. Продолжается реализация проекта по строительству нового среднемагистрального пассажирского самолета МС-21 на Иркутском авиационном заводе.

Наибольшее внимание со стороны научного комплекса Приангарья получает третье направление модернизации промышленного комплекса региона, целью которого является изменение его структуры с ресурсной на инновационную. Среди новых проектов необходимо выделить развитие биотехнологического комплекса, включающего фармацевтику, медицину, производство продуктов питания и туризм [4]. Эти проекты опираются как на природные и рекреационные ресурсы региона (пищевая промышленность и туризм), так и на научные разработки, в частности разработки специалистов Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН, НИИ сельского хозяйства (агропромышленный комплекс), Института

химии им. А.Е. Фаворского СО РАН, Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, Научного центра проблем здоровья семьи и репродукции человека (фармацевтика и медицина). В целом развитие биотехнологического комплекса позволит области занять свою нишу в бурно развивающейся в мире индустрии здоровья (wellness).

Другой перспективной отраслью является развитие цифровой экономики, включая системы распределенного реестра, большие данные и искусственный интеллект, промышленный интернет и «Интернет вещей», развитие информационной инфраструктуры и обеспечение информационной безопасности. Развитие этого сектора опирается на развитую информационно-коммуникационную инфраструктуру, низкую стоимость электроэнергии, а также научную поддержку специалистов и оборудования Института динамики систем и теории управления СО РАН и вузов региона.

Стратегия пространственного развития РФ [5] включила Иркутскую область в число регионов, названных перспективными центрами экономического роста, в которых сложились условия для формирования научно-образовательного центра (НОЦ) мирового уровня. В рамках национального проекта «Наука» в Иркутске планируется создание НОЦ, который должен расширить возможности реализации человеческого потенциала. Среди возможных направлений НОЦ – формирование Национального гелио-геофизического комплекса РАН, относящегося к инструментам класса «Мегасайенс» в области солнечно-земной физики (на базе Института солнечно-земной физики СО РАН), а также развитие малотоннажной химии в рамках регионального нефтегазохимического кластера (с использованием разработок Иркутского института химии им. А.Е. Фаворского СО РАН). Главным объектом исследований нового центра будет озеро Байкал как уникальная природная лаборатория, дающая материал для работ биологического, геологического, геохимического направлений. Расширение комплексных научных исследований экологической направленности, в том числе силами специализированного на проблемах Байкала Лимнологического института СО РАН и Байкальского музея ИНЦ в пос. Листвянка, может стать основой для развития производственного комплекса области на принципах «зеленой» экономики.

В настоящее время мировой центр социально-экономического развития перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, и наличие в восточных частях страны таких интеллектуальных форпостов, как Иркутская академическая наука, еще более актуально, чем в советский период. Важной стороной формирования научно-образовательного центра является гуманитарная, способствующая развитию общества в условиях ресурсной ограниченности и необходимости диверсификации хозяйства и закреплению населения в Сибири.

Библиографический список:

1. 70 лет академической науке Восточной Сибири / Отв. редакторы: Р.К. Салаяев, В.А. Шелехов. Издано: ИИЦ СО РАН, г. Иркутск, 2019. 49 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с.
3. Новиков А.В., Богомолова Е.Ю., Кородюк И.С. Характеристика месторождений нефти, газа и конденсата в Иркутской области // Известия Байкальского Государственного Университета. 2017. Т. 27, № 4. С. 459–467.
4. Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/project2030/> Дата обращения: 11.06.2019.
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-п. URL: static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o6ORktoOxl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения 10.03.2019).

List of References:

1. 70 let akademicheskoi nauke Vostochnoi Sibiri / Otv. redaktory: R.K. Salyaev, V.A. Shelekhov. Izdano: INTs SO RAN, g. Irkutsk, 2019. 49 s.
2. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2018. – 1162 s.
3. Novikov A. V., Bogomolova E. Yu., Korodyuk I. S. Kharakteristika mestorozhdenii nefti, gaza i kondensata v Irkutskoi oblasti // Izvestiya Baikal'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2017. T. 27, № 4. S. 459–467.
4. Proekt strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Irkutskoi oblasti na period do 2030 goda [Electronic document]. Available at: <http://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/project2030/>
5. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Available at: URL: static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o6ORktoOxl22JjAe7irNxc.pdf

Контактная информация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 134
Сысоева Наталья Михайловна – e-mail: sysoeva@oresp.irk.ru
Кузнецова Анна Николаевна – e-mail: an@isc.irk.ru
Виолин Сергей Игоревич – e-mail: sviolin78@gmail.com

ФГБУН Институт географии имени В.Б. Сочавы
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1
Дец Игорь Андреевич – e-mail: igordets@ya.ru

Роль университета в формировании инновационной экосистемы региона

The role of the university in shaping the innovation ecosystem of the region

МАНТАЕВА Эльза Ивановна

Проректор по экономике и инновациям ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», д.э.н., профессор

Elza I. MANTAIEVA

Doctor of Economics, Professor, Vice-rector for Economics and innovation, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

ГОЛДЕНОВА Виктория Сергеевна

Доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», к.э.н.

Victoria S. GOLDENOVA

Associate Professor of state and municipal management Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

СЛОБОДЧИКОВА Инна Валентиновна

Доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», к.э.н.

Inna V. SLOBODCHIKOVA

Associate Professor of state and municipal management Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Аннотация:

В настоящее время построение инновационной экосистемы региональной экономики приобретает стратегический характер как в масштабах государства, так и отдельных регионов, что обусловлено необходимостью формирования благоприятных условий жизни, повышения качества жизни и удовлетворения потребностей населения в соответствии с общегосударственной социально-экономической политикой, тенден-

циями научно-технического прогресса. Опорный региональный университет может не только активно участвовать в региональном развитии, но и значительно расширить сферу воздействия на инновационное развитие региона.

Abstract:

At present, the construction of an innovative ecosystem of the regional economy is becoming strategic in the scale of the state and individual regions, due to the need to create favorable living conditions, improve the quality of life and meet the needs of the population in accordance with the national socio-economic policy, trends of scientific and technological progress. Supporting regional University can not only actively participate in regional development, but also significantly expand the scope of impact on the innovative development of the region.

Ключевые слова:

Инновационная экосистемы, цифровая экономика, региональная экономика, социально-экономическое развитие региона.

Keywords:

Innovative ecosystems, digital economy, regional economy, social and economic development of the region.

Формирование инновационной экосистемы является одним из важнейших направлений развития российских регионов. В Республике Калмыкия сегодня на первый план выходит задача модернизации социально-экономической системы на основе современных научных достижений и результатов инновационной деятельности. Как показывают современные исследования, реализация даже небольшого числа инновационных проектов приводит к ощутимым результатам, связанным с повышением эффективности производства и качества продукции.

Важнейшими приоритетами социально-экономического развития республики являются преодоление бедности, обеспечение занятости и роста реальных доходов населения, формирование благоприятной предпринимательской, социокультурной и экологической среды. Средством достижения этих целей может стать переход экономики Республики Калмыкия на инновационный путь развития, в основе которого лежит процесс внедрения результатов научно-технической деятельности во все сферы жизнедеятельности общества.

Очевидно, что развитие инновационной деятельности в республике должно иметь целью формирование региональной инновационной экосистемы, создание «территории инновационного развития» для успешного инновационного развития малых и крупных предприятий при поддержке властей федерального, регионального и местного уровней, бизнеса и общественности.

В основе создания инновационной экосистемы, на наш взгляд, лежит принцип «тройной спирали» – совместной предпринимательской деятельности бизнеса, государства и университетов [1]. Традиционно власть и бизнес рассматривались двигателями промышленной политики, однако в настоящее время, когда передовые знания стали существенно быстрее реализовываться на практике, на первый план выходят университеты. Если раньше путь от открытий до технологических прорывов занимал целые поколения, то сейчас этот цикл проходит в сроки, позволяющие изобретателям участвовать как в исследовательском процессе, так и на этапе внедрения инноваций. Это явление – главный аргумент для более глубокого вовлечения университетов, генерирующих знания, в инновационный процесс.

В Калмыкии, таким образом, центральная роль в развитии региона отводится университету. Это, безусловно, высшее образование, переподготовка и повышение квалификации, научная деятельность, а также культурное и нравственное развитие. При этом, следует отметить, региональные вузы находятся в такой ситуации, когда они не только должны предоставлять качественное образование, проводить научные исследования, но и привлекать ресурсы для осуществления основной деятельности. Модернизация высшего образования в России создает ситуацию, при которой региональным вузам, не ставшими ни федеральными, ни национально-исследовательскими, необходимо будет инновационно развиваться, перестав быть вузом только для студентов. В этой связи региональный вуз должен качественно измениться. Он должен более активно работать с местным сообществом, привлекать ресурсы для реализации своей миссии.

Сегодня в Республике Калмыкия становится актуальным вопрос о важной роли Калмыцкого государственного университета как опорного регионального университета в жизни региона и формировании инновационной экосистемы. Единственный университет в республике – это центральная научно-исследовательская площадка региона, ориентированная, прежде всего, на приоритетные направления социально-экономического развития Калмыкии.

Сегодня вуз активно сотрудничает с Фондом поддержки инноваций. Проводимые Фондом конкурсы «У.М. Н. И. К.», «СТАРТ», форум «Инновационная Калмыкия», на площадках которого собираются лучшие инноваторы Юга России, малые инновационных предприятия, созданные при университете и которые охватывают такие отрасли, как животноводство, растениеводство, создание новых аппаратных комплексов, 3-D прототипирование, инновационная инфраструктура КалмГУ, представленная учебно-лабораторной базой, включающей ЦКП «Биовет» (12 лабораторий), который на сегодняшний день является единственным местом в республике, где можно провести генотипирование и идентификацию животных, иммуногенетический анализ породности

скота, а также независимые сертификатные анализы образцов животного и растительного происхождения – все это элементы формирующейся в регионе инновационной экосистемы [3].

Стоит отметить, что Калмыцкий государственный университет как опорный региональный вуз принимает участие в реализации стратегических проектов республики. Так, в 2018 г. ученые вуза приняли участие в разработке Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 г. Документ содержит ряд перспективных инвестиционных проектов, в числе которых – «Умный город Элиста». Это система управления городским комплексом, где управление жизненными процессами реализуется за счет цифровых технологий. Основные задачи: создание системы оперативного централизованного управления городом, развитие цифровых компетенций населения, привлечение инвестиций и внедрение информационных технологий для развития потенциала города. Документ получил множество положительных отзывов экспертов, среди которых представители Леонтьевского центра [3].

Развитие инновационно-предпринимательской деятельности является одним из ключевых элементов программы развития университета. Основу этого направления составляют формирование инновационной экосистемы университета, внедрение комплексной системы поддержки научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, ориентированные на поиск и развитие талантов – кадровой основы успешных технологических компаний, а также разработку и внедрение новейших наукоемких технологий в реальный сектор экономики, создание новых рабочих мест, как для выпускников университета, так и для всей молодежи Калмыкии. Например, на площадке Калмыцкого университета планируется реализация проекта Фуднет, инициатором которого является Агентство стратегических инициатив. В рамках проекта предполагается вовлечение региона в разработку и реализацию ключевых сегментов рынка [3]:

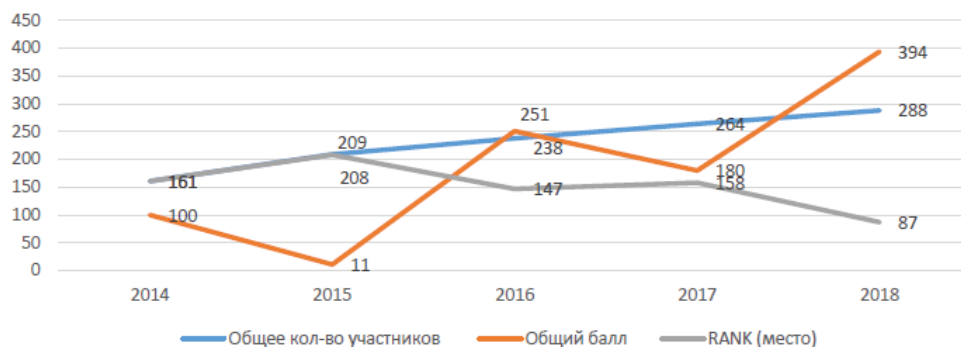
- «Умное» сельское хозяйство. Сегмент технологических решений для эффективного растениеводства и животноводства: автоматизации и роботизации, геопозиционирования, искусственного интеллекта, «больших данных» и других цифровых технологий.
- Ускоренная селекция. Сегмент новых сортов сельскохозяйственных культур и пород животных, полученные с применением технологий геномного моделирования организмов с заданными требованиями, а также решений и сервисов ускоренной селекции.
- Новые источники сырья. Сегмент продуктов переработки новых видов биологического сырья, в т. ч. биомассы из водорослей и насекомых (синтезированный белок), отходов, псевдозлаковых и клеточных культур (в т.ч. для производства кормовых добавок, биопластика и биологически активных веществ).

■ Доступная органика. Сегмент биологических препаратов и веществ для сельского хозяйства, в том числе высококачественных кормов, кормовых добавок и лекарственных средств для ветеринарного применения, а также пестицидов и агрохимикатов биологического происхождения и органических продуктов питания.

■ Персонализированное питание. Сегмент технологий анализа пищевого и микронутриентного статуса человека, в т. ч. с помощью геномных и пост-геномных методов, персонализированных продуктов питания, сервисов подбора индивидуальных рационов питания, а также инновационных сервисов доставки.

Как отмечено в Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года, основной движущей силой научно-инновационной деятельности региона должны стать научные и образовательные учреждения. Результатом работы Калмыцкого государственного университета по инновационному направлению стала позиция КалмГУ в специальном проекте Группы «Интерфакс» «Национальный рейтинг университетов», ориентированном на разработку и апробацию новых механизмов независимой системы оценки российских вузов [4].

Рисунок 1.
Позиция КалмГУ
в «Национальный
рейтинг универси-
тетов 2018» [4]

Следует отметить, что одним из серьезных противоречий развития инноваций является разомкнутость звеньев всей цепи трансфера научных передовых разработок. Фундаментальные исследования не переходят в категорию прикладных, а прикладные исследования всегда являются опытно-конструкторскими разработками, которые не всегда трансформируются в результат производства. Недостаточно сформированы или находятся в стадии разработки специфические институты инновационного развития (технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, венчурные фонды и пр.). Отсутствие перечисленных институтов является фактором, сдерживающим создание современных условий для развития научно-исследовательского и инновационно-инжинирингового процессов [4].

Таким образом, эффективное продвижение инноваций обеспечивается лишь на основе тесного взаимодействия вуза и производственных

предприятий. Однако только за счет финансирования научной деятельности из средств бюджета не может быть достигнута цель ориентации научных исследований на актуальные проблемы производства, а следовательно, и на потребности рынка. Поэтому необходима заинтересованность бизнеса в финансировании научных исследований вуза. И здесь важную роль играет применение специальных мер государственного стимулирования: государственные гарантии, государственный заказ, распространение идеи инновационного развития с целью повышения общественного статуса научной, инновационной деятельности. Это объясняется тем, что научная деятельность традиционно считается сферой активной государственной политики.

В настоящее время повышается роль региональной инновационной политики в связи с тем, что именно региональная среда во многом определяет конкурентоспособность национальной экономики в целом и эффективность национальной инновационной системы в частности. Стоит отметить, что при наличии активной институциональной поддержки и эффективных систем стимулирования, университет сможет предоставить площади и необходимую среду для поддержки своих предпринимателей с тем, чтобы они проводили исследования с продукцией и услугами, которые повышают качество жизни людей в регионе.

Отметим, что основной целью региональной инновационной политики должно быть создание благоприятных условий осуществления инновационной деятельности, обеспечивающих рост конкурентоспособности местной продукции, эффективное использование научно-технических резервов и решение задач социально-экономического развития. Законодательная база, целевые программы, концепции являются базовыми средствами реализации инновационной политики в регионах. Основное значение инновационных региональных программ состоит в стимулировании региональной интеграции между различными субъектами НИОКР, координации инновационной политики региона, выработке общей стратегии, а также в распространении наилучшего опыта создания инноваций.

Наряду с государственным финансированием и руководством необходимо внедрять современные методы управления, способы финансирования. В частности, в процесс производства и реализации знаний в виде новых технологий, оборудования, методов необходимо привлекать представителей бизнеса, поскольку в соответствии с современными тенденциями экономического развития важным условием повышения инвестиционной и инновационной активности является развитие институтов взаимодействия государства, науки и бизнеса. Более тесное взаимодействие между промышленным, аграрным секторами экономики, финансовыми институтами, вузом, научными организациями, органами государственной власти субъекта должно содействовать достижению целей инновационного развития региона.

Вместе с тем при планировании развития приоритетных отраслей экономики и увеличении инновационной активности хозяйствующих субъектов значительное внимание, на наш взгляд, следует уделять кластерному подходу в создании региональной инновационной системы. В настоящее время созрела необходимость создания технологической платформы, консолидирующей усилия органов власти, научно-образовательного и бизнес-сообществ для формирования государственной политики в инновационной сфере на условиях софинансирования.

Калмыцкий государственный университет в статусе опорного вуза сегодня играет ключевую роль в развитии региона, решая стратегическую задачу повышения уровня экономического развития через снижение образовательной миграции, решая вопросы закрепления в республике талантливой молодежи, и формирование инновационной экосистемы региона. При этом миссией регионального вуза является воспроизводство интеллектуального потенциала территории и его эффективное использование для повышения качества жизни населения территории.

Библиографический список:

1. Ицкович Г. *Тройная спираль университеты – предприятия – государство. Инновации в действии* / Г. Ицкович; пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2010.
2. *Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы* – <http://www.consultant.ru/> Официальный сайт компании «Консультант Плюс».
3. *Отчет о самообследовании ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» за 2018 год.*
4. *Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года* // <http://economy.gov.ru>.

List of References:

1. *Itskovich G. Troinaya spiral' universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deistvii* / G. Itskovich; per. s angl. pod red. A.F. Uvarova. – Tomsk: Tomsk. gos. un-t sistem upr. i radioelektroniki, 2010.
2. *Osnovnye napravleniya politiki RF v oblasti razvitiya innovatsionnoi sistemy* – <http://www.consultant.ru/> Ofitsial'nyi sait kompanii «Konsul'tant Plyus».
3. *Otchet o samoobsledovanii FGBOU VO «Kalmytskii gosudarstvennyi universitet imeni B.B. Gorodovikova» za 2018 god.*
4. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kalmykia na period do 2030 goda* // <http://economy.gov.ru>.

Контактная информация:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

Contact information:

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
358000, Republic Kalmykia, Elista, Pushkin street, 11

Мантаева Эльза Ивановна / [Mantaeva Elsa Ivanovna](#)

e-mail: mantaeva08@yandex.ru

Голденова Виктория Сергеевна / [Goldenova Victoria Sergeevna](#)

e-mail: goldenova-vs@yandex.ru

Слободчикова Инна Валентиновна / [Slobodchikova Inna Valentinovna](#)

e-mail: slobodchikova-iv@yandex.ru

Доминирование места в стратегии устойчивого развития северных (арктических) территорий

Domination of the place in the strategy of sustainable development of northern (arctic) territories

КНЯЗЕВА Галина Алексеевна

Профессор кафедры банковского дела Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, председатель Коми регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Galina A. KNYAZEVA

Professor of Banking Department at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Chairwoman at Komi Regional Organization of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

КНЯЗЕВА Екатерина Борисовна

Эксперт Центра устойчивого развития Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, к.э.н.

Ekaterina B. KNIAZEVA

Expert at Center for Sustainable Development at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Ph. D. in Economics

Аннотация:

Дана оценка существующих стратегических подходов развития северных территорий, в которых пространство представлено с точки зрения местоположения и основано на балансе трех составляющих: сырья и материалов для производственного процесса, расположения целевого рынка и транспортных расходов. В современных условиях упрощенная модель пространственной экономики не отвечает принципам устойчивого развития. Предложена модель стратегии северных территорий перехода от пространственной экономики к экономике на местах, включения стратегических активов небольших северных городов и сельских поселений.

Abstract: Authors make an assessment of the existing strategic approaches to the development of northern territories in which space is represented in terms of location and is based on a balance of three components: natural resources and materials for the production process, the location of the target market and transportation costs. In modern conditions, the simplified model of spatial economy does not meet the principles of sustainable development. Authors propose a model of the strategy of the northern territories for the transition from spatial to local economy, with the inclusion of strategic assets of small northern cities and rural settlements.

Ключевые слова: Пространственная экономика; конкурентоспособность экономики малых городов и сельских поселений; социальный капитал; местные сообщества.

Keywords: Spatial economy; competitiveness of the economy of small cities and rural settlements; social capita; local communities.

На официальном уровне за последнее десятилетие в России принят ряд документов по пространственному развитию. Практически в каждом из них уделено внимание северным территориям. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной в 2008 г., в перечень приоритетов наряду с агломерациями, крупными городами включены Арктика и Северный морской путь, территориально-производственные комплексы по добыче и переработке ресурсов в северных регионах нового освоения. В Стратегии пространственного развития (СПР), которая принята Правительством РФ, на северных территориях предусмотрено сформировать 4 минерально-сырьевых центра. В области социальной политики предусмотрено «формирование минимальных стандартов получения услуг отраслей социальной сферы для граждан, осуществляющих трудовую деятельность вахтовым методом в минерально-сырьевых центрах; стимулирование снижения негативных последствий техногенного воздействия на окружающую среду, особенно в районах традиционного природопользования коренных малочисленных народов». Основным механизмом реализации Стратегии является план ее реализации, который будет разработан и утвержден Правительством Российской Федерации. Такой подход СПР означает, что регулирование регионального развития «сверху» является основным инструментом, децентрализация, самостоятельность и конкуренция регионов и городов за ресурсы не предусмотрены. Такой вывод подкрепляется и прописанной СПР

«сверху» для каждого региона «эффективной экономической специализацией» [1,3].

Для северных регионов при таком подходе с большой вероятностью сохраняется экстенсивная, традиционно сырьевая модель развития. Экономика северных регионов, к которым относится Республика Коми, в обозначенных целях СПР будет как и на протяжении длительного периода зависеть от природных ресурсов, рост инвестиций по-прежнему будет сосредоточен на добыче ресурсов и их первичной переработке. Успешной диверсификации экономики не произойдет, призывы уделять повышенное внимание поддержке и обновлению сельских районов и городов останутся не реализованными. В основном упор СПР сделан на развитие агломераций: «обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации – крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций» [3]. Соответственно, инвестиции будут осуществляться в агломерациях. В результате тенденция отставания северных территорий как периферийных в инновационном развитии сохранится.

В работах ученых, которые изучали проблемы северных территорий на протяжении достаточно длительного периода, были сформулированы общие недостатки модели освоения российской северной периферии – «высокозатратный (утяжеленный) характер хозяйственных структур освоения и повсеместная усеченность в жилищном обустройстве; игнорирование жестких экологических ограничений, накладываемых северной природной средой; разрушение традиционной среды жизнедеятельности, всего уклада жизни коренных малочисленных народов Севера – и обозначена необходимость радикального изменения форм, приемов и методов северной периферии России» [2]. Предложены три концептуальных блока к развитию северной периферии: модернизационный, эндогенный рост и центр-периферийный [2]. К сожалению, ни одна из предложенных концепций не реализована, есть попытки использовать некоторые фрагменты. Например, к ним можно отнести работу по организации территориального общественного самоуправления (ТОС) как формы самоуправления в сельских поселениях.

Пространство при составлении стратегических документов развития регионов в России часто рассматривается с точки зрения простой логики и местоположения и основано на балансе трех составляющих элементов. Первый связан с расположением сырья и материалов для производственного процесса. Второй связан с расположением целевого рынка. Третий включает выбор в отношении местоположения производственного объекта, выбор, который обычно балансирует затраты на перемещение сырья по сравнению с готовой

продукцией с другими ключевыми факторами, такими как навыки рабочей силы, затраты на налогообложение, затраты на электроэнергию и др. Экономика северных территорий в основном заключается в перемещении ресурсных товаров на большие расстояния посредством торговли в более развитую индустриальную экономику. Результатом стало создание городов для поддержки рабочей силы для добычи сырья, а также транспортной инфраструктуры для перемещения добытых ресурсов. Несмотря на значительные инвестиции, связанные с обеспечением доступа к ресурсам, простота построения пространственной экономики состоит в том, что она имеет узкую экономическую направленность на эксплуатацию сырьевых ресурсов и содействие добыче и экспорту товаров. В результате пространство сырьевой экономики состоит из ряда разрозненных поселений с низким уровнем развития социальной сферы и наличием существенных экологических проблем.

В северных странах реализуются новые модели развития сырьевых регионов, основанные на обширных зарубежных исследованиях и опыте перехода всего сообщества к обновлению, которое понимается, что экономическое развитие опирается на прочную основу развития сообщества [4, 5].

Местная экономика в новой модели использует совершенно иной подход к оценке ресурсов. Основное внимание уделяется более широкому и сложному представлению об экономической и внутренней ценности мест. Экономика на месте включает в себя внимание к развитию сообщества как критически важной основы для экономического развития. Внимание к развитию потенциала и инфраструктуры сообщества является необходимой предпосылкой для создания платформы, на которой общины могут использовать потенциальные возможности экономического развития. На рисунке 1 показано, как возможности и гибкость экономического развития опираются на прочную основу развития сообщества.

Опыт зарубежных северных стран свидетельствует, что региональное экономическое развитие и обновление должны быть связаны с созданием стабильных, приносящих доход рабочих мест. В этом смысле обновление должно включать в себя услуги по поддержке экономики и бизнеса, а также услуги по обучению, поддержку инноваций и расширение доступа к консультантам по капиталовложениям и развитию бизнеса, особенно для малых и новых предприятий.

Критическое значение для нового и расширяющегося развития бизнеса имеют маркетинг, международные продажи и использование новых информационных технологий. Поскольку места имеют устойчивое качество, когда принимается решение в новой экономике, необходимо убедиться, что это не повредит потенциальным возможностям в будущем. Понимание долгосрочных последствий различных решений

в области развития подразумевает более целостный подход к принятию решений с точки зрения экологии места.

Развитие человеческого потенциала является важнейшей поддержкой региональной диверсификации и требует расширения доступа к целому ряду образовательных учреждений. Построение новой экономики потребует переосмысления того, как управляется и предоставляется высококачественное начальное и среднее образование в небольших местах. Помимо образования и профессиональной подготовки, развитие человеческих ресурсов требует широкого спектра медицинских и социальных услуг.

Рисунок 1.
Основы развития сообщества для экономического развития [5]

Для России такой подход к развитию территории может показаться утопическим. Менталитет многих жителей севера России, особенно коренных народов, в недалеком прошлом был сформирован (местами даже навязан и насажден) таким образом, что и по сей день многие полагаются исключительно на помощь со стороны – правительства, министерств, крупных предприятий. Современная же реальность, если мы хотим, чтобы наша земля процветала, помимо профессиональных

знаний, требует активной гражданской позиции, экономической смелости, новаторской дерзости, железного упорства, безграничного трудолюбия. Грамотно организовав людей, обладающих разными знаниями и компетенциями, вооружив необходимыми знаниями в области управления проектами, предпринимательства, законодательства, изучив с ними опыт других регионов и стран, возможно создать надежную платформу для устойчивого экономического и социального развития той или иной территории, разработать стратегии преодоления трудностей, развить социальные и предпринимательские сети сотрудничества на региональном, республиканском и международном уровнях.

Библиографический список:

1. Зубаревич Н.В. *Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты* // *Вопросы экономики*. 2019. № 1. С. 135–145.
2. Пилясов А.Н. *И последние станут первыми: Северная периферия на пути экономики знания*. М.: Кн. Дом «ЛИБРКОМ», 2009. 544 с.
3. *Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года*. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
4. Birkeland, I. 2008. *Cultural sustainability: Industrialism, placelessness and the re-animation of place*. *Ethics, Place and Environment* 11 (3): 283–97.
5. Markey S., Halseth G., Manson D. *Investing in Place. Economic Renewal in Northern British Columbia*. UBC Press 2012. 338 p.

List of References:

1. *Zubarevich N.V. Strategija prostranstvennogo razvitija: prioritety i instrumenty* // *Voprosy jekonomiki*. 2019. № 1. S. 135–145.
2. *Piljasov A.N. I poslednie stanut pervymi: Severnaja periferija na puti jekonomiki znanija*. M.: Kn. Dom «LIBRKOM», 2009. 544 s.
3. *Strategija prostranstvennogo razvitija RF na period do 2025 goda*. *Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r*. *Dostup iz sprav-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Pljus»*.
4. *Birkeland, I. 2008. Cultural sustainability: Industrialism, placelessness and the re-animation of place*. *Ethics, Place and Environment* 11 (3): 283–97.
5. *Markey S., Halseth G., Manson D. Investing in Place. Economic Renewal in Northern British Columbia*. UBC Press 2012. 338 p.

Контактная информация:

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55.

Contact information:

Syktvykar State University, Oktyabrskiy pr., 55, Syktvykar, Russia 167001

Князева Галина Алексеевна / Galina Knyazeva

Email: gknyazeva@mail.ru

Князева Екатерина Борисовна / Ekaterina Kniazeva

Email: katja.kniazeva@gmail.com

Отражение северной специфики в налоговом законодательстве Российской Федерации

Reflection of northern specificity in the tax legislation of the Russian Federation

БАРАШЕВА Татьяна Игоревна

Ведущий научный сотрудник Института экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра ФИЦ КНЦ, к.э.н.

Tatyana I. BARASHEVA

PhD (Econ.), leading researcher, Luzin Institute for Economic Studies, FRC KSC

Аннотация:

Целью данного исследования является систематизация мер налогового регулирования хозяйственной деятельности в экстремальных северных условиях как основы для разработки и совершенствования налоговых механизмов, стимулирующих активизацию социально-экономических процессов в северных и арктических регионах. Проведенный анализ нормативно-правовой базы в сфере налогообложения позволил сделать вывод о том, что налоговые льготы для северных и арктических территорий представлены в законодательстве фрагментарно и не решают проблему «северного удорожания». Предложены рекомендации, направленные на поддержку предпринимательских структур и развитие экономического потенциала северных и арктических территорий.

Abstract:

The study is aimed at systematization of measures of tax regulation of economic activities under the extreme northern conditions as the basis for development and improvement of tax mechanisms that stimulate stirring up socio-economic processes in regions of the North and the Arctic. The work analyzes the regulatory framework of taxation, in the course of which current tax breaks and preferences for Northern and Arctic territories were identified, and their regulatory impact on activities of economic entities was assessed. The analysis made it possible to conclude that tax privileges for Northern and Arctic territories are presented fragmentary in

the legislation and do not solve the problem of «northern rise in prices». The limited set of tax tools involved in the implementation of the regional tax policy is recognized as a serious obstacle to the further development of the Northern and Arctic territories. Recommendations aimed at supporting entrepreneurial structures and development of economic potential of the Northern and the Arctic territories are proposed.

Ключевые слова: Регионы Севера и Арктики; налоговое регулирование субъектов хозяйствования; активизация экономических процессов.

Keywords: Regions of the North and the Arctic; tax regulation of economic entities; stirring up economic processes.

Система налогообложения, отвечающая современным требованиям российской экономики, должна стимулировать активное освоение и развитие северных и арктических территорий. Анализ действующих механизмов налогового регулирования демонстрирует весьма ограниченный налоговый инструментарий, задействованный государством в целях создания благоприятных условий для жизнедеятельности населения и развития экономического потенциала северных и арктических территорий.

Социальная защита в отношении работающего в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях населения представлена налоговыми нормами [1] в виде изъятия из налогооблагаемой базы по НДФЛ части получаемого физическим лицом дохода, связанного с увольнением, оплатой проезда и провоза багажа в отпускной период.

Налоговый кодекс выделяет в отдельную категорию льготников семейные общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В качестве поддержки государство предусматривает освобождение от уплаты: НДФЛ и страховых платежей в части доходов (не включая оплату труда работников) от реализации продукции, полученной ими от традиционных видов промысла; сбора за пользование объектами животного мира и водных биоресурсов; земельного налога в части земельных участков, используемых для проживания, хозяйствования и промыслов; государственной пошлины в связи с государственной регистрацией прав на земельные участки, используемые для северного оленеводства.

В отношении предприятий и организаций, функционирующих в северных и арктических регионах, можно выделить ряд налоговых инструментов, носящих стимулирующий характер и направленных на экономическую поддержку налогоплательщиков.

Российским законодательством предусмотрены компенсации работникам за работу в северных условиях. В связи с тем, что в бюджетных учреждениях данного рода социальные обязательства финансируются государством, а в организациях, задействованных в негосударственном секторе, компенсационные выплаты обеспечиваются за счет собственных средств, Налоговым кодексом с целью сокращения возросшей нагрузки на частный бизнес установлено списание в уменьшение налогооблагаемой базы по налогу на прибыль выплат по районным коэффициентам и северным надбавкам, а также зачет следующих видов расходов: оплата дополнительного отпуска для северян; оплата проезда в отпуск и обратно самого работника и членов его семьи – иждивенцев, включая провоз багажа; оплата расходов, связанных с переездом в другую местность в случае завершения трудовой деятельности.

Наряду с этим выводятся из-под обложения страховыми взносами компенсационные выплаты, связанные с увольнением работников в части, превышающей установленную законом норму, а также оплата провоза багажа и проезда в отпуск и обратно. То есть издержки работодателя, вызванные северными условиями хозяйствования, не подлежат обложению страховыми взносами лишь частично.

Несмотря на то что обозначенные расходы уменьшают налоговые обязательства налогоплательщика, они включаются в себестоимость продукции (работ, услуг), снижая конкурентные преимущества северных компаний и особенно субъектов малого предпринимательства. Еще больше осложнило данную ситуацию повышение в 2018 г. МРОТ до величины прожиточного минимума, результатом которого явились следующие непопулярные кадровые решения: перевод сотрудников на неполный рабочий день, сокращение штата и привлечение работников по договору ГПХ в сезон, закрытие малых предприятий. Кроме того, высокие затраты становятся препятствием для малого бизнеса северных регионов на равных с компаниями других субъектов РФ участвовать в конкурсах на получение государственного задания и побеждать в них, поскольку их цена контракта значительно превышает цену, заявленную конкурентами. В итоге сотрудники малых предприятий лишаются работы, что приводит к росту социальной напряженности в северных регионах. В сложившейся ситуации необходимо учесть возросший уровень затрат, вызванный северным удорожанием. Для малых предприятий необходимо осуществить компенсацию издержек, принимая во внимание, что специальных «северных» налоговых льгот для них законодательство сегодня не предусматривает.

Кроме того, для северного предпринимательства любых форм хозяйствования одним из наиболее проблемных вопросов продолжает оставаться уплата страховых взносов. Следствием единого подхода к установлению страховых тарифов, применяемых на всей территории РФ, становится сохранение в регионах Севера и Арктики следующих нега-

тивных явлений: намеренное дробление крупных предприятий с целью создания дочерних малых предпринимательских структур, применяющих льготный налоговый режим и пониженные страховые тарифы; нежелание работодателей повышать заработную плату, что не способствует росту уровня жизни населения; сдерживание внедрения научно-технических достижений (прежде всего, на предприятиях обрабатывающих отраслей, для которых характерен более высокий удельный вес заработной платы в добавленной стоимости по сравнению, например, с компаниями добывающего сектора [4]); ограничение развития малых предприятий и их участия в социально-экономических процессах северных и арктических регионов. Для создания равных условий хозяйствования на всей территории РФ и обеспечения населению компенсации в виде установления достойной заработной платы за экстремальные условия жизни целесообразно снизить размер страхового тарифа для работодателей северных и арктических регионов.

Со стороны государства усиливаются меры налогового стимулирования в направлении развития, модернизации и технического перевооружения производства, а это особенно актуально для организаций Севера и Арктики, отличающихся высоким уровнем физического износа ОПФ. Однако из предлагаемого перечня налоговых инструментов (ускоренная амортизация, инвестиционная премия, инвестиционный налоговый кредит) к исключительно «северным» льготам, которыми могут определенно воспользоваться компании нефтегазовой отрасли, следует отнести применение повышающего коэффициента к основной норме амортизации ОС, находящихся «в контакте с взрыво-, пожароопасной, токсичной или иной агрессивной технологической средой и используемых в условиях повышенной сменности».

Для усиления инвестиционной активности и привлечения инвестиций в регион специальными законодательными актами устанавливается ряд инструментов региональной политики (таблица), которые напрямую или по косвенным основаниям могут быть причислены к «северным» льготам.

Целью регионального инвестиционного проекта (РИП), специального инвестиционного контракта (СИК) является производство товаров, предназначенных для реализации конечным потребителям, а также поддержка отраслей промышленности, в рамках которых реализуются инвестиционные проекты [2]. Первоначально предоставлялось право реализации РИП на территории Дальнего востока и Сибири (в числе 15 субъектов РФ 8 принадлежат регионам Крайнего Севера и 3 являются регионами арктической зоны (Республика Саха, Красноярский край и Чукотский АО)), с 2017 г. сфера применения РИП распространилась на все субъекты РФ.

Общей целью образования особой экономической зоны (ОЭЗ), зоны территориального развития (ЗТР), территории опережающего

социально-экономического развития (ТОСЭР) является социально-экономическое развитие территорий, создание и производство продукции на этих территориях за счет применения особого режима для предпринимательской деятельности. Территории, на которых могут быть созданы ЗТР, утверждаются Правительством РФ. С 2016 г. в перечень таких субъектов РФ включена Мурманская область – представитель Арктической зоны, а также Республика Карелия и Магаданская область – представители районов Крайнего Севера. В отличие от ЗТР ОЭЗ могут быть созданы на всей территории РФ по решению Правительства РФ на основе установленных критериев. Создание ТОСЭР находится также в компетенции Правительства РФ. С 2018 г. они могут быть созданы в северных и арктических регионах.

К «северным» налоговым льготам и преференциям в их «точечном» территориальном исполнении можно отнести действующие подходы к налогообложению в нефтегазовой отрасли. Нулевая ставка по НДС действует при добыче горючего природного и газового конденсата на участках недр, расположенных на полуостровах Гыданский и Ямал в Ямало-Ненецком АО. Пониженная ставка по НДС сохраняется при добыче нефти на территории Красноярского края, Республики Саха, Ненецком АО и иных территориях.

Без территориальной привязки введена льгота по НДС для месторождений трудноизвлекаемой нефти: понижающий коэффициент устанавливается в зависимости от степени сложности добычи нефти (вида залежи, показателя проницаемости и толщины пласта) и степени работанности залежей. По оценке специалистов [3], данная льгота может быть применима в регионах Сибирского ФО и Ханты-Мансийского АО в связи с особенностями расположенных там месторождений.

Налоговыми льготами могут воспользоваться предприятия, разрабатывающие морские и новые морские месторождения углеводородного сырья на континентальном шельфе РФ, в т. ч. в его северной части. В зависимости от категории сложности разработки месторождений устанавливаются пониженные ставки по НДС и освобождение от уплаты вывозной таможенной пошлины.

Подводя итог анализу инструментов действующей системы налогового регулирования, следует констатировать, что налоговые льготы и преференции для северных и арктических территорий представлены в законодательстве фрагментарно и не решают проблему «северного удорожания».

Проектом федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в АЗРФ», вынесенного в текущем году на общее обсуждение, делается попытка смягчить условия хозяйствования в Арктической зоне. Меры поддержки, представленные в проекте закона, направлены на активизацию инвестиционной деятельности и привлечение инвестиций в регион, а также на создание

Таблица. Инструменты для привлечения инвестиций в регион*

Виды инструментов	Виды льгот	Возможности создания для регионов региональной политики
РИП, СИК	действует пониженная ставка по: – налогу на прибыль в федеральной и региональной частях ставки; – налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ) (на основе применения коэффициента территории добычи); – региональным и местным налогам	до 2017 г. предусматривалось создание для ограниченного числа регионов (на территории Дальнего Востока и Сибири); после 2017 г. – на всей территории РФ
ЗТР	действует пониженная ставка по: – налогу на прибыль в региональной части ставки; – региональным и местным налогам; срок предоставления инвестиционного налогового кредита увеличен до 10 лет	создаются в границах МО ограниченного числа регионов (территории утверждаются Правительством РФ)
ОЭЗ	действует пониженная ставка по: – налогу на прибыль в региональной части ставки (не менее 13,5%); – таможенным платежам; – региональным и местным налогам	создаются решением Правительства РФ на земельных участках, находящихся в государственной, муниципальной или частной собственности, по всей территории РФ
в т. ч.: технико-внедренческие и туристско-рекреационные	действует пониженная ставка по: – налогу на прибыль в федеральной части ставки (0%); – налогу на прибыль в региональной части ставки (не менее 13,5%); не действует ограничение на перенос убытков	
ТОСЭР	действует пониженная ставка по налогу на прибыль: – в федеральной части ставки (0%); – региональной части ставки (не более 5% за первые 5 лет и не меньше 10% в течение следующих 5 лет; отмена уплаты налога на землю и налога на имущество; действует пониженная ставка по страховым взносам	до 2018 г. предусматривалось создание для ограниченного числа территорий (на территории ДВФО, моногородов, ЗАТО, в т. ч. тех, которые являются моногородами); после 2018 г. – в границах МО или нескольких МО на всей территории РФ

*Составлено автором

и поддержку исключительно новых видов предпринимательской деятельности. Однако в отношении уже действующих субъектов малого и среднего предпринимательства, которые осуществляют деятельность в Арктической зоне, проект закона никаких мер поддержки и стимулирования не содержит.

Российское налоговое законодательство также не предусматривает каких-либо стимулов к расширению деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, то есть смене статуса «микро-» на «малые», а «малые» на «средние» и «крупные». В современных налоговых условиях изменение статуса предприятия сопряжено с лишением права применения специальных (льготных) режимов и обязанностью перехода на общий режим налогообложения, уравнивающий налоговые условия субъектов малого предпринимательства и крупных предпринимательских структур. Учитывая данные обстоятельства и то, что для северных и арктических территорий увеличение масштаба малых предприятий также является актуальной задачей, поскольку здесь функционируют преимущественно предприятия малых форм хозяйствования, целесообразным видится выработка новых механизмов поддержки для действующих в условиях Арктики субъектов малого и среднего предпринимательства, которые позволят обеспечить их дальнейшее развитие.

Библиографический список:

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.02.2018) и «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 07.03.2018).
2. Баянова Л.И. Об особенностях налогообложения при реализации РИП / Налог на прибыль: учет доходов и расходов. – 2016. – № 12.
3. Кондуков П. Новые условия развития нефтегазовой отрасли РФ // ЭЖ-Юрист. 2014. № 38. С. 10.
4. Финансовое регулирование развития регионов Крайнего Севера: институциональный аспект // Бадылевич Р.В., Барашева Т.И., Вербиленко Е.А., Дядик Н.В., Кобылинская Г.В., Крапивин Д.С., Чапаргина А.Н. // Под науч. редакцией Г.В. Кобылинской. – Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2018. – 150 с.

List of References:

1. «Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya)» ot 05.08.2000 No 117-FZ [The Tax Code of the Russian Federation. Part 2]. Reference date: 25.02.2019.
2. Bayanova L.I. Ob osobennostyakh nalogooblozheniya pri realizatsii RIP. Nalog na pribyl': uchet dokhodov i rashodov [On the peculiarities of taxation when implementing RIP]. Nalog na pribyl': uchet dohodov i rashodov [Tax for profits: registration of incomes and expenses], 2016, no 12. (In Russ).

3. Kondukov P. *Novye usloviya razvitiya neftegazovoi otrasli RF [New conditions for the Russian oil and gas industry development]. EZh-Yuris [JeZh-Jurist], 2014, no 38, pp. 10. (In Russ).*

4. Badylevich R.V., Barasheva T.I., Verbinenko E.A., Dyadik N.V., Kobylinskaya G.V., Krapivin D.S., Chapargina A.N. *Finansovoe regulirovanie razvitiya regionov Krainego Severa: institutsional'nyi aspekt [Financial regulation of development of the High North Regions: The Institutional Aspect], Apatity, 2018, 150 pp.*

**Контактная
информация:**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина
184209, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а.
Барашева Татьяна Игоревна
E-mail: barasheva@iep.kolasc.net.ru

**Contact
information:**

Luzin Institute for Economic Studies
24a Fersman Str., Apatity, Murmansk region, Russia, 184209
Tatyana I. BARASHEVA

Исследование максимального туристского потенциала новгородской области по видам туризма на основе бенчмаркинга ведущих российских и зарубежных туристских городов

Study of maximum tourist the potential of the novgorod region on the types of tourism on the basis of benchmarking of leading russian and foreign tourist towns

ОМАРОВ Магомед Магомедович

Заведующий кафедрой технологий управления ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», председатель Новгородского регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Magomed M. OMAROV

Doctor of Economics, Professor, head of the Department of management technologies of the Novgorod state University named after Yaroslav the Wise, Chairman of the Novgorod Regional Branch of VEO of Russia

ОМАРОВА Наталья Юрьевна

Профессор кафедры технологий управления ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», генеральный директор АНО «Туристический офис „Русь Новгородская“», д.э.н., профессор

Natalia Yu. OMAROVA

Doctor of Economics, Professor of the Department of management technologies of the Novgorod state University named after Yaroslav the Wise, General Director of the ANO "Tourist office "Rus Novgorod»

МИНИН Дмитрий Леонидович

Доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», к.э.н.

Dmitry L. MININ

Ph. D. of Economics, associate Professor, Department of Economics, Novgorod state University named after Yaroslav the Wise

Аннотация:

В статье авторами на основе бенчмаркинга пула из более 50 мировых и российских туристских городов, входящих в общепризнанные рейтинги туристских регионов по шести различным видам туризма определен максимально возможный потенциал туристской сферы Новгородской области в контексте строительства высокоскоростной магистрали «Москва – Санкт-Петербург» с остановкой в Великом Новгороде. Предложенная авторами методика прогноза изменения турпотока на основе позиции региона в рейтинге позволила спрогнозировать изменения турпотока Новгородской области к 2030 году по каждому виду туризма, что потребует за собой необходимость ряда крупных инвестиционных проектов в регионе.

Abstract:

In the article, the authors on the basis of benchmarking from more than 50 world and Russian tourist cities included in the recognized ratings of tourist regions in six different types of tourism determined the maximum possible potential of the tourism sector of the Novgorod region in the context of the construction of the high-speed highway "Moscow – St. Petersburg" with a stop in Veliky Novgorod. The proposed method of forecasting changes in the tourist flow based on the position of the region in the ranking allowed to predict changes in the tourist flow of the Novgorod region by 2030 for each type of tourism, which will require a number of major investment projects in the region.

Ключевые слова:

Туризм, рейтинги, бенчмаркинг, мировая практика, Россия, Новгородская область.

Keywords:

Tourism, ratings, benchmarking, world practice, Russia, Novgorod region.

Сфера туризма является одной из приоритетных отраслей экономики Новгородской области. Развитие туристского потенциала региона сосредоточено на формировании туристской инфраструктуры, продвижении региональных турпродуктов, повышении качества туристских услуг, что влечет за собой рост въездного турпотока и повышение вклада туризма в региональную экономику. Зани-

мая выгодное положение на Северо-Западе России, находясь на главных транспортных путях страны (автомобильные трассы М-10 и М-11, Октябрьский ход железной дороги и др.), Новгородская область является одной из наиболее привлекательных территорий с точки зрения развития туризма в России благодаря богатому культурному наследию в сочетании с природными ресурсами.

Современное состояние туристской отрасли Новгородской области характеризуется следующими показателями: количество коллективных средств размещения – 124, общий номерной фонд – 9330 мест, объем платных туристских и гостиничных услуг в общем объеме платных услуг, оказываемых населению – 900,0 млн рублей. По итогам 2018 года общее количество туристов Новгородской области выросло на 27%, с 394,8 тыс. чел. в 2016 году до 501,2 тыс. чел., в том числе российских туристов – до 442,6 тыс. чел., иностранных – до 58,6 тыс. человек. По данным совместного исследования трех ведущих экспертных организаций: центра информационных коммуникаций «Рейтинг», журнала о внутреннем туризме «Отдых в России» и журнала о въездном туризме для иностранной аудитории Tourism&LeisureinRussia Новгородская область заняла 4-е место по количеству иностранных туристов, а в Национальном рейтинге въездного туризма-2019 Новгородская область вошла в «золотую» группу рейтинга с условным названием «5 звезд» и заняла 9-ю строчку среди 85 субъектов РФ.

Цель исследования – на основе анализа лучших практик мировых и российских городов, входящих в рейтинги туристских регионов по различным видам туризма (рекреационный, оздоровительный, культурно-познавательный, религиозный /паломнический, активный, образовательный) определить потенциал туристской сферы Новгородской области в контексте строительства высокоскоростной магистрали «Москва – Санкт-Петербург» с остановкой в Великом Новгороде.

Информационной базой исследования являются официальные опубликованные в информационно-коммуникационной сети Интернет рейтинги развития туризма и популярности туристских городов в России и мире.

Статистической базой исследования являются данные, представленные в международной базе отраслевых данных (<https://knoema.ru>), статистические данные ЕМИСС государственная статистика (<https://fedstat.ru/indicators>), статистические данные о туристском потенциале Новгородской области (<http://novgorodstat.gks.ru>), результаты исследований международных консалтинговых компаний (IpsosComcon), опросы экспертов отрасли.

Прежде чем перейти к исследованию, обозначим базовые характеристики современного туриста: 1/3 всего турпотока представляют самостоятельные путешественники, основная цель которых – поездка за впечатлениями. Самостоятельные туристы готовы пожертвовать

некоторым комфортом ради получения максимума впечатлений, чаще путешествуют больше двух недель или выбирают короткие поездки на несколько дней, останавливаются в отелях в половине случаев, чаще пользуются хостелами или отелями 3*, чаще путешествуют одни и пользуются автомобилем в поездке, более спортивные, чаще выбирают бег и экстремальные виды спорта.

2/3 всего турпотока – туристы, которые путешествуют через агентство и желают получить легкую поездку. Такие путешественники хотят максимум сервиса за свои деньги (даже за минимальные), в том числе легкую логистику и удобное питание, останавливаются в отелях любой звездности, кроме хостелов, обычная продолжительность их поездки 1,5–2 недели, испытывают меньше сложностей с иностранным языком [1].

Среди основных трендов, влияющих на путешествия в будущем, можно выделить следующие:

- жители Санкт-Петербурга и Москвы путешествуют больше жителей остальных регионов России: Санкт-Петербург – 11,6%, Москва – 9,8%;
- доходы от путешествий и туризма в Москве будут расти на 6,6% в год вплоть до 2026 года [2];
- расходы иностранных туристов будут расти в среднем на 9,6% в год в течение следующего десятилетия [2].
- россияне отказываются от отдыха на дачах;
- поколение Z «Хочу видеть в зеркале счастливое лицо»;
- активное долголетие «Я заслужил хороший отдых», «Я продолжаю работать и могу позволить себе путешествовать».

Методика исследования максимального туристского потенциала Новгородской области по видам туризма на основе бенчмаркинга ведущих российских и зарубежных туристских городов. Для того чтобы нивелировать разницу между зарубежными и российскими туристскими городами, входящими в мировые и национальные рейтинги, а также с учетом того, что Великий Новгород не входит ни в один из представленных выше ТОПов в исследовании приняты следующие допущения:

1. Для расчетов использовалась площадь Великого Новгорода.
2. Число посетителей (туристов и экскурсантов) и количество КСР использовалось для Новгородской области в целом.
3. На втором этапе исследования для российских городов также использовалось число посетителей (туристов и экскурсантов).
4. Предложенная в исследовании авторская методика прогноза турпотока на основе позиции региона в рейтинге носит экспертный характер.

Результаты исследования. По уровню развития рекреационного туризма Великий Новгород и Новгородская область среди 5 мировых городов-лидеров и 5 крупнейших городов РФ занимают в среднем 2 место, находясь на уровне Гонконга и Парижа, опережая все города,

выбранные для исследования, в том числе российские столицы [3]. В расчете количества туристов на 1 жителя (7,7 чел.) Великий Новгород занимает 1 место. Это связано в том числе и с богатым историческим и культурным наследием. Так, на территории Великого Новгорода находятся 37 объектов наследия ЮНЕСКО. Это говорит о привлекательности Великого Новгорода как региона для рекреационного туризма и позволяет сделать вывод о существенном увеличении количества туристов при улучшении транспортной доступности, в частности при строительстве высокоскоростной магистрали с остановкой в Великом Новгороде, прогнозируется рост турпотока в среднем на 30% (510,0 тыс. чел.), т. е. до 2210,0 тыс. чел.

По виду «культурно-познавательный туризм» Великий Новгород имеет следующие позиции: 2 место по количеству туристов на 1 жителя (пропуская вперед лишь Эдинбург), 4 место по количеству туристов на 1 кв. км. (опережая Псков, Афины, Москву, Рим, Санкт-Петербург и Нижний Новгород) и 4 место по количеству туристов на 1 КСР, находясь в группе лидеров с Эдинбургом, Псковом и Москвой [4]. Таким образом, можно допустить, что строительство высокоскоростной магистрали «Москва – Санкт-Петербург» позволит увеличить турпоток на 25–40% (425,0–680,0), т.е. до 2125,0–2380,0 тыс. чел.

Исследование уровня развития религиозного/паломнического туризма показало, что среди рассматриваемых городов Великий Новгород находится в среднем на 5 месте. Интересным фактом является то, что Рим в данном рейтинге находится на последнем месте и по количеству туристов на 1 кв. км, и на 1 жителя, и на 1 КСР [5]. В рейтинге ведущие позиции по паломническому туризму занимает Суздаль – 1 место по количеству туристов на 1 кв. км и 2 место по количеству туристов на 1 жителя (161 турист), Великий Новгород находится на 3 месте по количеству туристов на 1 жителя (7,7 чел.), Арзамас – 1 место, а Вологда 3 место по количеству туристов на 1 КСР [7].

По развитию активного туризма среди наиболее популярных мировых и российских городов Великий Новгород находится в среднем на 7 месте, опережая Ейск и Кисловодск. Лидером по активному туризму в России является Горно-Алтайск, принимающий по 34 туриста на 1 жителя [8].

Рост турпотока по активному виду туризма при строительстве высокоскоростной магистрали «Москва – Санкт-Петербург» прогнозируется на уровне 25% (425,0 тыс.), т.е. до 2125,0 тыс. чел.

Проведенное нами исследование позволяет исходя из принятой в исследовании методики спрогнозировать рост турпотока на уровне 25–40% (2,4–3,8 тыс. чел.), т. е. 11,9–13,3 тыс. чел. [9]. Однако, необходимо понимать, что в случае с образовательным туризмом полученные расчетные данные будут не показательны, т.к. число студентов вуза в первую очередь зависит от контрольных цифр приема (табл. 1).

Таблица 1. Прогноз роста турпотока в Новгородской области по видам туризма к 2030 г., тыс. чел.

Вид туризма	Прогноз роста, %	Прогноз новых туристов	Итого туристов
Рекреационный	30	510,0	2210,0
Оздоровительный	5	1,8	36,8
Культурно-познавательный	25–40	425,0–680,0	2125,0–2380,0
Религиозный/паломнический	15–25	255,0–425,0	1955,0–2125,0
Активный	25	425,0	2125,0
Образовательный	25–40	2,4–3,8	11,9–13,3
Всего	1619,2–2045,6	8463,7–8890,1	

Понимая, что один и тот же турист, находясь на территории Новгородской области может одновременно заниматься различными видами туризма, например, рекреационным, активным, культурно-познавательным, то в полученном прогнозе турпотока целесообразно ввести определенную погрешность, например, в 40%. Таким образом, прогнозируемый турпоток в Новгородскую область к 2030 году может достигнуть уровня 5078,0–5334,1 тыс. чел. В таблице 2 приведен анализ наиболее сопоставимых с Великим Новгородом городов по площади и численности населения.

Исследование показало, что из 15 российских и зарубежных туристских городов, входящих в рейтинги лучших и сопоставимых с Великим Новгородом по площади и численности населения городов, по уровню развития туризма Великий Новгород находится на 11 месте, опережая Псков, Вологду, Кострому и Кисловодск. Интересным фактом является то, что Суздаль, который меньше по площади Великого Новгорода в 6 раз и в 21 раз по численности населения, имеет равный турпоток – 1,7 млн чел. Хорошая транспортная логистика, в том числе развитая сеть автомобильных и железных дорог во Владимирской области, позволили маленькому провинциальному городу стать одним из лучших по числу посещений в стране.

Выводы

Согласно проектной документации к 2030 году пассажиропоток по высокоскоростной магистрали «Москва – Санкт-Петербург» составит 33 млн чел., и если допустить, что хотя бы 15% из них будут целенаправленно в качестве туристов приезжать в Великий Новгород, то турпоток по ВСМ к 2030 г. может составить 5,0 млн чел. Кроме того,

Таблица 2. Анализ наиболее сопоставимых с Великим Новгородом городов по площади и численности населения

Город	Статистические данные					Расчетные данные			Рейтинг			В среднем
	Пло- щадь, кв. км	Коли- чество памят- ников ЮНЕС КО	Число тури- стов 2018 г., млн чел.	Коли- чест- во КСР	Чис- лен- ность жите- лей	Тури- стов на 1 кв. км	Тури- стов на 1 жите- ля	Тури- стов на 1 КСР	Тури- стов на 1 кв. км	Тури- стов на 1 жите- ля	Тури- стов на 1 КСР	
Великий Новгород	90,1	37	1,7	124	219941	18867,9	7,7	13492,1	11	9	11	10,3
Псков	95,6	0	1,1	55	205062	11297,1	5,3	19636,4	12	11	8	10,3
Горно-Алтайск	95,5	0	2,1	33	62300	21989,5	33,7	63636,4	10	4	3	5,7
Вологда	116	0	1,0	36	305397	8620,7	3,3	27777,8	13	13	6	10,7
Кострома	144	1	0,9	50	270366	6250,0	3,3	18000,0	14	13	9	12,0
Кисловодск	72	0	0,4	93	129313	5555,6	3,1	4301,1	15	15	15	15,0
Суздаль	15	2	1,7	170	10535	113333,3	161,4	10000,0	3	1	12	5,3
Мерфи (США)	101		2,6	9	22000	25742,6	118,2	288888,9	9	3	1	4,3
Инсбрук (Австрия)	104		3,8	107	308290	36538,5	12,3	35514,0	7	7	5	6,3
Париж	105	1	14,4	1566	2141000	137142,9	6,7	9195,4	1	10	13	8,0
Эдинбург (Шотландия)	118	1	13,0	655	482005	110169,5	27,0	19847,3	4	5	7	5,3
Ставангер (Норвегия)	71,4		2,7	41	130754	37815,1	20,6	65853,7	6	6	2	4,7
Карловы Вары (Чехия)	59,1		7,0	173	49046	118443,3	142,7	40462,4	2	2	4	2,7
Тель-Авив (Израиль)	52		3,6	404	435855	69230,8	8,3	8910,9	5	8	14	9,0
Иерусалим	125	3	3,6	235	874186	28800,0	4,1	15319,1	8	12	10	10,0

данная оценка по росту турпотока сопоставима с полученной выше по результатам рейтингования – 5,1–5,3 млн человек [9].

Новгородская область из расчета существующих 8700 койко-мест по области может принимать до 800,0 тысяч туристов и до 2,5 млн экскурсантов. Совокупно – до 3,3 млн человек при средней продолжи-

тельности ночевок 2,5 суток. Транзитом по области проезжает (и тратит деньги на ее территории) не более 500,0 тыс. человек. К 2025 году по области заложено 11 800 койко-мест. Для того чтобы принять 5 000 000 туристов в год, каждый день область должна принимать 13 699 человек при 100% загрузке. В этой связи строительство высокоскоростной магистрали «Москва – Санкт-Петербург» повлечет за собой необходимость ряда крупных инвестиционных проектов как точек притяжения туристов, например:

- строительство крупного парка исторической реконструкции, позволяющего принимать порядка 4–5 тыс. человек ежедневно;
- строительство рекреационного парка кратковременного пребывания;
- строительство нескольких крупных гостиниц международных сетей.

Библиографический список:

1. Топ-100 самых популярных городов мира // <https://www.trn-news.ru/analytics/65858>
2. Ассоциация туроператоров России // <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/43741.html>
3. Топ 10 самых лучших оздоровительных курортов мира // <http://top1x.ru/2015/11/30/top-10-samyih-luchshih-ozdorovitelnyih-kurortov-mira>
4. Культурно-познавательный туризм в России // <http://sokolov33.ru/index.php/vid-turizm/poznavatelnyj>
5. Топ-15 Европейских городов. Лучшие европейские города для путешествия // <https://nauxo.ru/top-15-gorodov-evropi/>
6. Паломнический туризм в России – самые популярные места для паломничества // <http://turstat.com/religiouspilgrimagetourismrussia2017>
7. В России составили рейтинги религиозно-туристических городов // <https://vistanews.ru/2017/04/11/v-rossii-sostavili-reytingi-religiozno-turisticheskikh-gorodov.html>
8. Рейтинг стран для активного туризма // http://www.turizm.ru/ratings/articles/rejting_stran_dlya_aktivnogo_turizma
9. Отдых в России // <https://www.russiadiscovery.ru/regions/>

List of References:

1. TOP 100 most popular cities in the world // <https://www.trn-news.ru/analytics/65858>
2. Top 10 best Russian cities for tourism // <http://top10a.ru/top-10-luchshie-goroda-rossii-dlya-turizma.html>
3. TOP 10 best health resorts in the world // <http://top1x.ru/2015/11/30/top-10-samyih-luchshih-ozdorovitelnyih-kurortov-mira>
4. Cultural and educational tourism in Russia // <http://sokolov33.ru/index.php/vid-turizm/poznavatelnyj>

5. TOP 15 European cities. Best European cities to travel to // <https://nauxo.ru/top-15-gorodov-evropi/>
6. Pilgrimage tourism in Russia – the most popular places for pilgrimage // <http://turstat.com/religiouspilgrimagetourismrussia2017>
7. In Russia made ratings of religious and tourist cities // <https://vistanews.ru/2017/04/11/v-rossii-sostavili-reytingi-religiozno-turisticheskikh-gorodov.html>
8. Ranking of countries for active tourism // http://www.turizm.ru/ratings/articles/rejting_stran_dlya_aktivnogo_turizma
9. Holidays in Russia // <https://www.russiadiscovery.ru/regions/>

Контактная информация:

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
173015, Российская Федерация, Великий Новгород, ул. Псковская, д. 3.

Contact information:

[Novgorod state University named after Yaroslav the Wise](http://Novgorod.state.University.named.after.Yaroslav.the.Wise)
3 st. Pskov, Veliky Novgorod, Russian Federation, 173015

Омаров М.М. / Omarov M.M.
e-mail: magomed.omarov@novsu.ru
Омарова Н.Ю. / Omarova N.Yu
e-mail: n-omarova@mail.ru
Минин Д.Л. / Minin D.L.
e-mail: Dmitryminin@mail.ru

Инновационное развитие региона как элемент финансово-бюджетной безопасности

Innovative development of the region as an element of financial and budget security

МАСЛОВА Ирина Алексеевна

Профессор кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета, ведущий научный сотрудник НОЦ «Учетно-аналитическое обеспечение инновационного развития региона» ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», руководитель Центра экономики и бизнеса, руководитель молодежного отделения Орловской региональной организации ВЭО России, д.э.н., профессор

Irina A. MASLOVA

Professor of the Department of Economics, Finance and Accounting, leading researcher of the Accounting and analytical support for innovative development of the region, Orel State University Turgeneva, head of the Center for Economics and Business, head of the youth department of the Oryol regional organization of VEO of Russia, Doctor of Economics, professor

Аннотация:

В статье рассматривается процесс формирования инновационного экономического пространства в мировом масштабе, анализируется динамика инвестиций в НИОКР в развитых странах. Кроме того, автором обозначены базовые проблемы, связанные с инновационным развитием России, исходя из чего сформулированы основные выводы и предложения в отношении достижения показателей устойчивого экономического роста и национальной безопасности.

Abstract:

The article discusses the process of formation of innovative economic space on a global scale, analyzes the dynamics of investment in research and development in developed countries. In addition, the author outlines the basic problems associated with the innovative development of Russia, on the basis of which the main conclusions and proposals regarding the

achievement of indicators of sustainable economic growth and national security are formulated.

Ключевые слова: Инновационное развитие, НИОКР, инновационный индекс, инновационное сотрудничество.

Keywords: Innovative development, R & D, innovative index, innovative cooperation.

Развитие любой страны в настоящее время немыслимо без инноваций, мир стоит на пороге четвертой промышленной революции и потоки капитала (в том числе интеллектуального) устремляются в центры инновационного развития. Высокотехнологичный сектор дает значительный прирост добавленной стоимости, однако, в зависимости от отраслей и стран, уровень создаваемой стоимости различается, в связи с чем особенно актуально рассмотреть вопросы методологии формирования и распределения инновационной стоимости, формирования и актуализации добавленной стоимости.

В мире существует тенденция неравномерности экономического роста, вызванная рядом факторов, в том числе быстрыми темпами развития высокотехнологичных отраслей и фокусировкой на инновациях. Для международных интеграционных процессов подобная «подвижность», незакрепленность центров инновационного роста крайне важна и является локомотивом здоровой конкуренции.

У Европейских стран есть сильные стороны в инновационном развитии. Однако, инвестиции в НИОКР распределены крайне неравномерно, 90% из них в последние годы размещены в экономиках 8 крупнейших государств – членов Европейского союза. В 2016 году Европа привлекла только 11% венчурного капитала и корпоративных инвестиций в искусственный интеллект, в то время как Соединенные Штаты и Азия привлекли 50% и 39% соответственно. Европейские инновационные компании сталкиваются с глобальной конкуренцией технических и предпринимательских талантов в условиях необходимости управления последствиями инновационного развития, адаптации к изменяющимся структурам занятости.

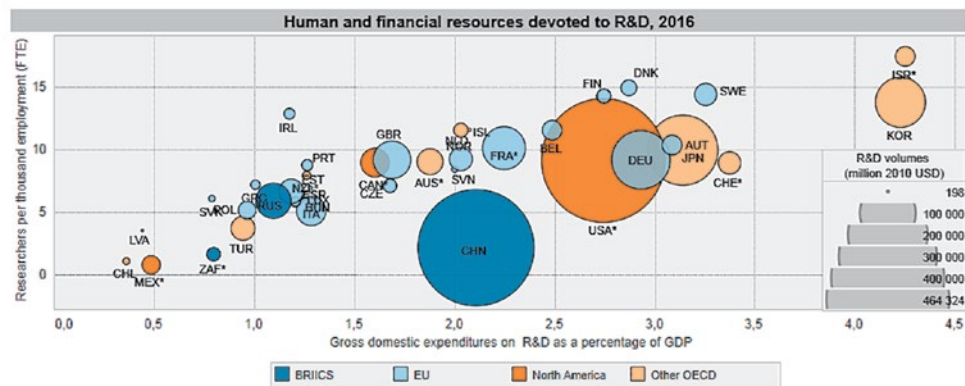
В отношении показателя расходов на научно-исследовательскую деятельность лидером выступает Китай. Китай увеличил внутренние расходы на НИОКР с 0,56% ВВП в 1996 году до почти 2% в 2012 году (в 2015 уже более 2%) и является в настоящее время лидером среди стран БРИКС по динамике данного показателя.

Внутренние расходы на НИОКР определяются как общие расходы (текущие и капитальные) на НИОКР, осуществляемые всеми компаниями-резидентами, исследовательскими институтами, университетскими

и государственными лабораториями. Показатель внутренних расходов на НИОКР включает в себя НИОКР, финансируемые из-за рубежа, но не включает внутренние средства на НИОКР, выполняемые за пределами национальной экономики. Этот показатель измеряется в постоянных ценах в долларах США с использованием базового года 2010 года и паритетов покупательной способности (ППС) и в процентах от ВВП.

Последние имеющиеся данные о расходах на исследования и разработки для стран ОЭСР и других крупных экономик, опубликованные в Основных показателях науки и техники стран ОЭСР, показывают, что интенсивность НИОКР (расходы на НИОКР в процентах от валового внутреннего продукта, ВВП) в ОЭСР немного выросла с 2,34% в 2016 году до 2,37% в 2017 году (рис. 1).

Рисунок 1.
Статистика затрат
на исследования
и разработки

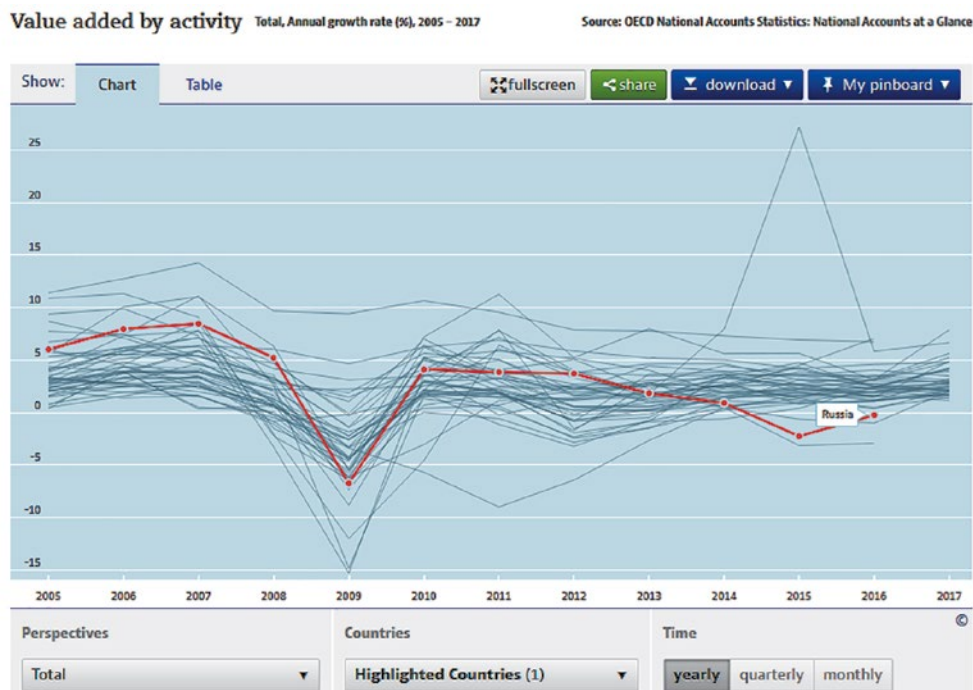

Реальные расходы на исследования и разработки в странах ОЭСР в 2017 году выросли на 3,8%. На долю коммерческих предприятий впервые в 2017 году пришлось более 70% всех инвестиций в исследования и разработки, проведенные в странах ОЭСР. НИОКР в секторе высшего образования выросли на 1,6%, а НИОКР в государственных учреждениях увеличились на 1,3%. Спустя десять лет после начала мирового финансового кризиса, инвестирование исследований и разработок в бизнесе сейчас на 28% выше, чем в 2007 году, несмотря на заметное падение в 2009 году.

В последние годы все большее значение приобретают меры поддержки научно-исследовательской деятельности, основанные на применении системы косвенных налогов, не являющихся частью бюджетных смет НИОКР, зачастую вытесняющих прямую государственную поддержку. Бюджеты на НИОКР в США в 2017 году сократились по сравнению с 2016 годом, компенсировалось это значительным ростом бюджета в Германии, Франции и Японии. Бюджеты на исследования и разработки в Канаде, Франции, Великобритании, Италии и США ниже докризисных уровней 2007 года.

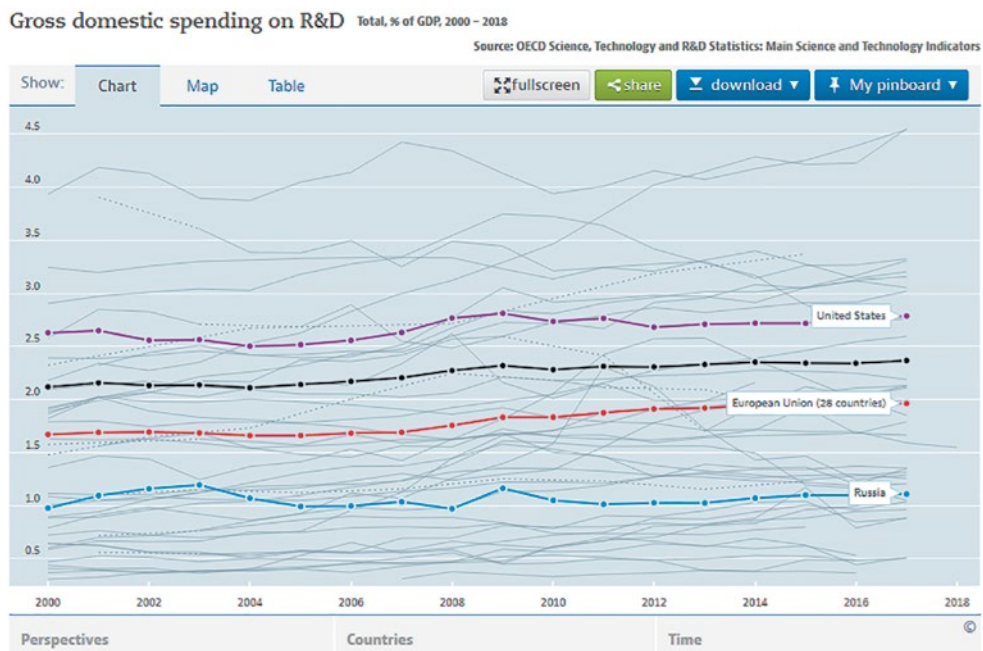
Также недостаточно высокие темпы развития инновационной сферы России можно проследить по статистике общего показателя добавленной стоимости по видам деятельности (рис. 2).

Рисунок 2.
Динамика
добавленной
стоимости

При этом показатель внутренних затрат на исследования и разработки по России в сравнении со странами-лидерами представлен на рис. 3.

Рисунок 3.
Внутренние
расходы
на исследования
и разработки

Однако у России есть и сильные стороны в развитии инновационных видов деятельности, например, количество исследователей (рис. 4).

Рисунок 4.
Исследователи.
Всего, на 1 000
занятых,
2000–2017

Таблица 1. Динамика рейтинговых показателей развитых стран и стран БРИКС в соответствии с Глобальным инновационным индексом

Страна	Глобальный инновационный индекс (в скобках – место страны в рейтинге ГИИ)			Изменение места в рейтинге 2017 по сравнению с 2016 г.
	2015	2016	2017	
Страны-лидеры				
Швейцария	68,30 (1)	66,30 (1)	67,69 (1)	-
Швеция	62,40 (3)	63,60 (2)	63,82 (2)	-
Нидерланды	61,58 (4)	58,29 (9)	63,36 (3)	▲
США	60,10 (5)	61,40 (4)	61,40 (4)	-
Великобритания	62,42 (2)	61,90 (3)	60,89 (5)	▼
Китай	47,47 (29)	50,60 (25)	52,54 (22)	▲
Россия	39,32 (48)	38,50 (43)	38,76 (45)	▼

Источник: The Global Innovation Index 2015, The Global Innovation Index 2016, The Global Innovation Index 2017

О развитии инновационной сферы свидетельствует глобальный инновационный индекс, рассчитываемый консорциумом Корнельского университета (США), Школы бизнеса INSEAD (Франция) и Всемирной организации интеллектуальной собственности, ежегодно с 2007 года на основе анализа показателей, характеризующих рынок инноваций и результаты их внедрения (таблица 1, рисунок 5, 6). Видим, что самой стабильной страной среди стран-лидеров оказалась Швейцария, а среди стран БРИКС наилучшую динамику демонстрирует Китай.

Рисунок 5.
Динамика рейтинговых показателей стран-лидеров рейтинга Глобального инновационного индекса

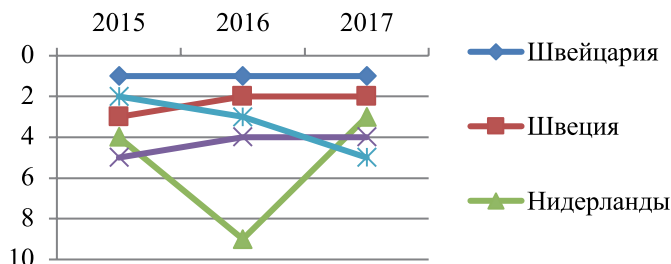
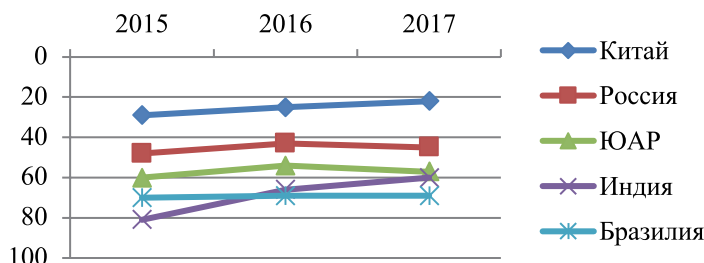

Рисунок 6.
Динамика рейтинговых показателей стран БРИКС в рейтинге Глобального инновационного индекса

В странах БРИКС существует ряд проблем, связанных с инновационным развитием, при одновременном наличии благоприятного климата для инновационного сотрудничества. Например, преимущества Китая нельзя охарактеризовать как безраздельно доминирующие, по ряду показателей наилучшие результаты демонстрирует Россия.

По сумме ежегодных затрат на НИОКР и экспорту высокотехнологичной продукции Китай в несколько раз опережает другие страны БРИКС. С большим разрывом на втором месте по данным показателям находится Индия. Явным преимуществом России является качество развития человеческого капитала, исследовательской деятельности, а также относительная численность исследователей. Бразилия демонстрирует неплохие результаты по развитию экономики знаний в стране, а также по осуществлению процессов модернизации, занимая второе после России место по Индексу экономики знаний и Индексу всемирной модернизации среди стран БРИКС. При всех очевидных проблемах

ЮАР является лидером по уровню развития институтов, что подтверждают Индекс экономики знаний и Глобальный инновационный индекс (таблица 2).

Таблица 2. Проблемы инновационного развития России

Проблемы	Россия
Низкий уровень производительности по сравнению с развитыми странами	+
Низкое воздействие патентов и публикаций на инновационное развитие	+
Региональные дисбалансы внутри страны	+
Зависимость от сырьевых товаров и отраслей, основанных на ресурсах	+
Общие низкие инновационные показатели и спрос на инновации в бизнес-секторе по сравнению с развитыми странами	+

Таблица 3. Финансово-бюджетные показатели Орловской области

Показатели	2014	2015	2016	2017
Численность населения (на конец года), тыс. чел.	785,6	759,7	754,8	747,2
Естественный прирост (убыль) населения, тыс. чел.	-5,0	-3,9	-4,2	-4,7
Миграционный прирост населения, человек	-719	-1599	-731	-2846
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	391,9	335,9	330,2	...
ВРП:				
Всего, млн руб.	106 196,7	208 237,9	213 924,0	...
На душу населения, тыс. руб.	134,5	273,1	282,5	...
Профицит, дефицит (-) консолидированного бюджета, млн руб.	-316,2	-2 805,3	-3 250,9	-3 180,6

Орловский регион расположен в Центральном федеральном округе, имеет сильную историю с точки зрения развития приборостроения и машиностроения, исторически основательную школу инженерных кадров на базе опорного университета первой волны – ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева». Однако в связи с кризисом 90-х – 2000 годов, когда многие производства были сокращены и закрыты, в настоящее время испытывает некоторые трудности регионального развития, имея сильный научно-образовательный потенциал. В настоящее время талантливая молодежь предпочитает уезжать после школы

или после вуза в мегаполисы, что в числе прочих факторов негативно влияет на региональную экономику (таблица 3) и является факторами, ухудшающими аспекты финансовой безопасности региона.

Согласно исследованию ВШЭ «Индекс образовательной инфраструктуры регионов России 2018–2019», Орловская область входит в кластер №3, для регионов которого характерны «высокие кредитные задолженности, отрицательный естественный прирост населения, средние по остальным показателям» и занимает 55–60 место по уровню развития образовательной инфраструктуры, которая является базой для стратегического инновационного развития.

Таким образом, в регионе для перехода к росту инновационной сферы и обеспечения финансовой безопасности региона:

1. Необходимо уделить внимание развитию образовательной инфраструктуры.
2. Необходимо обеспечить согласование развития образовательной инфраструктуры по уровням и отдельным направлениям.
3. Отдельный акцент на инновационную инфраструктуру и создание единой инновационной экосистемы.
4. Развивать межрегиональное сотрудничество в сфере образования, науки и инноваций.
5. Создавать устойчивые межрегиональные и международные коллаборации для развития инновационной системы в регионе на основе лучших практик.

Таким образом, на уровне государства поставлены приоритетные задачи в сфере импортозамещения и подъема национального производства на основе передовых научных разработок, которые являются не только перспективными, но и эффективными для их коммерциализации, что характеризует показатель уровня актуализированной добавленной стоимости (это означает не только разовые продажи, но и устойчивый платежеспособный спрос на инновационный продукт).

Считаем, что необходимо оценивать и анализировать прирост стоимости инновационных продуктов с учетом степени готовности разработки к коммерциализации, что позволит адекватно оценивать эффективность вложенного финансирования в инновации (в том числе с позиций общественных затрат на инновации). Вместе с тем необходимо дальнейшее стимулирование инновационного развития стран с последующим построением Единого инновационного пространства.

Библиографический список:

1. *The Global Innovation Index 2015* <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=3978>.
2. *The Global Innovation Index 2016* <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4064&plang=RU>.
3. *The Global Innovation Index 2017* <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report>.

4. Индекс образовательной инфраструктуры регионов России (2018–2019 гг) https://ioe.hse.ru/data/2019/04/15/1178142809/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B8%CC%86%20%D0%B8%D0%BD%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D1%8B%202018-2019_2019-04-12.pdf.
5. ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В ЦИФРАХ 2010, 2015–2017 Краткий статистический сборник http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/resources/ba64548045b99e89b055f8edfce35b80/%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA2018.pdf.
6. Статистика стран ОЭСР <https://data.oecd.org/>.

Контактная информация:

ОГУ имени И.С. Тургенева: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95

Contact information:

Orel State University: 302026, Orel, st. Komsomolskaya 95
e-mail: tera_27@mail.ru

Политика импортозамещения в России: причины, цели, этапы, уровни реализации

Policy of import substitution in Russia: reasons, goals, stages, levels of implementation

СКВОРЦОВА Валентина Алексеевна

Профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», д.э.н., профессор

Valentina A. SKVORTSOVA

Doctor of Economics, Professor of the Department Economic Theory and International Relations, Penza State University

СКВОРЦОВ Алексей Олегович

Доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», к.э.н.

Alexey O. SKVORTSOV

Ph. D., Associate Professor of the Department Economic Theory and International Relations, Penza State University

Аннотация:

Целью проведенного исследования является анализ опыта и обзор научной литературы по проблеме импортозамещающей индустриализации для определения причин, целей, этапов и уровней реализации программы импортозамещения в России и ее регионах. Методологический потенциал исследования включает сравнительный анализ, системный анализ. С учетом зарубежного опыта идентифицированы специфичные для России причины импортозамещения и соответствующие им формы проведения политики импортозамещения. Сформулированы цели, выделены этапы этого процесса и задачи политики импортозамещения в России и ее регионах.

Abstract:

The relevance of the study of the policy of import substitution in Russia is determined by the fact that many aspects of import substitution remain debatable. The purpose of the study is to analyze the experience and

review the scientific literature on the problem of import-substituting industrialization to determine the causes, goals, stages and levels of the implementation of the program of import substitution in Russia and its regions. Methodological research potential includes comparative analysis, system analysis. The article presents the interpretation of import substitution as a system of economic relations, as an economic process, as a state economic policy. Taking into account foreign experience, Russia-specific reasons for import substitution and the corresponding forms of import substitution policy (urgent, strategic and competitive import substitution) are identified: the need for import substitution in Russia is explained not only by unfavorable external economic conditions (Western sanctions policy), but also by the exhaustion of the potential of export-raw materials orientation national economy. Based on the specificity of the reasons for import substitution in Russia, the goals and stages of the import substitution program in Russia are formulated: the immediate goals are the revival of a number of industries that have been supplanted by imports in the 1990–2000s, promising goals of an active export policy. The objectives of the policy of import substitution in Russia and its regions are formulated.

Ключевые слова:

Импортозамещение, протекционизм, импорт, экспорт, внешнеторговый оборот, торговый баланс, конкурентоспособность, экономическая безопасность, экспортноориентированная продукция, международное разделение труда.

Keywords:

Import substitution, protectionism, import, export, foreign trade, trade balance, competitiveness, economic security, export-oriented products, international division of labor.

Итоги первых двух-трех лет проводимой в стране политики импортозамещения оценивались достаточно критически, и создавалось впечатление о свертывании этой программы в стране. Однако многие страны из разных регионов мира на протяжении двух последних столетий целенаправленно занимались импортозамещением. Проведение политики импортозамещения в разных странах (в США и Западной Европе в 1850–60 гг. в целях преодоления торговой и промышленной гегемонии Англии, в Германии в XIX в. в рамках догоняющего развития, в Японии в 1867–1912 гг.) заняло длительный промежуток времени. Более того, результат от импортозамещения становится заметным только в средне- и долгосрочном плане, на краткосрочном отрезке наблюдается замедление темпов экономического роста.

Термин «импортозамещение» стал применяться с середины XX века для характеристики проводимой развивающимися странами политики индустриализации с использованием мер протекционизма, которая стала ключевым фактором развития стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии (Бразилия, Южная Корея, Мексика) [1].

В последнее время концепция импортозамещения привлекает большое внимание представителей научного сообщества и органов государственного управления. Несмотря на богатые традиции исследования импортозамещения в экономической науке и опыт использования политики импортозамещения разными странами многие аспекты этой экономической концепции являются неопределенными и подверженными изменениям под влиянием новых экономических явлений и процессов. Это предопределяет различные интерпретации и понимание содержания, предпосылок, условий, границ, сроков, результатов импортозамещения, практических подходов и роли государства в нем.

Из представленных в литературе трактовок выделим наиболее значимые подходы к определению импортозамещения:

- импортозамещение как экономическая категория представляет собой систему экономических отношений, направленных на замещение импортных товаров в национальной экономике;
- импортозамещение как экономический процесс, при котором происходит увеличение производства, потребления и экспорта отечественных товаров, следует рассматривать как проявление закономерностей развертывания конкуренции;
- импортозамещение как государственная экономическая политика по рационализации и оптимизации импорта товаров и услуг путем стимулирования местных производителей, предполагающая в том числе протекционистские меры [2].

Исследование различных взглядов на проблему позволяет выделить два основных подхода к пониманию содержания импортозамещения: 1) импортозамещение как рост производства внутри страны [3]; 2) импортозамещение как ограничение импорта [4, 5].

Переход к политике импортозамещения связан с определенными внешними и/или внутренними причинами. Такими причинами могут быть снижение внешнеторгового оборота, отрицательное сальдо платежного баланса, кризисные явления в экономике. Импортозамещение, реализуемое в конкретной стране в конкретных исторических условиях, имеет специфические причины.

В современной России проблему импортозамещения часто связывают с преодолением последствий проводимой западными государствами санкционной политики. На самом деле идея импортозамещения имеет более глубокие корни и теоретико-методологические основания.

Санкционная политика стран Запада против России скорее представляет собой одну из причин, стимулирующих применение политики

импортозамещения в России. Санкции ухудшили экономическую ситуацию в стране, которая формировалась на протяжении длительного времени: низкий технологический уровень промышленности, соответствующий третьему и преимущественно четвертому технологическим укладам, удельный вес пятого уклада оценивается в 5–10% [6]; в большинстве отраслей высок уровень морального и физического износа основных производственных фондов (от 50 до 80% и выше при пороговом показателе 42%); существующих объемов прямых инвестиций недостаточно для того, чтобы кардинально изменить ситуацию.

На современном этапе своей истории Россия не смогла эффективно использовать оставшийся от советского периода научно-технический и производственный потенциал, подготовленные и опытные кадры. На начальном этапе российских экономических реформ фактически были ликвидированы многие отрасли обрабатывающей промышленности, и до настоящего времени обрабатывающая промышленность так и не смогла восстановить дореформенный уровень: в 2014 г. индекс промышленного производства (ИПП) составил 89,4% от уровня 1992 г., в том числе индекс производства машин и оборудования – 55%. [6] В настоящее время доля добавленной стоимости отечественных товаров составляет 20–25% против 40–45% в развитых странах.

В результате экономика страны столкнулась с импортной зависимостью по ряду важных позиций: в станкостроении, тяжелом машиностроении, электронной, фармацевтической, медицинской, легкой промышленности. Даже в топливно-добывающих отраслях, которые важны для формирования государственного бюджета страны, уровень импортной зависимости достаточно высок.

Необходимость импортозамещения в России объясняется не только неблагоприятными внешнеэкономическими условиями для отечественной экономики, но и исчерпанием потенциала экспортно-сырьевой ориентации национальной экономики.

В России речь идет не только об импортозамещении, но и о возрождении ряда производств, вытесненных импортом в 1990–2000 гг. Политика импортозамещения, за которым стоит способность национальной экономики самостоятельно развиваться вне критичной привязки к внешним рынкам и игрокам, приобретает значение стратегического приоритета, стартового звена новой индустриализации экономики России.

В зависимости от идентификации предпосылок и причин, вызвавших необходимость осуществления политики импортозамещения в стране, регулирующие структуры должны концептуально разграничивать срочное (неотложное), стратегическое и конкурентное импортозамещение [7]. Стратегическое импортозамещение не имеет ограничений по времени или условиям проведения. Оно призвано обеспечивать экономическую безопасность страны в плане внешних поставок

в ключевых отраслях экономики. Конкурентное импортозамещение базируется на глубоких структурных трансформациях в экономике на основе модернизации производственного потенциала, повышения конкурентоспособности национальной продукции, использования факторов международного разделения труда, может характеризоваться как составляющая поступательной эволюции экономической системы.

Срочное импортозамещение для нашей страны носит неотложный характер, может квалифицироваться как санкционное, вызванное неблагоприятными внешнеэкономическими факторами и политическим давлением, несет в себе опасность обернуться для страны изоляцией и закрытостью экономики, поэтому требует особого внимания и выработки специальных мероприятий. Таким образом, для России важны все формы проведения импортозамещения, которые к тому же могут коррелировать с этапами проведения импортозамещения.

Прежде всего, в целях сокращения импортозависимости предполагается отказ от импорта ряда товаров и переход к производству собственной высококачественной и высокотехнологичной продукции. На этой основе должна сформироваться возможность проведения активной экспортной политики. Успешные в плане осуществления программы импортозамещения страны – Япония, Бразилия, Южная Корея, Мексика – ориентировали свою экономику на стимулирование экспорта конкурентоспособной импортозамещающей продукции национальных предприятий и усовершенствование ее до уровня, аналогичного импортным товарам.

Однако импортозамещение в нашей стране имеет иное назначение: на данном этапе оно необходимо не столько для увеличения экспорта товаров собственного производства, сколько для активизации деятельности отечественных предприятий и повышения конкурентоспособности отечественных товаров. На настоящем этапе в стране импортозамещение активизировалось в жизненно важных для государства пищевой и оборонной отраслях. Что касается экспортной составляющей курса на импортозамещение, то традиционная ориентация внешнеэкономических связей российских производителей на медленно растущие западноевропейские рынки демонстрирует неэффективность, кроме того, санкции, выдвинутые Европейским союзом и США, не дают возможности российской экономике использовать сложившееся международное разделение труда. Поэтому логичен для российского производителя поиск экономического партнерства на Востоке (Азиатско-Тихоокеанский регион, ЕАЭС, страны СНГ, Таможенный союз и др.).

Политика импортозамещения в России осуществляется на федеральном и региональном уровнях. Этот подход нашел отражение в концепции двухуровневой (макро- и мезоуровень) государственной политики в области импортозамещения, предложенной Н.А. Кудровой [8]. Эффективное проведение политики импортозамещения в стране тре-

бует создания благоприятных организационно-экономических условий, как на уровне государства, так и на уровне отдельного региона.

На уровне регионов могут создавать благоприятные условия и логистическую инфраструктуру, улучшать условия ведения бизнеса, соответствующие институты региональной организации производства (индустриальные (промышленные) парки, кластеры и т.п.), обеспечивать локализацию инновационных производств.

Одновременно на федеральном уровне необходимо стимулировать внутренний спрос на отечественную продукцию за счет государственных закупок и заказов, инвестиций и субсидий, стимулирования частных предприятий путем снижения налогового бремени, финансирования объектов инфраструктуры в рамках государственно-частного партнерства, смягчения денежно-кредитной и тарифной политики.

Таким образом, идея импортозамещения имеет глубокие корни и теоретико-методологические основания. Концепция импортозамещения интенсивно разрабатывается учеными и находится в центре внимания представителей органов государственного управления. Несмотря на это многие аспекты этой экономической концепции остаются дискуссионными.

Проведенное исследование раскрывает процесс импортозамещающей модернизации как комплексную проблему, имеющую выход на повышение конкурентоспособности экономики страны, обеспечение ее экономической безопасности, совершенствование конкурентной среды, регулирование конкурентных отношений и осуществление структурной перестройки.

Эффективное проведение политики импортозамещения в стране требует создания благоприятных организационно-экономических условий, как на уровне государства, так и на уровне отдельного региона.

Библиографический список:

1. Скворцова В.А. Импортозамещение: опыт других стран и задачи для России / В.А. Скворцова, А.О. Скворцов // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки*. 2015. № 1. С. 97–104.
2. Райзберг Б. *Современный экономический словарь* / Б. Райзберг, Л. Лозовский, Е. Стародубцева – М.: ИНФРА-М, 2006.
3. Фальцман В.К. *Критические точки политики импортозамещения* / В.К. Фальцман // *Российское предпринимательство*. 2015. Т. 16. № 2 (272). С. 241–262.
4. Баранов Э.Ф. *Импортозамещение в динамике торговли товарами в Российской Федерации* / Э.Ф. Баранов // *Экономические науки*. 2013. №7 (104). С. 7–11.
5. Березинская О.Б. *Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения* / О.Б. Березинская, А.Л. Ведев // *Вопросы экономики*. 2015. № 1. С. 103–115.

6. Амосенок Э.П. Будущее машиностроения России: реальность и иллюзии / Э.П. Амосенок, В.А. Бажанов // ЭКО. 2014. № 1. URL: <http://ecotrends.ru/component/content/article/1783-2013-12-24-10-11-57>
7. Бухвальд Е.М. Проблемы импортозамещения в стратегиях развития российских регионов / Е.М. Бухвальд, О.Б. Иванов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 4, С. 24–41.
8. Кудрова Н.А. Стимулирующая политика регионального развития современной России на основе концепта импортозамещения / Н.А. Кудрова // *Social and Economic Phenomena and Processes*, 2015. Т. 10. № 2. С. 46–51.

List of References:

1. Skvortsova V.A. *Importozameshcheniye: opyt drugikh stran i zadachi dlya Rossii* / V.A. Skvortsova, A.O. Skvortsov // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ekonomicheskii nauki nauki*. 2015. № 1. S. 97–104.
2. Rayzberg B. *Sovremennyy ekonomicheskii slovar'* / B. Rayzberg, L. Lozovskiy, Ye. Starodubtseva – М.: INFRA-M, 2006.
3. Fal'tsman V.K. *Kriticheskiye tochki politiki importozameshcheniya* / V.K. Fal'tsman // *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. 2015. Т. 16. № 2 (272). S. 241–262.
4. Baranov E.F. *Importozameshcheniye v dinamike torgovli tovarami v Rossiyskoy Federatsii* / E.F. Baranov // *Ekonomicheskiye nauki*. 2013. № 7 (104). S. 7–11
5. Berezinskaya O.B. *Proizvodstvennaya zavisimost' rossiyskoy promyshlennosti ot importa i mekhanizm strategicheskogo importozameshcheniya* / O.B. Berezinskaya, A.L. Vedev // *Voprosy ekonomiki*. 2015. № 1. S. 103–115.
6. Amosenok E.P. *Budushcheye mashinostroyeniya Rossii: real'nost' i illyuzii* / E.P. Amosenok, V.A. Bazhanov // ЭКО. 2014. № 1. URL: <http://ecotrends.ru/component/content/article/1783-2013-12-24-10-11-57>
7. Bukhval'd Ye.M. *Problemy importozameshcheniya v strategiyakh razvitiya rossiyskikh regionov* / Ye.M. Bukhval'd, O.B. Ivanov // *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2017. № 4, S. 24–41.
8. Kudrova N.A. *Stimuliruyushchaya politika regional'nogo razvitiya sovremennoy Rossii na osnove kontsepta importozameshcheniya* / N.A. Kudrova // *Social and Economic Phenomena and Processes*, 2015. Т. 10. № 2. S. 46–51.

Контактная информация:

Пензенский государственный университет
440026, г. Пенза, ул. Красная д. 40
Скворцова Валентина Алексеевна
e-mail: va_skvortsova@mail.ru

Скворцов Алексей Олегович
e-mail: finer63@mail.ru

Влияние производительности труда на экономический рост регионов России

Influence of labor performance on the economic growth of the regions of Russia

МЕРКУЛОВА Елена Юрьевна

Профессор кафедры «Экономическая безопасность и качество» Тамбовского государственного технического университета, д.э.н., профессор

Elena Yu. MERKULOVA

Doctor of Economics, Professor of Economic, Professor of the Department of Economic Security and Quality, Tambov State Technical University

Аннотация:

Для социально-экономического развития России большое внимание имеет экономический рост. Согласно указу Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» разработана система национальных проектов с общим объемом финансирования 25,7 трлн руб., из них 10,1 трлн руб. направлены на обеспечение экономического роста, в том числе 52,1 млрд руб. направлены на повышение производительности труда и поддержку занятости. Предметом исследования является декомпозиция экономического роста региона в зависимости от показателей производительности труда. В исследовании выявлены возможности и направления активизации региональных факторов роста производительности труда. Выявлены различия в производительности труда по различным видам экономической деятельности.

Abstract:

For the socio-economic development of Russia, economic growth has received considerable attention. According to the decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 «On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» a system of national projects was developed with a total funding of 25.7 trillion rubles, of which 10.1 trillion rubles

aimed at ensuring economic growth, including 52.1 billion rubles aimed at improving labor productivity and supporting employment. The subject of research is the decomposition of economic growth in the region depending on the indicators of labor productivity. The study revealed the possibilities and directions for activating regional factors of productivity growth. The differences in labor productivity in various types of economic activity are revealed.

Ключевые слова: Экономический рост, валовый региональный продукт, производительность труда, стратегические приоритеты роста производительности труда, воспроизводственные пропорции развития региона.

Keywords: Economic growth, gross regional product, labor productivity, strategic priorities for productivity growth, reproduction proportions of the region's development.

На экономический рост региона оказывают влияние различные факторы, в том числе природно-географические условия, воспроизводственная структура региональной экономики и сложившиеся макроэкономические пропорции, трудовые ресурсы и производительность труда, состояние основных фондов и объем инвестиций. Для оценки экономического роста на уровне региона предлагаются различные показатели, характеризующие соотношение объема валового регионального продукта с величиной используемых ресурсов или затрат (например, материальных затрат, амортизационных отчислений, заработной платы, численностью населения, численностью трудовых ресурсов и другими). Одним из ключевых индикаторов экономического роста является производительность труда. При этом поиск резервов повышения объемов производства за счет производительности труда позволяет обеспечить качественный прирост добавленной стоимости, обеспечить прирост заработной платы, а следовательно, и повышение уровня жизни населения.

Существуют два основных способа наращивания ВРП: экстенсивный (за счет увеличения количества потребляемых ресурсов) и интенсивный (за счет роста производительности труда). Однако увеличение потребляемых ресурсов не позволяет обеспечить рост доходов на единицу продукции, что, в свою очередь, приводит к снижению заработной платы и падению рентабельности бизнеса, в то же время производительность труда способствует как росту доходов в расчете на единицу продукции, так и в целом создаваемой добавленной стоимости.

Построим типологическую группировку регионов по производительности труда, определяемую на основе соотношения ВРП

и численности занятых в экономике регионов за 2017 год (табл. 1). Из представленных данных видно, что в 2017 году к регионам лидерам по производительности труда можно отнести Тюменскую область с результатом 3189 тыс. руб. на одного работающего в год и Сахалинскую область – 2712 тыс. руб., разрыв между Тюменской и Ингушской Республикой (343 тыс. руб. на одного работающего) составил 9,3 раза. Также аномально высокие результаты производительности труда наблюдаются в г. Москве, Республике Саха (Якутия), Магаданской области, Чукотском автономном округе. Представленные группы регионов, за исключением г. Москвы, являются крупными нефте-газодобывающими регионами, с большим минерально-сырьевым потенциалом.

Таблица 1. Распределение регионов России по уровню производительности труда за 2017 год (тыс. руб. на одного занятого в год)

Уровень	Регионы
низкий	
343–652	Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Псковская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Омская, Амурская области, г. Севастополь, Ставропольский, Алтайский, Забайкальский край, Республики: Адыгея, Калмыкия, Крым, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Чеченская, Марий Эл, Мордовия, Чувашская, Алтай, Бурятия, Тыва (38)
средний	
652–1137	Белгородская, Воронежская, Калужская, Курская, Липецкая, Московская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Астраханская, Нижегородская, Оренбургская, Самарская, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Томская, области. Республики: Карелия, Коми, Башкортостан, Татарстан, Удмуртская, Хакасия, г. Санкт-Петербург, Краснодарский, Пермский, Красноярский, Камчатский, Приморский, Хабаровский край, Еврейская автономная область (38)
1710–2155	г. Москва, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский автономный округ (4)
2712–3189	Тюменская, Сахалинская области (2)

Источник: составлено авторами на основе расчетов в программе SPSS Statistica и данных Росстата
Source: compiled by the authors on the basis of calculations in the SPSS Statistica program and Rosstat data

Основная масса регионов расположилась в группах со средним от 652 до 1137 тыс. руб. и низким уровнем производительности труда,

что составляет 93% от общего количества регионов. Наиболее низкий уровень производительности сложился в Республике Ингушетия (343 тыс. руб.), Чеченской (365 тыс. руб.), Кабардино-Балкарской (386 тыс. руб.) республиках, Ивановской области (416 тыс. руб.) и г. Севастополь (417 тыс. руб.).

Разница в регионах уровня производительности труда во многом обусловлена сложившейся воспроизводственной структурой. Рассмотрим производительность труда по основным видам экономической деятельности (расчет произведен путем сопоставления валовой добавленной стоимости и средней численности занятых. Самый высокий уровень производительности труда сложился в добыче полезных ископаемых 6648,4 тыс. руб. на одного занятого в год. Далее следует финансовая и страховая деятельность – 2302,8 тыс. руб. на одного в год. В то же время производительность труда в сельском хозяйстве составила 601,9 тыс. руб., в обрабатывающих производствах – 1008,2 тыс. руб., в деятельности по обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха – 1302,9 тыс. руб., в строительстве – 798,7 тыс. руб. и в торговле – 835,6 тыс. руб.

Сопоставляя полученные данные со структурой ВВП можно увидеть, что преобладание в структуре удельного веса торговой деятельности с невысоким уровнем производительности труда не позволяют достичь высоких темпов экономического роста. Сложившаяся структура ВВП требует проведения структурной перестройки экономики в пользу обрабатывающих видов экономической деятельности, а также деятельности по обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха.

Рассмотрим динамику показателей производительности труда по видам экономической деятельности (табл. 2). Наилучшие результаты за период действия программы обеспечило сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Более десяти лет снижается производительность труда в рыболовстве. Снижение результативности использования трудовых ресурсов также наблюдается в обрабатывающем секторе экономики, строительстве, торговле и других видах экономической деятельности. Таким образом, уровень производительности труда существенно дифференцирован по видам экономической деятельности. Структура производства является важнейшим фактором, определяющим темпы производительности и экономического роста в регионах.

Рассмотрим, какие факторы оказывают наиболее существенное влияние на производительность труда и ВРП. Для этого построим матрицу взаимосвязи парных коэффициентов корреляции (табл. 3).

Из данных таблицы 3 следует, что наиболее тесная зависимость наблюдается между производительностью и размером среднемесячной заработной платы (75% общей вариации, $r=0,866$), а также объ-

Таблица 2. Индекс производительности труда по видам экономической деятельности в России за 2005–2017 гг.

	2005	2010	2014	2015)	2016	2017
В целом по экономике	105,5	103,2	100,7	98,1	99,7	101,5
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	101,8	88,3	103,3	104,5	103,5	103,8
рыболовство, рыбоводство	96,5	97,0	96,1	99,9	95,6	99,8
добыча полезных ископаемых	106,3	104,3	102,8	98,3	100,3	100,4
обрабатывающие производства	106,0	105,2	102,5	97,1	99,3	99,7
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	103,7	103,0	100,2	99,8	100,5	102,2
строительство	105,9	99,6	98,4	100,8	99,9	98,8
оптовая и розничная торговля; бытовые услуги	105,1	103,6	98,7	93,4	94,4	101,5
гостиницы и рестораны	108,5	101,7	99,8	96,2	94,3	102,2
транспорт и связь	102,1	103,2	100,4	97,8	99,0	101,7
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	112,4	104,0	98,6	100,2	100,2	99,6

Таблица 3. Матрица парных коэффициентов корреляции

	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	y1	y2
Номинальная среднемесячная з/п (X1)	1	,458**	,461**	,646**	,416**	,307**	,336**	,403**	,866**	,441**
Стоимость основных фондов (X2)		1	,952**	,358**	,908**	,864**	,818**	,845**	,517**	,967**
Инвестиции в основной капитал (X3)			1	,514**	,783**	,775**	,667**	,842**	,597**	,882**
Объем инвестиций в расчете на одного занятого (X4)				1	,124	,062	-,006	,278*	,865**	,233*
Оборот организаций (X5)					1	,938**	,973**	,835**	,351**	,980**
Численность занятых (X6)						1	,936**	,877**	,278*	,944**
Выдано патентов на изобретения (X7)							1	,781**	,231*	,931**
Затраты на технологические инновации (X8)								1	,460**	,875**
Производительность труда (y1)									1	,439**
ВРП (y2)										1

Примечание:** Корреляция значима на уровне 0,01; * Корреляция значима на уровне 0,05.

Источник: составлено авторами на основе расчетов в программе SPSS Statistica и данных Росстата

Source: compiled by the authors on the basis of calculations in the SPSS Statistica program and Rosstat data

емом инвестиций в расчете на одного занятого (75% общей вариации $r=0,865$), причем данные коэффициенты корреляции значимы на уровне 0,01, что означает высокую степень достоверности полученных результатов. Умеренная теснота связи производительности труда проявляется по отношению к стоимости основных фондов, объему инвестиций в основной капитал, размеру оборота всех организаций и затратам на технологические инновации.

В свою очередь, основными факторами, определяющими экономический рост в регионах России, являются стоимость основных фондов (93,5% общей вариации, $r=0,967$), оборот всех организаций (96% общей вариации, $r=0,98$), численность занятых в экономике (89,1% общей вариации, $r=0,944$), количество выданных патентов на изобретения (86,7% общей вариации, $r=0,931$), затраты на технологические инновации (76,6% общей вариации, $r=0,875$). Умеренная теснота связи ВРП проявляется по отношению к производительности труда и средней заработной плате.

С помощью программы SPSS Statistica, применив метод пошагового отбора факторов, влияющих на производительность труда, получаем модель:

$$\bar{y}_x = -9,894 + 0,015X_1 + 1,301X_4 + 0,002X_8$$

Коэффициент эластичности показывает, что при росте средней заработной платы на 1% производительность труда увеличится на 0,673%, при росте объема инвестиций в расчете на одного занятого на 0,33%, при увеличении затрат на технологические инновации на 0,04%. Далее рассмотрим модель зависимости ВРП от основных факторов экономического роста:

$$\bar{y}_x = -67602,323 + 133,764 X_5 + 0,514 X_3 + 209,48 X_6 + 0,107 X_2 + 98,832 X_9 + 291,783 X_7$$

Все параметры данного уравнения являются типичными при уровне значимости 0,05. Полученная величина коэффициента детерминации $R^2 = 0,998$ и скорректированного коэффициента регрессии равны между собой, следовательно, построенная модель является значимой, что также подтверждается результатами расчета критерия Дарбина-Уотсона (1,99). Коэффициент эластичности показывает, что при росте оборота всех организаций на 1% ВРП увеличится на 0,26%, при росте объема инвестиций в основной капитал на 0,12%, при увеличении численности занятых на 0,22%, производительности труда на 0,1% и количества выданных патентов на изобретения на 0,09%. Полученные результаты свидетельствуют о преобладании экстенсивного типа экономического роста.

Проведенное исследование уровней и динамики производительности труда в различных регионах России свидетельствует о существенной асимметрии показателей. Данный факт, с одной стороны, связан со структурой воспроизводства, а с другой – с природно-климатиче-

скими и географическими факторами. Так, большой удельный вес добывающего сектора является определяющим фактором высокой производительности труда в регионе. Благоприятные природно-климатические условия оказывают влияние на существенную дифференциацию производительности труда в сельском хозяйстве. Рассматривая стратегические приоритеты обеспечения экономического роста на основе повышения производительности труда, можно выделить следующие направления:

- 1) создание общих условий для экономического роста и ведения бизнеса, то есть обеспечение стимулирования инвестиций для обновления и модернизации производства, а также налоговое стимулирование, повышение инвестиционной привлекательности, путем развития территорий опережающего развития, индустриальных кластеров;
- 2) меры, связанные с модернизацией производства и повышением его технологического уровня, повышением производительности труда, обучение и переподготовка кадров;
- 3) повышение производительности труда связано со стимулированием развития производств в регионе с высокой добавленной стоимостью, оказание помощи предприятиям в модернизации производства, внедрении технологий «бережливого производства»;
- 4) внедрение новых профессиональных стандартов, характеристика и аттестация рабочих мест;
- 5) стимулирование роста конкуренции путем устранения административных барьеров.

Библиографический список:

1. Лобанова В.А., Трофимова Н.В. Динамика производительности труда: расчет и особенности в регионах // *Известия Саратовского ун-та. Нов. Сер. Экономика. Управление. Право.* 2015. Т. 15., вып. 2., с. 125–130.
2. Мамонтов В.Д. Современные реалии экономического роста в России // В сборнике: *Глобальные проблемы модернизации национальной экономики. Материалы VII Международной научно-практической конференции.* 2018. С. 21–31.
3. Михеева Н.Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // *Регион: экономика и социология*, 2015, № 2 (86), С. 86–112.
4. Никулина О.В., Корольков К.Н. Факторы роста производительности труда в экономике России // *Качество. Инновации. Образование.* 2012. № 10. С. 84–91.
5. Романцов А.Н. Экономическая сущность производительности труда в решении проблемы ее повышения // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе.* – 2016. – № 4 (20). – С. 44–58.
6. Сапир Ж., Ивантер В., Некипелов А., Кувалин Д. *Российская трансформация: 20 лет спустя.* М.: Магистр, 2013.

7. Юхачев С.П. Экономическая политика и экономический рост: новые реалии и перспективы // В сборнике: Саяпинские чтения. Сборник материалов круглого стола. 2017. С. 437–443.

List of References:

1. Lobanova V.A., Trofimova N.V. *Dinamika proizvoditel'nosti truda: raschet i osobennosti v regionah // Izvestija Saratovskogo un-ta. Nov.Ser. Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2015. T. 15., vyp. 2., s. 125–130.*
2. Mamontov V.D. *Sovremennye realii jekonomicheskogo rosta v Rossii // V sbornike: Global'nye problemy modernizacii nacional'noj jekonomiki. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. S. 21–31.*
3. Miheeva N.N. *Sravnitel'nyj analiz proizvoditel'nosti truda v rossijskih regionah //Region: jekonomika i sociologija, 2015, №2 (86), s. 86–112.*
4. Nikulina O.V., Korol'kov K.N. *Factory rosta proizvoditel'nosti truda v jekonomike Rossii // Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie. 2012. № 10. S. 84–91.*
5. Romancov A.N. *Jekonomicheskaja sushhnost' proizvoditel'nosti truda v reshenii problemy ee povyshenija // Modeli, sistemy, seti v jekonomike, tehnike, prirode i obshhestve. – 2016. – № 4 (20). – S. 44–58.*
6. Sapir Zh., Ivanter V., Nekipelov A., Kuvalin D. *Rossijskaja transformacija: 20 let spustja. M.: Magistr, 2013.*
7. Juhachev S.P. *Jekonomicheskaja politika i jekonomicheskij rost: novye realii i perspektivy //V sbornike: Sajapinskie chtenija. Sbornik materialov kruglogo stola. 2017. S. 437–443.*

Контактная информация:

Меркулова Елена Юрьевна
merkatmb@mail.ru

Экономические эффекты оценки муниципальных образований через налоговый потенциал

Economic effect of assessing municipalities through tax potential

ЛЕБЕДЕВА Вера Игоревна

Старший преподаватель кафедры государственного управления института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Vera I. LEBEDEVA

Senior Lecturer, Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University

Аннотация:

Целью исследования является выявление экономических эффектов при оценке налогового потенциала территории с использованием концепции эластичности, предложенной Г.К. Лапушинской. Методика учитывает возможности получения информации региональными органами власти и опирается на дуговой расчет по данным двух временных периодов. Оценка коэффициента эластичности налогового потенциала региона по видам налогов позволяет выявить потенциальные точки роста и возможные угрозы для бюджетов различных территорий. Результаты анализа носят прикладной характер для органов власти территории с представлением решений по увеличению налогового потенциала с учетом особенной территории.

Abstract:

The aim of the study is to identify economic effects in assessing the tax potential of a territory using the concept of elasticity proposed by G.K. Lapushinskaya. The methodology takes into account the possibilities of obtaining information by regional authorities and relies on an arc calculation based on data from two time periods. The assessment of the coefficient of elasticity of the tax potential of a region by type of tax makes it possible to identify potential growth points and possible threats to the budgets of various territories. The results of the analysis are of an applied nature for the territorial authorities to increase the tax potential, taking into account the territorial special territory, affect the quality of

intergovernmental relations, the reliability of budget planning and the effectiveness of the entire budget process.

Ключевые слова: Налоговый потенциал, эластичность, оценка бюджетных доходов, развитие территории, точки роста.

Keywords: Tax potential, elasticity, assessment of budget revenues, development of the territory, points of growth.

Практический интерес к изучению динамики и анализа налогового потенциала территории обусловлен необходимостью формирования прогноза доходов бюджета органами власти субъекта Федерации. В этой связи ведущая роль отводится процессу налогового планирования, оценке возможностей территорий по активизации имеющихся в их распоряжении ресурсов, то есть налоговому потенциалу региона. На значимость оценки налогового потенциала территории, его развитие, полноту использования обращается внимание в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, официальных документах Правительства Российской Федерации, отдельных регионов и органов местного самоуправления.

Формирование полной и достоверной информации на уровне местного самоуправления на данный момент затруднено. При прогнозировании налогового потенциала основные трудности возникают в организации взаимодействия государственных органов и участников бюджетного процесса. Следует отметить, что в оценке налогового потенциала должны быть заинтересованы, прежде всего, сами субъекты Федерации, поскольку он отражает реальные возможности экономики региона в налоговой сфере.

Таким образом, в настоящее время можно выделить следующие существующие проблемы при формировании информационной базы для муниципальных образований:

- отсутствие финансовых средств у муниципальных образований на сбор и разработку показателей;
- отсутствие заинтересованности в повышении налогового потенциала;
- многие показатели разрабатываются только на региональном уровне (например, валовый региональный продукт);
- при сборе информации по налоговым показателям возможно сокрытие информации некоторыми недобросовестными налогоплательщиками, и в результате конечная информация, получаемая органами власти на местах, неполная и недостоверная.

Для оценки налогового потенциала необходимо опираться на достоверную и имеющуюся у органа власти информацию, а затраты на осуществление оценки не должны существенно увеличивать ожидаемые эффекты от применения решений.

В анализе использован подход к осуществлению оценки динамики и структуры налогового потенциала региона, который основывается на применении концепции эластичности. Методика опирается на дуговой расчет по данным двух временных периодов [1]. Информационной базой анализа являются материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тверской области, Министерство финансов Тверской области, управление Федеральной налоговой службы по Тверской области.

При достоверной оценке потенциала выявляются скрытые резервы и возможные перспективы увеличения доходной части бюджета территории. Методика оценки налогового потенциала с помощью концепции эластичности и выделения пропульсивных видов налогов является достаточно простой и позволяет анализировать полученные данные в динамике и муниципальном разрезе.

Результаты проведенного исследования носят практическую значимость и могут быть использованы исполнительными органами государственной власти для оценки точек роста, выявления оптимальных возможностей для пополнения регионального бюджета.

На основе полученных данных делаются выводы о среднем уровне обеспеченности налоговыми базами в области, о степени дифференциации территории по эластичности налогового потенциала, выявляются и оцениваются тенденции изменения этого уровня и возможные пути его дальнейшего развития.

Так, если в момент времени t_1 состояние налогового потенциала региона описывается начислениями (с учетом сформировавшейся задолженности) H_1 и начислениями по налогу i -го вида Ti_1 , а в момент времени t_2 – начислениями H_2 и Ti_2 соответственно, то:

$$E_{Ti}(H) = \frac{\Delta H}{\Delta Ti} \cdot \frac{Ti_1 + Ti_2}{H_1 + H_2},$$

где $E_{Ti}(H)$ – эластичность формируемого налогового потенциала региона по начислениям по налогу i -го вида с задолженностью, характеризующая некоторую среднюю реакцию налогового потенциала региона на изменение налогового потенциала по i -му виду налога;

ΔH – разница между начислениями с задолженностью между двумя периодами (абсолютная величина изменения налогов за два анализируемых года);

ΔTi – разница между начислениями с задолженностью по конкретному виду налога между двумя периодами.

Аналогично, если в момент времени t_1 состояние налогового потенциала региона описывается поступлениями налогов Π_1 и поступлениями по налогу i -го вида P_{i1} , а в момент времени t_2 – поступлениями Π_2 и P_{i2} соответственно, то:

$$E_{Pi}(\Pi) = \frac{\Delta\Pi}{\Delta P_i} \cdot \frac{P_{i1} + P_{i2}}{\Pi_1 + \Pi_2},$$

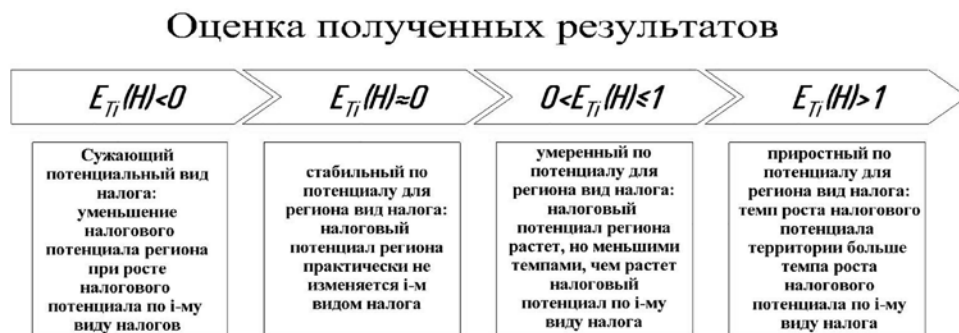
где $E_{Pi}(\Pi)$ – эластичность используемого налогового потенциала региона по поступлениям по налогу i -го вида, характеризующая некоторую среднюю реакцию использования налогового потенциала региона на изменение поступлений по i -му виду налога;

$\Delta\Pi$ – разница поступлений между двумя периодами;

ΔP_i – разница между поступлениями по конкретному виду налога между двумя периодами [2, С. 110].

Полученные результаты можно разделить на 4 группы (рис. 1).

Рисунок 1.
Оценка полученных результатов анализа влияния эластичности на налоговый потенциал

К приоритетным налогам, в целях анализа, относятся такие, которые увеличиваются большими темпами, чем увеличиваются доходы бюджета, или продолжают расти при падении доходов.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что при оценке налогового потенциала муниципальных образований необходимо не только учитывать характеристики налоговой базы, но и принимать во внимание задолженность в бюджетную систему по каждому из видов налогов, а также погашение части недоимки прошлых лет.

В общем, можно сделать вывод о том, что самые наполненные группы эластичности по поступлениям – приростные по потенциалу виды налогов. В них входит 36,4% рассматриваемых налогов, и стабильные по потенциалу виды налогов 36,4%. Остальные группы эластичности по поступлениям распределены следующим образом:

- сужающие по потенциалу для региона виды налогов – 18,2%;
- умеренные по потенциалу для региона виды налогов – 9,0%.

При анализе эластичности по начислениям с учетом задолженности по земельному налогу разрезе муниципальных образований можно отметить, что при формировании налогового потенциала по земель-

ному налогу большее количество территории (55,8%) относится к стабильному по потенциалу налогу, 25,6% к сужающему по потенциалу налогу, по 9,3% в категориях приростного и умеренного по потенциалу налогу.

Оценка коэффициента эластичности налогового потенциала региона по видам налогов позволяет выявить потенциальные точки роста и возможные угрозы для бюджета региона и его муниципальных образований.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить следующие экономические эффекты при оценке налогового потенциала муниципальных образований:

- долгосрочный подход к вопросам комплексного развития территории;
- выявление территории «точек роста» и расширение зоны их влияния;
- создание основы для прогнозирования состояния территории в будущем;
- программный подход к поддержке территорий.

Библиографический список:

1. Лапушинская Г.К. Метод анализа территориальных бюджетов // *Финансы*. – 2001. – № 9. – С. 18–20.
2. Лапушинская Г.К., Лебедева В.И. Возможность оценки налогового потенциала территории с помощью концепции эластичности // *Вестник Тверского государственного университета*. – 2014. – Серия «Экономика и управление». Выпуск 4. С. 107–113.
3. www.nalog.ru (Федеральная налоговая служба России).
4. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России).

List of References:

1. *Lapushinskaya G.K. Metod analiza territorial'nyh byudzhetrov // Finansy*. – 2001. – № 9. – S. 18–20.
2. *Lapushinskaya G.K., Lebedeva V.I. Vozmozhnost' ochenki nalogovogo potenciala territorii s pomoshch'yu koncepcii elastichnosti // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – Seriya «Ekonomika i upravlenie». Vypusk 4. S. 107–113.
3. www.nalog.ru.
4. www.gks.ru.

Контактная информация:

170002, г. Тверь, Студенческий переулок, д. 12, корпус «Б», аудитория 224.

Contact information:

170002, Tver, Student lane, 12, building «B», room 224.
Vera_Lebedeva2017@mail.ru

Моделирование оптимальной структуры транспортно-логистического кластера Республики Тыва

The structure modeling the transport and logistics cluster of the Republic of Tuva

СЕВЕК Вячеслав Кыргысович

Декан экономического факультета Тувинского государственного университета, член Правления ВЭО России, председатель Тувинского регионального отделения ВЭО России, д.э.н.

Vyacheslav K. SEVEK

Dean of Economic Faculty at Tuva State University, Member of board of VEO of Russia, Chairman at the Tuva Regional Organization of the VEO of Russia, Doctor of Economics

МОНГУШ Аржаана Кырган-ооловна

Магистрант первого года обучения Тувинского государственного университета

Arzhaana K. MONGUSH

Undergraduate first year education of Tuva state University

Аннотация:

В статье рассмотрен вопрос моделирования оптимальной структуры транспортно-логистического кластера Республики Тыва. Цель исследования заключается в определении оптимальных мест и структуры транспортно-логистических кластеров на территории республики, имеющих значение в контексте эффективного перемещения грузопотоков всеми видами транспорта. Определение мест расположения транспортно-логистических центров основывается на количественном методе оптимизации. На основе указанного метода оптимизации транспортных потоков и минимизации издержек на сортировку и перемещения грузов определены два многофункциональных центра в городах Кызыл, Чадан и два таможенно-складских комплекса в таможенно-пропускных пунктах «Хандагайты» и «Цагаан толгой».

Предложена организационная структура в определенных многофункциональных и таможенно-складских хабах в зависимости от их функционального назначения, которые будут способствовать расширению транзита грузов и логистике для эффективной работы перспективным автомобильным и железнодорожным коридорам.

Abstract:

The article deals with the modeling of the optimal structure of the transport and logistics cluster of the Republic of Tuva. The purpose of the study is to determine the optimal locations and the structure of transport-logistic clusters in the territory of the Republic of importance in the context of the efficient movement of freight traffic by all modes of transport. The determination of the locations of transport and logistics centers is based on the quantitative optimization method. Based on the method of optimization of traffic flows and minimize costs for sorting and transporting loads identified two multi-purpose centers in cities of Kyzyl, Chadan and two customs warehouses at customs checkpoints "between khandagayty" and "Tsagaan Tolgoi". The organizational structure in certain multifunctional and customs warehouse hubs depending on their functional purpose, which will contribute to the expansion of cargo transit and logistics for the effective operation of promising road and rail corridors, is proposed.

Ключевые слова:

Моделирование, оптимизация, транспортно-логистический, кластер, транспорт, инфраструктура, грузоперевозки, автомобильная дорога, железная дорога, Республика Тыва.

Keywords:

Modeling, optimization, transport and logistics, cluster, transport, infrastructure, transportation, road, railway, Republic of Tuva.

Введение

Транспортная инфраструктура играет важную роль в развитии социально-экономического развития любой территории страны. От развитости инженерно-транспортной инфраструктуры во многом зависит благосостояние населения. Транспорт, являясь одной из ведущих отраслей хозяйства, вносит весомый вклад в производственную и социальную инфраструктуру. Известно, что современная транспортная система обеспечивает потребности экономики страны и ее населения в транспортных услугах, территориальную целостность, свободу перемещения людей, товаров, услуг, экономическую и геополитическую безопасность страны, а также развитие конкуренции и свободы предпринимательства [1].

Из-за транспортной изолированности Республика Тыва не в полной мере использует свои преимущества, в том числе как пригра-

ничного региона. О роли приграничного региона нами подробно было изложено в статье «Анализ приграничных регионов Сибирского федерального округа России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва)» [2]. Существующее положение дел ведет к невыгодному использованию экономического потенциала, не позволяет региону в полной мере задействовать в своем развитии геополитический, экономический и транспортно-инфраструктурный потенциал. Эти процессы протекают на фоне возрастания нагрузки на федеральный бюджет, связанной с необходимостью поддержания и развития инфраструктуры, экономических и социальных выгод от использования которых для Российской Федерации становится все меньше. Благодаря актуализации Главой Тувы Шолбаном Кара-оолом вопроса возобновления строительства железнодорожной ветки Курагино – Кызыл во время Красноярского экономического форума 2019 г. стало возможным рассмотрение этого вопроса 27 марта 2019 г. на отдельном заседании Правительства РФ о социально-экономическом развитии Республики Тыва [3]. По итогам заседания председатель российского правительства Д. Медведев поручил министру экономического развития России возглавить проект разработки программы ускоренного развития Республики Тыва [4]. В исполнение данного поручения с 18 по 20 мая 2019 г. в Туве во главе с М. Орешниковым, министром экономического развития России, было проведено рабочее совещание по обсуждению программы ускоренного социально-экономического развития Республики Тыва [5]. Одним из ключевых проектов программы ускоренного развития республики обозначено завершение строительства железной дороги Курагино – Кызыл с продолжением в сторону Западной Монголии и Китая, высоковольтной ЛЭП, а также строительство и реконструкция экспортно-ориентированных межрегиональных автомобильных дорог. Важным аргументом строительства железной дороги Тувы является то обстоятельство, что этот проект в стратегическом плане макрорегиона Енисейской Сибири обозначен как один из главных аспектов развития внешнеторговых связей с растущим рынком Китая через Монголию.

В целом в проект плана ускоренного развития социально-экономического развития Республики Тыва до 2025 г. включены 244 мероприятия, из них 169 – инвестиционные проекты с общим объемом финансирования 712 млрд руб. [6]. Эти инвестиционные проекты направлены на генерирование налоговых поступлений в региональный бюджет, снятие острых социальных вопросов и повышение уровня экономической активности в Туве. В данной ситуации определение мест расположения транспортно-логистических кластеров, способствующих эффективному перемещению и сортировке грузоперевозок, приобретает важное значение, что определило актуальность темы исследования.

Методы и модели

Цель исследования заключается в определении оптимальных мест и структур транспортно-логистических кластеров на территории республики с учетом их целевого назначения.

Исходя из поставленной цели, определена задача выявления мест расположения транспортно-логистических центров с учетом оптимизации транспортных потоков и минимизации издержек на сортировку и перемещение грузов на основе количественного метода оптимизации. Это многофункциональные логистические центры в городах Кызыл и Чадан и таможенно-пропускные пункты «Хандагайты» и «Цагаан толгой» (рис. 1).

В качестве количественных показателей в определении оптимальных мест расположения отмеченных на рисунке 1 хабов нами были приняты следующие целевые параметры: развитие приграничных районов (Овурский и Эрзинский) и опорных городов (Кызыл и Чадан) региона; равномерное расселение населения республики; создание в приграничных районах и опорных городах высококвалифицированных рабочих мест; развитие на указанных территориях научно-образовательных центров.

Результаты и обсуждение

Рисунок 1.
Места
расположения
транспортно-
логистических
кластеров
Республики Тыва

Многофункциональный транспортно-логистический центр представляет собой крупный портал, предназначенный для обработки большого объема грузов. Площадь одного логистического хаба может превышать 1 млн кв. м. Товары здесь не только складываются и обрабатываются, но и перераспределяются по другим регионам. Инфраструктура такого комплекса варьируется в зависимости от специфики бизнеса и вмещает в себя объекты самой разнообразной функциональной направ-

ленности. Это могут быть: складские помещения; офисные помещения; холодильные и морозильные камеры; зоны хранения опасных грузов; шоурумы (помещение, где выставлены образцы продукции или услуг компании); мойка автомобилей; ремонтная зона для обслуживания автотранспорта; места отдыха и т.д.

Подобная форма развития региона позволяет объединять все грузопотоки в одном месте, минимизировать время обработки товаров, увеличивать спектр предлагаемых услуг. Значимая особенность крупного логистического кластера (хаба) – возможность обрабатывать грузы, доставляемые разными видами транспорта – автомобильным, железнодорожным, воздушным и водным.

Таможенно-складские комплексы «Хандагайты» и «Цагаан толгой» должны включать в себя ряд сервисных услуг: декларирование, таможенное оформление; хранение грузов на логистических складах и складах временного хранения; проведение погрузочных-разгрузочных работ; предоставление территории для нахождения автотранспорта, в том числе и большегрузного транспорта; информационное обеспечение клиента о товародвижении; предоставление услуг бизнес центра; предоставление гостиничных услуг и услуг питания; мойка, заправка, ремонт автомобилей на станции техобслуживания; предоставление услуг таможенного экспедитора; предоставление консалтинговых услуг в области маркетинга, логистики.

Таможенно-складские и многофункциональные логистические центры будут способствовать расширению транзита грузов и логистики для эффективного функционирования автомобильных коридоров: Абакан – Кызыл – Хандагайты – Улангом; Абакан – Кызыл – Эрзин – Улан-Батор; Абакан – Абаза – Ак-Довурак – Улангом; Кызыл – Моген-Бурен – Кош-Агач – Горный Алтай – Новосибирск и железнодорожного коридора Абакан – Кызыл – Ховд – Урумчи.

Заключение

На основе определенных мест расположения транспортно-логистических кластеров в дальнейшем нами планируется определить:

- потенциально пропускную возможность таможенно-складских комплексов;
- требуемое количество рабочих и специалистов в планируемых хабах.

Важным механизмом усиления деловой активности в транспортно-логистических центрах, укрепления их торгово-логистических, финансовых, инновационных и туристических возможностей станут специальные экономические зоны. Таким образом, хабы являются не только центрами концентрации и распределения крупных грузопотоков и больших масс товаров, но и по своему функциональному назначению становятся центрами сосредоточения бизнеса.

Библиографический список:

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-410-170002\19 р_а и Правительства Республики Тыва.

1. Севек В.К., Сагаан-оол К.Б., Ооржак А.М. Анализ транспортной инфраструктуры Республики Тыва // *Научное обозрение: теория и практика.* – 2017. – № 11. – С. 72–79.
2. Бадарчи Х.Б., Севек В.К. Анализ приграничных регионов Сибирского федерального округа России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // *Аграрный вестник Урала.* – 2019. – № 4 (183). – С. 78–85.
3. В Москве началась подготовка совещания по вопросам развития Тувы [Эл. ресурс] // *Официальный портал Правительства Республики Тыва.* URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/39270/ (дата обращения: 24.03.2019).
4. Вступительное слово Д. Медведева на совещании по вопросам социально-экономического развития Тувы [Эл. ресурс] // *Официальный портал Правительства Республики Тыва.* URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/other_news/39296/ (дата обращения: 28.03.2019).
5. Республика Тыва станет первым регионом, для которого будет разработан индивидуальный комплексный план развития [Эл. ресурс] // *Официальный портал Правительства Республики Тыва.* URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/39717/ (дата обращения: 23.05.2019).
6. В рабочий вариант комплексного плана социально-экономического развития Тувы вошло 169 инвестпроектов. Официальный портал Правительства Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/39756/ (дата обращения: 29.05.2019).

List of References:

1. Sevek V.K., Sagaan-ool K. B., Oorzhak A.M. Analiz transportnoi infrastruktury Respubliki Tyva // *Nauchnoe obozrenie: teoriia i praktika.* – 2017. – № 11. – S. 72–79.
2. Badarchi Kh.B., Sevek V.K. Analiz prigranichnykh regionov Sibirskogo federal'nogo okruga Rossii po urovniu sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (na primere Respubliki Tyva) // *Agrarnyi vestnik Urala.* – 2019. – № 4 (183). – S. 78–85.
3. V Moskve nachalas' podgotovka soveshchaniia po voprosam razvitiia Tuvy [El. resurs] // *Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Respubliki Tyva.* URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/39270/ (data obrashcheniia: 24.03.2019).
4. Vstupitel'noe slovo D. Medvedeva na soveshchanii po voprosam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Tuvy [El. resurs] // *Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Respubliki Tyva.* URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/other_news/39296/ (data obrashcheniia: 28.03.2019).

5. Respublika Tyva stanet pervym regionom, dlia kotorogo budet razrabotan individual'nyi kompleksnyi plan razvitiia [El. resurs] // Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Respubliki Tyva. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/39717/ (data obrashcheniia: 23.05.2019).

6. V rabochii variant kompleksnogo plana sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Tuvy voshlo 169 investproektov. Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Respubliki Tyva. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/39756/ (data obrashcheniia: 29.05.2019).

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»
667000 Российская Федерация, Республика Тыва,
г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36.

**Контактная
информация:**

Севек Вячеслав Кыргысович
e-mail: vsevek@mail.ru
Монгуш Аржаана Кырган-ооловна
e-mail: arzhaana.mongush.96@mail.ru

Инвестиции в цифровую экономику как фактор роста производительности труда в сельском хозяйстве

Investments into digital economy as the factor of growth of labour productivity in agriculture

АКМАРОВ Петр Борисович

Президент Союза экономистов Удмуртской Республики, к.э.н., профессор

Petr V. AKMAROV

President of the Union of economists of the Udmurt Republic, Cand.Sc. Econ., Professor

АБРАМОВА Ольга Викторовна

Министр сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики, к.э.н.

Olga V. ABRAMOVA

Minister of Agriculture of the Udmurt Republic, Cand.Sc. Econ.

КНЯЗЕВА Ольга Петровна

Доцент Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, к.э.н.

Olga P. KNIAZEVA

Senior lecturer of the Izhevsk state agricultural academy, Cand.Sc. Econ.

Аннотация:

В статье дана оценка современному этапу развития инновационных технологий в сельском хозяйстве и перспективам цифровой трансформации аграрной сферы экономики. Показаны резервы роста производительности труда и наиболее важные направления этого роста. Выявлены особенности и тенденции роста цифровых инвестиций в сельском хозяйстве, а также факторы, сдерживающие применение новых технологий в этой отрасли. Отражено влияние национальных проектов на технологическую модернизацию аграрной экономики.

Abstract:

In article the estimation is given the present stage of development of innovative technologies in agriculture and to prospects of digital transformation of agrarian sphere of economy. Reserves of growth of labour productivity and the most important directions of this growth are shown. Features and tendencies of growth of digital investments in agriculture, and also the factors constraining application of new technologies in this branch are revealed. Influence of national projects on technological modernisation of agrarian economy is reflected.

Ключевые слова:

Сельское хозяйство, инновационные технологии, цифровая экономика, производительность труда, инвестиции, социально-экономическая эффективность.

Keywords:

Agriculture, innovative technologies, digital economy, productivity of labour, investments, social and economic efficiency.

Наиболее перспективной отраслью материального производства в нашей стране является сельское хозяйство, которое опирается на огромный потенциал земельных, трудовых и биологических ресурсов. Для того чтобы задействовать эти ресурсы в полной мере, необходимо совершенствовать технологии производства и развивать систему управления, основанную на современных информационных технологиях. Эти направления развития аграрной сферы можно отнести к цифровой экономике, представляющей вид деятельности, ключевым фактором в котором выступают данные в цифровом виде. Базой этого вида деятельности является обработка больших объемов количественных сведений, результаты анализа которых позволяют повышать эффективность производственной деятельности, совершенствовать технологические решения и материальную базу производства, развивать системы переработки, хранения, реализации, доставки готовой продукции потребителям. Именно расширение применения информатизации в аграрной сфере позволяет повысить эффективность сельского хозяйства. Современные информационные технологии активно

вплетаются в аграрное производство, начиная от планирования посевов, автоматизации подкормки и цифрового моделирования урожая и заканчивая расчетом кормовых рационов для животных и птиц [1].

Благодаря внедрению современных информационных технологий в сельское хозяйство повышается не только его производительность, но также сокращаются затраты, как материальные, так и финансовые и трудовые. В конечном итоге растет качество продукции и увеличивается эффективность хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций.

Особую актуальность имеет это направление развития аграрной отрасли для России, обладающей колоссальными резервами расширения производства и пока крайне низким уровнем производительности труда. По площади пашни Россия занимает 3 место в мире (после США и Индии) и в последние годы активно повышает урожайность зерновых. По таким стратегически важным продуктам, как пшеница и ячмень урожайность в стране выросла с 2000 года более чем на 50 процентов.

Вместе с тем по ряду показателей Россия существенно отстает от ведущих экономик, по урожайности зерновых мы уступаем США и Германии в 3–4 раза и в десятки раз уступаем развитым странам по объему произведенной сельскохозяйственной продукции на одного работника. Если в США на одного работника сельского хозяйства производится ежегодно аграрной продукции на 180 тысяч долларов, то в России этот показатель составляет только 8 тысяч долларов [2].

В основе модернизации аграрного сектора лежит переход к интеллектуальному сельскому хозяйству. Интеллектуальное сельское хозяйство основывается на комплексной автоматизации и роботизации производства, использовании автоматизированных систем принятия решений, современных технологий моделирования и проектирования экосистем. Интеллектуализация аграрного сектора позволяет с одной стороны сократить объемы излишнего использования внешних ресурсов (топливо, химикаты, удобрения, энергия и др.), а с другой – максимизировать вовлечение в производство внутренних ресурсов (органические удобрения, биотопливо, возобновляемые источники энергии и др.).

Материалы исследований, полученные из статистических источников, докладов профильных министерств и ведомств, публикаций отечественных и зарубежных авторов, показывают высокую актуальность исследуемой проблемы и важность ее решения в целом по России и отдельным регионам. При обработке материалов нами использовались статистические и графические методы, методы сравнений и прогнозирования.

Благодаря механизмам государственной поддержки АПК, в первую очередь, государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, сегодня идет активное перевооружение отрасли. Так,

в рамках выделяемого финансирования, практически в 3 раза увеличен объем средств на покупку сельхозтехники по льготным ценам (до 5,2 млрд руб.), идет перевооружение животноводческих объектов.

По данным Министерства сельского хозяйства России сегодня примерно 3% валовой продукции отрасли производится за счет новых технологий, основанных на цифровизации [3]. Как показывают данные таблицы, этот процесс расширяется в последние годы.

В то же время следует отметить, что непосредственно в первичном звене агропромышленного комплекса доля инновационных технологий мизерная и составляет всего лишь одну десятую часть всей инновационной продукции отрасли. Основная же часть цифровых технологий сегодня находится в сфере переработки и производства пищевых. Однако цифровизация экономики требует не только технического перевооружения, но и кадрового обеспечения этого процесса. С учетом масштабности решаемых задач, практически все население страны следует обучить базовым основам информационных технологий. Одновременно требуется расширить подготовку специалистов по ИТ-технологиям. В сельском хозяйстве этот объем необходимо увеличить как минимум в 2 раза [4].

Таблица. Динамика развития инновационных технологий в агропромышленном комплексе России

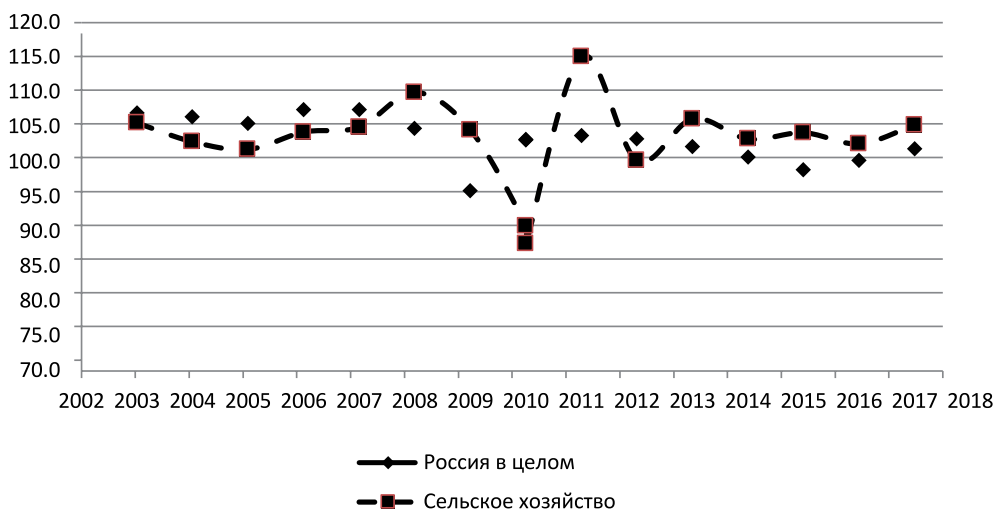
Годы	Количество приобретенных инновационных технологий и программных продуктов, ед.	Количество отгруженных инновационных товаров, продуктов и услуг, млрд руб.
2010	21267	1243,71
2011	40646	2106,74
2012	31639	2872,91
2013	33280	3507,87
2014	28705	3579,92
2015	24361	3843,43
2016	64914	4364,32
2017	79825	5109,32

При этом особый акцент уделяется работе с регионами, поскольку инвестиционная активность региона влияет на все социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации. Поэтому этот критерий должен учитываться как основополагающий при оценке работы руководителей исполнительной власти регионов. Эта принципиальная

позиция отражена и в Указах Президента и Постановлениях Правительства России по оцениванию региональной исполнительной власти.

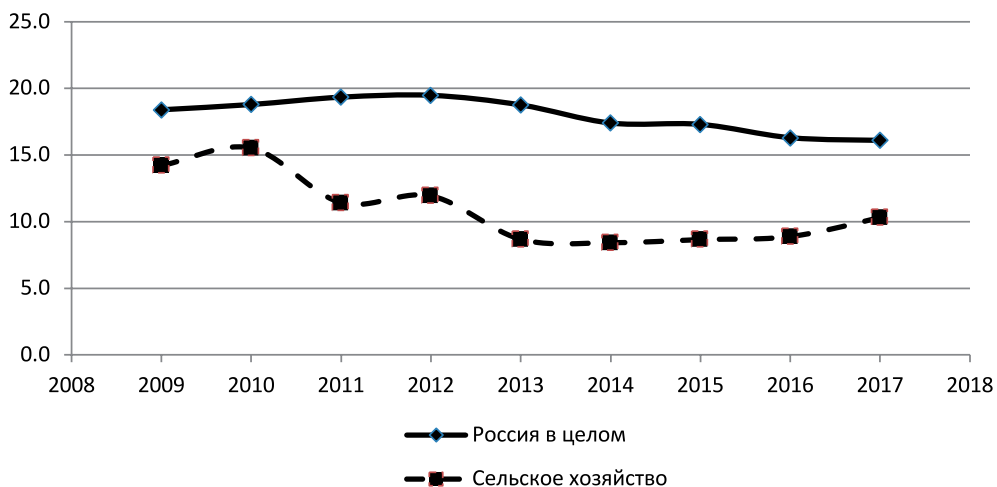
Характерной особенностью последних лет можно считать опережающее развитие аграрной отрасли в сравнении с другими отраслями экономики, что видно из рисунка 1. Начиная с 2013 года темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве значительно превышают средние показатели. В то же время график показывает, что на развитие сельского хозяйства значительное влияние оказывают внешнеэкономические факторы. Так, с 2008 по 2012 год наблюдались значительные скачки в темпах роста аграрного производства, что явилось следствием мирового экономического кризиса и связанных с этим кризисом явлений.

Рисунок 1.
Динамика роста производительности труда в экономике России и в сельском хозяйстве, %

Однако экономические санкции, введенные в 2014 году, вызвали рост потребности в отечественной продукции и соответствующий рост инвестиций в высокотехнологичное производства, что отражено на рисунке 2.

Рисунок 2. Доля инновационных инвестиций в экономике России

При общей тенденции снижения доли инновационных инвестиций в экономике страны, в сельском хозяйстве наблюдается стабильный рост этой доли, которая превышает сегодня 10%.

Исследования показывают, что темпы роста производительности труда значительно выше в аграрных регионах, где активно внедряются современные технологии. В то же время особенностью инновационного развития аграрного сектора экономики сегодня является острая нехватка кадров. Например, только несколько аграрных вузов готовят выпускников по остро востребованным сегодня информационным технологиям, ни один из этих вузов не реализует программы подготовки по роботизации производства. Как показывают расчеты, для цифрового сельского хозяйства страны необходимо подготовить не менее 90 тысяч специалистов [5].

Новые технологии в сельском хозяйстве базируются на информатизации и автоматизации производства, и это нашло отражение в указах Президента, в том числе по национальным проектам, где наряду с задачей увеличения производительности труда стоит проект цифровизации экономики. Однако сегодня существует серьезный разрыв в применении информационных технологий между отдельными отраслями, регионами и группами населения. Эти различия обусловлены рядом обстоятельств. Нами выявлено, что в регионах с наибольшей долей сельского хозяйства уровень информатизации, как правило, ниже. Этот вывод подтверждается результатами корреляционного анализа.

По сведениям Росстата в российских регионах доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте варьирует от 0,1% в Ямало-Ненецком автономном округе до 27% в Кабардино-Балкарии. В то же время, доля организаций, применяющих глобальные информационные сети, сегодня во всех регионах превышает 78%, хотя количество персональных компьютеров на 100 работников имеет значительный разброс от 5 до 99 штук.

Применение компьютерных технологий в сельскохозяйственных регионах ограничено по ряду причин. Это связано, в первую очередь, со спецификой аграрной отрасли, которая преимущественно ориентирована на традиционные технологии обработки информации.

Отчасти, отставание аграрного сектора в информатизации обусловлено уровнем развития инфраструктуры цифровых коммуникаций на селе, а также со значительно низкими доходами сельского населения страны. Наблюдается тесная корреляция уровня цифровизации с экономическим благополучием региона.

К сожалению, текущий уровень цифровизации нашего сельского хозяйства находится на начальном уровне: недостаток научно-практических знаний по инновационным технологиям, отсутствие точных прогнозов по ценам на сельхозпродукцию, а также неразвитость системы

логистики, хранения и доставки приводят к высоким издержкам производства.

Число сельскохозяйственных товаропроизводителей, обладающих финансовыми возможностями для закупки новой техники, использования оборудования и платформ информационных технологий в России незначительно. Размер затрат на информационно-компьютерные технологии (ИКТ) по разделу «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», по данным Росстата, в 2015 году составил 4 млрд руб., что составляет 0,34 процента от всех ИКТ-инвестиций во все отрасли хозяйства, в 2017 году – 0,85 млрд руб., или 0,2 процента. Это самый низкий показатель по отраслям, что свидетельствует о низкой цифровизации российского сельского хозяйства. Однако эти цифры подчеркивают, что отрасль обладает наибольшим потенциалом для инвестиций в ИКТ-технологии.

Понимая необходимость быстрых трансформаций и в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, Правительство Российской Федерации приняло государственную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], рассчитанную до 2024 года, в которой особое внимание уделено аграрному сектору экономики. Указанные в этом документе направления предполагается объединить в единую информационную сеть цифровой аграрной экономики страны, управляемую на государственном уровне [7].

Реализация программы будет способствовать развитию новой аграрной технологической политики Российской Федерации и росту в смежных отраслях. Она постепенно приведет к оптимизации использования минеральных удобрений и химических средств защиты растений, снижению воздействия на окружающую среду, развитию селекционно-семеноводческих центров и в целом к оптимизации процессов жизненного цикла сельскохозяйственной отрасли за счет цифровизации процессов.

Цифровая экономика в сельском хозяйстве позволит осуществить разработку модели роста сельского хозяйства XXI века, отражающую особенности Российской Федерации и ориентированную как на внутренний, так и на внешний рынок [8]. Это позволит нарастить рост производства основной группы продуктов, направленной как на экспортный спрос, так и на импортозамещение, и обеспечит устойчивое развитие российского сельского хозяйства.

Возможности для модернизации отрасли огромны, продовольственная безопасность страны и развитие экспортного потенциала превращают сельское хозяйство в высокотехнологичную отрасль, способную обеспечить продовольствием не только себя, но и многие страны мира, а также создать возможности для внедрения новых инновационных разработок, стимулировать принятие управленческих решений, способных обеспечить население качественными и безопасными продуктами.

По оценкам экспертов, Россия имеет значительный резерв повышения эффективности аграрного производства (примерно в 3–5 раз) и потенциал роста оборота отрасли за счет внедрения цифровых процессов и технологий в растениеводстве и животноводстве, увеличения производительности труда и полноценного использования возможностей современных цифровых платформ для управления на всех уровнях производства.

Библиографический список:

1. Акмаров П.Б. Проблемные вопросы развития информационных технологий в России / П.Б. Акмаров, О.П. Князева, Е.С. Третьякова // Труды международного симпозиума «Надежность и качество», Пенза, 2018. – Т. 1, с. 264–267.
2. *The future of agriculture*. [Elektronnyy resurs]. – Available at: <https://www.economist.com/technology-quarterly>.
3. Ушачев И. Стратегические направления устойчивого социально-экономического развития АПК России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://partiyavozrozhdeniyasela.rf/media/Rus_357.html.
4. Акмаров П.Б. Применение компьютерных технологий для обеспечения доступного и эффективного дополнительного образования в сельском хозяйстве / П.Б. Акмаров, Н.В. Горбушина, О.П. Князева, Е.С. Третьякова // Материалы национальной НПК «Совершенствование системы подготовки и дополнительного профессионального образования кадров для агропромышленного комплекса». – Рязань: РГАТУ, 2017, часть II, с. 220–223.
5. *GeoMation Farm*. – Available at: <http://www.hitachi-sk.co.jp/products/geomation/farm/index.html> in Japanese.
6. Коломейченко А.С. Информационное обеспечение процессов управления в АПК // Молодой ученый. – 2017. – №15.1. – С. 10–12.
7. Chupina I.P. The competitiveness of products as the object of a targeted strategic development of an economic entity // *Eastern European Scientific Journal*. 2016. № 1. P. 59–62.
8. Меденников В.И., Сальников С.Г. Основные направления информатизации АПК РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viapi.ru/publication/full/detail.php>.

List of References:

1. Akmarov P.B. *Problemnye voprosy razvitiya informatsionnykh tekhnologii v Rossii* / P.B. Akmarov, O.P. Knyazeva, E.S. Tretyakova // *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo»*, Penza, 2018. – T. 1, s. 264–267.
2. *The future of agriculture*. [Elektronnyy resurs]. – Available at: <https://www.economist.com/technology-quarterly>.
3. Ushachev I. *Strategicheskie napravleniya ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya APK Rossii* [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://partiyavozrozhdeniyasela.rf/media/Rus_357.html.

4. Akmarov P.B. *Primenenie komp'yuternykh tekhnologii dlya obespecheniya dostupnogo i effektivnogo dopolnitel'nogo obrazovaniya v sel'skom khozyaistve* / P.B. Akmarov, N.V. Gorbushina, O.P. Knyazeva, E.S. Tret'yakova // *Materialy natsional'noi NPK «Sovershenstvovanie sistemy podgotovki i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya kadrov dlya agropromyshlennogo kompleksa»*. – Ryazan': RGATU, 2017, chast' II, s. 220–223.
5. GeoMation Farm. – Available at: <http://www.hitachi-sk.co.jp/products/geomation/farm/index.html> in Japanese.
6. Kolomeichenko A.S. *Informatsionnoe obespechenie protsessov upravleniya v APK* // *Molodoi uchenyi*. – 2017. – №15.1. – S. 10–12.
7. Chupina I.P. *The competitiveness of products as the object of a targeted strategic development of an economic entity* // *Eastern European Scientific Journal*. 2016. № 1. P. 59–62.
8. Medennikov V.I., Sal'nikov S.G. *Osnovnye napravleniya informatizatsii APK RF. [Elektronnyi resurs]*. – *Rezhim dostupa*: <http://www.viapi.ru/publication/full/detail.php>.

Контактная информация:

Акмаров Петр Борисович, 426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11.
E-mail: izgsha_ur@mail.ru

Абрамова Ольга Викторовна, 426000, г. Ижевск,
ул. Вадима Сивкова, 130. E-mail: udmapr@yandex.ru

Князева Ольга Петровна, 426069, г. Ижевск,
ул. Студенческая, 11. E-mail: izgsha_ur@mail.ru

Развитие среднего города на основе концепта: ОТ «УМНОГО ДОМА К УМНОМУ ГОРОДУ»

Development of the medium city based on the concept: «from a smart house to a smart city»

СИЗОВ Юрий Иванович

Вице-президент ВЭО России, председатель Волгоградского регионального отделения общественной организации ВЭО России, первый Вице-президент Международного Клуба менеджеров, член Президиума, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор, в.н.с., ФГБНУ «ВНИИОЗ»

Yu.I. SIZOV

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Volgograd regional branch of the VEO of Russia, first vice-president of the International Managers Club, member of the Presidium, Academician of the International Academy of Management, Dr.Sc. Econ., Professor

МЕДВЕДЕВА Людмила Николаевна

Профессор Волжского политехнического института (филиал) ВолгГТУ, Российская Федерация, д.э.н.

Ludmila N. MEDVEDEVA

Doctor of Economics Sciences, Professor, Docent, Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) Volgograd state technical University

Аннотация:

Целью исследования является рассмотрение перспектив развития в России «умных» городов на площадке средних промышленно развитых. В рамках предлагаемого концепта от «умного дома к умному городу» обоснованы управленческие решения и технология перехода к умным городам. Предложены области применения IT-технологий в экономике, представлен алгоритм действия местных властей по развитию моделей городов будущего, ориентированных на создание благоприятной среды жизни и трудовой деятельности человека: город – труд – дом. Обоснован вариант размещения на площадке политехнического института стартапа – «Умный дом».

Abstract:

The aim of the study is to examine the prospects for the development of smart cities in Russia at the site of medium industrialized ones. Within the framework of the proposed concept from “smart home to smart city”, management decisions and technology of transition to smart cities are justified. The proposed field of application of IT technologies in the economy, presents an algorithm for the local authorities to develop models of future cities, focused on creating a favorable environment for human life and work: a city – work – home. The option of placing on the site of a polytechnic institute of a startup – “Smart Home” has been substantiated.

Ключевые слова:

Цифровая экономика, средний промышленно развитый город, «умный город», «умный дом», программа для ЭВМ, IT-технологии.

Keywords:

Digital economy, medium industrialized city, “smart city”, “smart home”, computer program, IT technologies/

Введение

Среди многочисленных моделей городов будущего наиболее перспективными представляются – «зеленые» и «умные» города, где базовым модулем для построения моделей, с концентрацией эталонных IT-технологий, являются: «умный дом», «умный квартал», «умный двор» [1,2]. Стремление человека жить в уникальной, безопасной среде с множеством разноплановых функций и ярко выраженной индивидуальностью не является чем-то новым, не исследованным, а вот процесс реализации данных предпочтений, с помощью цифровых технологий, является не только весьма неисследованным, но весьма проблематичным, требующим разработки научных основ формирования «умных городов» с учетом степени влияния факторов внутренней и внешней среды. Формирование технологии и инструментария создания «умных городов» для разных типов российских городов, является весьма затруднительным делом, поскольку связан с объективной оценкой состояния городской экономики, степенью вовлеченности предпринимательского потенциала в мирохозяйственные связи, возможностью городского бюджета обеспечить приобретение техники и технологий цифровой экономики, а также необходимостью согласования интересов и предпочтений разных социальных групп горожан [3,4]. В российской классификации городских поселений выделяется группа средних промышленно развитых городов с относительно высоким показателем валового городского продукта, с развитой промышленностью, со сложившимся специфическим менталитетом проживающих здесь людей. Данная группа городов, по уровню управления, состоянию эко-

номики и городского бюджета могла бы стать научно-исследовательской и практической площадкой для формирования разных моделей «умных городов с предсказуемым будущим».

Материалы и методы. Исследование перспектив развития «умных» городов на площадке средних промышленно развитых городских территориальных образований проводилось методами системного, монографического и патентного анализа с использованием целевого мониторинга, социологических исследований. Аналитический подход позволил выделить основные подходы в создании моделей «умных городов»; предложить к применению методику сценарного планирования на основе интуитивно-логического подхода.

Результаты и обсуждение. Терминология «умный город», «умный дом», «умный двор» имеет весьма специфическую историю появления. Так термин «Smart Cit» стал использоваться в конце 1960 годов и причиной послужило бурное развитие мощных вычислительных машин. Большинство известных моделей «умных городов» создавались проектировщиками и архитекторами по взаимному согласию с местными властями, крупными компаниями, инвесторами, и лишь отчасти учитывали пожелания самих горожан. Через определенное время стало понятно, что при формировании моделей городов будущего весьма важным является именно инструментарий построения этих моделей и предпочтения крупных компаний, производящих «умную продукцию». Одним из возможных научных подходов при обосновании модели городов – метод сценарного планирования с интуитивно-логическом подходом, позволяющий прогнозировать различные (от пессимистического до оптимистического) сценарии развития. Проблема заключалась ни в поиске методологий, а в формировании у лиц, ответственных за принимаемые решения, определенных знаний в области урбанистики, поскольку при слабой восприимчивости к поступающим сигналам о формировании новых трендов они не в полной мере смогут адекватно оценить перспективы предстоящих изменений. Одной из технологий, способствующей объективной оценке происходящих явлений длительное время был SWOT-анализ с его сильными и слабыми сторонами, возможностью и угрозами, но со временем стало понятно, что при прогнозировании развития разных сфер жизнедеятельности города необходимо применять и другие технологии, чтобы объективно сканировать горизонты экономического развития и прогнозировать пути интеграции в национальную и мировую экономику. Не упустить очевидное, уловить зарождение новых тенденций в развитии городов позволяют «временные горизонты» с детализацией «запланированного будущего» и сформированными представлениями горожан о развитии городской агломерации на 20 лет вперед. Данный подход позволит избежать конфликта интересов между различными группами эконо-

мических отношений и обеспечить диалог между разными слоями городского сообщества. Осмысление, как один из подходов в городском управлении, должно обеспечить выполнение следующих функций: формирование идентичности общества, проведение анализа накопленного опыта, оценку проявления внешних факторов с «улавливанием» слабых сигналов, социализацию общества на основе принципа достоверности информации [6]. Наиболее известными моделями «умных городов» являются: эко-город Тяньцзинь (Китай), инфраструктура которого включает множество авторских решений в области использования ВИЭ и очистки стоков; город Масдар (ОАЭ), в котором большинство процессов управления переведены на онлайн-режим, а также наличие «умного транспорта» и «умных услуг» [7]. Отдельные составляющие «умного города» успешно работают в Москве, Санкт-Петербурге [8,9]. В зарубежных научных публикациях «умный» город – это эффективная интеграция физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого развития, благополучного и всестороннего будущего для граждан. В то же время термин «умный город» продолжает оставаться достаточно невыверенным определением и имеющим множество толкований. По одному из определений «умный город» – это системы видеонаблюдения и фотовидеофиксации; интеллектуальные транспортные системы; профессиональная радиосвязь и широкополосный доступ в Интернет (LTE, 5G); Интернет вещей It; беспилотные автомобили; дополненная и виртуальная реальность; геоинформационные технологии и навигация; по-другому – «умный город» это многообразие облачных технологий с многочисленным количеством видеокамер, датчиков, сенсоров, компьютерных программ. В Волжском политехническом институте (филиал) ВолгГТУ (Волгоградская область, Россия) разработаны программы «Зеленый город» и «Система искусственного интеллекта для прогнозирования бюджета «Зеленый город» (рисунок 1).

Рисунок 1.
Программы ЭВМ
для развития
«зеленых»
и «умных»
городов

Одной из перспективных площадок для реализации модели «умных» городов может выступать группа промышленно развитых средних городов. В России выделяется группа промышленно развитых средних городов с населением более 250 тыс. чел., высокой долей промышленности в экономике города (более 70%): Магнитогорск, Нижний Тагил, Волжский, Череповец, Сургут, Дзержинск, Орск, Норильск, Старый Оскол, Нижнекамск, Новороссийск, Братск, Нижневартовск, Комсомольск-на-Амуре, Таганрог, Стерлитамак.

Анализ сводного индекса развития средних промышленно развитых городов свидетельствует, что они отстают от больших городов в развитии социальной инфраструктуры на 20%, оборудовании канализацией в 1,5–2 раза, водопроводом и теплоснабжением в 1,5–2 раза, газоснабжением в 1,1–2,5 раза. Однако в этих городах достаточно высокий уровень образованности населения, обеспеченности жильем, более высокая отдача инвестиций в малый и средний бизнес, народные ремесла [4]. Волжский – город в Волгоградской области относится к группе средних промышленно развитых городов, население – 324,4 тыс. чел. За период с 2014 по 2018 год среднемесячные денежные доходы на душу населения выросли с 14 471 руб. до 18 149 руб., то есть рост составил 25,4%. Среднемесячная заработная плата работников предприятий ежегодно увеличивается на 7–10%. Численность трудовых ресурсов составила – 210,5 тыс. чел., (64,7% от общей численности населения города). В Статистическом регистре числится 664 предприятий, относящихся к металлургической, машиностроительной, химической и энергетической отраслям. Объем отгруженной промышленной продукции в стоимостном выражении за 2014–2018 годы вырос в 1,3 раза. Промышленность в долгосрочной перспективе останется основным сектором экономики города, а «Стратегия – 2030» будет ориентирована на развитие человеческого капитала [4, 6]. На экспертном уровне принято выделять несколько поколений «умных городов» (таблица).

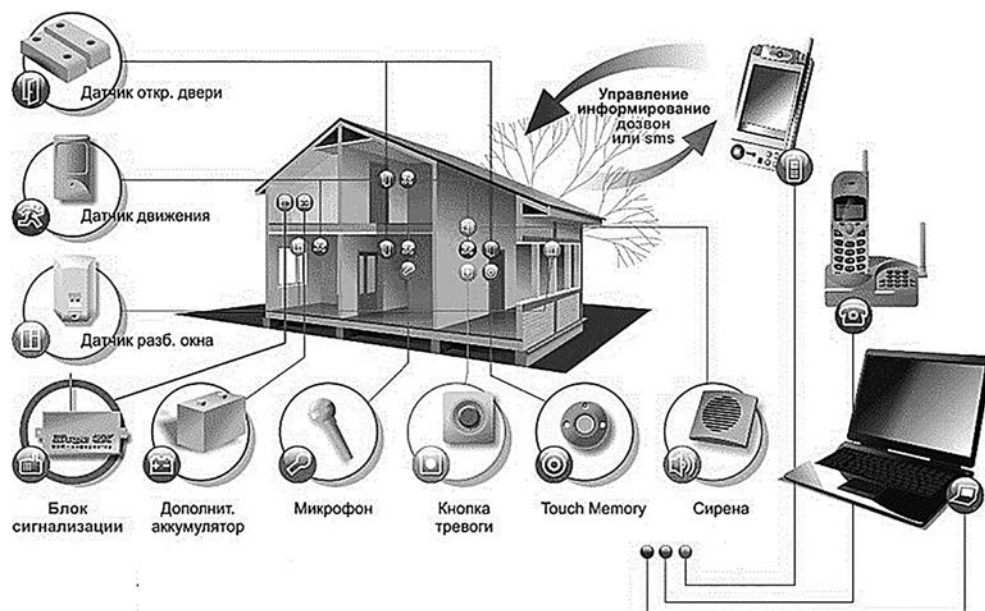
Таблица. Трансформация моделей «умных городов»

SMART CITY 1.0	SMART CITY 2.0	SMART CITY 3.0
В целях обеспечения управляемости городом применение изолированных ИТ-технологий, развитие полуавтоматической инфраструктуры города. Инициаторы – корпорации	Применение технологий: умный транспорт, образование, экология, здравоохранение. Основу составляет Интернет вещей, 3G/4G. Приоритет – решения местной власти	Цифровая трансформация экономики, формирование инфраструктуры, сквозные технологии. Единая экосистема делает горожан активными участниками развития «умного города»

Для города Волжского модель «SMART CITY 2.0» будет наиболее актуальной [5]. Одним из элементов развития «умного города» является – «умный дом» (англ. smart home), который может разместиться в отдельном доме или в отдельно взятой квартире (рисунок 2). Исследования показывают, что «умный дом» повышает эффективность работы инженерных систем, снижает потребление энергоресурсов. Система «умный дом» не лишена недостатков, в числе которых: высокая стоимость оборудования, значительный срок окупаемости, уязвимость к кибератакам. Главная проблема «Smart Home» в России – отсутствие универсального стандарта, который подходил бы ко всем устройствам, используемым в «умном доме». В Волжском политехническом институте (филиал) ВолгГТУ (Волгоградская область) ведется работа по созданию площадки «Умный дом» для проведения молодежных научных исследований по применению «умных технологий».

Итоги и выводы. Появление умной экономики вывело на новый уровень дискуссию о среде обитания человека. Четвертая волна промышленной революции (industry 4.0) нацелена на широкое применение автоматизации и роботизации, расширение спроса на конвергентные рабочие места и специалистов, обладающих новыми компетенциями. Многие города неуклонно стремятся сделать информационные и коммуникационные технологии доступными как для специалистов, так и для простых горожан.

Рисунок 2.
Основные модули
системы «умный
дом»

Разработанная Минстроем России концепция «Умный город» с учетом сформулированных целей, может быть использована на площадке средних промышленно развитых городов России.

Библиографический список:

1. Комарова О.П. Концепт-стратегия «зеленых городов» на базе промышленно развитых средних (монография) / О.П. Комарова, Л.Н. Медведева, К.Ю. Козенко, // ФГБНУ ВНИИОЗ. – Волгоград: Издательство ООО «Крутон». – 2015. – 256 с.
2. Melikhov V.V. Green Technologies: The Basis for Integration and Clustering of Subjects at the Regional Level of Economy // L.N. Medvedeva, V.V. Melikhov A.A. Novikov, O.P. Komarova // Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Издательство: Спрингер, 2017. С. pp. 365–382.
3. Старовойтов М.К. Инновационная политика как фактор ускоренного развития социально-экономической сферы среднего города / Л.Н. Медведева, М.К. Старовойтов, Е.В. Гончарова // Экономическое возрождение России. – 2011. – № 1 (27). – С. 60–72.
4. Медведева Л.Н. Управление средними городами в урбанизированную эпоху (методология и практика) / Л.Н. Медведева // ВПИ (филиал) ВолгГТУ. – Волгоград: Издательство ВолгГТУ, 2011. – 222 с.
5. Индикаторы умных городов НИИТС – 2017 // НИИТС [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf>.
6. Рогачев А.Ф. Экономико-математическое моделирование управления развитием средних и моногородов с использованием когнитивных карт / А.Ф. Рогачев, А.В. Шохнех, Л.Н. Медведева // Аудит и финансовый анализ Издательство: ООО Издательство "ДСМ Пресс" (Москва). 2017. – № 2. С. 122–124.
7. Николаев В.П. Умные города – будущее сегодня // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.jetinfo.ru/stati/umnye-goroda-budushee-segodnya>.
8. «Смарт Сити» как новый драйвер развития российских городов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/1011696/> (дата обращения 11.02.2017).
9. Умный дом в России <https://avtonomny-dom.ru/?p=1302> (дата обращения 04.04.2019).

List of References:

1. Komarova O.P. Kontsept-strategiya «zelenykh gorodov» na baze promyshlennno razvitykh srednikh (monografiya) / O.P. Komarova, L.N. Medvedeva, K. Yu. Kozenko, // FGBNU VNIIOZ. – Volgograd: Izdatel'stvo ООО «Kruton», – 2015. – 256 s.
2. Melikhov V.V. Green Technologies: The Basis for Integration and Clustering of Subjects at the Regional Level of Economy // L.N. Medvedeva, V.V. Melikhov A.A. Novikov, O.P. Komarova // Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Издательство: Спрингер, 2017. С. pp. 365–382.
3. Starovoitov M.K. Innovatsionnaya politika kak faktor uskorenogo razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi sfery srednego goroda / L.N. Medvedeva, M.K. Starovoitov, E.V. Goncharova // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. – 2011. – № 1 (27). – S. 60–72.

4. Medvedeva L.N. *Upravlenie srednimi gorodami v urbanizirovannuyu epokhu (metodologiya i praktika)* / L.N. Medvedeva // VPI (filial) VolgGTU. – Volgograd: Izdatel'stvo VolgGTU, 2011. – 222 s.
5. *Indikatory umnykh gorodov NIITS – 2017* // NIITS [Elektronnyi resurs]. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf>
6. Rogachev A.F. *Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie upravleniya razvitiem srednikh i monogorodov s ispol'zovaniem kognitivnykh kart* / A.F. Rogachev, A.V. Shokhnekh, L.N. Medvedeva // *Audit i finansovyi analiz* Izdatel'stvo: OOO Izdatel'stvo "DSM Press" (Moskva). 2017. – № 2. S.122–124.
7. Nikolaev V.P. *Umnye goroda – budushchee segodnya* // Elektronnyi resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.jetinfo.ru/stati/umnye-goroda-budushee-segodnya>.
8. «Smart Siti» kak novyi draiver razvitiya rossiiskikh gorodov. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.myshared.ru/slide/1011696/> (data obrashcheniya 11.02.2017)
9. *Umnyi dom v Rossii* <https://avtonomny-dom.ru/?p=1302> (data obrashcheniya 04.04.2019).

Инвестиционная активность российских компаний: тренды и драйверы

Russian companies' investment activity: trends and drivers

ИВАНОВ Виктор Владимирович

Заведующий кафедрой теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор

Viktor V. IVANOV

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Credit Theory and Financial Management, Saint Petersburg State University

Аннотация:

В статье рассматриваются тренды и драйверы обеспечения роста инвестиционной активности российских компаний. Показана значительная их дифференциация как по отраслям, видам экономической деятельности, так и по субъектам РФ. Проведен анализ факторов, сдерживающих инвестиционную активность компаний. Предложены механизмы, инструменты, направленные на рост инвестиций в основной капитал компаний. Главное внимание уделено мерам, направленным на увеличение потребительского спроса, мерам по созданию в финансовой сфере «длинных» и «дешевых» денег для бизнеса, мерам по легализации доходов, увеличения налоговых поступлений в бюджеты.

Abstract:

The article deals with the trends and drivers of Russian companies' investment activity growth. The considerable differentiation on branches, types of economic activity as well as on subjects of the Russian Federation is shown. The factors constraining the companies' investment activity are analyzed by the author. Alongside, the mechanisms and tools aimed at the growth of companies' investments in fixed capital are proposed in the article. The article emphasizes concrete measures aimed at the consumer demand growth, capacity-building "long" and "cheap" money for business, the budgets tax revenues increase and the ways to legalize "grey" incomes.

Ключевые слова: Инвестиционная активность, налоговое стимулирование, инвестиции в основной капитал, экономический рост.

Keywords: Investment activity, tax incentives, investments in fixed capital, economic growth.

Инвестиционная активность хозяйствующих субъектов выступает важнейшим фактором экономического роста. Современное состояние российской экономики, которое характеризуется быстрыми изменениями бизнес-климата, актуализирует внимание к проблемам активизации инвестиционных процессов.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 В.В. Путин сформулировал следующим образом главную задачу на предстоящие шесть лет: «К середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в 1,5 раза». Для выполнения столь масштабной задачи объемы инвестиций с 21,4% ВВП в 2018 г. должны увеличиться «уже в 2020 г. на 6–7 процентов» [1].

Падение объемов инвестиций в основной капитал началось с 2013 г. и продолжалось до 2017 г. Определенный рост объемов инвестиций в основной капитал наметился в 2017 г. и продолжался в 2018 г. (он составил соответственно 4,4% и 4,1%) [2]. Следует иметь в виду, что, несмотря на падение объемов инвестиций по национальной экономике в целом, по отдельным видам экономической деятельности на протяжении указанного периода наблюдался достаточно стабильный рост инвестиций в основной капитал. Прежде всего, речь идет о сфере, связанной с добычей полезных ископаемых.

Наибольшие масштабы снижения инвестиционной активности имели место в сфере обрабатывающих производств. Однако и в этой сфере по отдельным видам экономической деятельности сохранялись достаточно высокие темпы роста инвестиций. В частности, это относится к производству химических веществ и продуктов, металлургическому производству и ряду других видов деятельности (см. таблицу).

Инвестиционная активность весьма дифференцирована не только по отдельным видам деятельности, но и по отдельным субъектам РФ. В каждом федеральном округе имеются субъекты РФ, в которых наблюдается как рост, так и снижение объемов инвестиций в основной капитал. Так, например, в 2017 г. наиболее высокие темпы роста инвестиций показали такие субъекты РФ, как Ульяновская и Ленинградская области (рост составил соответственно 26,7% и 26,0% по отношению к 2016 г.). А значительный спад по отношению к 2016 г. имел место в ряде республик РФ, в частности, в республике Коми (63,1%), и даже в Санкт-Петербурге (94,3%) [5].

Таблица. Структура инвестиций в основной капитал и рентабельность по отдельным видам экономической деятельности (в фактически действовавших ценах)

Виды деятельности по ОКВЭД-2	Инвестиции в основные средства в млрд руб.			Рентабельность проданных товаров / рентабельность активов в %		
	2014	2017	2018	2014	2017	2018
Всего	13902,6	16027,3	17595,0	8,6/3,9	7,5/5,3	12,3/6,4
Сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	524,3	705,5	777,0	-/-	17,3/6,4	20,2/7,1
в %% к итогу	3,8	4,4	4,4			
Добыча полезных ископаемых	2144,8	3023,2	3196,6	22,2/14,6	25,9/14,0	33,6/17,3
в %% к итогу	15,4	19,0	18,2			
Из них:						
Добыча сырой нефти и природного газа	1494,9	1807,1	1851,7	20,7/15,6	25,2/11,1	35,3/20,4
в %% к итогу	10,7	11,3	10,5			
Обрабатывающие производства	2080,9	2296,5	2684,9	10,7/2,3	11,5/5,5	12,8/6,0
в %% к итогу	15,0	14,3	14,7			
Из них:						
производство машин и оборудования	77,2	65,7	62,5	6,8/1,3	7,4/5,2	4,8/-*
в %% к итогу	0,6	0,4	0,3			
производство химических веществ и продуктов	226,0	428,8	498,6	22,4/0,6	19,8/8,6	26,5/6,1
в %% к итогу	1,6	2,6	2,8			
металлургическое производство	205,1	285,7	310,1	18,7/4,8	20,7/12,5	26,0/13,3
в %% к итогу	1,5	1,8	1,8			
производство кокса и нефтепродуктов	486,6	447,1	443,6	8,7/2,3	10,9/4,7	9,0/4,5
в %% к итогу	3,5	2,8	2,5			

Источник: [3, 4].

*По данному показателю в источнике сведения отсутствуют.

В I квартале 2019 г. лишь в Центральном и Сибирском округах Росстатом был зафиксирован рост инвестиций в основной капитал. Наиболее значительное снижение объемов инвестиций оказалось в Южном федеральном округе – объемы инвестиций составили лишь 79,7% от уровня I квартала 2018 г. [6].

Среди факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность, по данным Росстата наиболее значимыми являются «недостаточность собственных средств», «неопределенность экономической ситуации»,

«высокие проценты по кредиту» и «недостаточный спрос на продукцию» [7].

Указанные выше факторы взаимосвязаны и влияют друг на друга. Прежде всего это касается фактора «неопределенности экономической ситуации» в стране. Здесь следует выделить внешние и внутренние обстоятельства, обуславливающие эту неопределенность. Внешние обстоятельства, прежде всего, связаны с санкциями со стороны США, Евросоюза и ряда других стран по различным направлениям экспортно-импортной и финансовой деятельности. Представляется, что рассчитывать на существенное снижение экономического давления со стороны указанных стран в ближайшие годы вряд ли придется. Сложившуюся ситуацию с санкциями следует рассматривать как «новую реальность» во взаимоотношениях с внешним миром.

Внутренние обстоятельства, как правило, связывают с проведением структурных реформ, направленных на «улучшение делового климата и качества национальной юрисдикции», «снятие инфраструктурных ограничений» [1] и на обеспечение «доступности» кредитов. О необходимости проведения структурных реформ высказываются представители и законодательной, и исполнительной власти, и представители Администрации Президента РФ, и, безусловно, представители бизнеса, научного сообщества. Но задача эта решается крайне медленно. До сих пор имеют место и дезорганизованность, и коррупционность государственного аппарата, и произвол местных властей, и диктат бюрократических чиновников, выражающийся не только в усложнении процедур согласований при принятии разнообразных решений по реализации отдельных проектов, но и в частых изменениях нормативных актов, регулирующих инновационную деятельность в стране.

Поскольку необходимость проведения структурной реформы признается на всех уровнях власти, важно принять Программу конкретных мероприятий по осуществлению данной реформы. Тезис об отсутствии в стране «структурных реформ» часто используется в качестве главного аргумента в обосновании причин нецелесообразности применения отдельных инструментов экономического роста. В частности, по мнению Председателя Банка России, «основное, что нужно для того, чтобы экономика начала расти, — это кардинальное улучшение инвестиционного климата. Нельзя здесь заниматься смещением фокуса экономической политики, отвлечением внимания на не первостепенные факторы» [8]. К не первостепенным факторам Э. Набиуллина, видимо, относит и «удешевление» кредитных ресурсов, что, по ее мнению, будет «маскировать структурные проблемы» и приведет к макроэкономической нестабильности [8]. Позиция Банка России в отношении проблемы кредитования реального сектора экономики состоит прежде всего в том, чтобы «делать корпоративное кредитование более привлекательным для банков» [8]. При таком подходе к кредитованию

интересы реального сектора национальной экономики Банком России серьезно не воспринимаются. Собственно, это подтверждают и данные о структуре инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. Доля отечественных банков в кредитовании инвестиций в основной капитал в 2018 г. составила лишь 6,2%, в 2017 г. – 5,8% при том, что доли кредитов иностранных банков на указанные цели даже в условиях санкций составили соответственно 4,6% и 5,4% [9].

Вряд ли данную ситуацию можно считать приемлемой, даже учитывая «нерешенность структурных проблем». Для роста экономики нужны доступные кредиты. А денежно-кредитная политика должна учитывать задачи необходимости роста экономики.

Об этом говорилось и в Бюджетном Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2012 году: «Нам нужны “дешевые“ и “длинные“ деньги для кредитования экономики. Я прошу Правительство и Центробанк подумать над механизмами решения таких задач ... известно, что в ФРС Соединенных Штатов, в Евроцентробанке, в других некоторых центральных банках прямо в уставах записана обязанность этих структур думать о рабочих местах и обеспечении темпа роста экономики» [10].

Механизмы формирования «дешевых и длинных» денег применительно к современной модели функционирования российской экономики достаточно широко обсуждаются в научно-экспертном сообществе и предлагаются конкретные инструменты их реализации. В частности, заслуживает внимания предложение об использовании счетов эскроу и целевой проектной эмиссии для софинансирования отдельных инвестиционных проектов [11]. Использование счетов эскроу позволяет Банку России сохранять право собственности на эмиссионные деньги, с одной стороны, и, с другой стороны, предоставляет возможность коммерческим банкам осуществлять инвестиционное кредитование в пределах сумм на счетах эскроу. Эмиссионное проектное финансирование в данном случае не касается финансирования оплаты труда и импорта. Указанные затраты инвестиционных проектов финансируются инвестором самостоятельно за счет собственных средств и заимствований на общих основаниях. В указанном механизме целевой проектной эмиссии исключаются риски инфляции и валютного давления на рубль.

Основным источником финансирования инвестиций в основной капитал в последние годы являются собственные средства организаций. В 2018 г. они составили 54,3% от общего объема инвестиций [9]. В сложившейся ситуации активно заниматься инвестиционной деятельностью могут, прежде всего, высокорентабельные предприятия и организации, о чем свидетельствуют и данные, приведенные в таблице. Падение объемов инвестиций наблюдается в сферах с низким уровнем рентабельности проданных товаров. Причины низкой рентабельности предприятий разнообразны. Среди них следует выделить не только

неудовлетворительный менеджмент на этих предприятиях, но и такие факторы, как снижение покупательного спроса на продукцию в связи с продолжающимся уменьшением реально располагаемых доходов населения. В первом квартале 2019 г. реальные доходы населения сократились на 2,2% [12]. В 2017 г. лишь в 14 субъектах РФ медианная заработная плата превышала 30 тыс. руб. в месяц, а в 14 субъектах она была меньше 17,3 тыс. руб. [13]. В условиях высокой дифференциации доходов населения к числу первоочередных задач, от решения которых зависит и инвестиционная активность организаций, следует отнести и задачу повышения уровня реальных доходов низкооплачиваемых категорий работников. Для решения указанной проблемы необходимо, прежде всего, установить минимальный размер почасовой оплаты труда исходя из прожиточного минимума, а также установить нулевую ставку налога на доходы физических лиц с доходами ниже прожиточного минимума или введение налогового вычета в размере прожиточного минимума.

Одним из приоритетных направлений повышения инвестиционной активности предприятий в литературе часто рассматривается снижение налоговой нагрузки на бизнес (см., например [14]). При анализе влияния налоговой нагрузки на бизнес важно учитывать ее дифференциацию по видам экономической деятельности.

Наибольшая среднеотраслевая налоговая нагрузка с учетом нагрузки по страховым взносам в 2018 г. наблюдалась в сфере добычи полезных ископаемых – 43,5% [15], а рентабельность проданных товаров в 2018 г. была 33,6% (таблица). Налоговое же бремя в сфере производства машин и оборудования равнялось 8,6%, а в целом в сфере обрабатывающих производств – 7,1% [15], т.е. в 6 раз меньше, чем в сфере добычи полезных ископаемых. При этом и рентабельность в этой сфере была также ниже, чем в сфере добычи полезных ископаемых (см. таблицу).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что среди факторов, влияющих на показатели рентабельности, налоговое бремя не является определяющим.

Отдельного рассмотрения требует нагрузка по страховым взносам, которые работодатели перечисляют во внебюджетные фонды. Для многих видов деятельности эта нагрузка является весьма существенной. Высокие ставки страховых взносов во внебюджетные фонды, по мнению Министра финансов РФ А. Силуанова, являются одной из основных причин наличия масштабного «теневое» сектора в российской экономике [16].

На наш взгляд, снижение ставок страховых взносов во внебюджетные фонды необходимо осуществить как можно быстрее, ориентируясь при этом на средние ставки по странам, входящим в ОЭСР. Однако это вряд ли позволит кардинально решить в Российской Федерации проблему снижения уровня теневой экономики до средних показате-

лей теневой экономики в странах ОЭСР. Наряду со снижением ставок страховых взносов важно создать условия, при которых «обналичка» финансовых ресурсов предприятий будет им экономически невыгодной.

По нашему мнению, было бы целесообразным для организаций, у которых рентабельность проданных товаров ниже средней по данному виду деятельности, налог на прибыль заменить налогом на потребленные ресурсы. К ним следует отнести расходы, включаемые в себестоимость произведенной продукции, работ, услуг, коммерческие, управленческие расходы и прочие расходы, учитываемые при исчислении прибыли, за исключением расходов на оплату труда, страховых взносов и иных платежей в бюджеты, а также начисленной амортизации.

Уменьшение ставок по страховым взносам во внебюджетные фонды, а также установление нулевой ставки НДСЛ низкооплачиваемым категориям населения потребует поиска дополнительных источников пополнения бюджетов внебюджетных фондов и региональных бюджетов. При решении этой проблемы представляется целесообразным использовать зарубежный опыт относительно налогообложения финансово состоятельных домашних хозяйств. Речь идет не только о введении прогрессивного налога на доходы физических лиц, но и о введении налога на дарение и наследство, а также пересмотра налогообложения операций с финансовыми инструментами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-010-00198.

Библиографический список:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 20.02.2019. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения 12.07.2019).
2. ВВП России по годам: 1991–2018. URL: <http://global-finances.ru> (дата обращения 12.07.2019).
3. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по видам экономической деятельности (в фактически действовавших ценах). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/tab_inv-OKVED.htm (дата обращения 12.07.2019).
4. Рентабельность по видам экономической деятельности. URL: http://taxslov.ru/15/n15_25.htm (дата обращения 12.07.2019).
5. Инвестиции в основной капитал по субъектам РФ в 2017 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136971099875 (дата обращения 12.07.2019).
6. Инвестиции в основной капитал по субъектам РФ в 1 квартале 2019 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения 12.07.2019).

7. Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность в РФ. URL: <https://nangs.org/analytics/rosstat-investitsii-v-rossii-s-prilozheniyami-onlajn-pdf-rar> (дата обращения 12.07.2019).
8. Выступление Набиулиной на Международном финансовом конгрессе. URL: https://fomag.ru/news-streem/vystuplenie_nabiullinoy_na_mezhdunarodnom_finansovom_kongresse/ (дата обращения 12.07.2019).
9. Инвестиции в основной капитал в РФ по источникам финансирования (в фактически действовавших ценах). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения 12.07.2019).
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (дата обращения 12.07.2019).
11. Галушка В.С., Ниязметов А.К. Использование счетов эскроу и целевой проектной эмиссии как неинфляционный способ финансирования инвестиционных проектов//Финансы. 2019. № 3. С. 23–31.
12. Кудрин раскритиковал прогноз Минэка о росте реальных доходов россиян. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/07/2019/5d25b9499a79476efb19ed16> (дата обращения 12.07.2019).
13. Медианная зарплата по субъектам РФ. URL: <https://russia.duck.consulting/maps/105> (дата обращения 12.07.2019).
14. Соколов М.М. Об уровне налоговой нагрузки в экономике России и о возможностях по ее снижению без сокращения налоговых поступлений//Экономика промышленности. 2018. Т. 11. № 1. С. 52–62.
15. Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности в 2018 году. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/292554a3f3fdbfea8c97e192756bd25f06f524ff/ (дата обращения 12.07.2019).
16. Выступление Министра финансов Антона Силуанова на экспертной дискуссии «Налоговая система России – обзор будущего» в рамках Гайдаровского форума в 2018 г. URL: https://special.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=34988&area_id=4&page_id=2192&porup=Y (дата обращения 12.07.2019).

Контактная информация:

Иванов Виктор Владимирович
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62

Contact information:

Viktor Vladimirovich Ivanov
62, Chaykovskogo str., Saint Petersburg, 191123, Russian Federation
e-mail: zlivv@mail.ru.

Организаторы МАЭФ–2019

Вольное
экономическое
общество России

Российская академия
наук

Международный
Союз экономистов

**ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ**

Вольное экономическое общество России

Вольное экономическое общество России (ВЭО России) с 1765 года, став первым институтом гражданского общества страны и, установив самые высокие стандарты работы, руководствуется принципами деятельности на благо России, пользу обществу.

Императорское ВЭО основано указом Екатерины II, которая даровала ему девиз и герб, существующий до сих пор: «Пчелы, в улей мед приносящие с надписью: „Полезное“».

Просвещение, научный прогресс, развитие экономики ради благосостояния народа и объединение для этого лучших умов страны — наши главные цели уже более двух с половиной веков.

ВЭО России сегодня:

- **65** региональных организаций;
- более **300 000** членов: экономистов-практиков, ученых и экспертов, представителей государственной власти, делового сообщества, общественных деятелей;
- **за 30 лет** новейшей истории ВЭО России опубликовано **11 000 000** экземпляров информационно-аналитических, научных и просветительских изданий, которые распространяются на бесплатной основе;
- Вольное экономическое общество России, его региональные организации ежегодно проводят более **900** разноформатных мероприятий, направленных на содействие экономическому и социальному прогрессу страны;
- в молодежных проектах ВЭО России ежегодно принимают участие более **3000** человек из всех регионов России;

**Основные
направления
деятельности
ВЭО России:**

■ в Общероссийской образовательной акции «Всероссийский экономический диктант» приняло участие около 100 тысяч человек из 83 регионов Российской Федерации.

■ ПРОГРАММА «ВСЕРОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ»: Всероссийское экономическое собрание, посвященное профессиональному празднику «День экономиста»; Общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года»; Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант»; Всероссийский конкурс экономической журналистики; Общественная премия «Экономическая книга года».

■ ПРОГРАММА «ЭКСПЕРТНАЯ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»: Всероссийские и региональные конференции, форумы, конгрессы, семинары; Научный форум ВЭО России «Абалкинские чтения»; экспертные сессии Координационного клуба ВЭО России, Совет экспертов ВЭО России и «Российской газеты».

■ ПРОГРАММА «РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ»: Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России», Фестиваль экономической науки, Публичные лекции ВЭО России.

■ ПРОГРАММА «ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»:

- «Научные труды Вольного экономического общества России», которые включены в перечень ведущих научных журналов и изданий;
- журнал «Вольная экономика»;
- научно-популярное издание «Беседы об экономике»;
- приложение «Экономика» к «Российской газете»;
- цифровая и публичная библиотека ВЭО России;
- телевизионный проект ВЭО России: цикл телепередач Дом «Э» на Общественном телевидении России (ОТР);
- таргетированная программа в соцмедиа и др.

■ ПРОГРАММА «НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ».

■ ПРОГРАММА «МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА»: Международный комитет ВЭО России, совместные проекты с Международным Союзом экономистов.

■ ПРОГРАММА «РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ВЭО РОССИИ, УКРЕПЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВЭО РОССИИ».

ВЭО России консолидирует усилия, чтобы содействовать решению актуальных экономических проблем, сотрудничает с государственными

и общественными институтами, научными центрами, вузами, другими организациями.

На мероприятиях в Вольном экономическом обществе России можно встретить сторонников разных взглядов и приверженцев разных концепций экономического развития страны. ВЭО России – авторитетная экспертная площадка, где каждый специалист может высказать свою точку зрения и обсудить ее с коллегами. Гарантом конструктивного диалога выступает многолетний опыт Общества по аккумулярованию и анализу различных мнений, позиций и взглядов, программ и предложений.

ВЭО России открыто для всех, кто разделяет наши цели и готов к интеллектуальному сотрудничеству с прогрессивными силами, нацеленными на опережающее развитие Российской Федерации.

Российская Академия Наук

Российская академия наук

Академия наук была учреждена по распоряжению императора Петра I Именным Указом Сената 28 января (8 февраля) 1724 г. По замыслу Петра отечественная Академия наук не должна была повторять ни одну из западноевропейских академий. Замысел Петра состоял в том, чтобы реализовать непрерывный процесс получения знаний и образования, путем создания триады «Академия – Университет – Гимназия». Гимназия должна была быть подготовительной школой, в которой обучали бы «первым фундаментам наук» и готовили юношество к поступлению в Университет. Основной функцией и Гимназии, и Университета являлась подготовка национальных научных кадров, в том числе и для самой Академии.

Изначально было установлено, что Академия является государственным учреждением: ее члены, получая жалование, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства.

Ученые не были связаны какой-нибудь господствующей догмой, пользовались свободой научного творчества. Практически неограниченными были возможности публиковать научные труды. Органом коллективного обсуждения и оценки результатов исследований стала Академическая Конференция.

Наиболее точно задачи Академии, которые не потеряли своего значения и в наше время, были сформулированы в Уставе Академии 1803 г., утвержденном Александром I: *«Все просвещенные народы в разные времена испытали, колико споспешествует успехам наук соединение многих ученых, одушевляемых единою ревностью к усовершенствованию оных. Учрежденные в их недрах и покровительствуемые их государями и Академии и ученые общества, обратив деятельность членов своих к единой цели, предпринимали и совершили важные дела,*

и обогатили науки открытиями, которые без того счастливого соединения ревности и знания, может быть, не возвратно бы погибли для рода человеческого...

Главнейшие обязанности Академии следуют из самой цели ее назначения, общей со всеми академиями и учеными обществами: расширять пределы знаний человеческих, усовершенствовать науки, обогащать их новыми открытиями, распространять просвещение, направлять, колико возможно, познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений; ее в кратких словах книга ее обязанностей.

К обязанностям, общим ей с другими академиями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств — сих источников богатства и силы государств».

На протяжении почти трех столетий существования Академии наук менялись ее статус и структура. Но основной целью ее деятельности были и остаются организация и проведение фундаментальных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития Природы, Человека и Общества, способствующих социальному, технологическому, экономическому и духовному развитию России, обеспечению обороны и безопасности.

В настоящее время Российская академия наук (РАН) является государственной академией наук, отвечающей за разработку и реализацию программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации, осуществляющей научно-методическое руководство научными организациями и университетами, обеспечивающей экспертное сопровождение органов государственной власти, развитие международного научно-технического сотрудничества, популяризацию науки.

С момента основания Императорского Вольного Экономического Общества (а это было более 250 лет назад) его деятельность была теснейшим образом связана с Императорской Академией Наук. Около половины основателей ИВЭО были членами академии, первым президентом Вольного экономического общества был избран сенатор, статс-секретарь Екатерины II, член академии наук Адам Олсуфьев. Один из величайших ученых России Михаил Ломоносов был автором самой идеи создания ВЭО. Работать в Обществе почитали за честь многие выдающиеся умы России. И в новейшей истории инициаторами возрождения Общества стали ведущие академики-экономисты.

Таким образом, на протяжении и дореволюционного периода, и современной истории Академия наук и ВЭО дополняли друг друга. Академические идеи, переложенные на почву общественного знания и общественного обсуждения, служили благу экономики Отечества.

Международный Союз экономистов

*К экономическому и социальному прогрессу —
через диалог и сотрудничество*

Международный Союз экономистов (МСЭ) — международная независимая неправительственная общественная организация — основан в 1991 году в целях содействия мировому экономическому и социальному прогрессу. В настоящее время объединяет представителей из 48 стран мира — это национальные и региональные союзы и ассоциации экономистов, выдающиеся экономисты — ученые и практики, государственные и общественные деятели, представители делового сообщества.

Международный Союз экономистов имеет генеральный консультативный статус экономического и социального совета организации объединенных наций (ЭКОСОС) с 1999 года; ассоциирован с департаментом общественной информации ООН.

Основные цели и задачи МСЭ:

- содействие экономическим реформам;
- участие в разработке и реализации национальных и международных проектов и программ, направленных на ускорение экономического роста и стабилизацию экономического положения в странах, на развитие интеграционных процессов в различных регионах мира;
- обеспечение широкого международного обмена информацией в различных областях экономики, науки в целом;

- создание условий для обмена идеями, опытом, знаниями в организации и управлении;
- расширение сотрудничества с национальными и международными организациями, союзами, ассоциациями в сфере социально-экономической и научно-технической мысли;
- поиск и внедрение новых форм международного сотрудничества.

Основные цели и задачи МСЭ:

МСЭ основано в 1991 году. В Санданске, Болгария, по инициативе Все-союзного экономического общества (ВЭО – советского предшественника Императорского ВЭО и современного ВЭО России) собрались экономисты, общественные деятели, предприниматели из нескольких стран на Учредительный съезд Международного Союза экономистов. С самого начала члены нового Союза понимали, что, какими бы ни были политические процессы, необходимо общение экономистов не на идеологической основе, а на сугубо профессиональной, максимально свободной от идеологем.

Сейчас, 27 лет спустя, мы видим, насколько верным было это решение, которое отчасти и помогло сохранить, конечно, во много раз урезанном виде, экономические связи бывших ближайших союзников. В то переходное время Организация Объединенных Наций и другие авторитетные международные структуры поддерживали и содействовали созданию общественных объединений с участием стран с меняющейся экономикой.

Как говорят создатели Союза, они стремились объединить интеллектуальные силы профессионалов разных стран, вовлечь в экспертный диалог по важнейшим проблемам ученых, политиков, деловых людей и представителей общественности, заинтересованных в снижении социальных издержек современного экономического мироустройства.

Международный Союз экономистов быстро набрал вес, с 1995 года – ассоциирован с Департаментом общественной информации секции неправительственных организаций ООН; с 1999 года – имеет Генеральный консультативный статус Экономического и социального совета ООН (ЭКСОС ООН).

В рамках МСЭ были созданы и эффективно работают научно-исследовательские, образовательные, консультационные структуры. Союз объединяет экономистов-ученых, практиков, общественных деятелей, финансистов и предпринимателей из 48 стран мира, имеет официальные представительства в 21 государстве.

Союз экономистов стремится:

- консолидировать вокруг МСЭ ответственных профессионалов;
- создать форум для обмена мнениями по важнейшим вопросам мировой экономики;
- содействовать формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;

- способствовать формированию культуры глобального мышления;
- содействовать формированию идеологии партнерства и ответственности;
- содействовать просвещению мирового сообщества в сфере глобальных тенденций экономического развития цивилизации;
- влиять на формирование политики посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

За 27 лет МСЭ удалось найти такие оптимальные и эффективные экспертные форматы, которые позволили Союзу стать открытой и независимой интеллектуальной площадкой для экономистов различных стран.

Сегодня на экономической карте наблюдаются фундаментальные изменения. В этих условиях очень важно своевременно предложить мировому сообществу новые формы делового и творческого сотрудничества.

Инициаторами преодоления привычных стереотипов в политике и экономике в XXI веке будут выступать прежде всего общественные организации, и ООН избрала приоритетный курс на кардинальное расширение сфер взаимодействия с национальными и международными неправительственными организациями, которые играют в современном мире огромную роль в стимулировании правительств к разработке новых стратегий развития.

Генеральный консультативный статус в ЭКОСОС позволяет МСЭ с трибуны ООН и других международных авторитетных организаций предлагать рекомендации в решении актуальных проблем современности.

Членами Международного Союза экономистов могут быть юридические лица, организации, экономисты и другие специалисты, подавшие письменные заявления о приеме в члены МСЭ, разделяющие цели МСЭ, соблюдающие Устав МСЭ и заинтересованные в участии в проводимых Союзом мероприятиях.

Подробная информация о МСЭ на официальном сайте – www.iuecon.org

Информация об издании

Подписка на печатные издания ВЭО России

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн подписки podpiska.pochta.ru

**Подписной индекс
в официальном
каталоге Почты
России – ПР999**

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

В Научных трудах ВЭО России публикуются материалы круглых столов и конференций ВЭО России, статьи ведущих ученых и специалистов по актуальным проблемам экономики.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veogus.ru

**Подписной индекс
в официальном
каталоге Почты
России – ПА008**

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

Научные труды Вольного экономического общества России

Transactions of the free economic society of Russia

**Главный редактор
Научных трудов
ВЭО России**
**Editor-in-Chief
of Transactions of
the Free Economic
Society of Russia**

С.Д. БОДРУНОВ
Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
S.D. BODRUNOV
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Редакционный
совет
Научных трудов
ВЭО России**
**Editorial Council
of Transactions of
the Free Economic
Society of Russia**

Р.М. ГЕОРГИЕВ
Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)
R.M. GUEORGUIEV
Vice President of the International Union of Economists, Deputy Dean of the Faculty of Economics and Business Administration at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ
Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
S.Yu. GLAZIEV
Vice President of the VEO of Russia, adviser to the President of the Russian Federation, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

R.S. GRINBERG

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

В.И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (Москва, Россия)

V.I. GRISHIN

Vice President of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

В.М. ДАВЫДОВ

Член Правления ВЭО России, член Координационного совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира, заместитель Председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

V.M. DAVYDOV

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

A.A. DYNKIN

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

В.В. ИВАНТЕР

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Координационного совета Международного Союза экономистов, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

V.V. IVANTER

Full member of the Senate at the VEO of Russia, Academic Adviser at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Deputy Secretary-Academician, Head of Economic Section at the Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Член Международного комитета ВЭО России, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

P.S. LEMESHCHENKO

Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

А.В. ПЕТРИКОВ

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

A.V. PETRIKOV

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Б.Н. ПОРФИРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

A.N. PORFIRIYEV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

З.А. САМЕДЗАДЕ

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Союза экономистов Азербайджана, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, промышленности и предпринимательству, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

Z.A. SAMEDZADE

Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Я.П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Ya.P. SILIN

Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при

Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

[D.Ye. SOROKIN](#)

[Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor \(Moscow, Russia\)](#)

М.А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

[M.A. ESKINDAROV](#)

[Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor \(Moscow, Russia\)](#)

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

[Yu.V. YAKUTIN](#)

[Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the “Ekonomicheskaya Gazeta” Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor \(Moscow, Russia\)](#)

Джеймс ГЭЛБРЕЙТ

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США)

[James GALBRAITH](#)

[Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas \(USA\)](#)

Питер НОЛАН

Член Международного комитета ВЭО России, профессор, директор Центра о развитии Кембриджского университета (Великобритания)

[Peter NOLAN](#)

[Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University \(United Kingdom\)](#)

**Редакционная
коллегия
Научных трудов
ВЭО России
Editorial Board
of Transactions
of the Free
Economic Society
of Russia**

А.В. АЛЕКСЕЕВ

Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)

A.V. ALEXEYEV

Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

А.В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

A.V. BOBINA

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Technical (Moscow, Russia)

И.Е. БАРСУКОВ

Член Правления ВЭО России, декан факультета управления ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), ученый секретарь экспертного Совета ВЭО России по программе «Независимая оценка качества экономического образования», к.э.н. (г. Москва, Россия)

I.Ye. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Dean of the Management Faculty at the Academy of Public Administration, Academic Secretary of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

А.О. ВЕРЕНИКИН

Член Правления ВЭО России, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

A.O. VERENIKIN

Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Р.С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы

по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

[R. S. GOLOV](#)

[Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute \(National Research University\), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Editor-in-Chief of Economics and Management in Machine-Building journal, Doctor of Economics, Professor \(Moscow, Russia\)](#)

Р.С. ДЗАРАСОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

[R.S. DZARASOV](#)

[Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics \(Moscow, Russia\)](#)

А.А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития им С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

[A.A. ZOLOTAREV](#)

[Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg and Leningrad Region interregional organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Executive Vice President of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of Saint Petersburg, Candidate of Economics \(Saint Petersburg, Russia\)](#)

А.Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, председатель экспертного Совета ВЭО России по программе независимая оценка качества экономического

образования, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

[A.Yu. MANYUSHIS](#)

[Member of the Board of the VEO of Russia, Rector at the International University in Moscow, Chairman of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor \(Moscow, Russia\)](#)

М.А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

[M.A. RATNIKOVA](#)

[Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management \(Moscow, Russia\)](#)

Требования к научным статьям для публикации в Научных трудах Вольного экономического общества России

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением .doc или .docx.

1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца – 1,25.

1.3. Параметры страницы:

– верхнее и нижнее поля – 20 мм;

– боковые поля: левое поле – 30 мм, правое поле – 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

2. Структура статьи:

■ название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;

■ название статьи в переводе на английский язык;

■ автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;

■ информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О. (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

■ краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты

и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

■ развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написанной грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

■ на русском языке (до 10);

■ на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

■ таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

■ иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации – BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках], и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов).

■ полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте). Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора.

6. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России и Международного Союза экономистов.

7. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные Труды ВЭО России на ближайшее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в ВЭО России, по адресу: 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 22а).

По вопросам публикации статей следует обращаться в ВЭО России по телефону:
+7 (495) 609-07-60, e-mail: info@veorus.ru

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ 2019

Том двести восемнадцатый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России
Москва, 2019

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом
России – 125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Над выпуском работала: А.В. Бобина

Подписано в печать 20 августа 2019.
Заказ № _____. Тираж 2000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность – ИД № 01775 от 11.05.2000.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПР999

© Вольное экономическое общество России, 2019

ISBN 978-5-94160-204-9
ISSN 2072-2060

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA 2019

Volume two hundred eighteen

Information and Analysis Publication for Members
of the Free Economic Society of Russia
Moscow, 2019

Published by the Free Economic Society of Russia –
22A Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Publication Editor: A.V. Bobina

Signed for printing on August 20, 2019
Order No. _____. Run of 2,000 copies.

Mass-Media Registration Certificate – PI No.77-3786 20.06.2000.
Publishing License – ID No.01775 11.05.2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

© The Free Economic Society of Russia, 2019

ISBN 978-5-94160-204-9
ISSN 2072-2060

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Генеральный
информационный
партнер

ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО РОССИИ

Официальный
информационный
партнер

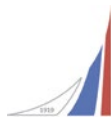
Российская Газета

Партнеры Форума:

ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(ИНИР) ИМЕНИ С.Ю. ВИТТЕ

ФИНАНСОВЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Московский
государственный
университет
имени М.В. Ломоносова

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
Научно-исследовательский
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РАН

ИНП РАН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Информационный центр
ООН в Москве

ЭКОНОМИКА
и ЖИЗНЬ

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательский дом
«Экономическая газета»

ОБЩЕСТВЕННОЕ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ
РОССИИ

ЦАРЬГРАД · ТВ

ЛИТТЕРА СКРИПТА МАНЕТ
ПОИСК
СВОБОДНАЯ ЧАСТЬ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА

